Александр

БЕЛЯЕВ

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Александр

БЕЛЯЕВ

Александр

БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

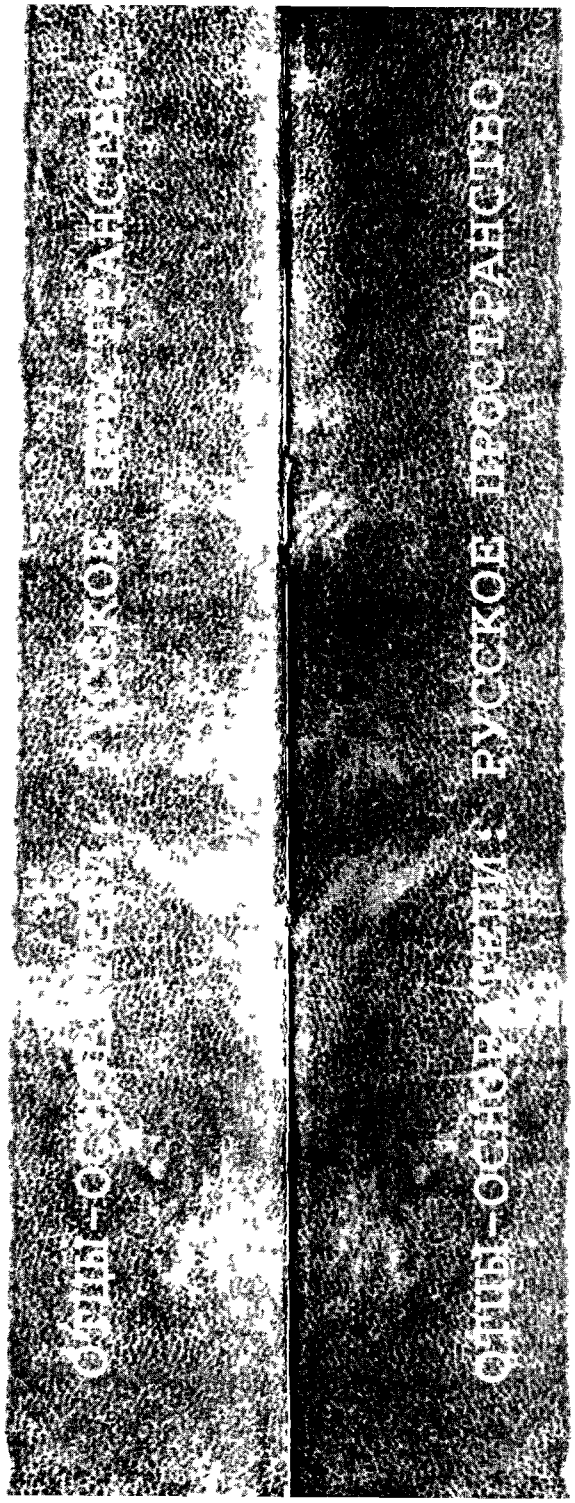
ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

ПРЫЖОК В НИЧТО

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

АРИЭЛЬ

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Александр

БЕЛЯЕВ

Борьба в эфире

Вечный хлеб

Человек, потерявший лицо

Продавец воздуха

Золотая гора

Подводные земледельцы

ЭКСМО
Москва
2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 44

Составители *Евгений Харитонов* и *Дмитрий Байкалов*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Данное собрание печатается с одобрения
Светланы Александровны Беляевой

Беляев А.Р.

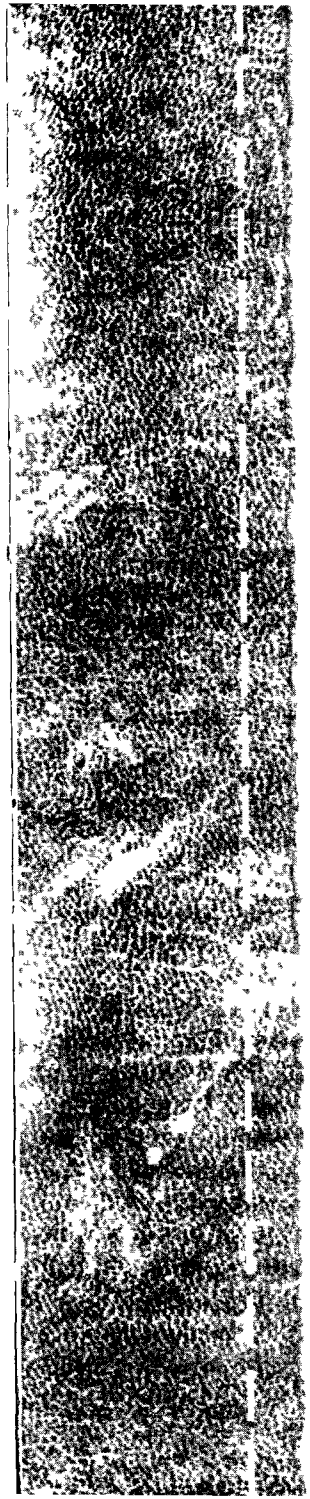
Б 44 Продавец воздуха : фантастические романы / А. Р. Беляев. — М. . Эксмо, 2009 — 608 с — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-38296-5

Во второй том собрания сочинений выдающегося писателя-фантаста А Р Беляева вошли романы и повести, вышедшие в переломный момент советской истории — 1928—1930 гг Наряду со ставшими классикой отечественной приключенческой научной фантастики романами «Вечный хлеб», «Золотая гора», «Продавец воздуха», «Человек, потерявший лицо» и «Подводные земледельцы», в этот том включен также роман-буфф «Борьба в эфире», повествующий о войне Советскои Европы и США, на долгие годы запрещенный отечественнои цензурой и не переиздававшийся более *шестидесяти лет*

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-38296-5 **© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009**

Борьба в эфире

Глава 1

В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Я сидел на садовом, окрашенном в зеленый цвет плетеном кресле у края широкой аллеи из каштанов и цветущих лип. Их сладкий аромат наполнял воздух. Заходящие лучи солнца золотили песок широкой аллеи и верхушки деревьев.

Как я попал сюда, в этот незнакомый сад? Я напрягал память, но она отказывалась служить мне. Только вчера, а может быть, и всего несколько часов тому назад была зима, канун Нового года. Я возвращался со службы домой, из Китай-города в Москве к себе на квартиру. Обычная трамвайная давка. Сердитые пассажиры. Все такое привычное. Пришел домой и уселся у письменного стола в ожидании обеда. На столе стоял передвижной календарь и показывал 31 декабря.

«С Новым годом! Не забудьте купить календарь на 19... год» — было напечатано на этом листке.

«А ведь я действительно забыл купить», — подумал я, глядя на календарь.

Все это я помню хорошо. Но дальше... Что было дальше? Я, кажется, надел по привычке наушники моего самодельного радиоприемника «по системе инженера Шапошникова», чтобы успеть до обеда послушать несколько радиотелеграмм ТАСС, — москвичи приучились «уплотнять время». Помнится, тягучий голос передавал телеграмму о войне в Китае. Но дальше в моей памяти был какой-то провал. Она отказывалась служить мне. Не мог же я проспать до лета?! Что все это значит? Загадка! В конце концов мне ничего не оставалось больше, как примириться с происшедшей переменой.

«Если это сон, то интересный, — подумал я. — Будем смотреть».

Но это не могло быть сном. Слишком все было реально, хотя и необычайно странно и незнакомо.

По широкой аллее, уходящей лентой в обе стороны, ходили в разных направлениях люди. Почти все они были молоды. Стариков, бредущих дряхлой походкой, я не видел. Все были одеты в костюмы, напоминавшие греческие туники: широкая, опоясанная рубашка, доходившая до колен, открытые руки и грудь. Этот костюм был прост и однообразен по покрою, но в каждом было нечто особенное, очевидно отражавшее вкус носителя. Костюмы отличались один от другого цветом. Преобладали нежные цвета — сиреневые, бледно-палевые и голубые. Но были туники и более яркой окраски, с узорами и затейливыми накладками. Ноги жителей неизвестной страны были обуты в легкие сандалии. Головы с остриженными волосами — непокрыты. Все они были пропорционально сложены, смуглы от загара, здоровы и жизнерадостны. Среди них не было ни толстых, ни худых, ни чрезмерно физически развитых. И, правду сказать, я не всегда мог разобрать, кто из них юноша, а кто девушка.

Особенно поразила меня одна их странность: одинокие люди шли, о чем-то разговаривая, хотя вблизи никого не было, смеялись, отвечали на вопросы кого-то невидимого. Каждый держал около своего рта левую руку, как будто желая прикрыть его.

«Может быть, они сумасшедшие? И этот парк находится при лечебнице?» — подумал я. Но тогда здесь должны быть сиделки, врачи, сторожа, которые присматривали бы за больными. Однако белых халатов не было видно. Некоторые проходили довольно близко около меня, и тогда я слышал обрывки их одиноких разговоров. Но они говорили на каком-то незнакомом языке. Где же, в конце концов, я нахожусь? И отчего они все смотрят на меня с таким удивлением? Я, кажется, вполне прилично одет в костюм от «Москвошвея»...

Рядом со мной было свободное кресло. Я хотел и одновременно боялся, что кто-нибудь подсядет ко мне, старался не привлекать к себе взглядов этих людей. Сидел с независимым видом и слушал мелодичную музыку, которая доносилась из стоявшей неподалеку от меня статуи Аполлона.

Не знаю, долго ли я просидел бы еще в таком одиночестве, если бы не случай, который привел меня к более близкому соприкосновению с этим новым миром. Совершенно пустячный случай: мне захотелось курить. Я вынул коробку папирос «Люкс» и закурил. Это невинное занятие произвело совершенно неожиданный для меня эффект.

Несмотря на то что все эти юноши (или девушки) были, по-видимому, очень сдержанными, они вдруг целой толпой окружили меня, глядя на выходящий из моего рта дым с таким изумлением, как если бы я начал вдруг дышать пламенем. Они о чем-то начали горячо говорить между собою на своем языке. Я невольно смутился, но постарался сохранить непринужденный вид и даже заложил ногу на ногу.

Наконец один из них отделился от толпы, приблизился ко мне и спросил:

— Kiu vi (Киу ви)?

«Ви» — очень похоже на «вы». О чем они могут спрашивать? Конечно же, о том, кто я. Не эсперанто ли это? Как досадно, что я не изучал эсперанто.

— Я русский, из Москвы.

Спрашивавший обернулся к толпе, и они опять о чем-то заговорили. Поняли ли они меня? Поговорив, они вдруг замолчали, и тот, который говорил со мной, приложил руку ко рту. В руке его я заметил небольшой круглый черный предмет. Молодой человек держал этот предмет у рта, когда говорил. Вот оно что! Телефон! Телефон без проводов. Очевидно, радио. Во всяком случае, я попал к культурным людям. О таких успехах радио мы еще не мечтали в Москве. Но что это за страна, что за народ?

Однако у меня не было времени рассуждать. Окружавшая толпа насторожилась в ожидании чего-то. Некоторые нетерпеливо посматривали на небо.

«Не ждут ли они милиционера?» — подумал я, ища глазами урну для окурков. Я не нашел ее и бросил окурок на

дорожку. Несколько человек осторожно придвинулись, нагнулись и с любопытством стали рассматривать окурок.

Толпа вдруг заволновалась. Все головы поднялись вверх. Я посмотрел в ту же сторону и увидел летящую в небе точку. Точка выросла в комара, в муху, — кто-то летел сюда, какое-то странное насекомое с небольшими, трепещущими крылышками. К моему изумлению, насекомое оказалось человеком. Он быстро опустился, плавно и бесшумно, рядом с моим креслом. Крылья сложились за его спиной, как у бабочки. Прилетевший был в такой же тунике, но синего цвета и из более плотной материи. На голове у человека совершенно не было волос, лицо же его ничем не отличалось от других, только несколько морщинок у его темных, умных глаз говорили о том, что он уже не молод.

— Ви русский? — спросил он меня.

«Переводчик», — подумал я.

— Да, я русский.

Я назвал свою фамилию и протянул ему руку. Этот жест, по-видимому, напугал стоявших вблизи меня, и они подались назад.

«Переводчик» удивленно посмотрел на мою протянутую руку, о чем-то подумал, улыбнулся, кивнул головой и с некоторым внутренним усилием, как будто боясь замарать свою руку, протянул ее. Эти странные люди, очевидно, не знали о том, что такое рукопожатие. Переводчик не пожал мою руку, как это обычно делается, а лишь поднес свою руку и приложил к моей ладони. Окружающие молча наблюдали эту церемонию.

— Здравствуйте, — сказал он, точно, как иностранец, выговаривая каждую букву. — Я историк. Меня зовут Эль. Мы хотим знать, кто вы, откуда вы, как и с какой целью вы прилетели сюда?

Гм... «Цель прилета». Вероятно, они не знают иного способа сообщения, кроме воздушного. Однако что я могу ответить ему?

— Откуда — я уже сказал вам. Ничего большего вам сообщить не могу, потому что и сам не знаю, как попал сюда. И мне очень хотелось бы поскорее вернуться в Москву.

— Вернуться в Москву? — Эль обернулся к толпе и, очевидно, перевел слушателям мой ответ. Послышались восклицания удивления и смех.

Я начал сердиться.

— Право, в этом нет ничего смешного, — сказал я Элю. — И я, со своей стороны, просил бы вас ответить мне, кто вы и где я нахожусь. Как называется этот город, в каком государстве он находится?

— Не сердитесь, прошу вас, — ответил Эль. — Я вам объясню потом, почему ваш ответ вызвал смех. Отвечу по порядку на ваши вопросы. Мы — граждане... — он несколько запнулся, — чтобы быть вам понятным, я скажу, что мы граждане Союза Советских Социалистических Республик.

— Эс-эс-эс-эр? — воскликнул я.

— Почти так, — улыбаясь, ответил Эль. — Город этот — если теперь вообще можно говорить о городах — называется Радиополис — Город радио.

— А Москва далеко?

— В трех минутах лета.

— Летим скорее туда, я хочу...

— Не так скоро. Вы еще посмотрите на вашу Москву. А пока нам нужно еще о многом переговорить с вами и многое выяснить. Надеюсь, что к утру все объяснится.

— Арест? — спросил я.

Эль в задумчивости поднял глаза вверх, с видом человека, желающего что-то припомнить, потом вынул из кармана маленькую книжку, перелистал ее («Словарь», — подумал я) и ответил с улыбкой:

— Нет, не арест. Но простая мера предосторожности. Исключительный случай. Я объясню вам. Я прилечу ровно в полночь, то есть в десять часов.

— Значит, раньше?

— Это и будет ровно в полночь. У нас десятичный счет времени. А вас пока проводит Эа. — И Эль что-то сказал Эа.

Эа, юноша, который первым заговорил со мной, подошел ко мне и, приветливо кивнув головой, жестами предложил мне идти за собой. Протестовать, возражать? Что мог я

сделать, один против всех? Я пошел, едва поспевая за своим легконогим «конвоиром», как мысленно назвал я его, в боковую аллею. Встречные бросали на меня взгляды, в которых светилось удивление и любопытство. Очевидно, их поражал мой костюм. Скоро мы вышли на небольшую площадку среди дубовой рощи. В центре площадки стояло несколько маленьких авиеток неизвестной мне конструкции, с двумя пропеллерами: впереди и сверху, но без крыльев и без мотора.

Мой спутник указал на место для меня и уселся сам у управления. Я последовал за ним. Эа нажал кнопку. Верхний пропеллер почти бесшумно завертелся, и мы быстро начали отвесно подниматься. Полет наш продолжался не больше пяти минут, но, вероятно, мы достигли большой вышины, так как даже в своем суконном костюме я почувствовал холод.

Вдруг сбоку от нас показалась огромная круглая площадка, неподвижно висящая в воздухе. Мы поднялись еще выше и опустились на эту площадку. Посреди нее стояло круглое железное здание с куполообразной крышей.

Глава 2

ВОЗДУШНАЯ ТЮРЬМА

«Воздушная тюрьма, — подумал я. — Отсюда не убежишь. Странные эти люди: не знают слова «арест», а строят такие тюрьмы, которым позавидовали бы строители Бастилии!»

Мой молодой спутник ушел, оставив меня одного. Я подошел к краю площадки, обнесенной железной оградой, посмотрел вниз и невольно залюбовался.

Здесь, наверху, еще ярко светило солнце, а внизу уже легли синие тени. Вся видимая площадка до горизонта напоминала шахматную доску, с черными клетками лесов и более светлыми — полей. Какие-то реки или каналы прямой, голубовато-серебристой лентой прорезали эту шахматную доску в нескольких местах. Домов не было видно в синеве сумерек. Повернувшись вправо, я увидел нечто, заставив-

шее меня вскрикнуть. В лучах заходящего солнца сверкали золотом главы кремлевских церквей, Иван Великий, соборы. Нет никакого сомнения, это Московский Кремль. И все же это был не тот Московский Кремль, который знал я... Нельзя было узнать и Москвы-реки. Ее, очевидно, выпрямили. Яузы совсем не было видно. Я напрягал зрение, пытаясь рассмотреть Москву с этой высоты. Но Эа легко коснулся моего плеча и жестом предложил следовать за ним. Я повиновался и, вздохнув, переступил порог моей тюрьмы.

Странная, необычная тюрьма! Огромный круглый зал был залит светом. Все стены уставлены шкафами с книгами. Перед полками стоят столы с неизвестными мне инструментами, похожими на сломанные фотографические аппараты и микроскопы. А всю середину комнаты занимал огромный телескоп. Или у них особая система содержания преступников, или... или у них совсем нет тюрем, и меня поместили в обсерваторию, как наиболее надежное, трудное для побега место. Так оно и оказалось.

Ко мне подошел пожилой, но бодрый и жизнерадостный человек, с несколько монгольским типом лица, такой же безволосый, как Эль. Он радушно поднял руку в знак приветствия, с любопытством изучая меня. Я постарался скопировать его приветственный жест. Рядом с ним стояла, по-видимому, девушка в голубой тунике. Она также поздоровалась со мной. Затем пожилой человек указал мне на дверь в соседнюю комнату, куда я и прошел в сопровождении Эа. Эта комната была тоже круглая, но поменьше. Здесь не было инструментов. Комната была обставлена простой, но удобной мебелью и служила, очевидно, гостиной или столовой. У стены стоял небольшой белый экран из какого-то металла, в квадратный метр величиной, и около него черный лакированный ящик. Эа предложил мне сесть. На этот раз я охотно выполнил его предложение. Я чувствовал себя несколько усталым. Этого мало. Мне хотелось есть. Но как мне объяснить это?

Я просительно посмотрел на Эа, поднес руку к открытому рту и сделал вид, что жую. Эа подошел ко мне и внима-

тельно посмотрел в рот. Он не понял меня, очевидно, подумал, что у меня что-нибудь болит. Я отрицательно замотал головой и начал выразительно жевать и глотать. Удивительно непонятливый народ! Я изощрял все свои мимические способности. Эа с напряженным вниманием наблюдал за мною. Наконец он, по-видимому, понял меня и, кивнув головой, вышел из комнаты. Я вздохнул с облегчением. Но мне скоро пришлось разочароваться. Эа принес на золотом блюдечке облатку какого-то лекарства и маленькую рюмочку воды, чтобы запить это снадобье. Я сделал довольно энергичный жест рукой, выражавший мою досаду, и резко отстранил его тарелочку. Эа не обиделся, а скорее опечалился. Потом он вдруг поднес ко рту свою руку с прикрепленным к ладони телефоном и что-то сказал. Свет мгновенно погас.

«Рассердился», — подумал я.

Вдруг экран загорелся белым светом; на нем я увидел угол комнаты и сидящего в кресле Эля. Изображение было так живо, что мне показалось, будто я вижу историка сквозь открывшееся окно в соседней комнате. Эль поднялся, подошел к самому экрану и, с улыбкой глядя на меня, спросил:

— Что у вас случилось? Вы голодны? Почему вы отказались от таблетки? Ее нужно проглотить, и ваш голод будет утолен. Мы не жуем, только глотаем. Вот почему Эа и не поняла вашей мимики.

— Но я не привык к такой пище, — смущенно ответил я, удивляясь, почему Эль сказал про юношу: «Эа не поняла».

— Завтра мы приготовим вам что-нибудь получше, по вашему московскому вкусу, — опять улыбнулся Эль, — а сегодня уж поужинайте таблеткой. Я буду в десять, — напомнил он.

Экран погас, свет в комнате вспыхнул.

Я, улыбаясь, кивнул головой Эа, взял таблетку, проглотил и запил водой. Таблетка была ароматичной и оставила приятный привкус во рту. Не прошло и минуты, как я почувствовал сытость и жестом поблагодарил Эа. Он улыбнулся с довольной улыбкой. Он или она? Этот вопрос интересовал меня. Все эти новые «москвичи» так мало отличаются

друг от друга и по сложению, и по костюму, что трудно различить пол. Как бы мне спросить Эа? Если они говорят на эсперанто, то... надо вспомнить. В эсперанто много латинских корней. Мужчина, муж по-латыни vir (вир). Попробуем.

— Ви виро? (Вы мужчина?)

Эа рассмеялась, отрицательно качнула головой и шаловливо выбежала из комнаты. Кто бы мог подумать! Совсем мальчишка!

Поужинав таблеткой, я вышел на площадку. Было прохладно. По темно-синему небу разливались шесть перекрещивающихся огромных светлых полос, которые скрывались за горизонтом. Точно легкая золотая куполообразная арка покрывала землю. Это было изумительно красивое зрелище. Только гигантские сверхмощные прожекторы могли создать эти огненные реки. Когда глаз несколько привык к свету, я увидел, что по золотым рекам плывут золотые корабли — длинные, сигарообразные воздушные суда, снующие, как челноки, с изумительной быстротой.

Налюбовавшись этим зрелищем, я обратил внимание на какой-то предмет, напоминавший большой шелковый мешок. Этот мешок был укреплен на довольно высоком шесте, и от него спускалась на площадку веревка. Несколько таких мешков висело и в других местах у края площадки. Из любопытства я дернул за веревку. Вдруг, прежде чем я успел выпустить ее из рук, меня потянуло вверх. Мешок поднялся, с шумом раскрылся в огромный парашют и метнулся за борт воздушной площадки. Я похолодел от ужаса. К счастью, я заметил рядом нечто вроде трапеции. Я уселся на нее и полетел в бездну.

Глава 3

САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ

Это была самая короткая ночь в моей жизни — так быстро пролетела она, наполненная самыми необычайными впечатлениями.

Неожиданно сорвавшись на парашюте с площадки воз-

душной обсерватории, я скоро привык к своему положению летчика поневоле и с интересом смотрел вниз.

По мере того как я опускался, быстро теплело. Легкий ветер относил меня в сторону, по направлению к Кремлю. Недалеко от него я увидел рощу кипарисов, среди которой стоял прекрасный мраморный фонтан, освещенный взошедшей луной. Эти кипарисы, росшие на открытом воздухе, рядом с кремлевскими стенами, поразили меня. Но я тотчас забыл о них, привлеченный новым зрелищем. Парашют перенес меня через Кремлевскую стену, со стороны Боровицких ворот, и я опустился... на площади, покрытой снегом. Не веря своим глазам, я взял снег рукою. Это был настоящий холодный снег, но он не таял от окружавшего теплого воздуха, ни даже от моей горячей руки. Что за невероятные вещи творятся здесь?

Я посмотрел вокруг. Стояла необычайная тишина. Луна золотила купола церквей и зажигала синие искры бриллиантов на запорошенных снегом крышах древних теремов. В одном из них, в маленьком окошечке, со слюдой вместо стекол, светился желтоватый огонек. Но на улицах никого не было видно. У Красного крыльца стояли два бородатых стремянных в теплых кафтанах, отороченных мехом, и в меховых остроконечных шапках. Опираясь на бердыши, они дремали. Стараясь не разбудить их, чтобы вторично не подвергнуться аресту, я осторожно обошел их по скрипевшему снегу и побрел к центру Кремля, пытаясь разрешить загадку: в каком же веке я живу? Мои размышления были неожиданно прерваны Элем, который буквально свалился с неба — так быстро он опустился на своих крылышках.

— Вы наделали мне очень много хлопот, — сказал он, с укоризной глядя на меня. — Вы хотели бежать?

Я смутился и стал уверять, что все вышло случайно, из-за моего неосторожного любопытства.

Вслед за Элем спустилась на двухместной авиетке Эа.

— Ну хорошо, — поспешно ответил Эль. — Садитесь скорее, летим. По крайней мере, вы побывали в нашем музее.

— Так это был музей!

Я не успел прийти в себя, как уже вновь был водворен в небольшую круглую комнату моей воздушной тюрьмы.

Эль, Эа и я уселись в плетеные кресла у круглого стола. Эль хмурился и как будто ожидал чего-то. Послышался очень мелодичный музыкальный аккорд — словно искусные легкие пальцы пробежали по струнам арфы. Аккорд прозвучал и замер.

— Десять часов. Полночь. Это пробили радиочасы, — сказал Эль, обращаясь ко мне. Приложив руку ко рту, он задал кому-то вопрос на своем лаконичном языке. Потом кивнул головою — очевидно, на полученный ответ.

«Как же он слышит?» — подумал я, глядя на Эля.

Я заметил в его ухе, несколько ниже слухового отверстия, небольшой черный предмет, величиной с горошину. Это и был, вероятно, слуховой аппарат.

Необычное молчание и озабоченность моих спутников привели меня в нервное состояние. Я вынул коробку папирос и закурил. Эль покосился на дым и отвернулся. Эа сидела ближе ко мне. Вдруг она сильно закашляла, побледнела и откинулась на спинку кресла. Потом быстро встала и, шатаясь, вышла из комнаты.

— Перестаньте курить, — сказал Эль и, подойдя к стене, повернул какой-то рычажок. Воздух моментально освежился. Я погасил папироску и бережно уложил ее в коробку.

Дверь открылась. Вошла Ли, ассистент астронома Туна. Она подала Элю портрет и, что-то сказав, вышла. Эль кивнул головой и начал глядеть попеременно на принесенный портрет и на меня.

«Сличает, — подумал я. — Из уголовного розыска, наверно, прислали. Не хватало только, чтобы я оказался похожим на какого-нибудь преступника!»

Но слова Эля успокоили меня.

— Да ничего похожего, — сказал он, передавая мне карточку. — Только что получена по радио из Америки.

Меня поразила художественность выполнения. Лучший фотограф Москвы позавидовал бы такой работе. Но сам портрет заставил меня улыбнуться. На нем был изображен

человек, костюм которого напоминал вязаную детскую «комбинацию» из шерсти. Сходство дополнял вязанный из такой же материи колпачок. Шея неизвестного была завернута шарфом до самого подбородка. Довольно большая голова без бороды и усов и даже бровей напоминала голову ребенка со старческим выражением лица. Только в несколько прищуренных глазах светился недетский ум и хищность зверька.

— Что все это значит? — спросил я у Эля, окончив осмотр портрета.

— Так выглядят американцы, — сказал Эль и взял портрет. — А дело вот в чем. Мы получили сведения, что к нам послан шпион. В этот самый момент появились вы...

— И вы решили?..

Эль пожал плечами:

— Вполне понятная предосторожность. Наступают тревожные времена. Вероятно, вновь придется создать Совет. Вам знакомо это слово?

— Разумеется. А у вас его нет?

— Уже много лет в нем не было надобности.

— А теперь?

— А теперь он вновь стал нужен. По-видимому, вы действительно человек из далекого прошлого. Со временем мы разъясним эту загадку. А пока я могу дать вам некоторые пояснения.

— Признаюсь, я многого не понимаю и очень хочу услышать ваши пояснения, но нельзя ли отложить их до завтра? Я смертельно устал, и... сон одолевает меня...

Я зевнул во весь рот. Эль с любопытством взглянул на меня.

— Неужели у вас всегда так страшно раскрывали рот, когда хотелось спать? Это называлось, кажется, зе... зе...

— Зевать.

— Да-да, зевать. Я читал об этом.

Эль вынул из кармана изящную коробочку из лилового металла, раскрыл ее и протянул мне.

— Проглотите одну из этих пилюль, и ваш сон и усталость исчезнут.

Заметив мое колебание, он поспешно сказал:

— Не бойтесь, это не наркотик, который искусственно стимулирует нервную деятельность, вроде ваших ужасных папирос. Это пилюли, нейтрализующие продукты усталости. Они безвредны и производят то же действие, что и нормальный сон.

Я проглотил пилюлю и вдруг почувствовал себя свежим, как после хорошего, крепкого сна.

— Ну вот видите. Зачем терять непроизводительно треть жизни на сон, если это время можно провести более продуктивно! Теперь вы расположены слушать меня?

— Горю нетерпением...

— Так слушайте же.

И, усевшись поудобнее в кресле, Эль начал свой рассказ.

Много лет тому назад революционные потрясения прокатились по всей Европе и Азии. Я не буду перечислять вам этапы этой ужасной, но вместе с тем и великой эпохи. Американские капиталисты послали свой флот на помощь европейским «братьям» по классу, но флот был разбит объединенными английскими, немецкими, французскими и русскими морскими силами. Тогда испуганные американцы поспешили убраться восвояси, предоставив события в Европе собственному течению, но не теряя жажды нажиться на гибели экономической мощи своих заатлантических соседей. Однако эти надежды не оправдались — революция победила. В самой Америке начались волнения рабочих. Американские рабочие просили помочь. И мы, конечно, не отказали им в этой помощи...

Эль печально опустил голову и замолчал. Я с нетерпением ожидал продолжения рассказа.

— Но эта помощь не принесла пользы. Американская техника в это время вполне овладела новым ужаснейшим орудием истребления — лучами смерти. Отправленный нами объединенный флот так и не увидел врага: он был истреблен в открытом море невидимым противником. Никто не вернулся из этой экспедиции, кроме одной подводной лодки, которая случайно избегла действия лучей, может быть, по-

тому, что плыла слишком глубоко. Матросы этой лодки рассказывали ужасные подробности. Из своих окон, которыми снабжены наши подлодки, осветив прожекторами мрак глубин океана, моряки видели падающий дождь из обломков кораблей, целые тучи рыб без головы или с наполовину сожженным туловищем, случайно уцелевшие куски человеческих тел. Все обитатели моря, попавшие в смертоносную зону, испепелялись. Вода в океане кипела, и, вероятно, на поверхности она превращалась в пар. Даже на той глубине, на которой находилась подводная лодка, вода нагрелась так, что моряки едва не погибли. Действие дьявольских лучей, очевидно, не только тепловое. Они разрушают ткани живого организма ультракороткими электроколебаниями.

— Это имеет связь с радиоволнами?

— Увы, это все то же радио, но примененное для целей разрушения.

— И чем же все это кончилось?

— Это было только начало. Мы попытались применить воздушный флот. В то время и у нас техника уже была высоко развита. У нас имелись воздушные суда, действовавшие по принципу полета ракет. Эти суда могли подниматься выше слоя воздушной атмосферы, то есть больше двух тысяч метров. Мы надеялись напасть на врага врасплох «с неба». Но враг был хорошо подготовлен. Очевидно, по всем границам Америки от земли вверх были направлены те же невидимые, но смертоносные лучи. Едва наши воздушные суда, сделанные из особого металла, вошли в эту завесу, как были превращены даже не в пепел, а в пар...

А десять часов спустя страшное бедствие пронеслось по всем странам Европы и Азии. Через сороковой меридиан северной широты — по Испании, Италии, Балканам, Малой Азии, Туркестану, Китаю и острову Ниппон в Японии без единого звука пронесся смертоносный луч, испепеливший на своем пути в полосе ста километров шириной все здания, людей, животных, нивы, хлопковые поля, сады.

— Да вот, посмотрите, — сказал Эль.

Он подошел к распределительной доске и нажал несколько кнопок с цифрами, потом повернул рычаг. Свет погас, и экран ожил. Я ожидал увидеть кинофильм, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Это были не «документальные картинки» — это была сама жизнь. Иллюзия была полная.

Вот улица какого-то города...

— Испания, — тихо сказал Эль.

...Все дома вдоль улицы наискось были как будто срезаны каким-то невидимым ножом, открывшим внутренние комнаты. Там, где прошел ужасный луч, остались лишь груды развалин, кучи пепла и мусора. Кое-где валялись части человеческих тел. Все, попавшее в зону действия луча, испепелялось. Местами догорали пожары. Я слышал треск пламени, грохот падения стен. Уцелевшие обезумевшие люди бродили среди этих развалин, тщетно пытаясь разыскать своих родных. Они рыдали, кричали, посылали кому-то проклятия... Вот пробежала с растрепанными волосами и безумными глазами женщина.

— Аугусто, Аугусто! — кричала она. И вдруг, повернувшись прямо ко мне лицом, истерически захохотала...

Я слышал ее смех, страшные вопли людей. Зрелище было потрясающим. Невольно я отвернулся.

— Снято несколько часов спустя после катастрофы, — взволнованно проговорил Эль.

Он повернул рычаги, и на экране появилась новая картина.

— Все, что осталось от итальянского городка Маратео залива Поликастра, — сказал Эль.

Несколько пальм и груды развалин, двое смуглых, кудрявых детей и старуха в лохмотьях. У одного ребенка были отожжены ноги по колена. Он лежал без сознания. Мальчик постарше смотрел на него с молчаливым ужасом, а старуха, склонившись над ребенком, раскачивала седой взлохмаченной головой и выла протяжно, надрывно, как воют собаки... Рядом, с оскаленными зубами и большими остекленевшими глазами, лежала ослиная голова — одна голова... Листья пальм шумели, шуршали камни под набегающими волна-

ми, как унылый аккомпанемент к однообразному, хватающему за душу, вою старухи... Это было слишком...

— Я не могу больше, — тихо сказал я, — довольно!

Эль вздохнул, повернул рычаг. Экран погас, и в комнате загорелся свет.

Подавленные только что увиденным, мы сидели молча.

— Я видел не раз эти картины, — сказал наконец Эль, — но и до сих пор я не могу их смотреть без глубокого волнения...

— Да, это ужасно, — ответил я.

— Когда наша молодежь видит эти картины, она зажигается такой ненавистью и такой жаждой борьбы, что ее трудно удержать от опрометчивых поступков и бесцельных жертв. Мы нечасто показываем эти картины.

— Скажите мне, это кино? — спросил я, когда волнение немного улеглось.

— Комбинация звучащего кино и передачи движущихся изображений и звуков по радио. У нас есть центральный киноархив, действующий автоматически. Я ставлю на этой доске номер, нужный мне кинофильм автоматически подается в киноаппарат, он начинает работать на экране, установленном в киноархиве. При помощи радио изображение и звуки передаются в любое место.

— Поразительно! И что же было дальше?

— Что могло быть после всего, что вы сами видели? Дальнейшее упорство с нашей стороны могло погубить всю Европу и Азию. Мы вынуждены были прекратить борьбу, пока не создадим равного оружия. И наши инженеры немало поработали над изобретением такого оружия. В этом отношении мы многим обязаны Ли. Это гениальный юноша.

— Ли? Ассистент астронома Туна? В голубой тунике? Разве он не девушка?

Эль улыбнулся.

— Нет. Это юноша, вернее, молодой человек. Мы не скоро старимся. Сколько, вы думаете, может быть мне лет?

— Тридцать пять, самое большое, сорок, — сказал я.

— Восемьдесят шесть, — улыбаясь, ответил Эль, — Ли — тридцать два, а Эа — двадцать пять.

Я был поражен.

— И что же изобрел Ли?

— Он изобрел средство заграждения от дьявольских лучей. Они больше не страшны нам. Он нашел секрет и производства самих дьявольских лучей. Мы сравнялись силами.

— И теперь можно начать борьбу?

— Не совсем. Их лучи не пробивают нашей невидимой брони, а наши — их. Мы стали взаимно неуязвимы друг для друга, но и только. И все же борьба продолжается. Не так давно каким-то чудом пробрался к нам из Америки еще один беглец — негр. Он работал на береговых заграждениях, на восточном берегу Северной Америки. Произошла порча аппарата, излучавшего заградительные лучи. Воспользовавшись этим, негр бросился в океан, долго плыл, пока его не подобрала какая-то рыбацкая лодка, и наконец достиг наших берегов. Он сказал, что, несмотря на все жестокости, на неслыханное подавление рабочих, в Америке идет подпольная революционная работа. Революционеры проникли даже в береговую охрану. Нам удалось завязать с ними сношения. Мы узнали, что Америка, опасаясь нашей помощи их революционерам, замышляет истребить нас. Убедившись, что их лучи безвредны для нас, американские капиталисты решили отправить к нам шпионов, перебросив их неизвестным нам способом через наши воздушные заграждения, узнать наши военные силы и средства, а затем переправить сюда тем же путем своих агентов с истребительными лучами, чтобы уничтожить на месте «очаг революции».

— Европа и Азия — хороший «очаг»!

— Да, уничтожить бóльшую половину мира. Перед этим они не остановятся! Но мы тоже не сидим сложа руки. Ли близок к разрешению задачи — найти орудие, пробивающее все заградительные средства американцев.

— Но ведь Ли астроном?

— Астроном, инженер, художник, шахматист — все, что хотите. И во всех областях он — первоклассная величина. Дни он отдает своим инженерным занятиям, а ночами работает с Туном.

— И не устает?

— Ли — по крайней мере; наша молодежь не знает усталости. Ведь вам не хочется спать?

— Я чувствую себя прекрасно.

— Ну, вот видите. Так вот, мы получили сведения, что один из шпионов послан к нам. В это самое время появились вы. Теперь вы поймете нашу предосторожность в отношении вас?

— Разве я похож на американского шпиона? — полувозмущенно-полунедоумевающе спросил я.

Эль пожал плечами:

— Изобретательность врага беспредельна. Плохой тот шпион, при взгляде на которого каждый ребенок скажет: «Это шпион». Вы не обижайтесь. Я верю вам. Но все же некоторое время мы еще должны будем заняться вашей личностью. Положение слишком серьезно. Не беспокойтесь, вы будете пользоваться свободой.

— Оставаясь в то же время под надзором?

— Просто при вас будет чичероне, иначе вам некого будет забрасывать вопросами. Иногда я буду сопровождать вас, если вы ничего не имеете против. Кстати, сегодня я смогу побывать с вами в «стране воспоминаний».

— Охотно, — ответил я, уже не решаясь надоедать ему новыми вопросами: что это за «страна воспоминаний»?

— Вы должны изучить наш язык, вы видите, насколько я доверяю вам. Изучайте же скорее.

— С большим удовольствием, хотя, признаться, я не имею особых лингвистических способностей.

— У вас это не займет много времени. Вот, смотрите, — Эль опять включил экран. На нем начали появляться изображения предметов, и одновременно звучало их название, а над изображением появлялась надпись. На экране в продолжение минуты промелькнуло, по крайней мере, полсотни предметов-слов.

— А ну-ка повторите их.

К моему изумлению, я повторил их без всякого труда.

— Поверьте, что вы больше не забудете их. К утру вы прекрасно овладеете языком.

— Я не узнаю своей памяти! — воскликнул я.

— У нас есть маленький секрет, который помогает памяти. Вы не просто видите предметы и их словесное изображение и слышите произношение. Все эти зрительные и слуховые явления сопровождаются излучением особых радиоволн.

— Опять радио!

— Недаром же наш город называется Радиополис. Вы еще не раз услышите о радио. Так вот, эти радиоволны усиливают мозговое восприятие, глубоко запечатлевают в мозгу зрительные и слуховые впечатления — словом, ускоряют процесс запоминания. Только таким путем наше подрастающее поколение и имеет возможность вбирать в себя огромное количество современных знаний и быть глубоко просвещенным в самых различных областях.

— Но отвлеченные понятия?..

— Вы их увидите образно и усвоите их так же легко, как самые простые вещи.

Дверь открылась, и в комнату вошли Ли и Эа. Я с новым любопытством посмотрел на Ли. Инженер, астроном! Прямо невероятно. У нас в Москве так выглядят девушки из балетной студии.

На этот раз астроном выглядел озабоченным. Ли тихо шепнул Элю несколько слов.

Обратившись ко мне, Эль сказал:

— Важные новости: мы, кажется, напали на след нашего американца. Мы должны оставить вас. Займитесь пока изучением языка. Через два-три часа я зайду за вами.

И эти удивительные люди быстро удалились.

Глава 4

В СТРАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Было раннее утро, когда я вышел на площадку обсерватории. Наше воздушное жилище сияло в лучах восходящего солнца, как болид, а внизу Радиополис еще тонул в синеватой предутренней мгле.

— Доброе утро! Как вы себя чувствуете? — услышал я

около себя голос Эа. Она говорила на своем языке, но теперь я овладел им в совершенстве. Это не был эсперанто, как думал я вначале, хотя эсперанто был положен в основу нового международного языка, еще более простого и звучного.

— Благодарю вас, прекрасно, — ответил я девушке. — Эль обещал сопровождать меня сегодня.

— Вот он летит, — ответила она, глядя в раскрывшуюся под нами бездну.

Я еще ничего не видел.

— Скажите, как держится в воздухе это воздушное сооружение? — спросил я.

— Пропеллеры, помещенные под площадкой, держат его, а гироскопы придают полную горизонтальную устойчивость. Вполне капитальное сооружение. На всякий случай мы все же держим здесь несколько парашютов.

— На одном из которых я и совершил свое невольное путешествие?

— И очень счастливо для первого раза, — улыбаясь, ответила Эа.

— Но ведь чтобы приводить в движение пропеллеры, нужны сильные моторы и для них целые склады горючего?..

— У нас энергия для всех двигателей передается по радио, — ответила Эа.

— Опять радио!

Внизу послышался легкий шум и голос Эля:

— Доброе утро! Надевайте скорее крылья, летим в страну воспоминаний!

Я надел принесенные мне Эа крылья. Эль осмотрел широкие ремни, крестообразно стянутые на моей груди, и сделал указания, как управлять этим необычно простым по конструкции летательным аппаратом.

— Попробуйте подняться и опуститься на площадке, — сказал он.

Не без волнения повернул я рычажок у моего бедра. Суставчатые крылышки, как у летучей мыши, затрепетали у меня за спиной, и я почувствовал, что почва уходит из-под

ног. Инстинктивно я расставил руки и ноги, как бы готовясь упасть на четвереньки. Вид мой, вероятно, был очень смешон, я слышал заглушенный смех Эа.

— Держитесь прямей! — командовал Эль. — Правый рычаг. Поворот. Больше. Так. Отдача. Левый рычаг назад.

Я плавно опустился.

— Хорошо. Можем лететь.

Я и Эль подошли к краю площадки, вспрыгнули на ограду и... бросились вниз. Это было мое третье воздушное путешествие в Радиополисе, которое оставило во мне самое сильное впечатление. Мне приходилось когда-то летать на аэропланах. Но разве можно сравнить ту громоздкую, грохочущую машину моего времени с этими крыльями, которых почти не ощущаешь! Впервые я почувствовал себя летающим человеком, легким и свободным, как птица.

Несколько секунд полета — и мы оставили освещенное солнцем пространство, погрузившись в синие сумерки.

Эль летел рядом, несколько впереди, направляя свой полет к Кремлю.

Скоро под нами показался уже знакомый мне фонтан в кипарисовой роще.

Наши крылья так незначительно шумели, что мы могли свободно разговаривать.

— Эти кипарисы, — указал я на рощу, — выставлены на лето из оранжереи?

— Нет, они свободно растут здесь. Мы изменили климат. Чему же вы удивляетесь? Мы могли достигнуть этого разными способами, но для этого оказалось достаточно и одной лучистой энергии солнца. Вы знаете, что на пространстве в один квадратный километр эта энергия, использованная только на десять процентов, сможет произвести работу, равную семидесяти пяти тысячам миллионов лошадиных сил. Мы же получаем в одном Туркестане тысячи миллионов лошадиных сил этой энергии: вполне достаточное количество, чтобы не только «согреваться», но приводить в действие все наши машины.

Башни Кремля промелькнули под нами. Мы опустились

на тихую снежную площадь и сложили крылья. Здесь было раннее зимнее утро.

— Мы реставрировали прошлое век за веком. Вся старая Москва — ваша Москва — превращена в музей, — сказал Эль. — Перелетая из квартала в квартал, вы будете как бы перелетать из века в век. Перед вами пройдет все характерное для данного времени, от архитектуры до мелочей быта.

Эль был прав: мы действительно перелетали из века век.

— Зайдем в один из комиссариатов. Не все же вам спрашивать у меня, я тоже хочу кое о чем спросить у вас, как у современника этой эпохи, пополнить свои исторические знания, — сказал он, улыбаясь. — Вы где служили?

Я ответил...

Мы вошли в знакомое здание. Меня невольно охватило волнение. Все осталось по-прежнему. Не чудо ли? Даже мой письменный стол и на нем папки дел — все, как я оставил их вчера, если только это было вчера.

— Не будете ли вы любезны объяснить мне, чем вы занимались, в чем заключалась ваша работа?

Я был польщен. Наконец-то я смогу дать объяснения этому человеку неограниченных знаний. Я охотно раскрыл свои папки и начал объяснять, в чем заключалась моя работа. Эль слушал внимательно. Иногда мне казалось, что он хочет поправить меня, но, очевидно, я ошибался: он только не совсем понимал меня и просил пояснений.

— Достаточно, — наконец сказал он. — Я окончательно убедился, что вы, как это ни странно, человек из прошлого. Никто лучше меня не знает прошлой истории. А вы проявили — в своей области, конечно, — такие знания, что всякая мысль о мистификации исключается.

Я не сразу понял его.

— Мысль о мистификации?.. — И вдруг, поняв, я невольно покраснел от досады. — Значит, все это было только испытание?

Эль дружески взял меня за руку.

— Уверяю вас, последнее, — ответил он. — А теперь, чтобы сгладить неприятное впечатление, которое, я вижу,

оставила моя хитрость поневоле, осмотрим бегло другие отделы нашего музея. Для нас они также только страна воспоминаний, а для вас — это страна нерожденного будущего.

И вдруг, без видимой связи, он сказал:

— Да, да. Я очень рад. Только машина? Интересно посмотреть. — Вслед за тем, обращаясь ко мне, разъяснил: — Ли сообщает, что он нашел разбитую летательную машину, зарытую в песке недалеко от Красного моря.

— Но ведь оно находится за тысячи верст!

— Для нас почти не существуют расстояния, — ответил Эль. Вынув из кармана прибор, напоминавший цейссовский бинокль, он покрутил окуляры, глядя на деления с цифрами, и посмотрел, потом передал его мне.

Я увидел песчаный берег моря. Из груды песка виднелись части какого-то сломанного аппарата. Рядом стоял Ли и смотрел в такой же бинокль по направлению ко мне. Очевидно, увидев меня, Ли улыбнулся и приветливо махнул рукой. Я ответил ему.

— Я уже не удивляюсь дальности расстояния ваших биноклей. Но как они могут видеть сквозь стены и только то, что нужно?

— Вы видите то, что нужно, при помощи точной наводки. А видеть сквозь преграду? Разве это уж так удивительно для вас, знакомых с лучами Рентгена?

— Но они не совсем то.

— Новое всегда не совсем то, что старое, тем оно и отличается от старого, — с улыбкой ответил Эль. — Летим!

И мы полетели осматривать новую для меня Москву.

— Поднимаемся выше. Вот этот участок — Москва второй половины двадцатого века. Наряду с многоэтажными небоскребами вы видите и те дома, которые стояли в ваше время. Здесь уже имеется целая сеть подземных железных дорог и начата постройка воздушной. Москва к этому времени давно вышла из старых границ и широко разлилась во все стороны. В начале двадцать первого века мы строили небоскребы, но уже отделенные друг от друга большими незастроенными участками. Смотрите.

Странный вид представляла эта новая Москва. На огромном пространстве возвышались симметрично расположенные, словно верстовые столбы, небоскребы в несколько десятков этажей, с плоскими крышами.

— Для посадки воздушных судов, — пояснил Эль.

— Нельзя сказать, чтобы этот город выглядел очень красивым, — невольно сказал я, глядя на унылую площадь, утыканную домами-столбами.

— Зато он более гигиеничен, чем ваши скученные старые города. Когда мы начали строить Москву небоскребов, у нас было много споров о том, строить ли эти особняки или приступить к постройкам городов-домов, где многомиллионное население могло бы буквально жить под одной крышей. Спор начали наши врачи-гигиенисты, которые предостерегали от увлечения урбанизмом, предрекая физическое вырождение населения в слишком искусственных условиях жизни этих городов-домов. Но мы еще не были настолько богаты, чтобы покончить с городами. Эти особняки-небоскребы были компромиссом.

— Покончить с городами?

— Да, и мы покончили с ними. Ведь в конце концов скученность населения вызывается не только недостатком земельной площади, как было в Нью-Йорке двадцатого века, но и относительной дешевизной «жилищной концентрации», а также несовершенствами способов общения.

Радиополис — только старое название, оставшееся за районом. У нас нет больше городов. Если вы пролетите от Москвы к Ленинграду, вы найдете сплошные сады, поля и раскиданные среди них белые домики, но городов ни там, ни в другом месте не найдете.

— Но ведь вы непроизводительно заняли огромную земельную площадь, которая могла бы пойти под посевы!

— Вы не представляете успехов нашей агрикультуры. На квадратном метре мы добываем продуктов питания больше, чем вы добывали на своей де... десятине. Кстати, откуда произошло это слово? Корень, по-видимому, «десять»?

— Не знаю, — смущенно ответил я.

Эль улыбнулся.

— Кроме того, мы изготовляем пищу химическим путем. У нас и сейчас парков и цветников больше, чем полей. Да, многое изменилось за эти годы. Мы не имеем городов, мы не имеем правительства, мы не имеем канцелярий. Необходимая в свое время категория «совработников» давно вымерла, как вымерли лошади. Несколько лошадей, между прочим, вы еще можете увидеть в нашем зоопарке, а совработники остались только в виде музейных манекенов. Они, впрочем, очень похожи на оригинал.

Для меня это была поистине самая большая сенсация за все пребывание в Радиополисе. Нет канцелярий, нет совработников! Это уж слишком. Не шутит ли Эль? Как же можно обойтись без совработников?

— Но не сами же собой пишутся бумаги? — с насмешкой, не лишенной горечи, сказал я.

— Друг мой, у нас совсем не «пишутся» бумаги. Я вижу, вы не можете освоиться сразу со всеми этими переменами.

Мы плавно опустились на зеленую лужайку. Среди этой лужайки, на песчаном круге, стоял сигарообразный серый предмет, напоминающий цеппелин, но значительно меньших размеров.

Около цеппелина стояла Эа. Она еще издали махнула рукой Элю и крикнула:

— Скорее, надо спешить!

Я и Эль, не снимая крыльев, вошли в цеппелин. Эа последовала за нами и плотно захлопнула толстую дверь. Вспыхнул яркий свет, осветив мягкие кресла, стол, экран в углу.

— Это наша «Пушка», самый скорострельный летательный аппарат.

Эа прошла вперед, за лакированную перегородку. Оттуда послышалось гуденье, и я почувствовал, как поднялась передняя часть нашего воздушного судна.

— Летим, — сказал Эль.

— Почему здесь нет окон?

— Они не нужны: скорость и высота полета так велики, что вы все равно ничего не увидите.

Куда еще лечу я? Что ждет меня впереди?..

Глава 5

НА БЕРЕГУ КРАСНОГО МОРЯ

Мы мчались на нашем воздушном снаряде, который был одновременно и пушкой, и ядром. За перегородкой что-то тихо жужжало.

— Скажите, Эль, почему вы, Эа и Ли занимаетесь розысками? Наводили «следствие» обо мне, теперь гоняетесь по свету за этим американским шпионом. Или вы совмещаете...

— Должность ученого с почетным званием сыщика? — спросил Эль. И, вздохнув, продолжал: — Я вижу, что вам трудно привыкнуть к нашему общественному устройству. Я же говорил вам, что у нас нет милиции в обычном для вас смысле слова. Но если хотите, у нас каждый гражданин — милиционер или следователь, если этого потребуют обстоятельства. Каждый наш гражданин, без инструкций и кодексов, знает, как охранять интересы общества. И если случай именно его привел столкнуться с фактом, угрожающим нашему порядку и спокойствию, этот гражданин и доводит дело до конца.

— Но у него есть и другие обязанности?

— Что же из этого? У следователя тоже не одно дело бывает на руках. Обязательный общественный труд занимает у нас около трех часов. Есть время заняться — хотя бы и поисками американского шпиона.

— Вы сказали, что обязательный труд у вас занимает около трех часов. Почему вы не указали точной нормы?

— По кодексу о труде? — с улыбкой спросил Эль. — У нас нет точной нормы, нет и самого кодекса. Если дело этого требует — работаем! И больше трех часов. Но это бывает только в исключительных случаях: какие-нибудь случайные аварии, стихийные бедствия. Обычный же наш труд «у станка» не превышает трех часов.

— А остальное время?

— Каждый занимается тем, чем он желает. Главное и почти исключительное наше занятие — мы учимся, учимся и учимся. Непрерывно пополняем свои знания, изобретаем.

— Ну а если кто не хочет работать даже три часа в сутки? Какие принудительные меры вы принимаете против лентяев?

Эль посмотрел на меня с крайним изумлением.

— Простите, но на этот раз я отказываюсь понимать вас, — сказал он. — Разве нужно заставлять рыбу плавать, а птицу летать? Ведь это их жизненная функция. Такой же жизненной функцией, непреодолимой потребностью является для нас труд.

— Но труд может быть неприятен, например тяжелый физический труд.

— Физический труд выполняют наши рабы.

Я даже привскочил на кресле.

— Рабы? У вас есть рабство?

— Ну да, что же вас так удивляет? Порабощенные силы природы, машины — вот наши рабы. А все мы, свободные граждане, работаем не только из сознания общественной пользы — это азбука, о которой мы уже забыли, — но и потому, что труд давно сделался для нас второй натурой.

— Что это? Свет погас?!

— Не беспокойтесь, я хочу посмотреть на карту, — сказал Эль.

Перед ним вспыхнул бедным светом квадрат, на котором обрисовались очертания какого-то моря.

— Эта карта движется?

— Да, она движется, потому что мы летим. Наша карта — сама земля. Вот очертания... как это вы называли?.. Азовского моря, вот Черное. Мы пролетаем его.

— Уже! Так скоро...

— Турция. Скоро мы увидим Красное море.

— Но как же вы можете обходиться совсем без карты?

— Эа направляет наш воздушный корабль по радиокомпасу. Ли посылает радиоволну, а мы летим в этом направлении, как бабочки на огонек. Ошибки быть не может. Впрочем, мы можем, если нужно, справиться по карте и магнитному компасу...

И, нагнувшись над картой, Эль сказал:

— Двадцатый градус северной широты и сороковой —

восточной долготы. Мы в окрестностях Мекки. Скоро будем на месте.

Еще несколько минут полета, и мы плавно опустились.

Эа открыла дверь нашего снаряда, и мы вышли.

Ли приветствовал нас.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал он, указывая на обломки.

На самом берегу моря в буром песке лежали эти обломки воздушного корабля, обугленные и настолько искалеченные, что нельзя было определить его конструкцию. Нос корабля, вероятно, не меньше чем на три метра зарылся в песок, образовав в нем широкую воронку.

— Сами посудите: можно ли было спастись при такой катастрофе? Американский шпион погиб, на этот раз мы можем быть спокойны и не продолжать наших поисков, — сказал Ли.

— Да, конечно, — ответил Эль и, взобравшись на воронку, начал обходить ее, внимательно осматривая. Потом он вдруг сел на песок, вздохнул и поправил на голове белый шлем.

— Ли, вы делали себе глазную операцию?

Ли почему-то смутился.

Эль укоризненно покачал головой:

— Хорошие глаза, Ли, нужны не только вам лично. Наш Союз трудящихся должен иметь зоркие глаза. Почему вы не сделали операции?

Обратившись ко мне, Эль продолжал:

— Мы, люди будущего, стоим неизмеримо выше наших предков в умственном отношении. Но физическая природа наша, увы, кое-что потеряла в новых условиях культуры. Мы все более теряем волосы. Эа, сними свой головной убор...

Эа, улыбаясь, сняла колпачок и без смущения показала свою голову, на которой не было ни единого волоса.

— Вот видите, — продолжал Эль. — Представление о красоте изменилось. Мы находим прекрасной безволосую голову женщины и пришли бы в ужас от волосатого чудовища, похожего своей гривой на животное. Вы уж не обижайтесь, — прищурился он, глядя на меня. — Вам тоже лучше снять волосы, чтобы не привлекать к себе излишнего вни-

мания. Мы займемся потом вашим туалетом. Так вот, волосы... Потом зубы. Вы уже знаете, что мы не едим твердой пищи. Нам не нужны зубы. Естественно, что они без работы становятся все более слабыми. Через несколько поколений люди станут совершенно беззубыми и нижняя челюсть превратится в маленький придаток.

— И это тоже будет красиво?

— Для своего времени, конечно.

— Представляю, — сказал я, улыбаясь, — что какой-нибудь Пракситель, гениальный скульптор будущего, высечет из мрамора статую, воплощающую идеал женской красоты...

— Она будет иметь огромную голову без волос, маленький подбородок, рот без зубов, почти мужское телосложение, очень тонкие ноги и руки, пальцы без ногтей...

— Какое безобразие! — невольно воскликнул я.

— Если бы горилла мог говорить, то при взгляде на статую Венеры Медицейской он, вероятно, также воскликнул бы: «Какое безобразие!» и перевел бы влюбленный и восхищенный взгляд на свою четверорукую, мордастую, косматую спутницу жизни, — ответил Эль. — Все условно в этом мире, мой друг. Изменяются звезды на небе, изменяются земли, изменяется человек, изменяются его понятия о прекрасном. Мы теряем то, что нам перестает быть нужным. Мы хуже слышим, чем вы, а вы — гораздо хуже, чем наши предки каменного века, и это понятно: нас уже не подстерегает хищник за каждым кустом.

— К сожалению, в мире остались еще двуногие хищники, — задумчиво сказала Эа, — они страшнее четвероногих. И, быть может, вот это... — Эа показала на обломки машины.

— Да, вот это, — перебил ее Эль. — Я не случайно спросил у Ли, сделал ли он глазную операцию. Мы все близоруки. Дальнозоркость не нужна была человеку города. Его взгляд вечно упирался в стены. Мы живем свободнее. Наши горизонты шире. Мы стали существами летучими. Зоркое зрение нам опять сделалось нужным. А в природе так: если орган нужен, если он начинает усиленно работать, он развивается усиленно. И, я думаю, наши потомки, которые, быть

может, в воздухе будут жить больше, чем на земле, вновь обретут зоркость орлов. Но мы унаследовали от вас, людей с ограниченным кругозором города, близорукость. И боремся с ней. Ваши очки не удовлетворяют нас. С ними много хлопот, они могут разбиться. И мы просто оперируем глаза, вправляя новый хрусталик. Вот Ли почему-то не хочет делать операцию, хотя она безболезненна и занимает всего несколько минут.

— Завтра же сделаю, хотя бы только для того, чтобы доставить вам удовольствие.

— Благодарю вас, Ли, — ответил Эль. — Сделайте и для того и для другого. Подойди сюда, Эа, что ты видишь?

Девушка взошла на насыпь вокруг упавшего снаряда и посмотрела вокруг. Она задумалась, очевидно что-то ища, что привлекло внимание Эля.

— Я вижу, что от центра воронки к краю и дальше идут углубления, которые... гм... пожалуй, можно принять за следы.

— Следы? — спросил Ли. — Неужели?

— Ходил ли здесь кто-нибудь? — спросил Эль.

— Нет, место совершенно пустынное. На насыпь никто не поднимался.

— А вы?

— Я всходил только вот с этой стороны.

Эль прошел по песку.

— Вот видите, — сказал он, — песок очень зыбкий. Он осыпается и не дает отчетливых следов. Если же помешать песок вот так концом ноги, то получаются совершенно такие же впадины.

— Что же вы предполагаете? — спросил смущенно Ли.

— Я предполагаю, мой милый, но близорукий друг, — ответил Эль, — что наш американский шпион здравствует.

— Но не мог же он уцелеть в этой катастрофе?! Или его кости прочнее дюралюминия, а тело и в огне не горит? — уже несколько обидчиво сказал Ли.

— А кто вам сказал, что здесь произошла катастрофа? — возразил Эль. — Все могло произойти очень просто. Мистер

шпион благополучно опустился на своем аппарате, вылез, потом взорвал его.

— Но как же он тогда вернется восвояси?

— Он или они могли прилететь на двух воздушных судах и пожертвовать одним, чтобы замести следы.

— А другой корабль?

— Другой может быть в другом месте. Однако продолжим наш осмотр.

Мы пошли по следам, внимательно разглядывая их. Следы шли в сторону по песчаной равнине и в нескольких метрах пропадали. На этом месте в песке было небольшое углубление.

— Провалился сквозь землю? — улыбаясь, спросил я.

— Наоборот, поднялся от земли на крыльях. Положение осложняется! Местные жители лучше нас знают окрестности. Надо предупредить их, — сказал Эль.

— У меня в Мекке есть приятель шахматист, вызвать его? — предложил Ли.

— Отлично, — ответил Эль.

Сложенные крылья были у нас за спиной. Мы повернули рычаги у пояса, крылья затрепетали, и земля начала уходить из-под наших ног.

— Здесь когда-то была бесплодная долина, — указывал Эль вниз на расстилавшиеся сплошные сады, перерезанные прямыми серебряными линиями каналов. Среди садов виднелись белые крыши домов, стоявших далеко друг от друга. — Если вы ожидаете увидеть арабский город, с его базарами, лавками, кофейнями, верблюдами и грязью, вы будете разочарованы. Города давно нет. Я уже говорил вам, что у нас нет городов.

— А вот летит и Вади, мой друг, я вызвал его, — сказал Ли, указывая на приближающегося человека с крыльями.

Скоро он был с нами. Мы с любопытством осмотрели друг друга. И, конечно, Вади был больше удивлен моей наружностью, чем я его. Он почти ничем не отличался от моих спутников, только одежда его была из белой ткани да лицо несколько более смуглое. Я же, в своем тяжелом костюме от

«Москвошвея», с очками на носу и крыльями за спиной, вероятно, имел очень комичный вид. Мне было необычайно жарко, воротник рубашки измялся, волосы растрепались.

— Человек из прошлого, рекомендую, — сказал Эль.

— Вы знаете о прибытии американских шпионов?

— Ли говорил мне.

— Они опустились недалеко отсюда и, по-видимому, улетели. Их надо разыскать во что бы то ни стало.

Вади кивнул головой.

— Сообщите по радио по всей Аравии. Ищите везде. Мобилизуйте молодежь — у ребят острый глаз. Обыщите каждую складку гор, каждый куст.

Вади еще раз кивнул головой, глядя в небо. Вдруг он схватил Эля за руку.

— Смотрите, Эль, этот воздушный корабль мне не нравится.

Все устремили взоры на небо.

— Да, это не наша конструкция. Дайте сигнал тревоги, — сказал Эль.

Неизвестный воздушный корабль, вычертив в небе полукруг, скрылся за горизонтом. Вади что-то сказал в кулак, и через минуту поднявшиеся, как испуганная стая птиц, от земли аэропланы полетели вслед за улетевшим воздушным кораблем.

— Скорее, к нашей «Пушке»! — крикнул Эль.

Обливаясь по́том в жгучих лучах аравийского солнца, я полетел за моими спутниками к берегу моря.

Глава 6

БЕЛЫЙ ДОМИК

В тот вечер американской воздушной лодке удалось ускользнуть от преследования, пользуясь быстро наступившей темнотой.

— Ну что ж, приходится отложить поиски. Наши товарищи-арабы будут следить за неприятелем. А мы летим на север, в Радиополис. — И, посмотрев на часы, Эль продол-

жал: — Я должен читать лекцию по радио. Однако вас надо устроить на постоянное жительство, — обратился он ко мне.

— Летим ко мне, — предложил Ли. — Я живу 56-30-28 на 45-6-2.

— Это что же, такое длинное название улицы?

— Совсем нет, так мы называем кратко градусы, минуты и секунды географической долготы и широты. Ведь у нас нет городов, поэтому нам приходится давать такие адреса.

— Где же это будет?

— Примерно в тех местах, где был ваш Нижний Новгород, на Волге. Хорошее место, — сказал Эль.

Мы полетели на наших крыльях к общественным ангарам и взяли там небольшую воздушную лодку, на которой и поднялись в воздушную высь.

Темное южное ночное небо было исполосовано светящимися дорогами, отмечавшими путь воздушных сверхмагистралей.

Огромные суда беспрерывно скользили по воздушным волнам этих светящихся рек.

— Куда движутся эти воздушные великаны и где конечные пункты их маршрутов?

— Они движутся по кольцевым линиям, как небесные тела, и нигде не останавливаются. Каждый из этих воздушных дредноутов имеет свою линию. Нам надо вот на ту, — указал Ли на вторую из пересекающихся линий.

— Чем больше кольцо полета, тем выше его воздушная линия. Видите, как это удобно — в воздухе целая беседка из перекрещивающихся воздушных путей!

Мы ловко причалили к несколько замедлившему движение кораблю. Вместо обычной (две тысячи километров в час) его скорость снизилась до пятисот в час, пока мы догоняли его.

Нашу лодку вместе с нами ввели внутрь сигарообразного корабля. Будто акула воздушного океана проглотила малую рыбешку.

По прибытии на место нашу лодку сбросили вниз. На этой лодке мы добрались до аэродрома, оставили ее там, а

сами на «собственных» крыльях за спиною полетели к дому Ли.

Эль и Эа распрощались с нами и полетели в другую сторону.

— Вам пришлось лететь с пересадками. Это неудобство приходится терпеть только на больших расстояниях. В Радиополис же я летаю на своем аэробиле.

— Столкновений не бывает?

— Исключена всякая возможность. При встрече наши воздушные суда автоматически отклоняются в сторону под воздействием радиоволны.

— Вот мы и дома, — сказал Ли, опускаясь на площадку у белого домика со сплошным окном-стеною на юг.

Как только Ли ступил на площадку, над нею загорелась матовая лампочка. В доме также появился свет.

— Вас ждут?

— Нет, свет зажигается автоматически, как только я опускаюсь на землю. Нам нужно умыться и переодеться с дороги. Я вас проведу сначала в ванную комнату.

Обойдя дом, Ли открыл дверь.

— Прошу вас.

Я вошел в очень маленькую комнату-коробку, в которой было не больше четырех квадратных метров. Голые стены, никакой обстановки, только небольшой шкаф в углу.

«Нельзя сказать, чтоб эта передняя была уютна», — подумал я.

Ли очень плотно закрыл за собой дверь, подошел к шкафу и вынул оттуда две противогазовые маски. Подавая одну из них мне, он сказал:

— Во избежание появления эпидемий, — хотя у нас о них не слышно, — каждый из нас, вернувшись из далекого путешествия, считает своим долгом подвергнуться дезинфекции. Увы, наш организм не приспособлен к борьбе с болезнями в такой мере, как это было у наших предков, и поэтому мы все внимание сосредоточиваем на предупреждении болезней. Насморк укладывает нас в постель. Что же делать? Надо беречься.

Он надел маску на лицо, приглашая меня последовать его примеру. Потом повернул маленький кран, вделанный в тот же шкаф, где хранились маски, и комната вдруг наполнилась белым, как молоко, газом. Через три минуты так же быстро воздух очистился. Ли зажег какую-то металлическую спичку. Она вспыхнула голубым огнем. Он кивнул головой и снял маску.

— Осталось газа ровно столько, чтобы продезинфицировать наши дыхательные пути. Теперь идем в ванную.

Он открыл дверь, и я был поражен. Белая ванная комната, вся залитая каким-то особенным золотистым светом, была слишком огромной для частной квартиры. Посредине этой комнаты находился такой большой мраморный бассейн, что в нем можно было свободно плавать. По обеим сторонам бассейна шел двойной ряд белых колонн, а среди них стояли цветущие растения. В одной стороне комнаты находилась черная эбонитовая площадка с креслом, и над ним что-то вроде зонтика без материи. Возле кресла стоял шкаф.

— Садитесь, — сказал Ли и, взглянув на меня, продолжал: — Да, вам обязательно надо побриться и расстаться с вашей шевелюрой. Гм, у нас нет парикмахеров — ведь у нас волосы просто не растут, нет ножниц и бритв. Положим, бритву можно было бы достать из музея. Но ведь это целая операция. Можно порезаться. Кровь, заражение крови, бр-р... Лучше я вам вызову продукт для уничтожения волос.

«Вызову продукт для уничтожения волос», что за странное выражение», — подумал я.

Ли подошел к распределительной доске, скрытой цветами, и, что-то сказав, нажал несколько кнопок. Не прошло и минуты, как в стене открылась не замеченная мною раньше дверца. Там стояло нечто вроде пульверизатора.

— Откуда это? — спросил я.

— Прислали со склада по автоматической трубе.

Взяв в руки пульверизатор и обернув меня простыней, он спросил:

— Позвольте?

— Пожалуйста, — покорно ответил я и зажмурился, ожидая, что меня начнут спрыскивать. Но Ли только овеял меня какою-то пряно пахнущей струей воздуха. И этого оказалось достаточно, чтобы мои волосы упали с головы как подрезанные, а лицо приобрело гладко выбритый вид.

Ли остался доволен своей работой.

— Отлично. С волосами вы разделались на всю жизнь и, право же, так выглядите гораздо лучше.

Посмотрев на лежащие вокруг меня на полу волосы, Ли вздрогнул всем телом и даже побледнел.

— Волосы вообще ужасны, но мертвые волосы еще ужасней. Простите меня, но я не могу заставить себя убрать их. Может быть, вызвать щипцы, щетки?

— Только щетку.

— Здесь пол моется автоматически, — как бы оправдывался Ли. — Но волосы, они... они могут засорить трубы. Их лучше сжечь. Знаете что, мы сожжем и ваш отвратительный костюм.

— Что? Сжечь костюм? Нет, благодарю вас!

— Но зачем он вам? Я вам вызову прекрасный костюм нашего покроя.

Рядом со мной оказалась еще одна дверь. Ли открыл ее и сказал:

— В этой небольшой комнате находится мусоросжигательная печь. Я вас очень прошу бросить в печь волосы, костюм и...

— Знаете что, ведь мы его дезинфицировали, убили всех микробов двадцатого века, оставим же его как музейный предмет, — схитрил я, желая спасти свой костюм от огня этого домашнего крематория.

— Ну что же, я согласен. Дайте я сниму с вас мерку. Ваш костюм будет цел, но вы все-таки наденете другой. Вот так. Вы значительно выше меня. Какой цвет вы предпочитаете?

«Хорош бы я был в голубеньком, черт возьми», — подумал я.

— Черный, серый, в крайнем случае оливковый.

— Хорошо. Я вызову костюм. А пока раздевайтесь и поплавайте в бассейне. Белье бросьте в этот люк в полу.

Ли вышел.

Я разделся и начал спускаться по белым ступенькам к воде. Но едва пальцы моей ноги коснулись воды, я вскрикнул от неожиданности, почувствовав уколы тысячи иголок.

— Простите, — услышал я голос Ли около себя, хотя его не было в комнате, — я забыл предупредить вас — вода электризована. Мы не можем обойтись без этого, электричество — это массаж для наших нервов. Я сейчас уменьшу ток.

Ли вошел, повернул рычаг, разделся и бросился в воду.

Поплавав и поныряв, мы вышли. Купанье в электрической воде чудодейственно освежило меня.

— Теперь еще одна электризация, — сказал Ли. — Сядьте на этот стул.

Я покорно уселся на стул, стоявший на черной эбонитовой площадке. И вдруг с концов прутьев «зонта» заструились потоки бледно-лилового света.

— Электрический душ. Хорошо?

— Да... да... о-очень хорошо, — сказал я, чувствуя себя как преступник, приговоренный к смерти на электрическом стуле. Однако все обошлось благополучно.

— Теперь вот сюда, — продолжал Ли распоряжаться мною, — пройдите к этому шкафу. Это, так сказать, автоматический доктор-контролер. Дайте вашу руку. Так. Это сюда.

Ли приложил к моему пульсу и сердцу пластинки, прикрепленные к шнурам, и погасил свет. На экране появилась светящаяся кривая линия, она отмечала удары моего сердца.

— Да, сердце у вас немного не в порядке, — сказал Ли. — Посмотрим желудок, легкие.

На экране появилось изображение моих внутренних органов.

— Легкие в порядке. Но желудок сильно сокращается. Очевидно, на одном химическом питании пилюлями вам трудно существовать, — организм еще не привык. Я закажу вам что-нибудь вроде каши и мусса. У нас также не все еще

перешли на пилюли. Есть любители более «существенной» пищи, хотя все эти блюда очень легкие и полужидкие.

Ли зажег огонь.

Я вздохнул, вспомнив о хорошем куске мяса. Но об этом не приходилось и мечтать. Не убьют же они ради меня последнюю корову зоологического сада?

— Ну что ж, у вас все относительно в порядке. А я приму электромассаж.

Ли, улегшись на длинной скамье, нажал кнопку, и вдруг из-под скамьи вылезли какие-то руки-стержни, оканчивающиеся шарами, ручками, лопаточками. Все эти «руки» накинулись на тело Ли и стали мять его, тереть, пошлепывать, барабанить, гладить.

Со стороны казалось, что Ли попал в лапы какого-то страшного паукообразного насекомого. Хорошо, что Ли избавил меня хоть от этого удовольствия. Я бы, наверное, заорал от страха, переломал суставы этих металлических лап и свалился со скамьи.

Но Ли чувствовал себя превосходно, переворачивался с боку на бок и повторял:

— Хорошо, отлично!

Наконец эта экзекуция кончилась. Ли быстро поднялся и оделся в чистую голубую тунику.

— А вот вам, — сказал он, подавая мне такую же тунику из серебристой ткани.

Я оделся. И когда посмотрел в большое зеркало, вделанное в стену, не узнал себя. У меня исчезли не только волосы на голове, но и брови. Костюм придавал мне самый странный вид. «Показаться бы на Кузнецком в таком виде», — подумал я.

— Теперь пять минут отдыха. Ложитесь на это плетеное кресло.

Мы легли. Свет опять погас. Вдруг стена против нас будто упала, открывая вид на берег моря. Луна зажигала изломы волн. Пальмы тихо качались. Я любовался зрелищем.

— Я люблю этот уголок Средиземного моря, — сказал Ли. — И часто вызываю его. Передача по радио, — добавил он. — Отдохнем, и я познакомлю вас с моей женой.

— Вы женаты?

— Да, идем.

Экран погас. Свет загорелся снова. Мы вышли из ванной.

Открыв смежную дверь, Ли сказал:

— Ин, вот человек из прошлого, с которым ты хотела познакомиться.

Я вошел в комнату, которую принял за переднюю, и увидел жену Ли. Она стояла у противоположной стены. Радушно улыбнувшись мне, она сделала приветственный жест рукой.

Я направился к молодой красивой женщине, по привычке протягивая руку. Но она не поднимала своей руки, и я вспомнил, что у этих новых людей рукопожатия не приняты. Я сделал еще шаг и ударился головой о невидимую преграду. Женщина рассмеялась, но тотчас сдержала свой смех и обратилась к мужу:

— Ли, ты разве не предупредил нашего гостя?

— Я полагал, что он уже привык к нашим экранам, — сказал Ли.

Опять экран! Я был уверен, что вижу живую женщину, а не ее изображение.

— Я пока оставлю вас, — сказала Ин, — через десять минут мы будем ужинать.

Экран погас. Когда комната осветилась обычным светом, я оглядел ее и еще раз поразился. Комната была втрое меньше ванной и совершенно лишена мебели. Голые стены без единого выступа, украшения. Неужели это единственная жилая комната?

Ли улыбнулся, заметив мое удивление.

— Ваше жилище очень скромно, — сказал я.

— Зато удобно и гигиенично.

Ли нажал ногой на одну шашку паркетного пола, и вдруг из пола поднялся круглый стол на круглой колонне и два стула.

— Садитесь, — сказал Ли.

Мы уселись.

— Спрашивайте, — с улыбкой предложил Ли.

Действительно, мне приходилось расспрашивать без конца.

— Эль говорил мне, — начал я, — что у вас нет правительства, нет служащих, нет чиновников. Но как же вы ведете свое хозяйство? Вот вы вызвали мне костюм. Значит, должен же кто-то вести учет.

— Учет у нас поставлен образцово. Все это теперь делается очень просто, механически. Я вызываю нужную вещь. Механически она подается из склада и присылается сюда по пневматической трубе. Одновременно счетчик отмечает отпуск этой вещи. Тот же автоматический счетчик подводит итоги. И к концу года мы знаем, какая у нас потребность в том или ином предмете, какой годовой прирост, сколько надо заготовить для будущего. У нас нет меняющихся мод, и некоторые запасы переходят из года в год. Так во всех предметах потребления, вплоть до летательных машин.

— Но должен же быть какой-нибудь контроль? Разве у вас совсем не бывает злоупотреблений?

Ли в недоумении поднял брови.

— Какие могут быть злоупотребления? Я вызову себе лишнюю воздушную лодку? Зачем она мне? Разве я могу полететь сразу на двух? Продать ее я также никому не могу, во-первых, потому, что у нас нет денег, а во-вторых, потому, что каждый сам может взять, что ему нужно. По этой же причине нет никакого смысла красть или присваивать. У нас совсем нет преступлений этого рода. И не то чтобы мы стали нравственней, а просто преступления потеряли всякую цель. Мы имеем все, что нам надо. Вот вы сказали, что жилище очень скромно. Но что необходимо для здоровой жизни? Свет. Вы видите прекрасное освещение для ночи.

— Электричество?

— Нет, бактерии.

— Бактерии?!

— Да, светящиеся бактерии. И это окно во всю стену для солнца. У нас идеальная вентиляция и отопление, в котором, впрочем, нет особой нужды, так как мы отеплили весь климат наших широт. Что же еще?

— Но культурные потребности: музыка, книги, картины?

— Вы еще познакомитесь с нашим искусством, нашими культурными потребностями.

— Еще один вопрос: где находится ваша жена?

— На Южном Алтае. Врачи прописали ей горный воздух.

— Давно?

— Два года. Но ведь для нас не существуют расстояния. Мы часто навещаем друг друга, видимся и говорим так же часто, как если бы мы жили в одной комнате. Есть супруги, и очень любящие, которые постоянно живут на расстоянии тысячи километров и находят это удобным. Вообще вам надо понять одну вещь: никогда еще — по крайней мере у нас в Европе, Азии и Африке — человечество не жило такой дружной, сплоченной семьей, несмотря на то что отдельные члены этой многомиллионной семьи физически в большей степени разбросаны, чем раньше. Мы находимся в постоянном общении. У меня есть друзья везде — от полюса до полюса, и я веду с ними непрерывные беседы. У нас часто бывают собрания, «съезды», где мы обсуждаем наши общественные дела. Но все это мы делаем, если хотим, не выходя из комнаты.

Свет погас, экран засветился.

— Ну, вот и я, — сказала Ин.

Мне казалось, что она подошла к нашему столу и уселась в кресло рядом с мужем.

— Дети будут сегодня? — спросил Ли.

— Ко сказал мне, что он сторожит в Аравии, во что бы то ни стало хочет первым разыскать шпиона, а Цаль...

— Вот и я!.. — и к столу подошел еще один «призрак» — юноша, очень похожий на Ли.

«У него такие большие дети!» — подумал я.

— Сегодня мы будем пировать, — сказал Ли, познакомив меня с сыном. — Надо показать этому допотопному человеку, что и мы знаем толк в хорошем блюде и приятном напитке.

Глава 7

«ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ, ВСЕ ЗНАЮ»

Ли нажал кнопку у края стола, и вдруг на столе появились два прибора и необычайно узкие, как химические колбы, высокие рюмки.

В тот же момент на столе жены инженера, Ин, также появились блюда, — она вызвала их.

Ли поднял рюмку и предложил мне посмотреть жидкость на свет. Рюмка казалась спектром. Жидкость была налита слоями, и каждый слой, не смешиваясь с другими, имел свою окраску.

— Пейте медленно, маленькими глотками. В этой жидкости нет ни капли алкоголя, но зато есть кое-что другое, безвредное и... вы сами узнаете.

Я по совету Ли стал пить очень медленно. Не могу передать моего ощущения. Это была какая-то вкусовая симфония. Вкус все время менялся, и каждый глоток доставлял мне неизъяснимое наслаждение. Я почувствовал необычайную ясность мыслей и какую-то особую жизнерадостность.

— Это не искусственный подъем нервов, а очищение мозга от токсинов — продуктов отравления, — сказал Ли.

— Никогда еще я не испытывал такого вкусового наслаждения, — сказал я.

— Вы еще усилите его вот этим блюдом, — и Ли придвинул мне мусс.

— Вкусно? — спросила, улыбаясь, Ин.

— Изумительно, — ответил я.

Сын Ли с удовольствием смаковал такой же мусс на своем столе, на экране.

— Вы еще учитесь? — спросил я юношу.

— Почему «еще»? — ответил он вопросом.

— Потому, что вы молоды. Учитесь в какой-нибудь школе или университете, вот что я хотел сказать.

— В школе? В университете? — опять с недоумением спросил юноша.

«Неужели у Ли такой глупый сын?..» — подумал я. Но

скоро мне пришлось убедиться, что я поспешил со своим выводом.

— Он не понимает вашу мысль потому, — вступился за сына Ли, как бы угадавший мою мысль, — что у нас нет школьного возраста и у нас нет школ.

Видя мое изумленное лицо, Ли разъяснил мне:

— Еще ваше время ставило себе задачей приблизить школу к жизни. На этом принципе вы строили свою трудовую школу. Нам удалось осуществить этот принцип, как говорится, на все сто процентов. Школа и жизнь слились у нас воедино, или, если хотите, жизнь и практика стали нашей единственной школой.

— Но теория?

— Она изучается также, но это изучение не отрывается от жизни и практики.

Отпив из своей длинной рюмки, Ли продолжал:

— Надо вам сказать, что управление нашими машинами столь несложно, что даже подростки справляются с ними и делают это очень охотно. Даже стоя у «станка», они могут слушать лекции по радио.

— Опять радио!

— Да, именно радио уничтожило ту школу, какая была в ваше время, когда она, в большей или меньшей степени, отрывала от жизни. Радио учит нас от колыбели до крематория. Мы учимся всегда и всюду. Мы пополняем свои знания на работе, если она не требует особого внимания, и на прогулке, даже и во время воздушного путешествия. Мы слушаем лекции величайших ученых, мы присутствуем при опытах, мы следим за формулами, появляющимися на экране. Только там, где нужен непосредственный опыт, мы прибегаем к вещам — колбам, станкам, сверлам. Но они всегда к нашим услугам — и в заводских лабораториях, а отчасти и на дому. Для химических опытов мы, например, всегда можем вызвать на дом все нам необходимое.

— Вы, вероятно, еще больше удивитесь, — сказала Ин, — если узнаете, что мы почти не читаем книг.

— Да, это верно, — подтвердил Ли. — Мы больше пользуемся звуковой передачей.

— Но как выделить из радиопередачи то, что вам нужно? Ведь у вас одновременно должны действовать сотни радиостанций?

— Каждая радиостанция действует на своей волне, а длина этих волн теперь различается не только метрами, но и сантиметрами и даже миллиметрами. Причем мы совершенно легко выделяем нужную станцию, если даже длина волны ее отличается от волны другой станции всего в несколько миллиметров.

— И потом, — деловито заявил Цаль, — этих станций не так уж много, как вы предполагаете. Наша сеть радиостанций построена по системе поясного времени, или, иначе сказать, по градусам долготы, — одна станция на пятнадцать градусов, так как время отличается на час, считая на ваше время, через каждые пятнадцать градусов. Поэтому от западного берега Африки до восточного берега Азии у нас существует всего десять главных радиоустановок, которые и наполняют радиоволнами каждая свои пятнадцать градусов долготы от полюса до полюса. Есть, правда, еще центральные радиостанции, их радиус действия охватывает всю нашу территорию. Но мы пользуемся ими только для связи с десятью поясными.

— Ты еще не сказал о радиостанциях для передачи энергии, — добавил Ли, — но с ними я еще познакомлю вас. Да, радио внесло огромные изменения во всю общественную жизнь, изменения, о которых вы, вероятно, не смели и мечтать. Радио упразднило необходимость физического скопища людей. Это было огромным гигиеническим достижением, и в то же время радио сблизило людей в общественном смысле. Радио уничтожило не только старую школу, но и старый театр, кино. У нас нет душных, переполненных публикой кино, театральных и концертных залов, аудиторий.

— Почему бы нам не познакомить сейчас нашего гостя с театром? — предложила Ин.

— Отлично, — согласился Ли, — для этого нам не нужно бежать за билетами и тащиться на ваших ужасных трамваях.

Вторая белая стена комнаты вдруг, как по волшебству, превратилась в сцену, если только то, что я видел, можно назвать сценой. Такого художественного богатства, такой обстановки, таких сценических и световых эффектов я не только никогда не видел, но и не предполагал, что они возможны. Мелодичная музыка сопровождала игру актеров. Это был новый род искусства. Речь переходила в пение, и тогда казалось, что идет опера. Жесты и движения были естественны, но так слиты с музыкальным фоном, что это можно было бы назвать каким-то новым балетом. Свет менял свою окраску вместе с мелодией и казался светящимися звуками. Это было какое-то синтетическое искусство.

Я сидел как очарованный и был огорчен, когда экран погас.

— Вот мы и побывали в театре, — сказал Ли. — Наши театры совсем не имеют зрительного зала. У них только огромная сцена и еще большее помещение для декораций и машин. У нас только десять театров.

— По поясному времени?

— Да, тоже по поясному. Только десять трупп, но зато все они состоят из первоклассных артистов и художников. Как видите, искусство также стало достоянием всех, как наука... Неужели? Я слушаю. Восемь — Д, семь — Ц? Совершенно верно! — Обернувшись ко мне, Ли сказал: — Мой друг Вади, завзятый шахматист, сообщил мне, что он разрешил задачу, которую я задал ему.

— А где он сейчас? — спросил я.

— Все подстерегает американского шпиона, летая над Красным морем. Да, шахматы, — продолжал Ли, — неумирающая игра. Но и она уже не удовлетворяет нас. Мы исчерпали почти все возможные комбинации. Всякая новая является событием. У нас есть новые развлечения, новые виды спорта и искусства, которые, к сожалению, недоступны вам. Мы, например, испытываем настоящее эстетическое наслаждение, следя за ходом разрешения проблем высшей мате-

матики. Наши математические гении увлекают нас своим творчеством едва ли не в большей степени, чем вас увлекали ваши «божественные» тенора. В этой скромной комнате мы можем иметь все, что дает искусство, знание, жизнь. Каждый из нас может сказать: «Все вижу, все слышу, все знаю». По крайней мере, могу знать все из сокровищницы науки и видеть все, что творится в мире...

Речь Ли была прервана каким-то странным звуком, напоминавшим отдаленный фабричный гудок. Этот звук почему-то встревожил Ли, Ин и Цаля. Они сосредоточенно замолчали. В наступившей тишине прозвучал голос:

«Алло. Говорит Радиополис. Всем. Нам удалось получить радио из Америки. Рабочие восстали на заградительных радиосооружениях, захватили в свои руки береговую радиостанцию и успели нам сообщить, что, несмотря на ужасный террор, восстание разрастается. Просят о помощи. Последние слова радиотелеграммы: «Гибнем от дьявольских лучей. Помогите...» На этом радио окончилось.

Побледневший Ли поднялся.

— Несчастные. Они сожжены этими дьявольскими лучами. Больше медлить нельзя.

Обратившись к экрану, Ли сказал:

— Мы еще увидимся сегодня.

Жена и сын кивнули головами. Экран погас.

— Надо привести в боевую готовность наши силы, которые до сих пор служили мирному труду, — сказал Ли. — Летим со мной, кстати, вы посмотрите наши силовые установки.

* * *

Однако в эту ночь нам не удалось осмотреть силовые установки.

Вади, решая шахматные задачи, не забывал зорко наблюдать горизонт. Скоро он сообщил, что неприятельская воздушная лодка вновь появилась в небе, что эскадрилья арабов гонится за ней, но отстает.

— Лодка летит на север. Попытайтесь отрезать ей путь.

Через несколько минут я и Ли уже летели на нашей воз-

душной лодке навстречу врагу. Вади по радио руководил нашим полетом. Ли осветил доску своеобразного перископа, и мы увидели приближающуюся лодку врага, а за ним, как стая птиц, летели аэропланы, преследовавшие его. Вдруг один аэроплан вспыхнул и начал падать.

— Они погибли! — воскликнул я.

— К счастью, кажется, нет, — ответил Ли. — Американец сжег лучами только крыло аэроплана.

— Но летчики падают.

— Это не страшно.

— Как не страшно?

Однако прежде, чем я задал этот вопрос, летчики раскрыли крылья за спиной и начали плавно снижаться.

— А что, если американец пустит испепеляющий луч в нашу лодку? — спросил я с тревогой.

— Ее поверхность неуязвима. Мое изобретение, — скромно сказал Ли. — Массовое применение его еще только налаживается.

Началась бешеная погоня. Американцы летели на север. Наша лодка не отставала. Когда настало утро, я увидел сквозь перископ белые пространства.

— Снег? — спросил я.

— Да, мы за Полярным кругом. Мистер шпион, по-видимому, направляет свой путь в Америку через Северный полюс.

Скоро мы вошли в полосу сплошных туманов и туч. Даже сильный прожектор не мог обнаружить врага.

— Проклятье! — выбранился Ли. — Если бы Америка не мешала, мы отеплили бы и полюс. Собственно говоря, это мы могли бы сделать и сейчас, но выгоды не вознаграждают затрату энергии. Неужели ему удастся скрыться?

Однако у шпионов, очевидно, была цель остаться во что бы то ни стало в пределах Европейской России, — я называю по-своему, — и выполнить какое-то поручение.

Нам сообщили, что лодка обнаружена позади нас, значительно южнее. Она шла на большой высоте, но ее сумели обнаружить.

Мы полетели на юг. Целая эскадрилья таких же неуязвимых для дьявольских лучей лодок окружила врага.

— Вы можете испепелить лодку шпионов? — спросил я.

— Она так же неуязвима для лучей, как и наша. Мы можем только бросить обыкновенный взрывчатый снаряд.

Очевидно, видя себя окруженным со всех сторон, шпион вдруг произвел совершенно неожиданный для меня вольт: лодка пошла вертикально вверх. Наши лодки последовали за нею.

Мы переместились на корму. Пилоту, вероятно, было очень трудно управлять в таком положении.

— Куда же он? На Марс? — спросил я.

— Немного пониже, — улыбаясь, ответил Ли. — К счастью или сожалению, и его и наша лодки построены не по принципу ракет, которые могут летать в безвоздушном пространстве. Они движутся при помощи винта особого устройства. Смотрите, лодка замедляет ход. Воздух становится все реже и не служит опорой пропеллеру. Мы догоняем. Но нам надо подняться еще выше, чтобы бросить разрывной снаряд сверху. Вывезет ли наша машина? Отлично! Он не идет дальше. Еще бы немного... Везет... Вот...

Но в этот момент воздушная лодка врага, как снаряд, грохнулась вниз, а вслед за ней полетели в бездну и мы. Я думал, что у меня лопнет сердце.

— Катастрофа? — спросил я, задыхаясь.

— Нет, только уловка врага, — ответил Ли, сидя на спинке кресла.

Я посмотрел на перископ.

— Что это? Море?

— Да, Черное море.

— Он грохнулся в волны. Он погиб?

— Нисколько. Лодка под водой так же хорошо плавает, как летает в воздухе. Ему не удалось скрыться в небе, и он пытается укрыться в воде.

Перед самой поверхностью воды наша лодка остановилась.

— А мы?

— Видите, другие лодки уже нырнули вслед за ним. Остальные будут дежурить на поверхности. Отсюда ему трудно уйти. Я не могу больше оставаться здесь, надо спешить на осмотр силовых установок. Но сначала дадим отдых нашему пилоту. На берег. Остановка, снижайтесь, — сказал Ли.

Лодка плавно опустилась. Дверь кабины пилота открылась, и на пороге появилась Эа.

— Опять вы? В этом опасном предприятии? — с удивлением спросил я.

— Разве оно опасно только для меня? — без рисовки спросила девушка.

— О, она у нас молодец, один из лучших и бесстрашнейших пилотов. Устала?

— Нисколько.

— Тогда летим скорее на гелиостанцию.

Глава 8

СОЛНЦЕ ПОД ЯРМОМ

Воздушный корабль начал винтом забирать высоту.

— Мы летим в солнечный край, который когда-то назывался Туркестаном, — сказал Ли. — Там мы добываем солнечную энергию. Но это далеко не единственный источник энергии. Если бы я стал описывать вам все способы добывания нами энергии, вам пришлось бы слушать не одни сутки. Достаточно сказать, что каменный уголь мы давно оставили. Его осталось слишком мало. Кажется, нет больше ни одной силы природы, которую мы не использовали бы. Мы добываем энергию, пользуясь работой ветра. Мы покорили вулканические силы, заставили работать земной магнетизм и земные электрические токи. Нам служит атмосферное электричество. Даже грозу, которой некогда с ужасом поклонялись как страшному богу, мы запрягли на службу человечеству. Морские волны, морские приливы и отливы — наши работники-богатыри. Я уже не говорю о водяных двигателях. Высоту культуры мы теперь измеряем по количеству потребляемых киловатт. И, я думаю, это самый верный и

точный измеритель. Все безграничное количество энергии, получаемой нами, мы перегоняем в центральные аккумуляторы и оттуда распространяем по радио во все уголки наших стран: по поверхности земли, в небо, где летают наши корабли, в глубину океана для наших подводных судов и даже под землю. Ну, вот мы, кажется, и прилетели, — сказал Ли.

Наш воздушный корабль мягко опустился, и я вышел из кабины. Как ни хорошо освещалась внутренность корабля, я невольно прищурился от яркого солнца. Оно резало глаза до боли. Я бывал на юге. Но этот свет как будто стал ярче, ослепительней.

— Наденьте темные очки, — сказал Ли, подавая очки. — Вы не привыкли к этому освещению.

Надев очки, я увидел, что ослепило меня не столько солнце, сколько огромные зеркала, отражавшие его. Эти зеркала имели форму усеченного конуса. По оси его были расположены паровые котлы, окруженные стеклянным футляром. Особое приспособление с часовым механизмом поворачивало зеркала вслед за солнцем.

— Видите, как все это просто, — сказал Ли. — Зеркала, поставленные под углом, собирают солнечные лучи в один фокус и нагревают воду до точки кипения. Получается пар Он приводит в действие электрические машины, а энергия, как я сказал вам, передается по радио.

К Ли подходили люди в таких же костюмах, как и он, ни лицом, ни наружностью не отличавшиеся от него. Ли говорил с ними о сложных технических вопросах, бросая непонятные для меня слова и термины.

Когда мы остались одни, я спросил:

— Вы разговаривали, вероятно, с инженерами. Но где же рабочие? Я хотел бы посмотреть на них.

Ли окинул меня удивленным взглядом.

— Рабочие? Каких таких особенных рабочих вы ищете? Мы все рабочие. Один из нас знает немного больше, другой меньше, один более талантлив, другой менее, вот и вся разница. Но вернее, пожалуй, сказать, что у нас все — инженеры. Потому что каждый из наших рабочих знает больше, чем знали инженеры вашего века.

С нескрываемым удивлением смотрел я на работу этих «инженеров». Здесь никто не кричал, не распоряжался, каждый знал свою роль, все работали согласованно, как музыканты в оркестре без дирижера.

— Вы удивлены этой «концертностью»? — спросил меня Ли. — Да, тут есть маленький секрет. Конечно, здесь большую роль играет простая привычка к коллективному труду. Вспомните хотя бы пчел, которые умеют так дружно работать, не мешая друг другу. Но у нас дело обстоит несколько сложнее. В тех случаях, когда нам надо срочно произвести работу, требующую участия рабочих масс, мы пускаем в ход передачу мысли на расстояние. Невидимый вами «дирижер» направляет и координирует действия отдельных работников и массы в целом.

— Передача мысли на расстояние?

— В этом нет ничего удивительного. Эль говорил, что и в ваше время уже знали, что всякая мысль сопровождается излучением электромагнитных волн. Мы развили в себе высокую чувствительность к восприятию этих волн. И при помощи передачи мысли на расстояние нам удалось создать идеальные трудовые «артели».

— Но не подавляет ли это личность?

— В вас еще не отмер индивидуалист, — улыбаясь, ответил Ли. — У нас нет противоречий между личностью и обществом. Все, что полезно обществу, полезно личности. Настанет время, — продолжал задумчиво Ли, — и энергия мысли заменит собой радио. По крайней мере, в области обмена мыслями. Мы иногда и теперь прибегаем к этому способу разговоров.

— Какая невыносимая жара! — сказал я, задыхаясь от зноя.

— Спустимся в подземные галереи, там вы освежитесь, — предложил Ли.

— Шахты? — спросил я.

— А вот увидите, — загадочно ответил Ли.

И мы спустились по отлогой галерее на широкую площадку, находящуюся под землей.

— Садитесь в лифт, это будет скорее.

Лифт перенес нас на глубину двух десятков метров.

Выйдя из лифта, я увидел, что нахожусь посреди огромной круглой залы с высоким сводчатым потолком. Мягкий свет заливал эту залу. Во все стороны от нее шли широкие туннели.

Мы углубились в один из этих уходящих вдаль туннелей. Я с удовольствием вдыхал чистый свежий воздух. Туннель все расширялся, и в конце его я увидел нечто, заставившее меня остановиться от неожиданности. Казалось, я вижу мираж в пустыне. Перед нами вырос огромный тропический сад. Среди пышной, сочной растительности струились фонтаны. Дорожки были посыпаны золотистым песком. Посредине сада покоилось тихое озеро необычайно чистой голубой воды. Множество птиц летало меж деревьев, наполняя воздух щебетаньем и шелестом крыльев. И над всем этим — голубой полог неба или стекла, — я не мог этого определить, — с огромным «солнцем» посередине.

— В этом подземном городе живут работники нашей солнечной станции, — сказал Ли. — Не правда ли, хороший уголок? Многим так нравится здесь, что они проводят под землей все свое свободное время, наслаждаясь тишиной, прохладой, прекрасным воздухом и солнечным светом, который передается сюда системой зеркал. Радиоэкраны позволяют им видеть все, что происходит в мире на поверхности земли. Их комнаты ничем не отличаются от моего белого домика. Если у нас будет время, я покажу вам замечательный аквариум, зоологический сад...

Слова Ли были прерваны каким-то грохотом, раздавшимся над нашими головами. Ли насторожился.

— Идем скорее на поверхность, там что-то случилось, — сказал он.

Мы быстро поднялись и вышли, вернее, вошли в горячую печь ярких лучей туркестанского солнца.

В тот же самый момент я увидел странное явление: на

безоблачном небе вдруг образовалось прямо над нашими головами небольшое черное облачко.

Вдруг ослепительная даже в лучах солнца молния прорезала облако и, полоснув по небу, ударила в зеркальный собиратель солнечных лучей. Я невольно пригнулся от последовавшего удара грома. Осколки зеркала брызнули, как золотой дождь, в разные стороны.

— Разрядник! — закричал Ли.

Но люди уже сами знали, что делать. Не прошло и минуты, как в разных местах из-под земли начали показываться толпы людей с различными инструментами. Казалось, будто кто-то раскопал огромный муравейник и все муравьи вышли наружу.

Мне никогда не приходилось видеть, чтобы люди работали с такой быстротой и организованностью. Их было не меньше нескольких сот, и тем не менее не слышалось ни криков, ни приказаний. Каждый знал свое место, работал как часть хорошо слаженной машины. Никто никому не мешал. Ни суеты, ни давки. Одни несли запасные зеркала, другие раздвигали складные лестницы, иные разбирали осколки. Не прошло и нескольких минут, как солнечные установки были исправлены, мусор и остатки зеркал унесены. Люди ушли под землю, и ничего больше не напоминало о разрушении. Я был восхищен этой необычайной организованностью и невольно вспомнил слова Ли об оркестре, руководимом невидимым дирижером при помощи излучения мысли.

— Однако что произошло? Откуда эта неожиданная гроза? — спросил я Ли, когда все улеглось.

— Работа американцев, — ответил Ли. — Они сгущают на расстоянии атмосферное электричество и вызывают грозу. Очевидно, у нас где-нибудь произошел временный прорыв воздушного заграждения. Этим и воспользовались враги, чтобы нанести разрушения нашим силовым установкам. Но в другой раз им это не удастся. Недавно мною поставлены грозовые разрядники. К сожалению, их не применяли до

сих пор, считая, что и воздушное заграждение вполне охраняет нас.

Я не заметил, как подошла к нам Эа. Она сказала Ли, что шпионы пойманы, что в последней борьбе они уничтожили два наших корабля, но вместе с тем погибли и сами.

— И потом... — Эа наклонилась к самому уху Ли и что-то прошептала. Я удивился этой чрезмерной предосторожности.

Ли кивнул ей головой и, обратившись ко мне, сказал так же тихо:

— Сейчас мы выступаем.

Затем он добавил, несколько повысив голос:

— Момент слишком серьезный. Нужна особая осторожность. Идем.

Глава 9

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В небе насколько хватал глаз видны были стаи птиц. Можно было подумать, что куда-то на ночлег слетались со всего света вороны. Но это были не птицы, а воздушные корабли, среди которых находился и наш.

— Атлантический океан! — крикнул Ли, стараясь перекричать шум ветра за стенками нашего снаряда.

Атлантический океан? Давно ли мы были в Туркестане? Решительно, эти люди победили время.

Развернувшаяся внизу картина заставила меня вскрикнуть от удивления. Весь берег моря был заполнен необычайными существами, которых можно было принять за чудовищных вымерших животных. Это были какие-то странные пресноводно-воздушные животные. Хотя они были похожи друг на друга, одни из них, дойдя до края отлогого берега, погружались в волны и, очевидно, продолжали свой путь под водой, другие плыли по поверхности воды, иные летели над океаном.

— Не правда ли, это напоминает картину первобытного мира? Стадо чудовищных ящеров идет на водопой! Это на-

ши истребители. Они одинаково хорошо чувствуют себя на воде, под водой и в воздухе.

Их были тысячи, быть может, сотни тысяч. И тысячи воздушных кораблей реяли в воздухе. «Какая истребительная война! — подумал я. — При таком количестве участников в один день могут погибнуть миллионы людей».

— Сколько человек насчитывает ваша армия? — спросил я Ли.

— Вы хотели спросить, вероятно, сколько киловатт? — ответил он вопросом.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Эти орудия истребления таят в себе миллиарды киловатт энергии. А людей? Семьдесят три человека, считая и нас с вами.

— Но позвольте, кто же управляет всеми этими машинами?

— Эти машины не имеют людей. Небольшое же число людей, составляющих всю нашу «армию», управляет движением машин на расстоянии, по радио.

— Так, значит?..

— Значит, это будет больше войною машин, чем людей. «Победит тот, у кого выше техника», — ведь так, кажется, говорили и в ваше время?

В этом новом для меня мире я совершенно потерял представление о времени. Побеждая огромными скоростями передвижения пространство, эти люди победили и время. Я не мог определить, сколько минут или часов продолжался наш полет над океаном. Летя с бешеной скоростью, мы как будто хотели догнать солнце. Его последние лучи еще золотили высокие облака над нами, когда Ли сказал:

— Мы подлетаем к берегам Америки.

Я посмотрел на него и увидел, что, против обыкновения, он был взволнован.

— Настал день, — сказал он, — когда решится судьба мира. — Погибнем ли мы или погибнут наши враги, но земной шар больше не будет разделен на две половины. Но я уверен, что погибнут они. Мы не можем погибнуть потому,

что за нами — будущее, а они — последняя мрачная страница прошлого.

Не успел Ли досказать эту фразу, как и я уже отчетливо увидел американские берега.

Еще несколько мгновений, и наши корабли уже летели над берегом, выползали из океана, быстро покрывая своими громоздкими черными телами отлогий берег. Место было пустынное. Мы летели значительно тише, и я мог хорошо рассмотреть невеселый ландшафт. Берег отлого поднимался и переходил в обширную равнину, края которой пропадали во мгле надвигающегося вечера. «Неплохой плацдарм, есть где развернуться, — подумал я. — Но почему нет врага? Мы, очевидно, застали их врасплох».

Вспыхнули прожекторы, и сразу над равниной настал «голубой день». Яркий голубой свет осветил дали, и я увидел странное явление: из-за далекого леса медленно, как слоны, двигались какие-то существа, напоминавшие гигантских сороконожек... Они направлялись к глубокой расселине, пересекавшей равнину.

— Это мосты, — сказал Ли. — Очевидно, о нашем приезде уже узнали.

— Мосты? Ходячие мосты?

— Старая штука, — ответил Ли. — У нас вам разве не приходилось видеть? Их устои подвижны, как ноги. Этими ногами, конечно, управляют люди. Управляют издалека. И мосты идут и становятся на место...

А мосты молча, деловито продолжали свое шествие, дошли до расщелины и начали осторожно, как лошадь, опускающая ноги в воду, нащупывать почву. В ту же минуту я заметил, что ноги «живых мостов» удлиняются, растут, пока не нащупают дна. Таким образом они перебираются через расщелины, пока передний конец моста не ляжет на противоположной стороне. И мост готов. Не успели мосты наладить переправу, как из-за леса появились огромные танки, ползущие по земле, а небо, как тучей саранчи, покрылось воздушными судами.

Мы спустились на землю. Наш воздушный корабль по-

местили в глубокую расщелину. Ли разложил перед собою карту боя. Это была особая, светящаяся карта, где отражалась вся картина боя. Вместе с тем на карте имелись едва заметные кнопки.

Бой начался.

Впрочем, слово «бой» не подходило к тому, что я видел. Это была какая-то борьба стихий. В небе воздушные корабли столкнулись, как две грозовые тучи. Эти тучи изрыгали из себя снопы огня. Корабли сталкивались, разбивались в щепы и падали на землю ливнем металлических осколков и светящимся дождем расплавленного металла. Бешеным хороводом кружились стальные птицы в погоне друг за другом, смерчем поднимались выше облаков, опускались почти до земли, вихрем уносились в сторону и опять возвращались. Редели тучи стальных птиц, проливавшиеся обломками на землю, и вновь сгущались от новых налетевших кораблей. Им не было числа, не было конца.

То, что происходило на земле, было не менее страшно, изумительно, фантастично. Неожиданно для меня земноводные танки выпустили из стальных тел огромные клешни и бросились друг на друга, как огромные муравьи или бешено злые скорпионы. Они «жалили» друг друга струями огня, в клочья рвали стальными клешнями стальные тела, разбрасывая металлические обломки далеко вокруг. Не прошло и часа, как на месте гладкой равнины выросла целая груда обломков, пепла, кусков расплавленного металла. Но гора эта жила, кишела, как муравейник. Танки прорывали ходы в этой горе, всюду ища противника.

Удивительнее всего было то, что во всей этой стихийной борьбе, во всех этих машинах не было ни одного человека. На поле сражения проливалась не человеческая кровь, а расплавленный металл, валялись не груды мяса, а стальные обломки. Ли был прав. Это была в подлинном смысле слова война машин. Люди где-то сидели, сидели вдали и направляли машины, которые как будто стали живыми существами.

Одного из этих живых существ, одушевлявших мертвые машины, я видел перед собой. Это был Ли.

Он уже овладел собой. По крайней мере, был внешне спокоен. Склонившись над картой, мерцавшей фосфорическим светом, он внимательно следил за происходящим на поле сражения, как-то разбираясь во всей этой путанице мелькавших по карте пятен, теней и лучей, время от времени отдавал кому-то короткие приказания в рупор и беспрерывно нажимал клавиши, укрепленные на карте. Я видел, как от каждого его прикосновения перемещаются на карте темные пятнышки, а вглядываясь в перископ — как стаи кораблей и густые ряды танков, повинуясь его руке, движутся в разных направлениях. Если бы не этот перископ, то, глядя на Ли, можно было подумать, что он занят игрой в шахматы.

«В конце концов, эта война не так уж страшна, — подумал я, не высказывая вслух свою мысль, чтоб не помешать Ли. — И, пожалуй, она гуманнее прежних войн. Здесь гибнут не люди, а машины».

— Но за машинами стоят люди, их жизнь и благополучие.

Кто это сказал — Ли или я подумал вслух? В ту минуту я сам не мог отдать себе отчета в этом. Я посмотрел на Ли. Лицо его нахмурилось. Он нервно сжал губы и несколько раз нажал на одну и ту же кнопку. Но она, видимо, не действовала. Я посмотрел в перископ и увидел, что на одном участке наши танки стоят как парализованные, а вражеские усиленно истребляют их.

— Несчастные, они погибли, — тихо сказал Ли.

— Их погибли тысячи, — ответил я, думая, что Ли говорит о машинах. — Почему же вы жалеете только эти?

— Погибли не машины, а люди. Те, которые руководили этим участком, — ответил Ли.

Только впоследствии, разговаривая с Ли, я вполне понял значение происходящих событий. Оказывается, не здесь, не на поле сражения, происходили самые драматические сцены. Главное внимание противников было направлено совсем не сюда. Исход сражения зависел от того, кто первый найдет и поразит наибольшее количество пунктов, откуда люди управляли действиями своих машин и орудий истребления. Найти эти пункты, находящиеся на огромном расстоянии от поля сражения, было нелегко. И все-таки их находили благодаря особым пеленгаторным аппаратам, определявшим направления радиоволн. Один только Ли рискнул поставить свой корабль почти у самого места сражения. Но у него, как я потом узнал, был свой расчет. На месте сражения перекрещивалось столько радиоволн, что выделить излучаемую нашим кораблем радиоволну врагу было особенно трудно.

Сражение продолжалось, и расчеты Ли оправдывались. Нас не замечали. К утру сражение велось уже с явным перевесом в нашу пользу. Европейцы нащупали и истребили несколько американских руководящих центров, быстро покончив с истребительными машинами на соответствующих участках поля сражения.

Когда солнце осветило выросшую за ночь гору обломков, Ли, в первый раз за много часов, поднял голову от карты и, улыбаясь, сказал:

— Победа! Теперь уже явная победа! — И, склонившись вновь над картой, он опять углубился в свое занятие.

Вдруг карта как-то потускнела.

— Они нащупывают нас! — тихо проговорил Ли.

От этой неприятной новости у меня холодок пробежал по спине.

— Что же теперь будет? — спросил я. — Уйти незамеченным невозможно. Нас обнаружат и испепелят.

— Да, положение серьезное. Нам нужно подумать о себе.

— Что вы думаете предпринять?

— Попытаюсь «провалиться сквозь землю», — улыбаясь даже в этот опасный момент, сказал Ли.

Я принял это за шутку. Но Ли говорил совершенно серьезно. Правда, мы не «провалились» сквозь землю. Но наше воздушно-земноводное судно, оказывается, имело еще одно качество, о котором я не знал.

— Этого не знают еще и американцы, — сказал Ли. Он отдал приказ, и я услышал какой-то новый глухой шум.

— Носовая часть нашего корабля, — пояснил мне Ли, — снабжена особыми сверлами, которые буравят землю. Для этих сверл даже гранит не представляет преграды. Мы будем врываться в землю, как кроты. На время, чтобы «замести следы», мы не будем излучать радиоволн. Таким образом, мы проберемся под землей на новое место и там поднимемся на поверхность.

Мощные сверла работали, прорывая узкий туннель. Особые лапы отбрасывали землю назад. Сверла скрипели так, что этот пронзительный звук слышался сквозь плотные металлические стенки корабля. И весь корабль дрожал лихорадочной дрожью. Металлические кротовые лапы скребли землю и продвигали длинное тело корабля. Судя по наклону пола, мы зарывались в землю все глубже.

Куда приведет меня это подземное путешествие?

Глава 10

ГОРОД-НЕВОСКРЕС

Бурав скрежещет, скребут стальные «кротовые» лапы. Наша стальная птица, превратившись в подземное животное, неустанно роет землю и продвигается вперед.

Временами скрежет сверла внезапно прекращается, и мы попадаем в подземное озеро или реку. Тогда слышится шум винта, заменившего бурав. Потом опять скрежет. Я не знаю, из чего сделан бурав. Но он режет даже гранит и безостановочно прокладывает нам путь. Только иногда, очевидно встречая слишком твердые пласты почвы, наш умный «крот», чтобы не задерживать движения вперед, обходит залегания рудных пластов и находит более мягкую почву.

Наше подземное путешествие продолжалось несколько часов, и я уже начал уставать от однообразного шума. Посмотреть же, что делается на земле, мы не решались, опасаясь радиоволнами обнаружить наше местопребывание. Ли только отмечал на карте наш подземный путь.

— Где мы находимся? — спросил я его.

— Не могу сказать вам точно. Наш корабль так часто изменял направление, что нетрудно сделать ошибку. Мы должны быть где-то в окрестностях Нью-Йорка.

— А он еще существует?

— Да, и под своим старым названием. Сейчас мы станем подниматься на поверхность.

— Но это не опасно?

— Я думаю, что наверху борьба уже окончена. И потом, надо же нам когда-нибудь подняться на землю. Довольно рыть кротовые норы.

Ли отдал распоряжение, и мы начали довольно круто ползти вверх. Лапы «крота» работали с удвоенной скоростью, как будто ему самому захотелось подышать свежим воздухом. Еще несколько минут, и я услышал, что скрежет сверла прекратился. Стальные членистые лапы продвигали нас вперед.

— Нос нашего корабля вышел на поверхность, — сказал Ли.

— Быть может, это вода?

— Тогда слышался бы шум винта. Я думаю, мы можем выходить.

Люк был открыт. Я вышел наружу и невольно вскрикнул от удивления. Мы находились в центре какого-то зала необычайных размеров. Скорее всего, это была площадь большого города, но над ней возвышался потолок.

«Без единой колонны! Как он держится?» — подумал я.

Площадь была полна народа, передвигавшегося в разных направлениях на подвижных площадках пола.

— Вот так штука! — воскликнул Ли. — Мы попали в самый центр города.

— Это город? — не удержался я от вопроса. Ли что-то ответил, но я не расслышал его слов.

Наше внезапное появление произвело необычайный переполох. Люди кричали пронзительными, тонкими голосами и бросались в стороны. Подвижные площадки, продолжавшие свое движение, сбрасывали людей и перемешивали

груды человеческих тел. Находившиеся вблизи стеклянных стен этого странного города бросались на эти стены и бились о них, как мухи об оконные стекла. Несмотря на громадную толщину стекол, одна из стен не выдержала натиска и разбилась. И я с удивлением увидел, как толпы людей, словно забыв о нашем вторжении, еще с большим ужасом начали убегать от разбитой стены.

— Что их так напугало? Теперь они бегут к нам.

Нагнувшись к моему уху, Ли крикнул мне:

— Они боятся простуды!

Шум помешал мне дослушать объяснения Ли. Удивило меня другое. Почему вся эта масса людей не пытается оказать нам сопротивление? Я начал присматриваться к этим неведомым людям. Что за странные существа! Неужели человеческая природа так выродилась? Все они напоминали рахитичных детей. Непомерно большие головы, совершенно лишенные растительности, разросшиеся, как лопухи, уши, большие круглые глаза под огромным лбом и непропорционально малая нижняя часть лица, с маленьким подбородком, какой мне приходилось видеть только у грудных детей и глубоких беззубых стариков, делали эти существа малопривлекательными. Вдобавок они имели большие животы, свисавшие на маленькие, тонкие кривые ножки.

Ли спокойно и несколько презрительно смотрел на эти жалкие существа. В их круглых глазах отражались беспомощность и ужас.

— Идем, — сказал мне Ли.

Он отдал распоряжение механику ожидать нас и вызвал Эа — нашего пилота. Люк корабля захлопнулся, и мы отправились в путь среди беснующейся толпы.

Казалось, перед нами несется вихрь, разбрасывающий людей, как сухие листья. Таким вихрем был страх, который мы возбуждали в этих существах. И все же я удивлялся смелости Ли, ведь нас было трое, а их — тысячи.

Мы воспользовались одной из скользящих платформ и подъехали к лифту. Лифт действовал автоматически. Мы сели в лифт, и он послушно понес нас наверх. Ли никогда не

был в этом городе, тем не менее он так уверенно держался, что его спокойствие передалось и мне.

Этаж мелькал за этажом, а мы все еще летели вверх. Я попытался было считать этажи, но скоро вынужден был отказаться от этого, — они мелькали слишком быстро.

— Мы, кажется, летим на небо! — улыбаясь, сказал я. — Когда же кончится эта Вавилонская башня?

— Трехсотый этаж. Еще двести, — ответил Ли.

Я чувствовал, что у меня начинает замирать сердце. Наконец лифт замедлил движение и бесшумно остановился.

Мы вышли и оказались на площадке уже гораздо меньших размеров. Здесь не было вращающихся площадок, да в них не было и надобности. Площадь замыкалась с четырех сторон стеклянными стенами из голубоватого стекла, скрывавшего от глаз внутренности помещений. В стенах имелось множество дверей с номерами над ними. Ли уверенно направился к одной из них, нажал кнопку, и дверь бесшумно открылась. В ту же минуту, прежде чем мы вошли, из дверей показался молодой человек. Хотя его голова и большой лоб превосходили нормальные (с моей точки зрения) размеры, но все его телосложение было довольно пропорционально. Большие умные, очень светлые глаза незнакомца вспыхнули радостью, когда он увидел Ли.

— Наконец-то! Я уже беспокоился о вас.

— Здравствуй, Смит, — радушно ответил Ли. — Как дела? Ведь я на несколько часов был оторван от событий.

— Отлично! Полная победа! Но о ней еще не знает весь город. Мы прервали сообщение. Весть о поражении Америки достигла только нижних этажей. Я дал приказ остановить работу лифтов. Ваш подъем был последним. Прошу вас, зайдите ко мне и отдохните.

Ли познакомил нас, и мы вошли в комнату Смита. Она была очень невелика. Шкафы с маленькими ящиками занимали три стены. Несколько чертежных столов были завалены чертежами и приборами, назначение которых было мне неизвестно.

Смит был одним из инженеров, удостоившихся жить в

городе. Здесь не только рабочие, но и инженеры жили при фабриках и заводах, город же населяли только денежные аристократы, державшие в своих руках власть. Смит был из рабочих. Блестящие способности выдвинули его на высокий пост. Но он не оправдал доверия господ и примкнул к рабочему восстанию. Все это я узнал от Эа, в то время как Смит беседовал с Ли.

— Как вам понравился наш город? — обратился ко мне Смит.

— Я еще не имел времени ознакомиться с ним.

— Я покажу вам это любопытное сооружение, — продолжал Смит. — Мы находимся на такой высоте, что не можем даже открывать окон: воздух слишком разрежен, и мы рисковали бы задохнуться. Внутри же здания мы дышим «воздухом долин», который подается сюда снизу особыми нагнетателями. Но если опуститься этажей на двести, то можно выйти на балкон. В хорошую погоду, когда нижележащие тучи не мешают, вы можете любоваться величественной картиной необозримых пространств. Старый Нью-Йорк, город небоскребов, давно исчез. На его месте построен один сплошной город-небоскреб, высота которого намного превышает высочайшие горы в мире. Однако нам надо торопиться. Как бы наши птички не улетели из клетки. Вчерашние властители сегодня стали нашими пленниками. К сожалению, не все. Из трех банкиров, управлявших американским миром, два все-таки успели как-то узнать о поражении и бежали. А может быть, они решили предупредить события. Но старик Клайнс у себя. Нам надо захватить его. Идем.

Мы вновь подошли к лифту. Смит телефонировал, и лифт заработал. Мы спустились на несколько сот этажей.

— Это «бельэтаж», — улыбаясь, сказал Смит, выходя из лифта, — здесь живет верхушка капиталистического мира. Сейчас мы пустим в ход вот этот движущийся тротуар и подъедем к дому «его величества» мистера Клайнса... Вот и готово. Дверь заперта, но мы сумеем открыть ее.

Смит нажал кнопку, повернул стрелку на циферблате с цифрами, еще раз нажал кнопку, и дверь открылась.

— Сейфы, хранящие сокровища, всегда снабжают сложными запорами...

Мы вошли в вестибюль, роскошь которого поразила меня. К моему удивлению, это была роскошь в стиле минувших веков. Но роскошь чрезмерная, пышность, о которой могли бы мечтать короли Средневековья. Мебель из литого золота, малахитовые колонны, тисненый бархат, шелка тончайших узоров, пушистые ковры, зеркала, цветы, роскошные люстры, статуи — все говорило, кричало о силе, могуществе, богатстве владельца этого дворца.

Мы поднялись по белой мраморной лестнице, и перед нами открылся целый ряд залов, отделанных в различных стилях, начиная от стиля Людовика XIV. Белый зал с серебром, красный с позолотой, голубой, бледно-палевый, оранжевый... У меня зарябило в глазах. Казалось, мы переходили из эпохи в эпоху, из века в век. И все эти века были как бы ступеньками, ведущими вверх, на высоту могущества некоронованных королей капитала. Каждый новый зал, в который мы входили, был больше, великолепнее пройденных. Я потерял им счет. Последние были отделаны в неизвестном мне стиле, почти болезненном в своей вычурной роскоши. С огромного бирюзового купола спускались тонкие золотые нити, а на них висели маленькие светящиеся фонарики, своей формой и игрой цветных лучей напоминающие бриллианты.

Вся мебель была сделана из такой же имитации сверкающих алмазов, бриллиантов, изумрудов, топазов, рубинов.

— Все эти камни созданы химическим путем, — сказал Смит, — но по своему составу они ничем не отличаются от настоящих.

— Но почему мы не встретили ни одного человека? Неужели здесь нет слуг? Или все сбежали?

— Владыки этих мест, — ответил Смит, — не переносят присутствия низших существ — живых слуг. Я думаю, они

просто боятся их. Здесь все механизировано. Ну вот мы и пришли наконец к жилым комнатам. Вот дверь в кабинет мистера Клайнса. Дверь, до сих пор закрытая для всех.

Смит распахнул дверь, и мы вошли в комнату небольших размеров, всю заваленную старинными персидскими коврами и японскими шелковыми подушками. Среди груды подушек мы увидели существо, в котором я не сразу узнал человека. Это была какая-то куча теста, завернутого в голубой шелковый халат.

При нашем входе тесто пришло в легкое движение, и я услышал тонкий, визгливый голос. Мистер Клайнс изволил спрашивать, кто мы и как мы осмелились прийти сюда. Эа быстро переводила мне разговор, происходивший на лаконичном новом английском языке.

Мистер Клайнс сердился. Он не слушал того, что говорил ему Смит. Все повышая тон, Клайнс уже визжал, пугая нас страшным наказанием за дерзкое вторжение и за нарушение законов.

— Если вы сейчас же не уберетесь, я нажму вот эту кнопку, и от вас останется пепел! — кричал Клайнс, порозовев от гнева.

— Нажимайте, я жду, — спокойно ответил Смит.

Из теста отделился кусок, который оказался рукой Клайнса. Рука потянулась к кнопке.

— Я сейчас нажму, я нажимаю! — кричал он, но не приводил своей угрозы в исполнение. Наконец, видя, что Смит приближается к нему, Клайнс, с видом отчаяния на лице, нажал кнопку. Он нажимал все сильнее, а Смит стоял живой и невредимый, насмешливо поглядывая на Клайнса. Тот опять побелел, уже от страха. Клайнс убедился, что смертоносный аппарат испортился. В его заплывший жиром мозг начало проникать сознание, что испортилось что-то не только в этом аппарате, но и в механизме всей государственной машины. Клайнс издал звук мыши, попавшейся в кошачьи лапы. Он даже попытался встать, но тотчас беспомощно опустился в подушки.

— Что же вы хотите? — пропищал Клайнс.

— Мы уже достигли того, что хотели. Вы больше не владеете Америкой. Я пришел сказать вам, что вы арестованы. Извольте следовать за мной.

— Следовать? Куда? Но как же так, вдруг?.. Я... я еще не завтракал. Мне предписан строгий режим.

Мы невольно улыбнулись.

— Вас накормят, — ответил Смит.

— Да, но у меня специальный режим... таблетки...

— Вы можете взять их с собой.

— Вы разрешаете? — кисло улыбнувшись, сказал Клайнс. — Они в другой комнате, я сейчас возьму их.

Груда теста зашевелилась, как опара, вылезающая из квашни. У Клайнса оказался такой большой живот и такие тонкие ноги, что, казалось, он не в состоянии ходить. И он действительно не мог ходить без механической помощи.

Рядом с Клайнсом стояла колясочка, которую я не заметил среди груды подушек. Клайнс положил на колясочку свой свисающий до колен живот, подняв его каким-то рычажком, повернул ручку, и домашний «автомобиль» тихо покатил к двери, унося полусидящего на маленькой площадке толстяка.

Когда колясочка скрылась за косяком двери соседней комнаты, Смит сказал:

— Надо, однако, последить за этим господином.

Мы прошли к двери соседней комнаты. Заглянув в нее, я воскликнул, — картина, которую я увидел, была жуткой.

Клайнс, пыхтя и хрипя от страшных усилий, взобрался на подоконник. Окно было открыто настежь. Толстяк перевесил свое грузное тело, в окне мелькнули тонкие ножки, и Клайнс полетел в бездну.

«Он покончил с собой», — подумал я.

— Проклятый толстяк, он хочет убежать от нас! — крикнул Смит, бросаясь к окну. Я последовал за ним. Круглая туша Клайнса, похожая теперь на головастика, перевернулась несколько раз в воздухе и вдруг превратилась в шар. Шар сразу замедлил падение.

— Парашют, — сказал Ли.

Навстречу этому живому шару уже летел американский аэроплан. Подлетев, аэроплан выбросил сетку и зачерпнул воздух, пытаясь поймать Клайнса, но промахнулся. В тот же момент появилось второе воздушное судно, по конструкции которого я определил, что оно европейское. Оттеснив аэроплан американцев, европейское судно тоже выбросило сеть, подцепило падающий шар и потянуло его.

— Ловко! Попалась птичка! — воскликнул Смит. — Но полюбуйтесь на эту воздушную игру. Можно подумать, что мы присутствуем при новом виде спорта — «пушбол» в воздухе!

Игра действительно шла вовсю. Из всех окон небоскреба падали такие же шарики, а воздушные суда двух враждебных армий гонялись за ними, как голодные стрижи за мошкарой, стараясь отбить добычу друг у друга. Но это была не игра, а эвакуация, самая странная из всех, которые когда-либо были. Остатки вражеского воздушного флота, проиграв сражение, бросились к городу-небоскребу, чтобы спасти от плена и унести с собой не успевших бежать жителей города. Аэропланы дрались в воздухе, сталкиваясь между собой и упуская добычу. Многие из выбрасывавшихся предпочитали даже поимку их вражеским аэропланом неминуемой смерти на площадке небоскреба, так как не все парашюты успевали раскрыться. Много обитателей дворца миллиардеров было поймано, но многие из них успели спастись. Спастись на время.

— Дальше Земли не улетят, а весь земной шар теперь в наших руках, — сказал Ли.

Это было верно. Судьба земного шара была решена. Но борьба еще продолжалась, как последние вспышки догоревшего костра. И эта борьба не окончилась еще и для нас лично.

Не успела окончиться охота на падающие шары, как мы вдруг подверглись нападению. К окнам небоскреба начали причаливать вражеские аэропланы, откуда высаживались одетые в черное люди. Мы бросились в соседнюю комнату и заперли дверь. Но это была плохая защита. Град пуль из без-

звучно стрелявших пистолетов изрешетил дверь. Если бы мы не стояли у стены, из нас никого не осталось бы в живых. Пули, очевидно, обладали страшной силой, так как пробивали даже стену небоскреба.

«Скверно, — подумал я, — они изрешетят нас».

Смит, не терявший спокойствия, вынул из кармана небольшую металлическую коробочку и сказал:

— Их страшное оружие, должен признаться, мое изобретение. Но они не знают, что я изобрел и защиту против него.

Смит нажал кнопку ящичка, и я услышал жужжание. Затем он направил аппарат на нас, производя такие движения рукою, как будто он опрыскивал нас жидкостью из пульверизатора. Передавая аппарат Ли, он сказал:

— Проделайте и со мной эту операцию. Здесь собраны омега-лучи, новый вид, неизвестный вам, электроэнергии. Эти лучи облекут ваше тело невидимым флюидом, который охранит вас от пуль. Всякая пуля, прикоснувшись к вашей невидимой оболочке, превратится в пар. Вот посмотрите.

Смит стал перед дверью под градом пуль и начал поворачиваться, как под струей душа. Вокруг него образовалось облачко от превращающегося в пар металла.

В этот момент дверь, уже изрешеченная пулями, с треском раскрылась, и в комнату ворвался отряд людей, одетых в черное. Другой отряд неожиданно показался из двери, ведущей во внутренние комнаты. Этот отряд, очевидно, ожидал конца атаки, чтобы не попасть под огонь атакующих с улицы, от окна.

Вошедшие, видимо, ожидали увидеть груду трупов и были очень удивлены, застав нас невредимыми. Их лица были покрыты черными масками — противогазовый костюм, как узнал я впоследствии, и я не мог видеть выражения их лиц. Но все они начали быстро отступать, встретившись с нами лицом к лицу. Первый отряд присоединился ко второму. Этот маневр был понятен: мы не имели даже парашютов, и путь отступления через окно нам был отрезан. Враги соединенными силами пытались отрезать нам путь во внутренние

комнаты, надеясь, очевидно, захватить нас живыми, если не удалось прикончить смертельным оружием.

Однако они, видимо, еще не хотели верить, что это страшное оружие бессильно против нас. Их автоматические пистолеты начали обливать нас целыми потоками пуль. Комната наполнилась паром, но мы по-прежнему стояли невредимы.

Враги опустили руки и стали совещаться. Что оставалось делать дальше? Вступить в рукопашную? На это у них — детей миллионеров — не хватало решимости. Их тела были столь же изнеженными и дряблыми, как и у их родителей. Они были сильны только своим механическим оружием. Смит, хотя был слабее моих европейских друзей, все же выглядел значительно крепче этих выродившихся аристократов. Что касается Ли и даже Эа, то они, вероятно, без труда разбросали бы каждый по десятку этих вояк. Но особенно врагов смущал мой вид. Я должен был казаться им каким-то мастодонтом, — настолько мое телосложение было несоразмерным в сравнении с этой новой породой большеголовых, тонконогих людей.

Совещание длилось несколько минут. Самый щупленький и тоненький из них, бывший, очевидно, начальником, отдал какое-то приказание. В ту же минуту из следующей комнаты двинулись резервы. Враги сплотились и начали медленно подвигаться к нам. Отчаянность положения заставила их решиться на рукопашный бой.

Смит принял вызов первым. Он бросился вперед, врезался во вражеские ряды и начал разбрасывать нападавших на него. Однако ему скоро понадобилась наша помощь. Враги облепили его с ног до головы, по трое и четверо повисая на руках, хватали за ноги. Ли, Эа и я бросились к нему и освободили от этих черных муравьев.

При первом же моем столкновении с врагами произошел случай, удививший меня самого. Желая оторвать от Смита крепко ухватившегося за него человечка, я неожиданно для себя поднял всю кучу и перебросил в угол комнаты. Я никогда не был спортсменом-тяжелоатлетом и не выделялся физической силой. Но тела этих существ, не ис-

ключая и Смита, оказались необычайно легковесными. Смит упал вместе с ними и хотя, вероятно, расшибся, но был тем не менее очень доволен моим выступлением. Он скоро поднялся и присоединился к нам, а поверженные мною враги лежали недвижимо. Возможно, что от падения все они разбились насмерть. Этот случай произвел настоящую панику среди врагов. Они отступили во вторую комнату. На помощь им шли все новые подкрепления. Я видел, что целая анфилада комнат заполнена людьми в черном. Они решили подавить нас массой. Нам нужно было во что бы то ни стало пробиться вниз, к нашей машине. И мы дружно бросились на врагов. Завязалось горячее сражение, и, пожалуй, без меня моим друзьям пришлось бы плохо. Я расшвыривал врагов, как пустые бумажные пакеты. Они разлетались по всей комнате и замертво падали на мебель, ковры... Несколько тел повисло даже на люстрах. Я прокладывал путь, но мне все время приходилось возвращаться назад, чтобы освободить своих товарищей. Эа устала первой из нас. Два или три раза я раскапывал груду вражеских тел, чтобы освободить ее. И ее ответная улыбка — или мне это только казалось? — уже не была безразличной.

Странное дело — эта улыбка прибавляла мне сил. Мне хотелось доказать Эа, что и мы, грубые люди двадцатого века, имеем свои преимущества.

Мы оттесняли врагов комната за комнатой, лестница за лестницей. Но этот небоскреб был чертовски велик, и врагов было чертовски много. Я чувствовал, что изнемогаю. Пот лил с меня ручьями. Руки тяжелели. Хватит ли сил? Эа смотрела на меня и улыбалась...

Глава 11

ЖИВЫЕ МАШИНЫ

Еще один этаж, и мы будем у цели. Я почти падал от усталости. Среди пискливых вражеских голосов я вдруг различил крик Ли. Он звал меня на помощь. Оглянувшись, я увидел, что Ли, Смит и Эа повергнуты на землю. Враги всем

скопом навалились на них и пытаются задушить. Я бросился на помощь друзьям, но силы окончательно изменили мне. Я упал Плотная масса тел покрыла меня. Я начинал терять сознание.

В этот самый момент до моего слуха донесся — или это мне показалось? — звук фабричной трубы. Звук этот рос, усиливался и переходил в мощный рев, от которого дрожали стеклянные стены небоскреба. Этот чудовищный звук как будто разбудил меня. Но откуда он исходил? Я высвободил голову из груды тел и посмотрел вокруг. С нашими врагами творилось что-то невероятное. Их изнеженный слух, привыкший к тишине города-дома, и их слабые нервы не переносили резких звуков. А это был не просто звук, а мощный рев. Среди врагов поднялась настоящая паника. Они метались, словно охваченные пламенем пожара, затыкали уши, прятали головы в груды тел, бесновались, катались по полу... А звук все рос, и уже не только стеклянные стены, но и весь остов грандиозного здания дрожал мелкой дрожью. Даже для меня, привыкшего к реву паровозов и автомобильных рожков, этот звук становился нестерпимым. Однако кто бы ни трубил в необычайную трубу, этот ужасный рев явился нашим спасителем.

Еще минута — и наши враги один за другим как подкошенные попадали на пол. Некоторое время их тела конвульсивно подергивались, потом и эти движения затихали. Неужели звук убил их?

Рев трубы прекратился так же неожиданно, как и начался. Огромный зал представлял собою поле сражения, усеянное трупами людей, на телах которых не было ни единого повреждения, за исключением тех, кто подвернулся под мою тяжелую руку.

Я подбежал к моим друзьям и начал приводить их в чувство. Первым пришел в себя Ли, вслед за ним Смит. Эа лежала в полуобморочном состоянии. Быть может, и ее нервы не выдержали этой звуковой канонады, а может быть, она была измучена боем? Я поднял ее и бережно понес. Перед нами был открытый путь, если не считать массы поверженных, недвижимых тел. Мы пытались обходить их, но у дверей это оказалось невозможным: здесь тела лежали сплошной стеной. И если из поверженных не все были мертвыми, то едва ли кто вернулся к жизни из тех, по чьим телам прошел тяжелой поступью я — человек двадцатого века.

Наконец мы спустились на нижнюю площадь, посреди которой стоял наш корабль. Механик был около него. Он издали приветствовал нас рукой.

— Вы живы? — крикнул он нам. — Признаться, я уже потерял надежду увидеть вас снова.

— Скажите, — обратился я к механику, — не знаете ли вы, кто поднял такой ужасный рев?

— Я поднял, — ответил он улыбаясь. — Что же мне оставалось делать? Сидя внутри нашего корабля, я наблюдал в перископ, что делают враги. Они пытались поднять люк нашего корабля, но это им не удалось. Тогда они принесли машину, при помощи которой хотели расплавить корабль вместе со мной. И я решил отогнать их нашим «громкоговорителем». Кстати, Ли хотел испытать его действие. Ведь это его изобретение.

— Да, — сказал Ли, — «мегафон» — мое изобретение. При помощи особых усилителей я довожу силу звука до таких пределов, что колебания воздушных волн, вызываемые ими, могут убить быка и разрушить стены.

— Настоящая иерихонская труба, — сказал я.

— Такая труба уже была изобретена в ваше время Иерихоном? — заинтересовался Ли.

Очевидно, он не знал легенд далекого прошлого. У меня не было времени рассказывать ему библейскую историю. Эа все еще не приходила в себя, и я начал серьезно беспокоиться за ее жизнь.

— Вот мы сейчас оживим ее, — Ли вынул флакон с жидкостью и поднес к ее носу. Эа открыла глаза и улыбнулась Ли. Я пожалел, что чудодейственная бутылочка не находилась в моих руках. Но Ли как бы угадал мою мысль и сказал Эа:

— Благодарите его — он спас вашу жизнь.

Эа посмотрела на меня и улыбнулась уже мне.

— В конце концов, — скромно отвел я от себя честь спасения девушки, — нас всех спас звук вашего мегафона и механик, который...

— Куда теперь? — спросил механик, перебивая меня. Он тоже отказывался от чести быть спасителем.

— Летим на заводы, где наша помощь необходима, — ответил Смит.

Мы вошли в корабль, механик пустил мотор, Эа уселась у руля управления, и двинулись в путь.

— Хотите посмотреть, как управляется наша машина? — услышал я голос Эа сквозь полуоткрытую дверь кабины.

— Это очень интересно, — ответил я и, пройдя в кабину пилота, сел в мягкое кресло рядом с Эа.

— Управление так несложно, что ребенок мог бы справиться с этой машиной, — сказала Эа. — Вы видите, что, хотя мы плотно забронированы от внешнего мира, весь путь, лежащий впереди нас, с четкостью зеркального отражения обрисовывается на этом стекле. Я вижу весь путь полета. Ножными педалями я регулирую скорость, а рулевым колесом — направление.

Мы очень медленно катились по площади города-дома.

— Вот я пускаю сразу на вторую скорость...

Корабль рванулся вперед.

— И направляю руль сюда...

— Куда же вы?! — вскрикнул я. — Вы направляете прямо на железобетонный остов небоскреба...

Я ждал катастрофы и невольно сжал руку нашего пилота, но Эа только улыбнулась. Острый металлический нос корабля пробил стену огромной толщины с такой легкостью, что я не почувствовал даже толчка, как будто эта стена была сделана из картона. Как мог забыть я, что наш универсальный корабль еще так недавно пробивал толщи горных пород!

Я повернул перископ и начал смотреть на землю. Мы летели невысоко. Расстилавшийся внизу ландшафт был ясно виден. Под нами проходили равнины, извилистые голубые ленты рек. Дорог не было видно, но это не удивило ме-

ня. С тех пор как воздух сделался главной дорогой, в земных дорогах не стало нужды. Меня удивило другое. Америка казалась безлюдной, заброшенной землей. Не было видно ни ферм, ни городов. Что бы это могло значить? Я обратился с вопросом к Эа.

— Ферм нет, — ответила она, — потому, что продукты питания добываются не на полях, а в лабораториях, химическим путем. А города?.. Богачи здесь жили в десяти гигантских небоскребах. Рабочие же... но вы увидите, как жили здесь рабочие.

Воздушный корабль поднялся на высоту, перевалил через большой горный кряж, и я увидел огромную долину с необычайно гладкой поверхностью, как будто вся она была асфальтирована.

— Что это, гигантский аэродром? — спросил я.

— Нет, это всего только крыша, одна сплошная крыша над фабрикой, занимающей сто двадцать квадратных километров.

— Вы так осведомлены в американских делах, как будто уже бывали здесь.

— Если бы мы не были осведомлены о многом, то и не победили бы, — ответила девушка. — Это фабрика, но вместе с тем и город рабочих, так как рабочие здесь живут на фабриках. Под этой беспредельной крышей они родятся и умирают, не видя неба над головой.

— Как это ужасно! — сказал я, еще не зная, что это только начало тех ужасов, которые предстояло мне увидеть.

Воздушный корабль снизился прямо на крышу. Мы открыли люк и вышли. Смит нажал ногой черный квадрат на серой крыше. Открылась дверь, ведущая вниз. Мы стали спускаться по узкой лестнице, сразу погрузившись в полумрак.

— Здесь хозяева экономили на всем, даже на свете. Осторожней ступайте.

Небольшая лестница кончилась, и мы оказались на бетонном полу фабрики. Это здание представляло собой, даже по своей конструкции, полный контраст с городом-небоскребом. Если тот строился по вертикали, то фабрика — по

горизонтали. Небоскреб был весь залит лучами солнца, здесь же тусклое искусственное освещение наводило тоску. По расположению это здание было похоже на шахматную доску. Широкие, прямые улицы разделяли квадратные кварталы. Улицы были безмолвны. По полу с легким шумом трения двигались только бесконечные ленты, подававшие из квартала в квартал части заготовляемых машин.

— Зайдем в этот цех, — сказал Смит.

Мы вошли в большую полутемную комнату. Недалеко от дверей вращались два стоявшие близко друг к другу колеса, около пяти метров в диаметре каждое. Я подошел к этим колесам и невольно отшатнулся. Между колес прямо на земле сидел какой-то урод. У него, по-видимому, совершенно отсутствовали ноги, так как туловище помещалось в чашеобразном металлическом сосуде. Зато его руки были непомерно велики. Он вращал ими огромные колеса. Это был какой-то придаток машины. К несчастному уроду подошел низкорослый рабочий в замасленном костюме, с масленкой в руке, и влил в рот вертящего колеса уродца какую-то жидкость с таким видом, как будто он смазывал машину.

— Вот и пообедал, — грустно улыбаясь, сказал Смит.

Человек с масленкой ходил около колес, где сидели такие же уродцы, и «смазывал» эти живые машины.

Дальше стояла машина с очень сложным и непонятным мне механизмом. В середине этой машины находилось нечто вроде коробки не больше шестидесяти сантиметров высотой, и в этой коробке бегал карлик, нажимая рычажки... И рядом такая же точно машина, с такой же коробкой и совершенно таким же маленьким человечком!

А еще дальше я увидел отверстие в потолке и чью-то неимоверно длинную и тонкую фигуру; собственно, я увидел только ноги, так как верхняя часть туловища от пояса находилась на втором этаже. Время от времени с автоматичностью машины из отверстия появлялись руки, как длинные рычаги, захватывали подаваемые на транспортере готовые части механизмов и поднимали их на второй этаж.

Это была не фабрика, а какой-то музей уродов. Их вид

производил гнетущее впечатление. В их неподвижные, тусклые глаза нельзя было смотреть без содрогания. Я много пережил за время своего необычайного путешествия, но еще никогда мои нервы не были потрясены до такой степени. Мне было необходимо собрать всю силу воли, чтобы не упасть в обморок.

— Нет, это слишком... Уйдем скорее из этого ада, — обратился я к Смиту.

Он тяжело вздохнул.

— Да, видеть это — большое испытание для нервов. Но вы не видели и десятой доли всех ужасов наших фабрик. Это, — Смит показал на уродцев, — безнадежные люди, даже не люди, а живые машины. Они не только не могут освободить себя, но им уже ничем нельзя помочь. Конечно, не все рабочие превращены в такие придатки машин. Это, в сущности, пережитки старины. Много лет тому назад наша медицина сделала большие успехи в изучении действия желез внутренней секреции на развитие человеческого тела и отдельных органов. Хозяева этих фабрик не преминули использовать успехи науки для своих целей. Они заставили ученых путем подбора и воздействия на железы создавать людей, которые являлись бы такой вот составной частью машины.

— И люди соглашались на это?..

— Не люди, а голод... Все делалось «добровольно» за грошовые прибавки, посулы, а изуродованному потомству этих «охотников» ничего больше не оставалось, как продолжить участь отцов или умереть с голоду из-за полной неприспособленности организма делать какую-нибудь иную работу. Это была эпоха «профессиональной приспособленности», доведенной до абсурда.

— Но, в конце концов, разве это могло быть выгоднее простой механизации? Например, этот великан, таскающий руками части машин на второй этаж...

— Идея была не совсем глупой. Люди делались составной частью машин в тех случаях, когда все-таки требовалось регулировать ход трудовых процессов участием созна-

тельной воли. Потом это было оставлено. Но часть производства осталась с людьми-машинами. Они были дешевы и... совершенно безопасны. Если хотите, это и есть символ «идеального рабочего» с точки зрения капиталиста. Согласитесь, что в большей или меньшей степени и в ваше далекое время капиталисты старались «машинизировать» рабочих, прикрепить живых людей к машинам на возможно больший срок, в ущерб физическому и умственному развитию. Здесь в силу сложившихся условий им удалось осуществить этот идеал до конца. Теперь эти несчастные будут вынесены на свежий воздух, увидят голубое небо и свет солнца. Мы сделаем все возможное, чтобы облегчить им жизнь.

Я вздохнул с облегчением, когда увидел наконец подошедшего к Смиту рабочего, который казался нормально развитым и здоровым, если не считать бледного цвета лица от постоянного пребывания в закрытом помещении.

Смит начал о чем-то разговаривать с рабочим, а мы с Ли и Эа поспешили покинуть эту могилу с заживо погребенными.

Я вышел на поверхность и с облегчением вдохнул свежий воздух.

В этот момент раздался удар грома. Шаровидная молния, такая же, какую я видел на солнечной станции, упала на крышу, с грохотом обрушив часть ее. Еще несколько молний упало вокруг нас.

— Разрядник! — услышал я голос Смита.

Молнии прекратились. Но в наступившей тишине я вдруг услышал громкий голос, как будто исходящий с неба:

— Привет от Клайнса!

На крышу выбежал Смит.

— Проклятье! — кричал он. — Клайнсу удалось бежать!.. Эти беглецы, прежде чем погибнуть, могут наделать нам немало бед...

А Ли, открыв люк нашего корабля, спрашивал механика:

— Вы не отметили направления радиоволны?

— Есть, — ответил он.

— Тогда летим скорее!..

Глава 12

В СТРАНЕ БЕЛЫХ ДИКАРЕЙ

Опять стальная птица кружит в воздухе, увлекая меня в неведомую даль. Эа спокойно поворачивает рулевое колесо. Смит и Ли разговаривают о бегстве Клайнса.

— Не понимаю, как мог еще раз улизнуть от нас Клайнс, эта старая хитрая лисица. Он был в высшем Совете Трех и являлся главой правительства.

— Я уже получил сведения, — ответил Ли. — Наш аэроплан, так ловко подцепивший падающего Клайнса, сам был пойман в сети огромным аэропланом американцев. Четыре наших товарища в плену.

— Клайнса нужно разыскать и поймать во что бы то ни стало.

— Мы и поймаем его, — ответил Ли.

— Не так-то это легко. Его молнии и дерзкое напоминание о себе дали нам направление, но ведь он не стоит на месте.

— Каждый его новый выпад будет давать нам и новые нити к розыску.

— Да, но каждый его выпад будет стоить не одной человеческой жизни...

Мы летели на юг. Леса, горы и реки проносились под нами, как на киноленте, пущенной с бешеной скоростью. Вот и Панамский канал скрылся позади нас. Не слишком ли мы забираем на юг? Мы летим уже над Южной Америкой... Огромная горная цепь преграждает нам путь. Воздушный корабль набирает высоту, поднимаясь выше облаков. Земли не видно за белой пеленой, расстилающейся под нами. Заходящее солнце опускается в эту пелену, окрашивая ее в пурпур.

Эа нажимает педаль ногой и вдруг бледнеет. Педаль не работает. Мотор остановился. Машина стремительно падает.

К счастью, наш корабль приспособлен к таким случайностям. Из стального тела машины выбрасываются плоские крылья. Но управление испорчено, планирование невоз-

можно. Корабль падает в воздухе скользящими углами, как кусок картона, брошенный с высоты. Каждую минуту корабль может повернуться вниз носом или кормой и грузно упасть на землю. Только огромная высота, на которой мы находимся, дает нам несколько мгновений, чтобы приготовиться к этому неизбежному падению. Никто не говорит ни слова. Для всех ясно наше положение. Мы с лихорадочной быстротой прикрепляем за спиной небольшие крылья, открываем люки и выбрасываемся в вихри крутящегося вокруг нас воздуха.

Крылья затрепетали за нашими спинами, мы повисли в воздухе, а наш великолепный корабль стремительно падал.

Под нами густые заросли первобытного леса. Еще мгновение, и корабль врезался носом в лесную чащу. Над лесом поднялся огромный столб воды и грязи, который в лучах заходящего солнца казался извержением вулкана.

— Он упал в лесное болото, — сказал Смит.

— Это к лучшему, он уцелеет, — ответил Ли.

— Да, но удастся ли нам извлечь его из болота? — мрачно проговорил Смит.

Через несколько минут наши крылья зашуршали между широких листьев тропического леса. Ярко раскрашенные попугаи с гортанными криками разлетались при виде необычайных птиц, за которых они, вероятно, нас приняли. Завизжала стая обезьян и стала забрасывать нас сочными плодами.

— Нечего сказать, гостеприимные хозяева, — сказал Смит, пытаясь освободить свои крылья от паутины лиан.

В этой гуще растений летать было невозможно. Пришлось плотно сложить крылья и спускаться по деревьям.

Внизу был полумрак. Быстро приближалась темная тропическая ночь. Мои ноги коснулись почвы и тотчас увязли в глине.

— Подождите спускаться, — сказал я своим спутникам, — здесь болото.

Ли зажег карманный фонарь. Луч света блеснул на жидкой поверхности болота. Змеи, обеспокоенные неожиданным светом и нашими голосами, подняли головы над коря-

выми корнями и угрожающе зашипели. Я быстро вскарабкался на сук, товарищи последовали моему примеру.

— Нечего сказать, в хорошенькое положение мы попали, — сказал Смит. — Придется переждать до утра на деревьях, а там видно будет.

Мы уселись на ветвях большого дерева, поближе друг к другу, как наши далекие предки, и покорились судьбе. Ни одной звезды не было видно над головой: сплошной полог листьев закрывал от нас небо. От болота поднимались сильные испарения. Я чувствовал, как дрожит соседний сук, на котором сидела Эа. От сырости ее лихорадило. Среди тишины ночи слышались какие-то вздохи, шорохи, чавканье. Где-то далеко протяжно завыл неведомый зверь. И вдруг, покрывая все эти звуки, над нами послышался сильный, как звук пароходной сирены, голос:

— Привет от Клайнса!..

Вслед за этими хроматическими переливами раздался визгливый смех.

— Проклятье! — выбранился Смит. — Он издевается над нами! Это он какими-то новыми лучами испортил механизм нашего корабля. Вы оказались правы, Ли, — Клайнс подал о себе весть. Но теперь это бесполезно: наш пеленгаторный аппарат погребен вместе с кораблем.

— Но у меня есть карманный аппарат, с которым я никогда не расстаюсь, — ответил Ли. Блеснув фонариком, он определил направление радиоволны и сделал отметку по компасу.

— Вы очень запасливы, Ли, но, к сожалению, ваши отметки не много принесут нам пользы. Без корабля мы беспомощны.

Голоса замолкли, и опять тишина ночи, прерываемая чьими-то вздохами, шипеньем, криком попугая, которому, должно быть, приснилось что-то страшное. Быть может, неведомые птицы, спустившиеся с неба...

Кажется, это была самая томительная и самая длинная ночь из всех, пережитых мною. Под утро свет луны пронизал густой туман, затянувший все вокруг белым паром. Мы несказанно обрадовались ей.

Пение и пронзительный свист птиц оповестили нас о наступлении утра. Скоро взошло солнце. Туман поднялся и стал редеть. Лес ожил и зазвенел тысячами голосов. Я посмотрел на своих спутников. Они были бледны и истомлены. Я быстро спустился с дерева и попытался ступить на землю. Но это оказалось невозможным.

— Нам придется превратиться в обезьян и путешествовать по веткам, — сказал я своим спутникам.

Цепляясь за ветки, мы перебирались с дерева на дерево в поисках упавшего корабля, но следов его не было. Наконец на одной прогалине Эа увидела воронкообразное отверстие.

— Вот могила нашего корабля, — сказал печально механик Нэр.

Да, это была могила. Нечего было и думать извлечь тяжелый корабль руками пятерых людей.

— Однако что же нам делать? — спросил Ли.

— Прежде всего, поискать место посуше, а потом позаботиться о пище и питье.

— У меня есть немного питательных таблеток, — сказал Ли. — Но нам их хватит всего на несколько дней. А дальше?

— А дальше нам придется приспосабливаться к новой пище, — ответил я. — Здесь должно быть много фруктов. Если вы не можете есть их сырыми, мы добудем огонь, как добывают его дикари, и Эа будет нам готовить кушанья.

— Но я не умею готовить, — ответила девушка.

— Научитесь. Я покажу вам, как это делается. Идем.

— Вернее, лезем, — поправил меня Ли.

И мы отправились в путь. Обезьяны досаждали нам своим назойливым любопытством. Они преследовали нас целой толпой, бранились на своем обезьяньем языке, высовывали языки, потрясали кулаками и бросались в нас орехами и фруктами.

Я поймал на лету большой орех и, раскусив, съел его. Он был очень вкусен.

— Попробуйте, — предложил я Эа. Но она не решилась есть и проглотила питательную таблетку, предложенную ей запасливым Ли. Позавтракав, мы двинулись дальше. Но это лазанье быстро утомило моих спутников.

— Собственно говоря, — сказал Смит, — нам нет нужды бесконечно лазать, пока у нас есть крылья за плечами. Нам нужно добраться до лесной прогалины, и оттуда мы сможем продолжать путь по воздуху.

— Это правда, — ответил механик. — Смотрите, как ярко светит солнце. Вероятно, там есть чистое от зарослей место.

Мы направились к солнечному пятну и скоро добрались до большой лесной прогалины, залитой водой.

Неизъяснимое чувство свободы охватило нас, когда наши трепещущие крылья подняли нас в воздух. В мальчишеской радости, обернувшись назад, я сделал рукой прощальный жест изумленным обезьянам.

Мы поднялись над лесом и долго летели над зеленым ковром. Наконец этот бесконечный лес окончился. Почва начала подниматься и скоро перешла в горный кряж.

Мы облюбовали живописный склон горы с журчащим родником и опустились у небольшой пещеры.

— Мы, кажется, проходим все этапы человеческой истории, — улыбаясь, сказал я, спускаясь на зеленую лужайку. — Из «древесного» человека мы превратились в пещерных людей.

Посмотрев на Эа, я с удивлением заметил, что у нее смыкаются веки. Как ни был запаслив Ли, он не мог захватить с собой всего. Не захватил он и пилюли, уничтожающие токсины утомления. Смит и Ли также имели совершенно сонный вид. Я натаскал в пещеру сухого мха, сделал мягкие ложа и предложил им уснуть.

— Вы поспите, — сказал я им, — а я буду сидеть у входа на страже. Неизвестно, какая опасность может здесь подстерегать нас.

Спутники не заставили себя просить и скоро заснули крепким сном. После бессонной ночи меня также клонило ко сну. Чтобы чем-нибудь развлечься, я решил попытаться добыть огонь. Мне приходилось читать о том, как это делают дикари, но сам я умел добывать огонь только при помощи спичек.

Не упуская из виду пещеры, я прошел к близлежащему лесу, выбрал два сухих сука смолистого дерева и принялся

за дело. Укрепив один сук меж корней, я начал усиленно тереть его другим суком. Работа была нелегкая. Скоро пот лил с меня ручьями, а между тем не появлялось не только огня, но и дыма. Утомительнее всего было то, что я ни на минуту не мог прекратить своей работы, иначе дерево остынет, и все придется начинать сначала. Когда наконец запахло гарью и появился первый дымок, я так обрадовался, как будто сделал величайшее открытие, и начал тереть с удвоенной силой. Я был страшно увлечен своей работой. Вспыхнуло пламя, погасло, опять вспыхнуло, еще раз погасло, и наконец сук запылал. Но мне не удалось спокойно насладиться моим торжеством.

В тот самый момент, когда запылало впервые добытое мною пламя, я услышал отчаянный крик Ли, заглушенный каким-то диким ревом. Подняв глаза от пылающего дерева, я увидел дикарей в звериных шкурах. Неизвестно откуда появившись, они вошли в пещеру, захватили спящими моих спутников и теперь тянули их на гору. При виде этого во мне самом пробудились первобытные инстинкты. С диким ревом, не выпуская из руки пылающего сука и размахивая им, отчего пламя разгоралось еще сильнее, я смело бросился на врагов, тыча в их косматые лица горящим обломком.

Вид пламени произвел на них неожиданно сильное действие. Дикари выпустили из рук свои жертвы и, упав на колени передо мной, завыли, прося пощады. Очевидно, эти люди не были знакомы с добыванием огня и приняли меня за божество. Потрясая над головой своим пылающим факелом, я жестами дал им понять, что испепелю их, если они тронут моих спутников. Дикари как будто поняли меня и покорно кивали головами. Потом они стали совещаться меж собой. Я имел возможность более внимательно осмотреть их. Меня поразило, что их лица напоминали лица европейцев, а кожа, хотя и сильно загоревшая, была белого цвета. Очевидно, судьба столкнула нас с белыми дикарями, о существовании которых ходили слухи еще в мое время. В следующий момент я был поражен еще больше. В их разговоре я уловил, как мне показалось, несколько английских слов. И я не ошибся. Смит, также внимательно прислушивавшийся к их речи, вдруг

заговорил с ними на каком-то ломаном английском языке, и они, по-видимому, поняли его. Между ними завязалась беседа, перешедшая в довольно горячий спор. Наконец Смит и дикари пришли к какому-то соглашению.

— Нам придется идти за ними, — сказал Смит, обращаясь к нам. — Они не сделают нам зла, если «господин бог огня», — и Смит с улыбкой указал на меня, — не сожжет их своим пламенем.

Нам больше ничего не оставалось, как следовать за дикарями.

— Можете ли вы себе представить, — сказал Смит, когда мы двинулись в путь, — что предки этих дикарей были когда-то стопроцентными американцами. Они были рабочими, которым не повезло. Еще в двадцатом веке безработица создала целую «бродячую Америку», сонмы людей, выброшенных за порог культурной жизни больших городов. Американская цивилизация все более сосредоточивалась в одних крупных центрах, а эти люди оказались предоставленными самим себе, среди дикой природы. Из поколения в поколение они сами дичали, забывали все культурные навыки, пока, наконец, как видите, не превратились в настоящих первобытных людей, которым неведомо даже добывание огня. Если бы не ваш горящий сук, быть может, они убили бы всех нас. Не из злобы, но из простого страха перед неизвестными, новыми людьми, непохожими на них. — И, обращаясь ко мне, Смит добавил: — Вам придется продолжать играть вашу роль «бога огня». Это облегчит нашу участь.

Я охотно согласился и потряс своим пылающим суком.

Мы поднялись на гору и нашли целый городок пещерных людей. Навстречу нам бежали голые мальчишки. Женщины в звериных шкурах не решались приблизиться к нам и с любопытством смотрели на нас издали. У пещер и земле валялись каменные топоры и кости убитых животных. На столбах висело несколько черепов хищных зверей — трофеи удачных охот. Белый как лунь благообразный старик подошел к нам с недоверчивым видом. Я повертел в воздухе догоравшим суком и далеко отбросил его от себя. Дуга из дыма повисла над толпой и медленно растаяла в воздухе.

Глава 13

ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР

Я с успехом выполнял роль «бога огня». На большой площадке перед пещерным городом ночью и днем горел неугасимый костер, отгонявший диких зверей, за что белые дикари были мне очень благодарны. А вечерами, после захода солнца и наступления темноты, я совершал торжественное «богослужение». В глазах диких людей я имел полное право считаться существом божественным. Дело в том, что я не только владел тайной добывания огня, но и крыльями. Во время нападения дикарей и борьбы с ними у Ли, Смита и механика крылья оказались поврежденными. Сохранились они только у меня и у Эа. И вот в темные вечера, окруженные всеми обитателями пещер, мы подходили с ней к костру, держа в каждой руке го смолистой палке, зажигали наши «жезлы» с разными церемониями и медленно поднимались в воздух. Дикари поднимали вой, опасаясь, что мы вознесемся в небо и они останутся без огня. Но мы не хотели оставить наших товарищей. Помахав в воздухе горящими палками, мы разбрасывали их в стороны. Пылающие угли падали красивыми дугами, а мы плавно возвращались на землю.

Я убедился, что быть «богом» совсем не трудное занятие. Тем не менее я скоро начал тяготиться своей ролью обманщика поневоле. Ночью, сидя у костра, я мечтал о том, как было бы хорошо этих несчастных, одичавших людей освободить от их предрассудков и поднять культурно: научить земледелию, ремеслам. Но в конце концов это можно было сделать и без нас. Если бы мы освободились, мы, конечно, не забыли бы об этих людях. Освободиться, но как? Пользуясь карманным радиоприемником, сохранившимся у Ли, мы могли слышать о том, что нас усиленно ищут, ищут друзья и враги. Из Радиополиса каждую полночь доносился к нам голос Эля.

— Ли, Эа, где вы, отзовитесь! — спрашивал он у эфира.

Но эфир молчал, потому что наша передающая станция была погребена в болоте вместе с нашим кораблем. Ли пы-

тался снестись с Элем посредством передачи мысли на расстояние. Он сосредоточивал всю свою умственную силу и мысленно отвечал Элю. Но, вероятно, какие-то препятствия поглощали слабые электроволны, излучаемые мыслящим мозгом, так как Эль пунктуально продолжал взывать к нам через эфир.

Искали нас и враги. Несколько раз мы перехватывали сигналы Клайнса, посылаемые своим сообщникам. Судя по этим сигналам, мы знали, что уцелело еще довольно много врагов и находятся они где-то далеко на юге.

Хотя дикари относились к нам хорошо и не причиняли зла, тем не менее они не хотели отпускать нас, тем более что с нашими знаниями мы были им очень полезны.

Не одну ночь, сидя у костра, мы обсуждали план бегства. Но трое бескрылых связывали руки остальным. Еще я, пожалуй, убежал бы от быстроногих дикарей, отдав свои крылья кому-нибудь из товарищей. Но двое из них все равно оказались бы пешими, их, наверное, нагнали бы дикари. И наше положение только бы ухудшилось. А бежать нужно было во что бы то ни стало. Помимо того, что мы томились нашим бездействием, в то время когда наша, в особенности Ли, помощь была так необходима в другом месте, мои спутники страдали от голода. Питательные таблетки все вышли, а привыкнуть к новой пище они не могли. И силы их быстро падали, что еще больше затрудняло бегство.

Однажды ночью мы сидели у костра и молчали. Маленький приемник с громкоговорителем передавал музыку Радиополиса. Эта радиомузыка, которой мы иногда угощали наших поработителей, также казалась им сверхъестественным явлением и поднимала наш авторитет в их глазах. Радиополис веселился, празднуя победу. Новый музыкальный инструмент — электроорган — исполнял гимн победы, произведение молодого гениального композитора, соединявшего занятия музыкой с работой на одной из силовых станций. Музыка замолкла. Послышались аплодисменты. После небольшой паузы новый взрыв аплодисментов. Когда они наконец затихли, мы услышали голос Эля.

— Товарищи, — говорил старый ученый, — наша ра-

дость безмерна. День, о котором так долго мечтал мир трудящихся, настал. Последняя территория земного шара, где еще царил капитал, неистовствовавший в своей агонии, освобождена. И все же в нашу радость, как в музыку этого торжествующего гимна, который вы только что слушали, вплетаются грустные аккорды. Враг побежден. Но часть врагов бежала, захватив с собой ужаснейшие орудия истребления. Пока существует это последнее гнездо, мы не можем быть спокойны, потому что и разбитый враг может причинить нам много зла. Это первое, что омрачает нашу радость. А второе — вы знаете, о чем я буду говорить. Ли, наш лучший инженер, наша самоотверженная Эа, наш преданный работник Нэр, наш загадочный гость из прошлого и вождь американских рабочих Смит пропали без вести. Несмотря на все наши старания, нам не удалось узнать, живы они или погибли. Они не подают о себе вестей, — голос Эля дрогнул, — как мертвые. Но мы не хотим верить в их смерть и будем продолжать наши поиски, пока не узнаем истины, печальной или радостной. Мы разослали специальные экспедиции во все части мира. Мы обшарим каждый уголок земного шара. И мы их найдем! Вместе с тем мы разыщем и наших врагов, хотя бы для этого пришлось опуститься на дно океана или подняться к звездам. И мы уничтожим их. Только тогда наша радость станет полною и не омраченною ничем.

Долго не смолкавшие аплодисменты покрыли речь Эля.

Взволнованный Ли поднялся.

— Помощь близка, — сказал он, — будем терпеливы. Какое несчастье, что я не могу послать им привет!.. Мне хотелось бы кричать, кричать так, чтобы мой голос услышали в далеком Радиополисе...

Возбужденные, мы так и не уснули в эту ночь.

Несколько дней подряд мы не отходили от радиоприемника. Мы все чаще стали получать сигналы от воздушных судов, которые искали нас. Мы знали о пути их полета. Некоторые пролетали в нескольких сотнях километров от нас. Иные из них погибли от внезапного нападения вражеских

судов. Клайнс, очевидно, тоже следил за ходом розысков и старался всячески вредить им.

На исходе второй недели, когда я собирал сучья для костра, ко мне подбежала взволнованная Эа и сказала:

— Идите скорее. Ли получил важные вести.

Я поспешил к отведенной нам для жилья пещере. Там я застал Ли, Смита и Нэра. Ли нервно тер руки и расхаживал по пещере, рискуя разбить голову о низкий свод. Увидев меня, он сказал:

— Я только что получил известие, что один из наших кораблей сегодня ночью пролетит всего в десяти километрах от нас. На крыльях вам легко преодолеть это пространство. Корабль будет лететь медленно. Постарайтесь чем-нибудь привлечь его внимание, и мы спасены. Второго такого случая может не представиться.

— Вы нужнее, — ответил я. — Летите лучше вы. Я дам вам свои крылья.

Но Ли решительно отказался.

— Случай сохранил крылья вам, вы и полетите. Вы — гость среди нас, и я не могу подвергать вас риску остаться здесь, если есть возможность спастись и, быть может, спасти нас. Полетите вы и, на всякий случай, — Эа. Она поможет вам сигнализировать.

Как я ни отказывался, но в конце концов принужден был согласиться.

Мы высчитали время, когда должны были вылететь. Оно приходилось на полночь. Затем общими усилиями мы сделали две большие связки костров из смолистых сухих ветвей.

В этот вечер, чтобы усыпить бдительность дикарей, мое «священнодействие» отличалось особой торжественностью. Я разбрасывал с высоты целые фейерверки горящих кусков дерева, практикуясь вместе с тем в сигнализации. Дикари были в восторге, с криками одобрения разошлись они по окончании моего представления по пещерам и крепко, как дети, уснули. Впрочем, не совсем как дети. Я уже мог убедиться не раз, что дикари умеют спать с чуткостью животных. При малейшем шуме они просыпаются и засыпают не раньше, чем убедятся, что кругом все спокойно. Поэтому

нам надо было соблюдать крайнюю осторожность. От исхода предприятия зависела если не жизнь, то наша свобода.

Мы все сидели у костра. Это было обычно и не могло возбудить подозрения дикарей. Мы прислушивались к их дыханию, вздрагивали, как при крике ребенка во сне. Мы были взволнованы, но молчали. Все уже было обдумано и сказано. Ли посмотрел на хронометр.

— Пора, — тихо сказал он.

Мы поднялись. Наступил самый решительный момент Я и Эа разожгли наши факелы, пламя которых мы должны были поддерживать во все время полета, и начали спускаться вниз, подальше от пещер, чтобы не разбудить спящих шелестом наших крыльев.

Прощание было коротким, но сердечным.

— В добрый путь, — сказал Ли.

Мы тихо поднялись на воздух, пролетели над лесом, обогнули склон горы, поднимаясь все выше и ускоряя полет.

— Если бы не эти факелы, — сказала Эа, — мы могли бы лететь гораздо быстрее.

— Хорошо еще, что ветра нет, — ответил я, — посмотрите, какая чудная ночь.

— Да, но плохо то, что всходит луна. Сегодня полнолуние. В темную ночь наши факелы были бы видны лучше.

Мы поднялись еще выше, но неожиданно попали в поток сильного ветра. Мой факел погас. Хорошо, что я летел не один. Иначе мне пришлось бы опускаться вниз, чтобы добыть огонь трением, а на это ушло бы много времени. Я зажег свой факел от огня факела Эа, и мы спустились ниже, где было тихо. Скоро мы достигли линии, через которую должен был пролететь наш воздушный корабль. Мое волнение достигло крайних пределов. Чтобы свет наших факелов был лучше виден, мы отлетели друг от друга, создав таким образом две светящиеся точки. Несколько раз нам казалось, что мы слышим гул приближающегося корабля, но это был обман слуха.

— Летит! — вдруг крикнула мне Эа, указывая на горизонт.

Она не ошиблась. На диске луны четко вырисовывался силуэт сигарообразного воздушного корабля; пролетев диск

луны, он потерялся на фоне темно-синего неба, но потом опять стал заметен. Он шел прямо на нас, быстро увеличиваясь в размерах.

Мы вынули запасные факелы, зажгли их и, держа в каждой руке по факелу, начали махать ими в воздухе.

— Они заметили нас, корабль летит сюда, — возбужденно крикнула Эа.

Но радость наша была преждевременной. Немного не долетев до нас, корабль вдруг начал заворачивать влево. Я размахивал факелами, рискуя загасить их, — корабль продолжал уклоняться в сторону. Вот уж он миновал нас, последняя надежда угасала...

— Зажигайте все факелы, бросайте часть их на землю, — крикнул я Эа что было мочи.

Вспыхнуло такое яркое пламя, что теперь уже мы сами рисковали сгореть живыми. Жар опалял лицо, я задыхался от дыма, но неистово продолжал махать факелами.

В тот момент, когда отчаяние уже стало овладевать мною, налетевший ветер сдул дым в сторону, и я увидел, что корабль резко изменил полет и быстро приближается к нам.

— Наконец-то! Мы спасены! — крикнул я Эа.

Корабль спустился, замедлил полет, выбросил нечто вроде сети и подхватил нас в эту сеть прежде, чем мы успели бросить факелы. Хорошо, что сеть оказалась металлической и достаточно крупной. Мы выбросили в отверстия сети факелы и с нетерпением ожидали, когда нас поднимут на корабль. Наконец через открытый люк мы были доставлены в просторную каюту.

Первое же лицо, которое я увидел, заставило меня в ужасе отшатнуться. Если бы люк уже не был закрыт, я, быть может, бросился бы вниз. Это было лицо врага. Из одного плена мы попали в другой. Ни слова не говоря, нас заперли в железную каюту, лишенную всякой мебели. Мы были так подавлены, что даже не говорили друг с другом. Что будет с нами? Нам не приходилось рассчитывать на пощаду. И что будет с Ли, Нэром и Смитом?..

Мы летели долго. Наконец мы почувствовали, что корабль снижается, замедляет полет, останавливается. Так же молча наши тюремщики вывели нас наружу. Два ощущения

сразу больно ударили по нервам. Яркий свет солнца после полумрака нашей тюрьмы и резкое чувство холода.

Корабль остановился на площадке, лежавшей на поверхности какого-то океана. Кругом плавали огромные ледяные горы. Посреди площадки был люк. Конвоируемые толпой американцев, мы вошли в лифт и стали спускаться. Спускались мы довольно долго. Наконец мы вышли из лифта и пошли по коридору вдоль стеклянной стены. Сквозь толстое стекло проникал снаружи бледный свет. За стеклом виднелось зеленоватое водное пространство с мелькавшими в нем огромными рыбами. Мы были на дне океана, в подводном городе — последнем убежище американцев.

Глава 14

НА РАССВЕТЕ

— Где находится Смит? Где Ли? — И, не ожидая моего ответа, Клайнс спросил меня, очевидно издеваясь надо мною: — Какую смерть вы предпочитаете, спокойную, как засыпание, или сопровождаемую агонией ужаснейших страданий?

Да, это был Клайнс. Тестообразный, с огромной головой, он сидел, зарывшись в подушки, и смотрел на меня своими водянистыми глазами.

За стеклянной стеной колыхалась вода, в которой виднелись рыбы, привлеченные светом из комнаты подводного городка.

— Какую смерть вы предпочитаете? — еще раз спросил меня Клайнс.

— Я предпочитаю жизнь, — ответил я.

Мой ответ очень рассмешил Клайнса. Он долго смеялся тонким, визгливым смехом. Наконец, вытерев слезящиеся глаза, он ответил:

— Я тоже предпочитаю жизнь, и потому вы должны умереть. Вопрос только в том — как. Если вы скажете, где Смит и Ли, вы умрете спокойно. Если не скажете — вас ждут страдания, самые ужасные мучения, какие только может испытать человек.

— Смит, Ли и механик погибли при крушении корабля, они не успели надеть крылья.

— Гм... вы уже успели сговориться с этой девушкой!

(Я не сговаривался с нею, но оказалось, что по счастливой случайности она, допрошенная раньше меня, дала такие же объяснения.)

— Ваша ложь будет скоро раскрыта. И тогда пеняйте на себя, — сказал Клайнс. Он хорошо говорил на языке европейцев. Потом он перешел на родной язык.

Коротая время у дикарей, я, благодаря новым, упрощенным методам усвоения языков, довольно скоро научился говорить на новом английском языке, беря уроки у Смита.

— Приведите врача, — сказал Клайнс.

«Сейчас, очевидно, меня будут пытать в присутствии врача», — подумал я.

Вошел врач, такой же большеголовый, как Клайнс, но не столь полный — он ходил, не пользуясь подпорками и коляской.

— Осмотрите этого человека, — сказал Клайнс врачу, указывая на меня.

Врач с удивлением посмотрел на мое телосложение, затем приступил к самому тщательному осмотру. Он принес с собой целый ряд аппаратов и последовательно осмотрел с их помощью мои легкие, сердце, печень... Кажется, ни одного органа он не оставил без внимания. Потом он шприцем взял у меня кровь и тут же произвел анализ.

— Ну что? — спросил Клайнс, внимательно следя за всеми манипуляциями врача.

— Прекрасная кровь, — ответил врач. — Количество красных кровяных шариков на двести процентов выше нормального. Это совершенно исключительный экземпляр человеческой породы.

— Прекрасно, — ответил Клайнс.

Я абсолютно не мог понять, какое значение имеет состав крови у человека, которого хотят подвергнуть пыткам и медленной смерти. Скоро, однако, мое недоумение рассеялось. Меня положили на стол возле Клайнса и произвели переливание крови из моих вен в вены Клайнса.

Так вот что значила его фраза: «Я тоже хочу жить, и потому вы должны умереть»! Я должен был умереть не только как враг Клайнса, но и потому, что моя кровь должна была продлить его жизнь.

— Я чувствую себя гораздо лучше, — сказал Клайнс вскоре после операции переливания. — Ко мне вернулась моя прежняя энергия. А она мне так необходима. Ведь мы будем бороться до конца. Питайте его лучше, чтобы я смог как можно больше извлечь из него крови, а потом... он получит должное.

Какой ужас! Своею кровью я должен был укреплять силы самого страшного врага моих друзей, укреплять силы для борьбы с ними... Если мне суждено умереть, то хорошо было бы отравить свою кровь, пусть она отравит и Клайнса...

Надо будет поговорить об этом с Эа, может быть, ей удастся достать нужный яд.

Однако мне не удалось привести в исполнение эту мысль. С Эа я виделся только урывками. Причем врач перед каждым новым переливанием производил анализ крови.

Благодаря хорошему питанию и уходу я не очень обессилевал от потери крови в первое время. Но все же постоянное обескровливание начало сказываться. Я чувствовал слабость, головокружение.

Какая нелепая смерть!

Посмотрев как-то в зеркало, висевшее в одной из проходных комнат, я ужаснулся бледности своего лица.

В этот день, во время операции переливания, врач, не стесняясь моего присутствия, сказал:

— Ну, кажется, эти ресурсы близки к окончанию. Нам придется заняться девушкой. К сожалению, ее кровь не так богата красными шариками...

«Эа! Неужели и ее постигнет та же участь?» — с ужасом думал я, лежа на операционном столе.

— А с этим что? — спросил Клайнс, лежавший рядом.

— Мы можем еще использовать его железы внутренней секреции, — ответил врач. — Сделаем пересадку. Это обновит ваш организм и придаст устойчивость составу вашей крови. Однако надо спешить, так как он на грани острого малокровия. Сделаем передышку на несколько дней, возьмем еще два-три стакана крови, и тогда можно будет оперировать.

На меня смотрели как на обреченного и потому совершенно не стеснялись говорить при мне обо всем. Во время операций переливания Клайнс беседовал со своими друзьями и подчиненными. Из этих разговоров я узнал, что американцы на всякий случай заблаговременно приготовили себе это убежище. Подводный город находился в самой заброшенной части мира, недалеко от Южного полюса. Для того чтобы не обнаружить его местопребывания, отсюда не производили никаких радиопередач. Но американские корабли продолжали совершать налеты, сообщая в город о всех событиях.

Посреди комнаты, в которой находился Клайнс, стояли громкоговоритель и большой экран, на котором отражались события внешнего мира.

Однажды, лежа на операционном столе, я увидел на этом экране картину, глубоко взволновавшую не только меня, но, кажется, и самого Клайнса. Это было во время предпоследнего переливания крови. Экран вдруг осветился, и я увидел площадь в парке Радиополиса. На трибуне, среди радостно возбужденной толпы, стояли Ли и Смит и рассказывали друзьям о своем спасении. Оказалось, что следом за американским кораблем летел наш. Увидав раскиданные по земле догоравшие факелы, друзья, летевшие на розыски, остановили корабль в воздухе. Сотни крылатых людей вылетели из корабля и рассеялись по окружающей местности, ярко освещенной прожектором, чтобы разыскать тех, кто мог зажечь факелы в этой дикой безлюдной местности. Так были найдены Ли, Смит и Нэр.

— Вы, кажется, говорили, что они погибли при падении? — с кривой усмешкой спросил меня Клайнс.

Но усмешка быстро сошла с его лица, когда он услышал о том, что дальше говорил Ли.

Он говорил, что нашим кораблям удалось выследить то место, куда слетаются корабли американцев и откуда они вылетают.

— Таким образом, мы открыли место, где прячется это последнее осиное гнездо.

Случайно повернувшись в сторону Клайнса, Ли сказал.

— Клайнс, быть может, вы видите меня. Так слушайте. Сдавайтесь без боя и отдайте нам наших друзей. Если вы не сделаете этого, мы будем к вам беспощадны. Вместе с вами мы не хотим губить и наших друзей и потому не приводим нашу угрозу в исполнение немедленно. Даю вам сутки на размышление.

Хотя я не видел в этот момент моего лица, но лицо Клайнса, вероятно, было так же бледно, как и мое. Несмотря на протесты врачей, Клайнс приказал немедленно созвать совещание штаба инженеров.

— Мы открыты, — сказал он, когда все явились. — Что делать? Здесь нам оставаться невозможно. Ваше мнение, Крукс.

Я уже слышал эту фамилию. Крукс был главным конструктором, соперничавшим в гениальности с Ли. Его огромная голова с непомерно большим лбом свисала от тяжести на правое плечо, так что он смотрел вбок, исподлобья.

Крукс беспомощно развел руками.

— Мы предвидели то, что рано или поздно будем открыты. Вы знаете, что я сконструировал огромный летающий корабль — целый город, который может вместить всех нас. Этот корабль лежит рядом с подводным городом, в океане. Его движущая сила основана на принципе ракет, и потому на нем мы можем подняться выше атмосферы и летать в безвоздушном пространстве. Мы могли бы продержаться на нем неопределенно долгое время далеко от Земли. Но... тут есть большое «но». Несмотря на все успехи химии, мы не можем обеспечить питанием всех нас более чем на два-три года. Если бы нам удалось возобновить запасы, ну, хотя бы клетчатки, мы бы добыли из нее все, что нужно для питания. Но для этого мы должны держаться ближе к Земле, чтобы наши небольшие суда могли время от времени спускаться на Землю в безлюдных местах и пополнять запасы химических продуктов и воды. Но эти малые суда скоро были бы уничтожены один за другим...

— Значит, мы обречены... — раздельно произнес Клайнс.

— Да, мы обречены, как, впрочем, все живущие на Земле, — ответил Крукс.

— Это вы хорошо сказали, — возбужденно проговорил Клайнс, — хотя, может быть, вы и не думали о том, о чем думаю я. Если обречены умереть мы, то пусть не позже, а вместе с нами умрут все живущие, все до одного. Мы взлетим вверх на нашем воздушном городе, и мы... мы пустим в ход атомную энергию. Мы развяжем все разрушительные силы всех атомов, находящихся на земле, и взорвем весь земной шар. Кто возражает против этого? Конечно, никто Если нам суждено умереть, существование Земли теряет всякий смысл.

На этом совещание было закончено, и все обитатели подводного города начали с отчаянной поспешностью готовиться в последнее путешествие. Так как все шли на смерть, сборы были невелики — нужно было только поднять на поверхность огромный воздушный корабль, перебраться на него и подняться на воздух.

Через несколько часов все было закончено. Огромный город-корабль взмыл над землей.

Все были так поглощены мыслью о предстоящей гибели, что совершенно забыли обо мне и Эа. Мы скоро разыскали друг друга и ушли подальше от всех, в нижнюю часть корабля, игравшую роль трюма. Здесь в огромных кладовых хранились всяческие запасы.

— Эа, неужели через несколько часов, быть может, минут мир погибнет? — спросил я.

— Да, мир может погибнуть, — ответила она. — Мы должны, если сумеем, попытаться предотвратить эту опасность. Но как?..

Мы посмотрели друг на друга, и вдруг наши глаза засветились мыслью, — мы уже знали, что одною и той же мыслью.

В этих трюмах должны быть запасы взрывчатых веществ, достаточные для того, чтобы взорвать весь корабль со всеми его обитателями и нами самими. Взорвать корабль прежде, чем Крукс пустит в ход атомную энергию, — и Земля будет спасена!

Не говоря друг другу ни слова, мы с Эа бросились на поиски.

Только бы успеть!..

Обежав несколько комнат, мы наконец нашли то, что искали. В мягких подушках на полках, снабженных пружинами, лежали бомбы. Достаточно взорвать одну бомбу, как взлетит на воздух весь склад. Но мы взяли две бомбы — Эа тоже хотела принять непосредственное участие в спасении Земли.

С бомбами в руках мы в последний раз взглянули друг на друга.

— Прощай, Эа, — сказал я дрогнувшим голосом.

— Прощай! — тихо ответила она, и лицо ее осветилось печальной улыбкой, как бледным лучом солнца, мелькнувшим между осенних туч.

Мы подняли тяжелые бомбы и бросили их на пол.

Взрыв... Пламя... Ничто...

* * *

— Эа, Эа! — закричал я, сам удивляясь тому, что еще могу кричать, и открыл глаза... На моем письменном столе горела лампа, а сквозь окно пробивался сумрачный свет московского утра.

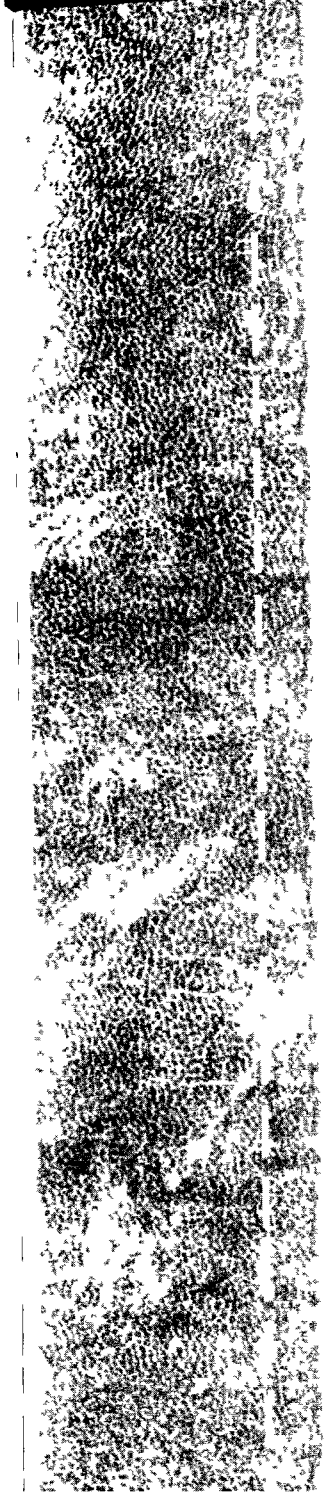
— Наконец-то, — услышал я незнакомый голос. Это был голос врача.

— Что с Эа? Она тоже жива? — спросил я доктора, еще не соображая, почему я вновь оказался в Москве.

— Лежите спокойно, — ответил врач. — Вы еще бредите. Вы были очень больны, но теперь опасность совершенно миновала.

1928

Текст к переизданию подготовлен Светланой Александровной Беляевой, 1986 год

Вечный хлеб

Глава 1

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

Небольшой рыбацкий баркас медленно подплывал к острову Фэр, входящему в группу Фридландских северных островов Немецкого моря[1] Стоял осенний вечер Крепкий северный ветер обдавал рыбаков брызгами ледяной воды Лов был неудачный, и лица рыбаков, посиневшие от холода, хмурились

— Зима в этом году будет ранняя, — сказал старый рыбак, попыхивая короткой носогрейкой

— Да, похоже на то, — отозвался молодой и, помолчав, прибавил: — У Карла опять сеть украли, новую!

Все оживились Рыбаки начали обсуждать, кто бы мог заниматься у них кражами

— Мое мнение такое, что это дело рук Ганса, — решительно заявил молодой рыбак

— Ганса? Ну, уж ты придумаешь! — послышались удивленные голоса

Ганс был полубольной, тощий, как скелет, высокий старик, одиноко живший в старом, заброшенном здании маяка.

— Ганс? Да он еле ноги таскает! Какие же у тебя доказательства?

— А такие, — заявил молодой рыбак, — что Ганс толстеет.

Это была правда За последние недели лицо Ганса значительно округлилось, и эта загадочная полнота уже служила предметом деревенских разговоров.

---

[1]Современное написание остров Фер, Фридландские острова — ныне Северо-Фризские острова в Северном море

— Говорят, Ганс нашел на берегу клад, выброшенный морем. От такого подарка немудрено пополнеть, — задумчиво сказал старый рыбак.

— Ганс занимается контрабандой.

— А я говорю вам, — не унимался молодой рыбак, — что Ганс крадет у нас сети и рыбу, продает их и жиреет. Вы заметили, поздно вечером он куда-то частенько отлучается. Какие такие у него дела? Все это очень подозрительно.

С молодым рыбаком спорили, но видно было, что его рассказ на многих произвел впечатление. И когда баркас подошел к берегу у старого маяка, один из рыбаков предложил:

— А что, если бы нам зайти к Гансу, посмотреть, как он живет? Обогреемся, а кстати и его пощупаем.

— Вот это дело! — оживился молодой рыбак и начал быстро выгружать рыбу и прибирать снасти.

В небольшом оконце маяка светился огонек. Старик Ганс еще не спал. Он радушно встретил гостей и предложил погреться у полуразвалившегося камина.

— Ну как лов? — спросил он, потирая жилистые руки с крючковатыми пальцами.

— Плохо, — ответил молодой рыбак. Он был зол на неудачный лов и непогоду, и ему хотелось сорвать на ком-нибудь злость. — А ты все полнеешь, Ганс, с чего бы?

Старик жалко улыбнулся и развел руками.

— Ты тоже полнеешь, Людвиг, — ответил он.

— Не обо мне речь. Когда человек своими сетями рыбу ловит да продает, в этом нет ничего удивительного, что полнеешь. А ты вот скажи нам секрет, как, не работая, пополнеть, тогда и мы, может, будем у теплого камина греться, вместо того чтобы в море ревматизмы наживать.

Ганс был явно смущен. Он ежился, потирал руки, пожимал плечами. Все заметили смущение старика, и это заставило поверить в его виновность даже тех, кто сомневался.

— Надо бы произвести у него обыск, — тихо сказал рыжий Фриц, наклоняясь к уху другого рыбака, — я это тонко устрою. — И, обратившись к Гансу, он сказал: — Как ты не

боишься жить в этакой развалине? Дунет хороший норд-ост и тебя раздавит в лепешку.

— Стены толстые, как-нибудь доживу, — ответил Ганс.

— А если раздавит? — не унимался Фриц. — Тебе-то, старику, может быть, это и безразлично, а с нас спросят. Зачем не приняли мер безопасности. Еще под суд отдадут. Надо осмотреть твое жилище.

— Что ж его осматривать? — растерянно проговорил Ганс. Он уже не сомневался, что посетители в чем-то его подозревают и пришли неспроста. — Приходите завтра, когда будет светло, и осмотрите, если желаете.

— Зачем завтра? Мы и сегодня можем осмотреть.

— Да ведь темно, лестницы разрушены, ушибиться можете. Ну что за спешка, право. Полсотни лет жил, а тут вдруг одну ночь не переждать.

Людвиг уже понял военную хитрость Фрица и засуетился:

— А ты фонарь зажги.

— Фонарь! У меня и масла нет.

Но Фриц уже шарил по круглой комнате.

— Масла? Вот фонарь. А вот и масло. Ты что же, старик, лукавишь? — Фриц быстро налил масло, зажег фонарь.

— Идем.

Все поднялись и пошли за Фрицем. Ганс, тяжело вздыхая и шаркая ногами, шел следом за ними, поднимаясь в полутьме по сырым, стертым ступеням винтовой лестницы.

В комнате второго этажа лежал всякий хлам, покрытый пылью и мусором обвалившейся штукатурки. Сквозь разбитые стекла окон дул ветер. Свет спугнул несколько летучих мышей, и они шарахнулись по стенам, сдувая пыль и паутину. Фриц внимательно осматривал каждый угол, ворошил мусор тяжелыми рыбацкими сапогами, потом освещал стены и говорил:

— Ишь какие трещины!

Но ничего подозрительного он не нашел.

— Идем в третий этаж.

— Да ничего там нет, — проговорил Ганс. Но Фриц, не слушая его, уже карабкался в верхнюю комнату.

Здесь ветер пронизывал насквозь, проникая не только через открытые впадины окон, но и в огромные щели.

— Ты, кажется, ошибся, Людвиг, — тихо сказал Фриц.

— А вот посмотрим, — громко ответил Людвиг и, разозлившись, толкнул Фрица. — Неси сюда фонарь. Что это такое?

— На сеть не похоже, — сказал громко и Фриц, уже не считая нужным скрывать цель прихода. Фонарь осветил полку и стоящий на ней котелок, прикрытый дощечкой.

Фриц поднял дощечку и заглянул в котелок. Там лежала какая-то студенистая жидкость, напоминавшая лягушечью икру.

— Пойдем, Людвиг, это какая-то перекисшая дрянь. Я ж тебе говорил, что ты ошибся.

Людвиг уже сам злился на себя, что затеял всю эту историю и остался в дураках. Чтобы оттянуть момент своего посрамления, он вытащил из темного угла Ганса и грубо закричал на него:

— Ты что держишь в этом горшке?

К общему удивлению, вопрос Людвига привел Ганса в крайнее смущение. От волнения у старика дрожала нижняя челюсть. Бессвязно он прошептал несколько слов и замолк. Это возбудило интерес к содержимому горшка у остальных рыбаков.

— Что же ты молчишь? — не унимался Людвиг. — Да ты знаешь, куда попадешь за такие дела? — фантазировал он, вдохновленный смущением Ганса.

— Не спрашивайте, прошу вас, — проговорил Ганс упавшим голосом. — Здесь нет никакого преступления, но я дал слово...

Эти слова произвели на всех ошеломляющее впечатление. Неожиданно они оказались перед лицом какой-то загадки. Торжествующий Людвиг бережно ухватил горшок и, приказав Фрицу светить фонарем, спустился вниз.

— Это, кажется, будет поинтереснее краденых сетей, — сказал он возбужденно Фрицу, ставя горшок на стол у камина. — А теперь, — обратился он к Гансу, — ты должен рассказать нам все.

— Но я дал слово...

— Тогда ты пойдешь в тюрьму.

— За что же?

— За это самое. Ты был у нас уже давно на подозрении. Недаром ты стал полнеть.

— Неужели вы знаете?

Людвиг ничего не знал. Но в этот осенний вечер он неожиданно открыл в себе способности сыщика.

— Да, мы знаем все, — уверенно ответил он. — Если ты не будешь запираться, то мы, может быть, и не отправим тебя в тюрьму.

Старик был убит. Он низко опустил голову и, помолчав, сказал:

— Я не хотел нарушить слово и сделать неприятность тому, кто пожалел меня, старика, и был моим благодетелем. Но если вы уже знаете... Это «вечный хлеб», который я получил от профессора Бройера.

Если Людвиг и имел способности сыщика, то ему не хватало профессиональной опытности. Забыв свою роль, он в полнейшем изумлении спросил:

— Вечный хлеб? Что это такое?

Услышав этот вопрос, заданный с искренним удивлением, и возгласы других рыбаков, Ганс понял, что они ничего не знали о «вечном хлебе» и что, очевидно, другое подозрение привело их сюда и случайно открыло тайну, бережно им хранимую. Если бы он еще не назвал фамилии профессора! Но отступать было уже поздно. И сразу сгорбившийся Ганс тяжело опустился на скамью.

— Слушайте. Я скажу вам все...

Глава 2

СЧАСТЛИВЫЙ ГАНС

— Я очень нуждался, больше того, я голодал, — так начал свое признание старик Ганс. — Однажды вечером, когда я от голодного истощения не в силах был выйти из дому, ко мне постучались. Я открыл дверь и увидал перед собой ста-

рого профессора Бройера, который, как вы знаете, живет недалеко от нашей деревушки в усадьбе.

— Знаем, говори дальше, — нетерпеливо прервал Ганса Фриц.

— Профессор Бройер сказал мне: «Я могу накормить тебя, Ганс, накормить на всю жизнь, если только ты дашь мне слово никому не говорить об этом». Я дал ему клятву, — старик тяжело вздохнул, — которую теперь нарушил... Тогда Бройер вынул из-под плаща банку и протянул ее мне. «В этой банке, — сказал он мне, — находится «вечный хлеб», или «тесто». Если ты съешь половину этого теста, то будешь сыт весь день. А через сутки тесто само нарастет, и банка будет опять полная. Не бойся, Ганс, — сказал профессор, — это не вредное тесто. Не смотри, что оно некрасиво выглядит. Тесто питательно и вкусно. Попробуй». Я не решался. Тогда профессор откушал сам и говорит: «Ну, вот видишь, я жив и здоров». Он оставил мне банку и просил наведываться к нему и сказывать, как я себя чувствую. Потом он ушел...

Рыбаки слушали рассказ Ганса с таким напряженным вниманием и удивлением, что многие из них даже раскрыли рты.

— И что же было дальше? — ерзая на стуле от нетерпения, спросил Фриц.

— Я долго не решался притронуться к тесту, — продолжал Ганс. — Оно так похоже на лягушечью икру. Противно было. Несколько раз я подходил к банке, но не мог побороть отвращения. От голода мне не спалось. Под утро, когда спазмы стали сводить мне желудок, я решил: все равно умирать... И, зачерпнув ложкой, я проглотил кусок теста. Оно оказалось довольно вкусным и напоминало растертое печеное яблоко. Не прошло минуты, как я почувствовал полную сытость. Силы быстро прибывали. Мысленно поблагодарив профессора за его чудесный подарок, я крепко уснул и проснулся бодрым и здоровым.

— А тесто? Ты посмотрел на тесто?

— Я съел меньше половины, а к утру банка была полна

до краев. С тех пор я начал хорошо питаться и быстро пополнел.

Казалось, слушатели окаменели от изумления. Но когда старик окончил свой рассказ, все пришли в движение, заговорили, замахали руками, повскакали с мест.

— Это что же выходит? Вроде скатерти-самобранки?..

— Да, если бы нам дали такой клад, то больше ничего на свете и не надо. Ни тебе землю пахать, ни тебе в море болтаться — лежи на лавке да тесто закладывай в рот...

— А по нашим безродным местам, где и картошка-то плохо растет...

Когда первое волнение несколько улеглось, всех охватило сомнение. Да возможно ли это? Не морочит ли их старый Ганс? Слишком необычайной, чудесной казалась эта сказка о «вечном хлебе».

— А ты не врешь, старик? — строго спросил Людвиг.

— Зачем мне врать? Я могу при вас покушать. — И Ганс, зачерпнув ложкой, с аппетитом проглотил большой кусок густого теста.

Все смотрели на него с таким видом, как будто он глотает живую змею.

— Не угодно ли кому попробовать?

Но никто не решался.

Однако недоверие было сломлено. Все вновь начали обсуждать это необычайное событие, завидуя счастливому Гансу.

Жены и дети, беспокоясь о долгом отсутствии мужей и отцов, разыскали их и скоро наполнили всю комнату. К полуночи уже вся рыбацкая деревня знала о необычайной новости. И разговоры шли до утра. А рано утром, еще до восхода солнца, к старому маяку потянулось настоящее паломничество. Каждому хотелось посмотреть на чудесный «вечный хлеб» и насколько он вырос за ночь. Фриц и Людвиг сторожили у банки всю ночь и теперь явились свидетелями того, что действительно тесто «подошло», как опара, и заполнило всю банку.

Фриц первый решился испробовать тесто и удостоверил, что оно очень вкусно и сытно.

Никогда еще круглая комната маяка не видала столько народу. Теперь здесь шло беспрерывное заседание. Рыбаки не могли примириться с мыслью, что таким кладом обладает только Ганс. После долгих споров они решили послать депутацию к профессору Бройеру, расспросить его о хлебе и просить наделить этим хлебом всех. Депутатами были избраны Фриц, Людвиг и учитель Отто Вейсман, как самый грамотный и начитанный в деревне человек. Ганс просил взять и его, чтобы он мог оправдаться перед профессором.

Профессор Бройер был ученый с мировым именем. Его работы в области биохимии, поражавшие своей смелостью, возбуждали споры и в то же время живейший интерес среди ученых Европы и Америки. Несколько лет тому назад, будучи старым, но еще очень бодрым человеком, он неожиданно для всех оставил чтение лекций в Берлинском университете и удалился «на покой», как говорил он, избрал своим местожительством отдаленную от центра местность и построил себе небольшой домик на острове Фэр. Ближайшим своим друзьям он говорил, что удаляется от «мирской суеты», чтобы заняться лабораторными опытами над разрешением одной задачи мировой важности. Однако в чем заключалась эта задача, он никому не говорил.

— В наших университетах, — не без горечи говорил он своим друзьям, — можно работать только по шаблону. Всякая революционная научная мысль возбуждает тревогу и опасения. За вами следят ассистенты, студенты, лаборанты, доценты, корреспонденты, ректор и даже представители церкви. Попробуйте при таких условиях революционизировать науку! Вас засмеют, утопят в интригах, прежде чем вы добьетесь какого-нибудь результата. Там я свободен. О моих ошибках не узнает никто, мой конечный успех будет говорить сам за себя.

И он «ушел от суеты», прекратив всякое общение, даже переписку с внешним миром.

Рыбаки деревушки, по соседству с которой он поселился, не знали о мировой известности профессора, да и вообще очень мало знали его, так как он почти никуда не показывался. Изредка, ранним утром или на закате, его можно было видеть бродящим среди пустынных дюн. Его считали непонятным, немного чудаковатым стариком, и только. И неожиданно в руках этого старика оказалось богатство, которое может осчастливить всех.

Депутатов-рыбаков охватила невольная робость, когда они поднялись на небольшой холм и увидали белый домик среди тощего сада, возвышающийся над невысоким забором из дикого камня. Как-то он примет их! Подарит ли он им «вечный хлеб», как подарил Гансу?..

Учитель несмело нажал калитку — она была открыта — и вошел в сад. Вслед за ним вошли Фриц и Людвиг. Ганс плелся в хвосте с видом человека, которого ведут на суд. Навстречу вошедшим бросились две овчарки, необыкновенно жирные.

— Ишь, отъелись. Тоже небось тестом кормятся, — заметил Фриц. — Какие толстые! Если у него тесто собаки жрут, то неужели же он людям откажет?..

На лай собак вышел упитанный, свежий старичок лет шестидесяти, с хорошо сохранившимися русыми волосами на голове и седой бородкой. Это и был профессор Бройер. Он отогнал собак и радушно спросил рыбаков, что им нужно.

— Мы пришли просить, не можете ли вы дать нам «вечного хлеба», — сказал Отто Вейсман, решившийся действовать напрямик. — Если только этот хлеб действительно обладает такими свойствами, как уверяет Ганс.

Лицо профессора Бройера внезапно переменилось. Он нахмурил брови и так сверкнул глазами на Ганса, что тот сгорбился и задрожал.

— Господин профессор, я не виноват! — воскликнул Ганс, прижимая ладони к груди. — Они хитростью выманили у меня тайну.

— Да, он не виноват, — подтвердил Фриц и рассказал профессору, как ими была случайно открыта тайна «вечного хлеба». Лицо профессора несколько прояснилось, но все же продолжало оставаться хмурым. Он молчал несколько минут, очевидно обдумывая создавшееся положение. Это

молчание казалось депутатам томительно долгим. Наконец профессор заговорил:

— Ганс прав. Один килограмм теста может пропитать человека всю жизнь и остаться в наследство сыну. Едва ли вы поймете, если я стану вам объяснять, из чего оно сделано. Да это для вас и неважно.

— Конечно, нам важно его есть, — ответил Людвиг. — Значит, вы дадите его нам?

— Нет, не дам. По крайней мере, сейчас не могу дать.

Фриц и Людвиг взволновались.

— Но почему же Гансу? У вас вот и собаки такие толстые, тоже, наверно, едят ваше тесто.

— Да, едят, — ответил Бройер. И, остановив поднятой рукой Фрица, который хотел говорить, профессор властным тоном, которого от него нельзя было ожидать, сказал: — Подождите говорить и выслушайте меня внимательно. Я всю жизнь посвятил тому, чтобы изобрести этот хлеб, который избавил бы от голода все человечество. Для вас я трудился над изготовлением этого хлеба, и вы получите его. Мне кажется, я уже достиг цели, но опыты еще не закончены. А пока они не закончены, я не могу раздавать хлеб направо и налево.

— Но Ганс...

— Ганс — это тоже опыт, — сурово прервал Фрица профессор. — Я делал опыты над животными, вот над этими собаками и морскими свинками. Потом я делал опыт над самим собой. И, убедившись в полной безвредности, решил произвести опыт над Гансом. Но это еще не все. Я сам еще не изучил всех свойств хлеба. Может быть, длительное питание им окажется вредным для здоровья. Не спешите завидовать Гансу. Я не знаю, как будет вести себя «тесто» через месяц. Может быть, оно будет скисать и станет негодным для еды. Поэтому я говорю: подождите еще немного. Жили же вы без этого теста, можете подождать еще несколько месяцев. Я обещаю вам, что вас, вашу деревню я снабжу хлебом первыми, но при одном непременном условии: если вы сохраните эту тайну и не разболтаете ее среди рыбаков со-

седних деревень. Если мне станет известно, что еще хоть один человек узнал о «вечном хлебе», я уничтожу хлеб у Ганса и уеду отсюда. Это мое последнее слово.

— Господин профессор, — сказал учитель, — но как...

— Никаких возражений! — отрезал Бройер.

— Я не о том. Мне хотелось знать, как все-таки этот хлеб растет. Я, видите ли, здешний школьный учитель и, может быть, пойму.

— Я, видите ли, — ответил Бройер, — профессор Берлинского университета, но мне самому потребовалось сорок лет труда, чтобы «понять» это. Ну, как вам объяснить? Если вы разрежете дождевого червя, то обе половинки отрастут и появятся два новых червя. Ясно? Нечто подобное происходит и с тестом. Меня ждет работа. До свидания. Так помните же о моих условиях. Или несколько месяцев терпения и молчания и вы все получите хлеб, или же вы не получите ничего.

И, кивнув головой, профессор ушел в дом.

Разочарованные депутаты топтались на месте.

— Коротко и ясно, — сказал Людвиг. — Вместо теста можете резать дождевых червей. Одну половинку зажаривать и есть, а другую на вырост...

— Да ведь это для примера сказано, — возразил учитель.

— Примерами сыт не будешь. Собаки для опыта, Ганс для опыта. Почему же мы не годимся для опыта? Нет, этого дела я так не оставлю.

Огорченные депутаты пошли в обратный путь, чтобы сообщить односельчанам печальную весть об отказе.

Глава 3

ГАНС СТАНОВИТСЯ «ХЛЕБОТОРГОВЦЕМ»

Волнение в деревне не прекращалось. Всем казалось несправедливым, что «вечным хлебом» обладает один Ганс. Рыбаки собрались на сходе, решили объявить тесто общей собственностью, реквизировать и поделить поровну. Одна-

ко шульц (старшина) признал это решение незаконным и отказался привести его в исполнение. Особенно волновались Людвиг и Фриц. Они даже осмеливались утверждать, что с законом нечего считаться, так как, когда писались законы, о «вечном хлебе» не знали. Однако большинство побоялось оказаться самоуправцами и нарушителями закона и нажить бед, если о самочинном законодательстве станет известно в центре. Во время одного из таких совещаний кто-то сообщил новость, что воры уже дважды похищали у Ганса часть теста. Воры были, по-видимому, совестливые, так как брали только не более тридцати граммов.

— Нашлись же умные люди, — сказал Фриц. — Я бы даже это и кражей не назвал. Тесто не может принадлежать одному человеку, я давно твержу это.

После того как Людвиг узнал о краже теста, у него твердо засела в голове мысль похитить у Ганса кусочек чудесного теста.

В одну темную ночь он захватил с собой веревку и отправился к маяку. Ему удалось закинуть веревку с узлом на конце в одну из стенных расщелин, подтянуться на руках и влезть в комнату, где хранилось тесто. Когда он протянул руку впотьмах к той полке, на которой стоял горшок, неизвестное существо бросилось на него с необычайным криком и исцарапало ему лицо и руки. Людвиг от неожиданности вскрикнул, отступил назад и свалился вниз по лестнице. На шум вышел Ганс с фонарем в руке.

— Что ты тут делаешь, Людвиг? — спросил старик.

— Я... Я хотел накрыть вора, который крадет у тебя тесто. Но это, наверное, сам черт. Он исцарапал мне все лицо своими когтями.

В черта, впрочем, Людвиг не верил и потому предложил Гансу пойти в верхнюю комнату с фонарем и осмотреть ее.

Когда они поднялись наверх, то увидали большого черного кота, который сердито ворчал на них.

— Вот так вор! — удивился Людвиг. — Неужели и кошки находят вкус в этом тесте? — И с горечью подумал: «Они небось не считаются с глупыми законами». Но едва не попав-

шись на месте преступления, он уже не повторял попытки украсть тесто. Впрочем, дело скоро приобрело иной оборот.

Ганс был обеспечен хлебом и не голодал. Но у него свалились с ног сапоги, ветхая одежда расползалась на пополневшем теле, он не имел дров, и ему приходилось мерзнуть в своем полуразвалившемся маяке. Словом, он оставался нищим, хотя и сытым нищим.

Этим воспользовались деревенские богатеи. Они начали наперерыв искушать его продать им тесто за сапоги, новую шубу, дрова. Ганс долго крепился и не поддавался этим искушениям. Однако, когда в середине декабря наступили сильные морозы, он не удержался и начал торговать тестом. Сам он уже достаточно отъелся, старческий организм не требовал много. Ганс не съедал за день половины теста, и у него оставался небольшой излишек. Этот излишек он и пускал в торговый оборот, продавая каждый день кому-нибудь часть теста. На покупку теста установилась очередь. Чем дальше шла торговля, тем больше охватывал Ганса дух наживы. Он запрашивал все бóльшую цену, торговался, как рóстовщик. Его ругали, но платили. Нельзя же отстать от других.

У Ганса появилась настоящая страсть к наживе. Он даже уменьшил свой дневной паек, чтобы расширить торговлю, и несколько похудел. Зато у него появились тяжелые сундуки, набитые шубами и кафтанами, в камине пылали большие поленья дров, а в маленьком сундучке под кроватью росли стопки денег. За каких-нибудь два месяца Ганс сделался самым богатым человеком в деревне.

Он даже помолодел от привалившего счастья. Теперь он начал бояться смерти и, опасаясь, как бы старый маяк в самом деле не раздавил его, купил новенький домик, перебрался туда и нанял служанку, чтобы она мыла ему белье, ухаживала за хозяйством и варила кофе, который он пил, «как настоящий богач», подражая пастору соседнего села, пившему по утрам кофе со сливками. Ганс выписал себе из города радиоприемник с комнатным громкоговорителем, целый день сидел в удобном кресле, попыхивал трубочкой и

с самодовольной улыбкой слушал, что делается на белом свете. Его даже не мучила совесть. Когда изредка он вспоминал о профессоре Бройере, то думал: «Что же плохого я сделал? Профессор накормил, но не одел меня. Притом надо думать и о других. Несправедливо, в самом деле, одному владеть тестом».

Рыбаки также были довольны. Правда, теста было маловато. К тесту приходилось добавлять хлеб и рыбу. Но все же тесто было хорошим подспорьем в хозяйстве. Только несколько бедняков не имели средств, чтобы купить теста. Один из них, наслушавшись речей о том, что «вечный хлеб» должен быть общим достоянием, попытался было осуществить это на практике, запустив руку в банку с тестом, стоявшую случайно в открытом чуланчике, но был пойман на месте, избит хозяином, богатым рыбаком, и предан суду за кражу. К его удивлению, все рыбаки, купившие тесто, были крайне возмущены его поступком. Он пытался оправдываться, повторяя их же слова об общем достоянии. Но ему никого не удалось убедить.

— Когда тесто будет раздаваться, — отвечали ему, — тогда оно и будет общим достоянием. Как же ты хочешь силой и даром получить то, за что мы платили деньги? А ты знаешь, что такое для нас деньги? Это тяжелый труд рыбака, полный опасностей. Ты не тесто украл, а наш труд.

И вор был осужден со всей строгостью закона. Впрочем, в приговоре деревенские судьи не писали, какое он украл тесто. Рыбаки все ж таки сохраняли тайну «вечного хлеба» в пределах своей деревни. Им хотелось жить лучше соседних деревень. Притом они надеялись, что профессор всех их скоро наделит тестом вдоволь. И они скрывали от Бройера покупку хлеба у Ганса. Однако профессору скоро стало известно все. И не только ему.

Однажды Бройер сидел в своей лаборатории, когда ему сказали, что его ждет какой-то молодой человек, «прилично, по-городскому одетый». Профессор поморщился. Он не любил, чтобы ему мешали работать. А тут еще городской костюм неизвестного посетителя.

— Скажите, что меня нет дома, — ответил он слуге Карлу.

— Я говорил. Молодой человек ответил, что он подождет, пока вы вернетесь.

— Скажите в таком случае, что я сегодня не вернусь, — раздраженно ответил Бройер и углубился в занятия.

На другое утро слуга Карл доложил, что пришел вчерашний посетитель и вновь просит принять его. И слуга протянул визитную карточку.

Профессор, видя, что ему не отделаться от назойливого посетителя, вздохнул и вышел в гостиную. Навстречу ему поднялся бритый молодой человек с большими круглыми очками на носу, одетый с преувеличенной элегантностью.

— Простите, дорогой профессор, — быстро заговорил посетитель, — что я нарушил ваше уединение...

— Я очень занят и могу уделить вам не более пяти минут, — сухо ответил профессор.

— Я вас не задержу. Я — корреспондент берлинской газеты... — молодой человек назвал одну из крупных газет. Профессор недовольно крякнул, узнав, что имеет дело с корреспондентом. — Редакция поручила мне побеседовать с вами по поводу вашего величайшего изобретения...

— Какого изобретения? — насторожился Бройер.

— Изобретения «вечного хлеба», разумеется. Ведь это открывает такие грандиозные перспективы...

— Как, и вы о «вечном хлебе»? — крикнул профессор, весь побагровев. — Откуда вы взяли? Все это глупости, праздная болтовня. Никакого «вечного хлеба» я не изобретал.

Молодой человек выслушал эту горячую речь с улыбкой, которая еще больше раздражила профессора.

— Уважаемый профессор, — ответил он, — мы не смели бы проникнуть в тайны вашего творчества, если бы их не открыл нам случай. Это вышло помимо нас.

— Какой случай? — спросил профессор, чувствуя, что его тайна действительно раскрыта.

— Вы дали в виде опыта часть «вечного хлеба», или теста, как его называют, старому рыбаку Гансу. Ганс начал торговать этим хлебом среди своих односельчан...

— Не может быть! — вскричал профессор.

— Увы, это так. Он не оправдал вашего доверия. Одна из жен рыбаков не утерпела и послала кусочек теста в соседнюю деревню своей бедной, больной матери. Вторая дочь этой матери, живущая с ней, написала о чудесном тесте своему брату в Берлин. А этот брат — какая счастливая для нас случайность! — служит в нашей редакции рассыльным.

— Какая несчастная для меня случайность! — тихо проговорил профессор.

— Таким образом, наша газета узнала первая об изобретении, которому суждено перевернуть мир. Новость была столь ошеломляющей, что, признаться, мы не поверили словам нашего курьера и редакция командировала меня на место, чтобы проверить все.

Всякие отпирательства были бесполезны. Профессор понурил голову.

— Продолжайте.

— На месте я узнал, правда, прибегнув к некоторой хитрости, что все действительно так и есть, как говорил рассыльный. «Вечный хлеб» существует в природе.

Бройер порывисто подошел к молодому человеку и крепко сжал ему руку.

— Послушайте, — задыхаясь, сказал он, — я очень прошу вас, не сообщайте ничего в газетах. Опыт еще не окончен, и его нельзя разглашать... Это может наделать неисчислимые беды. Обещаю, даю вам слово, что вы первые узнаете о моем изобретении, когда я найду это своевременным. Я сам напишу вам об этом.

Молодой человек с участливой улыбкой на лице отрицательно покачал головой:

— К сожалению, это невозможно, дорогой профессор. В газете уже была помещена заметка. Не могли же мы ожидать, пока такую сенсационную новость перехватят другие газеты!

— Вам все только бы сенсации, — с горечью проговорил Бройер. — Ну напишите другую заметку, что при проверке на месте слухи оказались вздорными.

— Теперь уже поздно. Сюда наедут другие корреспонденты. Впрочем, я поговорю с редактором и сделаю все, что возможно. Но услуга за услугу. Я просил бы вас сообщить мне хотя бы краткие сведения о сущности вашего изобретения. Не для немедленного опубликования, а на тот случай, если потушить это дело не удастся. Чтобы, по крайней мере, в нашей газете первой появились кое-какие подробности об этом изобретении.

Бройер прошелся в волнении по комнате. Желая задобрить корреспондента, он решил удовлетворить его просьбу. И начал говорить, как перед аудиторией, невольно воодушевляясь, а корреспондент, открыв блокнот и вынув вечное перо, записывал речь профессора стенографически.

— Как вам, вероятно, известно, мысль о создании «искусственного хлеба», изготовляемого в лаборатории, давно занимала ученых. Но все они шли неверным путем, пытаясь решить вопрос исключительно силами одной химии.

Химия — великая наука и великая сила, но каждая наука имеет свои пределы. Если бы даже химикам удалось, скажем, получить белок химическим путем, а рано или поздно это, конечно, будет достигнуто, то проблема питания еще не будет разрешена. Первый вопрос — практический. Ученым удалось получить золото химическим путем, осуществить мечту древних алхимиков о превращении неблагородных металлов в благородные. Но стоимость добывания грамма золота лабораторным путем во много превышает рыночную стоимость того же грамма обыкновенного золота. Научно — великое открытие, практически — нуль. Второе — это то, что для нашего питания требуются не только белки, но и углеводы и жиры. Создать химически все необходимое для питания организма — разрешимая, но чрезвычайно трудная задача при современном состоянии наших знаний. И я решил призвать на помощь биологию. Живые организмы — та же лаборатория, где происходят самые изумительные химические процессы, но лаборатория, не требующая участия человеческих рук. И я уже много десятков лет тому назад начал работать над культурой простейших

организмов, пытаясь вырастить такую «породу», которая заключила бы в себе все необходимые для питания элементы. Эта задача была выполнена мною успешно ровно двадцать лет тому назад.

— Двадцать лет! И вы молчали о ней? — удивленно воскликнул корреспондент.

— Да, молчал, потому что этим разрешалась только половина дела. Мои простейшие представляли великолепное кушанье. Как одноклеточные, они размножались простым делением и в этом смысле представляли тоже «вечный хлеб». Но чтобы поддерживать их «вечную» жизнь, требовался большой уход за ними, требовалось особое питание. А это обходилось не дешевле, чем выращивать, скажем, свиней. Словом, мое лабораторное золото стоило дороже, чем обыкновенное. И последние двадцать лет я посвятил тому, чтобы найти такую культуру простейших, которая не требовала бы никаких забот и расходов на «кормление».

— И вам удалось это?

— Удалось. Но, повторяю, опыты не закончены. Вот почему я так настоятельно прошу повременить немного с их опубликованием. Я нашел и вывел искусственным подбором такую «породу» простейших одноклеточных, которые добывают все необходимое им для питания непосредственно из воздуха.

— Из воздуха! — снова не удержался от восклицания молодой человек. — Но какое же питание может дать воздух? Воздух состоит только из азота и кислорода...

— И аргона, и водорода, — продолжал профессор, — и неона, и криптона, и гелия, и ксенона. Но кроме этих постоянных элементов, в атмосфере находятся еще в переменном количестве водяные пары, углекислый газ, азотная кислота, озон, хлор, аммиак, бром, перекись водорода, йод, сероводород, хлористый натрий, эманация радиоактивных элементов — радия, тория и актиния[1], затем неорганическая и, заметьте себе хорошенько, органическая пыль — бактерии. А это уже «мясо». Не правда ли, хорошенькая кухня?

[1] Другие радиоактивные элементы еще не были открыты во времена Беляева.

Корреспондент даже бросил писать и с удивлением смотрел на профессора. Молодой человек никогда не думал, что воздушная «пустота» имеет такой сложный состав.

— Правда, не все в этой воздушной кладовой съедобно в сыром виде. Но мои простейшие берут то, что надо, перерабатывают в своем организме и изготовляют нам великолепное блюдо.

Профессор увлекся и еще долго говорил бы, если бы корреспондент сам не прервал его речь. Молодому человеку не терпелось. Он вскочил со стула, спрятал записную книжку и начал бегать по комнате, ероша свои волосы.

— Изумительно, непостижимо! Ведь это новая эра в истории человечества. Нет больше голода, нет бедности, нет войн, нет классовой вражды...

— Хотелось, чтобы это было так, — сказал профессор. — Но я не питаю таких надежд. Люди всегда найдут, из-за чего ссориться. Кроме хлеба, им нужна одежда, и дома, и автомобили, и искусство, и слава.

— Но все-таки это грандиозно! Но как вы думаете использовать ваше изобретение?

— Разумеется, я не стану спекулировать этим хлебом, как Ганс. «Вечный хлеб» должен быть общим достоянием.

— О, разумеется! Вы не только ученый. Вы прекрасный человек. Вы... вы — благодетель человечества! Позвольте пожать вашу руку.

И молодой человек крепко пожал руку Бройера.

— Так помните же о вашем обещании, — сказал на прощание профессор.

— О, разумеется! Сделаю все возможное и невозможное.

И он выбежал из комнаты.

«Какие перспективы! — думал он, спеша на пристань. — И... сколько строк, сколько можно написать статей, какие гонорары заработать...»

А профессор Бройер сидел в своем кабинете над тиглями и колбами и думал о том, какие неприятности ждут его еще впереди.

Глава 4

КОРОЛИ БИРЖИ

В читальном зале Коммерческого клуба было тихо. В эту обширную комнату, устланную толстыми пушистыми коврами, не долетало ни одного звука уличного шума. Мягкий матовый свет падал на круглые столы с разбросанными на них журналами и газетами, зажигал золото солидных переплетов в массивных книжных шкафах, сверкал на стеклах очков солидных людей, развалившихся в глубоких удобных креслах. Эта тишина нарушалась только шелестом газетных листов, музыкальным боем часов и короткими фразами, которыми изредка перебрасывались посетители. Библиотечный зал — «самое тихое место в Берлине» — был излюбленным уголком высшей денежной знати. Сюда приходили они отдохнуть «в своем кругу» от лихорадочной суеты делового дня; нужно было иметь капитал не меньше миллиона, чтобы проникнуть в стены этого клуба.

Роденшток, полный, пожилой человек с сонными, заплывшими глазками и ленивыми движениями, — владелец большого завода сельскохозяйственных машин — отбросил в сторону газету, попыхтел сигарой и вяло спросил своего соседа, тонкого, остролицего банкира Кригмана:

— Вы читали это?.. «Новая эра в истории человечества. Величайшее изобретение. Нет больше голода».

Кригман молча, движением кошки, поймавшей мышь, схватил газету и быстро пробежал газетную заметку. Отбросив в сторону золотое пенсне, он с недоумением посмотрел на Роденштока.

— Я не совсем понимаю. Это шутка или очередная газетная утка?

— Боюсь, что это бомба. Бомба страшной разрушительной силы, которая может взорвать всех нас.

— Но разве это мыслимо? «Вечный хлеб» — химера.

— Черт возьми, после аэропланов, рентгенов, радио и прочего нам пора бы уже привыкнуть к химерам. От этих ученых всего можно ожидать. Я уже наводил справки. Увы,

одной химерой стало больше: «вечный хлеб» действительно существует...

Кригман тем же движением кошки схватил свое пенсне, бросил его на нос и воскликнул, нарушая тишину священного места:

— Но тогда ведь это действительно переворот!.. Что же произойдет с нашим экономическим строем? Рабочие, получив «вечный хлеб», бросят работать...

— Рабочие не бросят работать, — довольно грубо прервал Роденшток своего собеседника. Представитель старой, «довоенной» фирмы, Роденшток презирал в душе своего собеседника, только недавно составившего себе состояние на спекуляции валютой. — Рабочие не бросят работать, — продолжал Роденшток. — Кроме хлеба, им нужно обуваться и одеваться. Цены на хлеб падут, зато поднимутся цены на промышленные товары. И нужда заставит их работать. Но пертурбации действительно могут произойти ужасные. Все цены потерпят колоссальнейшие изменения. Сельское хозяйство уничтожится. Крестьянам нечего будет продавать городу, их покупательная способность будет убита. Мы потеряем огромный сельский рынок. Это приведет к колоссальным кризисам производства, безработице, волнениям рабочих. Целые отрасли производства, обслуживающие сельское хозяйство, принуждены будут совершенно прекратить существование. Кому нужны будут тракторы, сеялки, молотилки? Экономические потрясения вызовут сотрясения социальные, революционные. И, быть может, вся наша цивилизация погибнет в этом катаклизме... Вот что такое «вечный хлеб»!

Роденшток рисовал все эти ужасы своим обычным, спокойным, вялым тоном, и это сбивало Кригмана с толку: может быть, Роденшток только шутит?

Слушая пророчество старого коммерсанта, Кригман то откидывал голову назад, втягивал ее в плечи, то, вытянув тонкую шею, выбрасывал голову вперед.

— Что же делать? — спросил он.

— Уничтожить «вечный хлеб», весь, до последнего ос-

татка, — ответил Роденшток. И, понизив голос, добавил: — А если понадобится, то уничтожить и «пекаря» этого хлеба.

Теперь Кригман знал, что Роденшток не шутит. Старый коммерсант, очевидно, все обдумал и принял определенное решение. Поэтому он и говорил так спокойно о таких страшных вещах. На душе Кригмана отлегло.

— А это можно... уничтожить?

— Это *нужно*, и этим решается вопрос. Уничтожить всегда легче, чем создать.

— Но как? В этой газете сообщается, что «вечным хлебом» питается уже целая рыбацкая деревушка. Не можем же мы взорвать ее на воздух.

— Зачем такие ужасы? Мы просто скупим хлеб у рыбаков. Эти люди не понимают всей его ценности. Они во всю свою жизнь не видали в глаза кредитного билета в сто марок. Если им предложить тысячу, они будут считать себя обеспеченными на всю жизнь.

— А изобретатель, этот профессор Бройер?

Роденшток помолчал и затем сказал сквозь зубы:

— О нем другой разговор.

Роденшток посмотрел на часы и продолжал:

— Мои агенты уже действуют. Я послал скупщиков «хлеба» в рыбацкую деревню. И сегодня в девять Майер должен был привезти мне известие о том, как идут дела. Но он что-то запоздал.

Собеседники замолчали. Роденшток повесил голову на грудь и, казалось, дремал. Кригман вертелся в кресле, что-то бормотал. Взгляд его был сосредоточен, брови сдвинуты, — он думал.

Большие стенные часы, роняя мелодичный звон, пробили десять.

Роденшток встрепенулся и зажег потухшую сигару. В ту же минуту в комнату вошел молодой человек в штатском, но с военной выправкой. Это был секретарь Роденштока Майер.

Роденшток молча показал ему на свободное кресло около себя и, прикрыв глаза, сказал:

— Говорите.

Майер был, видимо, утомлен с дороги. Он с удовольствием опустился в мягкое кресло, откинулся, но тотчас выпрямил спину и начал свой доклад:

— Мы не можем похвалиться успехом, господин Роденшток. Несмотря на все наши старания и уговоры, рыбаки решительно отказывались продать нам «тесто», как они называют «вечный хлеб». Они не хотели с нами даже разговаривать. И только когда мы предложили каждому рыбаку по три тысячи марок, они стали колебаться.

— Скоты! — пробурчал Роденшток.

— И все же не соглашались. Пришлось поднять цену до пяти тысяч...

— Грабители!..

— Тогда двое из них согласились: Фриц и Людвиг, как называли их. Фамилии их я еще не знаю.

— Ага, все-таки согласились?

— Да, и с остальными пошло легче. Мы уже скупили тесто более чем у половины рыбаков и надеялись к вечеру закончить скупку «хлеба», но тут обнаружилось одно обстоятельство, которое заставило меня прекратить скупку до получения ваших дальнейших распоряжений.

Роденшток поднял веки и сонно спросил:

— Какое обстоятельство?

— Вся операция имела смысл только в том случае, если нам удастся скупить весь «хлеб» до последнего грамма. Однако оказалось, что Фриц и Людвиг утаили часть «хлеба» «на вырост», как они говорили.

— Мошенники!

— Об этом они проболтались своим односельчанам, похваляясь перед ними, как-де хорошо им удалось одурачить скупщиков. А рыбаки, продавшие нам «хлеб» без остатка, конечно, были огорчены тем, что не поступили так же, как Фриц с Людвигом. И с досады выдали своих односельчан. Несчастье в том, что мы не знаем точно количества запасов теста, и потому нет никакой гарантии, что нам удастся извлечь весь «хлеб», особенно после того урока, который нам дали Фриц и Людвиг. Вот почему я прекратил дальнейшую

скупку «вечного хлеба». По этой же причине я не приступал к выполнению и второй задачи, в отношении профессора Бройера.

Лицо Роденштока было еще сонно, но его брови уже ползли к переносице, собирая в складки кожу на лбу. Майер знал, что значит эта перемена, и вытянулся еще больше.

— Скверно, — тихо сказал Роденшток, но в этом тихом голосе уже слышался отдаленный удар грома. — Скверно! — повторил он неожиданно громко, и лицо его побагровело.

«Ага, и ты умеешь волноваться», — не без злорадства подумал Кригман. И вдруг, поднявшись, он поднял вверх указательный палец и нагнул голову к Роденштоку.

— Слушайте меня, я хочу что-то сказать.

Глаза Роденштока не спали, теперь они метали молнии. Но он внимательно выслушал Кригмана.

— Кризисы, революции, войны — это все ужасно, — начал Кригман свой проект. — Но то, что ужасно для масс, может быть совсем не ужасным для отдельных людей. Умный человек должен из всего извлекать выгоду для себя, даже из войн.

«Да, ты не можешь пожаловаться на войну», — подумал Роденшток, глядя на Кригмана.

Кригман как будто уловил эту мысль.

— Вот вы, например, господин Роденшток, вы во время войны перековали на своих заводах орала на мечи и работали на оборону.

Роденшток поморщился. Это была правда. Он тоже не мог пожаловаться на войну.

— Вы говорите, «вечный хлеб» — это бомба. — И, мотнув головой, Кригман продолжал: — На бомбах люди тоже неплохо зарабатывали. Пока там и кризисы и революции, на этом «вечном хлебе» можно сделать хороший оборот. Чтобы долго не распространяться, я скажу прямо. Зачем уничтожать «вечный хлеб»? Лучше будем торговать им. Купим патент на изобретение у профессора Бройера, заплатим ему какие угодно суммы — я для такого дела не пожалею всей наличности моего банка, — организуем акционерное обще-

ство по продаже и экспорту «вечного хлеба» и наживем миллиарды, прежде чем случатся всякие там поражения. А тогда — пусть хоть потоп. Ведь перед нами мировой рынок. Шутка сказать! И мы единственные монополисты. Да ведь это греза, мечта! Нет, «вечный хлеб» не бомба. Хлеб есть хлеб, и он очень хорошо прокормит нас.

— Но мои заводы сельскохозяйственных машин...

— Они все равно обречены. «Вечный хлеб» существует, и вы его уже больше не уничтожите. Я думаю, не один Фриц и кто еще там припрятали себе кусочек теста хоть с горошину. Из горошины через год, может быть, вырастет гора. А будем мы монополисты, у нас будут горы золота.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво сказал Роденшток. — Майер, поезжайте немедленно к профессору Бройеру. Предложите ему миллион, два, сколько запросит. Не останавливайтесь ни перед какой ценой!

Майер встал, поклонился одной головой и, круто повернувшись на каблуках, вышел.

Через несколько дней Майер делал доклад Роденштоку и Кригману:

— Профессор решительно отказывается продать свое изобретение для коммерческой эксплуатации. Он говорит, что мечтой всей его жизни было избавить человечество от голода, и он решил предоставить «вечный хлеб» бесплатно всем нуждающимся.

— Идеалист! — иронически сказал Кригман.

— Просто дурак, — коротко отрезал Роденшток. — Вы называли ему сумму, которую мы предлагаем за его изобретение?

— Называл.

— И что же?

— Когда я сказал: «миллион», он весь закипел гневом. Когда я сказал: «пять», он... он выставил меня за дверь. Мне кажется, он не совсем нормален. Он даже не взял патента на свое изобретение.

— Как — не взял патента?! — вскричал Кригман — Тогда мы с ним и считаться не будем. Сами заявим патент. И бу-

дем торговать. Пригласим какого-нибудь химика с головой, но без штанов, дадим ему пару-другую тысяч, он нам поклонится в ножки и произведет анализ хлеба. Кое-что можем изменить в составе «хлеба», сдобрить чем-нибудь ароматическим, что ли, и дело пойдет. Это все пустое!

— Но другим тоже известно о хлебе. Не одному вам могут приходить в голову такие гениальные коммерческие планы! — иронически сказал Роденшток.

Кригман задумался.

— Да, надо охранить наши «золотоносные россыпи» на острове Фэр, — сказал он. — Но я думаю, что при наших деньгах и связях это нам удастся.

— Другие тоже имеют деньги и связи, — не унимался Роденшток.

— Но что же делать? Это необходимо, и этим решается все, не так ли вы сказали?

Другого исхода не было. Роденшток принужден был согласиться. И, уже не споря больше, они начали обдумывать план действий.

Глава 5

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

Фриц, в новом узком городском костюме, так не шедшем к его дюжей, коренастой фигуре, приехал из города и хвастал перед Людвигом своими покупками. Небольшая комната была похожа на магазин случайных вещей.

— Вот, садись на это кресло.

Людвиг недоверчиво осмотрел высокое, узкое кресло с бархатным сиденьем, сделанное из белого полированного металла, и уселся.

Фриц что-то повертел сзади, и вдруг кресло скользнуло вниз. Людвиг испуганно схватился за ручки, нелепо подняв ноги. Фриц, его жена и сын засмеялись.

— Вот занятная штука! Дорого стоит, но очень интересно.

Это было зубоврачебное кресло.

Людвиг вылез из кресла и продолжал осмотр.

— А это что? Биллиардные шары? Зачем они тебе?

— Сын играть будет вместо мяча. Уж больно гладкие, понравились мне. А вот, смотри, труба.

Фриц показал большую медную трубу.

— Эх, блестит как! Золото. Ну, конечно, купил кое-что жене: зонтик, на платье бархату, шубу лисью.

Людвиг осмотрел трубу.

— Играть умеешь?

— Научусь.

— Ты трубу, а я пианино себе купил. Дочка играть учиться будет. Это получше твоей трубы

— Что пианино! У меня еще на пристани одна штука лежит. Всем вам нос утру Хочешь, идем посмотрим.

Людвиг согласился, и они пошли, продолжая хвастать друг перед другом своими покупками.

На пристани уже толпились рыбаки. Они давно оставили рыбную ловлю и все обратились в завзятых спекулянтов с тех пор, как их маленькая деревушка неожиданно сделалась «золотым дном» Фриц оказался хитрее всех. Он первый сообразил, что если тесто так дорого, то питаться можно и рыбой, а все тесто растить на продажу. В последнее время он продавал тесто агентам Роденштока чуть ли не на вес золота и очень разбогател, далеко оставив за собой своих односельчан.

— А ну-ка, покажи, что у тебя есть? — говорили они, разглядывая с завистью и любопытством большой ящик Фриц с помощью нескольких добровольцев из рыбаков вскрыл ящик и извлек оттуда новенький мотоцикл с коляской. Это было невиданное в деревне зрелище. Все ахнули. Ну и Фриц! Действительно утер всем нос. Фриц хлопотал около мотоцикла, налил масла, смазал, что-то покрутил

— И когда ты успел научиться? Неужто поедешь?

Мотор заработал. Фриц вскочил на мотоцикл и проехал несколько шагов вверх. Но на глубоком песке колеса застряли. Мотоцикл пострелял немного и остановился. Эта неудача была встречена радостно-ироническими замечаниями. Как ни бился Фриц, он не мог оживить мотор

— Ничего, выпишу шофера, пойдет. — И он поволок машину в гору.

Людвиг шел следом, прикованный взглядом к блестящему мотоциклу. Зависть разъедала сердце Людвига. Он уже ненавидел Фрица. Того самого Фрица, с которым не раз разделял смертельные опасности на море.

Нет, Людвиг не успокоится до тех пор, пока у него не будет такой же машины. Для этого только надо достать хороший кусок теста. У Фрица еще есть. Он сам хвалился. И Людвиг знает, где Фриц хранит это сокровище. Сегодня вечером Фриц, вероятно, опять напьется пьяный и будет лежать как убитый... Сегодня ночью...

Людвиг не мог дождаться ночи. Когда в окнах погасли последние огни, Людвиг пробрался к дому Фрица. Собака залаяла, но скоро затихла, узнав Людвига. Он переждал немного и начал осторожно выдавливать окно. Осколки стекла зазвенели, но никто не проснулся. Людвиг пролез через окно в дом и стал ощупью пробираться к новому дубовому буфету, где у Фрица хранилось теперь тесто.

Дверца буфета заскрипела. Людвиг замер. В соседней комнате кто-то повернулся, скрипнув кроватью, что-то пробормотал во сне и захрапел. Людвиг достал небольшой кувшинчик и с драгоценной ношей стал пробираться к окну. Впотьмах он задел рукой за медную трубу. Она упала с ужасным грохотом. Фриц проснулся и выпрыгнул из спальни.

— Кто здесь?

Фигура Людвига вырисовывалась на фоне окна, освещенного взошедшей луной.

«Воры!» — в одно мгновение подумал Фриц, и его вдруг охватила необычайная злоба. Он осмотрелся. На столе лежали биллиардные шары. Фриц схватил один шар и, не помня себя, бросил им в голову вора. Людвиг упал как подкошенный, опрокинувшись на зубоврачебное кресло. Поднялась испуганная жена и пришла с фонарем. Фриц осмотрел вора.

— Людвиг! — с удивлением воскликнул он, рассматривая огромную рану на голове. Биллиардный шар с такой силой врезался в череп, что вошел в него до половины и выглядывал из кровавой массы, как огромный выпученный глаз.

Жена плакала. Фриц растерялся. Он убийца! Что теперь будет? Но скоро успокоился.

— Довольно тебе выть, — сказал он жене. — Я не совершил никакого преступления. Ко мне в дом забрался грабитель, напал на меня. Я стал защищаться. Ты скажешь это, должна сказать. Понимаешь? И мне ничего не будет.

Убийство Людвига взволновало всю деревню. Но рыбаки были на стороне Фрица. Каждый защищает свою собственность. Его даже не арестовали, и дело было прекращено. Жизнь пошла своим чередом. Майер со своими агентами успешно скупали тесто. Но нужно было спешить, чтобы сюда не наехали другие скупщики. Несколько подозрительных личностей уже появилось в деревушке. Майеру удалось сманить их на свою сторону, предложив большую сумму. Только с одним недавно приехавшим скупщиком Майеру пришлось повозиться. Этот скупщик не шел ни на какие переговоры, его нельзя было подкупить. Майер не спускал с него глаз. Скупщику удалось скупить более ста граммов теста, и он, видимо, старался уехать с добычей незамеченным. Но Майер ходил за ним как тень.

Однажды вечером они встретились у берега, недалеко от старого, безлюдного теперь маяка.

— Вы преследуете меня? — сказал неизвестный.

— Да, — ответил Майер, — и буду преследовать до тех пор, пока вы не согласитесь на мои предложения. Я не пущу вас с острова, и вы не унесете отсюда ни одного грамма теста.

Скупщик был, очевидно, человек не робкого десятка. Презрительно прищурившись, он ответил, опуская руку в карман:

— Вы угрожаете мне? Напрасно. Я умею защищаться.

Майер понял жест скупщика и бросился к нему. В ту же минуту скупщик вынул из кармана револьвер. Но Майер успел выбить ловким ударом револьвер из руки противника. Завязалась рукопашная борьба. Они катались по песку, опрокидывая друг друга, как во французской борьбе. Майер

был более ловкий, скупщик — более сильный. Это уравновешивало шансы на исход борьбы. Майер начал уставать первым. Случайно он заметил лежащий в стороне отброшенный револьвер. Перекатившись два раза со своим противником с боку на бок, он оказался рядом с лежащим на земле револьвером. Но скупщик, очевидно, понял план Майера и также протянул руку к револьверу. В борьбе они вырыли яму, царапая песок руками. Наконец Майеру удалось левой рукой оттянуть назад голову врага, а правой ухватиться за револьвер. Однако противник успел сжать ему руку. Тогда Майер невероятным изгибом кисти повернул револьвер к голове врага и спустил курок. Глухо прозвучал выстрел, заглушаемый песчаными дюнами, прибоем и воем ветра. Борьба была окончена. Еще раз пролилась человеческая кровь.

Майер осмотрелся. Кругом было пустынно. Ни живой души. Только чайки испуганно кричали, низко пролетая над человеком и трупом. Майер взвалил труп на спину, отнес его в здание маяка, втащил в верхнюю комнату и бросил у того самого места, где когда-то Ганс хранил свое сокровище — «вечный хлеб».

С самым упорным соперником было покончено. Но на смену ему могли приехать другие. Майер телеграфировал Роденштоку, что нужно принять какие-нибудь особые меры, чтобы ускорить скупку хлеба.

Когда Роденшток прочитал эту телеграмму Кригману, он сказал:

— Я уже придумал. Назовите меня старой метлой, если мое средство не выкачает всех запасов теста из лап этих скряг рыбаков. Они сами все отдадут нам, и мы на этом еще наживемся.

И, как по мановению волшебного жезла, в деревушке вдруг закипела новая, необычайная жизнь. Подходили корабли, груженные лесом и огромными ящиками. Наскоро сколоченные здания вырастали вокруг деревни как грибы. Скоро на зданиях появились красивые вывески: «Бар», «Кинематограф», «Танцевальный зал», еще и еще «Бар» и над

самым большим зданием — «Казино». Жизнь рыбаков превратилась в вечный праздник. Жены наполняли кинематограф, упиваясь картинами роскоши привольной жизни, — Кригман сам подбирал картины, — а мужья пропадали в барах и игорном доме. Отрава азарта крепко захватила непосредственные натуры рыбаков, и они предавались игре до самозабвения.

Многие уже спустили все нажитое на спекуляции и в непреоборимой страсти продолжать игру и отыграться бросали на игорный стол последнюю «валюту» — тесто, которое принималось по весу, как золото. Недалек был тот день, когда охваченные безумной горячкой азарта рыбаки положат на зеленый стол последний кусочек заветного теста, хранимый ими, как сокровище. Однако планы Майера скоро были разрушены самым неожиданным образом.

В один темный, весенний вечер к старому, заброшенному зданию маяка подошли три молодых рыбака. Несколько лет они работали на заводах в Эссене, но безработица последнего времени заставила их вернуться в деревню и вновь заняться рыбным промыслом.

— Зайдемте сюда, — сказал старший из них, Иоганн, указывая рукой на открытую, изломанную ветром дверь маяка.

Все вошли и поднялись за Иоганном в верхнюю комнату.

— Что это здесь падалью пахнет? — сказал Оскар, потягивая носом.

— Какая-нибудь бродячая кошка подохла, — ответил Роберт.

— Я вам сейчас покажу эту кошку, — Иоганн зажег спичку.

В слабом, дрожащем пламени товарищи Иоганна увидали лежащий на мусоре полуразложившийся труп человека в городском костюме.

Они невольно вскрикнули.

— Это труп одного из спекулянтов, убитого Майером, — сказал Иоганн. — Я был свидетелем убийства. Но дело не в этом трупе. Одним спекулянтом меньше — невелика потеря.

Я хотел поговорить с вами о другом. Пойдем на берег моря, здесь трудно дышать. — И когда они вышли на берег и уселись на песчаную отмель, Иоганн начал говорить: — Вы видели труп. Вы знаете, что это не первое и, вероятно, не последнее убийство в нашей деревне. Товарищи, подумайте о том, что происходит. Люди будто с ума посходили. Убийства, кражи, пьянство, разврат, азарт... Господа Майеры совершенно развратили наших стариков, превратили их в завзятых спекулянтов и картежников.

— Да, эти безобразия пора прекратить, — сказал Оскар.

— Конечно, пора, — согласился Иоганн. — Но есть кое-что поважнее безобразий. Это «вечный хлеб», который и наделал всю кутерьму. Зачем понаехали сюда господа Майеры и их приспешники? Зачем они развращают, спаивают, обыгрывают в рулетку наших рыбаков?

— Для того, чтобы выманить хлеб и нажить миллионы, — отозвался Роберт.

— Правильно. Чтобы нажить миллионы за счет голодающих рабочих, надо прибавить. А между тем этот же хлеб, сделайся он достоянием рабочих, может стать огромным орудием в их борьбе с капиталистами.

— Довольно, мы поняли тебя! — сказал Оскар, поднимаясь с земли.

— Нам необходимо овладеть тестом, собрать его как можно больше. Но как это сделать?

— В этом весь вопрос, — ответил Иоганн. — Мы слишком бедны, чтобы конкурировать с Майерами в скупке хлеба...

— Уговорить, доказать нашим?

— Не докажешь. Поздно. Деньги и азарт сделали свое дело. Рыбаки не скоро проснутся от угара.

— Может быть, похитить? — предложил Роберт. Иоганн пожал плечами.

— Отчего бы и не похитить, если это нужно для великого дела. Но много ли мы похитим? Старики дрожат над своим сокровищем. Из-за теста брат убивает брата. Я кое-что придумал, и, может быть, мне удастся достигнуть цели. —

Иоганн обернулся и посмотрел на дорогу, ведущую в деревню. Дорога была безлюдна. — Сейчас сюда должен прийти Майер, — сказал Иоганн. — Я назначил ему здесь свидание, предложив свои услуги по... организации бандитской шайки, которая могла бы ограбить рыбаков — отнять у них все оставшееся тесто. Покончить с тестом одним ударом, вместо того чтобы «выкручивать» его в рулетку! Майер, кажется, не совсем доверяет мне, но план ему нравится.

— Значит, ты хочешь, — сказал Оскар, — получить от Майера оружие, с нашей помощью ограбить рыбаков, овладеть тестом и послать его безработным, оставив этого спекулянта Майера с носом?

— Не совсем так, — ответил Иоганн. И, обернувшись еще раз к дороге, сказал: — Вот он, кажется, идет. Спрячьтесь в маяк и слушайте, о чем я буду говорить с ним. Может быть, ваша помощь мне будет нужна.

Оскар и Роберт скрылись в здании маяка.

Иоганн зажег трубку и, выпуская клубы дыма, спокойно поджидал Майера. Шаги Майера уже слышались за спиной Иоганна, но рыбак продолжал смотреть на море с видом человека, погруженного в думы.

— Здравствуйте, Иоганн! О чем это вы так задумались? — окликнул его Майер.

Иоганн лениво поднялся.

— Ах, это вы, господин спекулянт? Здравствуйте!

Майер дернул головой и нахмурился. Ему не понравилось это приветствие.

«Как грубы эти люди!» — подумал Майер и любезно спросил:

— Ну, как наши дела?

— Дела прекрасны, — ответил Иоганн. — Труп убитого вами спекулянта совсем протух.

Майер сразу изменился в лице.

— Труп? Убитого мною? Спекулянта?.. О чем вы говорите, дорогой мой?

— Вот об этом самом, — ответил Иоганн, указывая на маяк. — О трупе, который там тухнет. Не запирайтесь, Май-

ер. Я был свидетелем вашего убийства. Вы не видали меня, но я вас хорошо видел. Я случайно бродил по дюнам.

— Это ловушка? — спросил Майер, чувствуя, что у него стынут конечности. — Шантаж? Сколько же вы хотите за молчание?

— Ага, наконец-то вы догадались! Я хочу многого, господин убийца. Не морщитесь и слушайте меня. Во-первых, вы должны мне дать все собранное вами тесто, все до последнего кусочка. Чтобы вы ничего не утаили, я самолично обыщу вас на вашей квартире.

— Это... наглость...

— Во-вторых, — не обращая внимания на Майера, говорил Иоганн, — вы должны немедленно закрыть все ваши богоугодные заведения. В-третьих, отдать нашим рыбакам все проигранные деньги. Подождите, это еще не все. И вчетвертых, вы должны убираться отсюда к черту на рога со всей вашей шатией. Даю вам три секунды на размышление.

Майер, бывший военный, привык к решительным действиям. Ему даже не потребовалось трех секунд, чтобы броситься на Иоганна и свалить его с ног. Повергнув врага на землю, Майер пытался убежать Но Иоганн, уже лежа на земле, успел подставить ногу. Майер упал. Через две секунды Иоганн сидел на нем. Майер отбивался отчаянно. Но на помощь Иоганну уже спешили Оскар и Роберт. Увидев их, Майер заскрежетал зубами от злобы.

— Сдаюсь, — хрипло проговорил он, — отпустите мне руку, вы сломаете ее, черт вас возьми.

— Оскар, обыщи его!

Оскар вытащил из карманов Маиера два револьвера.

— Ого, целая артиллерия! Ничего нет больше в карманах, Оскар? Ну, вот теперь можно и руку освободить Все надо делать в свое время. Принимаете наши условия или предпочитаете лечь рядом в маяке с вашим уважаемым конкурентом? — спросил Иоганн.

— При... нимаю, — задыхаясь, ответил Майер.

— Так идем к вам.

В сопровождении Иоганна, Оскара и Роберта Майер по-

плелся по дороге. Он занимал отдельный домик у края деревни. Рыбаки произвели тщательный обыск и взяли все, как было условлено: тесто и деньги.

Когда наконец они ушли, обещав проводить его на пароход, было уже далеко за полночь.

Майер в изнеможении опустил голову на стол, просидел так несколько минут. Потом вдруг поднял голову, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Так опростоволоситься!

Несколько успокоившись, он начал составлять телеграмму Роденштоку. Работа не ладилась. Вдруг кто-то постучал в дверь. «Неужели опять эти разбойники?» — подумал Майер.

— Кто там?

— Срочная телеграмма.

Убедившись, что пришел действительно почтальон, Майер открыл дверь, получил телеграмму и вскрыл ее. Телеграмма была от Роденштока.

«Игорный дом и увеселительные заведения закрыть точка дела ликвидировать точка выезжайте немедленно».

Майер не мог понять, чем вызвана эта телеграмма, но она пришла весьма кстати. Теперь он может выполнить требование Иоганна, не нарушая интересов хозяев.

Рано утром Майер принялся за работу.

Погасли веселые огни в барах, закрылись кинематограф и танцевальные залы, угрюмо молчало пустое здание казино. Рыбаки, лишенные всех этих удовольствий, волновались и едва не побили Майера, требуя открытия игорного дома. Они даже пытались силой овладеть зданием казино, но оказалось, что душа этого здания, рулетка, была еще ночью вывезена и погружена на пароход. Игроки были несколько утешены тем, что получили от Иоганна проигранные в рулетку деньги. Рыбаки ходили, как после тяжелого похмелья, хмурые, молчаливые. Буйства, драки, пьянство и воровство понемногу прекратились. Люди бесцельно бродили по деревне, глядя друг на друга тупым, бессмысленным взглядом, не зная, что делать, о чем говорить. Иногда

они оживлялись, вспоминая веселые, безумные ночи. Но разговор обрывался, и снова тускнели глаза и рот раскрывался в тяжелом зевке. О работе никто не думал. Все ожидали, что вновь начнется золотая горячка, спекуляция, игра и разврат. Но день проходил за днем, а все оставалось по-прежнему. Только весенний, бодрящий ветер весело проносился над деревней, освежая мутные головы.

Майер, прибыв в Берлин, узнал крупную новость. Приглашенному Кригманом химику удалось определить состав «вечного хлеба» и искусственно изготовить «тесто».

— Нам не нужны теперь ни Бройер, ни рыбаки, — сказал Роденшток. — Мы будем сами изготовлять «вечный хлеб».

— Не страшны нам и конкуренты, — добавил Кригман, — пусть они даже скупают по граммам хлеб и растят его. Мы будем изготовлять его тоннами и убьем их конкуренцией.

И акционерное общество по продаже и экспорту «вечного хлеба» начало свои операции.

Глава 6

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Крупнейшие капиталисты Германии объединили свои капиталы в этом деле. Весь земной шар был оклеен кричащими рекламами компании:

«ПОКУПАЙТЕ «ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ»!
Вкусно! Питательно!
Одного килограмма достаточно, чтобы прокормить человека всю жизнь!»

В этой рекламе не было только одного: указания на дешевизну хлеба. Роденшток и Кригман долго спорили о ценах на хлеб. Кригман настаивал на том, чтобы хлеб вначале продавался по дорогой цене, доступной только богачам.

— Мы снимем сливки, а потом пустим хлеб по дешевой цене для массового распространения.

Против этого возражал Роденшток.

— Не забывайте, что каждый килограмм «хлеба» через некоторое время превращается в два. Хлебом будут спекулировать. Не можем же мы обязать купивших не продавать его. Нам необходимо очень быстро повести наши операции, чтобы вернуть капитал с процентами, прежде чем поступивший на рынок хлеб будет использован спекулянтами для снижения цен.

Цены скоро пришлось снизить, но по иной причине: богатые люди отнеслись к хлебу скептически. Они не хотели отказаться от всего разнообразия изысканной кухни и пикантных блюд, чтобы «сесть на кисель», который вызывал у них брезгливое чувство.

Зато беднота, когда хлеб подешевел, набросилась на тесто с жадностью.

Агенты компании проникали в самые отдаленные уголки мира. Тысячи брошюр, кинолент и агитаторов знакомили население с выгодностью и незаменимыми качествами «вечного хлеба». Дела компании шли блестяще. Однако борьба вокруг «хлеба» скоро возгорелась.

На этот раз ее начал профессор Бройер. Когда он узнал о продаже хлеба акционерной компанией, то разослал в редакции газет открытое письмо, в котором протестовал против использования его изобретения. Он настаивал на том, чтобы правительство прекратило деятельность компании.

«Я не для того, — писал профессор, — потратил сорок лет моей жизни, чтобы предоставить возможность обогатиться на моем изобретении кучке спекулянтов. Я протестую против этого. Но еще больше я протестую против того, что мое изобретение получило широкое распространение в то время, когда я еще не закончил моих опытов. Это является не только возмутительным нарушением авторских прав, но и представляет угрозу для общества, поскольку хлеб еще не изучен до конца как новое питательное вещество».

— Он хочет запугать наших покупателей, — сказал Кригман, прочитав это письмо. — Напрасный труд. У нас есть отзывы врачей о полной безвредности хлеба и разреше-

ние врачебного совета. Все, кто ест наш хлеб, находятся в полном здравии, благословляют нас и служат нам лучшей рекламой. Нет, господин профессор, вы опоздали, и вам не удастся испортить нам дело!

Однако письмо профессора произвело большое впечатление на общество. Поднялись горячие споры. Правительство поняло, что совершило ошибку, дав разрешение акционерной компании торговать хлебом Появление на рынке «вечного хлеба» уже сказалось на лихорадочном изменении цен Весь коммерческий и промышленный мир находился в сильнейшем волнении. «Вечный хлеб» был слишком сильным средством воздействия на экономику не только страны, но и всего мира. Такое средство нельзя было оставлять в руках частных лиц.

И правительственные газеты доказывали необходимость объявления государственной монополии на «хлеб».

Рабочие газеты не соглашались с этим. Ссылаясь на волю изобретателя, они настаивали на объявлении «хлеба» общим достоянием и на бесплатной его раздаче.

Пока велись эти горячие споры, в рыбацкой деревне события шли своим чередом.

Ранним весенним утром рыбаки были удивлены необычайным зрелищем. По деревне, размахивая руками, без шляпы, с растрепанными волосами, бежал профессор Бройер, направляясь к новому дому старика Ганса. Ганс только поднялся и наслаждался ароматным кофе со сливками в обществе своей экономки. Увидав профессора, он, по старой привычке, почтительно встал и, указывая на удобное кресло рядом с собой, сказал:

— Прошу садиться, господин профессор. Не угодно ли кофе?

Профессор в изнеможении опустился в кресло. Он так устал от быстрого бега, что не мог выговорить слова и только отрицательно завертел головой. Отдышавшись немного, профессор сказал:

— Ганс, у вас есть еще «тесто», которое я подарил вам?

Ганс насторожился.

— Нет, господин профессор. Виноват. Слабости человеческие. Все продавали, и я продавал. А последнее проиграл в рулетку.

Профессор строго посмотрел в глаза Ганса. Старик не выдержал этого взгляда и отвел глаза в сторону.

— Вы правду говорите, Ганс?

— Сущую правду

Профессор поднялся.

— Я не верю вам, Ганс, вы уже не раз обманули меня. Вы не сдержали своего слова.

— Виноват, господин профессор.

Бройер досадливо махнул рукой.

— Теперь не до извинений. Знаете ли вы, Ганс, что вы сделали? Вы своим непослушанием наделали много вреда, и наделаете еще больше. Слушайте меня внимательно, Ганс. Я сейчас производил опыты над «хлебом». И я убедился, что его есть нельзя. Собачка, которой я дал «хлеб» на неделю раньше вас, издохла в страшных мучениях. И если вы не вернете мне сейчас же тесто до последнего кусочка, вас постигнет ужасная смерть. Вы почернеете, вас будут ломать судороги, пена у вас будет идти изо рта, как у бешеного. И вы умрете.

Ганс побледнел и присел на край кресла. Смерть! Он давно уже не думал о ней, наслаждаясь сытым, спокойным существованием. Умереть теперь! Не пить кофе со сливками, уйти от этих мягких кресел, пуховых перин! Нет, это слишком ужасно. Он смотрел на профессора, и вдруг хитрый огонек вспыхнул в глазах Ганса.

— А вы, господин профессор? Вы говорили, что тоже кушали тесто. Вы тоже умрете?

Бройер смутился, но тотчас овладел собой.

— Да, может быть, и я умру. Но я принял противоядие.

— Тогда, конечно, вы не откажете и мне в противоядии.

— Нет, откажу, — сердито отрезал Бройер. — Пусть это будет преступление, но я не дам вам противоядия. Вы сами накажете себя за ваше преступление. Если же вы хотите жить, то сейчас же несите сюда тесто.

Ганс повеселел:

— Если уж так, делать нечего. Умирать никому не хочется. Сейчас, господин профессор.

Ганс вышел в другую комнату, прикрыл за собой дверь, долго копался там и наконец вышел. С тяжелым вздохом передал он профессору тесто.

Бройер посмотрел в небольшую металлическую банку.

— Это все?

— Неужели же я еще раз обману вас, господин...

— Хорошо. Если обманете, тем хуже будет для вас.

— А противоядие, господин профессор?

— Я принесу вам. Не беспокойтесь.

Когда Бройер вышел из комнаты, Ганс залился веселым старческим смехом и, обращаясь к своей экономке, сказал:

— А я ведь оставил себе маленький кусочек. Самый малюсенький. Сдается мне, что профессор тоже лукавит. Тут не отравление, ему тесто надо на что-нибудь другое.

У дома Ганса уже толпились рыболовы, ожидая услышать свежую новость от Ганса. Но эту новость им пришлось услышать от самого профессора. Он обратился к ним с той же речью, что и к Гансу. Уверял, что все они умрут через неделю, если не примут противоядия. А противоядие он обещал в обмен за тесто. Рыбаки слушали: одни с удивлением, другие с испугом. Но все они уверяли, что теста у них не осталось «ни порошиночки». Расторговались и проигрались.

Профессор кричал, пугал их, топал ногами, ничего не помогало. Теста нет, но противоядие он должен им дать. Только трое обещали принести тесто. Остальные были настроены уже враждебно.

— Обещал всех оделить, а теперь последнее отбираешь!

— Если отравил, так и лечи, — слышались угрожающие выкрики.

— Да поймите вы, несчастные, что я вас жалею, о вас беспокоюсь...

— Видим, как жалеешь...

— Вы сами не знаете, какие несчастья, какой ужас ожидает вас.

Истощив весь запас убеждений, профессор в изнеможении опустился на ступеньки крыльца и закрыл лицо руками.

— Какой ужас, какой ужас! — тихо говорил он, покачивая головой.

Некоторым рыбакам стало жаль его.

— Дадим уж ему по маленькому кусочку, пусть не убивается.

Бройер услышал это. Подняв голову, он сказал:

— Все или ничего! Кусочками тут не поможешь.

— Вот это я уж и не понимаю, — сказал, выступив вперед, старый рыбак. — Почему это так выходит, что если все отдадим, то не отравимся?

— Если все не отдадите, то я не дам вам противоядия.

— Как так не дашь?

Настроение толпы вновь резко изменилось.

— Если не дашь, то раньше нас к бабушке пойдешь. Давай сейчас же!

Толпа окружила Бройера, подхватила под руки и повела к дому, как арестованного. Профессор беспомощно висел на руках рыбаков и только говорил, как в бреду:

— Какой ужас!.. Какое несчастье!..

Придя домой, он шатающейся походкой прошел к себе в лабораторию и вынес оттуда большую склянку с прозрачной жидкостью.

— Вот, отпейте по глотку. Отнесите Гансу. Дайте отпить всем, кто ел тесто.

Рыбаки ушли, обсуждая странное поведение профессора.

— Рехнулся человек.

— Очень просто. Он и раньше был с придурью.

А профессор прошел к себе в кабинет и дрожащей рукой написал телеграмму на имя знакомого депутата.

«Сообщите правительству необходимости немедленного изъятия и уничтожения всех запасов «вечного хлеба» точка сообщите это иностранным державам точка противном случае тире массовое отравление точка Бройер».

Так как вопрос о монополии на «вечный хлеб» решен был государством, то для обсуждения телеграммы Бройера

было созвано совещание кабинета министров. Чтобы не возбуждать паники, телеграмма держалась в полном секрете. Министр финансов возлагал большие надежды на «хлеб», чтобы поправить государственные финансы и укрепить курс марки, и потому горячо убеждал членов кабинета не придавать значения телеграмме.

— Это или куншток изобретателя, недовольного тем, что ему не досталась роль «благодетеля человечества», или, что скорее, бред сумасшедшего. Наши лучшие профессора производили тщательный анализ «хлеба» и не нашли в нем никаких вредных веществ.

Заседание было очень бурное. Все соглашались только в одном, что нельзя спешить с опубликованием приказа об уничтожении «хлеба», пока это дело не будет всесторонне освещено. Министру здравоохранения спешно поручили произвести еще раз, через специалистов, исследование «хлеба», а также людей, которые питались им. Решено было также отправить двух профессоров: одного — психиатра и другого — химика, личных его знакомых, чтобы они, под видом дружеского посещения, справились о здоровье Бройера и попытались разузнать, какая опасность может угрожать тем, кто ел тесто.

Через несколько дней врачи, которым поручено было исследовать «хлеб» и питавшихся им, сделали доклад; они говорили, что вторичное исследование «хлеба» дало те же результаты. Хлеб питателен, богат витаминами, настолько удобоварим, что прекрасно усваивается желудком больных и даже грудных детей, как дополнительное питание к молоку матери, и совершенно безвреден. Все питающиеся этим хлебом чувствуют себя прекрасно. Малокровные и худосочные поправились в короткий срок. В состоянии здоровья туберкулезных, перешедших на питание «тестом», произошло значительное улучшение.

Министр торговли, услышав этот доклад, вздохнул с облегчением.

— А я, признаться, из любопытства и по долгу службы скушал кусочек злополучного теста. И, прочитав эту телеграмму, все время ощущал, как будто из этой лягушечьей икры у меня в желудке развелись лягушки.

Скоро прибыли и профессора, командированные на остров Фэр.

Они сообщили, что нашли Бройера в очень подавленном состоянии.

— О психозе говорить нельзя, — докладывал психиатр, — но состояние нервной системы Бройера неутешительно. У него замечаются резкие изменения настроения, характерные для сильной степени неврастении. От полного угнетения он вдруг переходит к возбужденному состоянию. Нас встретил не совсем дружелюбно. Сообщить что-либо конкретное о своих опасениях отказался. Говорит: «Сами заварили кашу, сами и расхлебывайте. Я исполнил свой долг и предупредил об опасности. Теперь поступайте как хотите и принимайте ответственность на себя».

Этим докладом министры были несколько смущены. Если бы не государственная монополия! Но брать на правительство ответственность за какую-то грозящую опасность... Однако практические интересы восторжествовали. С телеграммой Бройера решено было не считаться.

Кригман, которому удалось узнать об этой телеграмме, сказал Роденштоку:

— Правительство отнимает у нас «хлеб». Ну что ж! Свой капитал мы успели вернуть, хоть и с небольшими процентами. Если теперь и выйдет что неприятное с этим «хлебом», нас не будут обвинять в отравлении.

Глава 7

НЕНУЖНОЕ БОГАТСТВО

Весна принесла Гансу огорчение: от него ушла экономка, вышедшая замуж за рыбака соседней деревни. Старику трудно было привыкать к жизни холостяка: самому прибирать комнаты, готовить обед, мыть белье. Он ходил по деревне и приглашал к себе в услужение вдов и сирот. Но никто не шел. Женщины, как и мужчины, давно отвыкли от

труда. Несмотря на опустошения, произведенные кабачками и рулетками, никто еще не нуждался так, чтобы идти работать у других. Старик должен был примириться со своей участью. Чтобы не готовить себе обед, он опять начал питаться «тестом», которое до сих пор берег на вырост и продажу.

В теплое весеннее утро он открыл буфет, чтобы взять ложкой тесто из банки. К своему удивлению, он увидел, что тесто подросло больше обыкновенного и даже свесилось через край банки, тогда как обычно оно едва доходило до края. Он побежал в погреб, где у него хранились запасы, которые он откладывал в расчете на будущую продажу. Там тесто вело себя обычно, почти не увеличиваясь.

Старик удивился и обрадовался.

«Должно быть, это от тепла оно так быстро пухнет», — решил он. Ганс вычерпнул полбанки и с аппетитом поел теста. Посидел на солнышке, покурил трубочку и в двенадцать часов дня улегся отдохнуть. Проснувшись в два часа, он опять полюбопытствовал заглянуть в буфет. Банка опять была полна до краев.

«Вот так штука! Если бы теперь приехали скупщики, можно было бы поторговать», — думал он, огорчаясь затишьем в торговле тестом.

Вечером он отправился в дом рыбака, который имел большую семью. Поговорил о том о сем и как бы между прочим спросил:

— А не понадобится ли вам тесто?

Рыбак неопределенно пожал плечами:

— У нас почти что хватает своего. Кило, пожалуй, купил бы.

— А сколько дадите?

— Пару марок дам.

Ганс даже обиделся. И, поговорив о ранней весне, распрощался и ушел.

— Пару марок! — ворчал старик, возвращаясь к себе. — Платили люди тысячами, а тут — пару. И куда они запропастились? Не поймешь этих городских. То чуть с руками не оторвут, то и не показываются...

Огорченный неудачей, Ганс рано лег спать.

А когда наутро он проснулся и открыл буфет, то невольно отпрянул в изумлении. Тесто не только вылезло из банки, но и заполнило всю полку.

— Ну и прет! — воскликнул старик. — Этак действительно придется мне по две марки продавать.

Он обошел всю деревню, предлагая тесто. Но ему везде говорили:

— Не нуждаемся.

Через несколько дней уже все были сыты по горло. Правда, неожиданные холода задержали рост теста, но в каждой семье его было вполне достаточно для дневного питания. Отяжелел и Ганс. Если бы не заботы, он располнел бы еще больше. Его мучила мысль, что этакие богатства пропадают даром. Он не мог допустить мысли, чтобы выбросить тесто на улицу. И он пожирал его сам, с появившимся вдруг неистощимым старческим аппетитом. Наконец он почувствовал, что уже не может есть так много. Он еле таскал растолстевшие, как бревна, ноги. Его мучила одышка. С трудом доплелся он до соседнего дома. Муж и двое детей сидели у калитки. Жена выглядывала из открытого окна.

— Добрый день, — любезно сказал Ганс. — Скучно мне одному сидеть. Не изволите ли вы прийти ко мне откушать теста?

Рыбак измерил расстояние между домами. Оно было не более тридцати шагов.

— Далеко идти, — апатично сказал он.

— Ну что там, далеко! Я же дошел, а я старше вас.

— Нет, спасибо, да я уже и сыт. Сегодня раз пять принимался за еду.

— Очень жаль.

И, опустившись рядом с рыбаком на скамью, Ганс откровенно сказал:

— Я уже не то что в гости, а как бы в виде помощи вас

прошу. Уж очень быстро расти стало тесто. Три полки в буфете заняло. Ем, ем, а оно все растет. Пособили бы!

Жене рыбака как будто стало жалко Ганса.

— Надо пособить бедному человеку, — сказала она мужу, — в беду всякий попасть может. Нас много, мы еще справляемся, а он один да старый.

— Ну и иди, — равнодушно отозвался муж, — а я не хочу, лень.

Жена рыбака пошла с Гансом, который не переставал благодарить ее.

— Да уж ладно, долг платежом красен. Когда-то, когда у нас теста не было, вы пожалели нашу бедность и с большой скидкой тесто продали.

— Как же, как же, — засуетился Ганс, — нам надо помогать друг другу. Вот, кушайте, пожалуйста, на здоровье.

Женщина зачерпнула ложкой теста и, превозмогая себя, съела большой кусок.

— Вот спасибо вам, выручили старика. Еще кусочек.

Гостья поднесла ко рту вторую ложку, но вдруг быстро отвела ее в сторону и сказала тихо, с каким-то испугом:

— Не могу, с души воротит.

— Ну хоть маленький кусочек. будьте настолько добры, не откажите в просьбе старику.

Ганс клянчил, как будто он умирал с голоду и выпрашивал милостыню.

— Говорю вам, что не могу, чего пристал? — уже грубо ответила женщина. — Не прогневайся.

И она вышла из комнаты.

Ганс кланялся ей вслед и говорил:

— Ну что ж, не смею настаивать. И на том спасибо.

Ночью ему долго не спалось. Он высчитывал, сколько у него было бы денег, если бы он продал все тесто по тысяче марок за кило. Заснул он только под утро, но скоро был разбужен каким-то треском, раздавшимся в комнате. Ганс вскочил с кровати и осмотрелся. В серых сумерках утра он увидел, что разросшееся тесто выдавило дверку буфета и вытекло на пол.

Ганс был охвачен ужасом. Впервые он подумал о той опасности, которой угрожает тесто.

«Что же это будет? — подумал он. — Ведь этак тесто выживет меня из дому».

Он не спал остаток ночи. Ему мерещилось, что тесто, как серый змей, подползает к кровати и душит его... Рано утром он пошел к большой дороге, по которой проходили иногда безработные, бродяги и нищие.

Ему удалось заполучить троих дюжих, но изголодавшихся парней обещанием хорошо накормить их.

Парни, видимо, никогда не ели теста. Они вначале отнеслись к предложенному блюду недоверчиво. Но когда Ганс показал им пример, они попробовали, одобрили и с жадностью набросились на тесто. Оно как будто таяло во рту, и съесть его, не обременяя желудок, можно было много. Желудки же у них были объемистые, а аппетит и того больше. В какие-нибудь двадцать минут гости опустошили две полки теста.

Ганс повеселел.

— Ну что? Хорошо?

— Не худо! — отвечали они, полузакрывая замаслившиеся от сытости глазки.

— То-то. Я человек добрый, сам голодал, знаю, что такое голод. Надо помогать ближнему. Человек я одинокий, есть лишний хлеб — отчего не накормить голодного?

— Спасибо.

— Не за что. Приходите завтра. Если хотите, каждый день приходите. Товарищей с собой приводите. Я добрый, я всех накормлю.

— Спасибо, придем.

Парни ушли. Ганс повеселел еще больше.

— Вот так-то лучше.

Тесто уже не казалось ему страшным змеем, выползающим из буфета и готовым проглотить его.

— Этакие парни сами всякого змея проглотят!

Он с нетерпением ожидал их на следующее утро, но они не пришли. День был теплый. Тесто снова наполнило весь

буфет и выползло на пол. Ночью старика опять душили кошмары. Ему казалось, что тесто подползает к нему, лезет все выше и выше, поднимает серые руки... Он просыпался, обливаясь потом. Наконец он заснул и спал, вероятно, очень долго. Его разбудил чей-то крик.

— Хозяин, а хозяин!

Ганс открыл глаза и увидел, что солнце уже довольно высоко поднялось на небе. Ганс подошел к окну и распахнул его. У окна стояли трое. Двух из них он узнал: это были безработные, евшие у него тесто. Третий был нищий в заплатанной одежде.

Ганс очень обрадовался, увидев их, и поспешил открыть дверь.

— Милости просим! Проголодались? Я вас вчера поджидал, приготовил вам вкусненького теста.

Но гости не спешили войти. Один из безработных деловито спросил:

— Потребуется тесто есть?

Ганса несколько удивило его приветствие, но он с прежним радушием сказал:

— Прошу вас.

— А какая ваша цена будет? — с тою же деловитостью спросил безработный. Ганс даже открыл глаза от изумления.

— Цена? Да я же вас бесплатно кормлю!

— Ну да, еще бы того не хватало, чтоб мы вам платили. Я спрашиваю, сколько вы нам заплатите за еду?

— Я — вам? За еду? Да где же это видано?

— Видано или не видано, а бесплатно мы есть не будем. Не хотите платить, не надо. Мы в другом месте работу найдем.

— Какая же это работа? Постойте, да куда же вы уходите? — испугался Ганс. — Ну я могу немножечко дать.

— А сколько?

— Двадцать пфеннигов дам.

— Цена неподходящая. Нам по две марки за килограмм платят в вашей деревне. Нарасхват берут. Только ешь.

У Ганса помутилось в голове. Платить за то, что люди будут есть тесто. То самое тесто, за которое ему платили по тысяче и более за кило. Или эти люди смеются над ним, или он с ума сошел...

— Нет, я не буду платить. Найдутся другие...

— Не найдутся, во всей округе уже знают.

— Сам съем, — упрямо сказал Ганс.

— Твое дело. Если не лопнешь, завтра по четыре марки заплатишь. Идем, ребята!

И они ушли. Ушли, оставив его одного с тестом. А оно серой массой лежало на полу и уже опоясало весь низ у буфета. За ночь оно наполнит всю комнату... На Ганса напал ужас. Он бросился к окну и закричал удаляющимся «едокам»:

— Подождите, эй, вы, вернитесь!

Они вернулись, подсчитали на глаз вес теста и принялись за работу. Они не брезгали даже есть с пола, очистили все выползшее наружу тесто и две нижние полки. Больше они не могли съесть.

Трясущимися руками Ганс расплатился с «рабочими» и опустился в изнеможении в кресло.

Едоки приходили каждый день. С каждым днем они становились толще, ели меньше, за еду брали дороже. Деньги Ганса быстро таяли. Наконец он не выдержал. Однажды после их ухода он пытался сам есть до полного изнеможения. Он ел так много, что утром не мог подняться с кровати. Сердце противно замирало, щемило в груди.

Когда наутро пришли едоки, он сказал им слабым голосом:

— Выбросьте всю эту дрянь на улицу, подальше от дома.

— Давно бы так, — весело ответили бродяги. Им самим уже смертельно надоело есть тесто. — Другие односельчане уже давно выбросили.

Они быстро принялись за работу, и дом был, наконец, очищен от теста. Ганс хотел приподняться, чтобы расплатиться, но вдруг откинулся назад, посинел и захрипел.

— Ну, и этому крышка! — сказал нищий, подходя к Гансу.

— Лопнул от жира! Двое вчера уж померли в этой деревне. Что ж, возьмем себе что-нибудь на память о старичке — да на пристань. Довольно нам здесь проедаться. Где у него деньги-то были?

— Брось, Карл, — сказал безработный, — еще накроют.

— Кто тут накроет? Да в этой деревне никто с места не двинется целый день.

Нищий нашел сундучок с деньгами, набил карманы и ушел со своими спутниками, оставив холодеющий труп.

Глава 8

ХЛЕБНЫЙ ПОТОП

Ужас вселился в деревню. В каждом рыбацком доме оказалась хоть крупица «вечного хлеба». Когда настали летние жары и «хлеб» начал быстро расти, все пережили кратковременную радость о небывалом «урожае». Но следующие же за этим дни убедили всех, что тесто растет с угрожающей быстротой, превращаясь из драгоценного питательного вещества в страшного врага, вырастая в могучий хлебный поток, который грозит всеобщей гибелью.

Общая опасность встряхнула всех. Надо было принимать какие-то меры, чтобы спастись от ужасной смерти.

Рыбаки, как и Ганс, в первое время пытались истребить тесто, поедая его. Они ели с отчаянием, остервенением, наедались до спазм в желудке, до обморока. Во многих из них проснулся какой-то звериный, первобытный эгоизм. Желая спасти себя, старшие и более сильные принуждали есть слабейших и младших. Ничего не помогало. Скоро всем стало очевидно, что «поедом» теста не истребишь. Оно наполняло комнаты, разбивая окна, выползало на улицу и растекалось серым потоком. Сила роста была так велика, что тесто, заполнив камин, поднималось вверх по каминной трубе, вылезало наружу и нарастало на крыше, как снежные сугробы. Многосемейные рыбаки еще кое-как справлялись с тестом. Они вовремя вынесли его из дому и выбросили на улицу. Ночами рыбаки подбрасывали куски теста своим соседям.

Если их застигали на месте преступления, то жестоко избивали.

Один из этих преступников был застигнут Фрицем у своего дома. Взбешенный Фриц свалил «подкидчика» ударом кулака и тело несчастного бросил в хлебный сугроб. К утру тесто совершенно поглотило труп. Так Фриц совершил свое второе убийство. Он даже не скрывал этого, объясняя односельчанам, что это была лишь необходимая оборона. Городские судьи, может быть, и нашли бы в действиях Фрица «превышение пределов необходимой обороны». Но все рыбаки твердо стояли на том, что Фриц действовал как должно, что этот случай послужит уроком для других.

Изгнанные тестом из домов, растерянные, полупомешанные от страха, люди часто собирались на берегу моря и обсуждали свое положение. На этих собраниях рассказывались страшные вещи. Как погибла в тесте вся семья плотника: ночью, когда все спали, тесто завалило дверь и окно, и несчастные были удушены тестом... Как погибали грудные дети и беспомощные больные, оставленные в домах.

Одна мать, потерявшая ребенка, рассказывала:

— Я пошла к соседям просить помощи, чтобы помогли мне хоть вынести вещи из дому. Тесто заполнило у меня только одну комнату до половины, а в другой лежал мой ребенок. Я надеялась скоро вернуться. Но мне пришлось обойти всю деревню, прося помощи, однако никто не шел. У каждого были свои заботы. Не могу сказать, долго ли я была в отлучке. Когда же вернулась, то увидала, что вся комната почти до потолка заполнена тестом и через нее мне не пройти в комнату, где лежал мой ребенок. Я бросилась к окну, но оно было закрыто изнутри. Тогда я решила пройти сквозь тесто. Оно оказалось очень вязким, как густая тина. Я сделала несколько шагов и уже выбилась из сил. Голова моя была еще выше теста, оно достигало плеч. Но скоро тесто начало покрывать мне шею, подошло под подбородок... Еще несколько минут, и оно удушило бы меня... Я тонула в нем, как в вязкой тине болота. Я начала кричать. Спасибо,

мимо бежал Фриц. Он услышал мой крик и багром вытащил меня. А ребенка мы так и не могли спасти...

— Да, все это так и было, — подтвердил Фриц. — Я сам порядочно наглотался теста, прежде чем мне удалось вытащить Марту.

И это самоотверженное спасение погибающего казалось слушателям таким же простым и нужным делом, как и убийство «подкидчика», — слово, которое появилось с появлением нового вида преступления. Оно так же клеймило человека, как и прежнее слово «вор».

Рыбаки угрюмо молчали, слушая эти жуткие рассказы.

— Неужто всем нам погибать? — спросила молодая женщина.

— Или бросать дома и уходить отсюда подальше, — отозвался старый рыбак.

Фриц задумчиво смотрел на море.

— А почему бы нам не попробовать, — сказал он, — выбросить тесто в море, благо оно у нас под боком. В море места много. Может быть, тесто тонет в воде. А нет — ветер и волны унесут его от наших берегов, и дело с концом.

Эта мысль понравилась всем. Чем бы ни кончилась эта затея, она даст какой-то выход из томительного бездействия. И рыбаки горячо принялись за работу. День и ночь таскали они тесто к берегу и выбрасывали в море.

Тесто немного погружалось в воду, но не тонуло. Оно плавало на поверхности, как побуревший на весеннем солнце грязный прибрежный лед. Не уносило его и от берега. Волны прибоя выбрасывали часть теста назад на берег. Зато тесто оказалось по вкусу рыбам. Они появились у берегов в необычайном количестве, пожирая вкусное тесто.

Это развлекло рыбаков.

— А ведь сожрут, пожалуй... Смотри, какая гибель рыб.

— Вот так приманка! Хорошая была бы рыбная ловля!

— Ни одна сеть не выдержит. Да они уж и погнили, наши сети.

Никто, однако, серьезно о рыбной ловле не думал. Все продолжали таскать тесто и выбрасывать в море.

На третий день один из рыбаков заметил:

— Что это значит? Сколько мы потаскали теста, сколько рыбы поели, а теста становится еще больше!

— Значит, и в воде растет.

Еще через несколько дней стало очевидным, что тесто не только продолжает расти в воде, но и растет гораздо быстрее, чем на земле, быть может, получив добавочное питание от воды. Тесто уже выпятилось над поверхностью воды, захватив огромное пространство моря, насколько глаз хватает. В довершение бед, оно затянуло всю прибрежную полосу, остановило прибой, сровнялось с берегом и поползло на сушу. Как будто море уже насытилось, не принимало больше и отдавало излишки назад земле. Подойти к берегу не представлялось возможным.

Последняя надежда рыбаков разбилась. В отчаянии стояли они у берега, не зная, что делать, как спастись. Перед ними было какое-то новое море — серая студенистая масса, какой-то кисель, по которому, вероятно, нельзя даже плыть на лодке... Позади стояли брошенные, опустевшие дома...

Один из рыбаков все-таки сделал попытку спустить лодку. Но она увязла в тесте, как в тине, а весла нельзя было повернуть.

— И море испортили, — хмурясь, сказал старый рыбак. — Теперь ни проезду, ни проходу... А с острова не убежишь... И кто это наделал таких дел?

Да, кто наделал? Эта мысль была подхвачена всеми. Отчаявшиеся в спасении люди искали виновного, чтобы на нем сорвать гнев за все несчастья.

— Кто же другой виноват? Конечно, профессор Бройер!

Рыбаки забыли, не хотели вспоминать, как получили они тесто, как профессор уговаривал их отдать все запасы «вечного хлеба».

— Это он погубил нас! Он лишил нас жилища, обрек на смерть наших детей. Он обрушил на наши головы все несчастья. Смерть профессору Бройеру! Смерть душителю!

И разъяренная толпа бросилась на холм, к усадьбе профессора.

Напрасно Иоганн, Роберт и Оскар пытались убедить толпу не делать безумных поступков. Гнев не рассуждает.

Глава 9

ОСАДА

Профессор Бройер переживал тяжелые дни. Он знал, что делается в деревне. Он сделал все возможное, чтобы предупредить несчастье, но все же чувствовал себя косвенным виновником происшедшего.

— Какой ужас! Какой ужас! — повторял он, шагая из угла в угол по своему кабинету. — Что за несчастная судьба! Сорок лет жизни потратить на то, чтобы сделать людей счастливыми и причинить им столько несчастий...

От вспышек отчаяния профессор переходил к лихорадочной работе: он изобретал средство, которое могло бы быстро уничтожить тесто или, по крайней мере, замедлить его рост. Он ночи просиживал, не отрываясь, за работой в своей лаборатории. Но ему необходимо было произвести огромное количество опытов, прежде чем он сможет добиться каких-нибудь практических результатов. На это нужно было время. А работать приходилось в постоянном нервном напряжении среди окружавших его ужасов. И он был близок к нервному расстройству. Бройер ожидал, что рано или поздно возмущенная толпа может произвести нападение, и приготовился к этому. Жизнью он не дорожил, но ему казалось, что только он один может спасти человечество, прежде чем оно погибнет от теста. И он решил отстоять свою жизнь во что бы то ни стало.

Когда испуганный слуга вбежал в его кабинет и прерывающимся голосом сказал: «Толпа рыбаков бежит к нашему дому», — профессор Бройер только с грустью спросил:

— Уже?

Минуту он сидел в глубокой задумчивости, как осужденный, которому сказали: «За вами пришли. Идите на

казнь». Но скоро овладел собой, выпрямился и спокойно отдал приказание:

— Закройте двери. Карл. Вставьте дубовые ставни в окна первого этажа.

Бройер и Карл быстро принялись за работу. Входная дверь была сделана из толстого, тяжелого дуба, окованного железом. Такая дверь могла долго выдерживать натиск. Довольно узкие окна нижнего этажа прикрывались ставнями с железными болтами. Все было давно обдумано. Карл успел даже закрыть ворота, хотя они были сделаны и не так прочно, как входные двери.

— Все-таки задержат их на время, — сказал слуга.

Домик профессора приготовился к осаде. Крики толпы уже отчетливо слышались за стеною каменной ограды.

— Смерть душителю! — кричала разъяренная толпа, и удары тяжелыми рыбацкими баграми посыпались на доски ворот. Собаки, спущенные с цепи, подняли отчаянный лай. Толпа волновалась, ворота трещали и, наконец, поддались. Вооруженные баграми и гарпунами, рыбаки ворвались в сад, покончили с собаками и осадили дом.

— Открывай дверь! — кричали рыбаки. — Все равно тебе не уйти живым отсюда.

Профессор выглянул из узкого окна второго этажа. Несмотря на весь ужас положения, он невольно улыбнулся, увидя толпу осаждавших: ни одна армия в мире не состояла из таких толстых, неповоротливых людей! Заботы и труды последних дней сделали свое дело, но все же они были еще так неимоверно толсты, что можно было подумать, будто они собраны на какой-то конкурс толстяков. Они страдали одышкой и быстро уставали. Это делало их менее опасными противниками.

— Я выйду, но прежде выслушайте меня, — сказал профессор, пытаясь убедить их словами. — Я предупреждал вас... — начал он.

Но ему не давали говорить.

— Убийца! Душитель! Смерть! Смерть!

— Я скажу вам, как уничтожить тесто! — пытался он перекричать толпу.

Стоявшие вблизи, услышав эти слова, замолкли, но дальние продолжали кричать.

— Пока я не нашел средства, которое сразу избавит вас от теста, трите его меж камней, толките в ступе, жгите огнем. А главное, не мешайте мне работать. Вы уже раз не послушались меня...

Но слова Бройера были заглушены ревом толпы. Рыбаки начали работать баграми, как таранами. Однако ни двери, ни ставни окон не поддавались.

Рыбаки продолжали осаду. На смену уставшим становились другие и упорно долбили двери. К вечеру дверные доски уже значительно пострадали. В нескольких местах острые багры сделали сквозные дыры. Но и армия толстяков сильно устала. Осаждавшие уселись вокруг дома и начали обсуждать план действий. Многим работа баграми казалась слишком утомительной и длительной. Надо было придумать более быстрые способы взятия осажденной крепости. Беспорядочные крики толпы постепенно затихли. Неорганизованная толпа, очевидно, превращалась в организованную «армию», выделившую свой штаб, своих военачальников.

«Это хуже», — подумал Бройер.

— Ишь, руками размахивает, — сказал Карл, указывая на одного рыбака, — это Фриц, я знаю его.

Фриц что-то объяснял рыбакам. Они слушали его внимательно, потом все вновь громко заговорили и ушли за ворота, оставив у дома только нескольких человек.

«Неужели он убедил их не делать глупостей? — подумал Бройер. — Но тогда зачем они оставили этих часовых?»

Прошло около часа. И вдруг Бройер увидел возвращавшихся крестьян и сразу угадал их план. Они несли за спиной по связке хворосту.

— Что же это такое? Они хотят нас сжечь живыми? — в испуге проговорил Карл.

— Постараемся остаться в живых, — ответил Бройер, наблюдая, как рыбаки складывают у двери и стен здания

связки хворосту. — А ну-ка, пустим в ход нашу «артиллерию», — сказал профессор.

Слуга принес огромную связку ракет. Прежде чем рыбаки успели сложить костры, Бройер и его слуга выпустили в осаждавших десяток ракет. Ракеты эти были особого свойства. Они неимоверно шипели, трещали, изрыгали струи огня, прыгали из стороны в сторону и оставляли после себя удушающий смрад. Несмотря на весь свой страшный эффект, ракеты были совершенно безвредны. Однако они произвели среди врагов настоящую панику. Рыбаки бросились убегать, закрывая рот руками и чихая. Они были уверены, что их отравили удушливыми газами.

Было уже за полночь. Луна на ущербе показалась сквозь разорванные, быстро гонимые ветром тучи. Рыбаки, убедившиеся в полном своем здоровье, вернулись к дому в тот самый момент, когда профессор уже подумывал о том, чтобы бежать, пользуясь отступлением врагов.

В рассеянном свете луны Бройер увидел, что рыбаки, завязав платками нос и рот, приближаются к дому. В руках нападающих были зажженные фонари. Несмотря на свою толщину и неповоротливость, на этот раз нападающие действовали скоро и решительно. «Организация армии» сделала свое дело. Прежде чем Бройер успел выпустить новый заряд ракет, рыбаки подожгли костры и, отойдя в сторону, уселись.

— Скверно, — сказал Бройер, глядя, как языки пламени охватывают сухие ветви смолистого дерева. Он потер лоб и задумался.

— Другого средства нет, придется прибегнуть к газовой атаке... Это безвредный газ, и от него никто не погибнет. Но враги будут усыплены, по крайней мере, на три часа.

Бройер быстро прошел в лабораторию и вынес оттуда два баллона. Когда он отвинтил металлическую пробку, из баллона потекла вниз струя почти бесцветного газа. Выпустив один баллон, Бройер и слуга надели противогазовые маски и вслед за первым баллоном выпустили еще три. Дей-

ствие газа было быстрое и полное. Как только газовая волна докатилась до рыбаков, они начали падать.

— Можно идти, — сказал Бройер.

Они вышли, закрыли за собой дверь, быстро растаскали горевшие костры, потушили пламя. Поднявшийся ветер разогнал газ.

— Тем лучше, через час-два они все будут на ногах. За это время мы будем далеко.

Бройер открыл гараж, вывел небольшой двухместный автомобиль и уселся с Карлом. Они выехали за ворота и быстро поехали по дороге, ведущей к ближайшему городу.

Глава 10

ПРЕСТУПНИК

Утром рыбаки проснулись и с недоумением глядели друг на друга. Что такое произошло с ними? Вокруг дома валялись разбросанные ветви и сучья. Дом безмолвствовал.

Сломали двери, вошли внутрь. Везде было пусто.

— Ушел! Бежал! Перехитрил нас!

Разочарованные, они вернулись в деревню и только теперь вспомнили совет Бройера, как истреблять тесто. Принесли большой котел, развели под ним огонь и стали бросать в котел тесто. Из котла шел смрад, тесто быстро таяло в котле, оставляя на дне небольшой осадок. Те, у кого не было котлов, терли тесто между камней или толкли в ступе. Работа шла довольно успешно, но теста было слишком много, и рыбакам приходилось сидеть за работой целый день, чтобы истреблять все нараставшее тесто.

В то время как рыбаки были заняты этим египетским трудом, профессор со слугою Карлом ехали по направлению к городу. Когда они проезжали одной деревушкой, им повстречался старый рыбак, который знал профессора Бройера в лицо.

— Вот едет душитель, — сказал рыбак, указывая крестьянам на проезжавшего Бройера. Среди крестьян послышались угрожающие крики. Карл включил полную скорость.

Но один из крестьян бросил в автомобиль навозные вилы. Вилы ударились в колесо и пробили шину. Кое-как беглецы выехали за деревню, сошли с автомобиля и начали надевать новую шину на колесо. Однако крестьяне увидали их и уже бежали к автомобилю с угрожающими криками. Бройер и Карл бросили автомобиль и поспешили скрыться в соседнем лесу.

Они не решались выйти на дорогу, просидели в своем убежище весь день и только ночью пустились в путь.

«Отверженный, — с горечью думал Бройер. — Каждый прохожий может убить меня как преступника, объявленного вне закона...»

Когда, наконец, путники явились в город, Бройер отправился к прокурору и, назвав себя, сказал:

— Я прошу вас арестовать меня и отправить в тюрьму, иначе толпа растерзает меня.

— Вы явились очень своевременно, — ответил прокурор, — я только что получил приказ арестовать вас.

— Чтобы охранить меня от толпы?

— Да, — неопределенно ответил прокурор. — И не только для этого. Вам, по-видимому, будет предъявлено обвинение.

Бройер был удивлен, но ничего не сказал. Он пожал плечами и безучастно позволил отвезти себя в тюрьму. Скоро его перевезли в Берлин.

— Знаете ли вы о тех несчастьях, которые причинили своим изобретением? — спросил его следователь, вызвав для допроса.

— Да, знаю. Но виновным себя признать не могу. Я предупреждал...

— О виновности речь впереди. Вы знаете то, что произошло в рыбацкой деревне, но, вероятно, не знаете того, что произошло во всем мире.

— Вероятно, то же самое, но в большем масштабе.

— В большем масштабе! — с возмущением в голосе проговорил следователь. — Как можете вы спокойно говорить об этом? Целые деревни, села, города затоплены вашим

ужасным тестом. Сотни тысяч, миллионы людей остались без жилищ. Мореплавание и речное судоходство остановилось, так как воды рек и морей превратились в какую-то тину. Вы причинили катастрофу, с которой не может сравниться даже извержение вулкана. А вы спокойно говорите о «большем масштабе».

— Что же мне, падать ниц и просить прощения? — уже с раздражением сказал профессор. — Ведь не я раскидал тесто по всему земному шару, не я затеял эту торговлю «вечным хлебом». Скажите, по крайней мере, в чем именно вы меня обвиняете?

— В том, что вы, не закончив опытов, не исследовав всех качеств теста, имели преступную неосторожность передать часть теста старому рыбаку Гансу. С этого все и началось.

— Я принял все меры предосторожности. Старик Ганс обманул меня.

— Вы дали в руки полуграмотного человека страшную разрушительную силу. Хороша предосторожность! Благоволите сообщить мне все подробно. — И следователь, усевшись за стол, начал формальный допрос, который длился довольно долго.

Следователя особенно интересовал вопрос, почему Бройер не сообщил в своей телеграмме, какой именно опасности подвергается мир, а говорил только о вредности теста для здоровья, направив, таким образом, следствие на ложный путь.

— Если бы вы сказали правду, несчастье могло быть предотвращено. Были бы сделаны какие-либо холодильники или герметические сосуды.

— Я полагал, что угроза отравления — самое действенное средство заставить людей отказаться от употребления «хлеба» и истребить его. Притом мне просто могли бы и не поверить, если бы я сказал правду. Притом никакие холодильники и сосуды не помогли бы. Их изготовление требует времени, тесто растет со скоростью размножения бактерий: через двенадцать часов каждая «палочка» дает шестнадцать миллионов потомства.

Когда к профессору был допущен защитник, от него Бройер узнал еще некоторые подробности.

— Да, дорогой профессор, наделали вы бед. Теперь люди только тем и заняты, что сидят и толкут в ступах тесто. Богатые еще могут нанимать бедняков работать за себя, а все остальные обречены на этот сизифов труд. Некоторые государства пробовали даже сваливать тесто на территорию соседних государств. Это вызвало ряд войн. Хорошо еще, что само тесто охладило воинственный пыл. Как тут повоюешь, когда ни пройти ни проехать. Люди и лошади вязнут в тесте. Только аэропланы подрались в воздухе, на этом дело и кончилось. Но дальше-то, дальше что будет, скажите мне? Вот газеты пишут, что ваше тесто расползется по всей земле, покроет земной шар сплошной коркой, и тогда капут. Солнце подрумянит этот земной колобок. Он, может быть, будет вкусный и питательный, только есть его будет некому. Все живое умрет. Предусмотрительные люди — кто побогаче, конечно, — уже сейчас покупают участки на горах. Все швейцарские ледники захвачены кучкой богачей, которые хотят переселиться туда в надежде, что на такую высоту тесто не дойдет, притом же там холодно, а на холоде тесто растет медленно.

— Скажите мне, — прервал защитника Бройер, — но почему именно обвиняют меня? Ведь хлеб продавали Роденшток и Кригман!

Адвокат улыбнулся

— Дело в том, что правительство успело объявить монополию на хлеб и уже продавало от себя. Не может же правительство обвинить само себя! Чтобы оправдаться перед массами, надо свалить на кого-то вину, отвлечь внимание.

— Теперь мне все понятно, — сказал Бройер. — При таких условиях мне трудно оправдаться.

— Да, нелегко. Вы могли бы только одним купить себе оправдание — изобрести скорее «противоядие», средство, которое уничтожило бы ваше изобретение

— Но для этого мне надо работать, — сказал горячо Бройер.

— Вам дадут эту возможность, — ответил адвокат. — Сегодня вас переведут в лабораторию, оборудованную здесь же, в тюрьме. Поверьте мне, для вас это будет лучший способ защиты.

Глава 11

СПАСЕННЫЙ МИР

— Позвольте представиться, приват-доцент Шмидт. Меня командировали вам в помощь. Я уже работал по биохимии у Роденштока и Кригмана. Мне удалось открыть состав вашего «хлеба» и вырабатывать его для экспорта.

— Вот как, — сказал Бройер, — значит, и вы «соучастник преступления»! Не по этому ли поводу вы и оказались моим помощником в тюремной лаборатории?

— Представьте, нет. Меня не тронули. Очевидно, признали, что и одной жертвы достаточно.

— Но Роденшток и Кригман тоже на свободе?

— О да, и процветают по-прежнему. Они сейчас изготовляют машины для механического истребления теста и на этом наживают большие деньги. Все состоятельные люди обзавелись такими машинами. Тысячи рабочих работают на истреблении «хлеба». Увы, рабочий день во всем мире удлинен до двенадцати часов. Что делать! Везде объявлено военное положение. Рабочие работают как военнообязанные. Всякие забастовки караются самым жестоким образом.

Бройер опустил голову и сидел подавленный.

«Бедный Бройер! Об этом ли он мечтал?» — подумал Шмидт. Ему стало жалко старика.

— Посмотрите, как обставлена лаборатория! Не правда ли, недурно? — Бройер вышел из своей задумчивости и взглядом знатока окинул лабораторию. Он остался доволен. Увидав микроскоп, реторты и колбы, он как будто пришел в себя после всех перенесенных волнений. Его потянуло к работе.

— Да, да, — сказал он, — хорошая лаборатория. Здесь

кое-чего не хватает, но мы, конечно, получим все, что нужно. Работать, работать!

— Ну, вот и отлично! Мы с вами скоро справимся с тестом. Кстати, скажите, профессор, чем вы объясняете усиление роста теста? Только ли поднятием температуры с наступлением лета?

— Разумеется, не только этим. В самом летнем воздухе имеется больше бактерий, чем в зимнем. Культура моих «простейших» получает большее питание, и «хлеб» усиленно растет.

— Я так и предполагал, — сказал Шмидт. — Радикальное истребление «вечного хлеба» поэтому может идти двумя путями. Или мы должны будем найти культуру таких бактерий, которые бы поглощали «тесто» в бóльшем количестве, чем оно разрастается, или же мы должны стерилизовать воздух, окружающий тесто, и таким образом лишить питания «простейших», из которых состоит ваше тесто.

— Я думал о первом способе, — сказал Бройер. — Ваш способ стерилизации воздуха мне кажется не менее интересным.

— Так вот и будем работать в двух направлениях.

Бройер нашел в лице Шмидта опытного, талантливого работника и хорошего товарища. Бройер и Шмидт работали без устали, и их работа шла бы, вероятно, еще лучше, если бы посещения следователя не выбивали Бройера из колеи. После этих посещений Бройер впадал в тяжелую задумчивость или начинал нервничать. Шмидт, как умел, пытался успокоить Бройера.

— Не обращайте внимания на эту судейскую крысу. Ваше изобретение, что бы ни говорили, остается величайшим. Всякая научная работа сопряжена с неуспехом. Сейчас мы работаем над тем, чтобы уничтожить ваше изобретение. Но мы не остановимся на этой «разрушительной» работе. Мы найдем узду для вашего теста, сделаем его послушным орудием в руках человека и освободим человечество от голода.

Весь мир с напряженным вниманием следил за тем, что делается в тюремной лаборатории. Однако терпение людей,

видимо, истощалось. Газеты все чаще писали о том, что пора назначить суд над профессором Бройером, так как, видимо, ему не удастся разрешить задачу. Шмидт, который успевал прочитывать газеты, скрывал эти сообщения от Бройера, чтобы не волновать его.

Однако Бройер однажды прочитал эти газетные статьи. Он долго сидел в задумчивости, а вечером уговаривал Шмидта лечь спать пораньше, так как Шмидт уже много ночей почти не спал.

Шмидт лег в кровать, — они спали здесь же, в лаборатории, — но не мог уснуть. Бройер вел себя в этот вечер особенно нервно, и Шмидт, представившись спящим, следил за Бройером сквозь прикрытые глаза. Бройер долго ходил по лаборатории, потом сел за работу. Успокоившийся за него Шмидт начал уже засыпать, как вдруг был разбужен криком Бройера:

— Эврика (нашел)!

Шмидт хотел было встать с кровати и поздравить Бройера с открытием, но что-то удержало его. Бройер быстро прошел к письменному столу, сжег на спиртовке какие-то бумаги, написал несколько строк и вынул шприц.

«Он хочет покончить с собой!» — подумал Шмидт, вскочив с кровати, бросился к профессору.

— Э нет, дорогой профессор, так не годится! Я не позволю вам!

— Не мешайте мне, — сказал Бройер. — Если я и провинился, то и искупил свою вину: я открыл средство уничтожения теста. Но я слишком устал... Довольно.

— Устали — отдохнете. Такой мозг не должен погибать раньше времени. — Вырвав из рук профессора шприц, Шмидт продолжал: — Позвольте вас поздравить, дорогой профессор! Представьте, вы можете поздравить и меня. Сегодня вечером я также благополучно разрешил задачу.

— Почему же вы не сказали мне?

— Мне хотелось еще кое-что проверить, — скромно отвечал Шмидт. На самом деле он, зная, что работа Бройера

близка к концу, хотел предоставить ему честь первого открытия.

— А теперь, дорогой профессор, мы еще поживем. Поживем и поработаем. Мы усовершенствуем свой «хлеб» — ваш «хлеб», и все будут есть его и вспоминать добром его гениального «пекаря».

Профессор Бройер улыбнулся и протянул руку Шмидту. Скоро газеты и радио оповестили мир о том, что средство для радикального истребления хлеба найдено. «Грибок» профессора Бройера работал великолепно. Довольно было бросить в тесто несколько граммов этого грибка, как тесто начинало скисаться, оседать, и скоро на месте огромных гор студенистой массы оставалось лишь немного серой плесени. Плесень высыхала и превращалась в пыль. Хорошо действовали и стерилизаторы воздуха Шмидта, но средство Бройера было проще и дешевле, и потому оно вошло во всеобщее употребление.

Мир избавился от теста.

Человечество было спасено.

Глава 12

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Над рыбацкой деревней проносился свежий ветер ранней осени. Сильнее чувствовался запах моря. Белые облака быстро неслись над морем. А между морем и небом летали птицы, оглашая воздух резкими гортанными криками. Белый прибой окатывал песчаные берега.

Вся рыбацкая деревня толпилась на берегу. Сети были починены, лодки проконопачены и осмолены. Сейчас они поедут в море на рыбную ловлю. Лица рыбаков сосредоточенны. Быстро и уверенно работают мускулистые руки, крепя паруса.

— Свежий ветер, — сказал Фриц, становясь у руля.

— Хороший должен быть лов, — отозвался старый рыбак, шагая по колено в воде в высоких рыбацких сапогах к парусной лодке.

Казалось, большой баркас подпрыгивает на волнах от нетерпения, как застоявшаяся лошадь Последние приготовления окончены

Всех охватило радостно-приподнятое настроение Ветер сразу натянул парус, и баркас, круто повернув носом в открытое море, быстро понесся по волнам

Фриц приналег на руль Свежий ветер обвевал открытую голову Фрица

И ему казалось, что этот крепкий, соленый морской ветер делает его вновь бодрым и сильным Как смутный, полузабытый сон, промелькнули перед ним картины последних месяцев богатство, уплывшее так же неожиданно, как оно явилось, кражи, убийства, пьянство, бессонные ночи в игорном доме, бешеный азарт игрока, страшные картины хлебного потопа

Неужели все это было с ним, рыбаком Фрицем? Невероятно! Чтобы проверить, явь или сон это кошмарное прошлое, Фриц начал всматриваться в суровое лицо старика рыбака, уверенно управлявшего парусом Ни один мускул не дрогнет на этом как будто высеченном топором из дуба лице с плотно сомкнутым ртом и зоркими глазами старого морского волка

Неужели лицо вот этого самого старика он видел там, в игорном доме, за зеленым столом рулетки? Полуоткрытый рот, трясущиеся руки и глаза — безумные, страшные глаза, горящие алчностью

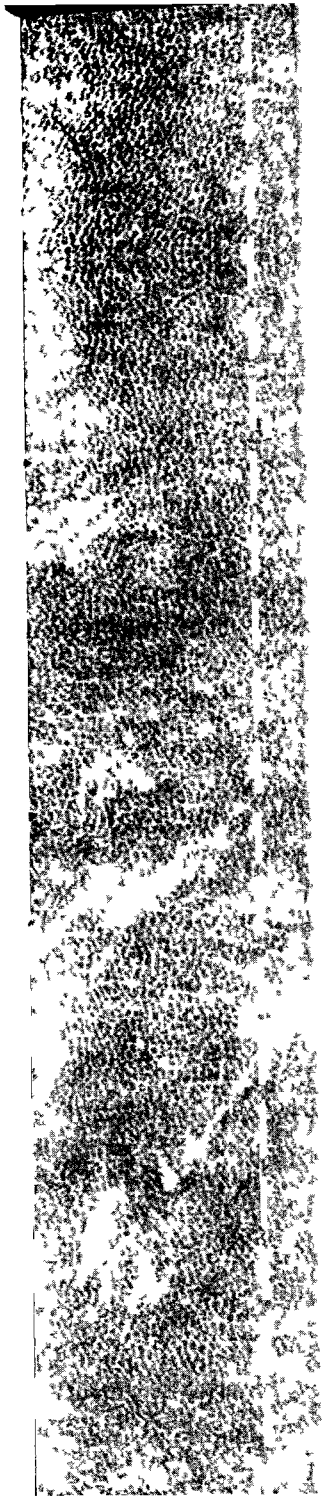
Нет, это кошмар

Фриц так задумался, что не успел вовремя повернуть руль Боковая волна хлестнула через борт и окатила рыбаков

— Малый, не зевай! — строго сказал старик

Этот деловитый окрик спугнул кошмары Фрица Ему стало весело Он навалился на руль и направил лодку прямо в открытое море, навстречу свежему ветру

1928

Человек, потерявший лицо

Глава 1

В большом саду, посредине молодой эвкалиптовой рощи стояла китайская беседка. К этой беседке ровно в девять часов утра подошел молодой человек в белом фланелевом костюме и в панаме.

Наружность молодого человека невольно привлекала внимание. Очень короткие руки и ноги, непомерно большая голова, большие отвислые уши и нос. Нос поражал больше всего: у корня нос западал, а к концу расширялся и даже загибался немного вверх «туфлею». Все движения молодого человека были очень быстры, угловаты, неожиданны. Он никак не мог быть причислен к красавцам. И тем не менее ничего отталкивающего в его внешности не было. Даже наоборот: молодой человек вызывал симпатию необычайной комичностью жестов и мимики лица, а своим уродством мог возбудить только жалость.

Молодой человек в панаме и с носом «туфлею» вошел в китайскую беседку и оказался в кабине лифта. Лифт среди сада мог бы вызвать удивление у всякого непосвященного, но молодой человек, видимо, был хорошо знаком с этим странным сооружением. Кивнув головой в ответ на приветствие мальчика, обслуживающего лифт, человек в панаме бросил короткое приказание:

— На дно! — и сделал такой выразительный жест рукой, как будто он хотел проткнуть землю до самой преисподней. Мальчик не удержался и коротко засмеялся. Молодой человек в панаме грозно посмотрел на мальчика. Это было так смешно, что мальчик засмеялся еще громче.

— Простите, мистер, но я не могу, право же, не могу, — оправдывался мальчик.

Мистер тяжко вздохнул, подняв глаза вверх с выражением покорности судьбе, и сказал:

— Не оправдывайся, Джон. Ты виноват так же, как и я. Мне суждено возбуждать смех, а тебе — смеяться надо мною... Гофман приехал?

— Двадцать минут тому назад.

— Мисс Гедда Люкс?

— Нет еще.

— Ну разумеется, — сказал с неудовольствием человек в панаме. И нос его неожиданно зашевелился сверху вниз и обратно, как маленький хоботок.

Мальчик взвизгнул от смеха. В этот момент кабина лифта остановилась.

— Бедный Джон! Еще пять минут — и я был бы виновен в смерти невинного младенца. Но твои мучения окончились, — сказал молодой человек, быстро выскакивая из кабины.

Он прошел широкий коридор и оказался в большой круглой комнате, освещенной сильными фонарями. После горячего, несмотря на утренний час, солнца здесь было прохладно, и молодой человек вздохнул с облегчением. Он быстро пересек круглую комнату и открыл дверь в соседнее помещение. Как будто «машина времени» сразу перенесла молодого человека из двадцатого века в немецкое Средневековье.

Перед ним был огромный зал, потолок которого замыкался вверху узкими сводами. Узкие и высокие окна, узкие и высокие двери, узкие и высокие стулья. Через окно падал солнечный свет, оставляя на широких каменных плитах пола четкий рисунок готического оконного переплета.

Молодой человек вошел в полосу света и остановился. Среди этой высокой и узкой мебели фигура его казалась особенно мала, неуклюжа, нелепа. Бóльшую дисгармонию трудно было представить. И это было не случайно: в этом контрасте был строго продуманный расчет режиссера.

Старый немецкий готический замок был сделан из фа-

неры, клея, холста и красок по чертежам, этюдам и макетам выдающегося архитектора, который мог с честью строить настоящие замки и дворцы. Но мистер Питч — «Питч и К°», — владелец киногородка, платил архитектору гораздо больше, чем могли бы уплатить ему титулованные особы за постройку настоящих замков, и архитектор предпочитал «строить» замки из холста и фанеры, получая за них большие доходы.

В средневековом замке — вернее, в углу зала и за стенами — шла суета. Рабочие, маляры, художники и плотники под руководством самого архитектора заканчивали установку декораций. Необходимая мебель — настоящая, а не бутафорская — уже стояла в замке. Инженер-электрик и его помощник возились с юпитерами — огромными лампами, во много тысяч свечей каждая. Кинофильм рождается из света, — немудрено, что свет составляет главную заботу постановщиков. Мистер Питч и К° могли позволить себе такую роскошь: устроить огромный павильон под землей, чтобы не зависеть от капризов дневного освещения.

Из-за декораций выглядывали статисты и статистки, уже наряженные в средневековые костюмы и загримированные. Все они с любопытством, почтением и в то же время невольной улыбкой смотрели на молодого человека, стоящего в «солнечном» луче посредине залы.

— Сам...

— Антонио Престо...

— Боже, какой смешной! Он даже в жизни не может постоять спокойно ни одной минуты.

Да, это был сам Антонию Престо, неподражаемый комический артист, затмивший славу былых корифеев экрана: Чаплинов, Китонов, Пренсов.

Антонио, или Тонио, Престо, итальянец по рождению, немец по воспитанию и теперь, во славу американской кинематографии, «американец» по договору, он был «куплен» мистером Гофманом. О доходах Тонио Престо ходили баснословные слухи, и доходы эти были действительно баснословны. Его артистический псевдоним чрезвычайно метко

определял его стремительную сущность[1]. Престо ни секунды не оставался спокойным. Двигались его руки, его ноги, его туловище, его голова и его неподражаемый нос.

Тонио был своего рода чудом природы. Какая-то лейденская банка, неиссякаемый аккумулятор смеха. Трудно было объяснить, почему каждый его жест возбуждает такой неудержимый смех. Но противиться этому смеху никто не мог. Даже известная красавица леди Трайн не могла удержаться от смеха, хотя, как утверждают все знавшие ее, она не смеялась никогда в жизни, скрывая свои неровные зубы. По мнению американской критики, смех леди Трайн был высшей победой гениального американского комика.

Свой природный дар Престо удесятерил очень своеобразной манерой игры. Престо играл исключительно трагические роли. Для него специально писались сценарии по трагедиям Шекспира, Шиллера, даже Софокла... Тонио — Отелло, Манфред, Эдип... Это было бы профанацией, если бы Престо не играл своих трагических ролей со всей искренностью и горячностью истого итальянца.

Комизм Бэстера Китона заключался в противоречии его «трагической», неподвижной «маски» лица с комичностью положений. Комизм Тонио Престо был в противоречии и положений, и обстановки, и даже его собственных внутренних переживаний с его невозможной, нелепой, немыслимой фигурой, с его жестами паяца. Быть может, никогда еще комическое не поднималось до таких высот, почти соприкасаясь с трагическим, но зрители этого не замечали.

Только один человек, крупный европейский писатель и оригинальный мыслитель, на вопрос американского журналиста о том, как ему нравится игра Антонио Престо, ответил: «Престо страшен в своем безнадежном бунте». Но ведь это сказал не американец, притом сказал фразу, которую даже трудно понять. О каком бунте, о бунте против кого говорил писатель? И об этой фразе скоро забыли. Только сам

[1]Престо (presto) — музыкальный термин, означающий «очень быстро», темп исполнения музыкального произведения *(ит.)*.

Антонио Престо бережно сохранил в своей памяти этот отзыв о нем иностранца. Антонио Престо казалось, что единственному человеку удалось заглянуть в его душу.

— Гофман, Гофман! Ты находишь, что этот свет дан под хорошим углом?

Оператор Гофман, флегматичный немец в клетчатом костюме, внимательно посмотрел в визир аппарата. Свет падал так на лицо Престо, что впадина носа недостаточно ярко обозначалась тенью.

— Да, свет падает слишком отвесно. Опустите софит и занесите немного влево.

— Есть! — ответил рабочий.

Резкая тень пала на «седло» носа Антонио, отчего лицо сделалось еще более смешным. В луче этого света у окна должна была произойти сцена трагического объяснения неудачного любовника, которого играл Престо, бедного мейстерзингера, со златокудрой дочерью короля. Роль королевы исполняла звезда американского экрана — Гедда Люкс.

Тонио Престо обычно сам режиссировал фильмы, в которых участвовал. И на этот раз до приезда Гедды Люкс он начал проходить со статистами некоторые массовые сцены. Одна молодая неопытная статистка прошла по сцене не так, как следовало. Престо простонал и попросил ее пройти еще раз. Опять не так. Престо замахал руками, как ветряная мельница, и закричал тонким, детским голоском:

— Неужели это так трудно — ходить по полу? Я вам сейчас покажу, как это делается. — И, соскочив со своего помоста, Престо «показал».

Показал он очень наглядно и верно. Все поняли, что требуется. Но вместе с тем это было так смешно, что статисты не удержались и громко засмеялись. Престо начал сердиться. А когда он начинал сердиться, то был смешон, как никогда. Смех статистов сделался гомерическим. Бароны и рыцари хватались за животы и катались по полу, придворные дамы смеялись до слез и портили себе грим. У короля слетел парик. Престо смотрел на это стихийное бедствие, произведенное его необычайным дарованием, потом вдруг

топнул ногой, схватился за голову, побежал и забился в кулисы. Успокоившись, он вернулся в «замок» побледневшим и сказал:

— Я буду отдавать приказания из-за экрана.

Репетиция продолжалась. Все его замечания были очень толковы и обличали в нем большой режиссерский опыт и талант.

— Мисс Гедда Люкс приехала! — возвестил помощник режиссера.

Престо передал бразды правления помощнику и отправился одеваться и гримироваться.

Через двадцать минут он вышел в ателье уже в костюме мейстерзингера. Костюм и грим не могли скрыть его уродства. О, как он был смешон! Статисты с трудом удерживали смех и отводили глаза в сторону.

— Но где же Люкс? — нетерпеливо спросил Тонио. Партнерша заставила себя ждать. Для всякой другой артистки это не прошло бы даром, но Люкс могла позволить себе такую вольность.

Наконец она явилась, и ее появление произвело, как всегда, большой эффект. Красота этой женщины была необычайна. Гедда Люкс тоже могла быть названа аккумулятором, но иного рода. Природа как будто накапливала по мелочам сотни лет все, что может очаровывать людей, копила по крохам, делала «отбор» у прабабушек и прадедушек, чтобы наконец вдруг собрать воедино весь блистательный арсенал красоты и женского очарования.

У Антонио Престо нервно зашевелился туфлеобразный нос, когда он посмотрел на Люкс. И все, начиная от режиссера и кончая последним плотником, устремили свои глаза на Гедду. Статистки смотрели на нее почти с благоговейным обожанием.

Нос Престо приходил все в большее движение, как будто он вынюхивал воздух.

— Свет! — крикнул Престо тонким голосом, ставшим от волнения еще пронзительнее и тоньше.

Целый океан света разлился по ателье. Казалось, будто

Гедда Люкс принесла его с собой. Ее псевдоним[1] так же хорошо шел к ней, как «Престо» — к ее партнеру.

Перед съемкой Престо решил прорепетировать главный кадр — объяснение мейстерзингера с дочерью короля.

Люкс уселась на высокое кресло у окна, поставила ногу в расшитой золотом туфельке на резную скамеечку и взяла в руки шитье. У ног ее улегся великолепный дог тигровой масти. А на почтительном расстоянии от Люкс стал Престо и «запел» о высокой любви к даме. Дочь короля не смотрит на него. Она все ниже склоняет голову и чему-то улыбается Быть может, в этот момент она думает о прекрасном рыцаре, который на последнем турнире победил всех соперников во славу ее и был удостоен ее небесной улыбки. Но мейстерзингер понимает эту улыбку по-своему, — недаром он поэт.

Он приближается к ней, он поет все более страстно, он. . падает перед нею на колени и начинает говорить о своей любви.

Неслыханная дерзость. Невероятное оскорбление. Ужасное преступление...

Королевна, не поднимая головы от шитья, хмурится. Глаза ее мечут искры, и она три раза топает маленькой ножкой в золоченой туфельке по резной скамеечке. Входят слуги, хватают мейстерзингера и уводят в тюрьму. Мейстерзингер знает, что его ожидают пытки и казнь, но он не жалеет о том, что сделал, и посылает своей возлюбленной последний взгляд, исполненный любви и преданности. Он охотно примет смерть.

Сцена прошла прекрасно. Престо удовлетворен.

— Можно снимать, — говорит он Гофману. Оператор уже стоит у аппарата. Всю сцену он наблюдал через свое визирное стеклышко. Престо вновь становится в почтительную позу у кресла Люкс.

— Снимаю! — говорит Гофман.

Ручка аппарата завертелась. Сцена повторялась безуко-

[1] Люкс (lux) — свет *(лат.)*

ризненно. Мейстерзингер поет, королевна наклоняет свое лицо все ниже и чему-то улыбается. Мейстерзингер подходит к королевне, бросается на колени и начинает свою страстную речь. Для придания актерам большего настроения в ателье играет хороший струнный оркестр. Престо увлечен. Он не только играет жестами и богатой мимикой своего подвижного лица. Он говорит, как заправский драматический актер, он шепчет страстные признания с такой искренностью и силой, что Люкс, забывая десятки раз проделанную последовательность движений и жестов, чуть-чуть приподнимает голову и с некоторым удивлением взглядывает на своего партнера одними уголками глаз.

И в этот момент происходит нечто не предусмотренное ни сценарием, ни режиссером.

Престо, коротконогий, большеголовый, со своим туфлеобразным подвижным носом, признается в любви. Это показалось Гедде Люкс столь несообразным, нелепым, комичным, невозможным, что она вдруг засмеялась неудержимым смехом.

Это был гомерический смех, который охватывает вдруг человека, как приступ страшной болезни, и держит, не выпуская из своих рук, потрясая тело в судорожном напряжении, обессиливая, вызывая слезы на глазах. Люкс смеялась так, как не смеялась никогда в жизни. Она едва успевала переводить дыхание и снова заливалась бесконечным серебристым смехом. Вышивание выпало у нее из рук, одна из золотистых кос спустилась до пола. Испуганный дог вскочил с пола и с недоумением смотрел на свою хозяйку. Растерянный Престо также поднялся на ноги и, мрачно сдвинув брови, смотрел на Люкс.

Смех так же заразителен, как зевота. Не прошло и минуты, как перекаты смеха уже неслись во всем ателье. Статисты, плотники, монтеры, декораторы, гримеры — все были во власти смеха.

Престо стоял еще несколько секунд как громом пораженный, потом вдруг поднял руки и с искаженным лицом,

сжав кулаки, сделал шаг к Люкс. В эту минуту он был скорее страшен, чем смешон.

Люкс посмотрела на него, и смех ее вдруг оборвался. И так же внезапно замолк смех во всем ателье. Оркестр давно прекратил игру, так как у смеявшихся музыкантов смычки выпали из рук. И теперь в ателье наступила тишина.

Эта внезапная тишина как будто привела Престо в чувство. Он медленно опустил руки, медленно повернулся, волоча ноги, дошел до большого дивана и кинулся ничком.

— Простите, Престо! — вдруг сказала Люкс, нарушив тишину. — Я вела себя как девочка, и из-за моего глупого смеха испорчено столько метров пленки.

Престо скрипнул зубами. Она думала только об испорченной пленке...

— Вы напрасно извиняетесь, — вместо Престо ответил ей Гофман. — Я нарочно не прекращал съемки и совсем не считаю пленку испорченной. С моей точки зрения этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет никаких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание, — разве он не ужаснее для влюбленного самых страшных мук? Разве этот смех не превратил на один момент любовь мейстерзингера в жгучую ненависть? Престо был неподражаем, гениален. О, я знаю нашу американскую публику, — закончил Гофман, — публика будет смеяться, как никогда. Эти выпученные глаза мейстерзингера, раскрытый рот... Ты не сердись, Престо, но еще никогда ты не был так эффектен. И если бы я не «закалил» себя, то я не в состоянии был бы вертеть ручку аппарата. Но я потом дам волю смеху.

Престо поднялся и сел на диван.

— Да, ты прав, Гофман, — сказал он медленно и глухо. — Это вышло великолепно. Наши американцы подохнут со смеху.

И вдруг, чего еще никогда не было, сам Тонио Престо засмеялся сухим, трескучим смехом, обнажив ряд кривых зубов... В этом смехе было что-то зловещее, сатанинское, и никто не отозвался на него.

После этой злополучной репетиции Престо сел в автомобиль и, по словам шофера, «загнал машину насмерть».

— Вперед! Вперед! — кричал Престо и требовал, чтобы шофер дал полную скорость. И они мчались по дорогам, как преступники, за которыми гонится полиция. А за ними и в самом деле гнались. Пролетая мимо ферм, они давили гусей и уток, шествующих с соседнего пруда, и обозленные фермеры гнались за ними с палками, но, конечно, не могли догнать. Два раза за автомобилем гнались на мотоциклетах полицейские, так как автомобиль мчался с недопустимой скоростью и не желал остановиться, несмотря на энергичные требования полицейских. Но одна погоня отставала за другой: трудно было угнаться за автомобилем Престо. Это была одна из лучших во всей стране, сильнейших машин, сделанная по особому заказу Тонио. Он любил скорость во всем.

В пять часов вечера Престо, пожалев шофера, разрешил сделать остановку у придорожного кабачка и пообедать. Сам Престо не притронулся ни к чему и только выпил кувшин холодной воды.

И снова началась та же бешеная езда весь вечер и всю ночь. Они мчались по шоссе берегом океана. Шофер валился от усталости и наконец заявил, что он засыпает на ходу и не ручается, если разобьет машину вместе с седоком.

— Вперед! — крикнул Престо.

Он поднялся со своего места, отстранил шофера и сам взялся за руль.

— Вы можете отдохнуть, — сказал Тонио шоферу. Тот завалился на широкое сиденье автомобиля и тотчас крепко уснул.

Глава 2

Когда шофер проснулся, было семь часов утра. Автомобиль стоял у виллы Гедды Люкс.

— Выспались? — ласково спросил Престо шофера. — Я зайду сказать доброе утро мисс Люкс, а вы подождите здесь. Потом мы поедем домой.

Семь часов утра — слишком ранний час для визита, но Тонио знал, что Гедда Люкс встает в шесть. Она вела чрезвычайно регулярный образ жизни по предписанию лучших профессоров-гигиенистов, чтобы на возможно больший срок сохранить обаяние молодости и красоты — свой капитал, на который она получала такие большие проценты.

Она уже приняла ванну, покончила с массажем и теперь делала легкую гимнастику в большой квадратной комнате, освещенной через потолок. Среди белых мраморных колонн стояли огромные зеркала, отражавшие Гедду. Во фланелевом утреннем костюме, полосатых шароварах, коротко остриженная и гладко причесанная, она напоминала очаровательного мальчика.

— Тонио? Так рано? — сказала она приветливо, увидав в зеркале приближающегося к ней сзади Тонио Престо. И, не прекращая выгибаться, наклоняться и распрямляться, она продолжала: — Садитесь! Сейчас будем пить кофе.

Она не спросила его, что привело его в такой ранний час, так как привыкла к странностям Престо.

Тонио подошел к большой удобной кушетке, присел на край, но тотчас вскочил и заходил большими кругами вокруг Гедды, как зверь, преследующий добычу.

— Престо, перестаньте ходить, у меня голова кружится, глядя на вас! — сказала Люкс.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Престо, не прекращая своей круговой прогулки. — По делу, по очень серьезному делу. Но я тоже не могу так, когда вы раскачиваетесь и приседаете. Прошу вас, садитесь на диван!

Люкс посмотрела на Престо, в несколько прыжков добежала до дивана и уселась с ногами, оставив маленькие туфли на мозаичном полу. Престо подошел к ней и сказал:

— Вот так.

Видимо, он делал невероятные усилия, чтобы сохранить полное спокойствие, держать в повиновении свои руки и ноги, не двигать туфлеобразным носом.

— Гедда Люкс! Мисс Гедда... Я не умею говорить... Мне трудно. Я люблю вас и хочу, чтобы вы были моей женой.

Предательский нос его начал подниматься кверху и двигаться. Гедда опустила глаза и, сдерживая поднимающуюся волну смеха, сказала как можно серьезнее и спокойнее:

— Антонио Престо! Но я не люблю вас, вы это знаете. А если нет обоюдной любви, то что же может нас сосватать? Коммерческий расчет? Он говорит против такого брака. Посудите сами. Мой капитал и мои доходы равняются вашим. Я не нуждаюсь в деньгах, но и не желаю уменьшать своих доходов. А брак с вами понизил бы мой заработок...

Престо дернул головой:

— Каким образом?..

Люкс, продолжая упорно смотреть на пол, ответила:

— Очень просто! Вы знаете, что публика боготворит меня. Вокруг моего имени создался своего рода культ. Для сотен тысяч и миллионов моих зрителей я являюсь идеалом женской красоты и чистоты. Но поклонники требовательны к своему божеству. Их преклонение должно быть оправдано. Толпа зорко следит за малейшими подробностями моей частной жизни. Когда я на экране, последний нищий имеет право любоваться мною и даже воображать себя на месте героя, завоевывающего мое сердце. И именно поэтому-то я никому не должна принадлежать. Толпа, пожалуй, примирилась бы еще, если бы я вышла замуж за героя, за мужчину, который получил всеобщее признание как идеал мужской красоты или мужских добродетелей. Достойным мужем для богини может быть только бог или в крайнем случае полубог... Если бы толпа узнала, что я вышла замуж за вас, она пришла бы в негодование. Она сочла бы это преступлением с моей стороны, издевательством над самыми лучшими и «святыми» чувствами моих поклонников. Толпа отвернулась бы от меня. А толпа делает успех...

— И деньги...

— И деньги, разумеется. И я не удивилась бы, если бы мистер Питч расторгнул контракт со мною. Я лишилась бы и денег, и славы, и поклонников...

— За сомнительное удовольствие иметь мужем такого урода, как я? — докончил Престо. — Довольно, мисс Люкс!

Я понял вас. Вы правы. Брак со мной оскорбляет и оскверняет человека, как прикосновение отвратительного гада. — Престо вдруг топнул ногой и крикливым женским голосом закричал: — А если этот гад наделен горячим любящим сердцем? Если этот гад требует своего места под солнцем и своей доли счастья?..

Эта неожиданная вспышка заставила Гедду невольно приподнять глаза на Престо. Нос его двигался, как маленький хоботок, кожа на лбу то собиралась в морщины, то растягивалась до блеска, волосы ерошились, уши двигались, руки походили на поршни паровой машины, работающей на самом скором ходу.

Гедда Люкс уже не могла оторвать своего взора от Престо, как маленькая птичка от гипнотизирующего блестящего взгляда змеи. Она начала смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче.

Как будто повторилась вчерашняя «сцена у окна» дочери короля с мейстерзингером. Но там все было «нарочно» — так, по крайней мере, думала Люкс, — а здесь страдания и чувства «мейстерзингера» были самые настоящие. Гедда понимала всю неуместность и оскорбительность для Тонио ее смеха, но ничего не могла поделать с собой. А Престо как будто даже обрадовался этому смеху.

— Смейтесь! Смейтесь! — кричал он. — Смейтесь так, как вы еще не смеялись никогда. Смейтесь, потому что страшный уродец Антонио Престо будет вам говорить о своей любви.

И он говорил. Он кривлялся самым невероятным образом. Он пустил в ход весь свой многообразный арсенал ужимок и прыжков, жестов и мимики.

Люкс смеялась все больше, глубже, сильнее. Этот смех уже походил на истерический припадок. Гедда корчилась на диване в припадках смеха и умоляюще смотрела на Престо. На глазах ее были слезы. Прерывающимся от смеха голосом она проговорила с трудом:

— Перестаньте, прошу вас!..

Но Престо был неумолим и неистощим. Люкс задыха-

лась, обессилела, почти теряла сознание. Она схватилась руками за судорожно колыхающуюся от смеха грудь, как человек в жесточайшем припадке астмы, и уже с расширенными от ужаса глазами.

— Люди беспощадны к безобразию, пусть же и безобразие будет беспощадно к красоте. Моя душа почернела, как черный скорпион, и стала злее злого горбуна, — кричал Престо. А Гедда Люкс поняла: он хочет убить ее — «засмеять до смерти». Руки ее тряслись, она шаталась, теряя сознание.

Собрав всю силу воли, Гедда протянула руку к звонку, стоявшему на столике возле дивана, и позвонила. Вошла горничная и увидала, что госпожа ее смеется мелким, захлебывающимся смехом, глядя на Престо. Горничная также посмотрела на него и вдруг схватила себя за бока, как будто ужасные колики сразу огнем прожгли ее внутренности, и, присев на пол, засмеялась неудержимым смехом. Увы, она так же была во власти Тонио, как и ее хозяйка! К Гедде Люкс никто больше не мог прийти на помощь...

Глава 3

Гофман сидел в глубоком кожаном кресле и курил трубку, когда в комнату вбежал Престо с воспаленными после бессонной ночи глазами, обветренным лицом и возбужденный более обыкновенного.

— Я ждал тебя до трех часов ночи, — сказал Гофман.

Гофман «по долгу службы» жил вместе с Тонио Престо на его вилле в окрестностях Сан-Франциско, недалеко от подземного киногородка мистера Питча и К°. Известный кинооператор Гофман был тенью Престо. Он следил за каждым движением, каждым новым поворотом киноартиста, чтобы переносить на пленку самые оригинальные позы и наиболее удачные мимические моменты в игре подвижного лица. Тонио и Гофман были большими друзьями.

— Где ты пропадал? — спросил Гофман, пуская изо рта клубы дыма.

— Я только что от Гедды Люкс. Уморил ее со смеху.

— Это твоя специальность.

— Да, да... За грехи отцов я награжден этим проклятием

— Почему же проклятием, Тонио? Это прекрасный дар! Смех — самая ценная валюта. И это было всегда.

— Да, но чем вызывается этот смех? Можно смешить людей остроумными мыслями, веселыми рассказами. А я?.. Я смешу их своим безобразием...

— Леонардо да Винчи сказал, что великое безобразие встречается так же редко, как и великая красота. Он с величайшей заботливостью разыскивал всюду людей, отличающихся исключительным безобразием, и зарисовывал их лица в свой альбом. А ты... ты, в сущности, даже не так уж безобразен. Необычайный комизм вызывается не столько твоей внешностью, как противоречием «высокой» настройки твоей души с мизерностью телесной оболочки и с этими жестами картонного паяца. Ты прекрасно зарабатываешь, пользуешься колоссальным успехом...

— Вот, вот это самое! Высокая настройка души... Ах, Гофман, в этом все мое несчастье! Я человек с нормальной душой, но с телом кретина... Я глубоко несчастен, Гофман. Деньги... слава — все это хорошо, пока добиваешься их. Любовь женщины... Я получаю сотни писем в день от поклонниц со всех концов света. Но разве любовь руководит моими корреспондентками? Их привлекает мое богатство, моя слава. Это или сентиментальные старые девы, или продажные душонки, которым надо богатство и которые жаждут проявить свое чванство в роли жены столь знаменитого человека, как я. А вот Гедда Люкс... Сегодня я сделал ей тринадцатое предложение. И она отвергла его. Но теперь довольно. На чертовой дюжине можно остановиться. Уморил ее со смеху... Самое большое мое горе — в том, что я по натуре трагический актер, а принужден быть паяцем. Ты знаешь, Гофман, ведь я вкладываю в исполнение своих трагических ролей всю душу, а толпа смеется.

Престо подошел к зеркалу и погрозил кулаком собственному отражению:

— О, проклятая рожа!..

— Ты великолепен, Тонио! — сказал, усмехнувшись, Гофман. — Этот жест — что-то новенькое. Позволь мне сходить за аппаратом.

Престо обернулся и посмотрел на Гофмана с укором:

— И ты, Брут!.. Послушай, Гофман, подожди, не ходи никуда. Побудь хоть один раз только моим другом, а не кинооператором... Скажи мне — почему такая несправедливость? Имя и фамилию можно переменить, костюм, местожительство можно переменить, а свое лицо никогда... Оно, как проклятие, лежит на тебе.

— Недосмотр родителей, — ответил Гофман. — Когда будешь родиться следующий раз, попробуй сначала, чтобы родители показали твою карточку, и, если она не будет похожа на херувима, — не родись.

— Не шути, Гофман! Для меня это слишком серьезно. Вот из несчастного урода, голыша, я превратился в миллионера. Но на все мое богатство я не могу купить себе пять миллиметров переносицы.

— Почему же не можешь? Поезжай в Париж, там тебе сделают операцию. Впрыснут парафин под кожу и сделают из твоей туфли прекрасную грушу дюшес. Или еще лучше — сейчас носы переделывают хирургическим путем. Пересаживают косточки, кожу. Говорят, в Париже много таких мастерских. На вывеске так и написано: «Принимаю в починку носы. Римские и греческие на пятьдесят процентов дороже».

Тонио покачал головой:

— Нет, это не то... Я знал одну девушку. В детстве она перенесла какую-то тяжелую болезнь, кажется, дифтерит, после которой у нее запал корень носа. Ей не так давно сделали операцию. И надо сказать, что операция мало помогла ей. Нос остался почти таким же безобразным, как был. Притом кожа на переносице выделяется беловатым пятном.

— Может быть, делал плохой хирург?.. Постой, постой... да чего лучше. На днях я читал в газете, что в Сакраменто приехал какой-то чудесный доктор, русский доктор, — Цорокин, Зорокин, не помню его фамилии, — и он делает на-

стоящие чудеса, воздействует на какую-то железу, копьевидную или щитовидную — не помню, и у человека изменяются не только лицо, но и все тело: прибавляется рост, удлиняются конечности. Впрочем, может быть, все это газетная утка.

— В какой газете ты читал это? — возбужденно спросил Престо.

— Право, уж не помню. В Сакраменто в редакции любой газеты тебе сообщат его адрес, если это не газетная утка.

— Гофман, я еду немедленно. Себастьян! Себастьян!

Вошел старый слуга, итальянец, которого Престо всюду возил с собою.

— Себастьян, скажи шоферу, чтобы он готовил машину.

— Шофер спит, вы вчера замучили его, — ворчливо сказал Себастьян.

— Да, правда, пусть спит. Из Сан-Франциско в Сакраменто каждый день ходят пароходы. Себастьян, укладывай белье и костюмы в чемодан. Я еду.

— Не сумасшествуй, завтра съемка!

— Пусть отложат. Скажи, что я заболел.

— Не теряй рассудка, Тонио! Ведь если доктор действительно изменит твою наружность, то ты уже не в состоянии будешь окончить роль мейстерзингера в фильме «Любовь и смерть». А ты обязан сделать это по контракту!

— К черту контракт!

— И ты уплатишь неустойку?

— К черту неустойку! Скажи, Гофман, могу я на тебя полагаться как на друга? — Гофман кивнул головой. — Так вот что. Я не знаю, насколько задержит меня доктор. Если не выйдет дело в Сакраменто, я еду в Париж. На всякий случай я назначаю больше времени, чем может понадобиться: я пробуду в отъезде четыре месяца. Ты давно хотел побывать на Сандвичевых островах. Поезжай! Отдохни, проветрись и привези великолепный видовой фильм. Без аппарата ведь ты, как без глаз, существовать не можешь. Мою виллу прекрасно сбережет Себастьян. На него вполне можно положиться. Себастьян! Чемодан готов?

— В последний раз говорю тебе: одумайся. Ведь твой нос — твое богатство!

— Да где же ты, Себастьян? Вызови по телефону таксомотор!

Глава 4

На этот раз газеты не солгали: доктор Сорокин действительно существовал и творил чудеса. Просто без особого труда разыскал его лечебницу. Она находилась недалеко от города Сакраменто в живописной долине. Прекрасный сосновый парк окружал целый городок белых зданий. Весь этот городок принадлежал местному врачу, известному хирургу Круксу, пригласившему Сорокина для постановки новых методов лечения.

Просто очень понравились лечебница и весь распорядок жизни в ней. Сорокин не устанавливал для больных строгого больничного режима, предоставляя им значительную свободу. Отчасти этому способствовал и самый метод лечения. Больные принимали в определенные часы порошки или микстуру, некоторые из них подвергались рентгенизации, и все должны были являться на освидетельствование через каждые три дня. Их взвешивали, измеряли рост, длину конечностей, фотографировали. В остальное время больные чувствовали себя совершенно свободными: взрослые вели свой обычный образ жизни, ели любимые блюда и распоряжались своим временем, как хотели. Им только не позволялось выходить за пределы больничного парка без разрешения врача.

Просто предоставили отдельный небольшой коттедж, окруженный прекрасным цветником. Запах цветов и сосны наполнял комнаты.

После огромной и роскошной виллы коттедж показался Просто очень маленьким и даже бедно обставленным. Но это нисколько не огорчало его. Ведь он собирался начать новую жизнь, поэтому и вокруг него все должно быть совершенно новым.

Первое свидание Просто с доктором Сорокиным произошло в кабинете врача во время приема. Доктор удивился, увидев Просто в качестве своего пациента, но сумел хорошо скрыть свое удивление и. главное, не рассмеялся, что сразу расположило Тонио к врачу.

— На что вы жалуетесь, мистер Просто?

— На судьбу, — ответил Просто.

Сорокин с видом понимающего человека молча и сочувственно кивнул и сказал:

— «Неумолимая судьба» для нас, современных людей, — всего только закон причинности. Поэтому мы больше не умоляем судьбу. Мы сгибаем ее в бараний рог. Вы — последний больной. Прием у меня окончен. Пойдемте в парк и там побеседуем, — добавил он, посмотрев на часы.

Был прекрасный летний вечер. Просто и Сорокин шли по дорожке, усыпанной желтым песком, направляясь в отдаленную часть парка.

— Итак, вы жалуетесь на судьбу? — повторил Сорокин.

— Да, — горячо ответил Просто. — Почему человек может переменить фамилию, местожительство, профессию, подданство, но не может переменить свое лицо? Оно, как проклятие, как печать Каина, неизменяемо, если не считать медленного возрастного изменения от младенчества до старости.

Доктор покачал головой:

— Вы не правы. Вы совершенно не правы! Не только наше лицо, но и формы всего нашего тела не представляют собою чего-либо спокойного, неподвижного. Они подвижны и текучи, как река. Тело наше непрерывно сгорает, улетучивается, и на месте уплывшего все время строится новое. Через мгновение вы уже не тот, что были, а в продолжение нескольких лет в вашем теле не останется ни атома из тех, что составляют сейчас ваше тело.

— И тем не менее сегодняшний я как две капли похож на вчерашнего, — со вздохом сказал Просто. Сорокин улыбнулся. Но это была не обидная для Просто улыбка. Доктор улыбнулся его словам, а не жестам.

— Да, иллюзия постоянства форм имеется. Но эта иллюзия получается оттого, что формы тела строятся вновь по тому же самому образцу, как и тело «уплывшее», сгоревшее в обмене веществ, исчезнувшее. И строится тело в том же самом виде только потому, что органы внутренней секреции своими гормонами направляют строительство по раз намеченному плану.

— Но разве это не говорит о постоянстве форм?

— Ни в коем случае. Отлитая из бронзы статуэтка не изменяется, пока время не разрушит ее. Она имеет устойчивые формы. Иное дело — формы нашего тела. Довольно одной из желез внутренней секреции начать работать с малейшим отступлением от определенного плана, — и формы нашего тела начнут изменяться, как воск от пламени. Наши текучие формы начнут плыть, — и в конце концов создадутся совершенно новые формы. Да вот не угодно ли посмотреть на этих больных?

Навстречу Престо по дорожке сада шел человек гигантского роста. Пропорции тела его были неправильны. Он имел чрезмерно длинные ноги и руки при коротком туловище и маленькой голове. Несмотря на свой огромный рост, великан имел совершенно детское выражение лица и при приближении доктора начал оправлять свой костюм, как мальчик, который боится получить замечание от взрослого.

Гигант поклонился врачу и прошел мимо.

— Видите, какой гигант! Нормальный рост европейца колеблется между ста шестьюдесятью двумя сантиметрами (таковы ваши компатриоты итальянцы) и ста семьюдесятью семью — у норвежцев. А этот великан имеет двести тридцать сантиметров. Ему всего восемнадцать лет. До десяти лет он рос совершенно нормальным ребенком, а потом вдруг начал неудержимо тянуться вверх. Почему? Потому что у него передняя доля придатка мозга — гипофиза — начала развиваться слишком быстро или, как говорим мы, врачи, — это результат гиперфункции передней доли гипофиза. А вот карлица, — смотрите вправо. Ей тридцать семь лет, а рост ее всего девяносто семь сантиметров. Задержка роста у нее

произошла потому, что функция той же передней доли гипофиза была ослаблена.

— Но эти все изменения произошли в детстве?

— Да, однако они могут происходить и в зрелом возрасте. Пойдемте вот к тому домику у холма. Может быть, нам удастся посмотреть на мисс Веде.

У веранды домика сидела женщина, откинувшись на спинку большого кресла. Не поднимая головы, она смотрела на проходящих, улыбнулась доктору и приветствовала его.

— Добрый вечер, мисс Веде! — любезно ответил Сорокин.

Престо посмотрел на женщину и содрогнулся. Это было какое-то чудовище с удлиненным лицом, резко выдавшимся подбородком и затылком, с утолщенным носом и губами, с уродливо большими руками и ногами.

— Страшна, как химера на башне собора Нотр-Дам, — сказал Престо, когда они прошли мимо больной.

— Да, некрасива, — ответил доктор. — Но, поверите ли вы, что эта женщина еще недавно блистала красотой, что всего год тому назад она взяла в Чикаго приз красоты? И она действительно была очаровательна. У меня есть ее фотография. Я покажу вам ее.

— И что же так изуродовало ее?

— Без видимой причины у нее начали уродливо разрастаться кости лица — главным образом подбородка, — концы пальцев рук и ног, а также ребра и остистые отростки позвонков. Болезнь началась с общей слабости. Акромегалия — так называется эта болезнь, и зависит она от болезненного увеличения передней доли гипофиза. Если бы это случилось в детстве, она стала бы великаншей, а в двадцать лет получилось вот такое уродство. Впрочем, искусственно я мог бы создать великана и из взрослого человека.

— Она безнадежна?

— Нисколько! Как только нам удастся привести в норму ее придаток мозга, формы ее тела сами изменятся.

— Вы хотите сказать, что вновь укоротятся ее кости и она станет похожа на самое себя?

Сорокин кивнул:

— Не правда ли, разве это не кажется чудесным? А вы говорите о незыблемости форм человеческого тела. Нет ничего незыблемого. Все течет, все изменяется!

Глава 5

В первый вечер, когда Престо остался один в своем домике, он долго не мог заснуть. Впечатления от всего виденного слишком поразили его. Очаровательная женщина, превращенная злым недугом в какую-то страшную ведьму, карлики, великаны и среди этих уродцев и чудовищ доктор Сорокин, как волшебник, который собирается «расколдовывать» злые чары и вернуть всем уродцам вид нормальных, здоровых людей.

Престо начинал дремать, и тогда ему казалось, что женщина — чудовище с огромным подбородком — поднимается со своего кресла, идет к Тонио и, простирая свои уродливо-большие руки, говорит:

— Я люблю тебя, Тонио! Жених оставил меня. Но ты мне нравишься больше, чем жених. Мы оба уроды. Мы стоим друг друга. У нас будут дети-уроды, каких не видал еще свет. Они будут так смешны, что все люди подохнут от смеха. И тогда землю наследуют наши потомки. Над ними уже никто не будет смеяться, потому что все будут ужасающе-уродливы. И уродство будет признано красотой. И самый уродливый будет признан самым красивым...

Тонио проснулся в холодном поту.

«Какой отвратительный сон!..» — подумал он. И вдруг он быстро сел на кровати и схватился за голову. Одна мысль поразила его.

— Я бежал во сне от страшной мисс Веде. А разве я сам не кажусь таким же страшным? Да, Гедда Люкс была права, тысячу раз права, отказав мне! Как несправедливо жесток я был с нею в последний раз!.. Что, если в самом деле Гедда умирала от смеха?! Я оставил ее без памяти. Быть может, у нее слабое сердце?

Тонио соскочил с кровати и зашагал по комнате.

— Надо будет дать телеграмму Гофману, спросить его. Впрочем, нет, — он, наверно, уже уехал... Если я в самом деле убил ее смехом, то начнется следствие, меня арестуют, быть может, обвинят в убийстве и казнят. И я умру уродом... Нет, нет! Если Гедда умерла, этого не исправишь. Кроме Гофмана, никто не знает о том, куда я уехал. Сначала надо излечиться от уродства. Однако как расшатались у меня нервы!.. Надо взять себя в руки...

Тонио заставил себя лечь в кровать, но до самого утра не мог уснуть. «Безобразие — самая тяжелая болезнь!» — повторил он в бреду. Только когда первые утренние лучи позолотили верхушки сосен, Тонио начал дремать, повторяя во сне известные мудрые слова, которые звучали, как отрывки заклятия: «Гипофиз. Гормон. Акромегалия. Гиперфункция...»

— Нет, право, от этого можно с ума сойти, — говорил Престо, проснувшись в одиннадцать часов утра. — Я должен знать совершенно точно, что такое представляют собой гормоны и гипофизы; я должен знать всю механику, тогда туман рассеется и в голове будет порядок.

Умывшись, Престо подошел к большому зеркалу в ванной комнате и внимательно рассмотрел свое лицо. О, недаром он был киноартистом! Он знал каждый миллиметр этого лица, безобразного и смешного.

— Лопоухий, туфленосый уродец, — сказал Престо, обращаясь к своему отражению в зеркале. — Скоро тебе придет конец. Ты сгоришь, утечешь, улетучишься, а на смену тебе придет... хотел бы я знать, как буду я выглядеть после лечения! — сказал Престо уже другим тоном. Быстро одевшись, он пошел к доктору Сорокину, но тот был занят с больными, и Престо отправился бродить по парку.

У содержателя ярмарочного балагана глаза разгорелись бы при виде всех этих уродцев. Их хватило бы на составление не одной труппы карликов и великанов. Престо встречались толстые, как бочки, мужчины и женщины, едва передвигающиеся на ногах-тумбах, жердеобразные скелеты, мужчины с женским бюстом, бородатые женщины... Все это

были жертвы игры неведомых сил, скрывающихся в недрах человеческого организма. Это был брак, отбросы великого производства природы.

Вот уродец с огромной головой и маленькими ногами Это — кретин. Он внимательно осмотрел Тонио и вдруг засмеялся смехом идиота.

— Джим, Джим! Иди скорее, посмотри на это чудо! Тонио Престо соскочил с экрана и пожаловал к нам. Иди, иди, посмотри бесплатный кинематограф! — закричал он, обращаясь к другому больному.

Престо узнавали все, кто только видел его на экране. А кто же не бывает в кино? Кретины и младенчески неразвитые великаны, привлеченные «живым» героем кино, шли следом за Престо. Это раздражало его. Он сделал крутой поворот и отправился к себе домой. До вечера он никуда не выходил. И только с наступлением темноты, когда большинство больных разбрелось по своим домам, Престо вновь направился к дому доктора.

Сорокин повстречался ему на полдороге.

— А я к вам, — сказал доктор. — Идемте гулять. Перед сном это полезно. Как спали вы прошлую ночь?

— Плохо. Я думаю, в этом виноваты ваши гипофизы. Я хочу знать, что это за звери, иначе мне будет казаться, что я хожу, окруженный злыми демонами, как это казалось моему далекому предку.

— Ну что же. давайте знакомиться с «демонами». Одни и те же «демоны» могут быть то злыми, то добрыми.

— Если можно, доктор, пойдем вот этой дорожкой! — И Престо показал на крайнюю глухую дорожку, по которой почти никто не ходил.

Сорокин кивнул головой.

— Когда мы примемся за лечение, вас никто не узнает, и вам не придется ходить по глухим дорожкам, — сказал Сорокин. — Так вот, слушайте. Вы, конечно, знаете, что человеческое тело состоит из многих миллиардов живых клеток, то есть мельчайших комочков живого вещества. Эти маленькие живые существа, составляющие части нашего тела,

делятся как бы на отдельные производства, причем все они живут и действуют в удивительном содружестве и в полном согласии друг с другом. Чем больше изучаешь жизнь тела, тем больше удивляешься этой гармонии частей, этому порядку и согласию, царящему между всеми клетками и частями организма. Кто устанавливает этот порядок? Вопрос, который давно интересовал ученых. В течение девятнадцатого века ученые полагали, что все части и клетки организма связываются и объединяются нервной системой, а мозг является, так сказать, неограниченным монархом, которому слепо подчиняются все клетки-подданные. Однако монархам вообще не повезло в двадцатом веке.

Слетел со своего трона и мозг, этот «царь в голове». Мозгу отведено более скромное, хотя и очень важное место. Мозг является центром передачи возбуждения с одной точки тела на другую. Такая передача носит название «рефлекса». Эта деятельность мозга так же важна, как работа какой-нибудь центральной станции телефона. Лампочка вспыхивает над номером — и телефонистка соединяет один номер с другим. Но было бы ошибочно считать, что телефонистка — это неограниченный монарх, который по своей воле заставляет одного абонента говорить с другим. Ее роль чисто служебная. Такая же служебная роль и нервной системы и мозга. По крайней мере, теперь ученые пришли к убеждению, что рефлексами вовсе не исчерпывается проявление жизни организма, что нервная система не есть главная система, а мозг не есть центр всего тела. Как оказалось, наше тело управляется не монархическим образом, а, если так можно выразиться, «рабочим самоуправлением». Рабочие — клетки — вырабатывают особые химические вещества, которые и называются «гормоны». Вот эти-то вещества и играют роль активных деятелей. Их значение в деле установления порядка и гармонии гораздо большее, чем значение мозга.

Почти все части человеческого тела вырабатывают гормоны, или, как мы иногда зовем их, «химические посланцы».

— Рабочие депутаты? — с иронией спросил Престо.

— Да, рабочие депутаты, — серьезно ответил Сорокин. — И если уж продлить аналогию, то взаимный обмен гормонами по крови и составляет как бы голос клетки, а сумма этих голосов образует своего рода «совет рабочих депутатов», дающих гармонию всему организму. Это интересно, хотя и похоже на агитацию фактами. Миллиарды клеток живут самым идеальным общественным порядком. Но не будем отвлекаться аналогиями. Итак, почти все части тела вырабатывают гормоны. Но некоторые места выделяют эти гормоны особенно обильно. Эти места называются органами внутренней секреции. Таким образом, бесконечно сложный внутренний организм не управляется из всезнающего центра, а самоуправляется, и органы внутренней секреции играют в этом самоуправлении очень видную роль. Их не мало, этих органов внутренней секреции, или желез: щитовидная железа, эпителиальные тельца, зобная железа, гипофиз и другие. Вот, кстати, о зобной железе. Вы где родились?

— В горах итальянской Швейцарии.

— Я так и полагал. В ваших местах, вероятно, есть что-нибудь ядовитое в воде, и этот яд действует губительно на щитовидную железу. Поэтому-то в ваших местах так много кретинов и зобных больных. Ведь зоб — это ненормальное развитие ослабленной щитовидной железы. Организм как бы количеством желает заменить качество. Ваша «болезнь» для меня была ясна с первого взгляда. Вы представляете собой тип кретина, но с некоторым отступлением от нормы. Дело в том, что у кретинов обычно наблюдается замедленность движений и всех процессов душевной жизни. Кретины вялы, тяжелодумы, спокойны. Они напоминают добродушных животных. Правда, живой ум встречается между ними. Но у вас не только живой ум. У вас повышенная чувствительность нервов. Приступы усиленного сердцебиения у вас бывают?

— Да, — ответил Престо.

Сорокин кивнул:

— Вы чуткий, нервный, впечатлительный, легковозбудимый. В вашем организме как будто действуют две взаимно противоположные силы. Возможно, что у вас имеется ненормальная деятельность как щитовидной железы, так и гипофиза. Я умышленно несколько дней не приступал к медицинскому освидетельствованию, чтобы познакомиться ближе с вашим темпераментом, характером и умственным складом. С вами придется повозиться. Вы хотите иметь нормальный рост, нормальные пропорции и лицо, которое у вас должно было бы быть, если бы кретинизм не наложил на него свою печать?

— Ну разумеется, — ответил Престо.

— Вы так и не видали своего «настоящего» лица? Постараемся выяснить его. Я делаю то, чего еще не делают другие врачи. Меня называют кудесником, колдуном. Так же называли знаменитого селекциониста Бэрбанка. А я делаю не больше его. Он делал «чудеса», изменяя формы и всю «конституцию» плодов и овощей, я же работаю над изменением человеческого тела. Пройдемте ко мне в кабинет, я покажу вам кое-какие мои трофеи. Я обогнал своих коллег, — продолжил Сорокин, направляясь к дому. — Мне удалось сделать удивительный препарат из гормона гипофиза, этому гормону придаю самое крупное значение как «строителю» нашего тела. И при помощи этого препарата мне удается изменять формы и рост взрослых людей в очень короткий срок. Посмотрите, — сказал Сорокин, когда они вошли в кабинет. — Вот как выглядит гипофиз, который произвел все эти чудеса...

Доктор показал Престо альбом фотографий. На левой стороне были сняты ужасные уроды, на правой стороне — вполне нормальные люди, среди которых были даже очень красивые. Между лицами левой и правой стороны не было ни малейшего сходства.

— Это до лечения, а это после лечения, — сказал с гордостью Сорокин, показывая на левую, потом на правую страницу альбома. И он имел право гордиться. Казалось, он

мог лепить тела и лица людей по своему желанию, как из глины.

— Это все мои европейские трофеи, — сказал он. — Полагаю, что и здесь, в Америке, я получу те же результаты. К сожалению, официальные представители американской медицины, как мне пришлось слышать от Крукса, не очень доброжелательно относятся к моим опытам. В духовных кругах также раздается ропот. Впрочем, пока мне не мешают. А вот! — Сорокин показал на шкаф со стеклянными дверцами. На полках виднелись большие фарфоровые аптечные белые банки с номерами вместо надписей. — Средневековый кудесник много дал бы за эти банки. В них содержатся порошки... Номер первый прибавляет рост, номер второй — убавляет...

— Неужели вы в состоянии уменьшить или увеличить рост уже взрослого человека?

— Да, смогу сделать даже такое «чудо». Дальше, номер третий радикально излечивает от ожирения, номер четвертый худых людей превращает в полных. Словом, живи я пятьсот лет тому назад, я мог бы «заколдовывать» и «расколдовывать» людей, получая за это огромные деньги...

— И покончив дни свои на костре?..

Сорокин улыбнулся:

— Возможно. Теперь меня не сожгут живьем. Но все же допечь могут очень сильно. Косность человеческая переживает века...

Докторский приказ «разденьтесь» не ушел от Престо. Сорокин тщательнейшим образом исследовал каждый квадратный сантиметр его тела, измерил, взвесил и, наконец, снял фотографический портрет Тонио во весь рост и лицо в профиль и анфас.

— Необходимо запечатлеть всю последовательность ваших превращений, — сказал Сорокин. — Одного больного я снимал в одной и той же позе каждый день киноаппаратом. Получился изумительный фильм: превращение на глазах зрителя урода в красавца. Но такие снимки отнимают слишком много времени.

На другой день после этого Престо принял первую пилюлю. Пилюля должна была начать невидимую работу в его организме по перестройке его тела.

В этот день Престо долго стоял перед зеркалом, как бы прощаясь с «собой».

Глава 6

Дни шли за днями, пилюля следовала за пилюлей; каждое утро и каждый вечер Престо внимательно наблюдал себя в зеркале, но изменений не замечал. Все тот же туфлеобразный нос, те же уши-лопухи, тот же овал черепа, расширенного кверху. Престо терял терпение и уже начинал сомневаться в «магии» доктора Сорокина.

Чтобы не быть мишенью для смеха, он давно отказался от прогулок по парку и выходил подышать воздухом только ночью. Время шло однообразно и довольно скучно. Он выписал сан-францисские газеты, желая узнать, что делается в городе.

Газеты сообщали о тяжелой болезни мисс Гедды Люкс. У нее произошел странный припадок, едва не окончившийся смертью. Врач, вызванный горничной, нашел Люкс без чувств, посиневшей, с признаками асфиксии (удушья). Пульс едва можно было прощупать. Врачу стоило больших трудов вернуть Люкс к жизни. Горничная Гедды Люкс также чувствовала себя очень плохо, хотя она оправилась от непонятного припадка раньше своей госпожи и нашла силы вызвать врача по телефону. Никаких следов угара или присутствия какого-нибудь газа, могущего вызвать асфиксию, врачом обнаружено не было. О причинах, вызвавших странный припадок, ни Гедда, ни ее горничная не говорили.

Только несколько дней спустя после этого события репортеру местной газетки удалось собрать кое-какие сведения, проливающие свет на то, что произошло в доме Люкс. По ее словам, горничная мисс Люкс сообщила своему знакомому шоферу, что ее госпожа едва не умерла со смеху, потому что Престо имел дерзость сделать ей, Люкс, предложение.

«Престо был так смешон, что я сама едва не умерла со смеху», — говорила горничная.

Другие газеты не перепечатали этого сообщения, считая его слишком неправдоподобным. Престо мог сделать предложение и получить отказ. Но умереть со смеху — это неслыханная вещь!

Еще через день в той же газетке была напечатана заметка о том, что к странному припадку мисс Люкс Тонио Престо безусловно имеет отношение. Несколько свидетелей подтвердили, что видали Престо в то злополучное утро выходящим из виллы Люкс. Вскоре после его отъезда была вызвана карета «Скорой помощи». Возможно, что Престо, огорченный отказом, пытался отравить Люкс. Во всяком случае от мисс Люкс не поступало никакой жалобы, и следственные власти не могли открыто приступить к производству следствия. Подозрения, падающие на Тонио Престо, усиливались тем, что он неожиданно исчез, быть может, опасаясь ответственности за свой поступок. По словам его кинооператора Гофмана, Тонио Престо уехал в Европу лечиться. Сам Гофман почти одновременно с Престо также выехал на Таити.

Еще через день та же маленькая газетка, собирающая сплетни, оповестила мир о том, что факт «кощунственного» и «святотатственного» поступка Престо подтвердился. Тонио Престо действительно имел дерзость оскорбить Люкс предложением брака. Эта весть была подхвачена другими газетами, и поклонницы и поклонники Люкс слали в редакцию тысячи писем с выражением негодования на поступок Престо и выражением сочувствия и соболезнования «оскорбленной и оскверненной Люкс».

О, если бы он, Престо, попался сейчас в руки толпы! Она разорвала бы на части своего недавнего любимца. Как все-таки хорошо, что Престо скоро сбросит свою ужасную личину!

Престо подошел к зеркалу и еще раз внимательно осмотрел свое лицо. Никаких перемен!

«А Люкс все-таки не хотела выдавать моей тайны! — думал

Престо. — Вероятно, горничная разболтала. Люкс! Как-то она встретит меня, когда я предстану перед нею в новом виде!»

Престо вдруг обуяло такое нетерпение, что, несмотря на присутствие в саду многих больных, он побежал к доктору Сорокину, оставляя позади себя взрывы смеха, как пенистый след от быстроходного парохода.

— Послушайте, доктор! Я не могу больше терпеть! Ваше лекарство не оказывает на меня никакого действия, — сказал Престо.

— Не волнуйтесь, — спокойно ответил Сорокин. — Мое лекарство оказывает нужное действие. Но все делается не так скоро, как у вас в фильме. Лекарство действует на гипофиз и щитовидную железу. Они должны выделять нужное количество гормонов. Гормоны действуют на клетки. Видите, сколько здесь передач! Притом не забудьте, что вам не десять лет от роду и кости ваши не столь податливы, как у ребенка. Когда железы, если так можно выразиться, наберутся сил, процессы изменения пойдут гораздо скорее.

Престо оглянулся и увидел красивую молодую даму или девицу, сидящую в кресле. Только сейчас он сообразил, что вбежал в кабинет врача без предупреждения во время приема.

— Простите, — сказал он смущенно, обращаясь к даме.

Пациентка улыбнулась и сказала:

— Мы уже обо всем переговорили с доктором. — И, кивнув ему, дама вышла из кабинета легкой походкой.

— Новенькая? — спросил Престо.

— Наоборот, старенькая! — ответил улыбаясь Сорокин.

— Но я не заметил, не видал такой среди больных...

— Да, вы не видали такой и все же вы видали ее. Это та самая девица, которая сидела у своей веранды в кресле, — помните?

— Страшная химера, слетевшая с башни собора Нотр-Дам? — с удивлением спросил Престо.

— Она самая.

Престо бросился к доктору и начал жать его руки:

— Простите, доктор, что я усомнился в вашем всемогуществе...

— До всемогущества далеко, но все же современная медицина кое-что может сделать. Идите и терпеливо ждите.

Прошло еще целых десять дней после этого разговора, — дней, похожих на все минувшие. И вот на одиннадцатый день началось «чудо перевоплощения», как сказал Престо, окончив утренний осмотр своего лица.

Зеркало не могло обмануть; провал у корня носа начал приподниматься. Престо успокоился и сразу повеселел. Теперь уже не могло быть никакого сомнения: порошки доктора Сорокина пробудили «подземные силы» его организма, началось образование «складчатых гор» и другие «геологические» преобразования в его организме.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Переносица увеличивалась очень быстро. А мясистый, туфлеобразный конец носа как будто «подсыхал», втягивался, — словом, заметно уменьшался. Сжимались и уменьшались и уши. Весь череп принимал более пропорциональный вид. И удивительное дело! Престо начал расти. Пальцы, руки и ноги удлинялись; это было заметно по брюкам и рукавам, делавшимся все короче.

Внутренние силы действовали чем далее, тем энергичнее. Раз прорвав застывшие формы, эти силы начали перестройку организма с необычайной быстротой. Тонио скоро потерял счет всем новым приобретениям и изменениям. И когда, в конце первого месяца «метаморфоз», он вынул свою фотографическую карточку и сравнил с теперешним своим лицом, то сначала обрадовался, а потом даже испугался: зеркало отражало новое, чужое лицо.

Это уже не был Антонио Престо, каким он знал себя с детства. Тонио Престо потерял свое прежнее лицо!.. Это было жутко. Как будто сознание Тонио Престо переселилось в тело неизвестного человека. Престо пробовал делать движения руками — получалось что-то новое, довольно плавное, даже изящное, но чужое. Физические ощущения были новыми и странными. Как будто все «шарниры» тела Престо смазали маслом и сделали хорошие шарикоподшипники. Каждый жест удавался ему удивительно легко. Члены

тела сделались гибкими, подвижными. Не было больше угловатости движения. Походка Престо, напоминавшая движение летучей мыши, сделалась теперь плавной и легкой. Все это было бы чрезвычайно приятно, если бы не было так ново — ново до жути.

Тонио часами не отходил от зеркала. Он изучал свое обновленное тело. Он любовался им и удивлялся чудесам науки. Да, теперь он верил, что человеческое тело не представляет собой отлитых навек форм, что эти формы текучи и подвижны, как вода. Надо только уметь разбудить «подземные силы», строителей живого тела — гормоны.

«Гормоны», «гипофиз», «щитовидная железа» — теперь эти слова уже не казались Престо непонятными обрывками колдовского заговора.

— И все же это очень странно, — говорил он, глядя в зеркало. А из зеркала на него смотрел изящный молодой человек с красивым тонким носом, довольно высокий, очень стройный, худощавый.

И на этом новом теле был надет новый костюм — старые костюмы Престо были слишком малы и коротки. Престо посмотрел на прежний костюм, брошенный на стул, — маленький костюм в клеточку, с короткими, почти детскими брюками. И этот костюм вдруг показался Престо жалким и трогательным. Как будто этот костюмчик остался от умершего подростка — сына или брата.

— Тонио Престо умер. Нет больше Тонио, — тихо сказал Престо. Неожиданно ему стало жалко этого уродца, в теле которого он прожил больше двух десятков лет. Знал нужду, не согретое лаской детство, жизнь на улице.

Тонио вспомнил, как он мальчиком в поисках хлеба оставил родные горы и отправился в Неаполь. Там вместе с такими же полуголыми мальчуганами, каким был и он, собирал навоз и мусор на улицах прямо руками, черными от грязи по локоть, накладывал мусор в тележку, запряженную ослом, и отвозил на свалку, получая за это гроши. А на свалке, вывернув мусор, рылся в нем, выискивая апельсиновую корку или полусгнившую головку рыбы. Спал он на берегу

Неаполитанского залива — одного из красивейших в мире издали... Берег был засорен всякими отбросами: гниющей рыбой, раковинами, бутылками; от ближайших лачуг нестерпимо несло кислыми запахами дубленой кожи, луком, чесноком... Но здесь было тепло, и мальчик чувствовал себя как дома...

Потом поездка с бродячим цирком в Германию, неожиданный успех на ярмарках, случайное участие на съемках в кино, еще более неожиданный успех — и волшебный поворот судьбы... И со всем этим покончено...

Престо старался вспомнить всю свою жизнь. Ему хотелось проверить, знает ли новый Престо все то, что пережил старый. Не нарушило ли физическое «перевоплощение» единства сознания. Нет, память его действует нормально. Престо-новый является преемником всего психического наследства Престо-старого. И все же в психике Престо произошли немалые изменения. Престо-новый стал спокойнее, положительнее. Он лучше владеет собой, не горячится, не мечется. И это тоже очень страшно. В существе Престо как будто осталась только тоненькая ниточка, соединяющая его прошлое «я» с настоящим, — ниточка единства сознания. Порвись эта ниточка, и Престо-старый умер бы окончательно, а новый молодой человек «родился» бы на свет в возрасте двадцати трех лет.

А что, если в самом деле эта ниточка порвется? Тонио забудет все, что было с ним до начала лечения? Кто же он тогда будет? Тонио потер свой лоб, отошел от зеркала и опять посмотрел на себя:

— Да, Тонио Престо потерял лицо!..

Глава 7

«Чудо перевоплощения» совершилось. Вместо безобразного уродца зеркало отражало внешность молодого человека, стройного, немного худощавого. Доктор Сорокин осмотрел свое произведение с чувством скульптора, удовлетворенного своей работой.

— Кончено! — сказал он. — Желаю вам жизненного успеха! Внутренние процессы переустройства вашего тела закончились, но все же вы еще недельки две внимательно наблюдайте за своей внешностью. Если заметите в лице хоть малейшее изменение, немедленно приезжайте ко мне.

Восхищенный Престо жал руку доктора и на прощанье даже расцеловался с ним. Тонио щедро расплатился с Сорокиным, оставив у него почти все деньги, которые взял с собой, — а их было несколько десятков тысяч долларов. У Престо осталась только мелочь, но ее было достаточно, чтобы добраться до дому. Тонио послал телеграмму Себастьяну с уведомлением о том, что он приедет завтра утром, и с приказом приготовить к его приезду кабинет и спальню...

В назначенный час наемный автомобиль подкатил к подъезду виллы Престо. Старый слуга выбежал на широкую лестницу, отлого, полукругом спускавшуюся к усыпанной песком дороге, и вдруг с недоумением остановился. Вместо своего хозяина он увидел изящного молодого человека. Молодой человек рассмеялся, видя недоумение старика, и сказал приятным баритоном, ничуть не напоминавшим визгливый фальцет Престо:

— Что, не узнал меня, старина? Это я, Антонио Престо, но я побывал у врача, и он, понимаешь ли ты, изменил меня, переделал заново. Бери чемодан!

Но Себастьян не двигался с места. Он был преданный слуга, даже больше чем слуга. На Престо он смотрел как на сына и оберегал его интересы, как свои собственные. Себастьян знал, каким опасностям подвергается личность и имущество миллионера в Америке, а Престо был крупным миллионером. Себастьян с замиранием сердца читал в газетах о тех уловках и хитростях, к которым прибегают преступники, чтобы овладеть не принадлежащим им богатством. И в данную минуту Себастьян не сомневался в том, что имеет дело с одним из молодчиков, которые хотят провести его, старика, и обобрать дом Антонио Престо. Но не на такого напали! Не только Себастьян, видавший виды, но и глупый молокосос не попался бы на такую удочку. Обман

был слишком очевиден. Мыслимое ли дело, чтобы человек так изменился!

— Ну, что же ты стоишь? — нетерпеливо спросил Престо.

— Уезжайте, откуда приехали! — сказал Себастьян, поднимаясь на несколько ступеней, чтобы занять на всякий случай более удобную оборонительную позицию около двери. — Хозяина нет, а без него я никого не пущу в дом. Мне дан строгий приказ.

— Вот чудак! Я же говорю тебе, что я сам и есть хозяин, Тонио Престо.

Шофер заинтересовался этим разговором. Он искоса поглядел на Тонио. Разумеется, это не Престо. Кто же не знает Престо? Шофер был явно на стороне Себастьяна и незаметно мигнул тому, как бы предупреждая: «Не впускай в дом этого человека, опасайся его!»

Себастьян понял этот жест и поднялся еще на несколько ступеней. Теперь он стоял у самой двери. Престо уже терял терпение. Он открыл дверцу автомобиля и начал подниматься по лестнице. Но Себастьян зорко следил за злоумышленником. С неожиданной для своего возраста быстротой он вбежал в дверь и закрыл ее на железный засов, на ключ, на крюк, на цепочку. В отсутствие Престо Себастьян сам придумал все эти сложные запоры и заказал их слесарю. Теперь старик был в полной безопасности и мог выдержать осаду целой шайки бандитов.

— Что, не удалось, мальчик! — со злорадной усмешкой сказал он, стоя за дверью. Тонио начал стучать, но Себастьян не открыл дверь. Ни просьбы, ни уговоры не помогали. Себастьян был тверд как скала.

— Упрямый, глупый старик! — проворчал Престо. Под насмешливым взглядом шофера он медленно сошел с лестницы, обдумывая свое положение. Быть может, его собственный шофер окажется толковее? Престо прошел к гаражу, рядом с которым стоял небольшой домик, где жил шофер. На двери висел большой засов.

— Вероятно, пустил мою машину в прокат, мошенник! —

выбранился Престо. Ему ничего не оставалось больше делать, как остановиться в номере гостиницы. Он назвал один из лучших отелей в городе. У Престо едва хватило денег, чтобы расплатиться с шофером. Хорошо еще, что Престо был в дорогом, прекрасно сшитом костюме и имел отличные чемоданы, с внушительными ярлыками лучших европейских и американских отелей. Наметанный глаз швейцара отеля сразу оценил этот чемодан, три раза переплывавший океан, и швейцар с почтительным уважением посмотрел на собственника этой почтенной вещи. Но уже в вестибюле отеля, где записывали новоприбывших, произошел маленький инцидент, оставивший у Антонио Престо весьма неприятный осадок.

— Ваша фамилия? — спросил у Тонио молодой человек в больших очках, похожий на Гарольда Ллойда, сидевший за конторкой.

— Тонио Престо, киноартист! — выпалил Тонио по привычке.

Раньше ему не нужно было называть себя. Подавляя улыбку, швейцары, лакеи и метрдотели первые почтительно называли его по имени. Его знали лучше, чем подданные знают своего короля. Теперь ему пришлось назвать себя. Но этого мало. Слова «Тонио Престо» вызвали у конторщика неожиданный эффект. Он вдруг откинулся назад и несколько минут смотрел на Престо изумленным взглядом. Потом любезно, но холодно сказал:

— Вероятно, вы изволите быть однофамильцем известного Престо?

И вот тут Престо допустил малодушие. Он не захотел убеждать молодого человека в том, что противоречило очевидности: этот юноша в очках так же не поверил бы Престо в том, что «он есть он», как и Себастьян. Зачем ставить себя в глупое положение человека, который явно присваивает чужое имя?

— Да, однофамилец! — ответил Престо и поспешил подняться на лифте и скрыться в свой номер.

«Что же будет дальше? — озабоченно подумал он. — Оказывается, потерять свое лицо — пренеприятная вещь...»

Престо проголодался. Хорошо еще, что в отеле можно завтракать и обедать, не платя каждый раз. Престо позвонил и заказал завтрак. От внимания Престо не ускользнуло, что лакей как-то особенно смотрит на него. Видимо, весть о неизвестном молодом человеке, который имел бестактность присвоить себе прогремевшее имя, уже обошла весь отель.

Престо позавтракал и повеселел. В конце концов все объяснится, и он сам будет смеяться над своими злоключениями.

Теперь он решил осуществить свою давнишнюю мечту, которую лелеял все время, пока находился в лечебнице Сорокина. Престо решил сделать первый визит Гедде Люкс. Он извинится перед ней и... Как-то она теперь примет его?..

Престо еще раз критически посмотрел в зеркало и нашел, что он настоящий красавец. Вот когда он сможет играть роли в высоких трагедиях! Мечта его осуществится... Он — Ромео, Гедда — Юлия... Престо стал в позу и протянул руки к воображаемой Юлии. «Великолепно!.. Неотразимо! Она не устоит. Теперь она не откажет мне!» — подумал он и, переодевшись в новый костюм, отправился вниз.

Вилла Гедды Люкс находилась за городом, недалеко от киногородка мистера Питча, в полумиле от его собственной виллы. У Престо не осталось денег, чтобы нанять автомобиль.

«Придется идти пешком», — думал он. И тут же утешил себя, что моцион — очень полезная вещь. Однако он скоро убедился, что даже самые полезные вещи приятны только тогда, когда их имеешь в меру.

Жара стояла нестерпимая. Белое шоссе блестело так, что глазам было больно. Вдобавок по шоссе все время туда и обратно сновали автомобили, которые так пылили, что Престо задыхался. Он никогда не думал, что автомобили оставляют позади себя так много пыли и что они могут доставлять столько неприятностей человеку, который принужден плестись по дороге. А автомобилисты как будто издевались

над пешеходом и, проезжая мимо, так вызывающе ревели в свои гудки и пускали столько пыли в глаза, что Престо сжимал кулаки от негодования.

Никогда еще путь до киногородка не казался ему столь длинным.

Когда Престо добрался наконец до виллы Люкс, то вид у него был очень непрезентабельный. Лицо и воротничок почернели от грязи и пота, волосы слиплись, костюм и ботинки покрылись тонким слоем пыли. Он осмотрел себя и начал колебаться, показываться ли ему перед Геддой в таком виде. Но желание скорее увидеть ее заставило Тонио решительно нажать кнопку звонка. Дверь открылась, и Престо увидел ту самую горничную, которую он едва не уморил со смеху вместе с ее госпожой. К счастью, девушка не узнала его. Она осмотрела несколько презрительно его костюм, но, взглянув на лицо, приветливо улыбнулась. Эта улыбка ободрила и окрылила Престо.

— Я хотел бы видеть мисс Люкс.

Тысячи молодых людей, мечтающих о славе киноартистов и артисток, желают видеть мисс Люкс в надежде воспользоваться ее протекцией. Десятки тысяч людей всех возрастов и обоих полов сочли бы за счастье лицезреть «божественную» Люкс. Но у нее не хватило бы времени на работу, если бы она начала принимать всех, приходящих к ее дверям.

— Мисс Люкс нет дома! — ответила горничная обычной фразой.

Но Престо знал эти уловки.

— Для меня она должна быть дома! — сказал он многозначительно. — Я ее старый друг, и она будет очень рада видеть меня. — Девушка усмехнулась при слове «старый». — Да-да, не смейтесь, — продолжал Престо. — Я знал Гедду, когда она была еще совсем маленькой девочкой. Я приехал на несколько дней по делам в город и решил повидаться с нею. Но по дороге мой автомобиль сломался и... — он многозначительно показал на свой костюм, — мне пришлось идти пешком.

— Как о вас прикажете доложить? — уже совсем любезным тоном спросила горничная. Опять этот роковой вопрос!

— Видите ли, — замялся Престо, — я хочу сделать мисс Люкс сюрприз. Скажите мисс, что ее хочет видеть старый друг.

Горничная приоткрыла дверь, впустила Престо в большую приемную и отправилась доложить своей госпоже, попросив Престо подождать ответа. Это была уже полупобеда.

«Женщины любопытны, — думал Престо, — Гедда, наверное, захочет посмотреть старого друга, в особенности после того, как горничная опишет ей мою наружность. А она, наверное, сделает это...»

— Пожалуйте, мисс просит вас пройти к ней в будуар, — сказала горничная, и Престо, волнуясь, прошел в знакомую комнату, утопавшую в мягких коврах, на которых были разбросаны пуфы, подушки, львиные и медвежьи шкуры.

Люкс полулежала на кушетке и при входе Престо поднялась и с недоумением посмотрела на него. Опять обман?! К каким только ухищрениям не прибегают эти поклонники и охотники за славой!

— Что вам угодно? — сухо спросила она.

Престо поклонился:

— Мисс, я не обманул вас. Я — ваш старый друг, хотя вы и не узнаете меня. — Его приятный баритон и искренность тона произвели благоприятное впечатление.

— Прошу вас! — сказала Люкс, указывая на маленькое кресло.

Престо сел в кресло, Люкс опустилась на кушетку. Минуту длилось молчание. Потом Престо начал говорить, многозначительно поглядывая на Люкс:

— Чтобы убедить вас в том, что я не обманул вас, я могу рассказать вам то, чего никто не знает, кроме вас и... еще одного человека. Я повторю вам, что говорил вам Тонио Престо в последнее свидание с вами, а также и то, что вы отвечали ему. Повторю от слова до слова.

— Он вам передавал это? — спросила Люкс. Тонио улыбнулся:

— Да, он мне передал это. Он очень извинялся, что причинил вам... беспокойство, заставив вас смеяться так много...

— Я едва не умерла...

Престо утвердительно кивнул:

— Я знаю это.

— Но при чем тут вы? — спросила Гедда. — Тонио просил вас передать его извинения?

— Да, он... завещал мне это!

— Он умер? — с испугом спросила Гедда. Престо показалось, как будто она чувствует себя виноватой в его смерти. Тонио не ответил на ее прямой вопрос.

— Позвольте напомнить вам, что вы ответили ему на его предложение.

— Боже мой, но я не могла предполагать, что мой отказ убьет его! Он был вашим другом? И теперь вы как будто явились мстить за него...

— Прошу вас, не спешите делать выводы и выслушайте меня! Итак, вы тогда сказали Престо, что между ним и вами стоит непреодолимая преграда. И эта преграда — его уродство. Ведь так? Значит, если бы не было этой преграды... он имел бы шансы?

— Да, — ответила Гедда.

— Так вот, — сказал Престо, — теперь этой преграды не существует. Антонио Престо не умер, но переменил свою внешность. Антонио Престо — это я. Ведь вы не можете сказать, что я безобразен? — И Престо поднялся с кресла и сделал несколько шагов, как модель в магазине модных костюмов. Люкс невольно откинулась назад. В глазах ее отразился ужас. Мысль ее напряженно работала. Кто этот странный человек? Сумасшедший? Преступник?..

— Что вам надо? — спросила Гедда, едва владея собою.

— Я пришел за ответом и уже получил его. — ответил Престо. — Вы сказали «да».

— Но вы не Престо!.. Прошу вас, не мучьте меня. Что вам надо?

— Успокойтесь, мисс Люкс! Вам не угрожает опасность. Я не сумасшедший и не бандит. Я знаю, что вам трудно поверить в то, что вот этот неизвестный молодой человек, разговаривающий с вами, есть действительно отвергнутый вами Антонио Престо. Но я постараюсь убедить вас в этой невероятной вещи.

И Престо рассказал Гедде все, что произошло с ним после их свидания, показывал вырезки из газет о «чудесных превращениях» доктора Сорокина, наконец вынул фотографии, отметившие все этапы «эволюции», происшедшей в теле Престо. Эти фотографии были убедительнее всего. И все же, когда Гедда, оторвав взгляд от фотографий, посмотрела на красивого молодого человека и мысленно представила себе старого Тонио Престо, ее разум отказывался верить, что такие превращения возможны.

Она задумалась. Наступило молчание, которого Престо не нарушал. Он ждал ответа Гедды, как приговора. Наконец Люкс подняла голову и сказала:

— Мистер... Престо!.. — Это начало не понравилось Тонио. Раньше Гедда не называла его так официально, обращаясь к нему по-товарищески — Тонио. — Допустим, что все это так, как вы говорите. «Стена уродства» не стоит перед нами. Но...

— Какое же может быть «но»?.. — нетерпеливо спросил Престо.

— Я выслушала вас, выслушайте теперь вы меня. Вспомните и вы хорошенько наш разговор, когда вы еще были уродом, Тонио. Я вам говорила о том, что положение обязывает. Преклонение толпы много дает, но и много требует. Я возвеличена волею той толпы, которая посещает кино. И я не должна ссориться с толпой. Я говорила, что толпе было бы приятнее всего, если бы я осталась «вечной невестой». И тогда каждый клерк, каждый метельщик улиц, хранящий мой портрет, мысленно представлял бы себя моим

«героем». Толпа еще простит мне, если я выйду замуж за подлинного героя.

— За бога или полубога?

— Да, за тех, кого превозносит сама толпа.

— Но разве Престо не бог? — гордо спросил Тонио.

— Вы больше не Престо. В этом-то и весь вопрос. Вы были бог-страшилище, но вы были неподражаемы в своем безобразии. Теперь вы красивы, как Аполлон, но таким вас не знает толпа. Вы превратились в безвестного красивого юношу. А безвестная красота — это еще хуже, чем прославленное безобразие Престо. Я не хочу, не могу допустить, чтобы про меня сказали, что стареющая Люкс, — а я ведь старше вас на два года, вы это знаете, — что стареющая Люкс купила себе на свои миллионы молодого мужа, — бездарного, неизвестного, но смазливого юношу. Да едва ли и вы сами согласитесь быть «мужем знаменитости». Для мужчины с самолюбием это непривлекательная роль. А вы избалованы славой и успехом.

— Кто вам сказал, что я никому не известен? Разве я не Тонио Престо? Престо надел на себя новую маску. Но разве он перестал быть Тонио? Разве мой талант, мой гений не остался тем же? Раньше я смешил людей, теперь буду потрясать их сердца. Я был комик, паяц, теперь буду трагик. О, как я буду играть! Поверьте мне, зрители будут потрясены до глубины души, когда увидят на экране Престо-трагика. Толпа захлебнется в слезах. И я стану еще выше. Если я был полубогом, то стану богом!..

— «Буду, будет, стану»... Это все только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...

— Зачем вы говорите мне все это? Разве я не знаю, что стать знаменитостью не легко? Но ведь я... допустим даже, что я — никому не известный юноша. Но у меня есть хорошее «наследство», оставленное мне Тонио Престо: общепризнанный талант, великолепное знание артистической техники, наконец, связи...

— Но у вас нет главного: невероятно смешного, туфлеобразного носа Тонио Престо. И толпа не признает вас.

— Я заставлю ее признать. Смотрите же, это последняя оговорка. И если я приду к вам, увенчанный славой и преклонением толпы?..

— Я буду ваша.

Глава 8

Пробраться к мистеру Питчу обновленному Тонио Престо оказалось еще труднее, чем к Гедде Люкс. Драгоценнейшее время мистера Питча охраняло несколько церберов, немых и глухих ко всяким доводам, мольбам и убеждениям. Отчаявшись в словесном оружии, Престо решил прорвать блокаду силой. Он оттолкнул лакея и быстро пошел вперед. К счастью, Тонио хорошо знал расположение комнат и потому без особого труда добежал до кабинета мистера Питча и успел скрыться за дверью.

Престо увидел знакомый ему кабинет, уставленный глубокими кожаными креслами, устланный ковром и украшенный по стенам фотоснимками и портретами киноартистов. На видном месте, в центре стены, красовался его собственный портрет. Тонио Престо был снят в натуральную величину и изображал Отелло с платком Дездемоны в руках. Сколько раз Престо бывал в этом кабинете! Питч всегда был неизменно любезен с ним, предлагал хорошую сигару, усаживал в кресло, ухаживал за ним, как за дорогим гостем.

Мистер Питч сидел на своем обычном месте, у открытого американского бюро, положив протянутые ноги на шкафчик для деловых бумаг, и разговаривал с юрисконсультом мистером Олкоттом.

— В контракте обусловлена неустойка в пятьсот тысяч долларов, — говорил мистер Питч, не обращая внимания на Престо. — Если мистер Тонио Престо сбежал неведомо куда, не закончив съемку начатого фильма «Любовь и смерть», то он, Престо, обязан уплатить неустойку и убытки. Коммерческая часть даст вам справку, во сколько обошлась нам

постановка незаконченного фильма по день исчезновения Престо. Подготовьте иск!

— Но к кому мы будем предъявлять его? — спросил юрисконсульт. — Не лучше ли подождать возвращения Престо? Быть может, его и в живых нет. Ходят разные слухи.

— Тем более! Мы назначим опеку для ответа на суде и наложим арест на его имущество. Неужели вы не понимаете моей цели?

Разговор этот был прерван появлением лакея, который, потоптавшись за дверью, решил нарушить строгий регламент и войти в кабинет без доклада, чтобы оправдать себя за свое невольное упущение.

— Простите, мистер, — сказал лакей, — вот этот мистер, — и лакей глазами указал на Престо, — самовольно вошел в ваш кабинет, несмотря на все мои...

Мистер Питч посмотрел на Престо. У мистера Питча были свои правила. Он строжайше наказывал своим слугам не пропускать к нему «шляющихся молодых людей», но уж если кто-либо из этих людей так или иначе пробирался в его кабинет, мистер Питч был с ним очень любезен и не подавал вида, что это вторжение неприятно ему.

Мистер Питч кивнул головой, приказывая лакею выйти, и очень любезно спросил мистера, пожаловавшего к нему, что мистеру угодно.

— Я могу сообщить вам кое-какие сведения об Антонио Престо, — сказал Тонио.

— Ах вот как! Это интересно! Говорите скорее — он жив?

— И да, и нет. Вот такого Тонио Престо, — и Тонио показал на свой портрет в золотой раме, — такого Престо нет. Тонио Престо жив, и он стоит перед вами в своем новом облике. Я — Тонио Престо!

Питч вопросительно посмотрел на Олкотта.

— Вы не верите мне — это вполне понятно! Родная мать не узнала бы меня, но я сейчас докажу вам, что я — Тонио Престо.

— Пожалуйста, не трудитесь доказывать; я вполне верю

вам, — поспешно ответил мистер Питч. — Что же вам угодно, э-э... мистер Престо?

— Я слыхал отрывок разговора о том, что вы хотите предъявить ко мне иск за то, что я уехал, не закончив сниматься в фильме «Любовь и смерть». Можете не предъявлять иска. Я уплачу вам неустойку. Но этот фильм должен быть заснят вновь. И я опять буду играть в нем роль мейстерзингера. Но только новый фильм будет уже не комедией, а трагедией.

— Да-с, трагедия... — неопределенно подтвердил Питч. — Вы хорошо осведомлены в наших делах. Но... Это не пройдет, молодой человек!

— Значит, вы не верите мне, что я Тонио Престо?

— Верю, верю, но... но вы Тонио Престо совсем из другого теста. Вы нам не нужны, кто бы вы ни были. Такими штампованными Аполлонами, как вы, хоть пруд пруди, а Тонио Престо был неподражаем, неповторим в своем уродстве. Это был уникум! И если вы действительно перевоплотившийся Тонио Престо, чему я... верю, то по какому праву вы могли делать это? Вы заключили с нами генеральный контракт на десять лет и ряд отдельных договоров на ваше участие в тех или иных фильмах. Ни один цивильный лист не стоил столько ни одному государству, сколько стоили нам вы. За что мы платили вам эти сумасшедшие деньги? За ваш неподражаемый нос! Мы купили его у вас дороже, чем на вес золота. Где же она, эта драгоценность? Что вы сделали с ней? Бриллиант величиной в туфлеобразный нос Тонио Престо — бесценная побрякушка по сравнению с носом мистера Престо. Вы не имели ни морального, ни юридического права лишать нас вашего носа. Это был наш нос, а не ваш! Да, да! Нос Тонио Престо принадлежал всем как чудный дар природы. Как смели вы лишить общество этого дара? Вы видите, я обращаюсь к вам как к Тонио Престо. Что же вы скажете в свое оправдание?

— Я найду свое оправдание не в словах, а в делах. Дайте мне выступить перед объективом, и вы увидите, что новый Престо дороже старого!..

Питч подскочил на кресле:

— Вы не Престо! Теперь я вижу, что вы не Престо! Вы — молодой человек, мечтающий стать кинознаменитостью. Вы подслушали наш разговор о Престо и повели рискованную игру. Тонио Престо не сказал бы того, что говорите вы. Тонио Престо знает, что талант — дело второстепенное. Главное — реклама. С талантом люди погибают под забором, в неизвестности, никем не оцененные и не признанные, а реклама может возвести бездарность на вершину славы. Престо был бесподобен, великолепен, очарователен. Но пусть черти сожгут меня, как старую кинопленку, если таких же Тонио не найдется десяток в ярмарочных балаганах...

— Вы сами только что говорили о том, что Престо и его нос — уникум.

— Да, говорил и буду говорить! Потому что на рекламу этого носа мною затрачено больше миллиона долларов, прежде чем этот нос показался на экране. Слава всякого киноартиста прямо пропорциональна суммам, затраченным на рекламу. Это хорошо знал Тонио Престо, как бы он ни ценил себя. Не делайте героических жестов! Допустим, что вы самый настоящий Тонио Престо, то есть, что вы были им. Допустим, что душа, талант у вас остались престовские. Что я, аппаратом душу снимаю? Как бы вы ни были гениальны, будь вы трижды гений, — публика не знает вас, и в этом все ваше несчастье. А делать из вас нового Престо, Престо-трагика, — это слишком хлопотливо, накладно, скучно. Довольно! Я временно прекращаю производство кинозвезд и гениев! Слишком дорого! Вы не нужны нам, молодой человек! Кланяйтесь нашему старику Тонио Престо, если вы знаете и увидите его, и скажите, что мы с нетерпением ожидаем его и отечески облобызаем его святейшую туфельку!

— Я все же настаиваю...

— И напрасно! Я допускаю, что вы — гений. Но публика поверит в вашу гениальность только тогда, когда я окружу вашу голову радугой банковских билетов. Желаю вам успеха

на каком-нибудь другом поприще! Может быть, вам удастся поступить к адвокату или в банк и заделаться клерком. Это даст вам немного, — но кто же виноват? Вы сами изгнали себя из рая, если вы действительно были Антонио Престо. — Питч позвонил и приказал лакею проводить молодого человека.

Игра была проиграна.

— Кто этот молодой человек? — спросил юрисконсульт мистера Питча, когда дверь закрылась за Тонио. — Вы говорили с ним так, как будто вы наполовину верили, что он действительно был Тонио Престо.

— Не наполовину, а почти на все сто процентов. Дело в том, что Гедда Люкс звонила мне по телефону. Она уверяла меня, что видела фотографии и разные документы, бесспорно подтверждающие, что Тонио Престо изменил свой внешний вид при помощи какого-то лечения. И только когда Тонио заговорил об испытании его как киноартиста, я, признаюсь, немного усомнился в том, что он бывший Престо. Осел! Он сам загубил себя. Он конченый человек. Он слишком избалован деньгами и успехом, чтобы перейти на более скромное амплуа в жизни. Привыкнув широко жить, он быстро пустит в трубу свое состояние, движимое и недвижимое. Вот почему я и спешу предъявить иск и в обеспечение его наложить арест и запрещение на имущество.

— О, вы дальновидны, как всегда! — польстил Олкотт своему патрону.

Мистер Питч закурил новую сигару, пустил струйку дыма вверх и, когда она растаяла, сказал глубокомысленно:

— Слава — дым. Когда оканчиваются деньги на сигары, исчезает и дым славы.

Олкотт почтительно выслушал этот неудачный афоризм, как перл мудрости.

Тонио был огорчен неудачей, жажда томила его. Выйдя от Питча, он почувствовал слабость в ногах. А ему еще предстоял длинный и томительный обратный путь в город. Тонио шел по прекрасно шоссированной широкой дороге ки-

ногородка мимо надземных надстроек, где помещались лаборатории, мастерские и квартиры для служащих.

На правой стороне дороги, возле громоздкого здания — склада декораций — находился небольшой ресторан, который охотно посещался в дни съемок статистами, проводившими здесь томительные часы ожидания. Тонио машинально опустил руку в карман в надежде найти мелочь. Но, кроме измятого носового платка, в кармане ничего не было. Престо вздохнул и хотел пройти мимо ресторана, однако соблазн был так велик, что Престо в раздумье замедлил шаги и наконец вошел в ресторан.

За мраморным столиком сидели двое начинающих киноартистов, блондин и брюнет. Брюнет недавно выдвинулся из статистов в буквальном и переносном смысле: он еще играл в толпе, но режиссер выдвигал его вперед так, что зрители могли выделить его из массы статистов. Еще немного, и ему дадут маленькую эпизодическую роль. Тогда он будет настоящим киноартистом. А режиссером, выдвинувшим молодого человека, был сам Тонио. Этот молодой человек — как его фамилия? Смит! Один из миллионов Смитов... — ради Престо бросился бы в огонь и в воду... Но увы! Тонио не был похож на самого себя. И Смит, конечно, не поверит Тонио... Молодые люди пили оранжад. Невыносимо! Престо, как бы невзначай, остановился у столика двух молодых людей.

— Кажется, мистер Смит? — спросил Престо брюнета, приподнимая шляпу. — Не узнаете? Я Джонсон. Снимался в толпе в фильме «Любовь и смерть».

Смит сухо откланялся. Он не может знать фамилии всех тех, кто составляет безликую толпу!

— А я привез вам привет от Тонио Престо; вчера я видел его! — продолжал Тонио. Это известие произвело необычайное впечатление. Молодые люди оживились. Смит любезно поставил стул и позвал лакея.

— Неужели? Где вам удалось видеть его? Что вы хотите? Коктейль?

— Оранжад, два, три оранжада!.. Ужасно жарко, — сказал Престо. — Да, я видел его вчера.

— И он действительно помнит обо мне? — интересовался Смит.

— Как же, он сказал, что из вас выйдет толк. А если Престо сказал! Уф!.. Прекрасный напиток! Еще? Не откажусь, благодарю вас!

— Но где он? Что с ним?

— Лечится. Я навещал свою сестру и случайно увидел его в лечебнице доктора Сорокина.

— Престо болен? Надеюсь, ничего серьезного? Я читал, что он уехал лечиться. Но чем он болен?

— Престо решил переменить амплуа. Из комика перейти в трагика. Сделаться настоящим трагиком. И для этого он решил переменить внешность. Сорокин делает чудеса. Из Престо он сделал молодого человека... как две капли воды похожего на меня!

Смит даже рот раскрыл от изумления.

— Сумасшедший! — наконец убежденно проговорил он, покачав головой.

— Безумец! — подтвердил его товарищ.

— Но почему же? — спросил Престо.

— Потому, что ему теперь цена такая же, как... нам с вами!

Престо, утолив жажду, отправился пешком в город, мимо своей виллы и белой виллы Гедды Люкс.

«Однако как быстро и низко я падаю! — думал он, шагая по пыльному шоссе. — Я начинаю жить за счет былой славы, побираюсь в трактирах, как последний бродяга, вызывая расположение к себе тем, что я знаком с самим собой!.. Нет, так дальше не может продолжаться... Но что же делать?.. Как хочется есть!.. Человек, потерявший лицо!..»

У предместья Сан-Франциско Престо привел в порядок, насколько мог, свой запыленный костюм, чтобы не привлекать к себе подозрительного внимания отельной прислуги.

Он незаметно проскользнул к себе в номер, вымылся и

переоделся. К счастью, в его чемодане был запасной костюм и свежее белье.

Он заказал обед, как в былое время, обильный, изысканный, дорогой. Плотно пообедав, он улегся спать, попросив не беспокоить его, и проснулся только в одиннадцать часов вечера.

В его голове, где-то в недрах подсознательного, уже был разработан план дальнейших действий, и теперь этот разработанный план в готовом виде предстал перед судом его сознания. Сознание утвердило и одобрило работу подсознательного «я».

— Другого пути нет! — сказал Престо. Он оделся и, передав ключ от номера коридорному, вышел из отеля.

Глава 9

Огни города остались позади. Престо предстояло в третий раз измерить расстояние от Сан-Франциско до киногородка, вблизи которого находилась его вилла. Но теперь идти было легче. Вечерняя прохлада бодрила. С полей доносился аромат душистых горьких трав. Автомобили встречались реже и как будто меньше пылили. Престо бодро шагал вперед. Время от времени ему встречались прохожие — плохо одетые люди, бродячая, бездомная Америка. «Неужели скоро и я стану одним из них?» — подумал Престо.

В стороне от шоссе, на пригорке, в тени эвкалиптов стояла красивая вилла. Сколько раз вот на этом самом повороте автомобиль круто сворачивал вправо, и через несколько минут Престо подкатывал к подъезду! За сотню метров шофер криком сирены предупреждал о приезде, и хозяина Престо неизменно встречал у широко открытой двери его верный слуга, Себастьян. И вот теперь... Престо вздохнул и направился к дому, медленно поднимаясь в гору.

Было около одиннадцати часов вечера. В боковом окне светился огонек. Себастьян еще не спал. Еще рано!.. Тонио осторожно прошел возле решетки сада до группы маленьких сосен и улегся на теплый песок. Звезды ярко светили

над его головой. Пахло сосной. Время от времени на шоссе виднелись огни автомобилей и звучали гудки.

Двенадцать. Огонек в крайнем окне все еще светился. Неужели Себастьян сторожил ночи напролет? С него хватит!

Все реже пролетали, как светящиеся жуки, освещенные фонарями автомобили. Престо не терпелось. Он поднялся и начал медленно и осторожно перелезать через высокую железную ограду. Он знал, что ворота запираются на ночь. Хорошо, что во дворе нет собак. Престо не любил их потому, что собакам не по вкусу были его суетливые движения и они всегда лаяли на него. Несмотря на все уговоры Себастьяна, Престо запретил держать дворовых собак. Теперь он был очень рад тому: он мог безопасно подойти к дому. Престо привлекало окно, в котором еще светился огонь. Тонио осторожно подкрался к нему. Штора была опущена. Спит или не спит Себастьян? Быть может, светящееся окно — только его военная хитрость, которая должна была отпугивать от дома злоумышленников? Тонио подождал еще полчаса.

Наконец в час ночи он решил, что пора действовать.

Престо прошел к противоположному углу дома и приник к окну. Рама была закрыта. Надо выдавить стекло. Но как это сделать бесшумно? Престо пробовал осторожно нажимать на стекло, чтобы оно треснуло. Но оно не поддавалось. Разбить? Это может привлечь внимание старика, если он не спит. Престо нажал стекло легонько плечом. И вдруг стекло с треском разбилось.

«Кончено!» — подумал Престо и побежал от дома. Он перелез через ограду, лег на землю и начал смотреть, выжидая, что Себастьян выбежит из дома или откроет окно. Но дом по-прежнему был молчалив. Прошло несколько минут. Никаких признаков жизни. Престо вздохнул с облегчением. Себастьян сладко спит! Окно разбито — главное сделано!

Престо вновь перелез через ограду и подошел к разбитому стеклу. Он осторожно начал вынимать осколки. Когда осталось вынуть всего несколько кусков, Престо поторопился и порезал себе указательный палец на правой руке.

Замотав его носовым платком, Престо влез в окно и уверенно пошел по комнатам.

Странное чувство овладело им. Он был у себя, в своем собственном доме, где каждая вещь была знакома ему, и тем не менее он должен был красться, как вор! Да, он был вором, он пришел сюда за тем, чтобы украсть деньги из своего собственного несгораемого шкафа. 3–6–27–13–9, и под ними: 32–24–7–8–12. Так нужно повернуть номера на двух кольцах, чтобы ключом открыть замок. Сложная система. Великолепно! Хорошо, что новый Престо получил в наследство память старого Престо и эта память не изменила ему. Разве это не доказательство того, что он тот же Престо или по крайней мере законный наследник его капиталов и всего имущества?

Престо начал набивать карманы банковскими билетами. И вдруг ему показалось, что в соседней комнате слышатся крадущиеся шаги... Престо окаменел и затаил дыхание... Нет, все тихо... Померещилось. Престо вновь принялся за свою работу.

Неожиданно вспыхнувший свет электрического фонаря ослепил Престо и парализовал его движения.

— Руки вверх!

В дверях стояли четыре полисмена с револьверами. Престо растерянно посмотрел на них. Он был безоружен. Кабинет имел только один выход. Выпрыгнуть в окно? Но Престо по своей неопытности не позаботился открыть его. А пока он будет открывать окно, полисмены успеют схватить его или убить... Сопротивление невозможно... Престо покорно поднял руки вверх. И в это время из другой комнаты, за спиной полисменов, послышался чей-то злорадный раскатистый старческий смех.

— Я говорил вам, — узнал Престо голос Себастьяна, — что этот молодчик пожалует сюда!

Через несколько минут Престо уже сидел со стальными наручниками в полицейском автомобиле.

В полиции с Престо сняли предварительный допрос и очень смеялись, когда узнали, что он называет себя Тонио

Престо. Тонио был так возмущен грубостью обращения, что не стал доказывать своей правоты, но потребовал, чтобы завтра же утром ему устроили свидание с прокурором.

— Не спешите! Свидание с прокурором всегда предшествует свиданию с палачом. А за вами, вероятно, найдутся такие делишки, за которые вам придется пяток минут посидеть на электрическом стуле, — сказал допрашивавший Престо сержант.

Наутро Престо предстал перед лицом не прокурора, а судьи, который оказался большим буквоедом. Несмотря на то что Престо очень убедительно доказывал, что он есть Антонио Престо, только изменивший свой вид, что о краже поэтому не может быть и речи, судья стоял на своем.

— Допустим, что ваши фотографии настоящие, а не ловко подобранная коллекция похожих людей; допустим, что доктор Сорокин, если я удовлетворю вашу просьбу и вызову его в качестве свидетеля, подтвердит все сказанное вами; допустим, что знаменитый киноартист, который и мне самому доставлял немало веселых минут, и вы, совершенно непохожий на него молодой человек, — одно и то же лицо, хотя и лица у вас разные. Все это не изменяет положения. Еще древние римские юристы находили, что слово «кража» — «фуртум» происходит от слова «фурве» — «тьма», так как кража обыкновенно совершалась «клям обскуро эт плэрумквэ ноктэ». О! — Судья поднял палец вверх. — Это значит: тайно, во мраке и преимущественно ночью. Вы совершали тайно, во мраке, ночью.

— Но позвольте! — возражал Престо. — Насколько мне известно, при краже всегда предполагается похищение чужого имущества, а это имущество мое.

— Вы не доказали и этого. Вы должны законным путем восстановить вашу личность.

— Вернуть мой прежний вид?

— Это было бы лучше всего. По крайней мере судебным порядком, на основании всех имеющихся у вас данных доказать ваше тождество с исчезнувшим Тонио Престо.

— Но для этого я должен собрать документы, навести

справки и прочее. Я прошу освободить меня до суда из-под ареста.

— Под залог. Пять тысяч долларов.

— Разве того, что отняли у меня в полиции, недостаточно? Там было около ста тысяч долларов.

— Это еще спорное имущество.

— Другого я не имею. Но послушайте, — взмолился Престо, — какое же вам еще нужно обеспечение? Разве я могу убежать от вас, если от разрешения этого дела зависит все мое благосостояние? Мое имущество превышает три сотни миллионов! Неужели же я убегу от них?

Судья задумался. Довод показался ему убедительным. Но в этот момент судье был подан срочный пакет от прокурора, который просил отложить разбор дела гражданина, именующего себя Тонио Престо, и не принимать никаких действий, так как в этом деле имеются некоторые обстоятельства, вызвавшие вмешательство его, прокурора.

Судья прочитал письмо и, махнув бумажкой, сказал:

— Не могу, ничего не могу сделать! Ваше дело будет слушаться с участием прокурора. А пока вы должны отправиться в тюрьму.

Никакие доводы больше не помогали. И из полицейского участка Престо был переведен в тюрьму.

Начался один из самых запутанных, курьезных процессов, которые когда-либо слушались в американских судах. Процесс этот оказался настоящей золотоносной жилой для газетных корреспондентов. Не только газеты, но и толстые журналы обсуждали казуистическое сплетение обстоятельств.

Имеет ли человек право изменить свой внешний вид?

Будет ли кражею похищение собственного имущества?

Действительно ли Престо превратился в новую личность?

Нужно ли Престо-новому утверждаться в правах наследства к имуществу Престо-старого, или же Престо-новому достаточно показать идентичность свою с прежним Престо?

Имела ли бы право жена Престо, если бы он был женат,

требовать развода на том основании, что ее муж изменился до неузнаваемости?

Не получат ли преступники «шапку-невидимку», скрывающую их от преследователей власти?

Как смотрит на такие превращения церковь с точки зрения норм религии и морали?

Не угрожают ли эти метаморфозы всем устоям нашего социального строя?

Каждый из этих вопросов открывал необозримые возможности блеснуть своим остроумием и показать свою эрудицию.

Прокуратурой были собраны новые данные не в пользу Престо.

Служащий отеля, в котором остановился Престо по возвращении из лечебницы доктора Сорокина, сообщил, что Престо сам по прибытии в отель признался в том, что он Престо, не настоящий Престо, а однофамилец киноартиста. Кроме того, из гражданского отделения суда была послана справка о том, что мистер Питч успел наложить арест на капиталы и запрещение на недвижимое имущество Престо в обеспечение иска по договору в день, предшествующий краже. Таким образом, Престо мог обвиняться в попытке скрыть имущество, служащее обеспечением иска. Престо мог утешаться только тем, что показания Сорокина и нескольких больных, лечившихся у него, были в его пользу. Престо — не обманщик, а действительно Тонио Престо, изменивший свой прежний вид. Однако это мало помогло ему. Прокурор, самолично побывавший в лечебнице Сорокина, был поражен всем виденным. Вопреки обычаю, он дал интервью газетным корреспондентам и высказал свой взгляд на вещи:

— Основой нашего государственного строя является право частной собственности. Но всякая собственность предполагает не только объект, но и субъект права собственности, — проще говоря, собственности без собственника не бывает. Будь это индивидуальная собственность или групповая, как акционерные общества, первичным носителем

собственности всегда является физическая личность, человек, лицо. Что же будет с обществом, если обладатель собственности станет менять свое физическое лицо, как перчатки?

К кому мы будем предъявлять иски? С кого получать взыскание, как станем бороться со злостными банкротствами? Главное же — как сможем мы вести борьбу с преступниками, которые начнут подделывать лица под лица миллионеров так, как они сейчас подделывают чужие подписи? Как отличим мы настоящего капиталиста от поддельного? Произойдет ужасный хаос. Деловая жизнь остановится. Страна погибнет в анархии. Нет, в нашей стране мы не можем допустить свободы изменения внешности человека. Это, быть может, не опасно было бы сделать там, где у человека нет стимула для корыстных преступлений, — в стране, где не будет капитализма. Но это утопия. Мы не собираемся хоронить капитализм и потому не можем допустить опасную игру метаморфоз.

В детском возрасте с лечебными целями применение методов Сорокина, пожалуй, еще можно допустить. Но для взрослых — ни в коем случае. И потому я вхожу в Конгресс с законодательным предложением: немедленно издать закон, воспрещающий взрослым людям изменять свой внешний вид какими бы то ни было способами, за исключением случаев неизбежного хирургического вмешательства для спасения жизни.

Что же касается мистера Престо, то, хотя обычно закон и не имеет обратной силы, я полагал бы распространить на Престо санкцию закона, который имеет быть издан, и лишить мистера Престо всех имущественных прав. Это послужит предупреждением для других. Я уже не говорю о вредном, разлагающем влиянии на умы такого рода превращений. Опасные теоретики, сторонники дарвиновского учения, не преминут воспользоваться этими превращениями для доказательства теории изменчивости видов. А эта теория прямым путем ведет к безбожию.

— Будете ли вы держать Престо в тюрьме или же найдете возможным выпустить его?

— Поскольку выяснилось, что Престо есть Престо, то субъективно его вина уменьшилась. Он мог искренне заблуждаться относительно своих прав на похищение имущества у самого себя. Это, конечно, не уменьшает, с моей точки зрения, тягости его преступления, но все же даст мне возможность выпустить его под расписку на свободу, пока Конгресс не рассмотрит моего предложения и не проведет новый закон. В зависимости от того, как будет сформулирован этот закон, Престо будет оправдан или обвинен в краже.

Прокурор готовился стать дипломатом и потому говорил так туманно.

Престо был выпущен на свободу без денег, без имени и без надежд.

Глава 10

Тонио Престо вернулся в отель. К нему в номер явился метрдотель и вежливо напомнил о том, что номер все время числился за ним, Престо, так как в номере находились его вещи (чемодан), и что необходимо заплатить по счету.

— Хорошо, завтра утром я вам уплачу, — ответил Тонио, расхаживая по номеру. Метрдотель поклонился, не очень доверчиво взглянул на Престо и ушел.

— Однако где же я достану денег? — спросил Тонио валявшийся на полу чемодан. Но чемодан безмолвствовал. Тонио подошел к чемодану, открыл его и начал вытряхивать костюмы, в надежде найти в кармане завалявшиеся случайно деньги. Денег не оказалось. Но из одного кармана выпала чековая книжка. Как Тонио мог забыть о ней? В банке Тонио хранил свои миллионы. Стоит только написать чек!..

Тонио быстро подошел к столу, взял перо в руки и приготовился надписать чек, но вдруг его охватило колебание. Тонио отложил чековую книжку в сторону и, взяв газету, начал писать на ней свою фамилию. Его опасение оправдалось. Почерк Тонио изменился! С такой подписью ему не выдадут денег и еще, пожалуй, арестуют за подделку подписи и попытку получить «не принадлежащие» ему деньги.

Да, впрочем, эти деньги и с настоящей подписью не выдали бы ему. Ведь на них наложен арест... Тонио вздохнул и бросил перо.

А деньги ему необходимы. Если дать телеграмму Гофману и просить его прислать деньги телеграфом?.. Но при получении их опять могут встретиться затруднения. Впрочем, Гофман может выслать деньги на имя владельца отеля.

Престо думал и рассеянно просматривал газету, на которой пробовал расписываться. Одна заметка привлекла его внимание. В отделе театра и кино сообщалась самая последняя новость: мисс Гедда Люкс выходит замуж за мистера Лоренцо Марра. Лоренцо, кинематографический артист, игравший не раз в одном фильме с Престо. Престо — несчастный, Лоренцо — счастливый любовник. Так было на экране, так случилось и в жизни. Вот он, тот полубог, которому Люкс отдала свою руку и сердце!.. Но разве он более красив, чем перевоплощенный Престо? Тонио посмотрел в зеркало. Да, он, Престо, красив. Не менее красив, чем Лоренцо. Но у Лоренцо есть имя, а Престо потерял свою славу вместе со своим лицом.

Престо должен повидаться с нею. Проклятие! У него не осталось даже приличного костюма! Выходной истрепался в тюрьме. Престо вновь взял перо и быстро написал телеграмму Гофману:

«Пришли десять тысяч долларов на имя мистера Грина, отель «Империаль», Сан-Франциско, *Престо*».

Затем Тонио попросил к телефону владельца и сказал ему:

— Вы знаете, мистер, что я вполне платежеспособен, только случайно попал в затруднительное материальное положение. Меня может выручить мой друг Гофман. Он пришлет десять тысяч долларов на ваше имя. Прошу из этих денег взять, что вам следует по моему счету, остальные деньги вы передадите мне.

Владелец ресторана охотно пошел на эту сделку, и скоро в кармане Престо лежали деньги, за вычетом долга более четырех тысяч долларов. Гофман вместо десяти прислал толь-

ко пять. В отеле Тонио опять был открыт кредит, и лица лакеев вновь сделались почтительными. Престо купил себе новый костюм и, наняв автомобиль, отправился к Гедде Люкс.

— Мисс Люкс, — сказал Престо, увидев Гедду. — Я пришел поздравить вас. Вы нашли своего бога?

— Да, нашла, — ответила она.

— Еще раз поздравляю вас и желаю всяческих радостей... Я примирился со своей участью человека, потерявшего лицо. Вы верите мне, — верите, что я действительно Антонио Престо, ваш старый товарищ и друг? — Люкс кивнула головою. — Так вот... к вам у меня есть одна большая просьба. Я хотел бы устроить... прощальный ужин и пригласить на него моих былых друзей. Их это ни к чему не обяжет. Просто мне хотелось бы еще раз, в последний раз, побывать в их милой компании, а потом... потом Престо займет подобающее ему скромное место в жизни.

Она охотно приняла приглашение.

— Но этого мало, — продолжал Престо. — Я прошу вас обеспечить успех моему прощальному ужину. Вот список приглашенных. В нем вы найдете фамилии мистера Питча и счастливца Лоренцо Марра, Драйтона, Гренли и Пайн, декоратора Вудинга, осветителя Мориса и кое-кого из второстепенных артистов. Мне хотелось бы, чтобы вы взялись за это дело. Когда вы получите принципиальное согласие приглашенных, я разошлю им пригласительные карточки. Итак, в понедельник, в восемь вечера, в круглом зале отеля «Империаль»!

Вечер удался на славу. Все приглашенные явились полностью. Престо мог убедить самых недоверчивых людей, что он хоть и в новой оболочке, но все тот же старый Престо, не только изумительный актер, но и прекрасный режиссер. «Новую» актерскую игру Престо гости оценили, впрочем, только впоследствии. Зато режиссерские способности были в полной мере оценены во время самого ужина, который был обставлен чрезвычайно декоративно. Зал освещался нежным розоватым светом, а через открытую на

веранду широкую дверь падал настоящий лунный свет, создавая красивый световой контраст. Все было заранее рассчитано. Невидимый оркестр играл прекрасные мелодии. На ужин было приглашено и несколько представителей печати, для которых нашлось немало материала и работы.

На почетном месте были усажены Гедда Люкс, ее жених по левую сторону и мистер Питч по правую. Мистер Питч был в духе. Ему нравилась затея Престо. Попивая тонкое вино, мистер Питч наклонился к Гедде Люкс и с улыбкой говорил:

— Кто бы он ни был, этот новый Престо, он неплохо начинает свою новую жизнь. Пожалуй, из него выйдет толк! И притом... — Питч отхлебнул из бокала, — его сказочное превращение и его фантасмагорический судебный процесс послужили для него отличной рекламой. Такую рекламу не сделаешь и за полмиллиона долларов! Да, он таки сделал себя! И если он действительно обладает талантом старого Престо, то с ним, пожалуй, стоит повозиться, чтобы сделать из него достойного заместителя самого себя!

Люкс слушала, с интересом поглядывая на Престо, а ее жених прислушивался к словам Питча со скрытым беспокойством. Престо мог оказаться опасным конкурентом, и не только на экране, но и в жизни. Лоренцо казалось, что Люкс смотрит на Престо не только с любопытством, но и с нежностью.

Престо поднял бокал вина, желтого и прозрачного, как янтарь, и сказал маленький спич:

— Леди и джентльмены! Известно ли вам, что в Китае существует такое выражение: «Человек, потерявший лицо»? Так говорят про какого-нибудь человека, совершившего неблаговидный поступок и потерявшего из-за этого всю свою репутацию. «Человек, потерявший лицо» — это гражданская смерть. Правда, — в Китае... Но ведь Китай — азиатская страна...

У нас, в культурнейшей стране мира, совершенно иное. У нас наше лицо крепко спаяно с нашим кошельком. И, пока кошелек толст, нам не грозит потеря лица в китайском

смысле слова, какими бы проделками мы ни занимались. Я надеюсь скоро показать вам это! Но горе тем, кто, как я, осмеливаются изменить свое физическое лицо. Тогда их лишают всего: денег, имени, дружбы, работы, любви. Да и может ли быть иначе в стране, где царит доллар?

Да не подумают мои почтенные гости, что я критикую прекрасные законы нашей великолепной страны. О нет! Я вполне признаю разумность этих законов и обычаев. Я подчиняюсь им! Я преклоняюсь перед ними! Я сделал ошибку, роковую ошибку, переменив свое лицо, и теперь приношу публичное покаяние. Я едва ли смогу даже с помощью доктора Сорокина вернуть себе мой прежний вид. Но я торжественно обещаю не менять больше своего лица и прошу общество простить мне мою ошибку, сделанную по неопытности, и принять меня в свое лоно, как отец принял блудного сына!

Речь эта, несколько странно звучавшая в середине, под конец понравилась всем. Все зааплодировали. Корреспонденты быстро строчили.

Престо выпил бокал, поклонился и вышел на веранду.

— Нет, прямо молодец! — говорил восхищенный Питч. — Такой способности к саморекламированию я не знавал даже у старого Престо. Решительно из него стоит сделать человека с именем! Да где же он? Я хочу с ним чокнуться!

— Я тоже! — неожиданно подхватила Гедда Люкс и поднялась вместе с Питчем. Они прошли на веранду. Там Престо не было.

— Престо! Тонио Престо. Да где же вы? — кричал мистер Питч, расплескивая вино в бокале. — Тонио! Мальчик мой!

— Тонио! — мелодично звала и Люкс.

Но Престо не было. Он как сквозь землю провалился. Обошли весь сад, принадлежащий отелю, на этот вечер предоставленный в полное исключительное распоряжение пирующих. Тонио не было. Вернулись в зал. Наконец гости, потерявшие терпение, начали незаметно расходиться один за другим, обсуждая странное поведение хозяина.

— Может быть, это тоже для рекламы, — сказал Питч, возвращавшийся домой в своем автомобиле вместе с Люкс. — Но он перестарался, этот проказник Тонио! Все надо делать в меру. — И, не смущаясь присутствием Люкс, Питч сладко зевнул.

Глава 11

Тонио исчез. Мистер Питч и Люкс ждали его появления, но в конце концов должны были примириться с мыслью о том, что Тонио Престо пропал бесследно. Газеты и общество также мало-помалу забыли о Тонио. Притом новые события привлекли общественное внимание, — события, вызвавшие у полиции Сан-Франциско удивление и даже возмущение. Дело в том, что неизвестные бандиты совершили несколько дерзких ограблений.

Одною из жертв бандитов был банкир Курц. Среди похищенных ценностей бандиты унесли несколько пачек писем, которыми банкир, видимо, дорожил. В этих пачках были собраны банкиром документы, компрометирующие крупных политических деятелей. Если банкиру нужно было устроить какое-нибудь выгодное дельце, он очень осторожно намекал влиятельному лицу, что у него, Курца, находится такое-то письмо, подписанное влиятельным человеком и адресованное такому-то (или такой-то), и влиятельный человек быстро устраивал Курцу выгодное дельце, получая взамен этого письмо, подлежащее немедленному уничтожению.

Курц долго и любовно собирал свою коллекцию, не жалел средств и трудов. Некоторые письма были куплены им, большинство, по поручению Курца, выкрадены у разных лиц специалистами своего дела. Лишение этой «валюты» огорчило Курца гораздо больше, чем потеря сотни тысяч долларов. Курц пригласил начальника полиции и обещал ему огромную сумму за розыск и возвращение похищенных документов.

— Что же касается денег, которые бандиты захватили у

меня в сейфе, то вы можете себя и не затруднять розыском их. — И Курц сделал многозначительный жест.

Начальник полиции понял: Курц разрешал полиции оставить у себя деньги, отобранные у бандитов. Банкир и начальник полиции любезно раскланялись, начальник заверил Курца, что не пройдет нескольких дней, как пачки с письмами будут лежать вот на этом бюро.

Начальник полиции подкатил к полицейскому отделению на своем огромном, длинном, как подводная лодка, автомобиле и, весело посвистывая, вбежал в кабинет. На звонок начальника явились его помощники. Начальник рассказал им о своем свидании с Курцем и наметил план действий.

Узнать, кто похитил у Курца деньги и документы, для полиции не представляло особенного труда. Весь преступный мир был у сан-францисской полиции на строгом учете. Этого требовали те деловые отношения неофициального порядка, которые давно установились между уголовным миром и полицией. Воры и бандиты были великолепно организованы. Весь город был поделен между отдельными бандами на участки. Во главе каждой банды стоял «староста», на обязанности которого лежало распределять «работу», делить добычу и иметь сношения с полицией. Бандитская бухгалтерия была поставлена образцово. Все поступления заприходовались в книгах, которые время от времени проверялись полицией. Со всех доходов полиция получала довольно высокий процент.

Начальник позвонил по телефону и кого-то вызвал. Через пятнадцать минут к подъезду здания полиции подкатил автомобиль, и из него вышел джентльмен в изящном костюме. Это был староста бандитов ближайшего района. Приехавший джентльмен, прозванный Лордом Радклифом за то, что ему шесть раз удавалось жениться на титулованных старых девах, настоящих леди, которых он обирал, с достоинством вошел в кабинет.

— Дом банкира Курца в районе Короля? — спросил начальник у Лорда Радклифа, небрежно кивая ему головой. —

Ты видался с ним? Курцу необходимо вернуть деньги и документы. Приказ министра юстиции! — дипломатично солгал начальник, не желая говорить о своей материальной заинтересованности.

— Дом банкира Курца находится в районе Короля, сэр, Король со своей шайкой не совершал налета на дом банкира Курца, сэр. Король возмущен дерзким нарушением его территориальных прав.

— Вызвать немедленно Короля! — распорядился начальник полиции.

Через пятнадцать минут прогудел у подъезда красный автомобиль Короля. Король с треском открыл дверь и вошел в кабинет:

— Звал? Что тебе надо?

— Кто совершил кражу у Курца?

— Сэр!

— Кто совершил кражу у Курца? Я тебя спрашиваю.

— Сэр!

— Кто совершил кражу у Курца, сэр! Провались ты сквозь землю!

— Провались ты сквозь землю вслед за мною, и там я о том же спрошу тебя самого.

— А может быть, вы, сэр?

Бледное лицо Короля налилось кровью. Он сжал кулак и двинулся на начальника.

— Договаривайте! — зловеще прошипел Король.

— Может быть, кто-нибудь из ваших?

— За каждого из своих я отвечаю, как за самого себя. У нас было собрание старшин, и мы выяснили это дело. Никто из наших не причастен к ограблению банкира Курца. Не та работа, не те приемы. Видно, что это делал новичок, но новичок с головой.

— Один?

— В том-то и дело, что не один, а с целой шайкой.

Лица начальника полиции и его помощника выразили крайнее удивление и негодование.

— Шайка, неизвестная мне и вам? Шайка, которая не

признает ни организации, ни начальства? Да это анархисты какие-то!

— Совершеннейшие бандиты и анархисты! — согласился Король. — Вторгнуться на мою территорию!..

— И остаться безнаказанными, — подзадорил начальник.

Лицо Короля из бледного снова стало красным.

— Ну нет! Еще никому не удалось безнаказанно посягнуть на мои священные права, — сказал Король. — Они не уйдут от карающей руки правосудия! — И он потряс своим огромным кулаком.

— Да, да! Они должны быть наказаны, но это надо сделать скорее. Если нужно, я могу дать в помощь несколько своих агентов.

Король презрительно фыркнул:

— Не беспокойтесь! Я дам знать, когда дело будет сделано, и тогда вы можете прислать их пожинать лавры. Прощайте! — Король повернул к выходу и мимоходом, кивнув головой, кратко и повелительно сказал: — Лорд, фюить!

Лорд Радклиф послушно, как собака, последовал за Королем.

И вот тут-то начальник полиции дал волю своему негодованию, — он сердился не на Короля и Лорда. О нет — эти были честные бандиты, — а на того неизвестного, который имел дерзость организовать собственную шайку и работать, не признавая ни бандитской, ни полицейской власти и не платя полиции никаких налогов. Это было похоже на революцию, на потрясение незыблемых устоев.

Неизвестный должен был отличаться не только дерзостным непризнанием авторитета власти, но и большой личной храбростью. Бандиты были беспощадны, как самые заправские американские судьи, ко всем, кто нарушал их конституцию, их неписаные законы, устанавливающие порядок ограбления граждан. Ослушнику грозила смерть за каждым углом. Тысячи глаз должны были наблюдать за ним. Он был обречен.

И тем не менее проходил день за днем, а карающий меч

Короля не опускался на голову преступника. Больше того — неизвестный бандит проявил себя необычайным образом. Он, видимо, прекрасно разобрался в ценности захваченных им в сейфе Курца писем. Бандит рассортировал их на две пачки: в одну положил письма и документы, изобличающие в различных преступлениях и неблаговидных проделках крупных чиновников, сановников и политических деятелей, принадлежащих к демократической партии, а в другую — документы, компрометирующие сановников и лидеров республиканской партии. Букет демократических «добродетелей» он отправил в республиканскую газету, а республиканских — в демократическую. Правда, этим поступком он наживал врагов в обеих партиях, но бандит, видимо, не очень-то заботился о приобретении друзей где бы то ни было. Газеты очень обрадовались возможности свести счеты со своими партийными противниками. Поднялась неслыханная газетная полемика. Вслед за этим началась настоящая эпидемия судебных процессов, рожденных газетными статьями: за диффамацию, за клевету, за взяточничество, разглашение служебных тайн, подлоги и тому подобное. Произошло настоящее извержение грязевого вулкана, в котором, казалось, утонули все столпы общества, весь цвет денежной и служилой аристократии.

В конце концов обе стороны ужаснулись, когда увидали, что зашли слишком далеко. Неизвестный спровоцировал их и сыграл с ними злую шутку, заставив их срывать маски друг с друга и обнажаться во всей своей неприглядности.

Курц негодовал, видя, как вся «атомная энергия» украденной у него пачки писем взорвалась впустую, не принося никому материальной выгоды.

Этот поступок неизвестного еще более обеспокоил начальника полиции. Из уголовной фигуры неизвестный превращался в какого-то идейного врага общества, ведь он мог нажить на письмах целое состояние, шантажируя их авторов, но он не стал делать этого. Его неуловимость беспокоила еще более. Лорд Радклиф разводил руками, Король рвал и метал от негодования, а неизвестный продолжал сущест-

вовать, и, что было совершенно непонятно, даже на следы его шайки не удавалось напасть. Неизвестный бандит не прекращал своей деятельности. Вскоре он со своей шайкой произвел налет на квартиру прокурора, перевернул все вверх дном, сжег в камине уголовные дела и совершил неслыханное по своей странности насилие над прокурором: прокурор был связан по рукам и ногам сообщниками неизвестного, сам неизвестный кончиком ножа раскрыл стиснутые зубы прокурора и влил в рот несколько капель какой-то жидкости, причем не отпускал прокурора до тех пор, пока тот не проглотил жидкость.

Прокурор не сомневался в том, что неизвестный преступник отравил его, и ждал своей кончины. Однако минута проходила за минутой, а отравленный прокурор не чувствовал ни тошноты, ни начинающихся судорог, ни позывов ко сну.

Словом, физически он чувствовал себя вполне здоровым и даже с некоторым любопытством наблюдал за работой бандитов. От внимания прокурора не ускользнуло то обстоятельство, что сам главарь шайки, полный человек среднего роста, не принимал участия в грабеже ценностей, находившихся в квартире. Однако он и не препятствовал делать это своим сообщникам. Отсюда прокурор вывел заключение, что главарь шайки — не простой бандит, грабящий с целью наживы, а бандит с какой-то идейной подкладкой. Судя по тому, что бандит уничтожил уголовные дела, можно было предположить, что сам он уже судился и, быть может, теперь мстит прокурору за прошлое обвинение. Хотя прокурор, имевший очень хорошую зрительную память, не мог вспомнить, чтобы ему приходилось судить или даже когда-нибудь встречаться с главарем шайки. Только одного из соучастников — очень маленького шустрого человечка, обвинявшегося когда-то в контрабандной продаже спиртных напитков, — прокурор узнал. К крайнему удивлению самого прокурора и полиции, прокурор остался не только жив, но и невредим. Врач, прибывший вскоре после ухода бандитов, сделал прокурору промывание желудка и

тщательно исследовал его содержимое. Никаких следов отравы в прокурорском желудке найдено не было. Несколько капель неизвестной жидкости, влитой в рот и проглоченной прокурором, всосались желудком без следа и без видимых последствий для организма. Цель этой непонятной операции осталась совершенно невыясненной.

Как бы то ни было, в руках Короля и полиции теперь были некоторые нити для того, чтобы выследить шайку неизвестного. Маленький спиртной контрабандист был известен в уголовном мире. Его удалось разыскать и привести перед грозные очи Короля. Король учинил спиртоносу допрос с таким пристрастием, что спиртонос выболтал вдвое больше того, что знал. А между тем и одной правды было бы довольно, чтобы заставить Короля задуматься и даже удивиться, хотя Король любил повторять, что удивление — чувство дураков. Маленький спиртонос не знал своих сотоварищей по шайке и не знал, где кто живет. Его приглашал на дело «лысый барин», а где он живет, — спиртонос не знает. Во всем этом еще не было ничего удивительного, спиртонос говорил правду, похожую на ложь, или же правдоподобно лгал, — все это было в порядке вещей. Но когда он начал говорить о главаре шайки, то понес такую околесину, что Король схватил щупленького спиртоноса в свои лапищи и, сильно встряхнув, прорычал:

— У тебя в голове мутится. Пусть муть отстоится, и потом начинай сначала. Я забыл, что тебя перед употреблением надо взбалтывать.

Но и это энергичное вмешательство не внесло ясности в мысли и слова спиртоноса. Он клялся, божился и ударял себя в грудь, уверял, что говорит истинную правду, что атаман шайки не иначе как колдун, оборотень и черт его знает что. А если не колдун и не оборотень, то атаман шайки не один, а их несколько. Каждый раз новый и все же один и тот же.

— Переодевается? Гримируется? — спросил Король.

— Нет, совсем не то. Он уходит после дела и говорит: «Смотрите, ребята, я приду к вам другой, но это буду я. Вот

вам пароль». И действительно в другой раз приходит как бы не он. То худой, то толстый, то высокий, то как будто ниже.

Король усмехнулся:

— Почему же ты думаешь, что один и тот же, если приходят совсем другие люди?

— А пароль?

— Пароль передать другому нет ничего легче.

— Не только пароль. Он знает все, что может знать один только атаман. Нет, это оборотень!

— Кто бы он ни был, мы поймаем его. Ты должен нам донести, как только тебя пригласит твой лысый барин на новое дело. И смотри у меня: если не донесешь, не ходить тебе больше ни на какое дело! Ты знаешь меня!

Спиртонос затрепетал. В его покорности не приходилось сомневаться.

Король сообщил начальнику полиции, что зверь выслежен и что скоро полиция сможет оповестить мир о своем новом триумфе.

Начальник полиции повеселел. Дело оборачивалось так, что поймать неизвестного нужно скорее. Взаимно оплеванные лидеры политических партий, придя в себя после скандальных разоблачений, обрушили весь свой гнев на неизвестного, выкравшего документы у Курца и пославшего их в газеты. И губернатор, и прокурор, и судья, пострадавшие от газетных разоблачений, и виновники, смещенные со своих постов после того, как некоторые их проделки были оглашены в печати, — словом, все потерпевшие (а их было немало) настоятельно требовали от полиции, чтобы дерзкий преступник был немедленно пойман и передан в руки правосудия.

Несколько дней спустя после того, как Король сообщил начальнику полиции обнадеживающие вести, в кабинете начальника ровно в полночь затрещал звонок и чей-то тонкий голос сказал по телефону:

— Ограбление! Налет на дом. Спешите! Сообщил спиртонос... Передайте об этом Королю.

Полиция была наготове, и большой отряд, вооружен-

ный до зубов, помчался на двух автомобилях к дому судьи. Второй и третий отряды, вызванные по телефону из соседних отделений полиции, также спешили к месту ограбления.

Дом судьи был ярко освещен огнями, как будто там происходил званый ужин. Начальник полиции расставил пикеты вокруг дома и отправился в дом во главе большого отряда по широкой мраморной лестнице. На ее ступенях он заметил валявшийся футляр от колье и еще несколько футляров, в которых обыкновенно помещаются драгоценные вещи: кольца, браслеты, броши. Очевидно, преступники уже бежали, выбрасывая на ходу футляры, чтобы плотнее набить карманы драгоценностями. Начальник поспешил наверх и, пройдя ряд комнат с перевороченной мебелью и открытыми ящиками бюваров и шифоньеров, вошел в кабинет.

Судья, связанный по рукам и ногам, лежал на своем большом письменном столе, как покойник. Но он был живехонек. По крайней мере, мертвые еще никогда не отпускали таких ругательств и проклятий, какими разразился судья, увидав начальника полиции.

— Можно подумать, что вы в стачке с этими бандитами; сначала даете им возможность ограбить и безнаказанно скрыться, а потом являетесь со своими молодцами!.. — закричал он.

Начальник полиции молча выслушал оскорбительное замечание и брань судьи и быстро снял веревки, связывающие судью. И только после того, как гнев судьи несколько утих, начальник объяснил, что он явился немедленно, после того как получено было сообщение о налете.

При нападении на дом судьи повторилась картина налета на квартиру прокурора. Бандиты громили шкафы и столы, набивая карманы драгоценностями, но атаман не брал себе ничего. С помощью нескольких бандитов он связал судью, положил его на «операционный стол» и... влил несколько капель неведомой жидкости.

Судья оказался более мнительным человеком, чем про-

курор. Он очень боялся вредных последствий «эликсира сатаны».

— Если я, как и прокурор, до сих пор жив и как будто невредим, то это только доказывает, что никакой ошибки атаман не допустил, потчуя нас своим зельем. Оно безвкусно, ни кисло, ни горько. Проглотив, я не почувствовал никаких неприятных ощущений, не чувствую и теперь, — говорил судья своим знакомым несколько дней спустя после налета. — Но это ничего не доказывает. Есть яды, убивающие чрезвычайно медленно. И кто знает, может быть, через месяц-два... — Судья вздрогнул. — Этому надо положить конец! Преступник должен быть пойман и казнен во что бы то ни стало. И он будет пойман и будет казнен. Теперь у полиции собраны в руках все нити.

Полиция была на верном следу. Поймать шайку на месте преступления не удалось потому, что спиртонос, одинаково боявшийся и атамана шайки, и Короля, избрал средний путь: сообщил полиции о налете, но с таким расчетом, чтобы шайка успела скрыться, прежде чем явится полиция. И тем не менее начальник полиции считал, что атаман шайки находится в его руках. Во-первых, у начальника полиции теперь был портрет атамана шайки. Этим подарком начальник полиции был обязан предусмотрительности судьи. Судья рассудил так: если неизвестный преступник сделал нападение на прокурора, то это, вероятно, один из тех осужденных, которые пытаются мстить своим судьям. Одни из этих мстителей выбирают предметом своей мести прокурора, другие — судью, иные пытаются мстить всем судейским. И после нападения на прокурора судья имел основание ждать подобного же визита и к себе, и он принял свои меры. Правда, многие из этих мер не помогли: электрическая сигнализация по неведомым причинам отказалась действовать в момент нападения, и только потом было обнаружено, что провода кем-то перерезаны. Автоматические револьверы выстрелили, но никому не причинили вреда, разбив только вазу и прострелив картину. Зато скрытый в стене фотографический аппарат с автоматической съемкой сделал свое

дело. Приведенный в действие судьей, когда бандиты уже ломились в кабинет, аппарат заснял с десяток бандитов при свете тысячесвечовой лампы, и в том числе был заснят атаман, небольшой человек, худощавый брюнет, с очень бледным лицом и ввалившимися глазами. Портрет этот был клишированн, отпечатан в тысячах экземпляров и разослан по всем полицейским участкам и управлениям. Все газеты также поместили этот портрет. Едва ли в городе остался человек, которому бы не был теперь известен этот портрет. Теперь не только полиция и «верноподданные» Короля, но и все граждане зорко присматривались к каждому подозрительному лицу. Неизвестный бандит не мог ступить шагу без риска быть пойманным.

Но о самом главном полиция умалчивала, приберегая главный эффект для себя. После нападения на дом судьи начальник полиции не терял времени даром. Лучшие сыщики были брошены по горячим следам, и им удалось выследить, куда скрылся автомобиль атамана шайки. Следы автомобильных шин привели к небольшому, на вид жилому дому, стоявшему в четырех милях от города, на пути в Сакраменто. Так как на стук никто не отвечал, то сыщики выломали двери дома и произвели обыск, но, к удивлению, никого не нашли. Между тем не было никакого сомнения, что преступник скрылся в этом доме. У самой двери стоял брошенный автомобиль — тот самый, который видел слуга судьи во время бандитского налета.

Старый сыщик задумался и сказал:

— Дом старинный, с очень запутанным расположением комнат. Очень вероятно, что здесь есть замаскированные комнаты, в которых и прячется преступник. Но, черт возьми, даже я не в состоянии открыть этого потайного логова! В конце концов, это не так уж и важно. Если только из дома не проведен подземный ход, чего я не допускаю, то преступник долго не усидит взаперти. В доме нет никаких запасов пищи. Преступник выйдет, и мы схватим его. Установим наблюдение за домом на приличном расстоянии.

Двери были закрыты, и сыщики «ушли».

Несмотря на то что дом находился под неослабным их наблюдением, сыщикам не удалось в продолжение нескольких дней заметить ни одного человека, выходящего из дома. Нетерпение начальника полиции было так велико, что он готов был сжечь дом, чтобы только покончить с преступником, и, наверно, сделал бы это, если бы только не боялся уничтожить доказательства того, что ему удалось покончить именно с тем, с кем надо.

— Тогда разрушим дом, — подсказал помощник начальника, — или по крайней мере разберем все внутренние перегородки.

Начальник одобрил эту мысль, и на другой день с утра было решено приступить к работам.

В тот же день вечером один из дежуривших у дома рапортовал, что за время его дежурства ничего не случилось. Из дома никто не выходил. Вокруг дома ничего подозрительного замечено не было. Только в восемь часов вечера, при закате солнца, из-за дома вышел какой-то негр среднего роста и прошел мимо сыщика, направляясь к Сан-Франциско.

Этот рапорт ничем не отличался от десятка других, и на него не обратили внимания. На другой день рабочие разобрали в необитаемом доме все внутренние перегородки, причем предположения старого сыщика оправдались: внутри дома оказалась небольшая, хорошо замаскированная комната, имеющая сообщение с другими комнатами через переборку в стене. В комнате был найден запас сухарей, воды и консервов. Но птичка улетела из клетки...

Спиртонос, получивший «хорошее внушение» от Короля за то, что не донес своевременно о покушении на дом судьи, сообщил Королю новые и довольно необычайные сведения. Атаман шайки вернулся, но теперь он — негр. И все же это он, прежний атаман шайки. Спиртонос случайно видел его проходящим по улице с лысым барином. А лысый барин, увидав спиртоноса, подозвал его, спиртоноса, к себе и сказал:

— Сегодня ночью — дом губернатора.

Король протелефонировал начальнику полиции, который немедленно отправил в роскошный особняк губернато-

ра сильный отряд полиции. Хорошо укрытые полицейские разместились во всех комнатах дома.

Точно в двенадцать часов ночи бандиты подъехали на двух больших автомобилях, поставили лесенку у одного окна, быстро выдавили стекло и ввалились в комнату. Полицейские проявили большую выдержку. Только убедившись, что последний из бандитов влез в дом, полицейские, как свора спущенных собак, вдруг выскочили из своих укромных уголков и отрезали путь к отступлению. Произошла неописуемая свалка. Трещали револьверные выстрелы, звенели разбитые стекла, грохотала мебель, которую обе стороны скоро пустили в ход как орудие защиты и нападения в рукопашном бою. Обе стороны проявили большое профессиональное хладнокровие в привычной работе, и людские тела шпиговали пулями, как зайца шпигом. Как во всяком сражении, были герои, павшие смертью храбрых, были трусы, бежавшие с поля сражения, были пленные. А так как численный перевес был за полицией и победа осталась за нею, то роль пленных выпала на долю оставшихся в живых бандитов.

Атаман шайки, негр, первый прыгнувший через окно в комнату, успел пробежать в кабинет губернатора, прежде чем выжидавшие полицейские появились на сцене, и между атаманом и губернатором, который оказался мужчиной недюжинного десятка, завязалась отчаянная борьба. Конец этой борьбы положил появившийся из-за портьеры начальник полиции. Ему очень хотелось поймать атамана шайки живым. Однако, когда начальник увидел перед глазами дуло револьвера, то поспешил разрядить свой кольт, направив его в голову атамана. Два выстрела прозвучали одновременно, однако губернатор успел ударить по руке атамана, и выстрел его револьвера не причинил начальнику вреда. А пуля начальника пронзила навылет череп атамана с такой легкостью, как будто это был арбуз.

Начальник полиции и губернатор нагнулись над убитым.

— Как жалко, что человека можно убить только один раз! — прочувствованно сказал губернатор. И, осмотрев лицо убитого, прибавил: — Негр!

Утверждение спиртоноса о том, что атаман был один и

тот же человек, но принимавший разные внешние образы, было отвергнуто как противное здравому смыслу. Правда, некоторые из арестованных также утверждали, что атаман являлся на новое дело в новом виде, — то худой, то толстый, то бледный, то загоревший, но их словам вообще мало верили. Возможно, что все они были в заговоре, заметали следы. Так или иначе, после разгрома шайки и убийства бандита необычайные нападения на крупных чиновников прекратились, равно как и «отравления» неизвестным «ядом», который по-прежнему не проявлял себя. Личность убитого бандита, несмотря на все усилия, установить не удалось. В деле осталось много невыясненного. Публика осуждала действия начальника полиции, который не сумел захватить зверя живым и тем лишил толпу удовольствия наслаждаться судом и казнью преступника.

Общество осталось разочарованным и неудовлетворенным, как будто последний, самый интересный акт, раскрывающий тайные интриги, не состоялся «по не зависящим от дирекции театра обстоятельствам».

Дни идут за днями, каждый день несет что-нибудь новое, заставляя забыть то, что волновало людей еще только вчера. Забыт Тонио Престо, забыты бандитские нападения и безвредные отравления судьи и прокурора. Жизнь течет своим чередом. На смену неоконченного фильма «Любовь и смерть» мистер Питч ставит новый фильм «Торжество любви», с Лоренцо Марром и Геддой Люкс в главных ролях. Мистер Питч деятельно готовится к новой постановке. В его кабинете с утра совещаются главные персонажи, режиссеры, операторы, архитекторы.

Мисс Люкс только что приехала. Она вошла в кабинет, прошла к столу мистера Питча и, протягивая ему руку через стол, сказала:

— Здравствуйте, мистер. Вы все полнеете!

— Чертовски полнею, — ответил мистер Питч.

С ним действительно творилось что-то необычайное. Каждый день он прибавлял в весе несколько фунтов и теперь выглядел настоящим ожиревшим боровом.

— А вы, кажется, перещеголяли моду? — спросил Питч,

оглядывая короткую юбку мисс Люкс. А юбка была действительно слишком коротка, — не прикрывала колен пальца на четыре. Гедда смущенно посмотрела на свою юбку.

— Я не укорачивала ее, — ответила она. — Я сама не понимаю, что случилось с моими платьями. Они как будто сели, укоротились.

— Да, или вы выросли, — шутя сказал Питч. — А вы, Лоренцо, худеете не по дням, а по часам!

Лоренцо тяжело вздохнул и развел руками. Он выглядел очень плохо, похудел так, что костюм висел на нем мешком. Красавец Марр даже как будто меньше стал ростом, брюки его удлинились и ложились буфами на ботинки.

— Я уже обращался к врачу. Прописал усиленное питание.

— Да, у вас щеки провалились. Если так пойдет дальше, вы не в состоянии будете сниматься. Никакой грим не поможет! Вам придется взять отпуск и полечиться.

Поговорив еще о делах и ролях, они отправились в ателье.

Оператор Гофман хлопотал около аппарата. Он попросил Люкс стать у отмеченной черты на полу, посмотрел в визирку и заявил:

— Вы режетесь!

Люкс посмотрела на аппарат и на пол вокруг себя. Этого не могло быть. Она стояла почти в центре фокуса.

— Ваша голова не видна в таком крупном плане. Вы выросли, мисс Люкс!

В ателье послышался смех.

— Я не шучу, — ответил Гофман. — В пятницу я снимал вас на этом самом месте; вот черта, аппарат стоит неподвижно. Тогда вы входили в кадр, а теперь режетесь вверху почти до половины лба.

Люкс побледнела. Она с испугом посмотрела на свою короткую юбку. Неужели она, Гедда, начала расти? Но ведь это немыслимо! Она не девочка. И тем не менее не только юбка, но и укоротившиеся рукава говорили о том, что она вырастает из своего платья, как подросток.

Наметанный глаз Гофмана сделал еще одно открытие. Гофман заявил, что Лоренцо не только похудел, но что он

стал меньше сантиметра на три. Это уже было совершенно невероятным, и тем не менее Гофман доказал, что это так

Все с недоумением переглянулись. Артисты на вторые роли, бывшие на ужине у Престо, осмелились заявить, что с ними также происходит что-то непонятное. Одни из них пополнели с такою же быстротою, как и мистер Питч, другие худели, иные начинали расти, другие уменьшаться. Всех «пострадавших» охватил панический ужас. Люкс упала в обморок. Лоренцо хныкал, сидя на кресле с резными ручками

Срочно был вызван врач, и все стали в очередь — по рангу: впереди Питч (он даже Гедде не уступил свою очередь), за ним Гедда, приведенная в чувство, Лоренцо, за ним прочие артисты.

Врач внимательно осмотрел своих пациентов, но не нашел никаких органических заболеваний. Он неопределенно кивал головой и разводил руками. Все органы здоровы. Как будто все в порядке.

Только у мистера Питча доктор нашел ожирение сердца, что неизбежно при такой полноте.

— Надо лечиться от ожирения. Диета, гимнастика, прогулки...

— Пробовал. Не помогает, — безнадежно отвечал Питч. — Уж не отравил ли меня чем-нибудь на ужине Престо? — Доктор протестующе махнул рукой. — Ничего нет удивительного! — продолжал Питч. — Обратите внимание — заболели полнотой или худобой все, кто был на ужине у Престо.

— Но медицине неизвестны такие яды, — ответил доктор

Мистер Питч не удовлетворился советами врача и через несколько дней созвал консилиум. Но и консилиум немногим больше утешил Питча. Ему посоветовали уехать на воды и лечь в специальную лечебницу, где лечат от ожирения.

Мистер Питч интересовался, как чувствуют себя Гедда Люкс и Лоренцо, и позвонил им. Гедда Люкс голосом, прерывающимся от слез, ответила, что она растет, растет неудержимо и не знает, чем это кончится. Она не успевает переделывать платья. В конце концов она приспособила что-то вроде тоги, которую каждый день надшивает.

— О съемках нечего и думать, — говорила она, всхлипывая. — Меня теперь только на ярмарках показывать. Вы не можете себе представить, как я изменилась!..

— Вы тоже не можете представить, как я изменился, — хрипел мистер Питч. — Я уже не могу сесть в кресло и сижу на трех стульях. Тело мое напоминает студень. Нос свисает на губы, губы — на подбородок, подбородок — на живот, живот сползает с колен. Я засыпаю во время разговора, меня душит жир.

Голоса Лоренцо мистер Питч по телефону не узнал. Лоренцо говорил таким пронзительным тонким голосом, что Питч два раза переспросил, кто говорит с ним. У Лоренцо было свое горе. Он сделался настоящим карликом. И что хуже всего — его лицо изменилось: переносица впала, кончик носа сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким.

— Я похож на жабу! — пищал Лоренцо. — Это Престо заколдовал меня.

— Я о том же говорю. Но как он мог это сделать?

— Может быть, ему помогал доктор Сорокин, у которого Престо лечился!

— Сорокин! — закричал Питч. — Помогал ли он Престо околдовывать нас, я не знаю, но Сорокин может помочь нам! И никто, кроме Сорокина. Я сейчас же позвоню ему по телефону. Едем к нему.

Глава 12

Странный кортеж приближался к лечебнице доктора Сорокина. Целая вереница автомобилей ввозила необычайных уродцев, как будто переезжал бродячий цирк. Мистер Питч едва вмещал свое разбухшее шарообразное тело в кузове огромного автомобиля. Мисс Люкс была видна за милю, как жираф с высоко вытянутой шеей. Зато Лоренцо, потерявшего все свое великолепие, совсем не было видно. Он сделался так мал, что голова его не поднималась над краем открытого автомобиля. В одном автомобиле ехало страшное чудовище — подававший виды молодой актер с признаками акромегалии.

Новые пациенты были быстро размещены в домиках.

Как и всюду, мистер Питч был первым на приеме Сорокина. Врач сообщил мистеру Питчу очень интересную новость. Накануне злополучного вечера кто-то похитил из его лаборатории банки, в которых хранились вытяжки из различных желез. Эти вытяжки, подмешанные в вино, и могли произвести все метаморфозы с участниками ужина. Теперь ни мистер Питч, ни доктор Сорокин не сомневались в том, что все злоключения мистера Питча и его киноартистов — дело рук Престо, который, очевидно, хотел отомстить таким своеобразным способом тем, кто легкомысленно отвернулся от него.

— Но есть надежда на излечение? — спросил мистер Питч.

— Полная, — уверенно ответил Сорокин. — Довольно будет воздействовать на ваш мозговой придаток, как вы быстро станете сбавлять в весе.

И доктор оказался прав. В три недели Питч потерял треть своего веса, причем Сорокин заявил, что «до жира мы еще не добрались, а спустили только воду».

Вообще с мистером Питчем было меньше всего хлопот. Болезнь его легко поддавалась лечению. Более сложною была болезнь Лоренцо и Гедды Люкс. Доктор Сорокин измерил их рост и в удивлении опустил сантиметр на землю. Лоренцо был ростом всего в сто двенадцать сантиметров. Это еще не так удивительно. Но Гедда! Сорокин, не доверяя себе и глазам, измерил ее дважды. Ошибки не было. Люкс имела рост двести восемьдесят семь сантиметров.

Она могла бы свободно сесть верхом на слона или верблюда, не прибегая ни к каким подставкам.

— Это изумительно! — воскликнул Сорокин. — Совершенно небывалый в практике случай. Наибольший рост, известный науке, — двести пятьдесят пять сантиметров. Правда, русский великан Махнов, говорят, был еще выше и достигал двухсот восьмидесяти пяти сантиметров. Но цифра эта считалась явно преувеличенной. А вы, мисс, имеете рост выше, чем у мифического великана Махнова.

И, задрав голову вверх так, что у него упала бы шляпа с головы, если бы она была надета, Сорокин продолжал, об-

ращаясь к голове мисс Люкс, раскачивающейся где-то вверху, как на телеграфном столбе:

— Не правда ли, мисс, высокий рост имеет свои преимущества? Для вас открываются новые, обширные горизонты.

— Увы, очень печальные! — услышал Сорокин голос с неба.

— Но почему же? В толпе вам никто не будет мешать видеть, что делается вокруг. Вы нигде не затеряетесь. Вас очень удобно встречать на вокзале...

— Я буду счастлива только тогда, когда мне вернут мой рост.

— Постараемся, — успокоил ее Сорокин.

Похудевший мистер Питч уговаривал Лоренцо и Люкс остаться такими, какими их сделали «яды», влитые Престо в вино.

— Вы будете производить фурор не меньше, чем производил старый Престо. — Питч сулил им миллионы, и Лоренцо уже начал колебаться. Но, посмотрев на Люкс, отказался от заманчивого предложения.

Прошло еще две недели, и все начали понемногу приходить в свой прежний вид. Гедда Люкс уменьшилась в росте, малыш Лоренцо заметно подрастал, а Питч уже почти дошел до своей обычной полноты. Все поговаривали уже о скором отъезде.

За несколько дней до выписки в лечебницу прибыли новые больные: судья, прокурор и губернатор. Но в каком виде! Прокурор сделался малышом наподобие Лоренцо, судья растолстел, как мистер Питч, а губернатор выглядел настоящим негром. А быть негром в Америке совсем не весело, в особенности губернатору. Он перенес кучу всяких неприятностей, прежде чем добрался до Сорокина.

Губернатору пришлось познакомиться со всеми прелестями джимкроуизма[1].

[1] Джимкроуизм — существовавшая с конца XIX в. система дискриминационных мероприятий и ограничений в отношении негритянского населения США. Например, запрещалось посещать театры, библиотеки, рестораны и т.п.

Возмущенные дерзостью «негра», пассажиры едва не выбросили губернатора в окно, когда он явился в вагон-ресторан. На вокзале также произошел ряд столкновений.

Губернатор ужасно боялся того, как бы ему не остаться негром на всю жизнь. Он не отпускал от себя двух преданных слуг, на глазах которых он постепенно превращался в негра, и во всех столкновениях и недоразумениях они свидетельствовали, что губернатор не негр. Да, Престо сделал большую неприятность губернатору, заставив его побыть в шкуре негра! Губернатор заставлял мыть себя, опрокидывать целые бочки воды и горы мыла, но кожа его не белела. Приглашенный врач нашел, что кожа губернатора не окрашена сверху, а имеет темную пигментную окраску, как у негров.

— Может быть, ваши предки?.. — высказал доктор предположение.

Губернатор едва не убил его.

Метаморфоза с губернатором, судьей и прокурором произошла несколько недель спустя после того, как неизвестный бандит напал на них и, связав, влил в рот какой-то жидкости. Так как смерти после этого не последовало и в дальнейшем никаких признаков отравления они не испытывали, то потерпевшие начали уже успокаиваться и уверять себя, что все обойдется благополучно. Однако они были обмануты в своих надеждах: скоро один из них стал полнеть, другой уменьшаться в росте, и третий превратился в негра.

— Но почему в негра? Как это могло произойти? — с недоумением спрашивал губернатор. — Ведь бандит дома не вливал мне яду в рот.

— Он мог подкупить слугу, и слуга влил жидкость в питье, — отвечал Сорокин. — Это все работа гипофиза — мозгового придатка. Гипофиз выделяет особое вещество, обладающее любопытным свойством. Ничтожное количество этого вещества, впрыснутое в кровь, вызывает расширение клеток, содержащих красящее вещество. Ученые уже несколько лет тому назад делали такой опыт: впрыскивали вытяжку в кровь светлокожей лягушке — и кожа лягушки очень быстро темнела. Лягушка становилась «негром».

Губернатор сделал гримасу; ему не понравилась эта шутка.

— Гипофиз оказывает действие и на цвет кожи человека, — продолжал Сорокин.

— А лечение?

— Воздействие на тот же гипофиз.

— Так воздействуйте на него! — вскричал губернатор с таким жаром, как будто гипофиз был его смертельным врагом.

И Сорокин воздействовал. Все больные были на пути к полному выздоровлению. Мисс Люкс уменьшилась до своего нормального роста и вернула былую красоту. Подрос и Лоренцо. Но он был огорчен тем, что нос его стал как будто несколько толще прежнего. Он опасался, что ему не удастся досняться в начатом фильме и что вообще публика не признает его. Однако скоро исчез и этот недостаток. К Лоренцо вернулся его прежний нос. Все больные решили выписаться в один день. Сорокин одобрял это решение. Он мог проверять результаты лечения взаимным сравнением; к тому же излечившимся не мешало пробыть несколько контрольных дней для того, чтобы проверить стойкость достигнутых результатов.

Наконец настал и этот желанный день. Все исцеленные из группы пострадавших от Престо собрались в курзале. Несмотря на то что Сорокин был косвенно виноват в их злоключениях, больные очень горячо благодарили его за успешное лечение. Особенно прочувствованную речь сказал губернатор, который был бесконечно рад своему превращению из негра в белого человека, губернатора и капиталиста. Но окончание речи губернатора было несколько неожиданным.

— Мы никогда не забудем услуги, оказанной вами. Ваши знания, ваш талант вернули нас к жизни. Мы, — губернатор посмотрел на судью и прокурора, — не будем возбуждать преследования за тот вред, который причинил нам всем ваш гипофиз, ваши вытяжки, ваши опыты, ваши лягушки, светлокожие и темнокожие. Я взял на себя уладить ваше дело. Вам придется всего только покинуть нашу страну в возможно короткий срок. Сорок восемь часов — больше я не могу вам дать на сборы и на отъезд.

— О, благодарю вас! — ответил Сорокин. — Мне вполне достаточно двенадцати, чтобы покинуть вашу гостеприимную страну...

* * *

На палубе океанского парохода, отходившего из Нью-Йорка в Европу (Нью-Йорк—Лондон), сидел доктор Сорокин и без сожаления смотрел на уходящий берег

Рядом с доктором сидел молодой человек в клетчатом пальто Этого человека Сорокин заметил еще в вагоне, когда он пересекал континент с запада на восток

— В Европу изволите ехать? — спросил молодой человек и, не ожидая ответа, повторил — В Европу?

— Вы меня знаете? — удивился Сорокин

— Да, я один из ваших пациентов

— Пострадавших от Тонио Престо? Но я не помню вас Счастье Престо, что он убит! Губернатор так зол на него за свое превращение в негра, что, попадись Престо ему в руки, губернатор сжег бы его на медленном электрическом огне!

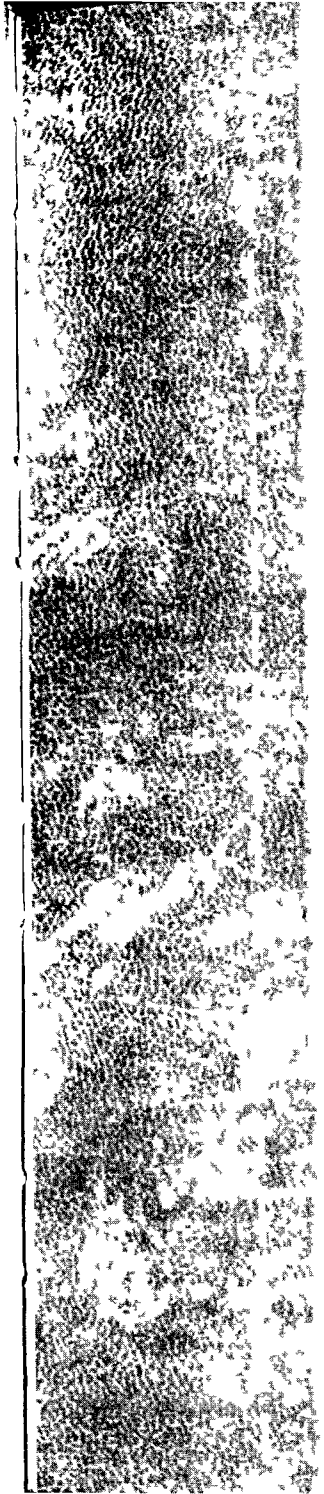
— Да, счастье мое, — ответил молодой человек — Счастье мое, что я не на берегу Америки Позвольте мне пожать вашу руку и извиниться за похищение ваших чудодейственных склянок и за неприятности, доставленные вам по моей вине Я — Тонио Престо Я принял самую гомеопатическую дозу вашего лекарства и, как видите, несколько изменил свою внешность.

— Но ведь вы ведь Тонио Престо убит в виде негра?

— Увы, бедный негр убит в самом настоящем своем виде В то время я действительно «переделал» себя в негра при помощи ваших лекарств, но в моей гм. шайке было два негра· поддельный — это был я, и был настоящий Настоящего убили, я остался жив и очень успешно, как видите, превратился опять в белого Я хорошо запомнил назначение склянок, — помните, вы объясняли мне? — и вот . Воздух Америки мне вреден, а их всех я, кажется, недурно проучил!

И Тонио засмеялся так заразительно весело, как никогда не смеялся уродец Престо

1929

Продавец воздуха

Глава 1

ОКАЯННЫЙ КРАЙ

«Окаянный край!» — так писатель В. Г. Короленко назвал Туруханский край. Но название это вполне приложимо и к Якутии. Печальная тощая растительность: в местах, защищенных от ветра, — хилые кедры, тополь да корявые березки; дальше к северу — как будто скрюченный болезнью кустарник, ползучая береза, стелющаяся по земле ольха, вереск; еще дальше — болота и мхи. Когда глядишь на эти хилые, пришибленные деревья и кустарники, бессильно льнущие к земле, кажется, будто несчастные растения хотят уйти в глубину, скрыться от леденящих ветров, не видеть этого «окаянного края», куда закинула их злая судьба. И если бы их воля, они вытащили бы из мерзлой земли свои корявые корни и поползли бы туда, на юг, где благодетельное солнце, тепло и ласковый ветер... Но деревья принуждены умирать там, где они родились; все, что они могут сделать, — это пригнуться ниже под ударами ветра судьбы и ждать своей участи.

Не таков человек: он сам выбирает свой путь и свою участь, оставляет солнце, тепло и уют и идет, влекомый стремлением к борьбе, в неведомые, негостеприимные страны, чтобы победить природу или сложить свои кости рядом с хилой, корявой березой на холодной земле...

Эти несколько мрачные мысли невольно приходили мне в голову, когда я пробирался со своим проводником и помощником, якутом Николой, вдоль берега реки Яны. База нашей экспедиции находилась в «столице» Якутии Верхоянске — маленьком городке с населением, которое могло бы вместиться в одном московском доме средней величины.

По внешности Верхоянск остался тем же, чем он был много лет назад: несколько десятков деревянных домов, большею частью без кровель, и столько же юрт, разбросанных без всякого порядка по обоим берегам Яны, в низменной болотистой местности, усеянной большими озерами. Почти перед каждым домом имеется «собственное» озеро, но вода в нем мутная, пить ее нельзя, и жители принуждены запасаться льдом на круглый год. Только вывески советских правительственных учреждений, магазинов Якторга и кооператива напоминают при первом ознакомлении с городом о современности.

Все мои сложные и дорогие инструменты: барографы Рищара, микробарографы, анемометры и барометры[1] — я оставил в Верхоянске. Со мною были только небольшой барометр, термометр и довольно примитивный флюгер, доставляющий немалое удовольствие Николе. Для него это была такая же занятная игрушка, как детская ветряная мельница.

Наша экспедиция, во главе которой я стоял, была организована для изучения метеорологических условий полюса холода, находящегося в окрестностях Верхоянска, главным же образом для выяснения причин изменения в направлениях ветров.

Дело в том, что с некоторого времени метеорологами было установлено странное явление: пассаты и муссоны[2] начали изменять свое обычное направление. В экваториальной зоне ветры, дующие обычно от востока и к экватору, начали отклоняться на север, и чем далее к северу, тем это отклонение замечалось сильнее. Синоптические карты[3] обнаружили, что в области Верхоянска образовался какой-то

[1]Барограф — самопишущий барометр, прибор, записывающий последовательные изменения в давлении атмосферы. Анемометр (ветромер) — прибор для измерения скорости и направления ветра.

[2]Пассаты и муссоны — ветры постоянного направления.

[3]Синоптические карты — карты, на которых отмечается (несколько раз в сутки) состояние погоды в различных местностях в определенное время.

центр, куда и направляются ветры, как лучи, собираемые в огромный фокус. Это повлекло за собою (правда, еще малозаметное) изменение средней температуры: на экваторе она несколько понизилась, на севере повысилась. Такое явление вполне понятно, если иметь в виду, что холодные ветры с Южного полюса начали направляться к экватору, а экваториальные теплые — на север. Замечались и другие странные явления, пока обнаруженные лишь точными физическими инструментами да некоторыми инженерами, наблюдавшими за работой пневматических машин. Эти наблюдения говорили о том, что атмосферное давление несколько понижено. О том же говорили и наблюдения над ослаблением силы звука, в особенности на высотах (летчики жаловались на перебои мотора уже на высоте двух тысяч метров).

Люди и животные, по-видимому, еще ничего опасного и вредного в этих метеорологических изменениях не чувствовали и не замечали, но ученые, бодрствовавшие за своими инструментами, были обеспокоены и, еще не волнуя общественного мнения, изыскивали меры к выяснению причин всех этих странных явлений. На мою долю выпала честь принять участие в этой работе.

И пока в Верхоянске заведующий хозяйственной частью экспедиции заканчивал последние приготовления и покупал лошадей и собак, я решил отправиться налегке, чтобы точнее определить направление нашего пути. В этих широтах ветер дул с запада на восток сильно и равномерно, так что даже с моими несложными инструментами можно было довольно точно ориентироваться. Наш путь лежал к отрогу Верхоянского хребта.

Мой спутник и проводник Никола был типичным якутом: у него были длинные тонкие руки, маленькие кривые ноги, медлительные и тяжеловатые движения. Его идеалом было ничего не делать, много есть и жиреть. Но, несмотря на этот «идеал», он был отличный, исполнительный работник и неутомимый ходок. Природа наградила его большой жизнерадостностью: без нее Никола едва ли выжил бы в «окаянном краю». Впрочем, для него этот край совсем не

был окаянным: Якутия была самым лучшим местом на земном шаре, и Никола не променял бы свои мхи и корявые березы на роскошные пальмы юга.

Он или курил деревянную трубочку, или мурлыкал песни о солнце, не заходящем на небе, о реке, о камне, о пролетевшей птице, о всем, что видит. А его черные глаза с немного скошенными веками видели многое, ускользавшее от моего внимания, несмотря на то что Никола, как я убедился, не различал некоторых цветов. слишком бедны были краски его родины, и он видел мир почти таким же серым, как мы его видим в кино.

— Сильно хоросо лето, — говорил он, сплевывая желтую от табака слюну. — Сильно тепло.

Он был прав: для Якутии стояло необычайно теплое лето. Даже ночью (при незаходящем солнце) температура не опускалась ниже нуля, а днем поднималась до 30° С, иногда и выше.

Мы переправились через реку и начали взбираться на горный склон, поросший тальником, лиственницей и кустарниковой березой. Несмотря на очень теплую погоду, нам время от времени случалось переходить наледи, или «тарыны», — целые островки еще не растаявшего льда. Огромные трещины — работа лютого холода — покрывали землю густою сетью, похожею на сеть морщин, украшавших лицо Николы.

Стояла «красная ночь»: багровое солнце медленно катилось на севере, окрашивая в красный цвет вершины холмов, покрытые снегом.

Мы благополучно перебрались через горный ручей, и я уже начал осматриваться кругом, выбирая стоянку для ночлега, как вдруг Никола остановился, вынул трубку, сплюнул и спокойно сказал:

— Крисит.

— Кто кричит?

— Селовек крисит.

Я прислушался. Ни единого звука не долетало до меня.

— Я не слышу, — сказал я.

— Далесе крисит! — И Никола махнул рукой в сторону. — Беда с ним, однако.

— Если беда, так пойдем на помощь. Может быть, на охотника напал зверь...

— Как хоцес. Пойдем. Не надо ходить на зверя, когда стрелить не умеесь. Стрелить не умеесь — ворона обидит, — нравоучительно говорил Никола, быстро взбираясь на гору.

Я едва поспевал за ним.

Мы прошли не менее километра, когда, наконец, и я услыхал заглушенный крик человека. Острота слуха Николы была изумительна! Крик прекратился, и вдруг я услышал два глухих выстрела.

— Сильно дурак. Снасяла крисит, а потом стрелит. Надо снасяла стрелить, — продолжал ворчать Никола.

Мы взобрались на вершину и увидали заболоченную горную поляну. В каменистый берег упиралась топь, поросшая мхом. В нескольких метрах от берега я увидал человеческую фигуру, наполовину засосанную тиной.

Человек также, по-видимому, увидал нас и начал размахивать руками. Прыгая с камня на камень, мы поспешили ему на помощь. Я протянул утопавшему конец ружейного ствола, человек уцепился за ствол правой рукой — в левой он держал какой-то предмет, который казался мне похожим на вымазанный в грязи цилиндрический бидон для керосина.

— Бросай кусын! — крикнул Никола человеку. Но утопавший, по-видимому, ни за что не хотел расстаться с бидоном. Он кряхтел, раскачивался, напрягал правую руку, но продолжал держать в левой свой сосуд.

— Бросай на берег! — крикнул я.

Этого совета человек послушался Он размахнулся, бросил бидон на берег, ухватился обеими руками за ствол ружья и начал вылезать из тины.

Не без труда удалось нам извлечь на берег неизвестного человека. Вид его поразил меня. Его довольно полное бритое лицо было совершенно европейского типа. На нем был измазанный грязью, но хороший костюм альпийского туриста, на голове — серое кепи.

Выйдя на берег, он прежде всего схватил бидон, которым, по-видимому, очень дорожил, потом протянул мне руку и сказал на ломаном русском языке:

— Очень благодарю вас. В этих местах я не надеялся на помощь. Ви услыхали мой выстрелы?

— Да, выстрелы, и вот он, Никола, еще раньше услыхал ваш крик.

Неизвестный одобрительно кивнул головой в сторону Николы.

— Револьвер пропал, но это пустяк, — продолжал неизвестный. — Хорош якут. Ви удивлены? Я чшлен экспедиции изучений Арктики Английски королевски географически общества. Ви тоже наушный работник?

— Да, я от Академии наук СССР... Не хотите ли посушить вашу одежду? — спросил я, продолжая внимательно осматривать его.

То, что я принял за бидон, оказалось чем-то иным, но я не знал, что это такое. Цилиндр, отсвечивавший сквозь грязь ртутью, заканчивался вверху узким горлышком и, судя по натяжению руки, державшей его, был довольно тяжелым.

— Осушиться? Нет, благодарю вас. Мне не надо. Благодарю вас.

Кивнув головой, он неожиданно повернулся и начал быстро подниматься вверх по склону.

Я с недоумением смотрел ему вслед. Человек, только что спасенный от смерти, мог бы проявить больше внимания к нам. И откуда он появился здесь? Мне не приходилось слышать об экспедиции, отправленной сюда из Англии. И этот странный бидон...

— Сильно дурак. Ливольвел бросил, кусын спасал, — высказал Никола свое мнение о неизвестном.

Потом он задумался, неодобрительно мотнул головой и начал собирать сучья для костра. Мы сами вымокли, спасая англичанина.

— Эй! Эй! — вдруг услышал я голос неизвестного Он стоял на большом поросшем мхом камне и махал рукою. — Услуга за услугу! — крикнул англичанин. — Не ходите туда, — он протянул руку по направлению ветра, — там смерть! — И, кивнув головой, он спрыгнул с камня и скрылся.

«Что за странное предупреждение! — думал я. — Не ходить в ту сторону, куда дует ветер?» Но именно туда мне и нужно было идти. Я должен был исследовать тот «фокус» — куда направлялись ветры со всех сторон земного шара.

Глава 2

«МЕРТВЫЙ КАЮК»

Как только мы остановились, туча комаров облепила нас. Но, очевидно, это был пустяк по сравнению с тем, что здесь обычно бывает летом.

— Однако, сильно мало комаров, — сказал Никола. — Ветром сдувает.

— Куда уж больше! — проворчал я.

— Надо сильно больсе. Солнце не видно, гор не видно. Вот сколько комара надо, — ответил Никола, разжигая костер и устанавливая походный чайник на треножнике из сучьев.

Пока вода вскипела, Никола раскурил трубку, растянулся на земле и погрузился в думы. Против обыкновения, он не пел и не говорил. Молчание продолжалось довольно долго. Потом Никола, выпустив густую струю дыма, сказал:

— Однако плохо. Сильно плохо. — Никола, видимо, был чем-то озабочен.

— Что плохо, Никола? — спросил я его.

— Этот человек... Сильно нехоросо. Пусть бы он тонул. Три раза лето и три раза зима — я видел такой человек.

— Ты знаешь его? — с удивлением спросил я Николу.

— Не его. Похож на него. Там!.. — и Никола показал рукой на север.

— Не говори загадками, Никола, — нетерпеливо сказал я. — В чем дело?

И Никола рассказал мне на своем бедном словами, но богатом образами и меткими выражениями языке удивительную историю.

Это было три года назад. Никола со своим отцом и братом рыбачили в Селлахской губе[1]. Был конец лета. Ветер дул еще с берега, но ледяные глыбы, все в большем количестве появлявшиеся в Северном Полярном море, говорили о близком наступлении зимы. Никола советовал вернуться скорее домой, но лов был хороший, и отец Николы, старый опытный рыбак, не торопился. Он уверял, что вместе с морозами подует северный ветер, который быстро принесет их к берегу.

Однако умиравшее лето не хотело уступить зиме без боя. Южный ветер все усиливался и перешел в шторм. Рыбаков относило к острову Макара. Небольшой парус сорвало, рулевое весло сломалось о ледяную глыбу. Седые волны трепали маленький каюк, как щепку. Но привыкшие к опасностям своего промысла, рыбаки не теряли присутствия духа. Льдины им давали пресную воду, а рыбы было в изобилии. Им приходилось страдать только от холода, но недаром они выросли в самом холодном месте земного шара. Их организм стойко сопротивлялся. Полузамерзшие, оледенелые, они подбадривали друг друга шутками.

На третий день их странствования случилось несчастье: их каюк попал между ледяными глыбами, которые смяли его, как яичную скорлупу. Рыбаки едва успели выбраться на льдину и продолжали на ней путешествие.

Предсказание отца Николы, хоть и с опозданием, исполнилось: береговой ветер утих, и скоро потянуло ровным ледяным дыханием с севера. Льдина направилась к берегу, но до него было далеко. А голод начинал не на шутку беспокоить потерпевших крушение. Рыба погибла вместе с каюком. Ловить руками было не так-то легко. Рыбаки начали слабеть от голода. Море, взбаламученное переменой ветра, кипело. Ледяные брызги окатывали путников с ног до головы. Иногда волны перекатывались через них.

[1] Селлахская губа — залив Северного Полярного моря восточнее устья Яны (Якутия). Название губа получила от речки Селлах, одной из многих тундровых речек, впадающих в губу На реке Селлах и в заливе богатые рыбные промыслы.

— Сильно плохо было, помирать надо, — пояснил мне Никола.

Однажды ночью — хотя солнце в это время уже заходило за горизонт, но ночи были очень светлые — рыбаки увидали «сильно большой каюк», который шел прямо на них, сверкая огнями.

Это был пароход, но такой огромный, какого Никола никогда не видал в своей жизни. Рыбаки закричали и замахали руками. Пароход приближался, но людей на нем не было видно. Однако, судя по тому, что он направлялся прямо к льдине, рыбаки решили, что их заметили на пароходе. «Почему только он не кричит?» — думал Никола. Чем ближе подходил пароход, тем он казался больше. «Мне надо было смотреть вот так», — объяснил Никола, поднимая лицо к небу.

Радость рыбаков скоро сменилась ужасом. Нос огромного парохода уже был в нескольких метрах от них, а на палубе его не было видно ни одного человека... Еще минута, и киль парохода врезался в льдину и разбил ее пополам. Раздался страшный треск, ледяная вода залила Николу, — он почувствовал, что льдина ушла из-под его ног. Когда Никола вынырнул, отца и брата не было. Они оказались на той половине льдины, которая пошла мимо левого борта, а Никола оказался справа от парохода... С тех пор Никола никогда больше не видал ни отца, ни брата и не знает, что с ними.

Никола барахтался в воде, а железная стена пароходного корпуса проплывала мимо него. Сомнений не было: команда парохода не заметила их... Никола был обречен на гибель, если сам не позаботится о себе. Давлением воды Николу относило от парохода, но он был хороший пловец и, делая невероятные усилия, держался вблизи. Мимо Николы проплывали освещенные иллюминаторы. Никола кричал, но никто не показывался в иллюминаторе.

Вдруг Никола увидел конец троса, спущенного с палубы. Рискуя вырвать руки из плеч, Никола бросился к нему, но волной Николу отнесло в сторону, и он проплыл мимо троса, когда тот находился всего на расстоянии полуметра

от руки. Никола приходил в отчаяние. Но ему не суждено было умереть. Скоро он увидел болтающийся над самой водой трап, спущенный с палубы. Вскочив на обломок льдины, Никола подпрыгнул, протянув руки к трапу. Льдина перевернулась под ним, но Никола уже держался за трап. Он был спасен. Быстро поднялся Никола по трапу и взошел на палубу корабля, ожидая встретить удивленные лица матросов.

Но удивляться пришлось не матросам, а самому Николе: палуба была пуста. Ни одного человека! Мертвый корабль! Только снизу глухо доносился гул мощной машины...

Никола никогда не слыхал легенды о «Летучем Голландце», но бедного якута обуял такой ужас, как если бы он попал на этот легендарный корабль.

Ужас был так велик, что в первую минуту Никола подумал, не прыгнуть ли за борт. Но, посмотрев на бушующий океан, он одумался.

«Может быть, люди боятся холода и находятся в каютах», — решил он и начал осмотр парохода, пробираясь по трапам и коридорам осторожно, как вор. Каюты были пусты, не исключая капитанской; рубка, кубрик и камбуз также.

Никола переходил от ужаса к недоумению. Если все здесь умерли, то должны были остаться хоть трупы тех, кто пережил других. Если все бежали с корабля, то он не может идти. А если он идет, то машинист, кочегары и рулевой должны быть на месте.

Никола сошел в котельную, но и там никого не было. В машинном отделении также никого. Как будто пароход шел, управляемый невидимой рукой мертвеца. Никола почувствовал, что у него поднимаются от ужаса волосы. Не помня себя от страха, он взошел на палубу и пробрался к штурвалу. Никого! Гонимый ужасом, Никола побежал на нос корабля. И здесь он впервые увидел человека, стоявшего на самом носу с опущенной головой.

— Эй! Это я!.. Кто ты?.. — крикнул Никола хриплым голосом.

Человек стоял неподвижно. Это было страшно, как все

на пароходе, но Никола чувствовал такую потребность видеть возле себя хоть одно живое существо, что, пересилив страх, подошел к человеку, стоявшему на носу, и заглянул ему в лицо. Это был мертвец! Никола только теперь увидел, что мертвец был привязан тонким линем к фальшборту...

По описанию Николы, этот мертвец был очень похож на англичанина, которого мы вытащили из болота: такой же бритый и так же одетый. Теперь мне было понятно мрачное настроение Николы: встреча с нашим англичанином напомнила Николе о самом трагическом происшествии в его жизни.

— Ну и что же было дальше, когда ты увидел мертвеца?

— Я завыл, как волк, — ответил Никола.

И он продолжал свой рассказ. Страшней «мертвого парохода» Никола не встречал ничего во всю свою жизнь. Но на пароходе было по крайней мере тепло и сухо. Голод превозмог ужас, и Никола отправился на поиски съестного. Он нашел несколько бочек пресной воды, но с провиантом дело обстояло хуже. Николе удалось разыскать только мешок сухарей, завалившийся за пустые ящики. Однако для невзыскательного якута и это было хорошей находкой.

«Мертвецы, значит, пьют воду, но мало едят», — решил Никола и не без страха засунул первый сухарь в рот. Он боялся, что из-за его спины вдруг протянется мертвая рука и мертвец крикнет: «Отдай мои сухари!»

Но мертвецы оказались покладистым народом и не помешали Николе съесть сразу десяток сухарей и запить их двумя ковшами воды.

Когда Никола поел и обсушился, то почувствовал себя совсем неплохо. Он выбрал себе удобную каюту и, на всякий случай похвалив мертвецов за их доброту, улегся, не раздеваясь, на мягкую койку. Последней его мыслью была та, что пароход, очевидно, прислан специально для него каким-то духом-покровителем. Жалко, что погибли брат и отец, но одному судьба жить, а другому умереть!..

Никола крепко уснул и проспал очень долго. Его разбудили скрежет, треск и покачивания парохода. Открыв глаза,

Никола долго не мог понять, что с ним и где он Вспомнив, что он находится на «мертвом каюке», он вскочил. С каюком, по-видимому, творилось что-то неладное: как будто ожили мертвецы и пляшут, гремя костями. Николе опять стало страшно. Он поднялся на палубу. Резкий, сильный ледяной ветер едва не сбил его с ног. Пароход качало. Никола посмотрел вперед и обмер от ужаса. С громом и скрежетом вокруг судна плясали, сталкивались и ломались большие ледяные глыбы Но не это испугало Николу. Подхваченный сильным течением, пароход бешено летел между двумя отвесными скалами в узком проливе и направлялся прямо на такую же отвесную каменную стену. Мертвецы играли плохую шутку, и судно, пожалуй, было подослано Николе не духом-покровителем...

Никола подбежал к мертвецу, привязанному на носу парохода, и, схватив его плечо, начал так трясти, что мог бы вытрясти из него жизнь, если бы кто-то другой не сделал этого еще раньше.

— Ты сто делаесь?! Не видись? — закричал Никола. — Верти назад!

Мертвец упал туловищем вперед, кепи его свалилось за борт. Но он не послушал Николы, и пароход продолжал нестись к скале. Никола бросился к штурвалу, но скоро понял, что рулем тут не поможешь, пролив был слишком узок. С последней надеждой Никола вбежал в капитанскую рубку и крикнул в слуховую трубку приказ в машинное отделение:

— Садни ход! — как это делал капитан парохода на Лене.

Но дух машиниста не хотел повиноваться. Машина гудела...

— Сильно дураки! — выбранил Никола своих воображаемых спутников.

Он привык к быстроте решений. Видя тщетность своих усилий предотвратить катастрофу, он сделал все, что можно было успеть, для спасения себя: быстро слетел вниз, принес мешок с сухарями, бросил в шлюпку и взобрался в нее сам, ожидая событий. И они наступили очень скоро. Пароход ударился о скалу с такой силой, что Никола вместе со шлюпкой

сразу оказался лежащим на палубе. Страшный треск столкновения был заглушен еще более ужасным ревом взорвавшихся котлов, и пароход начал тонуть. Он лег на правый борт, так что волны покатились по палубе. Никола воспользовался этим и стащил шлюпку в воду

Водовороты завертели шлюпку, льдины мешали грести. А пароход при своем погружении мог увлечь за собою и его. Это был очень опасный момент. Но Никола, поглядывая на пароход, понемногу выбивался на простор и, наконец, попал в течение, огибавшее скалу. Его шлюпка быстро понеслась вдоль каменного отвеса скалы и завернула за угол, прежде чем закружился страшный всасывающий водоворот на месте погружения парохода.

Никола был спасен. Через два дня он на шлюпке добрался до острова Макара, а оттуда уже прямо по льду — зима наступила — до берега...

Никола замолчал, окончив рассказ о своей одиссее, и начал в задумчивости оструживать палку охотничьим ножом, имевшим рукоять из мамонтовой кости, сделанную в виде длинной оленьей головы с вытянутой шеей. Никола был большой мастер резать по кости.

Я также задумался... История с «мертвым каюком» была так необычна, что казалась вымыслом. Но я знал Николу: он мог приукрасить события, но не был лжецом. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Как назывался тот пароход? — спросил я Николу. В ответ он только неопределенно чмокнул губами и отрицательно покачал головой.

— Ты видал надписи на спасательных кругах? Не вспомнишь ли ты хоть первую букву? На что она похожа?

Никола подумал и сказал:

— На эти козлы для чайника. — И он нацарапал на ладони концом ножа фигуру, довольно близко напоминающую букву А.

Неужели мое предположение верно?..

Я вспомнил, что три года назад из Англии была отправлена экспедиция, снаряженная крупным капиталистом

мистером Бэйли, на ледоколе «Арктик». Экспедиция была прекрасно оборудована всем необходимым и предполагала пройти вдоль всего берега Сибири, вплоть до Аляски. На борту парохода находилось несколько крупнейших ученых.

Однако экспедиция эта закончилась трагически. Последние передачи по радио были получены с ледокола, когда он находился недалеко от мыса Борхая. Затем несколько дней «Арктик» не подавал о себе вестей, потом появились тревожные SOS, и с тех пор всякие вести прекратились. Только на другой год рыбачьими судами были обнаружены на одном из небольших голых островов две разбитые шлюпки ледокола, а к устью Лены был прибит волнами спасательный круг «Арктика». Это, по-видимому, все, что осталось от ледокола. Отважных мореплавателей почтили должным образом, записали их имена в длинный список жертв науки, вычеркнули «Арктик» из списка судов. Этим дело и окончилось.

И вот теперь, в «окаянном краю», из уст якута мне пришлось выслушать историю, которая проливала некоторый свет на судьбу ледокола и вместе с тем окутывала эту судьбу еще большей тайной. Куда девались его пассажиры? Каким образом пароход без команды оказался идущим на всех парах в океане? И как он мог идти? Машины не могли действовать без управления. Или должен был взорваться котел, или. что вернее, котлы должны были остыть без топки и пароход остановиться.

И кто этот англичанин, спасенный нами из болота? Он сам назвал себя членом английской арктической экспедиции. Но он совсем не выглядел человеком, потерпевшим крушение несколько лет назад и долго прожившим в одном из самых глухих углов земного шара. Наконец, что значит его предупреждение? Почему смерть угрожает мне, если я пойду туда, куда дует ветер? В этом предупреждении тоже скрывается какая-то тайна. Но он не запугает меня! «Идти по ветру» — задача нашей экспедиции.

Как бы то ни было, мне необходимо быть осторожным. Благоразумие подсказывало, что мне следует вернуться в

Верхоянск и идти на исследование со всей экспедицией. И если бы я послушался этого голоса благоразумия, многое вышло бы иначе. Однако мое любопытство и неспокойный дух исследователя неудержимо влекли меня вперед. Обманывая собственную осторожность, я уверял себя, что пойду вперед еще несколько километров, чтобы посмотреть, какая опасность может подстерегать меня.

— Чай готов, — сказал Никола, снимая с огня кипевший чайник.

Глава 3

«НОЗДРЯ» АЙ-ТОЙОНА

Утомленные путешествием, мы крепко уснули, укутав головы от комаров. Когда Никола разбудил меня, незаходящее солнце передвинулось на восток. Было утро. Ветер, несколько утихавший ночью, начал опять свою работу. Он дул равномерно, без порывов, все более усиливаясь.

— Идем туда, — сказал я, указывая Николе направление по ветру.

Перед нами поднималась горная гряда.

— Опять туда? — спросил Никола, видимо несколько встревоженный. — Надо назад. Дальше я не пойду.

Этот ответ удивил меня. Никола, бесстрашный и исполнительный Никола отказывался продолжать со мною путь! Может быть, его напугали слова англичанина?

— Почему ты не пойдешь туда? — спросил я его.

— Один мой товарищ и еще один товарищ шли, и они не вернулись, — ответил Никола, нахмурясь. — Оттуда никто не возвращается. Там ноздря Ай-Тойона.

Я уже знал, что Ай-Тойон — «священный старик» — верховное божество якутов. Но мне никогда не приходилось слышать о ноздре Ай-Тойона.

— Неужели ты еще веришь бабьим сказкам о тойонах и ерах? И как ты можешь бояться, если я иду с тобою?

— Я знаю, ты сильно большой человек. Большевик ты. Но оттуда никто не возвращался.

Никола не льстил мне, называя меня «сильно большим человеком» — большевиком. (Для него все городские жители, приехавшие из больших городов России, были большевиками.) Его похвала была искренна. Якторг освободил его, как и других якутов, от эксплуатации прасолов, покупавших за бесценок пушнину и спаивавших якутов водкой; его дети учились в школе, а жена была вылечена от болезни, насланной злым духом — ером. Все это была «агитация фактами», понятными Николе. Там, где является сомнение в могуществе богов, колеблется и вера в них. И мне казалось, что Никола уже терял эту живую веру в богов и относился к ним как к поэтическому вымыслу, обобщающему те или иные явления, — так, как мы иногда говорим о «фортуне», о «карающей Немезиде», забывая о религиозном происхождении этих слов и передавая ими только известные понятия. Боги Николы явно подгнивали, но не умерли еще совершенно в его сознании. Они оживали тогда, когда он встречался с каким-нибудь непонятным и страшным явлением. Так было с ним на пароходе мертвецов, так, очевидно, было с ним и теперь. Страх заглушал голос разума и пробуждал первобытные верования в злых духов...

— Что же это такое — ноздря Ай-Тойона?

— Обыкновенная ноздря. Ай-Тойон дышит. А там, — Никола показал на гору, — его ноздря.

— Но почему же он дышит только в себя? Видишь, ветер дует все время в одну сторону? — спросил я Николу.

— Ай-Тойон сильно большой. Тысячу лет, однако, он может брать воздух в себя и тысячу лет выпускать...

Очевидно, я присутствовал при рождении новой легенды.

— Глупости все это! Идем со мной, Никола, и ты сам убедишься, что нет никакой ноздри Тойона.

Но Никола не двигался с места и отрицательно качал головой.

— Идешь?

— Сильно боюсь. Однако и ты не ходи! — сказал он.

Я колебался. Идти одному было рискованно. Слова англичанина были брошены неспроста. Меня действительно могли ожидать непредвиденные опасности. Но во мне вдруг заговорило самолюбие. Мой отказ Никола мог понять так, будто и я поверил в эту глупую ноздрю.

— Если ты отказываешься, я иду один! — решительно сказал я и направился вверх по склону горы. Ветер дул мне в спину, облегчая путь.

— Не ходи! — закричал мне Никола. — Не ходи!

Я, не оглядываясь, продолжал путь.

Скалы поднимались все выше и круче. Скоро я начал уставать и пошел медленнее. Перед крутым подъемом я остановился, чтобы перевести дух, и вдруг услышал за спиною чье-то сопенье. Я оглянулся. Передо мной стоял Никола. Он улыбался своим широким ртом, скаля кривые зубы.

— Однако ты пошел, и я пошел, — сказал он, видя мое недоумение.

— Молодец, Никола! — радостно сказал я. Мне приходилось кричать. Ветер выл и свистал так, что мы с трудом слышали друг друга. — Ты не боишься, Никола?

— Сильно боюсь, однако. Пойдем!

Мы начали карабкаться по скалам. Скоро ветер сорвал мой походный флюгер, висевший у меня за спиною. Никола бросился было за ним, но я остановил его. Ветер дул с таким постоянством, что флюгера не нужно было. Никола же рисковал сорваться в пропасть, гонимый этим сумасшедшим ветром.

— Иди сюда! Держись за меня! Пойдем вместе! — крикнул я якуту.

Мы уцепились друг за друга и, помогая один другому, продолжали путь. Нам приходилось сильно откидываться назад, и все же мы не всегда могли удержаться на ногах. Мы падали на землю и с трудом поднимались. Ветер, как тяжелые мешки с песком, давил нам на спину. Мы обливались пóтом и выбивались из сил. Я уже начал сожалеть о своем опрометчивом поступке, но возвращаться не хотелось. Мы

были недалеко от вершины, и я дал себе слово только заглянуть, что делается по ту сторону каменной гряды, и вернуться назад, не искушая больше судьбы. Это небольшое расстояние до вершины горы нам пришлось ползти по земле. Ветер, казалось, готов был раздавить нас, как слизней. Он был плотный и тяжелый. Можно было подумать, что мы находимся на большой глубине океана и сотни тонн воды давят нас своею тяжестью. Нам приходилось закрывать рот и нос, чтобы задерживать воздух, который душил нас; выдыхали же мы с большим трудом, как это бывает с больными астмой.

Я знал, что на самом гребне горы ветер будет свирепствовать еще больше. Чтобы нас не снесло в какую-нибудь пропасть, я принял меры предосторожности, высмотрел расщелину меж скал и направил наш путь туда, чтобы можно было двигаться, укрываясь за гранитными выступами.

Мы благополучно проползли по узкой расщелине, загибавшейся на середине углом, и, наконец, подползли к самому гребню. Я наклонил голову и посмотрел вниз. Открывшееся зрелище изумило меня.

Я увидал огромный отлогий кратер, подобный лунному. Но что меня особенно удивило — скат этого огромного кратера был как будто отшлифован. Ни камня, ни выступа. Совершенно гладкая, пологая воронка, а глубоко внизу, в центре ее, виднелась круглая дыра чудовищного, как мне показалось, диаметра. Неужели шлифованная воронка и геометрически правильная дыра на дне кратера естественного происхождения? Трудно было допустить это.

Крепко уцепившись за острый выступ скалы, Никола махнул рукой, что-то показывая мне, и крикнул, но я не расслышал, что он сказал, и посмотрел по направлению его руки. Я увидел в воздухе дерево, которое неслось вдоль окружности кратера, описывая огромный круг, как будто его кружил смерч. Мы стали наблюдать за деревом. Оно продолжало описывать правильные круги, вернее — двигаться по спирали: каждый круг становился у́же и проходил ниже предыдущего, причем движение дерева все ускорялось. Это был какой-то

воздушный Мальштрем!..[1] Вот дерево сделало еще несколько кругов и скрылось в черном колодце на дне кратера.

Я стоял перед новой загадкой. Было очевидно, что ветер направлялся куда-то под землю. Это было непонятно и бессмысленно, как «ноздря» Ай-Тойона.

«Но где же другая «ноздря», из которой воздух должен выходить обратно?..»

Мои размышления были прерваны новым явлением. Огромный камень, весом с добрую тонну, сорвался вдруг с вершины скалы. Но он не полетел вниз, как было бы естественно. Он пролетел в воздухе по спирали почти две трети окружности кратера, прежде чем достиг дна и скрылся в круглом колодце.

«Какова же должна быть сила ветра!» — подумал я и невольно вздрогнул, вообразив себя на месте камня.

Мы стояли перед совершенно исключительным, загадочным явлением природы, и хотя я не верил в божественную «ноздрю», все же я уже с большим уважением вспомнил мифотворчество Николы: в его вымысле была доля правды; мы открыли какую-то чудовищную «ноздрю» в коре земного шара, втягивающую воздух с поверхности земли.

«Это сообщение произведет в научном мире сенсацию!» — мелькнула тщеславная мысль. Однако теперь не время и не место предаваться таким мыслям. Надо подумать о том, как выбраться из этого воздушного водоворота. С величайшими предосторожностями освободив одну руку, я тронул Николу за плечо и кивнул ему головой, приглашая вернуться.

«Но почему не засоряется эта дыра?» — подумал я... И в этот самый момент произошло нечто такое, что сразу вымело все мысли из моей головы.

Никола слишком поспешно и неосторожно отнял обе руки, и вдруг его тело под давлением плотных масс воздуха начало быстро соскальзывать с площадки, на которой мы

[1] Мальштрем (Мальстром, Москестром) — бурное морское течение у Лофотенских островов (близ северо-западных берегов Норвегии), опасное водоворотом, яростно бушующим во время северо-западных бурь.

лежали. Я едва успел ухватить Николу за ноги, но с ужасом почувствовал, что и мое тело движется к краю обрыва. Я начал цепляться носками сапог за выбоины, чтобы задержать наше продвижение, но все было напрасно: мы медленно, неуклонно продвигались к краю пропасти. Тело Николы уже наполовину висело в воздухе. Ветер сдул мешок, висевший на его спине. Мешок еще держался на ремнях и висел горизонтально впереди головы Николы. Еще мгновение — и уже все тело Николы висело над пропастью. Вдруг я почувствовал, что Никола дергает меня ногами, как бы желая освободить их. Я не мог понять этого поступка. Никола с трудом повернул ко мне голову и крикнул:

— Брось!

Он был верный товарищ и настоящий мужчина. Видя неизбежную гибель, он хотел по крайней мере спасти меня. Я не мог принять этой жертвы и продолжал крепко держать его ноги. Тело Николы вытянулось в струну. Мешок с провизией, чайником и инструментами оторвался и помчался влево, вдоль края гигантской воронки. В ту же секунду Никола так сильно дернул ногами, что я невольно выпустил их. И Никола с бешеной скоростью помчался вслед за мешком, как бы догоняя его. Еще мгновение — и мое тело последовало за Николой...

Ужасные, незабываемые минуты! Первое ощущение, которое я вслед за тем испытал, было то, что ветер будто утих: теперь мы летели в его потоке. Вместе с тем я чувствовал необычайное уплотнение окружающей меня среды, как будто я находился на большой глубине океана. С большим трудом мог я отвести в сторону руку, желая ухватиться за край кратера. Я летел всего в каком-нибудь метре от скал. Но дышать мне было как будто немного легче.

Повернув голову, я посмотрел на Николу, летевшего впереди меня. Он, видимо, также пытался зацепиться за стену кратера. Несмотря на свое неуклюжее тело, он изгибался дугою, как червяк, протягивая свои длинные руки и раскидывая ноги. На одно мгновение ему удалось коснуться ногой каменной стены. Но это не остановило, а только не-

сколько задержало его полет. Его тело перевернулось и немного приблизилось к моему. Он опять вытянулся пластом, а я протянул руки вперед, желая ухватить его. Но если бы даже всего один сантиметр отделял нас, я не в силах был бы достать его, так как расстояние между нами оставалось неизменным. Мы были бессильны предпринять что-либо.

Мешок уже сделал полный круг и летел теперь немного ниже места нашего падения. Вслед за мешком это место пролетел Никола, а потом и я. Вблизи стена кратера не казалась уже так отшлифованной, как издали. В ней кое-где виднелись трещины, выбоины, выступы скал. Но зацепиться за них было немыслимо. Если бы даже это и удалось, рука была бы оторвана бешеным потоком, как мушиная ножка. Приходилось подчиниться своей участи и ждать, что будет.

Вероятно, Никола одновременно со мной заглянул вниз, чтобы посмотреть, что нас ожидает. Там виднелась черная круглая дыра, все увеличивавшаяся по мере того, как мы приближались к ней воздушной винтовой дорогой, летя все суживающимися кругами все скорее и скорее...

У меня начало мутиться сознание. Круги становились все меньше, мы опускались все глубже... Наш смертный час настал. Я не сомневался в том, что гибель неизбежна. Я должен был упасть в бездну и разбиться насмерть о каменное дно. Когда мы летели уже над самым колодцем, я нашел еще силу заглянуть вниз, и — быть может, это был бред — мне показалось, что я вижу свет огромных электрических ламп и решетку внизу. Эта решетка вдруг завертелась, свет померк, я потерял сознание...

Глава 4

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Когда сознание начало возвращаться ко мне, я прежде всего почувствовал свое тело: оно ныло и болело. Еще не открывая глаз, я ощутил чье-то прикосновение. С трудом разомкнув веки, я увидел перед собой моего верного спутника и друга Николу. Но я не узнал его сразу. Вместо обычной

меховой одежды из оленьей шкуры на нем был надет серый больничный халат.

Я лежал на чисто застланной кровати, покрытой серым пушистым одеялом, в небольшой комнате без окон, освещенной электрической лампой, спускавшейся с потолка.

— Приехали! — сказал Никола, приветствуя меня своей неизменной улыбкой.

— В ноздрю Ай-Тойона? — попробовал я пошутить. — Вот видишь, Никола, никакой ноздри нет.

— А ты ее видел? Может быть, она как раз такая, — и Никола обвел рукою комнату.

— С электрическим освещением?!

Наш разговор был прерван. Дверь открылась, и в комнату вошла молодая девушка в белом халате — сестра милосердия, как решил я. Я уже не сомневался, что нахожусь в больнице. Но долго ли я был без памяти, как избежал смерти и как попал в эту больницу, я себе не уяснял.

Сестра обратилась ко мне с вопросом на неизвестном мне языке. Я жестами дал понять, что не понимаю, и в то же время рассматривал девушку. Она была молодая, краснощекая и очень здоровая. Русый локон выбивался из-под белой косынки. Она улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами, и повторила вопрос на английском языке. Этот язык мне был более знаком — я читал по-английски, но говорить не умел. И я опять развел руками. Тогда девушка в третий раз повторила свой вопрос по-немецки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Благодарю вас, хорошо, — ответил я, хотя, признаться, чувствовал себя далеко не хорошо.

— У вас что-нибудь болит?

— Что у меня не болит! Я как будто прошел через мельничные жернова, — ответил я.

— Могло быть хуже, — сказала девушка, добродушно улыбаясь.

— Где я нахожусь, не будете ли вы так добры объяснить мне? — спросил я.

— Вы это скоро узнаете. В состоянии ли вы подняться с кровати?

Я сделал попытку приподняться и закусил губу от боли.

— Лежите, я сейчас принесу вам завтрак — И она ушла, беззвучно ступая мягкими туфлями.

Никола чувствовал себя лучше. Правда, он потирал себе то бок, то спину, однако уже был на ногах. Расхаживая по небольшой комнате, он кряхтел и придерживал правое колено.

— Трубка пропал, табак пропал, курить хочется, — сказал он.

Вновь открылась дверь, и вошла сестра, на этот раз с человеком лет тридцати, бритым, одетым в шерстяную фуфайку и в сары — сапоги из конской кожи. Это напомнило мне, что я нахожусь в приполярных странах. Человек нес с собой такую же, какая была надета на нем, одежду для меня и Николы, а сестра принесла на подносе завтрак: яичницу, тартинки и чашки дымящегося какао.

— Кушайте, — сказала она приветливо, — а когда почувствуете себя в силах подняться, наденьте костюм и позвоните в этот вот звонок.

Она кивнула головой человеку в фуфайке и вышла с ним из комнаты. Я принялся за яичницу, поставленную на столик возле моей кровати. Несмотря на перенесенные волнения, мы с Николой позавтракали с аппетитом. Какао доставило Николе еще не испытанное им наслаждение. Он даже закрыл глаза и причмокивал, втягивая большими глотками горячий напиток.

Однако в этой больнице, очевидно, залеживаться долго не полагалось. Покончив с завтраком, я с трудом поднялся и осмотрел свое тело, вымытое кем-то и одетое в чистое белье. По всему телу виднелись многочисленные кровоподтеки, но кости были целы. Правое плечо вспухло и сильно болело. Похоже было на то, что кость в плечевом суставе вывихнута и вправлена. Да, могло быть и хуже...

Мы с Николой переоделись, помогая друг другу, и я на-

жал кнопку звонка, находившуюся у двери. Скоро к нам в комнату вошел человек в фуфайке и знаком предложил нам следовать за ним.

Мы вышли из комнаты и отправились по длинному загибающемуся коридору, освещенному электрическими лампочками. По обеим сторонам в стенах мы видели двери с крупными номерами: 32, 33, 34... и против них: 12, 13, 14... Как в отеле или наркомате.

Мы шли довольно долго, все время заворачивая. Откуда-то доносился ровный непрерывный гул. Где-то работали огромные машины. Нет, это скорее похоже на завод!

Наш провожатый неожиданно остановился у двери № 1 и постучал. Мы вошли в большой кабинет с прекрасной мебелью, устланный коврами. Я обратил внимание на то, что и в этом кабинете не оказалось окон. Стены были заставлены шкафами с книгами и увешаны техническими чертежами. В углу стоял несгораемый шкаф, а возле большой шведской конторки — вращающаяся этажерка с папками. У конторки, освещаемой лампой под зеленым абажуром, сидел бритый человек и что-то писал. На столе затрещал телефон. Сидящий за столом взял трубку.

— Алло! — и он отдал краткое приказание на неизвестном мне языке.

Потом он откинулся на спинку вращающегося кресла и повернулся к нам лицом. На нем был серый пиджак и вместо жилета серая шерстяная фуфайка с острым вырезом на груди, из которого выглядывал отложной воротничок и клетчатый галстук. Можно было подумать, что мы находимся в кабинете директора фабрики. Окончив осмотр костюма, я перевел глаза на лицо иностранца и невольно вскрикнул от удивления. Перед нами был англичанин, которого мы вытащили из болота.

Он также, по-видимому, был удивлен этой встречей.

— А, старые знакомцы! — сказал он. — Садитесь. — Мы сели возле стола. Минуту англичанин смотрел на нас, как бы раздумывая, потом неодобрительно покачал головой и,

постучав по столу чертежным угольником, сказал: — А вы все-таки не послушались моего совета.

— И пока живы, — заметил я, стараясь держаться непринужденно.

— Пока! — многозначительно ответил англичанин. — Это чистая случайность, что вы не разбились, как яичная скорлупа...

Он побарабанил пальцами по столу и вдруг быстро повернулся вместе с сиденьем кресла и углубился в бумаги, как бы забыв о нас. Наступила довольно томительная пауза. Потом он так же резко опять повернулся лицом к нам.

— Те, кто идет по ветру, не возвращаются! — отчеканил он, повторяя слова Николы, сказанные мне. — Или они умирают прежде, или... теперь... Но вы спасли мне жизнь. Я в долгу перед вами, и я не хочу вашей смерти. Но, — англичанин поднял палец вверх. Потом опять повернулся вполоборота, что-то быстро написал на листке бумаги и спросил: — Как вас зовут и кто вы?

— Клименко, Георгий Петрович. А его зовут Никола. — Англичанин тщательно записывал мои ответы, как судебный следователь. Он спросил меня о возрасте, должности, образовании, цели путешествия (это последнее интересовало его больше всего). Я не считал нужным скрывать что-либо от него.

— А можно узнать, с кем я имею честь говорить? — спросил я, чтобы несколько уравнять наше положение. Англичанин как-то фыркнул и бросил:

— Можно. Вы имеете честь говорить с мистером Бэйли...

— Мистер Бэйли? — удивленно переспросил я. — Тот самый, который снарядил экспедицию на «Арктике»? Значит, вы не погибли?

— Для всех, кто там, против ветра, я погиб. Но для вас, как видите... Вот что, мистер... Калименко...

— Клименко, — поправил я.

Но мистеру Бэйли не давалась моя фамилия, и он повторил ее на свой лад:

— Вы, мистер Калименко, не уйдете отсюда. Вы тоже погибли для всех, кто живет против ветра. Вы метеоролог, это хорошо. Вы мне будете полезен. Нужно сделать, чтобы вас не искали вант... товарищи.

— Это невозможно. Как только обнаружится, что я пропал без вести, на поиски будет снаряжена экспедиция.

— О, вы очень любите разыскивать пропавших людей! — с иронией сказал Бэйли. — Своих и чужих: Нобиле, Кулик, Горский...

Это удивило меня. По-видимому, Бэйли знал все, что делается «против ветра», то есть во всем мире. Очевидно, он имел радиостанцию.

— Да, мы не привыкли оставлять без помощи человека, нуждающегося в ней, — ответил я с некоторой горячностью.

— Очень хорошо, — с той же иронией ответил Бэйли. — Но мы устроим так, что вам не нужна будет никакая помощь. Не беспокойтесь. Я уже сказал, что пощажу вашу жизнь. Но можно будет взять вашу одежду, в которой вы путешествовали, разорвать, окровавить ее и бросить на пути тех, кто будет искать вас. Вас разорвали звери. Кончено! Экспедиция вернется назад. Я не хочу, чтобы сюда кто-нибудь приходил... Вы можете идти, — закончил Бэйли, неожиданно обращаясь к Николе.

И когда Никола вышел из комнаты, мистер Бэйли поднялся, прошелся по кабинету и сказал:

— Мне еще надо с вами поговорить.

— Мне также, — ответил я, все еще пытаясь «уравнивать положения», если только можно уравнять положения пленника, каким я был, и человека, в руках которого находилась моя жизнь. И, не давая говорить Бэйли, я быстро продолжал: — Вы говорите о том, что не желаете, чтобы кто-нибудь узнал о вашем существовании и нашел дорогу сюда. Это невозможно. Допустим, что вам удастся инсценировать

мою гибель. Но научные исследования не будут приостановлены. Я еще не знаю, что вы здесь делаете, но для меня уже вполне ясно, что это по вашей вине изменилось направление ветров, а следовательно, изменился и климат. Пока население еще не очень обеспокоено, но ученые всего мира уже давно с тревогой следят за необычайными явлениями, происходящими в атмосфере. Рано или поздно все почувствуют понижение атмосферного давления. На смену нашей экспедиции пойдут «по ветру» другие, и ветер неизбежно приведет их сюда.

— Я это знаю, — ответил Бэйли, с нетерпением выслушав меня. — Рано или поздно это должно случиться. Они придут сюда, и... тем хуже для них! А вы... вас я однажды уже предупреждал, но вы не послушались меня. Вот вам еще одно предупреждение: не пытайтесь убежать отсюда. Это может вам стоить жизни. Больше я не пощажу вас. Скажите это и вашему якуту. Поняли? Я предоставлю вам некоторую свободу, если вы дадите мне слово... Впрочем, можете не давать: вы сами увидите, что бежать отсюда немыслимо. У вас здесь будет много работы. Теперь идите, мистер Калименко. Уильям покажет вам вашу комнату.

Бэйли позвонил. Вошел слуга.

— Уильям, проводите мистера Калименко в комнату номер шестьдесят шесть. До свиданья.

— Разрешите Николе поселиться в одной комнате со мной? — сказал я.

Мистер Бэйли подумал.

— Пожалуй, можно, — сказал он. — Но помните: никаких заговоров. До свидания.

Я откланялся, и мы с Уильямом отправились по длинному дугообразному коридору, затем спустились этажом ниже и углубились в настоящий лабиринт. Меня удивило то, что на всем пути мы не встретили ни одного человека. Я спросил моего проводника, где же люди, но он ничего не ответил. Быть может, он не знал ни русского, ни немецкого языка, а вернее — не хотел говорить.

Глава 5

С НЕБА НА ЛЕКЦИЮ

Я вошел в мою «камеру заключения». Комната имела около тридцати квадратных метров, высота же едва ли достигала четырех метров. Стены были покрыты фанерой. Одна лампочка на потолке, другая на письменном столе. Две узкие кровати у стен и несколько простых стульев.

После роскошного кабинета мистера Бэйли эта комната показалась мне более чем скромной. Но... «могло быть и хуже», — вспомнил я слова сестры милосердия и потому не очень опечалился. Уильям ушел, и скоро мое внимание было привлечено большим чертежом, закрывавшим половину стены.

На синей чертежной бумаге я увидел профиль подземного городка мистера Бэйли, изображенного в разрезе, и отдельно планы каждого этажа. На чертежах не имелось пояснительных надписей, но все же они давали общее представление о всем сооружении. Центр городка занимала огромная труба, в которую мы упали. Вокруг этой трубы шли пронумерованные помещения. Городок имел пять этажей ниже уровня земли и три этажа в стенах кратера. Ниже восьмого этажа виднелись две пещеры, по-видимому естественного происхождения.

Вправо от центральной трубы, вдоль пятого (считая сверху вниз) этажа шла боковая труба, и оканчивалась она далеко за пределами комнат, выходя наружу. Эта труба больше всего заинтересовала меня. Первою моей мыслью было, что эта труба предназначена для отвода воздуха, входящего сверху. Однако если бы через эту боковую трубу выходило столько же воздуха, сколько входило, то на поверхности должно было бы существовать второе воздушное течение — и убыли воздуха не замечалось бы, тогда как тщательно составленные нами синоптические карты показывали, что воздушные течения со всех концов земного шара направляются к одному месту, не встречая никакого обратного течения.

Если же ветер всасывается в подземный городок и никуда оттуда не выходит, то — черт возьми! — давлением воздуха весь городок должен был бы давно взорваться, как котел, переполненный паром...

Дверь открылась, и в комнату вошел Никола. Он тщательно закрыл за собой дверь и, почесав голову, вздохнул. Я ожидал, что он будет укорять меня за пренебрежение к его советам, но он заговорил об ином: Никола сообщил мне, что в одном из коридоров он встретил «двух Иванов» — двух якутов, пропавших год назад в ноздре Ай-Тойона.

— Ты еще веришь в ноздрю? — спросил я его.

— Лучше было бы нам попасть в ноздрю Ай-Тойона, чем этого ера, — ответил озабоченно Никола.

Он успел перекинуться несколькими словами со здешними якутами и узнал, что они работают в какой-то большой трубе по уборке и отвалке мусора, приносимого ветром из центральной трубы. Я посмотрел на план. Так вот для чего существует боковая труба!..

«Два Ивана» жаловались Николе, что их держат как рабов, никуда не пускают, «но кормят сильно хорошо».

В комнату постучались. Вошел Уильям и пригласил нас на своем непонятном языке, подкреплял слова жестом следовать за ним.

Мы повиновались. В коридоре у двери стоял якут «Иван-старший». Уильям поручил ему Николу, а со мной двинулся дальше. Мы пересекли коридор, сели в кабину лифта № 50, поднялись этажом выше и остановились у двери № 13. Уильям без стука отворил дверь, и я следом за ним вошел в большую комнату. Здесь, видимо, была лаборатория. На столе в идеальном порядке были расставлены сложные аппараты с компрессорами, медными трубами, змеевиками и холодильниками. Целыми рядами были расставлены стаканы, чаши, сосуды. Их посеребренная поверхность блестела при ярком свете двух дуговых ламп.

Вид этой ослепительной посуды был таков, как будто богатый наследник вынул из сундуков дедовское серебро, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Но я уже знал, что такие сосуды (с посеребренными стенками для отражения теплоты) употребляют при опытах с жидким воздухом.

Жидкий воздух!.. Ведь его плотность в 800 раз больше атмосферного. Не представляет ли городок Бэйли фабрику для превращения атмосферного воздуха в жидкий?

Занятый своими мыслями, я сперва не заметил человеческую фигуру, склоненную над одним из столов. Это была женщина в белом халате. Она подняла голову, и я узнал сестру милосердия. Она также узнала меня и улыбнулась, видя недоумение, отразившееся на моем лице.

— Пожалуйста, пройдите в кабинет, отец ждет вас, — сказала она, протягивая руку по направлению ко второй двери.

Я постучал и вошел в комнату. Она была почти такой же величины, как первая, но здесь не было инструментов. Зато все стены были уставлены полками с книгами, а на большом письменном столе лежали груды листов, исписанных химическими формулами.

При моем появлении из-за стола поднялся очень высокий, пожилой, но еще моложавый на вид человек с русыми волосами, серыми глазами и румяными щеками. Его добродушная улыбка очень напоминала улыбку девушки. Он крепко пожал мою руку и сказал:

— Мистер Бэйли и Элеонора уже говорили мне о вас. Мы нуждаемся в таких людях, как вы. К сожалению, вы не химик, но все же ваша специальность довольно близко соприкасается с моею... Вы, так же как и я, «питаетесь воздухом», — улыбнулся он.

Он говорил так просто, как будто я пришел к ним по своей воле и предлагал им свои знания и труд.

— Моя фамилия Энгельбрект, — сказал он. — Садитесь, прошу вас.

— Энгельбрект! — с удивлением воскликнул я, продолжая стоять. — Вы Сванте Энгельбрект, гибель которого на «Арктике» оплакивалась всем культурным миром?

— Слухи о моей смерти были значительно преувеличены, — повторил знаменитый шведский ученый остроту Марка Твена. — Да, я живой Сванте Энгельбрект.

— Но почему... Что заставило вас скрываться?

Энгельбрект нахмурился.

— Садитесь, прошу вас, — сказал он. — Я служу у мистера Бэйли главным инженером. Мы изготовляем жидкий воздух, водород и гелий, добываем из воздуха азот, кислород...

— И что же вы делаете с ними? — не удержался я от вопроса.

— Это уже дело предпринимателя мистера Бэйли. Очевидно, он продает...

— Но как?.. Я как будто не слыхал о концессии...

— Финансовая сторона дела мало интересует меня, — несколько торопливо прервал меня Энгельбрект. — Об этом вы можете узнать у мистера Бэйли. Я работаю по контракту и, кроме своих лабораторий, ни во что не вмешиваюсь. Мистер Бэйли — человек с исключительно широкой инициативой и большим деловым размахом. Он не скупится на расходы, чтобы обеспечить мне спокойную научную работу. Когда вы ознакомитесь с ней, то увидите, что нами сделаны ценнейшие научные открытия, еще неизвестные миру. Мистер Бэйли пускает их в оборот, это его дело. В его финансовые затеи я не вмешиваюсь, — еще раз, видимо, торопясь сообщить все необходимое, повторил ученый. — Я испытываю единственный недостаток: в лаборантах. Мне даже нет времени самому делать опыты. Я их провожу только здесь, — и Энгельбрект показал на листы бумаги, испещренные формулами. — Мне помогает дочь, Элеонора.

— Сестра милосердия?

Энгельбрект улыбнулся.

— Она у нас и сестра милосердия, и ученый-лаборант, и хозяйка моего маленького хозяйства, — сказал он с теплотой в голосе. — Она молодец. И я надеюсь, что вы поможете ей работать в лаборатории. Она введет вас в курс дела. Если вы не справитесь с каким-нибудь заданием, обращайтесь ко мне, я вам всегда помогу, если это понадобится... Итак, за дело! — закончил Энгельбрект, протягивая мне руку. — Не теряйте времени.

Я откланялся и вышел в лабораторию.

— Сговорились? — спросила Элеонора.

Я развел руками с видом покорности судьбе.

— Садитесь и давайте работать, — просто сказала она мне, подвигая ближе к себе свободный табурет.

Я уселся с видом прилежного ученика. Она приступила к настоящему экзамену.

— Способ добывания жидкого воздуха?.. Гм... гм... Он состоит в том... — начал я свои ответы, разглядывая волосы Элеоноры, выбивающиеся из-под белой косынки, — в том, что охлаждением, получаемым от расширения самого воздуха, пользуются для его охлаждения. Воздух сжимают постепенно до двухсот атмосфер, а потом давление падает сразу до двадцати, и температура вследствие происходящего расширения понижается до тридцати градусов ниже нуля. Так проделывают несколько раз, пока температура не достигнет ста восьмидесяти градусов ниже нуля. Тогда при давлении в двадцать атмосфер воздух может уже перейти в жидкое состояние...

«Какие у нее красивые волосы...» — это, конечно, не вслух.

Элеонора поймала мой взгляд, прежде чем я успел опустить веки, поправила выбившийся локон, едва заметно улыбнулась и сказала с важностью, так не шедшей к ней:

— Поверхностно и не совсем точно, однако для начала сойдет. Вы знаете этот аппарат?

— Аппарат Линде для сгущения воздуха, — ответил я, радуясь, как школьник, своему знанию. Элеонора кивнула.

— Да, но это детская игрушка. Вы увидите сложные машины, которые сконструировал мой отец. — Экзамен продолжался: — Однако вам еще надо приобрести много теоретических знаний. Добывание жидкого воздуха...

И она, не отрываясь от работы, начала свою первую лекцию. Я сосредоточивал все свое внимание, но мысли мои все время отвлекались. В данную минуту мне было гораздо интереснее знать, каким образом она и ее отец оказались в этом подземном городке, почему погиб «Арктик», кто был тот мертвец, которого видел Никола на носу корабля, как

Бэйли использует жидкий воздух, какие отношения между ним и Энгельбректами... Тысячи вопросов теснились в моей голове, но я не решался задать их моей учительнице.

— ...Жидкий воздух представляет легко подвижную прозрачную жидкость бледно-голубого цвета с температурой минус сто девяносто три градуса Цельсия при нормальном атмосферном давлении, — продолжала Элеонора. — Полученный из аппарата воздух бывает мутным вследствие примеси замерзшей углекислоты, которая в незначительном количестве содержится в воздухе. После профильтрования через бумажный фильтр воздух становится прозрачным...

«Бедная девушка! Невесело, должно быть, ей в такой дыре. Неужели она с отцом добровольно решилась на эту ссылку?» — думал я.

— ...При испарении жидкого воздуха сначала выделяется кипящий азот, точка кипения которого минус сто девяносто четыре градуса Цельсия, потом аргон... Что выделяется при испарении жидкого воздуха? — вдруг переспросила она, уловив мой рассеянный взгляд.

— Аргон, — ответил я машинально, поймав последнее звуковое впечатление ее грудного голоса. Элеонора нахмурилась.

— Вы невнимательно слушаете меня, — сказала она с упреком.

— Простите, но ведь я всего только несколько часов назад свалился с неба. Согласитесь, что неожиданно попасть после такого необычайного воздушного путешествия на лекцию о жидком воздухе...

На лице строгой учительницы появилась улыбка. И вдруг, не выдержав, она расхохоталась с детской веселостью.

— Пожалуй, вы правы, вам надо отдохнуть и прийти в себя.

Я очень обрадовался этой «перемене» и поспешил спросить ее:

— Но скажите, каким образом я остался в живых?

— Вас случайно заметили, когда вы летели. Вентиляторы были остановлены, и вы довольно мягко упали на пер-

вую решетку. Труба имеет целый ряд сит для задерживания мусора. Все это станет вам понятным, когда вы осмотрите устройство. Завтра воскресенье, и я покажу вам.

— Еще один вопрос...

Но Элеонора уже сосредоточенно работала.

— Идите и отдыхайте, — сказала она с мягкой повелительностью.

Лицо мое, вероятно, выразило огорчение, потому что, взглянув на меня, девушка поспешила прибавить с ее обычной добродушной улыбкой:

— Мы с вами еще сегодня увидимся в библиотеке после шести. Второй этаж, номер сорок один. — И, кивнув мне, она вновь углубилась в работу.

Я ушел к себе...

Глава 6

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОДОК

На второй день моего пребывания в «плену» я уже довольно хорошо ознакомился с городком. Элеонора охотно давала мне объяснения.

Первый верхний этаж был отведен под жилые комнаты для администрации городка. Здесь находился высший технический персонал, квартира мистера Бэйли, квартиры Энгельбректов, инженеров и... офицеров.

— Офицеров? — с удивлением переспросил я. Элеонора смутилась. Она, видимо, открыла больше, чем следует, и теперь не знала, как исправить свою ошибку.

— Такой большой городок не может оставаться без охраны, — ответила она. — Мы имеем нечто вроде милиции или сторожевой охраны. Во главе стоит несколько начальствующих лиц, которых мы и называем офицерами... Вы только никому не говорите о том, что я сообщила вам. Мистер Бэйли просил меня ничего не говорить вам о нашей охране, а я проболталась... Чисто по-женски! — сказала она, негодуя на себя.

Я уверил девушку в том, что буду нем как рыба.

— А каково количество вашей милиции? — спросил я. Но Элеонора стала уверять, что она больше ничего не знает о вооруженных силах.

— Счет этажей идет у нас сверху, — продолжала она знакомить меня с устройством необычного городка. — Во втором этаже, в двух внешних его кольцах, помещаются служащие средней квалификации.

Я также помещался во втором этаже и потому спросил с шутливой обидой:

— Вроде меня?

— Да, вроде вас, — ответила Элеонора, — но только они знают несколько больше, чем вы. А вдоль всего внутреннего кольца расположены библиотеки и лаборатории. Третий этаж отведен для рабочих. В этом же этаже помещаются склады для провизии, кухни, столовые, бани, клубы, кино...

— Даже кино!

— И кино, и театр. Что же в этом удивительного? Если бы у нас не было развлечений, то, пожалуй, многие умерли бы от скуки.

— Не проще ли разбежаться от скуки? — Элеонора как будто не слышала моего вопроса. — Четвертый этаж, или первый под уровнем земли, занят машинами, перерабатывающими жидкий воздух в азот в виде аммиака, азотной кислоты и цианамида — вещества, очень важного для промышленности и сельского хозяйства. — Она говорила безостановочно, точно боясь, что я опять прерву ее. — У нас добывается азотной кислоты более миллиона тонн в год, и мы все время расширяем производство. Кроме того, мы добываем кислород. В одном из секторов четвертого этажа производится сортировка материала, который попадает извне через главную трубу. На уровне четвертого этажа в трубе устроена целая система сит, начиная с таких, сквозь решетку которых может пролезть человек, и кончая столь густыми, что они не пропускают даже пыли.

— Меня с Николой, значит, тоже «отсортировали» в сортировочной?

— Да. В трубу попадают иногда самые неожиданные предметы и существа. Больше всего втягивает труба обломков деревьев. Иногда ветер приносит и вырванные с корнем огромные кедры, ели, сосны, пихты, лиственницы. Весь этот материал идет на топливо. Весною и осенью во время перелета в трубу втягивается несметное количество птиц. Часть их мы замораживаем, делая годовые запасы, а часть, охладив жидким воздухом, превращаем в хрупкий камень, который затем измельчается в порошок и хранится в кладовых, а может быть, и экспортируется. Нередко в трубу попадают мелкие четвероногие хищники, попадают и более крупные: енотовые собаки, песцы, а были случаи, когда к нам пожаловали в гости, совершив воздушное путешествие, белый медведь и даже тигр! В пятом этаже проходит труба, по которой пневматически выбрасываются все уже негодные отбросы, поступающие в нее из четвертого этажа. Во всех подземных этажах — от четвертого до восьмого — происходит превращение атмосферного воздуха, поступающего из центральной трубы, в жидкий воздух. В каждом из этих этажей имеются склады для хранения жидкого воздуха. Особенно много таких складов в шестом этаже. Наибольший интерес представляют седьмой и восьмой этажи. В седьмом этаже при помощи жидкого воздуха мы добываем жидкий водород, имеющий температуру всего двадцать градусов выше абсолютного нуля. А при помощи жидкого водорода мы превращаем в жидкое состояние гелий. Это самое трудное и сложное производство. Весь восьмой этаж отведен под жидкий гелий — очень ценный продукт. Мы имеем его уже несколько сот тысяч литров.

— Но куда же идет вся эта гигантская продукция?!

— Мы не интересуемся коммерческими операциями мистера Бэйли, — ответила Элеонора, повторяя слова, уже слышанные мною от ее отца.

Мне хотелось задать ей еще несколько вопросов: где помещается машинное отделение, что находится в подземных пещерах? Но прозвонил электрический звонок, созывающий на завтрак, и мне ничего больше не пришлось узнать.

Это было в воскресенье, когда я совершал с Элеонорой прогулку по «проспекту» первого этажа — длинному, идущему по кругу коридору. Бесконечное хождение по кругу наводило тоску. Глядя на номера дверей по сторонам, можно было подумать, что находишься в огромной тюрьме. Это впечатление усиливалось тем, что коридор был совершенно пуст. Как будто «заключенным» не разрешалось выходить на прогулку.

Я только позже узнал, что жители городка, в особенности обитатели привилегированного первого этажа, имели возможность совершать прогулки по окрестным горам и лесам. И, конечно, среди них не находилось ни одного человека, который не предпочел бы эти прогулки на свежем воздухе бесконечному кружению по «тюремному» коридору.

Когда звонок прозвонил, двери комнат стали открываться, из них начали выходить, и коридор ожил. Я с большим интересом присматривался к обитателям городка. Среди них совершенно не встречалось женщин. Это был поистине мужской городок, и Элеонора, очевидно, составляла такое же исключение, каким бывала в старину дочь капитана на каперском корабле. Затем все они были молоды. Самому старшему из них, наверно, было не больше тридцати пяти лет.

Я напрасно искал среди них людей в военной форме. «Офицеров» не было, все были одеты в штатские костюмы. Но выправка, особая четкость движений обличали в некоторых из них военных. Во всяком случае, можно было безошибочно сказать, что почти все они прошли военную школу.

Я был новичок и чужой среди них. Но, как хорошо воспитанные люди, они не задерживали на мне любопытных взоров. Любезно поздоровавшись с моей спутницей, они мельком взглядывали на меня и шли дальше, весело разговаривая, увы, на неизвестном мне языке.

Для жителей первого этажа имелась отдельная столовая в первом этаже. Мне очень хотелось проникнуть туда, чтобы иметь возможность ближе познакомиться с местной «аристократией». Но мистер Бэйли принял меры к тому,

чтобы я не сталкивался с обитателями городка. Так, меня задерживали в лаборатории после занятий до тех пор, пока рабочие не разойдутся по своим комнатам; на занятия же я должен был являться позже, после того как все рабочие уже прошли на работу. Кроме того, мне был закрыт доступ в общественные столовые. Обед подавали в мою комнату, а завтракал я в лаборатории вместе с Элеонорой. По воскресеньям же, как это было и сегодня, завтрак приносили в мою комнату.

Я простился с Элеонорой и спустился на лифте во второй этаж.

Мне так хотелось увидеть рабочих городка, что я решился на некоторое нарушение установленных для меня правил: не заходя к себе в комнату, я спустился на лифте в третий этаж и пошел по коридору навстречу толпе, направляющейся в общественную столовую. Эта толпа поразила меня. Я знал, что имею дело с настоящими рабочими городка, и все же рабочих, того типа человеческой породы, который создан классовым обществом, я не увидел.

Эта толпа рабочих по внешнему виду ничем не отличалась от толпы верхнего этажа. Те же почти изысканные, прекрасные костюмы, те же изящные манеры, то же пропорциональное сложение, хорошо тренированные, здоровые, более ловкие, чем сильные, тела, лица интеллигентов. И только если всматриваться очень внимательно, между обитателями первого и третьего этажей можно было уловить некоторую разницу, — даже не разницу, а оттенок, какой существует, например, в одном и том же классе общества, но в смежных кругах этого класса, как «средне-высший» круг капиталистов или родовой аристократии разнится от высшего круга.

И здесь, как и в первом этаже, не встречались ни женщины, ни старики. Толпа состояла только из мужской молодежи.

Все эти особенности поразили и заинтересовали меня. Но оставаться дольше, чтобы продолжать свои наблюдения, я не мог. Я поспешил к себе на второй этаж. В моей комнате

я застал Уильяма, который подозрительно посмотрел на меня. Я объяснил ему, что по рассеянности опустился ниже своего этажа.

Я принялся за завтрак, исподлобья наблюдая за Уильямом. Он, конечно, приставлен шпионить за мной. Но сейчас не это интересовало меня. Я наблюдал его лицо и сравнивал его с теми, которые видел в коридорах. Он был несколько старше тех, но у него также было выхоленное лицо. Такое лицо могло быть у директора крупного торгового предприятия. И вот этот «директор конторы» подает мне завтрак, как лакей!

Странный городок, странная фабрика мистера Бэйли...

Глава 7

НЕУДАЧНЫЙ ПОБЕГ

Работа в лаборатории шла своим чередом. Через несколько дней я даже удостоился похвалы Элеоноры.

— Из вас выйдет толк, — заметила она.

В другое время и при других обстоятельствах эта похвала доставила бы мне большое удовольствие. Но я отнюдь не собирался делать здесь карьеру и окончить свою жизнь в качестве безропотного служащего мистера Бэйли. Мысль о побеге не оставляла меня. Возвращаясь после работы в свою спартанскую обитель, я поджидал Николу, который приходил несколько позже меня, и мы шепотом начинали наши совещания.

Никола был откомандирован к другим якутам работать в трубе, по которой при помощи воздушного напора выбрасывался мусор и все отбросы городка в огромную пропасть, лежавшую с внешней стороны кратера. Никола, который уже успел познакомиться с китайцами-поварами и как-то объясниться с ними, сообщил мне и о кое-каких хозяйственных особенностях нашего городка.

Здесь ничего не пропадало. О запасах дичи, попадавшей в трубу, я уже знал. Свежее мясо добывалось охотой. Обитатели городка охотились, вооруженные ружьями, действую-

щими сжатым воздухом. Был еще один довольно любопытный вид охоты: на крупного зверя шли с бомбами, наполненными жидким воздухом, заключенным в теплонепроницаемые оболочки.

Достаточно было повернуть «запал», чтобы в бомбе начала энергично развиваться теплота. Жидкий воздух расширялся, превращался в газообразный, и брошенная бомба разрывала зверя с такой силой, как будто она была начинена динамитом.

Никола объяснил мне только эффект такого рода оружия, но мне уже нетрудно было понять внутреннее устройство. Однако жидкий воздух был не единственным источником энергии, которым пользовались в городке. Когда рыли новые шахты, употребляли какое-то иное взрывчатое вещество. Неизвестным источником энергии приводились в движение и все сверхмощные машины этого своеобразного завода. Когда я обратился за разъяснениями к Элеоноре, она ответила:

— Это не по моей части.

«На этом заводе, — подумал я, — слишком много производственных тайн... Мало того, что Бэйли лишил меня свободы и сделал своим рабом, он, может быть, заставляет меня работать в интересах английских капиталистов... Что, если весь этот жидкий воздух превратится в их руках в страшное орудие против нас? Нет, надо скорее бежать, чтобы предупредить правительство об опасности через ближайший же совет или ячейку».

Я по нескольку раз заставлял Николу объяснять мне подробнейшим образом устройство отводной трубы — план давал слишком схематичное представление. И Никола объяснял мне. Труба имеет не менее двух километров. Когда-то она, очевидно, выходила на самый край обрыва с внешней стороны кратера, но сваливаемый мусор постепенно удлинял площадку перед трубой, и теперь эта площадка протянулась вперед на полкилометра. По ней проведены рельсы для вагонеток, на которых и подвозят отбросы к краю пропасти. Скат на месте свалки довольно крутой. Стены пропасти еще круче, но, по мнению Николы, выбраться из нее все же можно. Это единственный путь к бегству.

Я еще раз подошел к плану и внимательно осмотрел чертеж трубы. Неожиданно мое внимание было обращено на какие-то знаки: там, где на плане труба кончается, едва виднелись нацарапанные ногтем или спичкой изображения стрел, направленных к устью трубы, а над стрелами стояли восклицательные знаки.

Что означали эти знаки? Кто сделал их? Не предупреждал ли меня мой предшественник, живший в этой комнате, — такой же заключенный, как и я, — не идти этим путем, где меня ждала какая-то опасность?.. Стрелки могли означать направление ветра. Но ветер дул из трубы, вынося мусор. Наружный воздух втягивался только центральной трубой кратера. Во время уборки мусора и ночью, когда люди спали, в боковой выводной трубе ветер вообще не дул, как сказал мне Никола. Как бы то ни было, для нас не было другого пути, а медлить, когда я должен был предупредить власти о нависшей угрозе, не было оснований.

Не откладывая задуманного плана в долгий ящик, мы решили с Николой двинуться в путь в ближайшую же ночь, как только все уснут.

«Дежурят ли ночью сторожа?» — думал я. Скрыться от них будет довольно трудно, так как огни в коридорах не гасились круглые сутки, — это я уже знал. Кроме того, рискованно было пускаться в путь в наших довольно легких домашних костюмах. Начиналась осень, и ночами, несмотря на потепление климата, могли быть заморозки. Зима же в этих широтах наступает очень быстро. Вопрос о провианте меньше беспокоил меня. Хотя мы были безоружными, но со мной был Никола, который мастерски мог изготовить лук и стрелы и даже связать силки из собственных волос. Он знал тысячи способов ловли птиц, зверей и рыб, и с ним голодная смерть не угрожала.

Мы тихо сидели в своей комнате, прислушиваясь к отдаленным звукам. Где-то глубоко под землей гудели мото-

ры, а над нами завывал ветер в трубе. Скоро замолкло и это завывание: ночью лаборатории не работали...

Полночь. Я кивнул Николе головой, и мы тронулись в путь. Никола шел впереди. Мы благополучно прошли весь коридор, никого не встретив, спустились в пятый этаж, взошли на небольшую лесенку и оказались в маленькой комнатушке — не больше кабины лифта, — из которой дверь выходила во внутренность боковой трубы. В кабине оказался дремлющий сторож. Я отшатнулся назад, но в это время Никола вдруг тихо и быстро заговорил на якутском языке. В стороже он узнал якута — Ивана-старшего. Никола, видимо, в чем-то горячо убеждал Ивана, а тот отрицательно качал головой, вздыхал и чесал свою реденькую бородку.

— Не хочет пустить, — объяснил мне Никола. — Сильно боится и нам не велит. Смерти боится.

Повернувшись к Ивану, Никола вновь начал убеждать его пропустить нас. Иван, видимо, начинал колебаться. Потом он махнул рукой, открыл дверь, ведущую в трубу, и первый перешагнул порог.

— Он пойдет с нами вместе пропадать, — пояснил Никола.

Труба была большая, как железнодорожный тоннель. Когда дверь за нами закрылась, мы погрузились в полную темноту. Как ни тихо мы шли, шаги наши гулко отдавались в трубе, выложенной железными листами. В конце труба делала большой отлогий поворот, завернув за который я вдруг увидел бледный свет месяца... Этот свет взволновал меня как символ свободы. Еще несколько шагов — и мы выйдем из нашей тюрьмы! Я уже чувствовал запах прелых листьев и мха.

Отверстие все расширялось. Месяц осветил стены трубы. Там, где она кончалась, я увидел железные полосы, пересекавшие трубу в виде небольшого мостика. Никола уже занес ногу на этот мостик, но я дернул его за рукав и остановил. Я подумал, что этот мостик мог быть сделан для автоматической сигнализации. Мостик был неширок, однако

через него было трудно перепрыгнуть. Я задумался, как обойти препятствие. Никола не понимал меня и торопил идти скорее. Я объяснил ему мои опасения.

Мы начали совещаться. Никола предложил такой план: он и я должны поднять, раскачать и перебросить через мостик Ивана, как самого малого и легкого из нас, затем Иван принесет досок или обломков деревьев, и мы соорудим «мост над мостом» — так, чтобы можно было перейти по деревянному настилу, не задевая железных полос. Но Иван не соглашался на маленькое воздушное путешествие — он боялся разбиться.

— Я и так пробегу, — ответил он. — Боком, боком...

И, прежде чем мы успели возразить, Иван отошел назад, разогнался и побежал по наклонной стенке трубы, сбоку мостика... Несколько шагов он сделал благополучно, но у самого края поскользнулся на гладком сыром откосе и во весь рост грохнулся на железный мостик... Если мостик был соединен с сигнализацией, то она заработала вовсю!

Нам больше ничего не оставалось, как, не обращая внимания на мостик, бежать вслед за Иваном. В два прыжка я выскочил из трубы, Никола последовал за мной. Мы бросились бежать по шпалам, обегая стоявшие вагонетки. В две-три минуты мы пробежали не менее половины площади, отделявшей нас от кручи. Падение в мягкий мусор не страшило меня.

Я бежал со всей быстротой, на которую был способен; кривоногий Никола не отставал от меня, но Иван, уже давно не тренировавшийся в беге, остался позади. Я приостановился, чтобы обождать его, но Никола, обгоняя меня, крикнул:

— Догонит! Беги!.. — и помчался вперед.

Я вновь побежал, нагоняя Николу. Конец площадки уже виднелся перед нами. На другом конце пропасти вздымались угрюмые скалы, освещенные месяцем.

Вдруг я услышал позади себя какой-то звук. Звук, все усиливаясь, перешел в мощное равномерное гудение. В то

же время я почувствовал, что подул встречный ветер. Я бежал равномерным шагом, и этот ветер не зависел от быстроты моего бега. «Быть может, заработал центральный вентилятор?» — подумал я, но было еще слишком рано. Работа начиналась в шесть утра, а сейчас не более часа ночи.

Звук поднялся еще на несколько тонов, а встречный ветер стал таким сильным, что я принужден был нагнуться вперед. Бег мой все более замедлялся. Я задыхался. Воздух становился все плотнее. Я понял все. сзади нас был пущен вентилятор. Я не знал, что выводная труба могла не только выдувать, но и вбирать в себя воздух...

«Так вот что означали стрелки и восклицательные знаки на плане!» — мелькнула мысль. И в ту же минуту ветер от вентилятора завыл, как разъяренное чудовище, увидевшее, что добыча ускользает из его пасти.

Ветер перешел в ураган. Я наклонил голову вперед и старался протолкнуться в этой невидимой воздушной «тесноте», которая давила все сильнее. Но я не мог сделать больше ни одного движения вперед. Никола упал на землю и пополз на четвереньках. Я последовал его примеру. Но и это не спасло. Мы делали невероятные усилия, цепляясь за землю руками и ногами, но ветер срывал нас и неудержимо тянул назад.

Наши легкие были наполнены воздухом, как шары, готовые лопнуть. Голова кружилась, в висках стучало. Мы изнемогали, но еще не сдавались. Наши руки и ноги были окровавлены. Только бы дотащиться до края площадки... Но мы уже не видели его. Ветер повернул мне голову назад, и среди тучи я увидел Ивана. Его тело, подобно перекати-полю, вертелось, прыгало и неслось к устью трубы.

Что-то мягкое ударило мне в голову, но я не мог повернуть ее, чтобы посмотреть, и лишь догадался, что это было тело Николы. От удушья я начал терять сознание. Борьба была напрасна Мои мускулы ослабели, руки бессильно отдались воздушному течению. Меня понесло обратно в трубу. Я окончательно потерял сознание.

Глава 8

«МИСТЕР ФАТУМ»

Очнулся я лежащим в той же трубе, недалеко от входной двери. Рядом со мною лежали Никола и Иван. На этот раз я почти совершенно не пострадал. Вероятно, действие вентилятора было приостановлено, как только мы влетели в трубу, и сжавшийся воздух сдержал наш полет. Я потряс за плечо Николу, он вздохнул и сказал, как в бреду:

— Сильно, сильно дуло.

Скоро заворочался и Иван.

Мы вошли в двери. Тут Иван, качая головой, распростился с нами и остался стоять на своем посту, а мы отправились в нашу комнату. Весь подземный городок спал по-прежнему. Мы дошли до комнаты, никого не встретив. С отчаянием бросился я на кровать, не раздеваясь, так как ежеминутно ожидал, что в комнату войдут и арестуют нас за побег.

Однако часы шли за часами, а нас никто не тревожил. Мы были в отсутствии не более двух часов.

«Неужели никто не заметил нашей попытки к побегу? Вентилятор мог действовать автоматически, а к гудению обитатели подземного городка так привыкли, что, вероятно, не замечают его», — приходили в голову успокоительные мысли. Незаметно для себя я уснул.

Звонок разбудил нас в обычное время — в шесть часов. Никола уходил раньше меня, и, лежа с закрытыми глазами, я слышал, как он, одеваясь, сопел и мурлыкал песню. Я завидовал его безмятежности. Потом я снова уснул до второго звонка — в семь часов тридцать минут. Я наскоро выпил стакан кофе с сухарями и отправился в лабораторию.

— Вы сегодня бледны, — сказала Элеонора, посмотрев на меня.

— Не выспался, — ответил я.

— Что же вам мешало?

— Мысли. Я не могу примириться с моим невольным заточением и никогда не примирюсь с ним.

Лицо Элеоноры нахмурилось. Я по-своему истолковал перемену в ее лице. Быть может, я нравлюсь ей и она огорчена тем, что свободу я предпочитаю ее обществу? Но у нее, видимо, было другое на уме.

— Надо уметь подчиняться неизбежному, — грустно сказала она, как будто и сама находилась в таком же положении, как и я. Это удивило и заинтересовало меня.

— Неизбежному? Какой-то мистер Бэйли, коммерсант с довольно подозрительными операциями, иностранец, самовольно обосновавшийся на нашей территории, совсем не похож на фатум[1], которому надо подчиняться. И если вы такая фаталистка... — начал я с некоторым раздражением.

— Я не фаталистка, — ответила она. — Не надо быть фаталистом, чтобы понимать такой простой факт, что обстоятельства иногда сильнее нас.

— Значит, мы слабее обстоятельств, — не унимался я, чувствуя, что задел больной для Элеоноры вопрос.

— Ах, вы не понимаете! — ответила она и углубилась в работу.

Но я не хотел пропускать случая. Девушка была, видимо, в таком настроении, что могла при некоторой настойчивости с моей стороны сказать мне то, что не сказала бы в другое время.

— Так объясните мне! — ответил я. — Из ваших слов я понял пока одно: что вы здесь такой же пленник, как и я.

— Вы ошибаетесь, — ответила девушка. — Только сегодня утром отец убеждал меня уехать отсюда, и... мистер Бэйли не возражает против этого...

— И тем не менее вы не уезжаете. Значит, что-то удерживает вас. Значит, вы пленница, если не мистера Бэйли, то тех настроений, которые не позволяют вам уехать отсюда. Позвольте, я, кажется, догадываюсь! Вы сказали, что ваш отец убеждал вас уехать. Вместе с ним или же без него?

Элеонора смутилась.

[1]Фатум — у древних римлян — воля богов (особенно — Юпитера); судьба, неотвратимый рок.

— Без него, — тихо ответила она.

— Теперь дело наполовину ясно. Вы не хотите уехать без него, а он не может или не хочет уехать. Вернее, что его не отпускает «мистер Фатум».

Элеонора улыбнулась одними глазами и промолчала.

— Вы как-то рассказывали мне, — продолжал я, воодушевившись, — что ваш род очень знаменит в Швеции, хотя знаменит и не в том смысле, как это можно было предположить по вашей звучной фамилии. Вашим предком, говорили вы, был рудокоп Энгельбрект, руководивший в пятнадцатом веке народным восстанием против короля Эрика Померанского[1]. Почтенный предок!.. Неужели же Энгельбректы в продолжение пятисот лет растеряли все духовные черты славного рудокопа и способны только склонять головы перед поработителями?

Удар был слишком силен. Я не ожидал, что задену самое больное место Элеоноры. Она не раз рассказывала мне про своего предка-революционера, которым, видимо, гордилась. И теперь это невыгодное для потомков сравнение с предком взволновало и возмутило ее. Элеонора вдруг поднялась, выпрямилась и откинула голову. Щеки ее побледнели, брови нахмурились. В глазах сверкнули огоньки, которых я раньше не видал. Она гневно посмотрела на меня и сказала прерывающимся голосом:

— Вы... вы... — у нее перехватило дыхание. — Вы ничего не понимаете, — докончила она тихо и вдруг, закрыв лицо руками, заплакала.

Я совершенно растерялся. У меня в мыслях не было обидеть девушку. Я хотел только вызвать ее на откровенность. Гнев ее огорчил меня.

— Простите, — сказал я таким жалобным голосом, что

[1]Энгельбрект (Энгельбрехтсон) — одержал верх над Эриком, королем Дании, Швеции и Норвегии (низложен в 1436 году), и выдвигался крестьянами-далекарлийцами на место правителя, но дворянству удалось провести своего кандидата. Через несколько лет аристократы убили Энгельбректа.

камень должен был бы расчувствоваться (а сердце Элеоноры не было камнем).

Плечи ее перестали вздрагивать, она быстро овладела собой.

— Ну, простите, пожалуйста, я не хотел обидеть вас...

Элеонора отняла от лица руки и заставила себя улыбнуться.

— Забудем это... нервы расшатались... Осторожнее! — вдруг вскрикнула она, заметив, что я бросил кусок железа на стол, где стоял кубик твердого спирта, похожий на стекло (мы только что заморозили чистый спирт в жидком воздухе). — Разве вы не знаете, что твердый спирт не горит, а взрывается от удара?!

— «Эфир замерзает в кристаллическую массу... — продолжал я шутя, подражая ее менторскому тону, — каучуковая трубка от действия жидкого воздуха становится твердой и хрупкой и может быть превращена в куски и в порошок; живые цветы приобретают вид фарфоровых изделий, и фетровую шляпу можно разбить на куски, как фарфор».

— Вы забыли сказать об упругости металлов под действием жидкого воздуха, — уже непринужденно улыбаясь, сказала Элеонора.

Я продолжал в том же тоне.

— «...Свинец приобретает почти двойное сопротивление разрыву... — ответил я. — Упругость и временное сопротивление разрыву для большинства металлов возрастают...»

— Ну, довольно, — прервала она меня. — Давайте работать.

Она взяла бокал с посеребренными стеклянными стенками, посмотрела в небесного цвета жидкость и, заметив на поверхности какую-то соринку, вдруг опустила палец в сосуд с жидким воздухом.

— Что вы делаете? — крикнул я, в свою очередь испуганный. — Вы обожжете себе палец!

Я только недавно присутствовал при ее «показательном опыте», когда чайник, наполненный жидким воздухом и поставленный на кусок льда, «закипал» холодными парами

потому, что для жидкого воздуха даже лед являлся раскаленным телом по сравнению с низкой температурой самого жидкого воздуха. И эта низкая температура должна обжигать тело сильнее, чем раскаленный металл.

Но, к моему удивлению, Элеонора не вскрикнула, вынула палец из сосуда, встряхнула и показала мне. Палец был невредим.

— Жидкий воздух, прилегающий к поверхности пальца, сильно испаряется, так как температура его гораздо ниже температуры пальца. Вследствие этого образуется как бы оболочка из паров жидкого воздуха — вы видели? — которая и предохраняет на мгновение палец от ожога. Но не думайте повторять опыта, — сказала она, заметив, что я протянул палец к сосуду. — Это надо делать умело, очень быстро и не касаясь стенок сосуда.

Мы углубились в работу. Элеонора, казалось, забыла о нашей размолвке, но я не мог этого позабыть. Бедная Нора! — так уже осмеливался я называть ее в мыслях. Она, значит, была несчастной жертвой Бэйли! Это открытие увеличивало уже существующую симпатию к девушке. Вместе с тем память моя вписала в личный счет мистера Бэйли еще одно преступление.

И незаметно для себя я начал думать о том, чтобы бежать уже вместе с Элеонорой.

В лаборатории было тихо. Мы сосредоточенно работали. Вдруг я вздрогнул от выстрела.

— Опять вы слишком плотно закрыли пробкой сосуд! — сделала мне выговор Нора.

Да, это была моя вина. Жидкий воздух в комнатной температуре лаборатории быстро испаряется, и давлением паров выбивает пробки.

— Сильно закроешь — взрывается, слабо закроешь — испаряется слишком быстро, — шутливо проворчал я.

— Трудная работа?.. Зато вы не можете пожаловаться на вредность нашего производства, — отвечала Нора. — Воздуха у нас более чем достаточно.

— Не от этого ли у вас такие румяные щеки? — Нора

бросила на меня — в первый раз — лукавый женский взгляд. который чрезвычайно обрадовал меня. значит, она не сердится!

Двери лаборатории открылись, появился Уильям и сказал что-то по-английски. Нора перевела.

— Мистер Бэйли просит мистера Клименко к себе. Пожалуйте на расправу, — добавила она, улыбаясь.

«Неужели уже все знают о нашем побеге?» — подумал я. Это взволновало меня, но спокойная улыбка Норы несколько ободрила. Увы, я не знал, что мистер Бэйли всех, кроме отца Норы, приглашал к себе только «на расправу». В подземном городке он был высшим, безапелляционным судьей.

С тяжелым сердцем я отправился к мистеру Бэйли.

— Желаю вам отделаться легко! — крикнула мне Нора вдогонку.

Глава 9

«ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОМИЛОВАНИЕ»

В кабинете уже находились Никола и Иван под конвоем двух джентльменов, вооруженных автоматическими пистолетами, действующими сжатым воздухом. Мистер Бэйли стоял у своего письменного стола.

— Подойдите! — сурово сказал он мне, не приглашая сесть.

Я подошел к столу. Мистер Бэйли уселся. Я не хотел стоять перед ним и тоже сел. Бэйли сверкнул глазами. Брови его зашевелились.

— Вы пытались бежать? — спросил он меня, хотя в голосе его слышалось больше утверждения, чем вопроса.

— Мы хотели прогуляться, — слегка улыбаясь, ответил я.

— Не лгите и не отпирайтесь! Вы пытались бежать. О последствиях я предупреждал вас.

Мистер Бэйли отдал какой-то приказ одному из воору-

женных людей. Тот подошел ко мне и пригласил следовать за собой.

Суд продолжался менее минуты — оставалось, очевидно, привести в исполнение приговор. Я поднялся и последовал за конвоиром. Двое других повели Николу и Ивана. На повороте Ивана и Николу увели в сторону, а я отправился дальше. Мы спустились вниз, прошли по коридору. Конвоир остановился у железной узкой двери, открыл ее и довольно бесцеремонно втолкнул меня в маленькую камеру со сплошными железными гладкими стенами и небольшой электрической лампой на потолке. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Я остался один.

«Карцер... Это еще не так плохо. Я дешево отделался», — подумал я, осматривая свою тюрьму. Здесь было сухо и чисто, но холодно. На стене висел термометр Цельсия. Такие термометры висели в каждой комнате и даже в коридорах подземного городка — здесь очень внимательно следили за температурой. Термометр показывал всего шесть градусов тепла.

После бессонной ночи и волнений я чувствовал себя слабым и разбитым. Мне хотелось спать. Ноги мои едва держали меня. Но в комнате не было даже стула. Я опустился на холодный каменный пол и начал дремать. Однако я скоро проснулся от холода. По моему телу пробежала дрожь Я поднялся и посмотрел на термометр. Он показывал два градуса ниже нуля. «Что бы это значило? — подумал я. — Недосмотр истопника или умысел?»

Чтобы согреться, я начал ходить по камере, но она была так мала, что я мог сделать только два шага вперед и два назад. Я начал прыгать и махать руками. Я устал еще больше, но мне удалось восстановить кровообращение. Однако довольно было мне присесть, как холод с новой силой охватил мое тело. Зубы выбивали мелкую дробь. Взглянув опять на термометр, я увидел, что он уже показывал одиннадцать ниже нуля.

Я почувствовал, как холод проникает мне внутрь, леденит спину и сжимает сердце. Но это ощущение я испытывал

уже не только от низкой температуры. Страшная мысль овладела мною: мистер Бэйли решил меня заморозить! Поддаваясь инстинкту, я подбежал к двери и начал стучать.

— Отоприте!.. Отоприте!.. — кричал я в исступлении. Но никто не отзывался. Я до крови разбил руки. Наконец опустился на пол...

«Обстоятельства бывают сильнее нас. Не надо быть фаталистом, чтобы понять это...» — вспомнил я слова Элеоноры. Но я все же боролся, я пытался бежать, я умираю в борьбе за свободу! А она... Впрочем, быть может, и она боролась. Мне вспомнился рассказ Николы о трупе, привязанном на носу ледокола. Так расправляется мистер Бэйли со своими врагами. Быть может, Элеонора и права — борьба с Бэйли безнадежна...

Как холодно!.. Руки и ноги невыносимо болят. Я растираю пальцы, но они деревенеют, не сгибаются... С трудом поднимаюсь и смотрю на термометр. Двадцать ниже нуля... Борьба окончена! Я должен примириться со своей судьбой.

Я уселся на пол и погрузился в забытье. В конце концов, смерть от замерзания не так уж страшна. И, пожалуй, она легче, чем смерть на электрическом стуле. Скоро я не буду чувствовать боли и усну...

...Какой-то шорох у двери. Или мне чудится? Я пытаюсь подняться, но холод сковывает мое тело. Все тихо. Шорох мне почудился.

В камере как будто потеплело. Но это обман чувств. Организм отдает тепло в воздух, разность температуры тела и окружающего воздуха уменьшается, и поэтому является кажущееся ощущение тепла. Это испытывают все замерзающие. Значит, конец. Время шло, но сознание больше не покидало меня, а ощущение тепла все увеличивалось. Странно! Я никогда не замерзал, но был уверен, что замерзающие должны чувствовать себя как-то иначе. Чтобы проверить свои сомнения, я попробовал шевелить пальцами и, к своему удивлению, убедился, что они шевелятся свободно, хотя незадолго перед этим я не мог согнуть их. Я посмотрел на термометр.

Пять выше нуля!

Температура повышается! Я спасен, и мои страхи были напрасными. Очевидно, мистер Бэйли хотел только напугать меня.

Через несколько минут температура в камере поднялась до двенадцати градусов — обычная температура в жилых помещениях подземного городка. Я поднялся и начал разминать свои члены. Пальцы опухли и покраснели. Но я чувствовал, как кровь горячо и сильно согревает их. Благодаря тому, что температура поднималась так же равномерно, как и понижалась, я избег отмораживания.

Однако что же будет со мной дальше? Долго ли меня будут держать в одиночном заключении?..

И как бы в ответ на этот вопрос за дверью опять раздался шорох, и я услышал звук поворачиваемого ключа. Дверь отворилась, вошел Уильям и жестом пригласил меня следовать за ним.

Я уже не сомневался, что останусь в живых, и бодро вышел из камеры. Уильям вновь провел меня в кабинет мистера Бэйли.

На этот раз Бэйли пригласил меня сесть, а сам, поднявшись из-за стола, начал ходить по кабинету.

— Мистер Клименко, — сказал он. — Вы вполне заслужили смертный приговор, и если остались в живых, то можете благодарить за это мисс Энгельбрект...

Я с удивлением посмотрел на Бэйли.

— Вы приговорены были мною к смерти. Я выбрал для вас наиболее легкий способ перейти в небытие. Мною уже был отдан приказ привести приговор в исполнение... Но у нас чувствуется недостаток в квалифицированных работниках. Мисс Элеонора не справляется... Вы были ее помощником, и, прежде чем окончить заботы о вашем деле, я решил спросить ее, оказываете ли вы существенную помощь в ее работе. Она не знала о том, что угрожает вам... Я просто попросил ее дать отзыв. Она сказала, что вы отличный работник и незаменимый помощник. Она не соглашалась, чтобы я... перевел вас на другую должность. И я принужден был...

отменить решение. Вы помилованы! — закончил он очень торжественно, ожидая, вероятно, выражения благодарности с моей стороны.

Но я промолчал и только кивнул головой. Мистер Бэйли криво усмехнулся.

— Мисс Энгельбрект очень горячо... даже слишком горячо доказывала вашу полезность. Она не знает о вашем побеге. Вы ничего не говорили ей?

— Ничего не говорил, — ответил я.

— Неблагодарный! И вы хотели бежать... от нее!

— Бежать из неволи, из плена, — поправил я мистера Бэйли.

— Но она — ее присутствие, ее общество не удерживало вас?

— Я прощу не вмешиваться в мои личные чувства и отношения, мистер Бэйли, — сказал я сухо. — Вам, конечно, нет до них никакого дела.

— Вы так полагаете? — спросил он. — Нет, мистер Клименко, мне есть очень большое дело!

Я понял мысль мистера Бэйли. Он, видимо, хотел узнать, не влюбились ли мы друг в друга, я и Элеонора. Эта любовь скрасила бы жизнь Элеоноры, а меня привязала бы к подземному городку лучше цепей. Я был настолько возмущен этими расчетами, что моему зарождающемуся чувству к Элеоноре грозила большая опасность. Бэйли был плохим психологом. Он, очевидно, не знал, что ничто так не губит любовь, как принуждение. А он даже не старался скрывать того, что готов сыграть роль свата, чтобы превратить узы Гименея в цепи, приковывающие меня к его «фабрике».

— Вы помните, — продолжал Бэйли, — я потребовал от вас слова не убегать отсюда, но не настаивал на том, чтобы вы дали это слово. Я не верю в человеческую честность и в особенности не верю... — не волнуйтесь! — не верю в слово человека, данное при таких обстоятельствах, в которых находитесь вы. Как говорит ваша русская пословица: «Как волка ни кушай, то есть ни корми, он все смотрит в лес». И я решил: пусть лучше вы сами испытаете на практике, что

убежать отсюда нельзя. Тогда вы успокоитесь и будете работать. И вы сделали эту практику... Теперь вы наш... И я думаю, что у нас вам не будет очень скучно, если у вас не... деревяшка вместо сердца.

Я поднялся со стула с таким зловещим видом, что мистер Бэйли немного отошел от меня и сухо рассмеялся.

— Ну, не сердитесь, — сказал он более миролюбиво. — Я же не сказал ничего обидного ни для вас, ни для мисс Элеоноры. Она прекрасная девушка и сделала бы честь любому мужчине. Идемте со мной. Теперь я могу показать вам многое, что вы еще не видали. Это вам будет полезно знать.

Глава 10

ПОДЗЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мистер Бэйли открыл потайную дверь и прошел в соседнюю комнату. Я последовал за ним.

— Кстати, — сказал мистер Бэйли, — если интересуетесь, можете прочитать последнее радио. Вашу гибель уже оплакивают. Вы утонули вместе с Николой в Лене. От вас остался только мешок с инструментами. Все сделано очень чисто, мистер «покойник».

Говоря это, Бэйли подошел к большому шкафу и открыл его. В шкафу висело несколько водолазных, как подумал я, костюмов. Мистер Бэйли исправил мою ошибку:

— Это не водолазные костюмы. Это костюмы, в которых можно было бы гулять в межзвездных пространствах, где царит абсолютный холод в двести семьдесят три градуса. Костюмы сделаны из материала совершенно нетеплопроводного, и при них резервуары с кислородом.

— А это для чего? — спросил я, показывая на металлическое острие с шариком наверху, приделанное к колпаку скафандра.

— Это антенна. Костюмы снабжены радиотелефонами с собственными маленькими радиостанциями. При помощи радио мы с вами сможем разговаривать. Одевайтесь!

Я снял с вешалки костюм. Он оказался легче, чем водо-

лазные костюмы. Мистер Бэйли помог мне одеться и тщательно застегнул костюм особыми кнопками.

— Ну, вот мы и готовы, — сказал он. Я прекрасно слышал его, хотя наши головы были заключены в толстые шлемы. — Удобно, не правда ли? Для водолазов это было бы незаменимо.

— Но вы, конечно, не сделали это изобретение достоянием общества, — заметил я несколько желчно.

— Общества! — презрительно ответил он. — Что может дать мне общество? Мне некогда заниматься такими мелочами.

Мистер Бэйли подошел к стене, повернул рычаг, и посреди пола открылся люк. Я заглянул вниз и увидел лесенку, которая вела к площадке, окруженной легкой железной оградой.

— Сходите, — предложил Бэйли.

Я спустился на площадку, Бэйли последовал за мной, повернул рычажок на решетке, и мы начали плавно опускаться вниз. Наш спуск продолжался довольно долго. Когда лифт остановился, Бэйли открыл дверцы, и мы вышли. Прямо перед нами была низкая железная дверь. Бэйли открыл ее, и мы попали в небольшую комнату, очень узкую. Бэйли открыл вторую дверь; я не мог определить, из чего она была сделана, — она была черная и гладкая, как эбонит.

— Она сделана из состава, не пропускающего тепла, — пояснил Бэйли.

Опять такая же маленькая комнатка, и опять дверь. Таким образом мы прошли пять комнат и открыли пять дверей.

— В каждой камере температура приблизительно на пятьдесят градусов ниже, чем в предыдущей, — продолжал пояснения Бэйли. — Сейчас мы войдем в помещение, где стоит температура, близкая к холоду мирового пространства.

Мистер Бэйли открыл шестую дверь, и я увидел изумительное зрелище!..

Перед нами был огромный подземный грот. Десятки

ламп освещали большое озеро, вода которого отличалась необычайно красивым голубым цветом. Казалось, как будто в эту подземную пещеру упал кусок голубого неба.

— Жидкий воздух, — сказал Бэйли. Я был поражен. До сих пор мне приходилось видеть жидкий воздух только в небольших сосудах нашей лаборатории. Я никогда бы не мог вообразить, что можно сгустить и хранить такое огромное количество жидкого воздуха.

Вместе с тем я почувствовал, что мой костюм как будто сжимается, и не мог понять почему.

— Здесь большое давление. Нас сдавило бы в лепешку, если бы не особая упругость ткани наших костюмов. С помощью мистера Энгельбректа я добился того, что жидкий воздух почти не испаряется. Обратите внимание на свод. Он весь выложен теплонепроницаемым материалом. В этой пещере даже лампы особенные: из светящихся бактерий! Это абсолютно холодный свет... Да, этого голубого озера было бы достаточно, чтобы оживить Луну, — дать ей атмосферу, если бы только Луна могла удержать этот подарок. У меня здесь несколько таких озер. Но всего этого мало, слишком мало. Плотность жидкого воздуха только в восемьсот раз больше плотности атмосферного. Нужны были бы целые океаны, чтобы сгустить весь атмосферный воздух в жидкость. Считайте сами: площадь земного шара равняется примерно пятистам десяти миллионам квадратных километров. Значит, слой воздуха только на расстоянии одного километра от поверхности Земли равен по объему по крайней мере полумиллиарду кубических километров. А более или менее однородный по плотности воздух тянется на восемь километров вверх. Это уже составит массу более пяти триллионов килограммов, или одну миллионную часть массы земного шара... Сколько еще не использованного сырья!

— Сырья? — невольно вырвалось у меня.

Бэйли невозмутимо продолжал:

— Подсчитать совершенно точно запасы воздушного сырья, конечно, очень трудно. Мировое межпланетное пространство переходит в нашу земную атмосферу постепенно,

через зону разреженных газов. Точные определения химического состава воздуха сделаны на высоте девяти километров. Шары с самопишущими приборами поднимаются немного выше тридцати семи с половиной километров. Пролетающие метеориты загораются на высоте ста пятидесяти — двухсот километров. Значит, и на этой высоте есть еще достаточно плотный воздух. Нисселю удалось подметить зажигание метеоров даже на высоте семисот восьмидесяти километров. Наконец, о высоте атмосферы говорят и огни северного сияния. Человек давно любовался этой небесной иллюминацией, но только сравнительно недавно мы узнали, что спектр этих необычайно красивых огней состоит главным образом из линий благородных газов и особенно гелия. Линии кислорода, азота, неона и гелия сверкают в северном сиянии еще на высоте восьмисот километров. Возможно, что электрические силы вихрями отрывают и поднимают к высоким слоям атмосферы атомы ее газов. Но как бы то ни было, эти атомы существуют даже на такой огромной высоте. Но это еще не все. Не думайте, что атмосфера находится только над поверхностью Земли. Американский ученый Клерк высчитал, что только до глубины в шестнадцать километров, доступной для наблюдения, газообразные вещества по весу составляют три сотых ко всей массе вещества. Так что общий запас воздушного сырья...

— Но не думаете же вы лишить земной шар всей его атмосферы? — с удивлением воскликнул я.

— А почему бы нет? — ответил мистер Бэйли. — Пойдемте дальше, и вы убедитесь, что это вполне возможно. Сванте Энгельбрект — гениальный человек. Он стоит тех денег, которые я плачу ему.

«Неужели в деньгах все дело?! — подумал я. — Быть может, отец Норы корыстный человек. Получая много денег, он зарыл себя в этой кротовой норе вместе с дочерью и не желает возвратиться на родину; дочь изнывает от скуки, но не желает покинуть отца... Не в этом ли и заключается драма Норы?»

— Земной шар без атмосферы — это была бы катастрофа! — сказал я.

— О да, — иронически ответил Бэйли. — Люди станут задыхаться, растения погибнут вместе с людьми, ледяной холод спустится на Землю со звездных высот... Жизнь прекратится, и земной шар станет таким же мертвым телом, как оледенелая Луна... И это будет, будет, черт возьми! — закричал Бэйли.

В эту минуту мне казалось, что я имею дело с помешанным.

— Вы хотите погубить человечество? — спросил я.

— Мне просто нет никакого дела до человечества. Оно само идет к гибели. В конце концов наша планета не вечна. Она обречена на гибель не мною. А произойдет это раньше или позже — не все ли равно.

— Далеко не все равно. Человечество еще может жить миллионы лет. Наш земной шар еще очень молод. Он гораздо моложе Марса.

— Вы можете поручиться, что человечество проживет еще миллионы лет? Довольно налететь какой-нибудь шальной комете, и ваш земной шар скоропостижно скончается.

— Вероятность этого ничтожна.

— С вашей близорукой точки зрения земного червя. Астрономы говорят иное. Огромные вспышки наблюдаются ими во всех углах мировой бездны. И если брать космические масштабы, то в одной только нашей, так называемой галактической системе, в маленьком переулочке Вселенной, именуемом Млечным Путем, столкновения происходят, вероятно, не реже, чем столкновения автомобилей на улицах большого города.

— Да, но для нас, червей Земли, интервалы между этими катастрофами равны миллионам лет... И с какой целью вы хотите погубить человечество?

— Я уже сказал вам, что мне нет дела до человечества. Я не хочу губить, но не желаю и отказываться от своих целей ради спасения человечества.

— Каких целей?

Мистер Бэйли не ответил.

Мы шли вдоль изумительного голубого озера. Едва заметный пар поднимался над ним. Несмотря на все предосторожности, жидкий воздух все же немного испарялся. Действие теплоты земного шара и солнца сказывалось даже сквозь все изоляционные преграды.

В стене грота виднелась черная дверь.

— Войдем сюда, — сказал мистер Бэйли. Он открыл дверь, мы спустились по отлогому коридору и вошли в другую пещеру. Она была гораздо меньше. Здесь не было голубого озера. Это был какой-то склад. Вернее, целый городок, где вместо домов стояли огромные шкафы из того же черного глянцевого материала. «Улицы» были расположены с прямолинейностью плана американских городов. Бэйли открыл дверцы одного из шкафов и, выдвинув при помощи механизма ящик, показал содержимое: там лежали блестящие шарики величиною с грецкий орех. Я с интересом ждал объяснений.

— Вам должно быть известно, — начал Бэйли, — что один литр воды при обыкновенной температуре поглощает до семисот литров газа аммиака, а при нуле градусов количество поглощаемого аммиака увеличивается до тысячи сорока литров, причем объем воды почти не увеличивается.

Я кивнул головой и ответил:

— Газ размещается в промежутках между частицами воды.

— Вот именно. Промежутки между молекулами газа по отношению к величине самих молекул громадны. Расположение молекул может быть уподоблено расположению планет в Солнечной системе — они отстоят друг от друга на громадных, сравнительно с их размерами, расстояниях. Если вы читали Фламмариона, то помните, что он говорит о кометах. Комету, состоящую из разреженных газов и занимающую пространство в сотни тысяч кубических километров, можно было бы вместить в наперсток, уплотнив эти газы... Так вот, такие «наперстки» перед вами. Хитроумному Энгельбректу удалось превратить жидкий воздух в чрезвычайно плотное тело. В одном этом ящике заключено воздуха

больше, чем в огромном озере из жидкого воздуха. Попробуйте взять один из этих шариков!

Я протянул руку и попытался вынуть шарик, но не мог этого сделать.

— Они все сплавлены вместе, — ответил я. Бэйли рассмеялся.

— Сколько весит один кубический метр обыкновенного комнатного воздуха? — спросил он меня.

— Около килограмма.

— Килограмм с четвертью. А в этом шарике заключен один кубический километр воздуха. Не всякая лошадь свезет воз, нагруженный одним таким шариком.

Я был поражен, и мое изумление доставило мистеру Бэйли большое удовольствие.

— Да, — повторил он, — Энгельбрект стоит тех денег, которые я плачу ему. Теперь вы поверите, что переработать все воздушное сырье не такая уж невозможная вещь. Представляю, какой поднимется в мире переполох, когда люди начнут задыхаться!

И, протянув руку к сверкающим шарикам, мистер Бэйли сказал с пафосом:

— Отсюда я могу править миром!

Меня поразило, что он, сам того не зная, почти буквально повторил слова пушкинского «Скупого рыцаря».

— «Что не подвластно мне?» — продекламировал я вслух.

И продолжал:

...Как некий демон,
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги...
...Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно сего сознанья...

— Это вы хорошо сказали, — ответил Бэйли, внимательно выслушав меня. — Я не знал, что вы поэт.

— Это не я сказал, а Пушкин.

— Все равно. Хорошо сказано. Пушкин? Помню. Он подражал нашему Байрону и нашему Вальтеру Скотту. Но

конец нехорош. Мне мало одного сознанья власти. Я капиталист, коммерсант. Мертвый капитал — это не капитал. Я должен торговать, и я торгую... Торговец воздухом!.. Ха-ха-ха! Кто бы мог подумать?

— С кем же вы торгуете? — спросил я.

— А с кем я должен торговать? — с неожиданным раздражением воскликнул мистер Бэйли. — Не с вашими ли наркомторгами?

— Значит, с заграницей? Не скажу, чтобы эта торговля была законной. Вы обосновались на нашей, советской территории...

— И перерабатываю ваш прекрасный русский воздух, и нарушаю монополию внешней торговли, и так далее, и так далее. Я буду торговать с Англией, Германией, Францией, наживу капитал, а вы отберете его у меня? Я поеду в Англию, а вы там сделаете революцию и доберетесь до меня и моих капиталов? — говорил мистер Бэйли со всевозрастающим раздражением. — Нет, довольно! Вы испортили весь мир. Нет на земном шаре угла, где бы не угрожала красная опасность. Я мог бы скрутить вас теперь в бараний рог. Вы еще не знаете о всех моих ресурсах. Но это мне надоело. Я хочу торговать спокойно и уверенно.

— Тогда вам лучше было бы перебраться на Луну, — с иронией сказал я.

— И очень просто! Здесь нет ничего смешного. Луна слишком мала, чтобы удержать атмосферу, но я могу устроить подлунные жилища. В воздухе недостатка не будет. А для межпланетного путешествия у меня есть кое-какие возможности получше пороховой ракеты.

— Вы это серьезно? — спросил я, с недоумением глядя на него.

— Совершенно серьезно.

— И там вы откроете контору по продаже воздуха? Но вы сказали, что уже ведете торговлю?

— Да, веду, и очень успешно.

— С кем, можно ли узнать?

— С Марсом, — ответил он. — Да, с жителями планеты

Марс. Это очень выгодный рынок для сбыта воздуха. Вы знаете, что на Марсе барометр стоит в двенадцать раз ниже, чем у нас. У бедных марсиан не хватает воздуха. И они очень хорошо платят за этот товар.

«Сумасшедший! — подумал я. — Этого еще недоставало!»

— Что же, они прилетают к вам или вы отправляете туда своего комиссионера?

— Зачем? Я бросаю на Марс из особой пушки вот эти снаряды. Там они взрываются и превращаются в воздух. А марсиане таким же образом транспортируют мне взамен свой продукт иль.

— Иль? Что это такое?

— Радиоактивный элемент, обладающий огромной энергией. Этой энергией приводятся в движение все мои машины, на этой энергии работает пушка, посылающая снаряды на Марс. Иль может дать энергию и для ракеты, в которой я полечу на Луну.

— Но почему же марсиане не прилетели на Землю за воздухом? Марс более старая планета, и марсиане должны были обогнать нас в технике.

— Они и обогнали. Но у марсиан очень слабый организм. Уже шестьсот лет назад они делали опыты межпланетных путешествий. Но они неизменно гибли, не будучи в состоянии перенести условий путешествия. Во время полета тела невесомы. Такое состояние вредно влияло на кровообращение и все жизненные функции. И смелые путешественники неизменно умирали — одни в пути, другие вскоре после возвращения на Марс. Они назвали эту болезнь «левитацион» — так можно перевести на наш язык их слово.

— Как же вы все это узнали и как установили с ними отношения?

Мистер Бэйли нахмурился.

— Довольно того, что я сказал вам. Если вы не верите, я покажу вам иль. Да, впрочем, вы сами однажды были свидетелем того, как я едва не погиб в болоте при получении марсианской посылки.

Но я не мог поверить Бэйли — так все это было необычно — и продолжал возражать:

— Однако такая посылка, пролетая через воздушную оболочку Земли, должна была накалиться и превратиться в пар, как осколок болида.

— Вы же сами признали, что техника марсиан должна далеко уйти вперед по сравнению с человеческой. Их снаряды снабжены регуляторами движения. Управляются они по радио марсианскими инженерами.

Я хотел задать мистеру Бэйли еще несколько вопросов, но он закрыл шкаф и сказал мне:

— Пойдемте дальше. Я вам покажу еще одно интересное и поучительное для вас зрелище.

Бэйли привел меня к узкой двери, через которую мы вышли в слабо освещенный коридор.

— Еще один вопрос, — сказал я, — почему вы устроили ваш завод в Якутии?

— Потому, что это место удобно для моего производства. Здесь полюс холода.

— Однако в центре Гренландии не теплее, там даже летом температура не поднимается выше тридцати градусов мороза.

— Это удобство кажущееся. Когда мои вентиляторы заработали бы, с юга потянули бы теплые воздушные течения и значительно подняли бы температуру Гренландии. Да в конце концов теперь для меня температура окружающего воздуха не так важна. Мне это было важно вначале. Теперь у меня дело поставлено так, что я мог бы иметь холод мирового пространства даже на экваторе, конечно, в моем подземном городке. Притом в Гренландии торчат американские метеорологи, изучающие «родину циклонов». Мне же необходимо было забраться в такой укромный уголок, где мне никто не помешает, пока я не поставлю производство. Теперь мне не страшны люди, но я страшен для них. Горе тем, кто пойдет по ветру!.. Кстати, я не сообщил вам еще одной новости. Вас больше не ищут, но ваша экспедиция скоро тронется в путь, как только приедет ваш заместитель. Могу

вас уверить, что экспедиция погибнет вся, до одного человека! Наступает зима. Я подниму такую бурю, что участники экспедиции умрут, прежде чем сделают половину пути от Верхоянска до меня.

— Правительство вышлет вторую экспедицию будущим летом. Вас не оставят в покое, — сказал я.

— Тем хуже для них, — ответил Бэйли и открыл дверь.

Мы вошли в огромную круглую полуосвещенную пещеру. Мистер Бэйли повернул выключатель, и пещера ярко осветилась. Я увидел изумительное зрелище.

С потолка спускались сталактиты, а с земли тянулись вверх сталагмиты самых причудливых форм. На потолке сверкали призмы горного хрусталя. Витые колонны, как в буддийском храме, странные наплывы на стенах и «занавески» по углам придавали пещере фантастический вид.

Прямо передо мной посреди пещеры стоял огромный мамонт. Его хобот был вытянут вперед, как будто этот колосс собирался затрубить призыв к бою. Огромные ноги — толще моего туловища — были широко расставлены, голова пригнута. Вся колоссальная туша мамонта блестела, как будто она была покрыта стеклом. Вокруг мамонта расположились более мелкие представители животного мира: медведи бурые и белые, волки, лисы, соболя, горностаи... Целый ледяной зверинец!

На уступах скал сидели блестящие птицы — полярная сова, гуси, утки, вороны. А вдоль стен расположились... «двуногие» представители приполярных и полярных стран: якуты, самоеды, вогулы, чукчи — все в национальных костюмах, вооруженные самодельными стрелами, луками, капканами. Одни из них стояли в позе охотника, другие — с упряжкой собак или оленей, иные держали в руке рыбачий гарпун или весло. Здесь же лежали домашняя утварь и промысловые орудия.

Это был целый музей, необычайно богатый и разнообразный. Все экспонаты были покрыты прозрачным веществом, блестевшим, как стекло, и позволявшим хорошо видеть малейшие подробности.

— Поразительно! — сказал я.

Мистер Бэйли самодовольно усмехнулся.

— Ваши ученые только собираются устраивать ледяной музей, а я уже устроил его. Вы знаете, что вечная мерзлота сохраняет трупы в полной неприкосновенности. Вот этот мамонт, которого мы выкопали, пролежал в мерзлоте не одну тысячу лет, а мясо его так свежо, что можно было бы зажарить и есть. Наши собаки очень охотно ели — как бы это сказать по-русски — мамонтятину.

— Но ведь здесь не только ископаемые животные, здесь имеются медведи, лисы... И потом эти люди?..

— Да, я собирал и живые экземпляры.

— Живых людей?

— А почему бы нет? Какая разница? Рано или поздно каждого из этих людей задрал бы медведь или они просто умерли бы естественной смертью и бесследно погибли бы, как погибают звери. А участь попавших в мой музей прекрасна. Они сохраняются при помощи холода не хуже египетских мумий. Они обессмертили себя.

— Для кого? Кто видит их?

— Вы, я, не все ли равно? Я не собираюсь делать из моего музея учебно-вспомогательное учреждение и завещать его кому бы то ни было. Это моя прихоть, мое развлечение. Не все же одни дела! Надо чем-нибудь развлекаться.

— И для этого вы... убивали людей?

— Не я первый сказал, что охота на людей — самый увлекательный вид охоты... Впрочем, не думайте, что я стал бы заниматься охотой специально за «двуногими зверями». Вот еще! Здесь только те, кто имел неосторожность бродить вблизи моего городка. О нем никто не должен был знать. И тот, кто «шел по ветру», не возвращался назад... Но это еще не все, — продолжал он, помолчав. — Я покажу вам еще одно отделение моего музея. Идемте!

Мы прошли в смежную пещеру. Она была значительно меньше. В глубине пещеры вдоль стен стояли статуи людей, блестевшие, как стекло.

Мы подошли ближе.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал мистер Бэйли, указывая на статуи. — Такова судьба тех, кто пытается бежать отсюда. Вот, видите этот пьедестал? Он был предназначен для вас.

Мистер Бэйли включил большую лампу. Яркий свет осветил статуи. Я присмотрелся к ним ближе и содрогнулся. Это были трупы людей, покрытые жидким стеклом или каким-то иным прозрачным составом.

— Я замораживаю людей, затем их обливают водой, которая моментально превращается в лед. Так они могут простоять до второго пришествия... Очень поучительное зрелище, не правда ли? Я показываю эти мумии всем провинившимся в первый раз, и действие бывает очень благотворное: у виновных пропадает всякая охота нарушать установленные мною законы... А работники мне, конечно, нужны, особенно квалифицированные...

Я насчитал одиннадцать трупов. Пять из них принадлежали якутам, три, по-видимому, иностранцам, остальные были похожи на сибирских охотников. Тонкий слой льда позволял хорошо видеть. На трупах были костюмы, в которых их застала смерть. У большинства трупов лица казались спокойными, только у одного якута осталась на лице страшная улыбка.

— Как вам нравится мой «пантеон»? — спросил Бэйли.

— Отвратительное зрелище, — ответил я. — Нужно быть уверенным в полной безнаказанности, чтобы хранить эти улики преступлений.

— А вы еще не потеряли веру в возмездие? — иронически спросил Бэйли. — Да, с этой иллюзией, говорят, легче живется. Однако нам пора возвращаться.

Глава 11

ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМНОГО ГОРОДКА

Из нашего путешествия я вернулся совершенно разбитым и подавленным. А Бэйли еще не все показал мне! Я не видел машин, не видел смертоносных орудий, действия иля. Но и того, что я видел, было совершенно достаточно,

чтобы лишить человека покоя. Бэйли оказался сильнее и страшнее, чем я мог думать. Борьба с ним должна быть чрезвычайно трудной. А его безумные действия угрожали всему человечеству.

Он сам оставался для меня загадкой. Его «коммерческая» деятельность не могла преследовать только ВЫГОДУ. В самом деле, на что мог использовать несметное богатство один человек, поставивший себя вне общества, больше того, обрекающий все человечество, всю жизнь на Земле на ужасную гибель? Это мог сделать только маньяк. Быть может, Бэйли вобрал в себя все отчаяние капиталистов, обреченных историей, и, как Самсон, решил погибнуть вместе со своими врагами? Нет. Дикая мысль! Люди его класса не торопятся сами погибать, если они здоровы.

Я вошел в лабораторию. При виде меня Нора весело кивнула головой, причем ее румяное лицо чуть-чуть вспыхнуло. Она склонила голову над пробиркой.

— Мисс Энгельбрект, — довольно торжественно сказал я, — позвольте поблагодарить вас...

— За хороший отзыв? Какие пустяки! Вы стоите этого. Когда вы не очень задумываетесь, вы отличный работник... Не забивайте только слишком туго пробок в сосудах с жидким воздухом и не...

— Это совсем не пустяки! — горячо прервал я ее. — Вы спасли мне жизнь!

Нора посмотрела на меня с удивлением и даже испугом.

— Это вы не шутите?

— Нет, конечно. Мне угрожала смерть за попытку побега.

— Смерть? Я не думала, что дело так серьезно, иначе бы я еще более... Но кто же угрожал вам смертью? Неужели...

— Разумеется, мистер Бэйли. О, он не пощадит тех, кто не повинуется его воле! Приходилось ли вам видеть его страшный «пантеон»?

Нора отрицательно покачала головой и спросила, что это значит. Я рассказал ей о своем путешествии в обществе

Бэйли по подземному городку и обо всем, что узнал от «торговца воздухом».

К моему удивлению, Нора выслушала меня с большим интересом. Очевидно, многое из того, что я сказал ей, она слышала впервые. По мере того как я говорил, лицо ее все более хмурилось. Удивление сменялось недоверием, недоверие — возмущением.

Закончив свой рассказ, я поднял бокал с жидким воздухом и сказал:

— Вот в этом сосуде мы изготовляем смертный напиток для человечества. Моя жизнь пощажена только для того, чтобы я содействовал гибели других, гибели нашей прекрасной Земли со всеми живыми существами, живущими на ней. И я не знаю, радоваться ли мне моему спасению, или... не выпить ли мне самому этот бокал?..

Зазвонивший телефон прервал мою патетическую речь. Нора быстро подошла к телефону.

— Алло... Да... Мистер Клименко, вас просит к телефону мистер Бэйли.

Я подошел к телефону.

— Да, это я... Нет... Слушаю!

— Вы чем-то смущены? — спросила Нора, когда я отошел от телефона.

— Дело в том, что мистер Бэйли опоздал. Оказывается, он забыл меня предупредить, что я не должен говорить вам о том, что видел и слышал.

— И что же вы ответили?

— Я ответил, что еще ничего не говорил, и обещал не говорить.

Нора вздохнула с облегчением.

Потом она взяла бокал с жидким воздухом, который я перед тем держал в руке, в задумчивости посмотрела на голубую жидкость и вдруг бросила бокал на пол. Стекло разбилось. Жидкий воздух разлился и под влиянием теплоты пола начал шипеть и быстро испаряться. Через минуту на полу валялись одни осколки стакана.

«Великолепно! — подумал я. — Теперь у меня есть союзник!»

Нора испытующе посмотрела мне в глаза.

— Вы все мне рассказали?

— Все, — ответил я, но сразу же невольно смутился: я вспомнил о видах мистера Бэйли на мой брак с Норой. Я не хотел говорить об этом девушке. Но она заметила мое смущение.

— Вы что-то скрываете. Вы не все сказали!

— Но это пустяки, не относящиеся к делу.

— Не лгите. Пустяки не заставили бы вас смутиться.

Я был в большом затруднении и решил перейти от обороны к нападению:

— А вы сами разве все говорите мне? Помните наш разговор, когда я неосторожной фразой обидел вас?.. Простите, что я вспоминаю об этом. Тогда вы сказали мне: «Вы ничего не знаете». Почему же вы сами тогда не объяснили мне всего, чего я не знаю?

На этот раз была смущена Нора.

— Есть вещи, о которых трудно говорить...

— Этими словами вы оправдываете и мое молчание.

— Нет, не оправдываю. Вы не дали окончить мою мысль. Есть вещи, о которых трудно говорить. Но бывают обстоятельства, когда нельзя больше молчать. Приходится говорить обо всем, как бы трудно это ни было.

— И вы мне скажете?

— Да, если и вы не скроете от меня ничего. — Я попался в собственные сети. Торг совершился, и мне оставалось только выдать свою тайну. Все же я постарался сгладить цинизм Бэйли. — Бэйли сказал... что у меня деревяшка вместо сердца, если я решился бежать, пожертвовав ради свободы обществом такой девушки, как вы.

Нора сначала улыбнулась: это звучало как комплимент. Но она была умна и скоро разобралась в том, что скрывается под таким комплиментом. Брови ее нахмурились.

— Я должна быть благодарна мистеру Бэйли за его высокую оценку, — сказала она. — К сожалению, мистер Бэйли

ко всему подходит с коммерческой точки зрения. Было время, когда он сам претендовал на «мое общество»... И даже тогда мне казалось, что им руководит не сердце, а расчет... Он видел, что я скучаю, что меня тянет к людям. Отец очень нагружен работой. Он очень любит меня, но... науку, кажется, любит еще больше, — с некоторой горечью и ревнивым чувством сказала Нора. — Моя тоска мешала общей работе. И мистер Бэйли... Вы понимаете?.. Он сделал мне предложение.

— И вы? — спросил я, задерживая дыхание.

— Ну конечно, решительно отказала ему, — ответила Нора.

Я не мог сдержать вздох облегчения.

— Я не знала тогда о его делах и мало интересовалась ими. Но он мне просто не нравился. Он долго не терял надежды прельстить меня своими миллионами, наконец оставил меня в покое, когда я решительно заявила, что уеду, если он будет надоедать мне своими предложениями. Это напугало его, и он дал слово «забыть меня»... И вот теперь мистер Бэйли, очевидно, создал новый вариант прежнего плана, да при этом он хочет убить сразу двух зайцев. Проще говоря, он хотел бы поженить нас с вами. Не так ли?..

Я покраснел. Нора рассмеялась. Этот смех обрадовал меня. Значит, на этот раз планы мистера Бэйли не были ей так неприятны! Но Нора сразу же охладила меня. Или это была только женская хитрость? Лукаво посмотрев на меня, она с деловым видом заметила:

— Но я не думаю, конечно, выходить замуж за вас, мистер Клименко.

— А за кого же? — уныло спросил я. — Простите, сорвалось... Такие вопросы не задают... Однако сегодня мы ничего не делаем! — решил я переменить разговор.

— Да, вы правы, — ответила она и, подняв второй бокал с жидким воздухом, вылила жидкость на стол.

Это произошло так быстро, что я не успел снять руку со стола. Часть жидкого воздуха плеснула мне на пальцы; воздух зашипел, испаряясь. Я почувствовал ожог.

— Боже! Что я наделала! — вскрикнула девушка. — Простите меня.

Она бросилась к аптечному шкафчику, вынула мазь против ожога, вату и бинт.

В ее лице было столько искреннего огорчения, она так заботливо ухаживала за мной, что я был вполне вознагражден.

Дверь из кабинета отца Норы открылась, и на пороге появился он сам.

— Ну что же, Нора, готово? — спросил Энгельбрект.

— Мы не успели окончить, — ответила Нора. — Мистер Клименко ожег себе руку.

— Ничего серьезного? — спросил ученый.

— Пустяки, — поспешил сказать я.

— Надо быть осторожным, — поучительно проговорил он. — Так я жду! — Дверь закрылась.

Рука была перевязана, и мы уселись за стол. Нора вздохнула.

— Я решила больше не работать, — сказала она, — но отец требует. Ему это нужно...

— А ваш отец знает обо всем, что касается мистера Бэйли? — спросил я.

— Это я сама хотела бы теперь знать. Я хочу поговорить с отцом и спросить его обо всем... Когда мы собирались в эту несчастную экспедицию, отец сказал мне, что мы направляемся исследовать Великий Северный путь. Мы высадились недалеко от устья реки Яны. Тогда нам говорили, что летчики, бывшие на нашем ледоколе, сообщили, что дальнейший путь на восток затерт льдами. Предстояла зимовка. С парохода был снят весь груз. Его было очень много, гораздо больше, чем надо для зимовки. Я видела груды больших ящиков. Но что в них было — не знаю. Мы расположились на зимовку. Часть экипажа находилась еще на ледоколе. Там же остались два профессора, участвовавшие в нашей экспедиции. Один радиоинженер, а другой астроном...

— А зачем был нужен астроном в полярной экспедиции?

— Не знаю. Эти два профессора еще во время плавания в чем-то не поладили с мистером Бэйли. Они держались особняком и иногда тихо совещались в укромных уголках. Однажды утром, когда я вышла из своей палатки, чтобы принять участие в работах по разгрузке, я увидела, что парохода уже нет. Мне сказали, что ночью его унесло ветром в океан вместе с двумя профессорами. Труп астронома нашли потом выброшенным морем на берег, а радиоинженер так и погиб вместе с пароходом. Я была очень удивлена. В ту ночь не было бури. Я обратилась с вопросом к мистеру Бэйли, но он, смеясь — он мог смеяться! — ответил мне, что я очень крепко спала и поэтому не слыхала бури. «Но море совершенно спокойно», — сказала я, указывая на океан. «В это время года не бывает больших волн, — ответил мистер Бэйли. — Плавучие льды уменьшают волнение. А ветер был сильный, сорвал ледокол с якорей и унес его в океан».

Элеонора замолчала, делая запись в тетради и следя за колбой, стоявшей на весах. Потом опять начала говорить:

— Еще одна странность: с парохода были выгружены на берег два аэроплана большой грузоподъемности. Для зимней стоянки они были не нужны. Их выгрузили, как я потом узнала, для переброски всего нашего багажа в глубь страны. Аэропланы переносили куда-то ящик за ящиком. Отец объяснил мне, что мистер Бэйли изменил план. Так как пароход погиб, то он решил заняться геологическими исследованиями на материке. Переброска, несмотря на зиму, продолжалась. Часть груза была отправлена на автомобилях, поставленных на лыжи. Вся эта работа заняла несколько месяцев и стоила нескольких человеческих жизней. Мы заменяли погибших матросов якутами, которые иногда случайно наталкивались на нашу стоянку. Вообще же место было очень безлюдное, и мы работали без помех и далеко от любопытных глаз. Наконец мы с отцом прилетели на место новой стоянки. Это была совершенно пустынная горная страна. В мерзлой земле, как кроты, рылись буровые машины. Я мало понимаю в машинах. Но даже меня поражала их мощность. Если бы вы видели, как работали эти изумительные

машины!.. Время от времени сюда доставляли на аэропланах новые машины и материалы. Очевидно, мистер Бэйли имел связь с внешним миром. Подземный городок строился со сказочной быстротой.

Все это было не похоже на геологические разведки. Но мистер Бэйли объяснил мне, что он напал на урановую руду и будет добывать радий. Кроме того, он решил заняться добыванием азота из воздуха и изготовлением жидкого воздуха. В конце концов, чем занимается мистер Бэйли, меня не интересовало. Я рано начала помогать моему отцу в его научных работах и уже не раз кочевала с ним из города в город. Меня не пугали эти переезды. Но в такой дыре мне еще никогда не приходилось жить. У отца были прекрасные предложения от солидных фирм. И я спросила его, что побудило его принять предложение мистера Бэйли. Отец ответил, что мистер Бэйли за один год работы предложил ему сто тысяч фунтов стерлингов. Целое состояние! «Я хочу обеспечить твое будущее», — сказал мне отец. Прошел год, но отец продолжал работать у мистера Бэйли. Тогда я спросила отца, не пора ли нам возвратиться на родину. Отец несколько смутился и ответил, что сейчас он очень занят (в то время он делал опыты с превращением кислорода в водород, действуя электрическим током) и не хочет прерывать работы. «Здесь прекрасные лаборатории и такая тишина, какой не найти во всем мире. Хорошо работается», — точно оправдывался он. Я была несколько разочарована. Тогда отец сказал, что если я хочу, то могу ехать одна и жить пока у тетки... Моя мать умерла, когда я была совсем маленькой... Я не хотела покидать отца и осталась в подземном городке.

— Что же все-таки заставило отца остаться? Большая оплата?

— Не думайте, что мой отец корыстолюбив, — поспешно ответила Нора. — Никто не откажется от больших денег, если они сами идут в руки. Но ради одних денег он не остался бы.

— Но почему он смутился, когда вы задали ему вопрос о том, скоро ли вы уедете отсюда?

— Не знаю. Быть может, потому, что науку он предпочел моим интересам. Так по крайней мере думала я тогда. Но теперь, после того что я услышала от вас, мне приходит мысль, что мой отец... не совсем добровольно остался у мистера Бэйли. Или же... Но я не хочу об этом думать... Я должна все выяснить. Я поговорю с отцом.

— И если окажется, что мистер Бэйли держит вашего отца в плену?

Лицо Норы сделалось суровым и решительным.

— Тогда... Тогда я буду бороться, и вы поможете мне! — Я протянул ей мою здоровую руку. Нора пожала ее.

— Нора, ну что же твоя работа? — услышали мы опять голос Энгельбректа.

— Через пять минут будет готова, — ответила она, принимаясь за склянки.

— И знаете что, — сказал я, когда дверь в кабинет отца Норы закрылась. — Перестаньте бить посуду и разливать жидкий воздух. Это ребячество. Будем до времени работать, как мы работали раньше. Нельзя возбуждать ни у кого ни малейшего подозрения.

Нора молча кивнула головой и углубилась в работу.

В этот день я ночевал один в своей комнате. Николы не было. Очевидно, Бэйли решил разъединить нас. Это для меня было большим ударом. Я уже привык и даже привязался к якуту. Кроме того, он был нужен для выполнения моих планов. Рано или поздно борьба между мною и Бэйли должна была принять открытые формы. Я ни на минуту не оставлял мысли о побеге или по крайней мере о том, чтобы предупредить наше правительство о грозящей опасности.

На третий день вечером Никола явился. Он был по обыкновению весел и детски беспечен. Суровая природа закалила его, и он привык легко переносить невзгоды судьбы.

— Никола! — радостно встретил я его.

— Здравствуй, товарищ! — ответил он. И, усевшись на полу на скрещенных ногах, запел, покачивая головой: — Никола сидел на хлеб и вода, это не беда. Никола немного ел, много пел.

— Никола, да ты даже в рифму умеешь сочинять! — удивился я.

— Не знаю, — ответил он. — Мои дети в школе учатся, песни знают. Я слыхал.

— Ну а с Иваном что?

— Жив Иван. Со мной сидел. На работы пошел.

Бэйли, очевидно, решил, что мои «пособники» не заслуживают большого наказания. Вернее же, он берег их как рабочую силу.

— Плохи наши дела, Никола, — сказал я. — Больше не будешь убегать со мной?

— Сильно ветер мешал. Ничего. Если ты побежишь, и я с тобой.

Глава 12

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Бэйли, вероятно, полагал, что урок, данный им мне, и зрелище его ужасного «пантеона» окончательно выбили из моей головы мысль о побеге и примирили меня с положением. Во всяком случае, после нашего с ним путешествия мне была предоставлена большая свобода. Я получил доступ в те части городка, вход в которые раньше мне был запрещен. Только в машинное отделение и в арсенал, где хранились орудия, мне не удавалось проникнуть. Зато я смог завязать новое полезное знакомство — с радистом.

Это был довольно пожилой шотландец, сносно говоривший по-немецки. Когда-то он работал в Германии на заводе, изготовлявшем радиоаппаратуру. Мистер Люк вопреки общему представлению об англичанах был очень разговорчив, и это было мне на руку. Притом он оказался завзятым шахматистом, а так как я был игроком первой категории, то он поставил целью своей жизни обыграть меня, хотя играл значительно слабее.

Шахматы очень сблизили нас. Вечерами, когда Люк сдавал дежурство, он неизменно являлся ко мне со своими литыми чугунными шахматами в виде статуэток, изображавших английского короля и королеву, офицеров, похожих на Дон Кихота, и пешек, напоминавших средневековых ландскнехтов.

Люк скоро входил в азарт, и его пешки при передвижении так громко стучали по деревянной доске, как будто по мосту шли настоящие ландскнехты. При этом он беспрерывно говорил:

— Пехота, вперед!.. Вы так? А мы вот так!

Я умышленно задумывался над его ходом и в это время задавал ему какой-нибудь вопрос, систематически выведывая от него все, что мне нужно и интересно было знать. Таким способом я узнал, что мистер Люк — старый холостяк, совершенно одинокий; на родину его не тянет, и живет он у Бэйли, по-видимому, по своей охоте, прельстившись хорошим жалованьем и неограниченной возможностью поглощать джин, до которого Люк был большой охотник.

— Где много джина, там и родина, — говорил Люк. — Но я пью умело. На работе я всегда трезв, как вода.

Я учел это новое обстоятельство, и в моей комнате появлялась перед приходом Люка бутылка джина, которую мне беспрепятственно выдавал буфетчик. Бэйли по своим коммерческим соображениям считал нужным удовлетворять по мере возможности желания своих вольных и невольных работников, чтобы заглушать в них тоску по свободе и не вызывать недовольства.

Для достижения своих целей я решил даже пожертвовать престижем игрока первой категории. Время от времени я проигрывал последнюю партию Люку. Когда джин и упоение победой окончательно развязывали ему язык, я приступал к своим главным вопросам.

Признаюсь, это была не совсем честная по отношению к Люку игра. Но разве Бэйли поступал со мною честно? Я решил, что в борьбе с ним все средства хороши. Это была военная разведка применительно к условиям и обстоятельствам. Мои задачи были поважнее, чем этика приятельских отношений.

— Ну, что сегодня говорит радио, мистер Люк? — спрашивал я, позевывая.

И мистер Люк начинал мне рассказывать о новостях. Так я узнал, что вместо меня во главе экспедиции был поставлен мой друг, молодой ученый Ширяев. Несмотря на то что уже началась зима, экспедиция выступила в путь. Однако поднявшиеся бураны и ветер, достигавший силы десяти баллов, заставили экспедицию вернуться в Верхоянск. После доклада экспедиции о положении дела из центра был получен приказ отложить экспедицию до весны и заняться пока на месте метеорологическими наблюдениями.

Эта весть и обрадовала и опечалила меня. Ширяев был осторожнее меня — он не хотел жертвовать жизнью своих спутников и своей и потому избежал участи, уготованной ему Бэйли. Я радовался за моего друга. Но до весны мне уже не приходилось ждать помощи со стороны. Впрочем, это тоже к лучшему, — успокаивал я себя. Бэйли погубит всех, кто неосторожно приблизится к его подземным владениям. На борьбу с ним должны быть брошены мощные силы государства...

Но для успеха необходимо предупредить правительство, чтобы оно отнеслось к задаче со всей серьезностью. Быть может, за зиму мне удастся так или иначе установить связь с внешним миром.

Я вооружился терпением, продолжая вместе с тем свою «шпионскую» работу.

С Люком мы все более сближались. И однажды в минуту откровенности он мне приоткрыл тайну «Арктика». Люк был один из немногих, посвященных в эту тайну, хотя Бэйли не сообщил и Люку всей правды о своих целях. По словам Люка, «Арктик» с разведенными парами был направлен в открытый океан, на север, для того чтобы инсценировать кораблекрушение. Бэйли и не думал продвигаться далее на восток. Он просто хотел «пособрать в вашем СССР кое-какие полезные ископаемые без возни со всякими концессомами».

— О, он очень хитрый, мистер Бэйли! — почти с восхищением сказал Люк. — Коммерсант! Что же вы хотите? У вас богатства лежат даром, как собака на траве, а он сделал из них деньги. Хорошо вас провел мистер Бэйли! — и Люк захохотал. — Машинист развел пары, штурман укрепил колесо штурвала, и — фьють! Когда «Арктик» пошел на всех парах, остававшиеся на ледоколе соскочили в моторную лодку и вернулись на берег, а пароход один продолжал путь. Ловко?

— На пароходе никого не осталось? — спросил я Люка.

— Никого, — ответил он.

Я боялся возбудить подозрение мистера Люка и потому не спросил его о судьбе двух исчезнувших профессоров После некоторых колебаний я, однако, решился задать осторожный вопрос:

— И все сошло благополучно, без аварий и без потерь?

— Несколько человек погибли при перевозке с берега сюда, да еще на берегу мы потеряли двух профессоров. Говорят, они отправились на охоту и не возвратились.

— Но вы искали их?

— Как будто да. Тогда было не до этого. У всех было работы по горло Зима надвигалась.

Или Люк не хотел мне сказать всего, или же он многого сам не знал. Во всяком случае, на него рассчитывать было нельзя. К советской власти он, видимо, относился враждебно. Это был типичный служака. Его идеалы сводились к тому, чтобы получать хорошее жалованье, пить джин да собрать деньги, купить, вернувшись на родину, домик и жить, ничего не делая, на ренту.

Однажды я сказал ему, что очень интересуюсь радио, но, к сожалению, не имел возможности ближе познакомиться с этим замечательным изобретением.

— Это очень просто, — ответил Люк. — Приходите ко мне на станцию, лучше во время ночного дежурства, и я вам покажу.

Я воспользовался этим предложением и зачастил к мистеру Люку.

С каким волнением услышал я после перерыва в не-

сколько месяцев знакомый голос диктора «Коминтерна»! Радиогазета!.. Последние новости...

«...Теперь послушаем, товарищи, какую зиму предсказывают наши метеорологи. Мы можем обрадовать дачников-«зимников»: им не придется мерзнуть в своих сквозных дачках. Ученые обещают, что зима в этом году будет очень теплой, гораздо теплее даже, чем была в прошлом году...»

«Еще бы! — подумал я. — Вентиляторы мистера Бэйли создают свой воздушный Гольфстрим. Теплые воздушные течения идут в Северное полушарие от экватора и поднимают температуру».

«...Но зато на юге Африки, в Южной Америке и в Австралии наблюдается значительное понижение температуры...» — продолжал диктор.

«Задышали ледяные пустыни Южного полюса!» — мысленно ответил я диктору... О, если бы я мог отсюда, через тысячи километров, крикнуть ему, что нечего радоваться теплой зиме, что огромное несчастье надвигается на человечество!

«...Теперь послушаем музыку. Оркестр студии исполнит «Менуэт» Боккерини».

Легкий, изящный менуэт зазвучал. Но от этой музыки мне стало еще тяжелее. Там жизнь идет своим чередом. Люди работают, развлекаются, живут, как всегда, не зная, какая беда нависла над ними.

Я снял с ушей радиотелефон. Люк сидел, углубившись в прием, переводя точки и тире Морзе на буквы. Он быстро записывал телеграмму. Каждое утро эти телеграммы подавались мистеру Бэйли.

Наконец он оторвался от работы и, не снимая наушников, спросил меня:

— Интересно?

— Да. Но я принимал и у себя дома на радиоприемник. Мне интересно знать, как это делается и как производится не только прием, но и передача. У вас имеется передающая радиостанция?

Быть может, я сам был слишком подозрительным и осторожным, но мне показалось, что в лице Люка появилась какая-то настороженность.

— Вы хотите передать привет родным и знакомым? — спросил он меня с улыбкой. — Да, передающая радиостанция у нас есть, но мы не пользуемся ею. Мы не хотим обнаруживать нашего местопребывания.

В тот момент я поверил Люку. Но скоро выяснилось, что он сказал неправду. Однажды я зашел на радиостанцию позже обыкновенного и застал его за передачей.

— Вы решили открыть свое местопребывание? — сказал я с простодушной улыбкой. — Что, застал вас на месте преступления?

Мистер Люк нахмурился, но потом заставил себя рассмеяться.

— Уж не шпионите ли вы за мною? — сказал он шутливо. Но от этой шутки у меня заныло сердце.

— Какие глупости! — отвечал я. — Зачем мне шпионить? — И уже с хорошо разыгранной обидой в голосе я сказал: — Если я помешал, то могу уйти.

— Оставайтесь, — ответил Люк. — Тогда я вас не обманул: наша большая передающая станция молчит. Но эта... Этакой станции нет во всем мире, кроме одного места, где принимается моя передача. Эта станция работает на таких коротких волнах, что обычные станции не могут принимать ее. Таким образом тайна передачи сохраняется... Коммерческие тайны! — пояснил он. — Но только вот что, мистер Клименко: я вам очень много доверил, потому что вы мой друг. Но вам лучше не говорить о том, что вы видели меня за передачей. И не заходите в это время ко мне... Это служебная тайна.

Я успокоил Люка и вернулся к себе. Последнее открытие убедило меня в том, что Бэйли имеет союзников во внешнем мире. Это делало его еще более опасным. А Люк, по-видимому, начинает относиться ко мне с недоверием. Если бы не боязнь потерять шахматного партнера, он, пожалуй, закрыл бы мне вовсе доступ на радиостанцию. И теперь мне надо держать себя с удвоенной осторожностью.

Глава 13

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

— Мы дышим в лаборатории самым чистым, насыщенным кислородом воздухом. И все же мне чего-то не хватает, — призналась Нора. — Каких-то «воздушных витаминов». Быть может, нам не хватает этих запахов земли, запахов хвои, не хватает созерцания неба, хотя бы этого северного неба... Истинное наслаждение дыханием я испытываю только здесь, наверху.

Мы стояли на балконе небольшой площадки в расщелине кратера с его внешней стороны.

На внешнем склоне горы было несколько таких балконов. Они соединялись покатыми тоннелями с тремя верхними этажами. Каждый тоннель был снабжен лифтом. Эти площадки с балконами могли служить для сторожевых наблюдений. Но ураганный ветер, всасывающий в кратер всех приближающихся к горе, делал совершенно излишним постоянное наблюдение. И привилегированные обитатели верхних этажей пользовались балконами только для того, чтобы подышать «настоящим» воздухом и посмотреть на небо.

Нора облюбовала себе один балкон и с милостивого разрешения Бэйли получила его в единоличное пользование. Она хранила у себя ключ от входа в тоннель, ведущий на балкон (второй ключ от этой двери был у самого Бэйли). Дверь эта находилась недалеко от ее комнаты, и Нора могла подниматься на балкон во всякое время. Она подолгу бывала здесь и любила «беседовать со звездами». Это было совершенно уединенное место, так как выступы скал закрывали балкон и с соседних площадок не видно было, что на нем делается.

Площадка круто обрывалась. Горы кругом были занесены снегом. На темном небе сверкали звезды. Ветра не было.

— «Воздушные витамины»... Это вы хорошо сказали, — ответил я. — Я не чувствую запахов земли, все уже занесено

снегом. Но хвоей пахнет. И еще чем-то, как будто далеким дымком.

— А где дым, там жилье, люди...

— Которые также наслаждаются «воздушными витаминами». И всего этого их хочет лишить мистер Бэйли!

— Смотрите!

Я посмотрел на север. От горизонта поднимался бледный световой столб. Все выше, выше, до зенита. Из молочного столб превратился в бледно-голубой, потом в светло-зеленый. Верхушка столба начала розоветь, и вдруг от нее, как ветви от ствола дерева, потянулись во все стороны широкие отростки. А от горизонта поднималась завеса, переливающаяся необыкновенно нежными и прозрачными оттенками всех цветов радуги. Полярная ночь чаровала. На небе разыгрывалась безмолвная симфония красок. И цвета переливались, как звуки оркестра, то вдруг разгораясь в мощном аккорде, то нежно замирая в пианиссимо едва уловимых оттенков.

— Как прекрасен мир! — с некоторой грустью в голосе сказала Нора.

Я взял ее руку в меховой перчатке. Нора как будто не заметила этого и продолжала стоять неподвижно, глядя на расстилающуюся перед нами панораму горных цепей и долин. Белый снег отражал небесные огни и непрестанно менял окраску, то голубея, то розовея. Это была красота, которая покоряет на всю жизнь. Безлюдье... Пустыня... Перекличка прекрасных, но глухонемых огней... Мы как будто были заброшены в совершенно иной, фантастический мир. А там, за горными цепями, на юго-западе и юго-востоке копошился людской муравейник.

— Мисс Энгельбрект, вы говорили с вашим отцом? — прервал я молчание.

Нора точно вернулась на землю из надзвездных высот.

— Да, говорила, — ответила она, опустив голову.

— И чем же кончился ваш разговор?

Нора устало подняла голову.

— Чем кончился наш разговор?.. — переспросила она,

как бы не расслышав. — Отец поцеловал меня в лоб, как это делал, когда я еще девочкой уходила вечером спать, и сказал: «Спи спокойно, моя дочурка». И я ушла в свою комнату. Отец! Милый отец, с которым я никогда не разлучалась ни на один день, как будто ушел от меня, стал далеким, непонятным и даже... страшным... Я уже не могу относиться к нему с прежним доверием.

Мы опять замолчали. А небесный гимн северного сияния все разрастался, ширился, как могучий световой орган, холодный, беззвучный, прекрасный, чуждый всему, что волновало нас...

* * *

Потянулись скучные однообразные дни. Мы с Норой по-прежнему занимались в лаборатории, но девушка работала уже без прежнего энтузиазма. Раньше Норе доставляло огромную радость заслужить одобрение отца. Теперь всю работу она проделывала механически, как подневольный слуга, работающий за кусок хлеба. Она глубоко страдала. Побледнел ее прекрасный румянец, запали глаза, она заметно похудела, у нее появилась рассеянность. Посуда летела из ее рук, она нередко ошибалась. Профессора Энгельбректа я видел только изредка, но и в нем была заметна перемена. Он как-то осунулся, постарел, лицо его потемнело.

По вечерам, после работы, Нора и я выходили иногда на нашу площадку полюбоваться северным сиянием, подышать «воздушными витаминами», а главное, побеседовать. Нора была одинока в своем горе, и я был единственный человек, в обществе которого она могла найти моральную поддержку.

Уже несколько дней ветер не бушевал над кратером. Было необычайно тихо.

— Мистер Бэйли, очевидно, решил дать передохнуть воздуху, — как-то пошутил я.

— Да, но этому нечего радоваться, — ответила Нора. — Мы переходим на новый способ сгущения воздуха. Зимой воздух приносил целые тучи снежной пыли. Это затрудняло

работу. Снег, удаленный из вентилятора, требовал слишком много места и труда для уборки. Вы видите эту гору? Это искусственная гора. Она не успевает стаивать за лето. Еще через год здесь был бы целый Монблан. Отец призвал на помощь все силы химии и электричества и нашел новые способы поглощения и разложения воздуха. Увы, процессы переработки воздуха пойдут теперь еще быстрее. И скоро земля начнет задыхаться, как в припадке астмы.

— Нора, бежим отсюда! — вдруг сказал я. Девушка посмотрела на меня.

— Возьмемся за руки и прыгнем с этой площадки? — шутливо спросила она.

Это уже было похоже на кокетство. Не давая мне ответить, Нора в том же тоне продолжала, глядя вниз:

— Пожалуй, мы и не разбились бы. Мы скатились бы вниз и упали бы в мягкий снег. Потом пошли бы вон туда...

Я внимательно смотрел на путь, указываемый Норой. А ведь в самом деле этим путем можно бежать! Здесь нет трубы. Извилистое ущелье может защитить от ветров, если их поднимет «бог ветров» Бэйли.

— Не шутите, Нора, это прекрасный путь для побега, — высказал я вслух мою мысль. — Немножко высоко... Если вы не решаетесь, я бегу один.

Что-то вроде испуга мелькнуло в глазах Норы.

— И оставите меня одну? Нет, я не пущу вас...

— По приказу его величества мистера Бэйли?

— Я не пущу вас, — продолжала Нора. — Вас могут поймать, как и в первый раз, и тогда вам уже не поможет никакое заступничество. Притом вы не приспособлены для такого путешествия. Ваша жертва будет напрасна. Отважиться на такое путешествие имеет право только человек, рожденный в этой мертвой пустыне, — какой-нибудь якут, как ваш Никола... В самом деле, почему бы вам не снарядить его? Он прекрасно справится с задачей. И скоро на наши головы полетят снаряды. И мы «умрем, как герои», — сказала она с горькой иронией.

— Наши войска будут предупреждены, и, может быть,

нам удастся избегнуть этой почетной смерти. Вероятно, осажденный мистер Бэйли сдастся, когда убедится, что борьба безнадежна, — постарался я смягчить мрачные перспективы. — Ваше предложение неплохое. Я готов идти на риск, но вы правы: Никола лучше справится с этой задачей.

— А Никола согласится?

— Никола! Вы не знаете его. Это золотой человек. Он столько раз смотрел смерти в глаза, что наш проект нисколько не испугает и не удивит его.

У меня стало легче на душе. Нора тоже повеселела. Круг безысходности как будто разомкнулся. Теперь у нас был определенный план. Мы всячески обдумывали его, и это отвлекало Нору от мрачных мыслей.

Встретившись с Николой в нашей комнате, я подозвал его и тихо шепнул:

— Никола, я нашел, откуда можно бежать. Можешь ли ты пробраться в Верхоянск? Я дам тебе теплую одежду, револьвер и мешок с сухарями и вяленым мясом.

— А ты? — спросил тоже тихо Никола.

— Нам нельзя вдвоем. Нас могут поймать. Но если не дойдешь ты, тогда отправлюсь я. Впрочем, если ты не хочешь идти один...

— Засем не хоцесь? Мне тут скучьно. А засем в Верхоянск?

— Ты передашь письмо. Идешь?

— Ну да, — ответил Никола.

— Но только ты подумай хорошенько, Никола, я не принуждаю тебя. Ведь если тебя поймают, то на этот раз ты не отделаешься так легко. Тебя могут убить.

— Медведь бьет, и селовек бьет, — сформулировал Никола свой фатализм. — А когда идти, сейсяс?

— Нет, подождем немного. Надо все обдумать и приготовить. Притом скоро начнет выглядывать солнце. Зима на исходе.

— Не надо солнца. Я все вижу. Сильно хосю сейсяс.

С большим трудом мне удалось отговорить Николу от немедленного путешествия. Мы начали готовить Николу к

побегу. Теплую доху и сапоги я решил отдать свои. Никола мог «украсть» их у меня. Револьвер мне удалось достать у Норы. Оставалось припасти пищу. Это было труднее всего. Приходилось за обедом незаметно класть в карман кусочки хлеба и сухарей. Никола тоже экономил, но я не позволял ему уменьшать свои порции: он должен был набираться сил.

И Нора откладывала запасы. У нее вдруг появился «волчий аппетит». Скоро сумка, хранимая под моей подушкой, значительно наполнилась. Еще несколько дней, и Никола мог двинуться в путь.

Надо было, однако, позаботиться и о том, чтобы на меня не пало подозрение. Если Никола не доберется до Верхоянска и погибнет, то отправлюсь я. Мне необходимо было беречь себя на этот случай.

Глава 14

«ШУТИКИ» МИСТЕРА КЛИМЕНКО

По моему совету Никола за несколько дней до побега начал говорить в кругу товарищей по работе о том, что ему очень наскучило пребывание в подземном городке и что он решил бежать.

— Товарищ Клименко ничего не знает. Если бы он знал, мне попало бы от него, — говорил Никола.

Все отговаривали Николу, пугали страшною карой, но Никола стоял на своем: зверь бьет, человек бьет — все равно. Он не может больше.

Была опасность, что кто-нибудь из посвященных в тайну Николы донесет Бэйли о предстоящем побеге. Но на этот риск пришлось идти. На всякий случай Никола наводил на ложный след. Он говорил, что хочет повторить свою первую попытку: бежать из выводной трубы. Если бы Бэйли и донесли о планах Николы, Бэйли мог быть совершенно спокоен, зная, что эта попытка заранее обречена на неудачу. Таким образом, все как будто было подготовлено.

Наконец настал день, вернее ночь, побега. Я условился с

Николой, что он уже в походном снаряжении придет на площадку, когда все уснут.

В условленный час я и Нора стояли на площадке. Ночь была довольно темная. Только бледные полосы, как далекий луч слабого прожектора, бороздили иногда небо.

Время шло, а Никола не являлся. Я уже начал беспокоиться, когда дверь на площадку отворилась и Никола вошел.

— Почему ты так запоздал? — спросил я. Никола широко улыбнулся.

— Я хитрый, — ответил он. — Я был на работе в трубе и поджидал, когда все уйдут. Потом я посол спина вперед, стоб видели мой такой след.

Недаром Никола был завзятым следопытом. Он знал, как звери путают следы, сбивая охотника, и он решил воспользоваться этой звериной мудростью, прибавив к ней человеческую хитрость. Идя задом, он проложил свежий след на остатках снега и мусора в трубе, так что при расследовании могло показаться, как будто он прошел по трубе к выходу.

— Ну, желаю успеха! — сказал я с волнением, передавая ему письмо.

— Нисего, — ответил он. И, посмотрев вниз, сказал: — Однако высоко. Нисего. Внизу мягко. Прощай, товарищ! — Он пожал мою руку и кивнул Норе: — Прощай, девушка.

Потом он смело перешагнул через железную ограду балкончика, повисшего над бездной, спустился на руках до края и, провисев в воздухе секунду, разжал пальцы.

Я нагнулся вниз, жадно разглядывая полумрак. Тело Николы, все уменьшаясь, летело вниз. Ему нужно было пролететь не менее сорока метров, прежде чем достигнуть снежного откоса.

Вот его ноги коснулись снега, и все тело нырнуло в снежную массу, точно он сделал прыжок в воду. Я напрягал зрение, но ничего не видел. Никола исчез в снежном сугробе. Быть может, он разбился, потерял сознание?.. Волнистые зелено-розоватые полотна северного сияния заколы-

хались на небе, осветив снег неверным дрожащим светом. Я разглядел дыру, пробитую в снегу телом Николы, но его по-прежнему не было видно.

— Смотрите, смотрите, вот что-то шевелится внизу... — с волнением сказала Нора.

— Где? Я ничего не вижу. Это вам мерещится. От вспышек сияния тени двигались, то сгущаясь, то бледнея.

— Да не там! Ниже, гораздо ниже!

Я посмотрел ниже места падения и увидел на расстоянии добрых двух десятков метров от него что-то очень маленькое, копошащееся в снегу.

— Это рука! — воскликнула Нора, которая видела лучше меня.

Я напрягал зрение и наконец убедился в том, что из-под снега виднеется действительно рука Николы. Силою падения он пробил рыхлый, еще не слежавшийся верхний пласт снега, пулею пронзил его на несколько десятков метров и теперь прорывал дыру, чтобы вылезти наружу. Вот показалась его вторая рука, лохматая шапка. Вот он вылез наполовину. Наклонившись вниз, он наконец выбрался совсем и обернулся к нам лицом, взмахнув руками в рукавицах.

Я едва удержал готовый вырваться крик приветствия.

Никола еще раз махнул нам рукою, лег на бок и покатился вниз по пологому склону. Так докатился он до самого дна ущелья, превратившись в едва заметную точку. Затем, барахтаясь и увязая в снегу, он пополз к выходу из ущелья. У него не было лыж — мы не могли достать их, — но он этим не смущался. «Сделаю», — говорил он мне.

Да, Никола не пропадет! Он был приспособлен к суровой жизни «окаянного края», так же как звери, на которых он охотился. Только бы он не попался в руки Бэйли, а с природой и четвероногими врагами он справится.

Свет погас. Мы потеряли из виду Николу, но еще долго смотрели в темную бездну.

— Пора идти. Нам нельзя долго оставаться здесь, — сказала Нора.

— Да, идем, — ответил я, отрываясь наконец от безд-

ны. — Завтра — день расплаты. Мистер Бэйли, вероятно, призовет меня на допрос... Нора, я хочу обратиться к вам с просьбой. Нет ли у вас второго револьвера?

— Зачем он вам?

— Если Бэйли признает меня виновным в побеге Николы, я... всажу в мистера Бэйли пулю.

Нора задумалась.

— Не знаю... У меня нет другого револьвера. Может быть, у отца. Если я сумею достать, то завтра принесу вам. Приходите пораньше в лабораторию.

Я с благодарностью пожал ее руку. Да, Нора имела характер. Она не побоялась стать соучастницей побега, не боится помочь и в замышляемом мною убийстве.

Я плохо спал. Около двух часов ночи, когда я только что задремал, в дверь громко постучались. Поспешно одеваясь, я спросил, кто стучит.

Я услышал голос Уильяма. «Так! Бэйли все уже известно, и он зовет меня на допрос», — решил я и открыл дверь. Вошел Уильям в сопровождении двух вооруженных людей. Я невольно обратил внимание на их лица — энергичные и породистые. Два «джентльмена» подошли ко мне и тщательно обыскали. В этот момент я порадовался, что не успел получить от Норы револьвер. Затем Уильям и молодые люди тщательно и со знанием своего дела обыскали всю мою комнату. К счастью, в ней не было ничего компрометирующего меня. Покончив с обыском, «джентльмены» повели меня в кабинет Бэйли.

Он встретил меня бурею негодования.

— Это опять ваши шутики! — закричал он, грозно потрясая кулаками. — Вы не можете примириться с тем, что я торгую с Марсом и нарушаю ваш внешторг? О да, мистер Бэйли преступник! Его надо судить Верховным Судом! Скажите, пожалуйста! Мистер Бэйли лишит воздуха русских рабочих, и воздух будут выдавать только по карточкам, в кооперативах, членам профсоюза? Ха-ха-ха! Не так ли? Английские интриги империалистов? О, я знаю, что вы думаете. А я думаю, что вам придется занять ваше место в пантеоне. Пьедестал давно ждет вас.

Я уже был готов к этому нападению и потому хорошо играл свою роль. Выждав, когда Бэйли замолчал, я со спокойным видом, но с «искренним» удивлением спросил его:

— В чем дело, мистер Бэйли? Я не понимаю вас. Мне кажется, я не заслужил упреков. Я усердно работаю в лаборатории и ни в чем не провинился.

— Ложь! Вы все прекрасно знаете. Где Никола?

— Не знаю. Сегодня он не ночевал со мною. Я думал, что он на работе или в чем-нибудь провинился и его отправили в карцер.

— Ложь! Ложь! — закричал Бэйли. — Это ваши шутики! Позвать рабочих, которые были с Николой!

Рабочие явились. Якуты подтвердили, что Никола уже несколько дней назад говорил о побеге, стосковавшись по свободной жизни. Никола говорил, что боится говорить Клименко об этом, что Клименко рассердится. Только они не верили, что он серьезно думает бежать, поэтому и не донесли.

Эти показания несколько охладили гнев Бэйли. Моя непричастность к делу устанавливалась целым рядом свидетельских показаний.

— Я не верю вам и не верю им, — сказал Бэйли. — Одна шайка! Вы покрываете друг друга.

И вдруг, изобразив беспристрастного судью, он неожиданно для меня закончил:

— Но я не могу судить вас без улик. Расследование будет продолжаться. А пока вы остаетесь в подозрении. Идите.

Я вернулся к себе, радуясь, что все обошлось так благополучно. Только бы им не пришло в голову осмотреть долину. Но хитрость Николы с обратными следами должна направить розыски на ложный путь.

Утром, когда я пришел в лабораторию, Нора шепнула:

— Я не нашла револьвера.

— Тем лучше, — ответил я. — Мистера Бэйли не так-то легко убить. Я уже был на допросе.

И я рассказал Норе о ночных событиях. Она выслушала мое сообщение с большим вниманием.

— Только бы не нашли следов в долине, — закончил я свой рассказ.

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Рано утром я была на площадке. Снежный буран скрыл следы. Боюсь только, как бы этот буран не скрыл навсегда самого Николу...

— Никола не пропадет, — успокоил я ее. — Он отлежится. И будет спать в снегу, как в колыбели.

В этот же день вечером ко мне пришел мистер Люк со свертком под мышкой.

— Что это у вас? Новые шахматы? — спросил я его.

— Здесь шахматы и еще кое-что, — ответил он, раскрывая сверток. — Вот это радиоприемник. Я сам сделал его для вас. Мистер Бэйли распорядился, чтобы вы больше не ходили ко мне на радиостанцию. А я знаю, что вы очень любите слушать ваш «Коминтерн». И я решил вам сделать маленький подарок. Вам будет не так скучно.

Я готов был расцеловать Люка за его «маленький подарок». Люк не подозревал, какую огромную услугу оказывал он мне. В награду за это в тот вечер мистер Люк два раза дал мне мат.

Затем он собственноручно установил радиоприемник, испытал его и сказал:

— Слушайте вашу Москву.

Пожелав мне спокойной ночи, он ушел, а я с жадностью начал слушать.

Глава 15

МИР ЗАДЫХАЕТСЯ...

Недели шли за неделями. Я продолжал оставаться на подозрении у мистера Бэйли, но он не трогал меня. По-видимому, он начал убеждаться в моей невиновности. Понемногу я перестал беспокоиться за себя. Зато радиовести очень огорчали меня. Недостаток воздуха ощущался все сильнее.

Уменьшение атмосферного давления замечали уже не только ученые, но и рядовые граждане.

Прежде всего разреженность воздуха почувствовали жители горных местностей, и многие из них вынуждены были спускаться в долины. А в долинах недостаток воздуха сказался на больных. Астматики начали умирать во время припадков; туберкулезные задыхались, усиленно дышали, ускоряя этим процесс и вызывая кровоизлияния.

Машины, работа которых была рассчитана на обычное атмосферное давление, отказывались служить. Аэропланные моторы давали перебои даже на незначительной высоте. Поршни и насосы машин капризничали. Все это расстраивало производство и транспорт.

В довершение несчастий наступили сильные холода, сопровождаемые бурями, причем бури эти носили странный характер. Смерчевые вихри носились, как вестники смерти. Как будто чья-то злая рука спешила лишить Землю ее атмосферы, сворачивала воздушные струи в «жгуты» и бросала их за облака. А оттуда, с надзвездных высот, спускались на Землю ледяные потоки холода. Земля остывала. Лишенная значительного слоя своей толстой атмосферной шубы, Земля начала усиленно отдавать мировому пространству свое внутреннее тепло.

Катастрофа наступала скорее, чем можно было ожидать, судя по огромным запасам воздушного «сырья».

Я спросил у Норы, чем объясняет ее отец наступление всех этих грозных явлений. Нора ответила, что для ее отца и мистера Бэйли все это явилось, по-видимому, некоторой неожиданностью.

— Отец даже хотел с вами посоветоваться, — сказала Нора. — Ведь это больше относится к вашей специальности.

И я удостоился чести быть приглашенным к Энгельбректу. На совещании присутствовал и Бэйли. Он нисколько не был огорчен происходящим в мире, скорее наоборот: продавец воздуха находился в приятном возбуждении, как игрок, уверенный в своих картах.

Совещание наше длилось довольно долго. Мы делали различные подсчеты и пришли к выводу, что воздух, переработанный в подземном городке, составляет еще слишком небольшую часть атмосферы, и убыль его из общей массы окружающего Землю воздуха не могла непосредственно вызвать столь катастрофических явлений.

— Но в чем же дело? — спросил Бэйли, поглядывая на меня и Энгельбректа.

Наконец-то я мог уравнять наше положение! Мистер Бэйли нуждается в моем мнении! Я напустил на себя самый глубокомысленный вид и высказал свое мнение:

— Вентиляторы мистера Бэйли изменили обычные направления ветров, вследствие чего на земном шаре изменилось и «натяжение» атмосферной оболочки: воздух уплотнился там, где обычные воздушные течения совпали с искусственно созданным направлением, и разредился в местах, где раньше существовали противоположные воздушные течения. Вследствие этого увеличилась разница между максимумом и минимумом атмосферного давления. Циклоническая деятельность усилилась. Сталкивающиеся циклоны стали увлекать воздушные вихри вверх, выше области их обычного влияния. Таким образом, нарушилась обычная циркуляция воздуха не только по горизонтали, но и по вертикали...

Я видел, что Бэйли и Энгельбрект слушали мое объяснение с напряженным вниманием.

— Возможно, что эта картина и не совсем точно соответствует действительности, — закончил я, — но в основном, я думаю, мое предположение верно. Основная же моя мысль заключается в том, что вентиляторы мистера Бэйли, нарушив обычную циркуляцию воздуха, явились толчком к тому, чтобы в игре приняли участие стихийные силы... Вы, мистер Бэйли, похожи на доктора Фауста, который вызвал «духа Земли», но не мог с ним справиться.

Сравнение с Фаустом было принято Бэйли благосклонно. Он усмехнулся и сказал:

— Фауст был совершенно непрактичным человеком.

Пусть «духи Воздуха» играют на свободе. Все дело в том, чтобы использовать эту игру наиболее выгодным для себя способом.

На этом наше заседание закончилось.

А радио приносило все новые вести. Перед лицом ужасной катастрофы борьба за существование обострилась. Если не выжить, то пережить других должны были сильнейшие. А сильнейшими в мире капитализма были, конечно, капиталисты.

Снабдил ли их сам Бэйли «воздушными консервами», начали ли богачи самостоятельно добывать жидкий воздух, чтобы не умереть от воздушного голода, как бы то ни было, но в руках капиталистов оказалась эта новая, самая дорогая валюта. Жидкий воздух победоносно выступил на рынок, заставив пасть перед собою ниц все другие ценности. Жидкий воздух продавался в особой упаковке, гарантирующей от взрыва и испарения.

На новую валюту богачи начали скупать продукты питания и всевозможнейшие консервы. Охлажденная Земля, по-видимому, не могла больше рождать плодов и злаков. Сельское хозяйство и животноводство должны были погибнуть. Больше всех мог прожить тот, кто собрал наибольшие запасы питания, воды, воздуха и тепла. Надземное строительство прекращалось. Кое-где люди начали уже зарываться в землю, как кроты. Там было теплее: внизу, в герметически закрытых квартирах, можно было свободно дышать, постепенно используя запасы жидкого воздуха.

Удивительно, до чего быстро развертывались события там, вдали от нашего городка!..

Вся эта лихорадка эгоистических мер самоспасения протекала на глазах рабочих, которые во многих местах начали уже волноваться. Ссылаясь на то, что ветер со всех концов земного шара тянул в ледяные пустыни Сибири, буржуазная, а за нею и соглашательская печать убеждали, что ужасная катастрофа, постигшая мир, была делом московских коммунистов, которые решили таким путем «поставить на колени» мир.

Безумие охватило весь мир. Европа и Америка лихорадочно вооружались для войны с «извергами человечества».

А капиталисты продолжали свою политику. Рабочие отказывались получать деньги, все более обесценивавшиеся, и требовали «воздушной платы». Капиталисты вынуждены были пойти на эту уступку, однако они установили чрезвычайно низкую норму: жидкий воздух отпускался в особых «термических» баллонах с таким расчетом, чтобы рабочие не могли делать запасов. Так как воздуха во многих местах (особенно в Западной Европе, Африке и Америке) уже не хватало, то рабочим ничего больше не оставалось, как работать за право дышать. В продаже появились маски, подобные противогазовым, и в этих масках появлялось все больше людей в общественных местах. Но так как маски не были снабжены радиостанциями, как скафандры нашего подземного городка, то люди могли изъясняться только жестами.

«Это и к лучшему, — откровенно говорили фашисты, — меньше будет агитации». Впрочем, люди состоятельных слоев обзавелись портативными радиотелефонами. Ими же была снабжена полиция.

Но агитаторы все же умудрялись вести пропаганду при помощи листовок. Классовая борьба резко обострилась и как-то сразу обнажилась. Напряжение дошло до крайних пределов. В разных местах вспыхивали «воздушные бунты»; толпа нападала на склады жидкого воздуха и громила их. На улицах уже пролилась кровь.

Я не спал ночи напролет, слушая радио. Было от чего прийти в отчаяние. Даже мистер Люк потерял свою обычную беспечность. Он по привычке заходил ко мне после дежурства, но без шахмат.

— Скверные дела, — начал он ворчать. — Что толку в деньгах, которые скопил я у мистера Бэйли? Деньги ничего не стоят. Положим, за баллон, даже за бутылку жидкого воздуха я могу купить хорошенький домик. Но зачем теперь мне этот домик? Земля задыхается...

— Кто же в этом виноват? — раздраженно спросил я.

— Паникеры и спекулянты, — ответил он.

— А паника из-за чего?

— Из-за глупости. Хватило бы на наш век воздуха. Мистер Бэйли всего не сожрал бы.

Нет, Люка не привлечешь на свою сторону. Даже перед лицом мирового несчастья он остался все тем же: домик и собственное благополучие у него по-прежнему были на первом плане. Люк начал действовать мне на нервы. Я делал вид, что у меня болит голова или много работы, и старался скорее отделаться от него, чтобы засесть за свой радиоприемник.

Нервы мои совсем расшатались. Работа валилась из рук. Нора также чувствовала себя плохо. От ее прекрасного румянца не осталось и следа. Бледная, похудевшая, сидела она, устремив глаза в одну точку.

— Все гибнет, — тихо шептала она. — Мы дышим здесь чистым, насыщенным кислородом воздухом, а там — там гибнут люди, задыхаются дети... И никто из них не знает о причине...

Пришел день, когда я решился ответить ей, как должен был, может быть, ответить давно.

— Они узнают, — сказал я. — Никола погиб, это очевидно. Сегодня ночью я отправлюсь в путь... Мистер Бэйли занят своими американскими «конкурентами» и новой перестройкой, надзор ослаблен, и, я думаю, мне удастся бежать...

Нора повернула ко мне лицо и, как сомнамбула, беззвучно сказала:

— Вы тоже погибнете, как Никола. — И в ее лице было выражение безнадежности, почти равнодушия.

— Пускай погибну. Лучше смерть, чем это ужасное бездействие в то время, когда тысячи людей близки к гибели.

— Да, лучше смерть, чем это... — так же беззвучно проговорила Нора.

В этот день она рассталась со мной без обычной улыбки. С каждым днем ее улыбка бледнела, делалась все более печальной и теперь наконец угасла, как и ее румянец.

— Прощайте, — сказал я, протягивая ей руку.

— Прощайте, — ответила она.

— Вы... придете провожать меня? На площадку?

— Приду, — ответила она. — Куда? На площадку? Ах да, да... — и она опять поникла головой.

Глава 16

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

Я оставил девушку и тихо вышел из лаборатории. Вернувшись в свою комнату, я устало опустился на стул. Я чувствовал себя опустошенным. Обрывки мыслей проносились в голове. Никола погиб. Мир гибнет. Гибнет Нора... она скоро сойдет с ума...

Машинально, по привычке, я надел наушники радио.

Говорил «Коминтерн»... Нет музыки, нет веселых песен... Беспрерывная информация о Земле, которая задыхается. У нас, правда, не так, как за рубежом... Нет звериной борьбы за последний глоток воздуха. Правительство делает все, чтобы уменьшить панику и спасти население. Но что можно сделать!.. Положение разбросанного по деревням крестьянства особенно тяжелое. Неужели гибель?..

Я уже хотел положить трубку, как вдруг услышал весть, от которой у меня захватило дыхание.

«...Больше бодрости, товарищи! Правительством сегодня получено чрезвычайно важное сообщение, которое в корне может изменить положение...»

И, повысив голос, диктор отчетливо сказал:

«Алло! Алло! Ноздря Ай-Тойона! Есть! — Потом своим обыкновенным голосом диктор добавил: — Вам, товарищи, непонятно это обращение, но скоро вы все узнаете о ноздре Ай-Тойона и вздохнете — в буквальном смысле слова — вздохнете с облегчением».

Первый вздохнул с облегчением я.

«Ноздря Ай-Тойона. Есть!» Это были условные слова, которые я просил мне сообщить по радио в том случае, если Николе удастся передать письмо моему заместителю Ширяеву. А Ширяев должен был передать мой доклад в Моск-

ву. Итак, Никола жив, и правительство знает все о подземном городке мистера Бэйли!

Я быстро оделся и побежал на площадку. Норы еще не было. Небо пело огнями. И мне казалось, что эта песнь была уже не такая холодная, чуждая Земле. Мне самому захотелось петь, кричать. И я вдруг запел, впервые за долгое время моего заключения:

За благом вслед идут печали,
Печаль же ра-адости залог...

— Вы с ума сошли! — услыхал я за собою голос Норы. — Вас могут услышать. Петь на морозе?! Вы простудите горло.

— Да, я с ума сошел! Пусть услышат. Пусть простужу горло. Никола жив! «Ноздря Ай-Тойона! Есть!»...

— Что с вами, Георгий? — впервые назвала меня Нора по имени.

Я вдруг схватил ее, поднял на воздух и закружил по площадке.

— Сумасшедший! Пустите меня и расскажите, в чем дело.

— Ух, слушайте! Все прекрасно. Я получил весть по радио. Никола жив! Он отнес мое письмо по назначению. Мы должны ждать скорого наступления событий. Плененный воздух скоро будет освобожден. И мы с вами скоро взлетим на воздух! Но это ничего. Постараемся бежать в последнюю минуту, когда над нами зареют бомбовозы. О, это будет великолепный день!

— Георгий, неужели это правда? — воскликнула она, и румянец вновь показался на ее щеках.

Ее радость была не меньше моей. Однако скоро сияющее лицо девушки омрачилось. Я уже мог безошибочно читать все оттенки выражения этого лица. Она опять думала об отце. Его поведение все еще оставалось для нее мрачной загадкой. Потом мысли Норы приняли другое направление.

— Вам пока не надо отправляться в опасное путешествие, — сказала она. — Это хорошо. Но вообще радоваться нам еще преждевременно. Мистера Бэйли не так-то легко

победить. Он будет защищаться до последней крайности. Он страшный противник.

— Пустяки! — крикнул я. — Не может один человек устоять против сил всего государства, против мира.

— Как знать? — ответила Нора. — Вы не можете вообразить, какими страшными орудиями разрушения обладает мистер Бэйли.

— Но по крайней мере это будет борьба, а не безропотное подыхание. И потом... у мистера Бэйли есть «внутренние враги». Правда, их немного, но они могут быть опаснее вражеских армий.

— Этих внутренних врагов только двое: вы и я, — сказала Нора. — Но вы правы. Они могут сделать много. О, если бы и мой отец!.. — Она опустила голову.

Потом вдруг выпрямилась и решительно сказала:

— Настанет минута, и я поставлю отцу прямой вопрос: друг он или враг!

Ледяной ветер вдруг потянул снизу. Из кратера послышалось гудение.

— Вентилятор опять заработал, — сказала Нора. — Мистер Бэйли спешит переработать остатки воздушного сырья. Холодно... Идем...

В этот вечер я простился с Норой, унося с собою воспоминание о ее улыбке, как будто я увидел солнце после долгой зимы.

И опять я уселся за радиоприемник.

«Коминтерн» передавал последнее правительственное сообщение.

Начальнику экспедиции Ширяеву удалось установить центр направления ветров. Правительство снаряжает новую экспедицию для полного выяснения причин необычайного поглощения воздуха на такой-то широте и сто тридцать пятом градусе восточной долготы.

Я улыбнулся, выслушав это сообщение. Я знал, что Ширяев никуда не двигался из Верхоянска. Честь открытия «точки поглощения воздуха» была приписана ему по моему совету, чтобы отвести от меня подозрение мистера Бэйли,

которому, конечно, будет передана эта важная радиотелефонограмма. Я представлял, как взбесится мистер Бэйли, узнав, что местоположение его подземного городка уже открыто. Это должно показаться ему тем более правдоподобным, что его мощные вентиляторы некоторое время бездействовали, и работники экспедиции могли довольно близко подойти к кратеру без риска быть втянутыми воздушным потоком.

Как обычно, наше правительство действовало быстро и решительно. К сожалению, я ничего не мог сообщить Реввоенсовету о вооруженных силах мистера Бэйли: это для меня оставалось тайной. Мне удалось только узнать, что население городка не превышает пятисот человек. Меня сначала удивляло такое небольшое количество рабочих и служащих. Но у мистера Бэйли все было механизировано и рационализировано до последней возможности.

Пятьсот человек против целой армии — ничтожная горсточка! Но какие машины истребления пустят в ход эти люди? Я мог только предупредить наших бойцов, что борьба предстоит трудная и надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Так или иначе, развязки ждать недолго. Карты сданы, игра начата...

* * *

Мистер Бэйли приказом объявил городок на военном положении. «Гарнизон» подготовлялся к осаде. На гребне кратера появились сторожевые вышки с установленными на них радиоушами, улавливавшими звуки. В склонах с внешней стороны кратера открылись люки, о существовании которых я не знал, и иллюминаторы с толстыми стеклами. Грозные дула пушек выглядывали из отверстий люков. Как будто облегчая путь врагу, гигантские вентиляторы опять бездействовали.

Приближалась весна. Стояла тихая, безветренная погода. Солнце после зимней спячки начало выглядывать из-за

горизонта, освещая снежные вершины гор багровым светом.

Настали дни напряженного ожидания. Но в городке не чувствовалось особого оживления. Он казался таким же безлюдным и мертвым, как всегда. Работы в лабораториях не прекращались. Но, по-видимому, лаборатории и мастерские работали теперь «на оборону». Беспрерывно сновали подъемники, доставляя снаряды на скрытые батареи. Машины заменяли целые армии людей.

Я и Нора по-прежнему занимались в нашей лаборатории, превращая длинные столбцы формул профессора Энгельбректа в новые способы обработки и переработки нашего воздушного «сырья». Мы проделывали ряд опытов, не зная их конечного синтеза, их результатов и целей. Это очень заботило Нору. Быть может, мы способствовали изготовлению новых способов истребления человечества? На вопросы Норы отец не отвечал ничего определенного.

Вечерами мы с Норой выходили на нашу площадку и наблюдали пустынное небо. Летучих вестников не было (я был убежден, что новая экспедиция появится на крыльях). Главные Воздушные Силы СССР находились далеко от нас, и я высчитывал, как скоро они могут быть сюда переброшены. По моим расчетам, должно было пройти еще несколько дней, прежде чем аэропланы зареют над нашими головами, неся нам смерть, но человечеству освобождение...

— Смотрите, как будто у орудий появились люди, — сказала в один из этих томительных вечеров Нора.

Я посмотрел на темные люки и увидел движущиеся тени. Очевидно, радиоуши уловили приближение аэропланов, и защитники городка готовились к воздушной атаке.

Мы с волнением ожидали, что будет дальше. Кругом все было тихо. Солнце зашло за горизонт, и только ущербная луна тускло освещала дикий пейзаж, расстилавшийся у наших ног. Было холодно, но мы не уходили.

Прошло не менее часа. И вдруг яркий свет ослепил нас. Десяток огромных прожекторов вспыхнул кольцом вокруг кратера, далеко освещая окрестности. Из полярной ночи

мы как будто перенеслись в сияющий тропический полдень. Когда глаза привыкли к свету, мы увидели на горизонте несколько серебристых стрекоз. В то же время уши наши уловили едва заметный рокот моторов.

— Летят, — в волнении сказала Нора.

— Да! — тихо ответил я, следя за тем, как далеко на западе маленькие стрекозы превращались в ласточек, ласточки в соколов... Все ближе, ближе... Раз, два, три, четыре... пять, шесть... семь, восемь, девять, десять... Целая стая, расположенная журавлиным строем!

— А вот еще там, смотрите! — воскликнула Нора. С юга приближалась такая же эскадрилья.

— И с севера!..

Рокот моторов уже наполнял собою воздух, отдавался в долинах, возвращался эхом. Западная эскадрилья продолжала лететь по прямому направлению на кратер, а северная и южная медленно загибали на восток, так, чтобы пройти над городком, сбрасывая бомбы, следом за первой эскадрильей...

— Скоро от нас ничего не останется! — сказала Нора. Я вспомнил о нашем плане побега, но продолжал стоять и смотреть как прикованный.

Аэропланы уже настолько приблизились, что при ярком свете прожекторов я мог различить красные звезды на нижней стороне крыльев.

— Странно, — сказала Нора. — У мистера Бэйли должны быть дальнобойные пушки. Аэропланы уже на расстоянии выстрела, почему же городок молчит?

— Вам хочется скорее видеть подстреленными этих птиц? — шутя спросил я.

— Я скорее хочу видеть развязку... так же как и вы. — Да, это была правда. Я сам был во власти нервного нетерпения — узнать неотвратимое, увидеть скорее силу оружия мистера Бэйли. И ждать нам пришлось недолго. Люди на батареях засуетились, затем я заметил движения, сопутствующие выстрелам из орудий. Но я не услышал никакого

звука. — Это пневматические пушки, и стреляют они воздушными бомбами, — пояснила Нора.

— Воздушные бомбы? Что это? — спросил я, напрягая зрение, чтобы не пропустить момента, когда снаряды настигнут аэропланы.

Но действие воздушных бомб оказалось иное.

— Смотрите не вверх, а вниз, — сказала Нора. Я посмотрел вниз и увидел, как по белой поверхности снега вздымается снежная пыль.

— И только-то! — Я готов был улыбнуться.

Но что это?.. Снег как будто закипел в месте падения бомб. Поднялись огромные клубы пара, и вдруг со страшным ревом, свистом, глумом от земли поднялись смерчи. Снежный витой столб взлетел, казалось, до самого неба, начал быстро расширяться, расти, в то же время распыляясь и превращаясь в бешеную снежную пургу. Бэйли поднял снежную бурю! Я посмотрел на аэропланы. Белая пелена приближалась к ним с необычайной скоростью. Вот головной аэроплан вдруг встал на дыбы, завертелся и полетел назад, как кусок бумаги, гонимый самумом.

Второй, третий... Не прошло нескольких секунд, как вся воздушная стая закружилась в воздухе, подобно осенним листьям, сорванным с дерева ураганом.

Серая мгла затянула небо.

Когда она постепенно рассеялась, небо было так же пустынно, как всегда. Месяц зацепился острым краем за пик скалы, будто он боялся разделить судьбу аэропланов, и уныло смотрел на мертвые склоны...

Я стоял пораженный, тяжело дыша. Меня била лихорадка. Нора прислонилась к стене и, бледная, смотрела расширенными глазами туда, где за несколько минут перед тем гордо реяли стальные птицы. Потом она тяжело вздохнула. В ее словах была знакомая безнадежность:

— Трудно бороться с мистером Бэйли... Вот результат...

— Это не конец, это начало! — сказал я, но, признаюсь, в эту минуту сомнение в успехе вползало в мои мысли. — Посмотрим, что будет дальше.

— Дальше нечего смотреть, — ответила Нора. — Нужно быть безумным, чтобы решиться на вторичную атаку.

Нора оказалась права: атака не возобновлялась. Надо было время, чтобы оправиться от удара и учесть опыт первого сражения.

Но мы продолжали стоять, глядя на запад...

Глава 17

«ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ВЗРЫВ»

На другой же день после первого наступления самолетов Красной Армии атака возобновилась. Мы с Норой сидели в лаборатории, когда услышали тревожный сигнал. Взглянув друг на друга, мы по молчаливому согласию разом бросили наши пробирки, быстро оделись и поднялись на балкон.

Было двенадцать часов дня. Серая пелена облаков покрывала небо. Высоко над нами слабо гудел один аэроплан. Но его не было видно. Я понял тактику наших летчиков: забрать бóльшую высоту и лететь под прикрытием ниже лежащих облаков. Наше командование, очевидно, решило не бросать больших сил, а действовать одиночными налетами. Это была вполне разумная тактика в данных условиях. Но, увы, и она не достигла цели.

Мистер Бэйли был поистине повелителем бурь. Прежде чем аэроплан достиг зенита, пришли в действие гигантские вентиляторы, пустившие в небо мощный столб воздуха. Этот воздушный таран пробил дыру в облаках, которые быстро рассеялись. Выглянуло голубое небо... А аэроплан? Мы так и не видели его. Среди рева поднявшейся бури я уловил несколько захлебывающихся перебойных звуков мотора, как прерывающийся предсмертный клекот раненого орла. Ветер отбросил самолет вместе с тучами далеко в сторону...

В тот же день я узнал по радио результаты первых боев. Если только число жертв не было скрыто «по стратегическим соображениям», что утверждал Бэйли, — потери нашего воздушного флота были не так велики, как я боялся: три летчика были убиты, шесть ранены, два аэроплана раз-

биты. Большинству же воздушных машин удалось выровняться, но их отнесло на несколько сот верст. Несмотря на эти потери, дух наступающих не был сломлен. Правительство объявило, что не прекратит борьбы, пока враг не будет уничтожен.

— Посмотрим, кто кого уничтожит! — высокомерно говорил Бэйли. — Они еще не кушали всех моих гостинцев.

В течение нескольких следующих дней воздушные атаки продолжались, но с тем же результатом. Усилители звуков задолго предупреждали о появлении самолетов, несмотря на применение глушителей, почти уничтожавших шум моторов. Всякий раз аэропланы отбрасывало далеко назад. «Ноздря Ай-Тойона» уже сделалась известной всему миру. Она усиленно выпускала воздух и теперь совсем не втягивала его в себя (чтобы вместе с аэропланом не втянуть и бомбы, которые могли бы разорваться в вентиляторе).

Наконец наши летчики, по-видимому, убедились в невозможности атаковать город с воздуха. Воздушные атаки прекратились.

— Поумнели, — сказал Бэйли. — Жалко только воздуха, столько пришлось выпустить его. Но война не бывает без потерь; я опять вберу мой воздух к себе. Они еще придут ко мне, на коленях приползут! И будут вымаливать маленький глоточек!..

Опять потянулись дни тревожного ожидания. Сторожевые стояли на своих наблюдательных вышках, напоминая о войне, но в городке жизнь шла своим чередом.

Через несколько недель это затишье было нарушено звуками далекой канонады. Похоже было на артиллерийскую стрельбу, но разрывов я не слышал. Это случилось ночью перед утром. Я быстро оделся и вышел в коридор. Там я неожиданно столкнулся с Бэйли.

— Ваши товарищи не унимаются, — сказал он злобно. — Они подвезли дальнобойные пушки и хотят разгромить городок. Глупцы! Они не понимают, что этим только ускорят смерть всего мира. Теперь нет нужды скрывать вашего при-

сутствия у меня. Идемте со мной на радиостанцию, вы мне нужны.

— Отправьте радиотелеграмму, — сказал Бэйли Люку, когда мы вошли к нему.

Люк сел к передатчику. Бэйли начал диктовать:

— «Командующему армией. Прекратите немедленно бомбардировку. Если хоть один снаряд попадет в подземный городок мистера Бэйли, то произойдет мировая катастрофа. В городке находятся огромные запасы жидкого водорода. При истечении водорода и воспламенении его произойдет соединение водорода с жидким воздухом, и это соединение, несмотря на весьма низкую температуру жидкого воздуха, произведет гремучий газ с колоссальным жаром пламени вследствие сильной концентрации кислорода в жидком воздухе. Развившаяся теплота в одно мгновение превратит весь жидкий воздух в газообразный. Произойдет взрыв небывалой силы. Поднявшийся ураган сметет с лица земли города и селения. Разразится неслыханная в истории человечества катастрофа. Клименко».

— Вы хотите, чтобы эта радиотелеграмма шла от меня? — удивленно спросил я.

— Да, от вас. А вы сами разве не хотите предупредить страшную катастрофу? Вам они скорее поверят, чем мне. Я не лгу. Вы сами видели жидкий водород, озера жидкого воздуха и груды воздушных шариков. Наконец, если не верите мне, можете спросить у профессора Энгельбректа.

«Неужели Энгельбрект на стороне Бэйли?» — мелькнула у меня мысль.

— Я не могу послать такой радиотелеграммы, — отвечал я.

— Почему?

— Потому что я верю только тому, что видел глазами. Действие воздушных шариков мне неизвестно.

— Ах, вот как! Вы не верите мне? Ну хорошо, я предоставлю вам случай убедиться. Это мне будет стоить недешево, но вашим товарищам обойдется еще дороже.

И, обратившись к Люку, он добавил:

— А телеграмму вы все-таки пошлите от имени Клименко. Обойдемся и без его согласия!

— Но я протестую!

— Сколько хотите... Идемте отсюда.

Я стоял не двигаясь.

— Хотите, чтобы я арестовал вас?

Я был в его руках. Арест ничему не помог бы, а я еще могу причинить Бэйли вред, если останусь на свободе. Пришлось повиноваться.

Телеграмма была отправлена и принята. Некоторое время пушки молчали: вероятно, командование сносилось с Москвой. Но на другой день пушки вновь загремели. Один снаряд взорвался у подошвы кратера. Бэйли решил, что рисковать больше нельзя, и отдал распоряжение «дать наглядный урок». Снова была отправлена радиотелеграмма, предупреждавшая на этот раз, что мистер Бэйли «разрядит» одну миллионную часть запасов своего воздушного оружия, чтобы убедить врага и весь мир, какое действие должен произвести взрыв всего городка.

На западный склон кратера выкатили несколько бочек, наполненных безобидными на вид блестящими шариками. Все люки были плотно закрыты. Бэйли пригласил меня и Нору наблюдать за действием взрыва из небольшого оконца, проделанного в скале, недалеко от ее вершины. В оконце было вделано стекло толщиною в пять сантиметров.

— Ну, полюбуйтесь сами, — сказал он, — как действуют мои шарики.

— Пока они спокойно лежат, несмотря на то что в воздухе температура всего двенадцать градусов ниже нуля, а атмосферное давление даже ниже обычного.

— А вы хотите, чтобы шарики взорвались моментально? Тогда нам не удалось бы их вынести наружу. Энгельбректом изобретен состав, замедляющий испаряемость и взрыв. Подождите немного...

— Но если так, почему же этим предохранительным составом вы не осумкуете все шарики?

— Никакой состав не поможет против жара, развиваемого взрывом артиллерийского снаряда. Вот, смотрите, начинается!..

Действительно, я увидел, что шарики, лежавшие сверху, начали как будто куриться. Вскоре бочки покрылись облаком пара. Это облако вырастало с необычайной быстротой, затягивая все пространство перед нашими глазами.

— Это еще не взрыв, — сказал Бэйли. — Это только испарение предохранительной оболочки. А вот... — Но он не успел договорить.

Что-то треснуло, ухнуло, и я потерял сознание.

...Когда я открыл глаза, то увидел над собой небо, на котором тучи вертелись и рвались, как в бешеном водовороте. От внешней стены нашего помещения не осталось и следа. Весь верх также снесло, причем порыв урагана был так велик, что на нас, к нашему счастью, не упало ни одного камня, — они были унесены, как солома. Рядом со мной лежала Нора, а у задней стены — Бэйли с разбитой головой. Под ним расползалась лужа крови.

Я посмотрел на горную долину и не узнал ее. От леса не осталось и следа. Деревья были вырваны с корнем и унесены неведомо куда. Горные пики и даже целые вершины сорваны. Прямо передо мною между горами открылась новая долина, за которой виднелась безбрежная снежная пустыня... Там еще бушевал ветер, но вокруг нас было относительно тихо.

Я попытался сесть. Все мое тело болело и ныло гораздо сильнее, чем в тот день, когда меня втянул вентилятор. Я еще раз посмотрел на Бэйли. Рот его был полуоткрыт, глаза остекленели. Он был мертв. Тем лучше!.. Он сам приготовил себе смерть.

Я наклонился над Норой и начал приводить ее в чувство. Она была невредима, но лежала в глубоком обмороке. Мне пришлось немало повозиться с ней. Искусствен-

ное дыхание не возвращало ее к жизни. Я был на грани отчаяния, когда вспомнил о способе восстанавливать биение сердца частым постукиванием кулака в области сердца. Это помогло. Пульс усилился, и Нора наконец открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Благодарим вас, сносно. Где мистер Бэйли?

— Убит, — ответил я, не скрывая своей радости. Но в этот момент я услышал за собою хрип. Вслед за этим Бэйли глухо проговорил:

— Черт возьми!.. Я, кажется, перестарался.

Он задвигал руками по полу.

— Я не могу поднять головы, — так же глухо продолжал он. — Помогите мне.

Я подполз к Бэйли и усадил его, прислонив к стенке. Голова его свесилась набок.

— Давление пятьдесят тысяч атмосфер... Главная волна должна была идти в сторону нагрева... Нагреватель был поставлен на запад. А между тем такая контузия... — бормотал Бэйли, разбираясь в своей ошибке. Потом он застонал и закрыл глаза.

Одна мысль вдруг молнией пронеслась в моем мозгу. Мистер Бэйли был в моих руках! Если я его... Никто не узнает!.. Я поднял большой осколок камня и уже занес над головой Бэйли. Нора внезапно схватила мою руку и отвела в сторону.

— Как вам не стыдно... убивать раненого, больного, беззащитного человека? — шептала она.

Я смутился. Камень выпал из моей руки.

— Но разве вы сами...

— А? Что?.. О чем вы шепчетесь? — спросил мистер Бэйли, приоткрыв правый глаз.

— Вас нужно отнести в комнату, я сейчас позову людей, — сказала Нора, потирая свои щеки, побелевшие от холода. — Мистер Клименко, позовите кого-нибудь на помощь.

Я колебался. Но в этот момент сквозь разломанную дверь пролез Уильям. Одежда его была порвана, лицо в синяках и ссадинах. Видимо, ему также досталось от взрыва. Следом за ним явились двое слуг. Они взяли Бэйли на руки и, с большим трудом просунув его тело в развороченную дверь, унесли.

Нора смотрела на картину разрушения.

— Какой ужас! — сказала она.

— Вы скоро раскаетесь в вашем милосердии.

— Может быть, но иначе я не могла, — ответила девушка. — Это было сильнее меня.

Глава 18

БЭЙЛИ СНИМАЕТ МАСКУ

Норе пришлось ухаживать за раненым Бэйли. Положение его было довольно серьезно. Его мучили головные боли. Временами он бредил. Первые ночи Нора не отходила от него.

— Ну как? — при каждой встрече спрашивал я Нору с тайной надеждой, что Бэйли не выживет.

— Все в том же положении, — отвечала Нора и, видя мое разочарование, смущенно говорила: — Вы, вероятно, упрекаете меня в слабоволии, но это сильнее меня, я уже говорила вам. Я не могу...

— А как его настроение?

— Сегодня утром мистер Бэйли пришел в себя и сказал: «Я набил себе порядочную шишку, но у моих врагов шишка будет, наверное, побольше».

Бэйли был прав. «Показательный взрыв» произвел огромные опустошения. На тысячи километров к западу, куда была направлена главная сила взрыва, страна представляла печальное зрелище. Как будто гигантская бритва прошлась по земному шару, сбрив начисто вековые леса, селения, города... Реки вышли из берегов, и наводнения доканчивали дело бури. Кто не погиб от ветра, тот нашел смерть в волнах.

Трупы людей и животных были раскиданы повсюду, целые дома заносило на вершину гор или в озера, иногда за сотни километров.

Полоса между шестидесятыми и семидесятыми градусами северной широты особенно пострадала. По счастью для наиболее густо населенных мест европейской части СССР и Западной Европы, очаг воздушного взрыва находился далеко. Уральский горный хребет также несколько задержал ураган. Уфа, Свердловск, Пермь и другие города, лежащие недалеко от Уральского хребта, пострадали меньше Поволжья; на Урале ветер сделал как бы огромный прыжок и обрушился всей массой на Самару, Нижний Новгород, Вологду и дальше — Москву, Ригу, Варшаву. Польша, Германия, север Франции и Англия имели такой вид, как будто здесь произошло сильнейшее землетрясение. Далее вихрь пронесся по Атлантическому океану, потопив там множество судов, перекинулся на восточные берега Северной Америки и, произведя в Канаде и Соединенных Штатах огромные разрушения, помчался через Тихий океан к берегам Японии, обогнув таким образом весь земной шар. Пролетев пустынями Азии, ветер сделал полный круг. В одну бурную ночь наша гора тряслась, как в лихорадке, под напором восточного ветра. Так, все более замедляясь, вихрь четыре раза обошел вокруг земного шара. Его периодические порывы продолжали ощущаться еще долгое время.

Урок был дан хороший! Весь мир содрогнулся от ужаса.

Сказка о преступлении большевиков, готовившихся удушить мир, рассеялась. Имя Бэйли было у всех на устах, после того как он сам дал радиотелеграмму «Всем! Всем! Всем!», призывавшую признать его власть и сложить оружие. В наиболее пострадавших государствах царила паника. Печать требовала перемирия, предлагая сейчас же начать с мистером Бэйли переговоры о соглашении.

И только Советский Союз объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока враг не будет побежден. Это решение вызвало взрыв возмущения в печати Германии, Англии,

Франции и Соединенных Штатов. Если СССР упирается, то европейские державы и Америка могут заключить мир с мистером Бэйли и через голову СССР. Если же СССР будет противиться этому, то «против него вооружится весь мир».

И действительно, скоро от имени правительств Германии, Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки мистеру Бэйли была прислана радиотелеграмма, предлагающая ему изложить условия мира.

Бэйли не заставил себя долго ждать. Он ультимативно выставил три пункта:

1. Повсеместное установление диктатуры крупного капитала.

2. Физическое истребление коммунистов.

3. Монополия продажи воздуха остается за мистером Бэйли, как гарантия, обеспечивающая незыблемость устанавливаемой им политической системы.

Наконец-то Бэйли открыл свое настоящее лицо. Я до сих пор сомневаюсь, действительно ли он занимался «внешторгом» с Марсом. Но «земные» его цели стали мне вполне понятны, когда я узнал об ультиматуме. Бэйли преследовал социально-политические задачи: он хотел на вечные времена закрепостить рабочий класс, предоставляя ему возможность работать за право дышать, дышать в буквальном смысле слова!

Буржуазные правительства нашли условия мистера Бэйли более чем приемлемыми для себя. Но в рабочих массах этот ультиматум вызвал живейший протест. Однако с рабочими капиталисты надеялись быстро расправиться. «Кто против нас, тот останется без воздуха», — лаконически отвечали защитники соглашения с Бэйли.

Мир стоял перед новым ужаснейшим кровопролитием. Впрочем, реакционная печать (уже через два дня после ультиматума) цинично заявляла, что на этот раз революция, если рабочие захотят поднять ее, будет «совершенно бескровной», намекая на то, что классовый враг попросту будет удушен.

Я сообщил эти новости Норе. Она выслушала их молча, только губы ее дрогнули.

— Так дальше продолжаться не может, — сказала она, помолчав. — Я должна сегодня же переговорить с отцом. Приходите в полночь на нашу площадку. Я расскажу вам все, что узнаю от него.

Вечером ко мне зашел мистер Люк. Он был необычайно мрачен. Вопреки обыкновению он не предложил мне играть в шахматы. Угрюмо бродя по комнате, он выкрикивал время от времени крепчайшие проклятия.

— Вы не в духе, мистер Люк? — спросил я его.

— Будешь не в духе, — буркнул он. — Пусть дьяволы разорвут требуху мистера Бэйли и всех ваших «товарищей»!

— В чем дело, мистер Люк?

Люк расставил широко ноги, скрестив руки на груди, и трагическим тоном ответил:

— Дело в том, что в городке нет больше ни капли джина!

— Как? — воскликнул я с удивлением. — Неужели запасы городка истощаются?

— Истощились! — мрачно огрызнулся Люк. — Нет джина, а скоро нечего будет и есть, кроме мороженого мяса. — Он помолчал и, махнув рукой, продолжал: — Эх, ну что скрывать! Вы все равно не уйдете из этой мышеловки. Нам доставлялись запасы со стороны, на аэропланах. Мистер Бэйли все время поддерживал связь с внешним миром. При всем его богатстве ему одному не удалось бы соорудить и поддерживать такое предприятие. Мистер Бэйли не один. У него много союзников. И они все время поддерживали его, пополняли наши запасы... Но теперь мы в блокаде. Ваши летчики — и бури их не берут! — установили такой кордон, что ворона не пролетит, а не то что аэроплан. Мы отправили нашим союзникам в Англию уже три отчаянные телеграммы и получаем все тот же ответ: «Нет возможности. Потерпите, скоро будет заключен мир». Потерпите! — сердито закончил Люк. — Им хорошо там терпеть. А каково мне тут!..

То, что сказал мистер Люк, было для меня откровением. В одном отношении Бэйли оказался сильнее, чем я думал раньше. Он не был, оказывается, борцом-одиночкой, он стоял во главе заговора капиталистов! Быть может, силы всего международного капитала поддерживали Бэйли. «Продавец воздуха» — это только ловкий маневр, чтобы среди рабочих и населения не возбудить гнева против всех капиталистов. Дело было поставлено так, как будто один маньяк или злодеи завладел воздухом, а капиталисты лишь принуждены принять его условия!

С другой стороны, положение самого Бэйли и его городка, как я узнал от Люка, было почти катастрофическим. А если капитулирует городок, то и весь заговор сорвется. Этого не знали рабочие, не знало и правительство СССР. Недаром иностранные государства так спешат заключить мир с мистером Бэйли. Наступают решительные дни. Теперь все средства хороши... И если Нора не имеет сил прикончить мистера Бэйли, то это сделаю я!

Новости, сообщенные мне Люком, были так важны, что я решил вознаградить его и вытащил из-под кровати припасенную мною за неделю до этого бутылку джина.

Мистер Люк, увидев заветную бутылку, издал рычащий звук и набросился на нее, как зверь на добычу. Он начал пить прямо из бутылки и оторвался не раньше, чем высосал половину. Потом он вытер губы, любовно закупорил бутылку, опустил в карман и, поблагодарив меня, ушел.

Глава 19

РАЗВЯЗАННЫЕ РУКИ

Я посмотрел на часы. Было без десяти минут двенадцать — время идти на площадку.

Норы еще не было. На небе расцветали лилово-зеленые букеты, сновали веселые желтые и голубые полосы. У горизонта плясали какие-то бледно-оранжевые занавески. Сегодня на небе была праздничная иллюминация. Спектры ки-

слорода и неона танцевали кадриль со спектрами азота и гелия.

За мною тихо скрипнула дверь. Я обернулся. Нора!

Она была бледна, как труп замерзающего. Ни слова не говоря, девушка подошла ко мне, положила руки на мои плечи, приблизила лицо и вдруг крепко поцеловала. От неожиданной ласки у меня захватило дыхание.

— Нора! — тихо воскликнул я.

Она быстро отошла от меня и сказала:

— Теперь все будет хорошо. Мне нужно сходить вниз к озеру жидкого воздуха. Отец послал меня туда, — выразительно добавила она, — и мистер Бэйли. Идемте со мной.

— Нора! Нора! Но что сказал отец? И что все это значит? Почему вы так бледны?

Все, что я хотел сказать Норе, вылетело у меня из головы. Поведение девушки было настолько необычно, и она говорила так повелительно, что я последовал за нею, как автомат. Она шла очень быстро. Несколько раз я окликал ее и пытался заговорить, но девушка только ускоряла шаги.

Мы вошли в комнату, где хранилась одежда для путешествия в пещерах абсолютного холода.

— Помогите мне скорее одеться, — сказала Нора, — и не спрашивайте ни о чем. Вы скоро все узнаете.

Я принужден был покориться. Быстро надев «водолазные» костюмы, мы спустились на лифте, в молчании миновали ряд дверей и вошли в подземную пещеру. Голубое озеро жидкого воздуха чуть дымилось. Холодный свет ламп ярко освещал путь.

Мы шли берегом озера. Нора начала замедлять шаги и несколько раз споткнулась, как будто ноги не держали ее. Я взял ее под руку, но она освободила свою руку и сказала мне:

— Пройдемте вперед.

— Зачем?

— Так надо.

Я покорно сделал несколько шагов вперед — и вдруг ус-

лышал слабый крик. Я быстро оглянулся и вздрогнул от ужаса.

— Что вы делаете?! — закричал я. Но было уже поздно.

Нора раскрыла свой изоляционный костюм, обнажив грудь и голову. Холод в двести семьдесят три градуса ниже нуля должен был убить ее моментально. Я подбежал к девушке и трясущимися руками пытался натянуть ей на голову скафандр и закрыть одежду на груди. Тело Норы в одно мгновение покрылось пушистым инеем и затвердело, как сталь... Даже ее глаза, остававшиеся открытыми, покрылись пленкой инея, а с губ, открытых улыбкой, упал ледяной комочек — последнее дыхание Норы. Часть инея отделилась от ее тела и хлопьями снега осыпалась на пол.

— Нора! Нора... Что ты наделала!.. — кричал я, обезумев.

Я стоял перед снежной статуей девушки, не зная, что делать. И вдруг я заметил у ее ног четырехугольный запушенный инеем предмет. Я поднял его, стер иней и увидел, что это письмо.

Взглянув еще раз на Нору, я увидел, что иней спустился ниже, запушив всю ее фигуру. Я решил перенести ее в «пантеон» и поставить на пьедестал, уготованный мистером Бэйли для меня. Мне казалось, что это будет лучший способ похорон бедной девушки. Я обнял рукой ее закоченевший стан и попытался поднять труп. Но ноги девушки не отрывались, припаянные льдом, образовавшимся от испарившейся внутренней теплоты ее тела. Я сделал усилие и вдруг почувствовал, что тело Норы треснуло и разломилось на несколько кусков. Вздрогнув, я отпустил руку, и верхняя половина тела упала на сторону, сдерживаемая только одеждой. Несколько кусков замороженного тела, как осколки разбитого изваяния, выпали из распахнувшейся одежды. Нора, живая горячая Нора в одно мгновение превратилась в хрупкую, нежнее фарфора, статую!..

Я глубоко был огорчен и потрясен этим превращением. Оторвав наконец ноги девушки от земли, я взвалил на плечи фарфоровые останки, отнес их в «пантеон» и положил на

пьедестал. Увы, я смог восстановить там только бюстовый памятник Норе... Осторожно очистив ее лицо от инея и посмотрев в последний раз на губы, которые так недавно целовали меня, я вышел из мрачной пещеры, поднялся, поспешил к себе, осторожно согрел и высушил письмо и начал читать его.

Нора писала:

«Милый друг!

Простите, что я заставила вас пережить неприятные минуты. Но я боялась, что без вас не совершу того, что надо было совершить. Ваше присутствие поддерживало меня.

Я говорила с отцом. Я принудила его сознаться во всем. И теперь я знаю, что заставляло его работать с мистером Бэйли.

Мистер Бэйли обманул отца. Он завлек отца в этот городок, обещая отпустить через год. Но когда год прошел, Бэйли объявил отцу, что не отпустит его. Если же отец не послушается Бэйли, то мы не выйдем живыми отсюда — ни он, ни я. Отец очень любит меня. Он не мог рисковать моей жизнью и остался у мистера Бэйли. Но отцу тяжело было признаться, что он находится в плену. И потому он уверял меня, что его задерживает работа.

Таким образом, я связывала отца. И из-за меня отец принужден был принимать участие в этом ужасном деле.

Когда-то вы бросили мне упрек в том, что я не похожа на моего предка-революционера, рудокопа Энгельбректа. Да, я должна признаться, что не имею его силы воли и его неукротимой энергии. Века и поколения потомков, очевидно, распылили его железный характер. Я не решилась убить мистера Бэйли. И долго не могла решиться задать отцу роковой вопрос о его соучастии в преступлении. Но все же я хочу умереть, как достойная правнучка рудокопа Энгельбректа. Это все, что я могу сделать. Теперь отец свободен. Мне тяжело писать ему. Но передайте ему мои слова: «Отец, твои руки больше не связаны. Поступи так, как поступил бы на твоем месте рудокоп Энгельбрект».

Прощайте. Нора».

Я несколько раз прочитал письмо. Бедная Нора! Она поторопилась. Если бы я успел сказать ей о том, что узнал от Люка, то, может быть, она была бы жива... И... она любила меня. Но теперь со всем этим кончено. Однако не все в письме Норы было для меня ясно. Быть может, ее отец объяснит мне.

Было уже утро. Я пошел к профессору Энгельбректу.

Он сидел в кабинете, погруженный в формулы. Увидев меня, профессор поднял голову от бумаг и спокойно спросил:

— Вы не видели моей дочери?

— С вашей дочерью... с мисс Элеонорой случилось большое несчастье, — сказал я. Энгельбрект побледнел.

— Что такое? Говорите!

Я молча положил на стол письмо Норы. Руки профессора заметно дрожали, но он старался овладеть собой. Прочитав письмо, он посмотрел на меня и глухо спросил:

— Что с ней?

Я рассказал о том, что произошло в пещере абсолютного холода. Я уже был почти спокоен.

Энгельбрект опустил голову и закрыл лицо руками. Так он просидел несколько минут. Я не нарушал молчания. Когда он отнял руки и поднял голову, я не узнал его лица — так оно изменилось и постарело.

Энгельбрект с трудом поднялся, пошатнулся и опять сел.

— Я убил ее...

Потом он вдруг с силой ударил по столу кулаком, и глаза его засверкали гневом.

— Бэйли убил ее!

Казалось, в Энгельбректе пробуждалась душа его предка.

— Идемте со мной к этому бандиту! — крикнул он.

— Один вопрос, профессор, — сказал я.

— Говорите, но скорее...

— Мисс Элеонора пишет, что, по вашим словам, Бэйли

угрожал убить вас и ее, если вы решитесь уехать от него. Между тем мисс Элеонора говорила, что он не задерживал ее.

— Это была игра мистера Бэйли, игра на психологии. Он знал, что Нора не уедет без меня. Я же принужден был поддерживать в моей дочери иллюзию того, что она вольна уехать. Если бы она узнала о своей неволе, то положение всех нас осложнилось бы еще больше. Она почувствовала бы себя несчастной.

— Ну а если бы она все-таки решилась уехать?

— Мистер Бэйли не выпустил бы ее.

— Но почему же вы... не убили Бэйли?

— Я не раз думал об этом. Но убийство мистера Бэйли не изменило бы положения. Мистер Бэйли — только одно из звеньев преступной цепи. Вы знаете, из кого состоит все население городка, за исключением нескольких якутов чернорабочих? Из сыновей банкиров и тузов! И они не выпустили бы меня, если бы я убил Бэйли. Они убили бы меня и Нору. Они могли убить меня, а ее оставить в живых... Что было бы с ней? Бедная девочка, она была права: она связывала мне руки. Но если бы я знал, что Нора так поступит... Впрочем, теперь об этом поздно говорить. Да, мистер Бэйли шутить не любит. Со мной поступили бы точно так же, как с моими коллегами-профессорами, погибшими в Арктике. Их убили за то, что они не хотели повиноваться мистеру Бэйли.

Профессор начал шарить в ящике письменного стола.

— Черт возьми, куда девался мой револьвер? — Я хотел сказать, что еще Нора искала его и не могла найти, но промолчал. — Ну, обойдемся. Идемте, мистер Клименко.

— Что вы намерены делать? — спросил я.

— Поговорить по душам с мистером Бэйли...

Наш приход к Бэйли был не совсем удачным. Он уже сидел в кресле, а вокруг него сгруппировались его приближенные. Их было не менее десяти человек.

Увидя это зрелище, Энгельбрект нахмурился, но отступать было поздно.

— А, уважаемый профессор, как кстати! — сказал Бэйли. — Я только что хотел послать за вами. У нас тут маленький военный совет. Вот только голова моя еще плохо работает...

Бэйли замолчал и начал перебирать на лежавшем перед ним блюде блестящий бисер. Этот бисер был последним изобретением Энгельбректа — спрессованный воздух, заключенный в особые оболочки. В них воздух не испарялся в обыкновенной температуре и мог безопасно перевозиться. Только быстрое повышение температуры могло вызвать взрыв. Бэйли усиленно готовился к экспорту воздуха, считая вопрос о мире на предложенных им условиях предрешенным.

— Да, голова... — продолжал мистер Бэйли. — Непорядки в голове. Говоришь — и вдруг понесешь чепуху. Но это пройдет. Присядьте, сэр... — Меня Бэйли не пригласил сесть, он только покосился на меня, но не попросил удалиться.

— Я отказываюсь работать. Можете больше не считать меня в числе ваших служащих, — сказал Энгельбрект, продолжая стоять.

— От-ка-зываетесь?! — спросил Бэйли, и лицо его потемнело. — Что это значит, сэр?

— Это значит то, что я сказал.

— Здесь все значит только то, что я сказал, — ответил Бэйли уже гневно. — Вы забываетесь, мистер Энгельбрект. Если вы сейчас же...

— Довольно! — вдруг закричал Энгельбрект. — Я не хочу больше оставаться в этой бандитской шайке!

— Это бунт. Вы знаете, что угрожает вам?

— Мерзавец! — вдруг проревел Энгельбрект. — Ты убил мою дочь, ты ужасом наполнил землю, ты... ты... — И вдруг, подняв руки, Энгельбрект бросился на Бэйли и начал душить его.

От Энгельбректа этого никто не ожидал. Несколько мгновений клевреты Бэйли сидели как окаменелые, потом вдруг всей гурьбой набросились на профессора. Я поспе-

шил ему на помощь. Поднялась невообразимая свалка. Энгельбрект был необычайно сильным человеком. Мои кулаки также работали исправно. Но врагов было больше. Они одолевали нас. Бэйли бежал за письменный стол и забаррикадировался стульями, управляя оттуда сражением.

От волнения он вновь начал бредить и исступленно выкрикивал:

— Долой! На Марс! На Луну... Конец мира! Сто тысяч фунтов стерлингов за грамм!

А Энгельбрект разбрасывал врагов, рвался к Бэйли и хрипел:

— Убью... растерзаю!

Силы наши истощались. Я крикнул Энгельбректу:

— Назад! Отступайте, или мы погибли...

Энгельбрект пришел немного в себя. Оглянувшись, он увидел, что положение безнадежно. Трое врагов валялись на полу, но остальные, вооружившись стульями, готовы были броситься в новую атаку.

В руках двоих уже сверкали дула автоматических револьверов.

Мы с Энгельбректом, бешено защищаясь, отступили к двери и побежали по коридору, преследуемые по пятам врагами. Завернув за угол, вскочили на площадку лифта, спустились этажом ниже. Еще несколько мгновений — и мы очутились недалеко от выводной трубы. Вход в нее оказался закрытым.

— Скорей! Сюда! — крикнул Энгельбрект, хорошо знавший расположение городка.

Глава 20

ОБРЕЧЕННЫЕ

Мы вбежали в пещеру, смежную с трубой, и поспешили закрыть дверь.

Это было еще не оконченное отделкой помещение, в котором предполагалось хранить запасы сгущенного воздуха.

Холодильники еще не были установлены, и в пещере была сносная температура. Временно здесь хранились запасные вагонетки и инструменты. Пещера не освещалась.

— Подвозите вагонетки! — скомандовал Энгельбрект, загораживая вход.

Мы подкатили к железной двери вагонетки, навалили на них кирки, лопаты, все, что оказалось под рукой и что могли нащупать в кромешной тьме. Вход был забаррикадирован.

— Так, — сказал профессор, окончив работу. — Здесь мы можем продержаться.

Шаги наших преследователей глухо доносились из-за двери.

Скоро мы услышали удары в дверь. Мы молчали. Через некоторое время удары прекратились, и все затихло. Убедились ли наши враги в невозможности открыть дверь или изменили план атаки, мы не знали, но рады были этой передышке. Мы едва стояли на ногах от усталости. Энгельбрект лег в вагонетку и потянулся.

— Глупо вышло, — сказал он. — Выдержки не хватило. Такой уж у меня характер. Терпишь долго, а потом прорвется.

Он замолчал.

— Вы считаете меня соучастником преступлений мистера Бэйли? — заговорил он потом.

— Но ведь вы не могли... — поспешил я его успокоить.

— Нет, я мог. Я мог предупредить катастрофу, спасти людей, пожертвовав жизнью своей и жизнью дочери. Нелегко принести такую жертву. Но лучше погибнуть двум, чем тысячам, не правда ли?

— Зачем заниматься самобичеванием? — пожал я плечами.

— Это не самобичевание. Ваше мнение обо мне для меня не безразлично. Дочь не написала последнего письма мне, но написала вам. Она любила вас, разве я не видел...

Я промолчал. Энгельбрект, этот большой, сильный человек, тяжело мучился и не мог уже таить своего горя.

— Но не подумайте обо мне слишком плохо, — сказал он. — Если я и виновен перед человечеством, то и наказан за то тяжко. Я ночи не спал в поисках выхода. Я искал способ пустить фабрику мистера Бэйли «на воздух», но так, чтобы это не вызвало катастрофы. Последнее время вы с Норой как раз работали над этим. Ваша совесть может быть спокойна: вы работали не на Бэйли, а против него. И опыты были очень удачны. Они подходили к концу. И если бы Нора не поспешила... Бедная девочка!.. Но я долго не мог разрешить задачу. Бывали дни, когда я приходил в отчаяние. И тогда я решал: сегодня должно все кончиться. Я убью Нору, потом Бэйли, а затем себя... Но когда Нора входила ко мне, сияющая свежестью и молодостью... Ах!.. — Энгельбрект тяжело вздохнул. — У меня не поднималась рука. Потом у Норы появилось недоверие ко мне. Разве я не видел этого страшного вопроса в ее глазах? Не преступник ли ее отец, человек, которого она так любила и в честности которого никогда не сомневалась?

Энгельбрект вдруг поднялся и сделал шаг ко мне:

— Умерла моя девочка. Мне очень трудно... Но, знаете, какая гигантская тяжесть спала с моей души! Кончилось «раздвоение личности»... Мы с вами обречены. Не о себе я теперь думаю. Я сожалею только об одном, что мне не удалось удушить бандита... Нас, вероятно, хотят уморить голодом. К счастью, они не могут нас заморозить. Впрочем, не все ли равно? Разве Нора не заморозила себя...

Смерть девушки сильно поразила и меня. Я любил ее и лишился в тот момент, когда узнал, что и она любит меня. Но на моей душе не было того тяжкого груза, который давил Энгельбректа. Притом я был молод, и мое настроение не могло быть так безнадежно, как у Энгельбректа. Мне хотелось жить.

— Скажите, а отсюда никак нельзя выйти на волю? — спросил я Энгельбректа.

Профессор был слишком погружен в свои мрачные думы, и мой вопрос не сразу дошел до его сознания.

— Выйти на волю? — наконец переспросил он. — Да, это нелегко. Вот эта стена выходит наружу.

— Так за чем дело стало? — сказал я. — У нас есть кирки. Правда, здесь совершенно темно, но мы можем работать впотьмах.

— Можем, — безучастно ответил Энгельбрект. — Но прежде чем мы пробьем скалу, мы сдохнем с голоду. Напрасный труд. Ложитесь, как я, и ждите спокойно смерти.

Но в мои расчеты вовсе не входило спокойно ожидать смерти. Отдохнув, я поднялся, ощупью разыскал кирку и подошел к стене.

Звенящие удары послышались во тьме.

— Не здесь, возьмите левее, — донесся голос Энгельбректа. — Там стена тоньше.

Я перешел на несколько шагов влево и приступил к работе.

Утомившись, я присел отдохнуть и услышал кряхтенье Энгельбректа и лязг железа — профессор спрыгнул с вагонетки.

— Я слишком устал, устал душою, чтобы долбить скалу ради спасения своей жизни. Но вы молоды и еще найдете свое счастье. Я должен помочь вам ради Норы...

Загремело железо — это Энгельбрект выбирал кирку.

— Разве так рубят скалы? — услышал я голос профессора уже вблизи себя. — Посторонитесь. Вот как это делал старый рудокоп Энгельбрект.

И я услышал мощные ровные удары.

Мы проработали несколько часов. Я уже бросил в полном изнеможении свою кирку, а удары «старого рудокопа Энгельбректа» еще долго раздавались в обширной пещере. Эхо гулко отдавало эти удары.

— На сегодня довольно, — сказал наконец Энгельбрект.

Он отбросил кирку. Но прежде чем лечь спать, мы оттащили от двери вагонетки и уставили их на рельсы в ряд че-

рез всю пещеру, так что первая вагонетка упиралась в дверь, а последняя в противоположную стену.

— Так. Если теперь еще навалить на вагонетки инструменты и насыпать камней, то сам черт не откроет двери.

Наконец, совершенно утомленные, мы улеглись и крепко уснули.

Я проснулся от холода. Хотелось есть. Из темноты послышался продолжительный зевок Энгельбректа.

— Проснулись? — спросил я.

— Давно не сплю. Есть хочется, но ничего не поделаешь, придется приниматься за работу, не позавтракав.

И он взялся за кирку. Вначале удары были неуверенные и неравномерные. Потом Энгельбрект втянулся и работал со вчерашней энергией. Я также взялся за кирку.

Голод давал себя чувствовать, обессиливая нас. Перерывы для отдыха мы делали все чаще и чаще. Время тянулось бесконечно долго. Казалось, скалы сегодня стали крепче, чем были вчера. Наконец я бросил кирку в бессильном отчаянии и мешком свалился на груду камней. Энгельбрект работал еще некоторое время, потом замолкли и его удары.

— Плохие дела, — сказал он мрачно. — Так мы долго не протянем, а углубились едва на одну треть. Мы работали неэкономно. Надо рубить шахту поменьше и бить по очереди.

Так прошел еще один день, если только мы не ошибались во времени. Мы вновь постарались уснуть, лежа в одной вагонетке, чтобы согревать друг друга. Холод ощущался все сильнее и мучительнее. Мне не спалось. Желудок сжимался в голодных спазмах. Ноги холодели, голова горела, все тело ныло. Мрачные мысли, как ни боролся я с ними, не давали покоя. Я терял надежду выбраться отсюда. Мне хотелось поговорить с Энгельбректом, но он лежал тихо и, быть может, спал. Мне жалко было будить его...

Потеряв всякую надежду уснуть, я поднялся, добрался во тьме до дыры, которую мы пробивали в стене, и начал из-

мерять пройденное нами расстояние. Камни покатились из-под ног и загремели.

— Кто там? — услышал я голос Энгельбректа.

— Это я. Вы не спите?

— Нет, — ответил профессор. — Думы проклятые одолевают... И холодно... Давайте погреемся. — Энгельбрект поднялся и взял кирку. — Черт, тяжелая какая стала! — выбранился он. Послышались удары киркой, потом вдруг наступило молчание, и я услышал тяжелый вздох.

— Не могу, — сказал Энгельбрект. — Руки не держат кирки... Но я заставлю их держать! — И он вдруг начал молотить с необычайной силой, так что из-под кирки посыпались искры.

Это была последняя вспышка энергии. Кирка отлетела в сторону, и Энгельбрект растянулся на груде камней.

— Отдохните, я заменю вас, — сказал я, принимаясь за работу.

Но у меня дело пошло еще хуже. Мне казалось, что я размахивался изо всей силы, а кирка только царапала скалу, отбивая мелкие осколки. При таком темпе работы мы и в десять дней не пробьем скалы! Голодная смерть должна наступить гораздо скорее...

Мне кажется, что я уснул или впал в забытье с киркою в руке. Я не знаю, как долго продолжалось это. Быть может, так пролежал я целые сутки, а может быть, всего несколько минут. И я не могу с уверенностью сказать, во сне или наяву я принимался несколько раз за работу, бил с ожесточением отчаяния и вновь падал на землю. Время от времени я чувствовал невыносимые приступы голода. Но постепенно это ощущение притуплялось. Я начинал впадать в оцепенение. Время стало, и я не знал, сколько дней прошло с тех пор, как мы заперли себя в этой мышеловке. Я все больше погружался в темную пропасть забытья. Иногда мелькала мысль о смерти, но и она уже не волновала меня.

Тупое безразличие засасывало меня, как тина. Но критическое чувство еще не совсем погасло. Помню, я с неко-

торым интересом наблюдал за теми процессами умирания, которые происходили во мне. В этом «умирании» наблюдался определенный ритм. Периоды коматозного состояния сменялись некоторыми просветлениями чувств и сознания, как будто последние запасы жизненных сил собирали остатки «горючего», чтобы еще и еще раз осветить сознание... Ибо только сознание могло найти выход и спасти умирающий организм. И организм отдавал последние соки, последний трепет клеток моему мозгу — последней надежде на спасение...

В один из таких светлых промежутков я услышал очень слабые, отдаленные удары кирки.

«Вероятно, заработал Энгельбрект. Неужели у умирающих с голоду так ослабевает слух? — подумал я. — Или это бред?»

— Это вы стучите, профессор? — спросил я Энгельбректа.

— Я о том же самом хотел спросить вас, — ответил он слабым голосом, который, однако, я слышал совершенно отчетливо и ясно.

— Я не глохну, и это не галлюцинация, — размышлял я вслух. — Что же могут означать эти удары? Кто производит их? Откуда они?..

— Я уже несколько минут или часов думаю об этом, — ответил Энгельбрект. — Мне казалось, что это вы работаете, но я начал глохнуть. Звуки несутся из проделанного нами отверстия, я лежу около него. — Помолчав немного, он продолжал: — Очевидно, мистеру Бэйли не терпится прикончить нас, и он отдал распоряжение пробить стену. Он большой законник и, вероятно, хочет судить нас по всей форме, чтобы потом заморозить и поставить в «пантеон».

Мы замолчали, прислушиваясь. А звуки все усиливались, приближались. Потом внезапно прекратились. Их заменил новый звук — скрежет вращающегося сверла.

— Бурава пустили в ход, — спокойно сказал Энгельбрект. — Этак они скоро доберутся до нас...

Новая опасность как будто вернула нам силы. Не скажу, что я боялся смерти, — я уже находился в ее преддверии, но эти новые звуки нарушили однообразие нашей жизни и ритм нашего постепенного умирания. Сознание окончательно вернулось к нам.

— Что же мы будем делать? — спросил я.

— Встретим врага и умрем в борьбе, как подобает мужчинам, — ответил Энгельбрект.

Я иронически улыбнулся, не опасаясь того, что Энгельбрект увидит мою улыбку.

— Вы в силах поднять руку? — спросил я.

— Мне хватит сил, чтобы опустить камень на голову первого, кто просунет ее сюда, — сказал он. — Ползите ко мне.

Мы подползли к краю проделанной нами маленькой шахты и улеглись по обеим ее сторонам, положив возле себя камни с острыми краями. Однообразный скрежет бурава усыплял меня, но я всячески боролся с сонливостью. Когда же звуки послышались совсем близко от нас, прошел и сон. Я насторожился, как кошка, готовая изловить мышь.

— Еще несколько минут, и они будут здесь, — шепнул Энгельбрект.

И в эту минуту я понял, что давало нам новые силы: ненависть к нашим врагам!

Бурав взвизгнул, стена затрещала, мелкие камни посыпались в нашу сторону. Визги и скрежет сменились жужжаньем. Дыра, и еще дыра в тонкой стене, отделявшей нас от врагов... Удары кирки. Дыра увеличилась настолько, что в нее мог пролезть человек. Так решил я, потому что работа сверла и кирок прекратилась и в темноте послышалось шуршание, которое мог производить человек, пролезающий в отверстие. Напрягая ослабевшие мышцы, мы с профессором подняли камни. Я прислушивался к каждому шороху. Ближе, ближе... Совсем близко...

«Можно!» — подумал я и размахнулся. Но камень вдруг выпал из моих рук, когда я неожиданно услышал знакомый шепот...

Глава 21

«ЛОПНУЛ КУПЕЦ»

— Сильно темно...

— Никола! — закричал я.

— О! Товарисц Клименко! — ответил он. И я почувствовал, как мохнатая рукавица жмет ту руку, которая едва не разбила ему голову.

— Как ты попал сюда?

— Сильно крисис! — сказал Никола и, обернувшись назад, обратился к кому-то, стоявшему за отверстием: — Влезайте, товарисси. Тут свои. А мы, — продолжал он, обращаясь к профессору, — присли тебя спасать, купца Бели убивать.

— Да кто «мы»?

— Красный Армия присол: о!

— Но почему вы решили пробивать и сверлить стену именно этой шахты? Ты знал, что я нахожусь здесь?

— Нисего не знал. Только ты сам говорил, серез эту новую шахту хоросо пройти в город, — ответил Никола.

Ничего подобного я не мог припомнить. И только много времени спустя, вспоминая то время, когда мы обдумывали с Николой ночами план побега, я вспомнил, что действительно указывал на эту шахту как на самый удобный путь проникновения в подземный городок. Я не ожидал, что Никола окажется столь сообразительным и памятливым. Случай неожиданно загнал нас в эту же шахту, и здесь произошла счастливая встреча.

Никола поспешил рассказать мне, «как это было». Наше командование не переставало строить планы взятия подземного городка. Когда налет аэропланов оказался безуспешным, а бомбардировка невозможной, за дело взялись саперы. Решено было провести подкоп. Задача облегчалась тем, что весь кратер был засыпан глубоким снегом. В нем нетрудно было проделать траншеи и подойти к самой скале. Саперы употребили более трех недель на эту работу сперва

«тихой сапой»[1], а потом подземной галереей. Выбор был сделан удачно. В этой пещере Никола сам работал не раз. Он знал, что здесь никто не живет и ночью, когда нет рабочих, можно войти незамеченным.

Пока Никола рассказывал, в пещеру через отверстие влезали один за другим красноармейцы.

— Тут никто не увидит, можно зажечь огонь, — сказал Никола, и в его руках сверкнул электрический фонарик. — Сильно хороса стука! — сказал он. — Чик — и готово. Ай-ай-ай! — продолжал он, осветив мое лицо. — Сильно похудел. Давно не кусал. А это товарисц? Кусайте скорей! — и Никола, развернув походный мешок, начал угощать меня и Энгельбректа.

Насытившись, я рассказал Николе и командиру отряда о всех происшествиях. Мы начали обсуждать план дальнейших действий. Было уже утро, и командир решил, что нам лучше подождать до следующей ночи, чтобы напасть врасплох.

Мы старались соблюдать тишину, чтобы не привлечь внимания врага. Разложили небольшой костер. Никола согрел чай и усиленно кормил нас. День прошел незаметно в разговорах и в обсуждении плана дальнейших действий. В шесть вечера начальник поставил несколько часовых, отдал приказ ложиться спать, чтобы отдохнуть перед «делом». Насытившись и согревшись у огня, я крепко уснул, и, когда Никола разбудил меня ночью, я был свеж и бодр. Правда, еще чувствовалась некоторая слабость в ногах, но это не остановило меня. Я хотел принять участие в нападении.

Мы осторожно отвалили вагонетки и освободили выход. Только бы дверь не была заперта!.. Красноармеец потянул дверь — она подалась. Я и Энгельбрект были настолько не

[1] «Тихая сапа» — военно-инженерная работа, заключающаяся в том, что траншеи роются путем выкидки земли перед собою головным сапером, который таким образом медленно и скрытно продвигается вперед. Следующие за ним углубляют и расширяют проделываемый им ход.

опасны для «армии» Бэйли, что запирать нас снаружи не сочли нужным: и по ту и по эту сторону двери нас ожидала смерть.

Начальник отряда отдал распоряжение, и красноармейцы с ружьями наперевес двинулись по коридору. Он был пуст. Только у лифта мы встретили первого часового. Он дремал и, разбуженный нашим приближением, пытался поднять тревогу, но начальник направил на него дуло револьвера.

— Стой, братишка! — по-русски, но достаточно выразительно сказал он.

Часовой сдался. Мы поднялись на лифте в первый этаж. Когда последний красноармеец был уже наверху, мелькнула чья-то тень и скрылась за поворотом коридора. Через несколько минут в городке будет поднята тревога! Мы ускорили шаг и почти подбежали к кабинету Бэйли.

Дверь была открыта. Я распахнул ее и ворвался в кабинет.

Бэйли еще не спал. Он сидел в кресле и перебирал рукой лежавший на блюде «воздушный» бисер. Голова его была обвязана платком.

Увидев меня впереди вооруженного отряда красноармейцев, Бэйли широко раскрыл глаза. Нижняя челюсть его отвисла. Он откинулся на спинку и смотрел на нас с нескрываемым ужасом.

— Гражданин Бэйли? — спросил начальник отряда.

— Это он, — сказал я. Краском сделал шаг к Бэйли.

— Вы арестованы.

Лицо Бэйли перекосилось. Глаза его еще больше расширились и запылали огнем безумия. У него вновь начался один из припадков, которыми он страдал в последнее время после ранения.

— А-а-а-а-а-а!!! — дико закричал он. — Большевики! А-а!! И здесь? Всюду?! Нет спасения!.. Вы хотите лишить меня воздуха?

Он запустил скрюченные пальцы в свои сокровища —

«воздушный» бисер — и вдруг схватил несколько бисеринок, с трудом поднял их, положил в рот и проглотил.

Энгельбрект первый понял, что должно последовать за этим. Он схватил Бэйли за шиворот и потащил к выходу.

— Что вы хотите с ним делать? — спросил краском, не понимая еще угрожавшей всем опасности.

Бэйли, продолжая бредить, отбивался от Энгельбректа.

— Скорей наверх!.. Помогите мне, он стал вдвое тяжелее! — отчаянно кричал Энгельбрект.

Я, Никола и два красноармейца подхватили Бэйли, потащили по коридору, бросили в лифт и поднялись вместе с ним на площадку, где не раз я беседовал с Норой и любовался северным сиянием, дыша «воздушными витаминами».

Бэйли продолжал кричать и пытался вырваться от нас.

Вдруг я заметил, что изо рта Бэйли вылетел клуб белого холодного пара. Тело его начало быстро распухать, в особенности грудь. Внутренняя теплота желудка расплавила оболочки бисеринок. Воздух начал испаряться, и с Бэйли происходило то же, что происходит с глубоководной рыбой, вытащенной на поверхность океана: внутреннее давление превосходило давление атмосферного воздуха и распирало тело. Еще мгновение и...

Но Энгельбрект не стал ожидать этого мгновения. Он схватил мистера Бэйли и перебросил его тело через перила.

Уже в воздухе тело Бэйли неимоверно распухло, а изо рта валил пар, как из открытого паровозного клапана. Прежде чем Бэйли долетел до снежного откоса, раздался взрыв. «Воздушные» бисеринки взорвались. Среди белого воздуха я увидел руки и ноги Бэйли, оторвавшиеся от тела и летящие в разные стороны. В несколько мгновений белое облако превратилось в воздух, которым с силой отбросило нас к стене. Но я удержался на ногах и посмотрел вниз. До снега долетела только голова Бэйли. Все его тело было разорвано на мельчайшие части и унесено неведомо куда.

Несколько минут мы стояли неподвижно, пораженные

этой необычайной смертью. Первым нарушил молчание Никола.

— Лопнул купец, — сказал он.

Да, «лопнул купец», лопнуло и все его воздушное предприятие!

* * *

Красноармейцы быстро справились с гарнизоном подземного городка. Его радиостанция оповещала мир о победе.

А в это время Энгельбрект медленно и осторожно поднимал температуру в подземных пещерах, вместе с тем уменьшая и атмосферное давление. Все отверстия, трубы и люки были открыты. Белый холодный пар вылетал из них, превращаясь в живительный воздух. Жизнь возвращалась к Земле.

«Ноздря» Ай-Тойона «выдыхала» воздух.

Золотая гора

БОЛЕЗНЬ, КОТОРАЯ НЕ ПОДДАЕТСЯ ЛЕЧЕНИЮ

Голубое небо прозрачно, как хрустальные воды горного озера. Высоко-высоко журавлиной стаей летят легкие перистые облака. Под облаками парит орел, распластав свои огромные крылья. Он делает медленные круги и смотрит вниз. Под ним расстилаются горы с белыми шапками снега, темная зелень лесов, горные озера, похожие на куски разбитого зеркала, белое кружево водопадов, серебряные ленты речек. Но не эта знакомая картина интересует орла. Его зоркие глаза прикованы к большому белому камню, что лежит у реки, на мшистом склоне холма. На камне сидит человек, а около него вертится черный как смоль живой комочек. Он, должно быть, очень жирный, этот комочек! Хорошо бы упасть камнем и, схватив черный комочек, отнести в гнездо, на вершину горной сосны, своим голодным детенышам... Но человек мешает... Зачем он пришел сюда, в это пустынное место? Что ему надо?

На эти вопросы человек, сидевший на белом камне, не мог бы ответить. Он откинулся на спину, посмотрел в голубую пустыню неба, увидел орла и, обняв руками черного пуделя, сказал:

— Не вертись, Джетти, и не волнуйся. Орел не возьмет тебя. Ты мешаешь мне думать, Джетти! — И человек, закрыв глаза, погрузился в свои думы, подставляя загорелое, бритое лицо под лучи осеннего, но еще теплого солнца.

Сегодня надо решить. Но сначала нужно разобраться в самом себе, продумать каждый свой шаг, сделанный на пути сюда, к этому белому камню.

Как это началось?.. Москва. Номер гостиницы. Датчанин Скоу-Кельдсен звонил по телефону и сообщил, что он

получил билет в ложу иностранных корреспондентов на балет «Красный мак»...

Нет, это не главное. Началось это раньше, еще в Нью-Йорке, на Третьей авеню, в небольшой квартирке, которую занимал Клэйтон. Он заболел. Да, с этого все и началось! Заболел скукой.

Физически он был совершенно здоров, успешно занимался спортом и был даже чемпионом по легкой атлетике. В жизни ему везло. Сын небогатого фермера, Клэйтон рано начал зарабатывать самостоятельно. Ему было семнадцать лет, когда он из сонного Запада приехал в кипящий котел Нью-Йорка и быстро приспособился к новым условиям жизни. Переменив несколько профессий, он остановился на журналистике. К двадцати пяти годам он уже был видным сотрудником газеты «Нью-Йорк таймс». И тут он начал скучать. Город, знакомые — все ему надоело.

Чтобы спастись от непролазной одуряющей скуки, Клэйтон начал брать самые рискованные поручения. Он «провел» на баррикадах две мексиканские революции, кочевал с африканскими племенами, восставшими против французов, летал на Южный полюс с экспедицией, разыскивающей Оуэна...

Наконец по совету одного друга Клэйтон отправился специальным корреспондентом в Москву. По мнению друга и самого Клэйтона, это предприятие было самое рискованное из всего предпринятого Клэйтоном. Поэтому Клэйтон и приехал в Москву. Действительность разочаровала его. Он не нашел тех ужасов, о которых говорили ему «очевидцы». Клэйтон искал экзотики и не находил. В окружающей жизни он многого не понимал и не старался понять — он прошел американскую газетную школу, которая не приучила проникать в сущность явлений.

НОВЫЙ СТЭНЛИ

Клэйтон переодевался в вечерний костюм, чтобы идти в театр, когда позвонил телефон. Завязывая на ходу галстук, Клэйтон подошел к телефону и, к своему удивлению, услы-

шал голос Додда — своего приятеля по газете, одного из корреспондентов «Нью-Йорк таймс».

— Вы здесь? Какими судьбами? — удивился Клэйтон.

— Да, здесь. Приезжайте немедленно ко мне, — ответил Додд и дал адрес частной квартиры на Арбате.

— Но я... я иду сегодня в театр, — ответил Клэйтон. — «Красный мак» — балет, говорят, нечто изумительное. Может быть, вы пойдете ее мной? У нас ложа.

— Надеюсь, этот балет не снимут с репертуара, — насмешливо возразил Додд. — Приезжайте немедленно. Есть дело, и как раз в вашем вкусе! Сам редактор поручил его вам.

Клэйтон был хорошо вышколенным работником. Он не стал больше расспрашивать Додда, быстро закончил свой туалет, вызвал по телефону абонированное такси и отправился на Арбат.

Додд — маленький человечек с красным лицом, безусый, но с небольшой светлой бородкой, похожий на карикатурное изображение дяди Сэма, — усадил Клэйтона на диван, предложил сигару и приступил прямо к делу.

— Я имею для вас восхитительное предложение: немедленно ехать на Алтай разыскивать мистера Микулина.

Додд вынул записную книжку и, перелистывая страницы, продолжал:

— Микулин, Василий Николаевич... Русский ученый, работал в лаборатории Академии наук. Был избран действительным членом Лондонского королевского общества[1]. Небывалый случай со времени избрания Менделеева. Обычно иностранных ученых, даже с выдающимся именем, избирают только членами-корреспондентами. Можете представить, что за голова должна быть у этого Микулина! Некоторое время работал в Ленинграде, а потом как-то незаметно исчез. О нем перестали говорить и писать, как будто он

[1]Ведущее научное общество Великобритании, основанное в 1660 г. Один из старейших научных центров Европы.

умер. Но смерть такого человека не прошла бы незамеченной.

«Зачем Микулин поехал на Алтай? Почему мы, американцы, должны разыскивать его? Откуда Додд знает, что Микулин жив?..» — раздумывал Клэйтон.

— У Микулина в Англии был друг, — продолжал Додд. — Фамилия его Гиббс. Он американец, молодой ученый, приехавший в Англию для усовершенствования. Гиббс и Микулин — оба физики, оба работали в одной лаборатории. Наконец, оба изучали строение атома и старались осуществить давнишнюю мечту человечества о превращении элементов. Но Микулин был талантливее Гиббса. Надо прямо сказать, позабыв о национальном самолюбии: Микулин гениален, а Гиббс только на голову выше рядового научного работника. Микулин далеко ушел вперед и, по мнению Гиббса, был совсем близок к решению задачи. Быть может, Микулин тогда уже разрешил эту огромную задачу теоретически. Однажды, в минуту откровенности, — слушайте внимательно, — Микулин сказал Гиббсу, что он, Микулин, на родине будет продолжать работу.

«Но для того чтобы скорее окончить мой труд, мне необходимо полное уединение, — сказал Микулин. — Я не могу сосредоточиться, когда в моей лаборатории снуют лаборанты, студенты и даже, как у вас здесь, высокие покровители наук. Я сибиряк, родился в Семипалатинске, недалеко от чудеснейшей русской Швейцарии — Алтая. Я знаю одно местечко южнее Рахмановских ключей, недалеко от китайской границы. Прекрасный горный климат, полное уединение, тишина, покой. Туда уйду я с одним или двумя помощниками, и пусть мир забудет меня до той поры, пока... пока я переверну мир!»

— Поверьте, Клэйтон, что эти слова не пустое бахвальство. Микулин действительно сможет перевернуть мир, если только ему удастся осуществить то, над чем сломало себе шею немало ученых. Представляете вы, что значит превращать один элемент в другой? Это значит, из кирпичей, булыжника и песка вы можете делать чистейшее золото, из дерева — шелк, из стекла — алмазы, из алмазов... пасту для зубов, словом, возьмите пару любых предметов и превращайте их один в другой. Такой человек должен быть всемогущим. Но и этого мало. Микулин обещает освободить и использовать внутриатомную энергию. А это изобретение способно перевернуть весь мир. В руках этого человека, большевика, окажется почти сверхъестественное могущество. Он начнет снабжать свое правительство целыми вагонами золота. Чем это кончится? Всеобщая золотая «инфляция», полнейшее обесценение золота, всеобщие кризисы в капиталистических странах, банкротства, рабочие волнения... Бороться с Советской Россией? Но разве можно будет бороться со страною, которая обрушит на голову врага взбесившиеся силы природы — миллиарды, — не лошадиных, а дьявольских, — сил, сидящих в каждой песчинке! Вы понимаете, что будет?..

Да, Клэйтон понимал. Он чувствовал, как холодеет его сердце. Но мысль не хотела мириться с этой страшной судьбой обреченного мира. Может быть, не все потеряно, может быть, есть выход?..

— Золото можно заменить другим металлом, — сказал Клэйтон, — например, серебром или какими-нибудь редкими металлами. Впрочем, простите, я сказал, не подумав. Ведь Микулин может изготовлять любой металл, любое вещество...

— Вот именно, — кивнул головой Додд. — Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему мы интересуемся Микулиным. Гиббс, возвратившись из Англии, как истинный патриот, счел своим долгом сделать доклад одному из членов правительства и нескольким финансистам. Сообщению этому вначале не придавали особого значения. Но когда узнали, что Микулин исчез из Ленинграда, то начали серьезно беспокоиться. На официальные запросы мы получали ответ, что Микулин уехал якобы в научную экспедицию. У нас этому ответу, конечно, не поверили. Пока Микулин работал в Ленинграде на глазах у всех, он не был так страшен; все его изобретения тотчас становились бы достоянием глас-

ности. Если бы даже удалось ему сделать открытие, им воспользовались бы и другие страны, и силы, таким образом, уравнялись бы. Но это «бегство» Микулина наводит на очень серьезные размышления...

Клэйтон нервно поднялся и зашагал по комнате.

— Довольно! Мне все понятно. Итак, каковы мои ближайшие задачи?

— Ехать на Алтай разыскивать Микулина, постараться проникнуть в его лабораторию, заслужить его доверие и узнать, разрешил ли он задачу получения искусственного золота.

— Но как же я найду его, имея такой неопределенный адрес: «Алтай, южнее Рахмановских ключей, у китайской границы»?

— А как Стэнли нашел Ливингстона? У Стэнли был еще более короткий адрес: Африка — и больше ничего. Мы не могли узнать более точно. Нам все равно не сообщили бы адреса, а расспросы только возбудили бы подозрение. Ведь наши цели... не совсем мирные, и потому нам надо соблюдать осторожность. Как видите, я не вызвал вас даже к себе в отель, а выбрал эту частную квартиру вполне надежного человека.

— Да, наши цели не совсем мирные. Поэтому мне труднее оправдать свое появление, если даже я и найду Микулина. С неба, что ли, свалиться? Инсценировать авиационную катастрофу? Наш редактор пойдет на такие расходы?

— Можете ломать целую эскадрилью самолетов, если понадобится, — усмехнулся Додд. — За редактором стоят люди, которые откроют неограниченный кредит. Вы лично не останетесь в убытке. Десяток тысяч долларов я вручу вам немедленно. Я буду жить в Кобдо. Постараемся завязать связь через перевал Улан-даба.

— Ну а если Микулин нашел средство делать золото и извлекать внутриатомную энергию? — раздумчиво спросил Клэйтон.

— Вы сообщите об этом и получите соответствующие инструкции...

ГДЕ ОГОНЬ ПАДАЕТ С НЕБА

Этот разговор происходил в мае. Как много событий произошло за это время! Клэйтон быстро собрался в путь и выехал из Москвы, так и не посмотрев «Красного мака». Клэйтон мчался на поезде, плыл на пароходе, ехал на косматых горных лошаденках и, наконец, шел пешком. Перед ним открылась совершенно новая страна, которая поразила его своей красотой. Высочайшие горы, поросшие пихтами, елями, лиственницами и увенчанные вечными снегами, бесчисленные водопады, красивые, быстрые горные речки с тополями и ивами на берегах, тучные пастбища... Многоголосый птичий крик, плескание рыбы в реках, простор и... безлюдье.

Чем ближе подвигался Клэйтон к Рахмановским ключам, тем больше он волновался. Удастся ли ему, как Стэнли, найти своего «Ливингстона» и как встретит Микулин незваного гостя? Мысль об инсценировке воздушной катастрофы Клэйтон давно оставил. Это было слишком сложное и рискованное предприятие. Почему не избрать прямой путь: явиться к Микулину в качестве богатого американского туриста, который случайно узнал, что в этих глухих местах живет русский.

От кого узнал? Скажем, от проводника. Ведь не может же быть, чтобы Микулин не поддерживал никаких связей с окружающим населением. Должен же кто-нибудь поставлять ему продукты питания.

Найти Микулина было не так легко. Десять дней пробродил Клэйтон вокруг Рахмановских ключей — горячего и холодного, — встречал много больных, пришедших к ключам за исцелением, расспрашивал всех, но никто не знал о русском, живущем в горах на юг от Рахмановских ключей. Но Клэйтон не падал духом, и в конце концов ему удалось встретить одного старого охотника, который случайно набрел в горах на неизвестный маленький поселок. Кто живет — охотник не знал.

— Я ни за что не пойду туда еще раз, — сказал охотник. — Там огонь падает с неба на дом, и дом не горит.

Однако деньги — много денег — заставили охотника побороть страх и отправиться в горы вместе с Клэйтоном.

Путники перевалили через несколько горных кряжей с настоящей луговой альпийской растительностью, спустились в долину и оказались на краю огромного болота.

Старый охотник, по каким-то одному ему известным приметам, прыгая с кочки на кочку, пошел по болоту. Клэйтон последовал за ним, удивляясь не только его ловкости, но и бесстрашию: несмотря на весь опыт, предательская трясина могла ежеминутно засосать смельчака.

Перевалив еще через одну небольшую горную гряду, старый охотник остановился и сказал:

— Дальше не пойду. Озолоти — не пойду. Тут близко. Теперь ты сам найдешь. Иди все прямо. Мимо большого белого камня пройдешь, поверни направо. Там и увидишь. Назад пойдешь? Если скоро пойдешь, я тебя тут подожду, назад провожу.

Пойдет ли он назад и скоро ли? Этого Клэйтон не знал.

— Ты подожди меня день и ночь. Если не вернусь, иди. Только вот что! Через перевал Улан-даба ходил? В Кобдо был? Отлично! Иди в Кобдо, передашь письмо, я сейчас напишу.

Клэйтон написал Додду о том, что ему, Клэйтону, по-видимому, удалось найти местопребывание Микулина. Если все будет хорошо, он придет к болоту в полнолуние, через месяц. Додд может через охотника прислать письмо или явиться сам.

— Вот, возьми письмо. Если ты доставишь его, то получишь много денег и подарков. Может быть, с тобою сюда придет один господин, ты проведи его.

Старый охотник взял письмо, положил его под шапку-папаху, кивнул головой и уселся на кочку, а Клэйтон отправился дальше.

Он шел по южному склону горы, который защищен от северных холодных ветров.

Был второй час дня. Жара стояла невыносимая. Джетти — черный пудель, неизменный спутник Клэйтона во всех

его путешествиях, плелся, высунув язык, с которого падала слюна. Ни малейшего ветерка. Даже листья тополя были неподвижимы. Клэйтон спускался вниз по берегу горной речки. Джетти несколько раз подбегал к реке и лакал воду.

— Жарко, Джетти, кажется, гроза будет, — сказал Клэйтон. И в самом деле, где-то вдали глухо прогремел гром. Горное эхо несколько раз повторило рокочущий звук. Гроза быстро приближалась. Верхушки деревьев зашумели, и первые крупные капли дождя упали на лицо и руки Клэйтона. Поправив дорожный мешок за спиною, Клэйтон побежал к большой косматой ели, чтобы укрыться от дождя.

— Вот так, Джетти, ложись здесь! — устраивался Клэйтон под деревом. Собака легла, но сразу же вскочила на ноги и залаяла, поджав свой пушистый, давно не стриженный хвост. Что-то испугало собаку.

Сквозь шум дождя и рокотание грома Клэйтон услышал топот. Затем с пригорка на поляну вылетел золотистый конь, на котором сидела молодая девушка. На ней была короткая юбка цвета хаки и блуза с открытым воротником. На ногах — высокие зашнурованные ботинки. Стриженные под скобку волосы развевались на ветру, лицо покраснело от быстрой езды. Девушка улыбалась и что-то кричала. Она промчалась мимо Клэйтона и скрылась внизу за густыми ивами. Секундой позже на поляну выехал молодой человек — блондин, похожий на калмыка, очень весело улыбавшийся. Он подгонял свою лошадь, видимо желая догнать ускакавшую амазонку. Следом за молодым человеком по пригорку катился какой-то большой бурый шар. Клэйтон принял этот шар за большую собаку, но когда шар подкатился, оказалось, что это медвежонок. Вот почему так истерически лаял Джетти: он почуял зверя. Но медвежонок не обратил на пуделя никакого внимания: он нагонял наездников. Странно, однако, что наездники, убегавшие от медведя, улыбались так весело. Клэйтон быстро снял с плеча винтовку, но не выстрелил: он подумал, что, может быть, зверь ручной, а всадники убегали не от медведя, а от дождя.

«Советская Диана», как мысленно назвал Клэйтон всад-

ницу, удивила его. Клэйтон никак не ожидал встретить в дебрях Алтая такую красивую женщину.

Но кто она? И кто этот мужчина? Микулин? Как жалко, что Додд не показал Клэйтону карточку Микулина.

Гром грохотал уже над самой головой Клэйтона, дождь лил водопадом, но Клэйтон не обращал на это никакого внимания. Он побежал следом за наездниками. Обогнув заросли ивы, он увидел большую поляну, примыкавшую к почти отвесной скале. У скалы стояли три деревянных дома. Над средним возвышались металлические мачты — радиостанция, как решил Клэйтон.

Дома были окружены цветниками.

БРОДЯГА ПО ПРИЗВАНИЮ

Неподалеку стояли два сарая, за которыми виднелось поле ржи.

«Однако, тут целая ферма, — подумал Клэйтон. — Но где же наездники?»

В эту минуту из двери дома, над которым возвышалась антенна, выбежал молодой человек. Он побежал к мачте антенны, что-то осмотрел и вернулся к дому. Огромная молния, раздирая воздух, с оглушительным треском сорвалась с неба и ударила в острие металлического шеста.

«Громоотвод, — подумал Клэйтон. — Вот что испугало старого охотника».

«Черт возьми, это не громоотвод, а молниепривод», — подумал Клэйтон в следующую минуту. В самом деле, мачты и провода как будто собирали электрические разряды со всех сторон. Над домом разряды следовали беспрерывно. Сине-лилово-белая полоса молнии соединила небо с землею, и точкою соединения были вершины мачт. Даже здесь, на расстоянии добрых сотни метров от дома, жутко было стоять. Но каково было молодому человеку, который находился под самым потоком молний! Несмотря на громоотводы, молнии разветвлялись, смертоносные бичи разряжались совсем близко от молодого человека. А он как ни в чем

не бывало ходил вокруг дома, что-то поправляя и осматривая. Неожиданно взгляд молодого человека остановился на Клэйтоне. Как будто тень недовольства прошла по его лицу, но вслед за этим он улыбнулся и приветливо махнул рукой, приглашая Клэйтона подойти.

Клэйтон не без содрогания направился к дому, на который низвергались молнии, как будто собранные со всего Алтая.

Кричать было бесполезно, потому что удары грома были оглушительны. И когда Клэйтон приблизился, молодой человек только указал на дверь. Клэйтон взошел на крыльцо. В дверях он столкнулся с девушкой. Она была еще в том же мокром платье. Посмотрев на Клэйтона с изумлением, девушка выскочила на крыльцо и побежала по дорожке к домику с мезонином, стоявшему недалеко от скалы. Клэйтон вошел в комнату и огляделся. Стол у окна, две скамьи у стен, несколько табуреток. У стены шкаф с посудой. Очевидно, это была столовая. Клэйтон не решался сесть на скамью — с него так и текло. Джетти также оставлял после себя лужи.

Гром стал понемногу стихать, и скоро в комнату вошел молодой человек, пригласивший Клэйтона.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски. — Вы иностранец? Я не ошибся. Садитесь, пожалуйста. Я сейчас растоплю печь, и вы сможете обсушиться. — Молодой человек улыбнулся. — Но мы еще не знакомы. Моя фамилия Микулин.

«Неужели этот молокосос способен перевернуть мир?» — думал Клэйтон, разглядывая лицо Микулина. Оно действительно выглядело очень молодым. Прекрасный лоб и в особенности глаза — большие, голубые, прозрачные и в то же время глубокие — привлекали особое внимание. От этих глаз трудно было отвести взгляд.

— А моя фамилия Клэйто... — удар грома прогремел очень своевременно... — Клэйн, говорю я. Американец, турист, вернее, бродяга по призванию. Я исколесил все пять частей света и был приятно поражен, попав на Алтай. Признаюсь, я не ожидал здесь встретить такую красоту.

— Но как вы прошли... через болото? — спросил Микулин.

— Охотник провел меня. Он сказал, что это самый близкий путь к китайской границе, куда я направляюсь. По дороге проводник занемог и отправился домой, а я пошел вперед один и вот неожиданно наткнулся на вашу ферму. Вы здесь, как видно, неплохо живете. Когда я шел сюда, меня обогнали амазонка, наездник и медвежонок, которого я едва не подстрелил, вообразив, что он гонится за людьми.

Микулин рассмеялся.

— Это Аленка, Елена Лор, химик и мой помощник, наездник — Ефим Грачов, лаборант, а медведь — Федька. Воображаю, как была бы огорчена Аленка, если бы вы подстрелили ее медведя.

— Но что вы здесь делаете, в такой глуши? — спросил Клэйтон, разыгрывая роль наивного туриста.

— О, мы здесь двигаем науку! — с шутливой серьезностью ответил Микулин. — Видали мои молнии? Я их «засаливаю», собираю впрок, как мельник собирает воду.

Не прекращая разговора, Микулин принес железный ящик, оказавшийся электрической печкой, протянул шнур, вставил штепсель, и Клэйтон скоро почувствовал тепло.

— Вот видите, как молния отапливает нас! Сейчас на дворе тепло, и вы высохли бы на солнышке, но это скорее. Подождите, я пущу еще вентилятор со струей теплого и сухого воздуха. Ну вот, через пять минут вы будете сухи, как Сахара в полдень. Молния дает мне энергию для освещения, отопления и научных опытов. Я аккумулирую небесный огонь. Ведь самая «захудалая» молния в десять тысяч ампер в продолжение одной сотой секунды дает энергию не менее семисот киловатт-часов. За месяц над моим домом произошло сто разрядов. Это дало мне семьдесят тысяч киловатт-часов. Недурно? Я изобрел такие «громоприводы», которые притягивают сюда молнии чуть ли не со всего Алтая, а все эти молнии я загоняю, как зверей в клетки, в небольшие аккумуляторы.

— А для вас самих разве они не представляют опасности? — спросил Клэйтон.

— Разумеется. В тысяча семьсот пятьдесят третьем году в Петербурге во время опыта был убит молнией академик Рихман. Малейшая неисправность — и конец. Лучше не иметь совсем никакого громоотвода, чем ставить плохо сконструированный. В этом отношении наши прадеды были не так уж неправы, опасаясь ставить громоотвод. Где-то я читал, что домовладелец из французского городка Сен-Омара Виссери де Буавалле поставил на крыше своего дома громоотвод в виде меча, направленного в небо и укрепленного на шаре, а шар был приделан к металлической палке. Это было в тысяча семьсот восемьдесят третьем году. Столь непочтительного вида громоотвод задел религиозные чувства сен-омарцев. Ведь это было почти вызовом небу, объявлением войны господу богу. Когда же граждане увидали на острие меча пляшущие язычки небесного пламени и низвергающуюся молнию, то пришли в ужас. Гнев бога мог спалить маленький французский городок, как Содом и Гоморру. Муниципальные власти предъявили к Виссери де Буавалле иск о снятии неприличного и опасного в пожарном отношении громоотвода. На этом процессе со стороны домовладельца выступал молодой адвокат — тогда еще двадцатипятилетний юноша Робеспьер! Это имя, конечно, известно вам? Этот процесс, нашумевший во Франции, положил начало известности Робеспьера. Он блестяще выиграл процесс и «отстоял» громоотвод. Процесс этот сыграл немалую роль в распространении громоотводов.

Что касается моих «громоприводов», то они как будто не представляют опасности. Я предусмотрел все. Меня может погубить только случайная неисправность. Работа в лаборатории сопряжена с гораздо большими опасностями.

Обсушились? Не хотите ли чаю? Или есть? Мы сейчас будем обедать. А вот и гроза прошла.

В комнату вошла высокая старуха. Она казалась последним представителем вымершей породы великанов. Старуха

искоса взглянула на Клэйтона, сухо поклонилась и начала накрывать на стол.

Следом за ней вошла в комнату девушка. Теперь на ней была белая блузка и клетчатая юбка-шотландка.

— Познакомьтесь, — сказал Микулин. — Елена Лор. Мистер Клэйн. Турист по призванию.

Еще одно лицо появилось в комнате: молодой человек с калмыцким лицом. На этот раз он был в толстовке и брюках навыпуск в туфлях на босу ногу. Это несколько шокировало Клэйтона.

— Грачов, Ефим Яковлевич. А это наша завхоз, повар, ключница и прочее и прочее — Егоровна. Не хватает только ее почтенного супруга — Данилы Даниловича Матвеева, великого ловца зверей. Он вчера с вечера пошел на охоту и еще не вернулся.

Когда все уселись за стол, Микулин рассказал гостю, как они живут. Лор и Грачов иногда вставляли свои замечания. Клэйтон слушал и в то же время внимательно наблюдал за этими людьми, пытаясь определить их отношение друг к другу. Его больше всего интересовал вопрос, какое место в сердце каждого из молодых людей занимает Лор и кто из них завоевал ее сердце. По мнению Клэйтона, роман был неизбежен. Для этого имелись все данные: молодость всех троих, красота Лор, одиночество. Пожалуй, имелись данные даже для драмы: оба молодых человека неизбежно должны были влюбиться в Лор, но кто же из них счастлив? У Микулина больше данных: он красивее, он шеф этой маленькой общины, наконец, он гениален. А Грачов? Он интересен только своей необычайной веселостью и жизнерадостностью. Разве несчастный влюбленный может так смеяться, как Грачов? Но кто же, кто из них?.. Неужели эти молодые люди умеют так прекрасно владеть своими чувствами? У них ровные товарищеские отношения с Лор. Ни тени «ухаживания». Они не оказывают ей за столом услуг, общепринятых в кругу друзей и знакомых Клэйтона, как будто она не девушка, а их товарищ — юноша. И она тоже не оказывает ни одному из молодых людей особого внимания.

Клэйтону даже показалось, что на него она поглядывает гораздо чаще, чем на своих товарищей по работе. Это внимание могло доставить Клэйтону большое удовольствие, но он скромно объяснил свой успех тем, что он здесь новый человек, а жизнь «колонистов», по-видимому, не отличается разнообразием.

Обед подходил к концу, и Клэйтон начал беспокоиться. Приличия требовали, чтобы он, поблагодарив хозяев за гостеприимство, отправился своим путем. Надо было придумать предлог, чтобы задержаться здесь на возможно большее время. Прикинуться больным — нельзя так внезапно. На всякий случай Клэйтон решил подготовить почву. Он незаметно перевел разговор на себя и сказал:

— Я, быть может, не совсем точно выразился, аттестовав себя бродягой по призванию. Это не совсем так. Скорее, я бродяга поневоле. Дело в том, что у меня странная болезнь. Англичане, пожалуй, назвали бы ее сплином. И только во время путешествий я успокаиваюсь. Время от времени у меня бывают сердечные припадки. Иногда они быстро проходят, иногда же мучают меня по несколько дней... Позвольте вас поблагодарить... мне пора в путь!

Микулин и даже Лор предложили ему остаться. Клэйтон едва не согласился «погостить денек-другой», но выдержал характер: у него уже был готовый план. Он распростился с новыми друзьями и вышел. Микулин, Лор и Грачов вышли его провожать.

— Если будете еще в наших краях, заходите! — крикнул ему Микулин.

— Благодарю, — ответил Клэйтон, удаляясь от дома. «Выдержка, выдержка», — шептали его губы.

ПРИПАДОК

У белого камня, лежавшего недалеко от речки, Клэйтон встретил великана — седого старика с убитой косулей на плечах. Пояс его был увешан гирляндой из горных куропаток и дроф. Из-за спины торчало дуло ружья. Это и был,

очевидно, великий ловец — Данилыч. Клэйтон почти с ужасом посмотрел на него. Старик остановился и учинил Клэйтону настоящий допрос. Узнав, что Клэйтон был у Микулина, старик смягчился и подал свою, похожую на тарелку, ладонь.

«Ну и пара, — подумал Клэйтон, пожимая руку великана и вспоминая старуху, прислуживавшую за столом. — Где они только подобрали друг друга».

— Куда идешь? — спросил старик. Он со всеми был на «ты».

— В Кобдо, — ответил Клэйтон.

— Так не пройти. Иди к перевалу... — и Данилыч подробно объяснил путь.

Они расстались. Но Клэйтон не пошел на перевал, а остался в лесу неподалеку от фермы Микулина и начал незаметно наблюдать за фермой. Мысль притвориться больным занимала его. Сначала он хотел выследить, по какой дороге Лор ездит на прогулку, и лечь на ее пути, притворившись больным. Но на это надо было потратить не менее двух дней, а Клэйтона охватило нетерпение. Ведь он ушел от Микулина, несмотря на приглашение остаться. Этим самым он достаточно замаскировал свои намерения. И Клэйтон решил «заболеть», не откладывая.

Он вернулся к белому камню и улегся на него. Из окон дома камень виден. Рано или поздно его должны заметить. Клэйтон корчился на камне, как полураздавленный червь, имитируя судороги, и наконец замер в глубоком обмороке. Он лежал неподвижно, одним глазом поглядывая на дом. Но его не замечали, и никто не шел ему на помощь. Так пролежал он более двух часов. Это начинало надоедать. Бок болел от твердого камня. Клэйтон уже хотел встать и придумать что-нибудь другое, как вдруг одна мысль пришла ему в голову.

Джетти уже давно опротивело вынужденное бездействие, он нетерпеливо скреб камень лапами и отрывисто лаял. Клэйтон начал тихо стонать. Нервный пудель не мог переносить стона и завыл, сначала тихо, а потом все громче.

Этот вой был неожиданно поддержан густым гудением медвежонка Федьки. Получился довольно дикий дуэт, который должны были услышать все обитатели фермы. Однако Федька едва не испортил дела. Он вдруг выбежал из сарая и направился к белому камню. Увидав медведя, Клэйтон с трудом удержался, чтобы не вскочить и не убежать, хотя и знал, что медведь ручной. Притом медведи не трогают трупов, а Клэйтон лежал неподвижно, как мертвый. Джетти завизжал так, словно медведь уже драл его, медведь ревел еще громче. На этот шум вышла Егоровна и позвала Федьку. Но тот был слишком увлечен возможностью завязать знакомство с Джетти. Он не отходил от Клэйтона.

— Ах, трясцы тебя побери! — выбранилась Егоровна и направилась к белому камню. Она отогнала медвежонка, прикрикнула на пуделя, потом обратилась к Клэйтону: — А вы что тут лежите?.. Спите, что ли?

Клэйтон простонал, не открывая глаз.

— Ишь ты, заболел немец! — Для Егоровны все иностранцы были немцами. Она наклонилась над ним, подвела руки под его спину и подняла Клэйтона с такой легкостью, как будто он был маленький ребенок.

Клэйтон совсем иначе представлял свое возвращение на ферму. Он, бледный, с закрытыми глазами, лежит в красивой позе на дороге. Выезжает очаровательная наездница и видит его. Соскакивает с лошади, наклоняется к нему, быть может, целует... И вместо всего этого какая-то престарелая великанша несет его под мышкой, как зарезанного каплуна! Только бы Лор не видела этой картины.

Судьба смилостивилась над Клэйтоном. Никто не видел этого печального шествия.

Молодежь работала в лаборатории, а Данилыч свежевал косулю за сараем. Егоровна принесла Клэйтона в домик с мезонином, положила на скамью и тихо сказала:

— Вот еще навалился на нашу голову. Помрет, пожалуй, наделает хлопот. — И вышла из комнаты.

Клэйтон оглянулся, спрыгнул со скамьи и подбежал к окну. Егоровна скрылась в дверях лаборатории, но через

минуту опять вышла в сопровождении Лор. Клэйтон быстро отбежал от окна, улегся на скамью и закрыл глаза... Дверь открылась, вошли Егоровна и Лор.

— Как будто дышал еще, — сказала Егоровна. Лор подошла к Клэйтону и взяла его руку.

— Пульс немного повышен! — сказала она. — Я сейчас схожу за нашатырным спиртом. А вы, Егоровна, приготовьте воды.

Вскоре девушка принесла дорожную аптечку и стала растирать виски Клэйтона одеколоном, давала нюхать спирт, брызгала водой. Только бесчувственный труп мог остаться равнодушным к такому заботливому уходу. Клэйтону хотелось продлить удовольствие, но в то же время не терпелось скорее посмотреть на девушку глазами, исполненными благодарности. Он не чужд был романтики, этот «бродяга по профессии».

Увы, сцена разрешилась совсем иначе. Лор слишком близко подставила склянку со спиртом к носу Клэйтона. Он чихнул так громко и неожиданно для самого себя и Лор, что та уронила склянку, а Егоровна ахнула густым басом.

— Вам лучше? — спросила Лор. — Как вы себя чувствуете? — И тут же рассмеялась: — Вы так напугали меня!

— Простите... Да... Отлично чувствую! То есть ужасно... Боли в груди, сердце... спазмы!.. Припадок... Все пройдет, надеюсь...

— Лежите спокойно, — сказала Лор. — Я вам положу на сердце лед.

— Нет, не надо! — испуганно возразил Клэйтон. — От льда мне будет хуже...

— Не рассуждайте! — строго сказала Лор, как заправский врач.

В СТРАНЕ НЕИЗВЕСТНОГО

Клэйтон «поправлялся» очень медленно. Правда, встал он в тот же день вечером, но был ужасно слаб.

— Эти припадки обессиливают меня на много дней.. —

говорил он, — я очень огорчен, что доставил вам столько беспокойства.

Клэйтону очень хотелось сопровождать Елену Лор в ее прогулках, но он должен был выдерживать роль больного. Иногда «припадок» повторялся в легкой степени. Тогда Лор отказывалась от своей обычной прогулки и ухаживала за больным. Таким образом Клэйтон провел с девушкой немало часов. По мнению американца, это должно было возбудить ревность у Микулина или Грачова. Но очевидно, у этих людей были куски льда вместо сердца; никто из них не обращал внимания на то, что Лор проводила все свои свободные часы у постели больного.

Клэйтона поместили в том же доме, где жил Грачов. В среднем доме, примыкавшем к скале, находилась лаборатория. Там жил Микулин, а Лор занимала мезонин в доме, где помещались старики-великаны — супруги Матвеевы, старообрядцы, когда-то бежавшие в леса Алтая от гонений царского правительства. Вообще за эти несколько дней Клэйтон узнал многое. Он ближе познакомился со всеми обитателями фермы. Джетти подружился с медвежонком Федькой, и они целыми днями гонялись друг за другом. Лор очень полюбила Джетти, Грачов и Микулин дружески встречали больного и всегда осведомлялись о его здоровье.

Когда Клэйтону было «лучше», он заходил к Микулину. Ученый его любезно встречал и охотно давал разъяснения.

— Мы с Аленкой идем разными путями к одной цели. Аленка, — так Микулин называл Лор, — последовательница классической химии, я — физик. Иногда у нас происходят маленькие споры. Я утверждаю, что классическая химия отжила свой век и что на смену ей идет физика. Даже в тех областях, где химия считается неограниченным владыкой. В самом деле, сколько труда тратят химики хотя бы на то, чтобы создать синтетическим путем каучук! А я достигаю этого очень скоро при помощи своих катодных трубок высокого напряжения. Вот, полюбуйтесь.

Микулин подошел к стене и повернул рубильник. Меж-

ду двумя огромными электродами-полюсами проскочила искра величиной с яблоко, как показалось Клэйтону.

Микулин передвинул рубильник, и искра превратилась в бешеные потоки голубовато-белого огня, который ревел, трещал, шипел так сильно, что Клэйтон невольно отступил к двери.

— Отойдите еще дальше! — крикнул Микулин. — На этом месте однажды едва не убило Аленку.

— А вы? — спросил Клэйтон.

— Мне надо! — ответил Микулин. Он повернул рубильник назад. Страшные огненные змеи исчезли, притаились. Но они были здесь, готовые каждую минуту выпрыгнуть по приказу своего укротителя. Да, Микулин, этот красивый юноша с выразительными глазами, был страшный своим могуществом человек.

— Это настоящая молния, — пояснил Микулин. — В ней два миллиона вольт. Но я могу довести напряжение до десятка миллионов. Настоящая молния лопнет от зависти. Теперь смотрите сюда.

Микулин повернул другой рычаг.

Шесть длинных стеклянных лампочек, соединенных цепью, засветились приятным зеленоватым огнем.

— Это не так страшно, не правда ли? — спросил Микулин — А между тем здесь заключены те ужасные стихийные силы. Но я заставил их служить человеку. Вот из этого окошечка в трубке я выпускаю «пи-лучи». Это настоящие лучи смерти для многих живых существ. И в то же время они способны делать чудеса, превращая химические элементы. Пусть злится Лор! Это моя физическая катодная химия. Я разбиваю и перемещаю атомы по своему желанию. Из углеводородов я могу сделать искусственный каучук, из угля — бензин и нефть. Из дерева — сахар и шелк и скоро, кажется, я получу живую протоплазму. — Микулин погасил лампочки. — Идемте, пора обедать.

— Вы, кажется, скоро будете превращать камни в золото! — шутливо спросил Клэйтон, волнуясь в душе. Микулин уселся на ступенях крыльца, покачал головой и сказал:

— Не так скоро, как я сам предполагал. — Он взял несколько камешков и начал укладывать их в ряд. — Практическая химия имеет дело с очень небольшим количеством химических элементов. Кислород, водород, углерод, азот. Вот основные строители бесчисленного количества видимых веществ. Молекулы этих элементов вступают во всевозможнейшие отношения — вот так, как я раскладываю эти камешки. И каждый раз получается новое вещество: то анилиновая краска, то взрывчатое вещество, то ароматическая эссенция. Одним и тем же веществом я могу взорвать скалу или надушить ваш платок. Аленка Лор рекордсмен в этой области. Но все еще не то, что мне надо. Эта игра в камешки уже не занимает меня. Меня интересует превращение самих «камешков». Изучая природу самих атомов, перемещая расположение их электронов и протонов, я хочу превращать основные элементы: из кислорода делать водород, из углерода — азот. Тогда я буду мастером «перевоплощения» материи. Но как много трудностей на этом пути!

Я похож на путешественника в неведомых странах. Мне надо заготовить «фураж», прежде чем двинуться в путь, и Лор и Грачов помогают мне в этом. С этим багажом я двигаюсь в путь к намеченной цели. Эта цель кажется близкой, как горная вершина. Но вы знаете, как горный воздух скрадывает расстояния и обманывает? Вы идете день и ночь, падаете от усталости, а вершина как будто уходит от вас... Вот здесь, на Алтае, есть гора Белуха. Пять тысяч пятьсот метров. Еще ни одна человеческая нога не ступала на эту вершину. А между тем она не кажется такой высокой и недоступной. Попробуйте, взойдите на нее!.. То же происходит и со мной. Иногда мне кажется, что я совсем близко у цели. И когда мне оставалось сделать только последний шаг, я вдруг видел прежде скрытую от моих глаз расщелину, глубокий провал, который нельзя перейти. И надо было начинать все снова. Но цели-то своей я в конце концов достигну.

— И будете превращать булыжники в золото?

— И золото в булыжники, — ответил Микулин.

— Скоро?

— Да, теперь скоро. Предварительные работы закончены. В моей лаборатории все приготовлено к опыту. Теоретически вопрос решен. И, быть может, не пройдет и несколько дней, как вы будете свидетелем осуществления мечты алхимиков. У всех этих алхимиков было зерно истины! Великий алхимик Средних веков араб Абу-Мурзы-Джафар-аль-Софи говорил, что металлы — тела меняющейся природы, состоят из меркурия, то есть ртути и серы, и потому им можно придать то, что им недостает, и отнять у них то, что находится в избытке. Мы, современные «алхимики», действуем очень похожим методом: стараемся изменить атомное строение, отнимая или прибавляя недостающие электроны. В периодической системе Менделеева золото занимает семьдесят девятое, а ртуть — восьмидесятое место, и атомный вес их очень близок: золото сто девяносто семь и две десятых, ртуть — двести целых и шесть десятых...

— Обедать! — послышался сильный и низкий голос Егоровны.

— Идемте обедать, — поднялся Микулин, — а сегодня вечером приходите в лабораторию. Вы будете присутствовать в качестве благородного свидетеля при появлении первого золотого слитка.

«Однако мне везет», — подумал Клэйтон.

Все складывалось лучше и проще, чем он ожидал.

НЕУДАВШИЙСЯ ОПЫТ

После обеда Клэйтон вернулся в свою комнату и, как полагается больному, лег в постель. Но его мертвый час был наполнен довольно живыми размышлениями. Клэйтону надо было обдумать дальнейший план действий, если секрет получения золота искусственным путем будет открыт сегодня Микулиным. Убить! Но это нелегко. Совсем нелегко. Пожалуй, легче убить Грачова. Но он только лаборант. Нечто вроде слуги. Подай, подогрей, возьми... Микулин? Говорят, он гениален... Вполне возможно. Однако Микулин обладает еще одним талантом: привлекать к себе симпатии окружающих. Клэйтон старался убедить самого себя, что Микулин замышляет погубить цивилизацию, но маска злодея спадала с лица Микулина, и на Клейтона смотрели большие глаза, от которых трудно было оторвать взгляд.

— Не может быть, чтобы Лор была равнодушна к этим глазам, — прошептал Клэйтон. И мысли его перешли к девушке прежде, чем он «покончил» с жизнью Микулина. Убить Лор? Убить молодую девушку, похожую на веселого мальчика? Да он и не собирался никого убивать! Он узнает о том, что секрет золота открыт, сообщит Додду, и пусть они делают, что хотят. Впрочем, нет. Клэйтон был бы плохим патриотом, если бы отказался выполнить свой гражданский долг. Надо меньше размышлять, а больше делать. «Я не возбуждаю у Микулина подозрений и спрошу у него прямо, как он думает использовать свои изобретения. Если он в самом деле думает сделать их орудием революционной борьбы, то с ним и со всеми ими не придется церемониться».

Вечером Клэйтон отправился в лабораторию. Там уже кипела работа. Лор и Грачов, видимо, волновались. Грачов хотел скрыть свое волнение под маской обычной шутливости.

— Как ты думаешь, Вася, — спрашивал он у Микулина, — скоро у нас из золота будут делать общественные уборные?

Микулин улыбнулся, как всегда. Ни малейшего напряжения мысли не видно было на его большом открытом лбу, как будто делал он совсем простое, обыденное дело.

— Сыпь сюда, на эту полочку, — приказал он Грачову вместо ответа. Грачов насыпал на небольшую полочку у стеклянной трубки белого порошка.

Руки Грачова немного дрожали.

— Довольно?

— Довольно, Ефим, спасибо. Аленка, отойди, ты опять стоишь против трубки. Сейчас буду пускать ток...

Лор отошла. В лаборатории наступила торжественная тишина. Микулин повернул рубильник. Загудел мотор, затрещала искра. Пустотные трубки наполнились зеленова-

тым огнем. Четыре пары глаз внимательно смотрели на белый порошок.

— Идет! — крикнул Грачов. — Чернеет!

— Ничего не идет, — спокойно ответил Микулин. — Порошок не должен чернеть.

Вскоре белый порошок сделался черным как уголь.

Микулин рассмеялся и, обратившись к Клэйтону, сказал:

— Простите, я поторопился позвать вас. Опять неудача! Хотя я не понимаю, как это могло случиться. Аленка, иди сюда на расправу.

На лицах Лор и Грачова было написано самое искреннее огорчение. Микулин и Лор засели за небольшой чертежный столик. Микулин начал быстро писать на старом чертеже химические формулы, время от времени обращаясь к Лор с вопросом:

— Так?

Смущенная девушка кивала головой.

— Пока все верно, — вздохнул Микулин. — Но был ли химически чистый препарат? Достаточно ли тщательно ты промыла посуду? А ну, пойдем в твою лабораторию. — И еще раз обратившись к Клэйтону, Микулин сказал: — По независящим от дирекции обстоятельствам спектакль не состоится. Публика может получить из кассы деньги обратно.

— Но, может быть, позже? — спросил Клэйтон.

— Если вы имеете терпение подождать. Мы не окончим работу, пока не отыщем ошибку или причину неудачи. И если нам посчастливится, мы сегодня же попробуем повторить опыт.

— Я подожду, — сказал Клэйтон.

Выйдя на крыльцо, он сел на ступеньку и закурил трубку. Дверь в лабораторию была открыта. Проходили часы за часами, а Микулин, Лор и Грачов все еще работали в лаборатории. Иногда слышались вопросы Микулина и быстрые ответы Лор.

Месяц зашел за гору, утренний холодок заставлял ежиться. В лаборатории заговорили громче, потом затихли. Клэйтон подошел к окну и посмотрел. Три головы склонились над большой колбой, под которой горела бунзеновская горелка.

— Ага! — воскликнул Микулин. — Кто прав?

— Как всегда, ты, — ответила Лор. — Но кто виноват?

— А кто мыл посуду?

— Ефим.

— А-а! — зарычал Микулин и вытащил Грачова из лаборатории на крыльцо.

— Заждались? Вот он — преступник! — сказал Микулин. — Ефим Грачов, погубивший первый слиток золота. И из-за него общественные золотые уборные будут построены несколькими часами позже!

Грачов был так огорчен, что на глазах у него появились слезы.

— Ну, не грусти, Ефим. С кем не бывает, — утешал его Микулин.

Лор тоже вышла из лаборатории, на ее лице также было написано огорчение и усталость. Она проработала всю ночь с большим напряжением. Глаза ее смыкались.

— Будем продолжать? — спросил Микулин. Он совсем не выглядел утомленным, но, посмотрев на своих усталых товарищей, сказал: — Баста! Пора спать. Завтра мы до обеда успеем приготовить все для опыта.

Грачов хотел протестовать, но Микулин настоял на своем.

— Пусть отдохнут, — сказал он Клэйтону, когда Лор и Грачов ушли. — Они много поработали. У самой цели перед нами опять открылась пропасть, и нам не удалось перейти ее сегодня. Но это пустяки. Пока они будут отдыхать, я поработаю в лаборатории и сам приготовлю все для опыта. А вам тоже пора спать, мистер Клэйтон. Ваша трубка давно погасла.

— У меня бессонница, — ответил Клэйтон. — И если бы я мог быть полезен, я охотно помог бы вам.

— Не откажусь от вашей помощи, — ответил Микулин, и они прошли в химическую лабораторию Лор.

Клэйтон был довольно сообразительным и ловким малым, и через час Микулин говорил:

— А знаете, из вас вышел бы прекрасный помощник! У вас все в руках спорится. Вы не привыкли к химической посуде, и все-таки ничего не бьете и не роняете.

Клэйтон был польщен этой похвалой. Они проработали до утра. Солнце уже давно осветило вершины деревьев и белый камень, когда наконец они кончили приготовления.

— Готово! — сказал Микулин. — Теперь пойдем, подышим свежим воздухом.

УДОВОЛЬСТВИЕ БЫТЬ ЧЕРТОМ

Они вышли из дому и направились мимо белого камня, вдоль берега речки. Утреннее солнце золотило ивы и тополя. Микулин посмотрел на снежную вершину дикой горы, окутанную легкой дымкой.

— Отличное утро, — сказал Микулин. — А гроза все-таки будет сегодня. Она, пожалуй, и лишняя. Мои аккумуляторы заряжены, и мои кладовые полны консервированными молниями. Притом у меня есть небольшая гидростанция. Скоро опыты закончатся, и энергия нужна будет только для производства золота. Положим, на это потребуется немало энергии.

— Что вы будете делать с золотом? — не удержался от вопроса Клэйтон.

— Мы наденем ярмо на золотого тельца и заставим его пахать наше поле! В древнеиндийских книгах — Атава-Веда — золото называется жизненным эликсиром. Смотрите на этот край. Природные богатства его неисчислимы. Красота неописуема. Климат прекрасный. А кто здесь живет? Дикий зверь, птица да горсточка людей. Что можно сделать с этим диким краем? Тысячи водопадов и горных речек будут вращать колеса турбин. По красивым долинам заснуют новенькие трамвайные вагончики, задымят заводские трубы, вырастут дворцы-санатории, оживут горы и леса. И не только здесь, на Алтае, золото станет эликсиром жизни. —

И Микулин начал с увлечением говорить о том, как быстро будет развиваться хозяйство страны, увеличиваться благосостояние масс. Но Клэйтона мало интересовала эта тема. Это было, так сказать, употребление золота для мирных целей. Клэйтона интересовало иное. Дождавшись паузы, он спросил:

— В Атава-Веда золото названо средством против колдовства. Против какого же колдовства вы собираетесь использовать золото?

— Против колдовства самого же золота. Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей.

«Додд был прав. Вот когда Микулин показал свое настоящее лицо!» — подумал Клэйтон.

— Но ведь это причинит большие несчастья людям. И хочу сказать, пока вам не удастся осуществить ваш новый строй...

— А скажите, положа руку на сердце, разве строй любезной вашему сердцу Америки обеспечивает счастье большинству населения? И даже те немногие, кто наслаждается счастьем за счет несчастья других, разве богачи счастливы по-настоящему? Разве их не беспокоит мысль о крушении капитализма? Спокоен только тот, за кем будущее.

Микулин еще долго говорит о грядущем, но Клэйтон думал только об одной фразе: спокойным может быть только тот, за кем будущее. Черт возьми, выходит, что будущее за большевиками! Ну, он убьет Микулина, убьет Лор и Грачова, а дальше что? Всех большевиков он перебить не сможет. Счастливая Россия. Ей не грозят революции, не грозит страшный призрак, который не дает спокойно спать европейским и американским капиталистам.

«Лучший способ перестать бояться черта — самому стать чертом», — подумал Клэйтон.

— По-китайски Алтай называется Кин-шан — Золотая гора, — продолжал Микулин. — И ему не напрасно дано такое название. В горах Алтая очень много золота — я делал разведки. Но это золото может спокойно оставаться в земле.

Гораздо проще и дешевле будет получать золото лабораторным путем. Я поставлю производство на широкую ногу, и здесь в буквальном смысле возникнет золотая гора.

«А если этот черт будет обладать золотыми горами, то быть одним из чертей совсем не плохо!» — продолжал развивать свою мысль Клэйтон.

Микулин еще о чем-то говорит, а Клэйтон, почти засыпая, думает: «И как это мне раньше в голову не приходило? Останусь здесь, женюсь на Елене Лор». Распростившись с Микулиным, Клэйтон вошел в дом, быстро разделся, лег на кровать и уснул мертвым сном.

Никогда не спал он так крепко. Но этот могучий сон был прерван сильнейшими ударами грома. Клэйтон открыл глаза и долго не мог сообразить, где он и что с ним. Гроза! Синие зигзаги режут за окном серую муть. Отсветы молний озаряют бревна стены. Где-то кричат... Или это ему показалось? В промежутке между ударами грома ясно послышался голос Микулина. А вот громоподобный голос Данилыча...

Клэйтон подбегает к окну. Удивительное зрелище! Один из металлических стержней на крыше того дома, в котором помещается лаборатория, надломился. Молнии ударяются об этот стержень и соскакивают на нижележащий шпиль уже не по проводу, а прямо по воздуху. Клэйтон понял всю опасность положения. Сильная молния может перепрыгнуть не на шпиль, а прямо на крышу. Вот один огненный клубок прыгнул на крышу, и она задымилась. Дом сгорит, а с ним и все научное оборудование лаборатории, редкие машины... Клэйтон быстро оделся и выбежал на улицу.

Вокруг дома толпится вся колония: Микулин, Лор, старики Матвеевы и Грачов. Он в странном костюме, похожем на костюм водолаза. Это изоляционный костюм. На руках толстые резиновые перчатки. В правой руке палка с резиновым наконечником. Грачов забегает за угол дома и через минуту появляется на углу крыши. Он, видимо, хочет сбить палкой кусок обломанного, наклонившегося стержня.

Клэйтон даже сквозь удары грома услышал, как вскрикнула Лор, увидав Грачова на крыше. Несмотря на изоляционный костюм, Грачов подвергался страшной опасности. Микулин, желая перекричать гром, потрясая кулаками, требовал, чтобы Грачов немедленно вернулся обратно. Но, не обращая внимания на крики Микулина, Грачов продолжал медленно ползти по скользкой крыше. Несколько раз молния ударяла в шпиль на расстоянии какого-нибудь метра от смельчака.

Видя, что Грачов не слушает его, Микулин, крича на ухо, приказал Данилычу стянуть Грачова с крыши багром. Великану-старику ничего не стоило достать Грачова, не влезая на крышу. Но в тот момент, когда он уже поднимал багор, молния ударила в сломанный стержень. Минуя резиновый наконечник, она перескочила на мокрую палку, которую держал в руках Грачов, скользнула по ней и ослепительно взорвалась, как показалось Клэйтону, на груди Грачова. В то же мгновение раздался такой страшный удар грома, что Клэйтон зашатался, а Лор упала на колени. Клэйтон закрыл глаза, ослепленный молнией, но тотчас заставил себя опять открыть их. Тело Грачова, окруженное облаком пара и синим дымком, сползло с крыши и упало на землю.

— Ефим! — крикнула Лор и бросилась на грудь Грачова, как бы желая своим телом потушить еще тлеющую одежду. Клэйтон содрогнулся, почувствовав запах горелого человеческого мяса. Лицо Грачова было иссиня-черно, изоляционный костюм, одежда и белье изорваны.

Микулин подбежал к Лор и поднял ее с земли. Она посмотрела на Микулина, тяжело вздохнула, закусила губу и замолкла. Она удивительно скоро справилась со своим волнением. Но Клэйтон не мог забыть ее короткий крик. О товарище и друге так не станет сокрушаться женщина, — по крайней мере, американская. Значит, Лор или любила Грачова, или же чувство товарищества у них гораздо глубже и сильнее, чем у людей того круга, в котором жил Клэйтон.

Опять загремело. Молния вновь ударила в стержень, перескочила на шпиль и ушла в землю. Гроза затихла, но положение продолжало оставаться серьезным. Данилыч унес

труп Грачова, а Клэйтон думал, что предпринять. Вдруг его осенила блестящая мысль. Он сбегал к себе в дом за своей прекрасной автоматической винтовкой. Клэйтон был неплохой стрелок. Несколько выстрелов, и надломленный конец стержня упал, он уже не мог отводить молнии в сторону. Еще одна молния упала на стержень и ушла в землю уже по проводу. Опасность миновала. Микулин с благодарностью взглянул на Клэйтона. И этот взгляд обрадовал Клэйтона гораздо больше, чем он сам ожидал. Нет, решительно Микулин обладает тайной привлекать к себе сердца людей!

Наконец гроза окончилась, Лор ушла, и у дома остались Микулин, Егоровна и Клэйтон. Егоровну Микулин отослал к Лор.

— Бедный Грачов, — сказал Микулин. Его лицо как будто постарело, а в глазах появилась тайная глубокая и искренняя скорбь, какую Клэйтону не приходилось видеть никогда в жизни. Но прошло несколько мгновений, и спокойный взгляд Микулина уже был устремлен на крышу — на струйку дыма, курившегося в том месте, где был убит молнией Грачов.

Клэйтон все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычной. Быть может, это психология будущего человека? Эта глубина переживаний и вместе с тем умение быстро «переключить» свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете? С какой самоотверженностью полез Грачов прямо в огонь, не думая ни о чем, кроме спасения лаборатории!

— А ведь крыша тлеет! — сказал Микулин. Он сбегал за топором, влез на крышу и начал обдирать гонт. Скоро показались красноватые языки пламени.

— Так и есть! — сказал Микулин и, продолжая работать топором, крикнул Клэйтону: — Сбегайте, пожалуйста, в лабораторию и принесите огнетушитель. Он висит на стене у двери, направо!

И Клэйтон, который явился сюда для того, чтобы убить страшного Микулина, с готовностью побежал исполнять его приказания. Этот «холодный огонь», скрытый энтузиазм начал заражать Клэйтона. Он принес огнетушитель и взобрался на крышу. Отсюда он видел, как из дома, куда Данилыч внес труп Грачова, вышла Лор. Если бы не ее суровое лицо и чуть-чуть сдвинутые брови, никто не мог бы предположить, что эта девушка только что перенесла сильнейший удар.

— Потушили? Я ничем не могу вам помочь? — спросила Лор.

— Конечно, — ответил Микулин. — Иди отдохни, Аленка!

Лор молча удалилась. Микулин и Клэйтон слезли с крыши.

Вечером в тот же день в сосновом гробу, сколоченном Данилычем, тело Грачова было опущено в землю. Засыпали. Молча постояли над могилой. Только Данилыч что-то шептал.

Через несколько дней, сидя за вечерним чаем, Микулин сказал:

— Трудно теперь работать без Грачова.

— Да, — ответила Лор. — Придется выписать кого-нибудь из наших ребят. Но на это уйдет немало времени.

— Разрешите мне сделать одно предложение, — сказал Клэйтон. — Я одинок, решительно ничем не связан. Для меня «где хорошо, там и родина», как говорили римляне. Здесь мне очень хорошо. Болезненные припадки не повторяются. С каждым днем я чувствую себя здоровее. Я с большим удовольствием остался бы у вас по крайней мере до весны и помогал бы вам в лаборатории.

Микулин взглянул на Лор.

— А что, Аленка, ведь это не плохо? Мистер Клэйн уже помогал мне и оказался способным. У него ловкие руки.

КЛЭЙТОН СТРОИТ МОСТЫ

Клэйтон достиг цели. Он присутствовал при опытах, мог следить за «путешествием» Микулина по неведомым странам молекул, атомов и электронов. Постепенно Клэйтон начал и сам знакомиться с этими удивительными странами. Его сведения были поверхностны и, быть может, не

совсем точны. Но он обладал живым воображением, и даже во сне Клэйтону снились атомы и электроны. Он был в необычайном мире микрокосма. Он видел центральные ядра-протоны, вращающиеся вокруг самих себя, как солнца. Видел планеты-электроны, которые вертелись, как волчок, и облетали вокруг центрального ядра. Иногда крайняя «планетка» отрывалась от своей солнечной системы, подойдя слишком близко к другому солнцу. Равновесие нарушалось. В маленьком мирке происходили настоящие «космические бури». Вечные странники — ионы, как кометы, прорезывали солнечные системы атомов и нередко становились пленниками. Закон всемирного тяготения царил и здесь. Бродячие электроны превращались в планеты, вращающиеся на привязи вокруг солнца. Это был мир вечного движения, как вечно меняющийся и в то же время устойчивый. Вечно нарушаемое равновесие тотчас восстанавливалось.

И вот приходит Микулин со своею «пушкой» и начинает бомбардировать электроны пи-лучами. Атомы расщепляются. Отдают внутреннюю энергию. Процессы, на которые природа тратит миллиарды лет, проходят в несколько минут... Клэйтону снятся груды золота, золотые горы Киншан.

Придя наутро в лабораторию, Клэйтон рассказывал Микулину свои сны. Микулин внимательно слушал, иногда смеялся и говорил:

— Вы делаете успехи.

Клэйтон поражался работоспособности Микулина. Микулин работал, не отрываясь, целые дни, и неизвестно, когда спал. Казалось, никакие интересы не существуют для него, кроме науки. Но Клэйтон знал, что научный энтузиазм поддерживается у Микулина чисто практическими целями — сделать жизнь трудящихся лучше, легче, богаче.

Наконец настал день, вернее, вечер, когда Микулин возобновил свой опыт с превращением элементов.

На этот раз уже Клэйтон положил белый порошок на полочку у окошечка стеклянной лампы.

— А что это за порошок? — спросил Клэйтон.

— Висмут.

— И из него вы сделаете золото?

— Сейчас увидите.

Микулин повернул рубильник под напряжением тока в пять миллионов вольт, электроны завились винтом и с необычайной силой начали вылетать из окошечка. Никто их не видел, но зато видна была их работа: через несколько минут порошок висмута превратился в крупинку какого-то вещества, впрочем, мало похожего на золото.

— Опять неудача?

— Все в порядке, — ответил Микулин, рассматривая полученный элемент. — Это свинец. Будем продолжать опыт.

Свинец был превращен в талий. А из талия получилась блестящая капелька ртути. Еще раз вспыхнули трубки-лампы зеленоватым огнем, и ртуть превратилась в горошину чистейшего золота. У Клэйтона дыхание перехватило.

— Что же вы будете делать с этим первенцем? — спросил он.

— Вновь превращу в висмут.

Клэйтон вздохнул. Золото превратить в порошок от расстройства желудка. Нет, решительно этот человек не от мира сего!

Микулин увидел огорченное лицо Клэйтона и рассмеялся.

— Вам так жалко этой горошины? Так и быть, я подарю вам ее. Можете сделать из нее брелок.

— Благодарю вас, — ответил Клэйтон, бережно опуская золотую горошину в карман. — Теперь вы займетесь производством золота?

— Вы ошибаетесь, мой друг. Эта горошина обошлась мне ровно в три раза дороже, чем стоит такой же кусочек ископаемого золота. Мой способ добычи золота еще не рентабелен, как говорят хозяйственники. Мое открытие еще не имеет практической ценности. Нужно удешевить производство золота.

Клэйтон был и разочарован, и обрадован одновременно. Разочарован тем, что к золотым горам нужно еще долго ид-

ти, обрадован тем, что предстоит дальнейшая работа с Микулиным.

Потянулись рабочие дни. Микулин неустанно продвигался вперед по стране неведомого. Лор «заготовляла фураж», делала подготовительные опыты, Клэйтон помогал Микулину «строить мосты» через пропасти и совершать обходные движения. Иногда один и тот же опыт Микулин повторял по десять раз, иногда работа целой недели шла насмарку, и приходилось начинать все снова. Электроны вели себя совсем не так, как им полагалось по предварительным расчетам. Надо было найти причину, а для этого приходилось делать новые и новые опыты.

СЕРДЦЕ ЖЕНЩИНЫ

Клэйтон нередко сопровождал Лор в ее прогулках. Что касается Микулина, то он предпочитал гулять в одиночестве, чтобы ему никто не мешал думать. Притом и эти редкие прогулки Микулин совершал в предутренние часы, проработав всю ночь напролет. Таким образом Микулин не мешал Клэйтону.

Однажды Клэйтон и Лор заехали к самому болоту, и Клэйтон решил поговорить с девушкой о том, что давно занимало его.

— Присматриваюсь я к вам, новым для меня людям, и многого не понимаю, — начал он издалека.

— Что же вам непонятно? — спросила Елена.

— Да вот... хотя бы вы для меня загадка. Простите, что говорю о вас, но мне кажется, что...

— Пожалуйста, говорите.

— У нас, в Штатах, — с вашего разрешения, я буду откровенен, — девушку вашего возраста и вашей внешности сочли бы ненормальной, если бы она никого не любила. Женщина остается женщиной. И склянки с пробирками не могут, не должны заменять в ее сердце живого человека, живой любви. Я помню ваш короткий крик над трупом Грачова. Вы так горячо любили его? Этого я не заметил в ваших

отношениях к Грачову. Еще меньше это можно сказать про ваши отношения к Микулину. А возникновение любви к нему тем более вероятно, что здесь нет выбора.

— Почему же нет выбора? — задорно спросила Лор. — Вот вы, например?

Это было так неожиданно, что Клэйтон покраснел, как школьник.

— Я... я не выдерживаю никакого сравнения с мистер... товарищем Микулиным, — сказал он, запинаясь.

— Отчего же не выдерживаете? — не унималась Лор. — Вы мне нравитесь. Мне кажется, что я даже влюблена в вас. И даже очень!

Клэйтон едва не слетел с седла, перед ним была новая женщина, новый человек. Вместо ученой, веселой, но с холодным сердцем женщины, Клэйтон увидал какое-то двуликое существо, — не то прожженную кокетку, не то наивную девочку, которая говорит такие вещи, что голова идет кругом. Лор засмеялась, глядя на осевшую фигуру Клэйтона и его растерянное лицо. Потом вдруг стала серьезной.

— Да, я люблю вас.

— Любовь! — воскликнул Клэйтон, и... мгновенно его лицо побледнело. Он едва не лишился чувств. Лор принуждена была поддержать его.

— Что с вами, Клэйн, вам дурно?

— Н-ничего... небольшой сердечный припадок, сейчас все пройдет.

Круто повернув лошадь, он поскакал по направлению к дому. Лор последовала за ним.

Вдруг откуда-то из болота донесся протяжный стон.

— Что это, Клэйн, вы слышите?

— Наверно, болотная птица, выпь, — сказал он. Румянец уже вернулся на его щеки.

— Но выпь кричит по ночам.

— На болоте часто слышатся странные звуки, — сказал Клэйтон. — Мне говорили, что, когда выходят газы, болото стонет.

Они замолчали, прислушиваясь, но кругом все было тихо.

До самого дома Клэйтон ехал задумчивый.

«Неужели его так расстроило мое признание?» — думала Лор.

СВИДАНИЯ НА БОЛОТЕ

Лор соскочила с лошади, сама отвела ее в конюшню и поднялась к себе в мезонин. А Клэйтон, оставшись один в своей маленькой комнатке, схватился за голову.

Разговаривая с Лор о любви и кинув взгляд на болото, он на болотном островке увидел своего проводника-охотника и рядом с ним Додда. Охотник махнул рукой, но не крикнул: он видел, что Клэйтон не один. Потом скрылся за густыми ветвями ивы и несколько раз прокричал, как выпь. Выпь кричит в полночь. Не значит ли это, что в полночь Клэйтон должен прийти на болото. Ну да, конечно. Додд явился. Клэйтон совсем начал забывать о нем и о своем поручении. После сегодняшнего разговора с Лор у Клэйтона были на уме совсем другие мысли. Да и вообще за это время он во многом изменился. Общение с Микулиным не проходило даром. Незаметно для себя Клэйтон начинал все больше увлекаться мыслью о строительстве новых, неведомых в истории человечества форм жизни. Микулин умел рисовать грандиозные перспективы будущего, превосходившие своими масштабами даже американский размах. И если Клэйтон еще не совсем освоился с мыслью, что будущее за Советской Россией, а не за его Штатами, то от былой его национальной гордости не осталось и следа. Теперь он был не в силах убить Микулина, не говоря уже о Лор.

Но что делать? Что сказать Додду, который не знает его сомнений и колебаний? У Додда все ясно и непоколебимо: интересы Штатов выше всего. Клэйтон посмотрел в окно. Солнце село. Быстро сгущались сумерки. Только на вершинах гор тихо догорал закат.

«Ну что я ему скажу?» — подумал Клэйтон.

Он вышел из дома, когда совсем стемнело, и медленно побрел к болоту. Где-то шумел горный водопад. Этот однообразный мягкий шум не нарушал молчания ночи.

Клэйтон подошел к краю болота. В тот же момент крикнула выпь и вдали сверкнул огонек. Это Додд, подавая знак, зажигал и гасил электрический фонарик.

Осторожно ступая по болоту, Клэйтон добрался до островка, на котором его ожидали Додд и охотник.

Додд по обыкновению крепко, до боли, пожал руку Клэйтона.

— Как дела? — спросил он. — Овладел Микулин секретом делать золото?

— Да, но он может делать золото только лабораторным способом. Его изобретение не имеет никакого практического значения. Сейчас он изыскивает способы найти средство делать золото наиболее дешевым путем. Но это ему не удается.

— Не удается сегодня, удастся завтра, — сказал Додд. — Вопрос о Микулине решен. Вот, возьмите... Это мина большой разрушительной силы. Вы установите ее в лаборатории Микулина с таким расчетом, чтобы она взорвалась, когда Микулин там будет работать со своими помощниками.

Клэйтон взял тяжеловесную коробку и сказал смущенно:

— Едва ли мне удастся... Микулин не разрешает мне входить в его лабораторию. Она усиленно охраняется. У Микулина много лаборантов, а на ферме — рабочих и сторожей... Мне удалось до сих пор оставаться на ферме только потому, что я притворился тяжело больным.

Додд зорко посмотрел на Клэйтона.

— Уж не трусите ли вы? — спросил он. — Даю вам пару дней на исполнение этого поручения. Если вас что-нибудь задержит, придите сюда и скажите. В крайнем случае, если вам в самом деле не удастся, у меня есть другой проект. Мы организуем вооруженное нападение. Итак, до свидания через два дня на этом самом месте.

— До свидания! Постараюсь выполнить поручение, —

сказал Клэйтон и отправился в обратный путь, осторожно неся опасную коробку.

Когда болото осталось далеко позади, Клэйтон остановился, послушал и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, вырыл руками яму под корнями ели, положил туда коробку и закопал.

Был третий час ночи, когда Клэйтон вернулся на ферму. В окне лаборатории светился огонек. Микулин еще работал. Клэйтон вошел в лабораторию, открыв дверь, которая никогда не закрывалась.

— Все работаете? — спросил Клэйтон, присаживаясь на белую табуретку.

— Да, и очень успешно, — ответил оживленно Микулин. — Мне удалось разрешить задачу раньше, чем я думал. Вот, не угодно ли полюбоваться?

Микулин высыпал из склянки на ладонь щепотку золотистого порошка.

— Золото. Здесь пять граммов. И получение этого золота не стоило пяти копеек. Теперь держитесь, Клэйн, мы с вами скоро перевернем мир.

Клэйтон поднялся, прошелся по лаборатории и сказал:

— Послушайте, Микулин. Вы сказали: мы с вами перевернем мир. Почему вы так доверяете мне? Я ведь пришел неведомо откуда. А что, если я шпион, если я подослан сюда, чтобы убить вас или украсть секрет вашего изобретения?

Микулин внимательно посмотрел на Клэйтона:

— Я охотно отвечу на ваш вопрос. Недоверие всегда порождается страхом, а я не боюсь, потому и доверяю вам. Вы можете убить меня, но разве вы можете убить научную мысль! В худшем случае, вы только немного задержите ход событий. И потом, говоря лично о вас, — если бы вы захотели убить меня, то давно могли бы это сделать. Значит, или у вас не было такого намерения, или же вы не способны на убийство. Что же касается кражи моего секрета, то, пожалуйста, — если только вы что-нибудь поймете в нем.

— Хорошо, допустим, что вы не боитесь политических

врагов, но ведь могут быть просто бандиты, — возразил Клэйтон. — Что, если они явятся сюда? Нас только трое мужчин. Я не видел у вас даже ружей. Как вы сможете защищаться? Не может быть, чтобы вы не дорожили своей личной жизнью. Наконец, на вас лежит ответственность за сохранение жизни живущих здесь женщин...

Микулин ссыпал порошок с ладони обратно в склянку и, не оборачиваясь, сказал:

— Или вы, Клэйн, влюблены, или же что-нибудь в самом деле обеспокоило вас. Говорите прямо, в чем дело?

Клэйтон смутился. Хорошо, что Микулин был занят своими колбами.

— Я... мне показалось... я сегодня гулял в лесу. Мне послышалось, как будто кто-то пел...

«Зачем я говорю это, — думал Клэйтон, — ведь я выдаю Додда. Может быть, Микулин пошлет своего великана на разведку».

— Ну и что же в этом удивительного? Тут нередко бродят охотники, — беспечно ответил Микулин. — Пусть поют. Тот, кто поет, не опасен.

На другой день Микулин окончательно убедился, что Клэйтон влюблен: в первый раз его помощник разбил две пробирки и сделал несколько ошибок, помогая Микулину в вычислениях.

Клэйтон очень волновался. Ему хотелось признаться во всем. Но вместе с тем он не хотел предавать своего недавнего товарища и к тому же соотечественника. Признаться Додду в том, что он, Клэйтон, не хочет выполнить поручения, Клэйтон также не решался. Додд сочтет его трусом и, может быть, даже предателем. Тогда Клэйтону несдобровать...

Не идти на болото также рискованно. Если Додд организует бандитское нападение, то не поздоровится и Клэйтону... Нет, надо идти, но как-нибудь затянуть дело. А там, может быть, найдется выход... Проще всего было бы бежать отсюда, предоставив Микулина и Додда самим себе. Но

Клэйтон не мог уйти без Лор, а она, конечно, не покинула бы Микулина.

Так Клэйтон ничего и не придумал, отправляясь на болото в условленное время. Ночь была темная. И ему казалось, что кто-то крадется за ним. У Клэйтона замирало сердце, когда он слышал за собою хруст веток, шелест листьев, хотя ветра не было. Казалось, кто-то раздвигал ветки рукою... Неужели Микулин следит за ним? Один раз Клэйтон даже остановился и тихо спросил: «Микулин, это вы?..» — но не получил никакого ответа.

Вот и болото... Додд сигнализирует короткими вспышками огня...

— Я не слыхал взрыва, — строго сказал Додд, еще не подавая руки.

— Мне удалось поставить мину, но она не взорвалась. Наутро ее нашел Микулин и учинил настоящий допрос. Он...

Додд схватил Клэйтона за руку выше локтя и крепко сжал ее.

— Вы лжете, Клэйтон. Мина не могла не взорваться, я сам заряжал ее. Говорите, что вы сделали с миной? Впрочем, можете ничего не говорить. Я больше вам не верю. Вы не тот Вас как будто подменили. Скажите, что с вами случилось, Клэйтон? Может быть, там есть женщина?

«И он о том же», — с тоскою подумал Клэйтон. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Да, вы отгадали, Додд. Там есть женщина.

— Ну вот, теперь все понятно, — сказал Додд. — Вы больше не пойдете туда, Клэйтон. Недоставало, чтобы вы стали защищать Микулина. Вы пойдете с нами. У меня есть наготове дюжина отличных головорезов. Они быстро справятся с людьми Микулина, хотя бы их было там две дюжины.

— Но я не могу оставить ее, — с искренним чувством сказал Клэйтон.

— Вы не пойдете к ней. И никогда ее не увидите. Теперь вы должны повиноваться мне.

— Но почему должен, черт возьми! — возмутился Клэйтон.

— Хотя бы потому, — ответил спокойно Додд, направив на Клэйтона дуло револьвера.

— Это, конечно, отличный аргумент, но... послушайте, Додд. Вы говорите, что у вас дюжина здоровых молодцов... В таком случае, буду я на вашей стороне или на стороне Микулина, это не решит исход сражения. Если я вам изменю, вы прикажете своим головорезам прирезать и меня, — только и всего. Но я не собираюсь изменять вам. Я только хочу быть возле девушки и спасти ее. Ведь не собираетесь же вы убивать молодую, красивую девушку... Если я останусь здесь, то Микулин поймет, что против него замышляется что-то неладное. И он примет свои меры. А он не так беззащитен, как вы думаете. У него есть молнии, которые он держит, как факир змей, в корзинке. Он может выпустить свои молнии, и они убьют вас. Если же я буду с ним, он будет спокоен, и вам легче осуществить свой план.

Додд подумал, проворчал: «Горе с этими влюбленными», но все-таки отпустил Клэйтона.

— Но помните, если только вы совершите что-нибудь во вред мне, вы будете убиты вместе с вашей красавицей! Я не пощажу никого. Еще одно поручение, подождите. Я буду через два дня. Вы должны сообщить нам, когда удобнее произвести нападение. Приходите сюда в среду в двенадцать часов ночи.

«Когда же кончится это мучение?» — думал Клэйтон, возвращаясь.

И опять ему показалось, что за ним кто-то крадется.

«Однако нервы мои начали расстраиваться», — думал он, оглядываясь назад.

На другой день, отговорившись нездоровьем, он не пошел в лабораторию. Ему надо было решить — идти с Доддом или против Додда. Но он ничего не решил и второй день

провел в тех же размышлениях на белом камне. А когда настала ночь, он побрел вдоль реки к болоту. И как в прошлый раз, чьи-то шаги преследовали его.

— У меня все готово, — сказал Додд. — Когда лучше произвести нападение?

— Завтра днем. Еще с утра несколько рабочих отправляется на охоту.

— Сколько остается на ферме? — спросил Додд.

— Человек двадцать, — ответил Клэйтон, — не считая меня.

— Надеюсь, вас не придется считать, — сказал Додд. — Я изменил свое решение. Вам нечего больше торчать у Микулина. Ночью он вас искать не будет, а завтра рано утром мы нападем на ферму. Извольте идти за мной.

— Что это, арест? — пытался протестовать Клэйтон.

— Называйте, как хотите, — отрезал Додд и, обернувшись к проводнику, сказал: — Показывай нам дорогу!

Идти по болоту ночью очень рискованно. Старый охотник неодобрительно зачмокал губами и с крайней осторожностью двинулся в путь, в противоположную от фермы сторону. За проводником Додд пустил Клэйтона, а сам замыкал шествие.

«Это насилие, — негодовал Клэйтон. — Какое право имеет Додд так распоряжаться?» Нет, он не может примириться с этим. Он должен вернуть себе свободу во что бы то ни стало.

Клэйтон шел и обдумывал план бегства. Он немного отставал от проводника и неожиданно кинулся под ноги Додду, тот упал, перевалившись через Клэйтона, и выругался. Клэйтон отполз назад и, поднявшись на ноги, побежал.

— Эй, где же вы? — крикнул Додд. Но Клэйтон бежал, не обращая внимания. Тогда Додд пригрозил, что он будет стрелять. Но Клэйтон все продолжал бежать.

Голоса Додда и проводника становились все тише и тише. Клэйтон уже различал опушку леса на краю болота. Ему везло: несмотря на то что он бежал напрямик, он не только

не провалился в окно, но даже ни разу не упал. Вот и твердая почва под ногами...

Ах... Сначала одна, а потом и другая нога Клэйтона увязли в болоте. Он пытался вытащить то одну, то другую, но от этих усилий ноги увязают еще глубже.

Клэйтон чувствовал, что его ноги медленно погружаются в вязкую тину. Вот они ушли до колен, вот и колени погрузились в холод тины. Клэйтон старался нащупать рукой куст или хоть пучок травы, но напрасно: вокруг не было никакой растительности.

«Погиб!» — подумал Клэйтон, обливаясь холодным потом. Во рту у него было сухо. Язык как будто распух. В глазах рябило. Клэйтон вдруг так ослабел, что сел на холодную тину, но тотчас с ужасом поднялся, он сразу провалился по пояс. Проходила минута за минутой, и тело Клэйтона погружалось все глубже. Вот оно погрузилось до груди... Клэйтон делал невероятные усилия, чтобы пошевелить ногами, но они были как будто парализованы. Клэйтон поднял руки вверх, чтобы сохранить их свободными возможно дольше... Вот тина дошла до подмышек... Еще несколько минут, и — плечи опустятся в тину, потом голова. Клэйтон вдруг закричал. Но на ферме не услышат его крика. А кругом — пустыня... Быть может, этот предсмертный крик донесется до ушей старика-охотника и Додда, но они не придут на помощь дезертиру...

Вдруг чья-то сильная рука схватила Клэйтона за шиворот и начала вытягивать его из болота.

— Это вы... Додд? — спросил Клэйтон.

Неизвестный не отвечал. Он продолжал тянуть. Это была нелегкая работа. Увязнувшее в болоте тело не поддавалось усилиям. Клэйтон начал раскачиваться, судорожно подергиваться. Но это, очевидно, не облегчало, а скорее затрудняло работу неизвестного. По крайней мере, он тихо, прерывающимся от страшного напряжения голосом, пробормотал:

— Не двигайся!.. Ирод!.. Только мешаешь!

Его голос казался знакомым. Во всяком случае, это был не Додд. Неизвестный говорил на чистейшем русском языке.

Прошел добрый час, пока Клэйтон был извлечен наполовину. Его мог спасти только человек необычайной силы. Клэйтону казалось, что ноги его не выдержат и оторвутся. Он стонал от боли, но неизвестный продолжал тащить его из болота.

Когда Клэйтон был наконец вырван из тины, как пробка из узкого горлышка бутылки, неизвестный бросил его на твердую землю и сам в изнеможении опустился рядом. Тут Клэйтон, напрягая зрение, увидал, что его спас великан — старик Данилыч.

— Спасибо, Данилыч! — сказал Клэйтон, пытаясь подняться. Но Данилыч придавил его своей пятерней к земле.

— Лежи и не двигайся. Не надо бы и спасать тебя, иродово отродье...

— Почему вы так говорите со мной? — спросил Клэйтон, притворяясь ни в чем не повинным.

— Потому что лучшего не стоишь. Вот Василий Николаевич расправится с тобой. Ты что по ночам по болотам шляешься? С кем разговаривал? Ты думаешь, я не видал? Я давно слежу за тобой.

«Так вот чьи шаги я слышал», — подумал Клэйтон.

ОТБИТАЯ АТАКА

У Клэйтона сжалось сердце, когда между стволами тополей мелькнул огонек в окне лаборатории. Было, вероятно, около четырех часов утра, а Микулин еще работал. Данилыч крепко схватил Клэйтона за шиворот и, приподняв одной рукой, внес в лабораторию.

— Шпиона поймал, — сказал он, опуская на пол задыхавшегося Клэйтона.

Данилыч подробно рассказал о том, как, запоздав на охоте, он случайно увидал у болота Клэйтона, который о

кем-то говорил с двумя людьми, как после этого он, Данилыч, начал следить за Клэйтоном и как спас его.

— Я думал, — закончил старик свой доклад, — может быть, вы узнаете от него что-нибудь важное. Только для этого я и вытащил его из болота.

— Что это значит, мистер Клэйн? — спросил Микулин. Лицо его было сурово, сдвинутые брови говорили о непреклонной воле. Клэйтону стало страшно. Таким он еще никогда не видал Микулина.

— Я все объясню, — сказал Клэйтон. — Но позвольте мне говорить по-английски. Я волнуюсь, и говорить по-русски мне трудно. — Клэйтону было неприятно выступать в роли обвиняемого перед Данилычем.

Микулин, подумав, сказал:

— Данилыч имеет такое же право судить вас, как и я сам. Нам торопиться некуда. Можете говорить медленно, но говорите по-русски.

Клэйтону не оставалось ничего другого, как повиноваться. И он рассказал о своем долгом пути из Нью-Йорка к Рахмановским ключам.

— Но я никогда не решился бы причинить вам зло. Если бы я хотел это сделать, я давно мог убить вас миной, которую передал мне мистер Додд. Я закопал эту мину под елью.

Данилыч крякнул и сказал:

— Это правда. Он что-то закапывал, я видал. Но я боялся. Думал, что там такое? Не убило бы.

— И еще одно, — продолжал Клэйтон, — если бы я хотел изменить вам, я не бежал бы от Додда, который принуждал меня идти вместе с ним.

— Может быть, вас что-нибудь здесь... задерживает?.. Например, любовь?..

Клэйтон покраснел.

— Хотя бы и так. Тем больше оснований доверять мне. А если вы все еще не верите, то я открою планы мистера Додда. Сегодня же на заре он нападет на вашу ферму. Додд

предупредил меня, что первая пуля будет пущена в мою голову.

— Как ты думаешь, Данилыч, что сделать с мистером Клэйтоном?

Старик задумался.

— Конечно, может, он и не виновен. Видишь, какое дело. А доверять ему больше нельзя, шаткий он. Я бы его не выпустил. Связал бы, пусть сидит, по крайней мере, пока эти головорезы не побывают здесь.

— Вы слышите, Клэйтон? Пусть будет так. Я оставляю вас здесь арестованным. Я не буду вас связывать веревками — у меня есть кое-что понадежнее: вас будут охранять несколько маленьких змеек. Они очень ядовитые.

Микулин передвинул свои аппараты, отгородил часть комнаты несколькими рядами проволоки и повернул рубильник.

— Вот так. Имейте в виду, что по этим проволокам идет ток, который может убить целый полк солдат. А теперь мы пойдем, приготовимся отбить атаку.

Клэйтон оказался запертым в углу комнаты. Ничтожные тонкие проволоки охраняли его лучше замков. Правда, окно было свободно, но на дворе виднелась внушительная фигура Данилыча. Микулин подошел к дому, в котором жила Лор, и крикнул:

— Аленка, Аленка! Вставай!

Окно в мезонине открылось, и Клэйтон увидал голову девушки.

— Зачем так рано? — спросила она.

— Все идите в лабораторию, — сказал Микулин.

Через несколько минут все обитатели фермы стояли в нескольких шагах от Клэйтона.

— Что это такое? — спросила Лор. — Вы арестованы?

— Увы, да, — ответил Клэйтон.

Микулин повернул выключатель и снял проволоки.

— Я думаю, теперь вас можно освободить от этих сторожей. Ну-ка, расскажите еще раз свою историю.

— Хорошо, я расскажу, но позвольте раньше поговорить о делах более срочных. Додд навербовал не менее дюжины вооруженных бандитов. А нас, если только вы окажете мне честь включить и меня в число защитников, всего пять человек, считая и женщин. Вы не вооружены. Я полагаю, что...

— Не беспокойтесь, — ответил Микулин. — Мы вооружены лучше, чем вы полагаете. Итак, чтобы нам не было скучно ожидать гостей, начинайте, мистер Клэйтон. Лор еще не слышала вашей истории.

И Клэйтону пришлось снова рассказать о всех своих злоключениях.

— Ого, вот, кажется, и гости, — перебил Микулин рассказ Клэйтона. У белого камня показались люди. Впереди шел высокий тощий человек с ружьем наперевес.

— Это Додд! — воскликнул Клэйтон.

Додд отдал какое-то распоряжение, и бандиты, рассыпавшись цепью, начали подходить к ферме.

И вдруг один из них, шедший впереди, взмахнул руками и упал навзничь, как будто его поразила какая-то невидимая сила. Микулин молча усмехнулся. Вот еще два бандита упали на землю, на том же месте, где лежал первый. Очевидно, какая-то преграда защищала ферму от врагов. Но Клэйтон не видел проволоки, по которой мог быть пущен ток. Место было совершенно открытое.

— В чем дело? — спросил Клэйтон.

— Дело простое, — отвечал Микулин. — Мне удалось осуществить передачу энергии на расстояние. У меня уже давно все прилажено. Я пускаю узкий пучок радиоволны. Пронизывая воздух, она делает его хорошим проводником электричества. Вы понимаете, не по эфиру, а по воздуху идет ток высокого напряжения. Он-то и убивает людей. Ясно?

Да, для Микулина это было ясно, но мистер Додд не мог понять, почему его люди падают. Видя, что бандиты начали колебаться и несколько из них бросилось в панике назад, Додд крикнул на беглецов, выстрелил для острастки из ре-

вольвера и сам побежал вперед, увлекая за собой колеблющихся. Увы, их всех постигла печальная участь. Клэйтон видел, как Додд, выронив револьвер, грохнулся на землю. Два оставшихся в живых с дикими воплями скрылись в лесу.

— Ну, вот и все, — сказал Микулин. — Видите, как гладко прошло сражение.

— Теперь мне понятно, почему вы были так доверчивы и даже беспечны, — сказал Клэйтон.

— Надеюсь, «ваши друзья» теперь надолго оставят меня в покое?

— Они больше не друзья мне, — нахмурился Клэйтон.

— Да, мертвые не друзья живым. Но что мы будем делать с вами, Клэйтон? Оставить на свободе под поручительство мисс Лор? Аленка, ты поручишься за него? Возражений нет? Кто против? Принято. А теперь работать, работать.

1929

Подводные земледельцы

Глава 1

НЕПТУН ИВАНОВИЧ ОГОРЧЕН

— Жан! Иоганн! Джон! Джонни! Джиованни!.. Иоанн! Иван! Ваня! Ванюшка!

— А-а-аах! — кто-то сладко зевнул и перевернулся на другой бок.

Слышно было, как заскрипели пружины кровати. Тишина. И снова первый голос начинает выкликать с разными интонациями, то повышая, то понижая силу звука:

— Жан! Иван! Джон!.. — И вдруг крикнул изо всех сил: — Ванька, шельмец! Стань передо мной, как лист перед травой.

— Ах-ах, фут возьми! — За перегородкой взвизгнула пружина, босые ноги зашлепали по полу. Кто-то засопел носом, повозился впотьмах, открыл дверь, пошарил у стены, щелкнул выключателем.

Электрическая лампочка, висящая под потолком, осветила золотистые сосновые бревна стен, широкое окно, завешенное плотной шторой темно-синего сукна, большой чертежный стол у стены, на столе — старый номер «Известий», чертежные принадлежности, землемерные планы, несколько книг, папки с бумагами. У другой стены на узкой железной походной кровати лежал, заложив руки за голову, мужчина средних лет, плотный, широкоплечий, рыжеволосый, с небольшими усами и бородкой клином. Голубые, широко открытые глаза смотрели в потолок пристально, а на левой щеке виднелась отметина: глубокий красноватый шрам.

— Собирайся, Ванюша, пора! — сказал лежащий на кровати.

Ванюша еще раз вздохнул. Уж очень хотелось ему спать. Он стоял посреди комнаты в одних трусах, заспанный, со

слипающимися глазами. Лицо его имело полудетскую мягкость и округленность черт, а черные жесткие волосы стояли ежиком. Он поднимал брови, чтобы глаза скорее раскрылись, шевелил губами и разбрасывал руки в стороны, разминаясь после сна. Потом подошел к окну, отдернул занавеску и, глядя в непроницаемый мрак, сказал:

— Темно еще, Семен Алексеевич!

— Пока соберемся, в самый раз будет, — отвечал Семен Алексеевич Волков.

Ванюшка Топорков вышел в другую комнату и зажег там свет. Эта комната была такой же, как и первая. Кровать, простой стул, полка с книгами над небольшим столиком и шкафчик у кровати составляли всю ее обстановку. Ни в одной из этих комнат не видно было печки. Зато, если нагнуться, под столом можно было заметить пластинки электрического отопления. Это высшее проявление электрификации в домашнем быту так не шло ко всему облику бревенчатой избушки.

Ванюшка Топорков начал сборы, не переставая говорить из-за перегородки. У него был своеобразный недостаток речи: Ванюшка не выговаривал шипящих «ж», «ш», «щ». Вместо «ж» и «ш» у него выходило «ф», а вместо «щ» нечто среднее между «в» и «ф», но ближе к «ф». Любимой его присказкой было «шут возьми», причем у него получалось «фут возьми». Чем больше он волновался, тем больше картавил.

— Семен Алексеевич. Какой я сон видел. Как будто приплыл к нам больфуффий фельтобрюхий кит, лег на крыфу нафего дома и раздавил его, как яичную скорлупу. Мофет это быть?

— Выдержит крыша, не бойся. Что ты там долго возишься?

— Сейчас, Семен Алексеевич.

Ванюшка открыл шкаф и вынул оттуда теодолит[1] особого устройства, треножник, землемерную цепь, резиновый

[1] Теодолит — угломерный инструмент, употребляемый в землемерном деле.

мешок. Нагрузив все это на себя, он вышел в другую комнату. Волков уже поднялся с кровати и усиленно занимался гимнастикой.

Ванюша смотрел на него, невольно повторял все его движения, сначала потихоньку, а потом, бросив вещи на пол, по-настоящему. Он приседал, вставал, размахивал руками, нагибался, разгибался и, наконец, удовлетворенный, закончил:

— Ха-арофо, фут возьми! Утренняя зарядка.

Он опять собрал вещи и открыл наружную дверь избушки.

За этой дверью, в некотором расстоянии от нее, была вторая дверь — железная, плотно пригнанная. Ванюшка повозился у круглого запора и открыл ее. Перед ним открылась железная камера.

Камера эта имела объем в два кубических метра. Прямо перед Ванюшкой в железной стене виднелась круглая дверь в метр поперечником, похожая на большой иллюминатор. В правой стене был железный шкаф с отодвигающейся вбок дверцей, а в левой, внизу, виднелись два небольших круглых зарешеченных отверстия, по сорок сантиметров в диаметре.

Ванюшка внес в камеру землемерные инструменты. Вслед за ним в камеру вошел Волков, одетый, как и Ванюшка, в одни трусы. Ванюшка открыл шкаф и начал вынимать оттуда странные предметы: две полумаски, состоящие из большого черного резинового носа и прикрепленных к нему очков. От очков шла резина, придерживающая их, а от носа (снизу — от ноздрей) — две резиновые трубки. Затем Ванюшка извлек пару электрических фонарей с резиновыми лентами и проводами, ранец, наушники, кортик и, наконец, тяжеленные сандалии со свинцовыми подошвами. Волков и Ванюшка начали быстро надевать на себя все эти доспехи. Прежде всего надели ранцы, сделанные из черного металла, затем черные носы и очки. Длинные трубки, свисавшие с носов, они, помогая друг другу, прикрепили к особым отверстиям в ранцах за спиной. Потом надели на голову аппараты, напоминающие радионаушники. Эти аппараты

держались гибкой металлической пластинкой, надеваемой на голову. К ушам плотно прикреплялись круглые наушники, а от наушников шли две трубки, падавшие немного ниже плеч и оканчивавшиеся небольшими раструбами, как в трубке телефона. При помощи резиновой ленты на голове были прикреплены фонари. Затем путники застегнули пояса, на которых были привешены длинные кортики. Наконец, на ноги надели тяжелые сандалии, прикрепив их ремнями.

Судя по их уверенным и быстрым движениям, такой маскарад производился очень часто и сделался привычным. Тем не менее Ванюшка, посмотрев на Волкова, на его черный огромный нос, на выпуклые очки, на болтающиеся трубки-уши, выпирающий горбом ранец и шишковидный фонарь на голове, не мог все же удержаться от смеха.

— Ах, фут возьми! Прямо не человек, а нарочно! Прямо дядюфка с Марса.

Волков, не обращая внимания на Ванюшку, плотно закрыл шкаф, осмотрел дверь в избушку, подошел к стене и круто и сильно повернул круглый кран. В одно из отверстий вдруг с шумом хлынула вода вместе с маленькими рыбками. Вода залила голые ноги до колен, и, когда дошла до пояса, Ванюшка начал подпрыгивать: тело еще не остыло от теплоты кровати, и прохладная вода не совсем приятно щекотала его. Чтобы уж сразу привыкнуть к перемене температуры, Ванюшка сел на пол и скрылся с головой, не ожидая, пока вода дойдет доверху.

Через две минуты камера наполнилась водой. Освещенные сильной электрической лампой, в зеленоватой воде заплясали мелкие рыбки. Ванюшка, чувствуя, что он стал легче, поднялся с пола и навьючил на себя землемерные инструменты. Волков отвинтил круглую дверь, похожую на иллюминатор, и сдвинул ее вбок. Перед ними открылось темное отверстие, наполненное водой. Они шагнули через порог, высотою в треть метра, и вышли наружу. На голове Волкова ярко вспыхнул электрический фонарь. Волков задвинул круглую дверь, загасил фонарь и шагнул вперед.

Путников окружала почти полная тьма, но они уверенно продвигались вперед. Шли по косогору из мягкого ила. Слева, где был берег, и впереди густела темно-зеленая муть, вверху вода была несколько светлее. Слабые лучи света пробивались сквозь пятиметровую толщу воды. А справа слепила непроглядная тьма. Там была глубина, туда спускалась покатость дна.

Иногда голое тело задевали длинные ленты водорослей. Иногда с размаху налетит горбуша[1] и испуганно вильнет в сторону или причудливая рыбка агономал царапнет своими костными щитками. Ванюшка наступил на большую раковину и споткнулся.

Он взял трубку, свисавшую с уха Волкова, поднес близко к своему рту, выдул из внешнего отверстия трубки воздух и, прижав сильно губы, сказал:

— Может быть, засветить фонарь?

— Надо беречь электричество, — ответил Волков. — Скоро посветлеет. Пойдем по фукусной тропе, там дно чище и мельче.

Они свернули влево, к берегу. Стало светлее. Да и солнце поднималось выше над океаном, вонзая горячие лучи в прохладу вод.

Через четверть часа Ванюшка посмотрел вверх. Теперь вода над головой была совсем светлая. Ванюшка видел перед собою качающиеся водоросли, зеленоватые и бурые. Глядя на эти разнообразные узорчатые растения, можно было подумать, что их создал художник, который старался восполнить недостаток оригинальных идей богатством, тщательностью и разнообразием отделки. Здесь были водоросли, похожие на веревки со многими узлами, водоросли елковидные, лапчатые, лентообразные, с зазубренными краями. На расстоянии двух-трех метров Ванюшка отчетливо видел эти растения, а дальше все вуалировалось, как на земле в туманный день. Только этот туман был особенный,

[1] Горбуша — рыба из семейства лососевых, имеет промысловое значение.

зеленовато-серый. Большие крабы быстро убегали от человеческих ног, скрываясь в зарослях. Голотурии-трепанги, похожие на неуклюжих червей, покрытых отростками, копались в иле. Многочисленные рыбки шныряли между водорослями.

На долю морской растительности отпущено природой только три краски: зеленая, бурая и черная. Зато животный мир щеголяет и черной, и белой, и желтой, и оранжевой, и синей, и фиолетовой. Когда солнце поднялось еще выше над головой, Ванюшка увидел все это пестрое великолепие рыб, моллюсков, креветок.

Отклоняясь все больше влево, к берегу, Ванюшка вышел на такое место, что голова его вдруг поднялась над поверхностью воды. Солнце, отраженное легкой зыбью, сразу ослепило его. Когда глаза несколько привыкли, он посмотрел на небо, на берег... Нет, все-таки надземный мир неизмеримо богаче красками, чем подводный. Как изумительна голубизна неба, сколько оттенков света на облаках, горах, какие леса, какая зелень лугов, желтизна глины и песков, выступавших у подмытых водою берегов.

Ванюшка увидал берег, покрытый лесом, чаек на волнах, китайскую фанзу под высокой елью, ярко освещенную солнцем. Как отчетливо все видно! Как будто Ванюшка под водой смотрел в плохо наведенный бинокль, а теперь этот бинокль точно наведен на фокус.

Кто-то тронул Ванюшку за руку. Наверно Волков. Ванюшка бродил по дну океана не за тем, чтобы любоваться видами. Надо было приниматься за работу. Ванюшка погрузился в воду, вынул из резинового мешка землемерную цепь, а Волков — книжку, сделанную из пластинок, на которых он выцарапывал записи стилетом. Ванюшка устанавливал инструмент, отходил на указанное расстояние, притрагивался к кнопке на голове, и над его лбом зажигался сильный электрический фонарь. Волков наводил зрительную трубу теодолита на свет и записывал углы.

Они спускались все ниже по покатому дну. Здесь было темнее. Давление воды чувствовалось: труднее было дви-

гаться, приходилось глубже и чаще дышать носом, выпуская воздух из легких через рот. Пузырьки ритмически вылетали изо рта Ванюшки, который при этом выпячивал губы и раздувал щеки. Он находил, что так дышать «вкуснее».

Яркий свет фонаря освещал длинные ленты бурых водорослей, огромные листья агар-агара[1], похожие на листы лопуха и усеянные дырочками. Водоросли медленно колыхались и тянулись к берегу — начинался прилив. Ванюшка отошел от Волкова на значительное расстояние. Они переговаривались кастаньетами, которые держали в руке между пальцев.

«Семен Алексеевич, почему звук так скоро доходит до меня?» — выстукивал Ванюшка.

«Потому что в воздухе звук проходит 322 метра, а в воде 1450», — отвечал Волков.

«А почему так?»

Но Волков был занят — не время теперь перестукиваться.

И вдруг слух Ванюшки уловил какой-то совсем иной звук — отдаленное постукивание. Кто бы это мог стучать? Быть может, Пунь звала завтракать? Но еще рано. Макар Иванович? Но он не собирался сегодня выходить в море.

«Вы слышите?» — выстукал Ванюшка Волкову. «Да, — отвечал тот. — Кто-то стучит в воде». Волков и Топорков прекратили работу, сошлись вместе и погасили фонари, а Ванюшка даже взялся за рукоять кортика. Стук прекратился. Ванюшка не утерпел. Он нажал кнопку и снова зажег фонарь. Зеленая муть осветилась. На расстоянии пяти метров маячила неясная фигура — вернее, расплывчатое пятно шарообразной фигуры на человеческих ногах. По мере приближения очертания фигуры делались все более отчетливыми. Теперь уже можно было различить, что по дну океана идет огромный человек, очень медленно размахивая веслоподобными руками. Его туловище напоминало бочку — так оно было толсто и кругло. Еще несколько шагов — и к ним

[1] Агар-агар — водоросли, из которых добывают плотный студень, употребляемый в бактериологии.

подошел старик с длиннейшей серой бородкой, которая развевалась во все стороны, как дым, при каждом движении воды. На нем были большие очки, а каучуковый черный нос придавал лицу странный вид. Длинная рубаха и порты, закрученные до колен, составляли его костюм. На огромных босых ногах были надеты сандалии с тяжелыми подметками. Вокруг туловища обмотана сеть, а в сети бились живые рыбы. Эта сеть с рыбами и придавала фигуре старика издали такой необычайный бочкообразный вид.

Старик остановился, расставил руки, опустив их вниз. С растопыренными пальцами эти руки напоминали трезубцы Нептуна, а сам старик — морского бога. Волков так и прозвал его: Нептун Иванович Конобеев. Настоящее имя его было Макар. Он улыбался во весь рот, пуская пузыри и обнажая здоровые длинные белые зубы. Волков кивнул ему головой и ощупал его руки.

В них не было кастаньет. Волков удивился. Чем же Нептун Иванович стучал в воде? У старика не было слуховой трубки, не знал он и азбуки Морзе, а поэтому с ним приходилось объясняться жестами. Волков указал на свои кастаньеты и опять ощупал руки великана. Макар Иванович улыбнулся, оскалил рот — и вдруг защелкал зубами. Получился звук гораздо более громкий, чем от кастаньет. Ванюшка, забыв, что он под водой, рассмеялся, выпустив фейерверк пузырей, потом закашлялся и едва не захлебнулся. Он зажал рот руками, кое-как сдержался, но ненадолго. Новый приступ смеха охватил его. Тогда Ванюшка быстро отстегнул сандалии со свинцовыми подошвами и, оттолкнувшись от дна, поднялся вверх, как детский воздушный шар, оторвавшийся от нити.

Он вынырнул на поверхность. Волны закачали его, а прибой понес к берегу.

Ванюшка всплыл недалеко от рыбацкой лодки, на которой сидели два японца. Увидев страшное чудище, выплывшее из морской глубины, японцы с расширенными от страха глазами прыгнули в воду, как испуганные лягушки, и быстро поплыли в сторону от черноносого чудовища. А Ванюшка еще поддал жару — вдруг заулюлюкал нечеловеческим голосом.

На поверхности океана было ветрено, солнечно и весело. Тут можно было смеяться, не опасаясь захлебнуться. Насмеявшись вдоволь, Ванюшка затих на мгновение, лежа на волнах, и посмотрел на берег. Вдали виднелась фанза под высокой елью, около фанзы стояла, как толстенький крепенький грибок, женская фигура, а у самого берега выла собака, повернув морду прямо к воде. Ванюшка кивнул головой, прошептал «фут возьми!» и, сделав глубокий вдох, опустился на дно.

В подводной мути ему не сразу удалось найти Волкова и Конобеева. Прилив на поверхности океана отнес Ванюшку к берегу, и ему пришлось плыть над знакомыми тропинками, путаясь в длинных лентах водорослей и временами останавливаясь, чтобы разрезать осклизлые ленты кортиком. Вода выжимала вверх. Ванюшка принужден был нырнуть до дна, разыскать несколько камней и, взяв их в руки, отправиться в путь достаточно «уравновешенным» для подводных путешествий.

Вот где-то вдали, в зеленой мгле, вспыхнул огонек и послышались призывные удары кастаньет. Ванюшка ответил условными тремя ударами и ускорил шаги. Огонь двигался навстречу ему. Скоро Ванюшка подошел к Волкову и Конобееву, Волков схватил говорительную трубку Ванюшки и сделал такой вид, как будто крутит его за ухо, потом, приложив трубку к губам, сказал:

— Джонни! Нельзя быть таким легкомысленным. Ты рисковал помереть от смеха. Вот твои калоши!

— Это была бы самая веселая смерть, Семен Алексеевич, — ответил Ванюшка, надевая тяжелые сандалии. — Воет! — прибавил он.

— Кто воет?

— Хунгуз. Будет опять нагоняй Макар Ивановичу, — и, обратившись к Конобееву, Ванюшка сложил рот трубочкой и завыл, пуская пузыри.

Лицо Конобеева вдруг омрачилось. Брови над больши-

ми очками сдвинулись, а усы и волосы бороды около рта взъерошились. «Морской бог» был чем-то рассержен или огорчен. Он замахал руками-веслами и направился быстро к берегу.

— Семен Алексеевич! Можно мне посмотреть хоть одним глазком, как она его ругать будет? — спросил Ванюшка.

— Жан! Ты забываешь о своих обязанностях! — строго сказал Волков. Они вновь принялись за работу.

Глава 2

«РЫБЕ — ВОДА, ЗЕМЛЯ — ЧЕЛОВЕКУ»

А Макар Иванович быстро шел, направляясь к берегу. Дно океана все поднималось. Чем ближе к берегу, тем почва становилась более илистой от наносной земли и перегноя. И все сильнее чувствовалось движение воды. Прибой подгонял Конобеева, как сильный ветер. Старик откинулся назад и едва успевал перебирать ногами. Если бы не его огромная сила, его давно перевернуло бы и выбросило с волнами на берег, как сорванную корабельную мачту. Но Конобеев все еще боролся. Однако, когда он вышел на песчаный откос, где вода едва покрывала голову, даже он, Нептун Иванович, не мог устоять. Океан пересилил. Прибою помогал сильный ветер, дувший к берегу. Водяные массы, упругие, как футбольные мячи, вращаясь, поднимали со дна ил, песок, крабов, креветок, вырывали водоросли и все это катили вместе с собою к берегу и выбрасывали с шумом, шипением, гулом. Они, эти водяные шары, сбили с ног Конобеева и вместе с его сетью, наполненной рыбой, выбросили на отмель и с оглушительным шипением откатились назад.

Большая собака — сибирская лайка серой шерсти — с испуганным тявканьем, поджав пушистый хвост, отскочила от Конобеева, потом вдруг, захлебываясь радостным лаем, подбежала к нему и начала лизать его мокрое лицо, влажные стекла очков, каучуковый черный нос, бороду, похожую на водоросли, огромные руки...

«Ах! Ах!» — истерически вскрикивала собака; потом, неожиданно повернувшись на месте волчком, помчалась вихрем к фанзе, стоявшей под елью. На лай собаки из фанзы вышла пожилая толстенькая коротенькая женщина, с пухлыми красными руками и красным круглым лицом. На голове ее был повязан чистенький белый платок с черным горошком; синяя просторная кофта из китайского полотна и черная длинная юбка колыхались при каждом движении. Женщина вперевалку, по-утиному, заковыляла к берегу.

Конобеев смущенно поднялся с мокрого песка и направился к ней навстречу, а собака с радостным лаем бегала то к женщине, то к старику, пока они не сошлись, после чего лайка начала прыгать вокруг них.

— Здравствуй, старуха! — сказал Конобеев, потряхивая сетью, в которой трепетала рыба. — Вот я тебе... того... рыбки принес!

Но старуха не обратила на сеть с рыбой никакого внимания.

— Сними ты хоть поганую образину с лица, смотреть тошно! — сказала она строго. — Водяной. Прямо водяной! И течет с него, как с утоплого. Ха-а-рош! Нечего сказать. Иди, переоденься в сухое, что ли!

— Ничего, высохну. Теперь тепло. Да мне и назад скоро в воду. Работа ждет.

— Да ты хоть чаю напейся. Отсырел небось там, в воде. Давно чаю не пил.

Конобеев шумно вздохнул и снял с себя очки, каучуковый нос и ранец.

Его собственный нос был немногим краше каучукового: большой, мясистый, рыхлый и вдобавок поросший седыми длинными волосами. Удивительны были руки с большими, малоподвижными, очень широко расставленными пальцами и складчатой толстой кожей. А на ладонях у старика были настоящие мозольные подушки. На эти ладони он свободно клал горячий уголек, не обжигаясь.

— Однако так и быть, пойдем, старуха! Рыбу в кадушку с

водой пусти. Завтра ушицу сваришь. Больше горбуша, но есть и сельдь, иваси...

Жена Конобеева, Марфа Захаровна, знала, что ее старик любит чаевать. Для этого она его и заманила с коварством женщины в китайскую фанзу, где жила. Когда Конобеев переступил порог фанзы, Марфа Захаровна, быстро двигаясь по фанзе своей утиной перевалкой, приготовила чай, положила на стол свежий хлеб и, глядя на мужа, вливавшего в огромный рот стакан за стаканом, начала отчитывать его за «беспутную жизнь».

— Ну где же это видано, где это слыхано, чтобы человек, как горбуша, в воде жил? Рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — земля. Так испокон веку сам бог положил. Залез ты в мокрое место.

— Однако человек по воздуху теперь летает лучше всякой птицы, — возражал Конобеев, прихлебывая чай.

Марфа Захаровна не обратила внимания на эту реплику и продолжала, все более повышая тон:

— Коли женился ты на мне, так и живи со мной, а не с горбушами и сельдями. Какой ты муж после этого, когда тебе селедка милей, чем жена? Сорок лет жили вместе, а тут на́ тебе! Как подменили человека. Сдурел на старости лет. Не хочу и не желаю. Либо я, либо селедка. Теперь женщине вольная воля. Вот пойду в загс, да и разведусь с тобой.

— Однако... — начал Конобеев, но поперхнулся чаем. Залаяла собака, а из-за двери показался Ванюшка.

— Правильно, Марфа Захаровна, правильно, мамафа! — крикнул Ванюшка, появляясь в дверях в одних трусах. — Теперь не старый режим. А только вы напрасно, мамафа, на Макар Ивановича серчаете. Вы бы лучше пришли сами к нам жить...

— Что? Я! Под воду? К селедкам? Я не русалка, прости господи, чтобы под водой жить. С лягушками, с гадами морскими.

— Нет там лягушек, Марфа Заха...

— Да никогда!

— А вы бы хоть глянули, Марфа Захаровна. У нас там

очень даже отлично. В самом море-океане стоят железные хоромы-колпаки, а под колпаками — избуфка. А в избуфке и светло, и тепло, и никакой воды — сухо вполне. И чаек, и сахарок, и самоварчик найдется.

— Ты бы лучше штаны надел, чем старых людей учить. Бесстыдник! А еще комсомолец.

— Боитесь, значит?

— Ничего не боюсь. А отсыреть не желаю.

— А вот Пунь не побоялась. Корейка-то смелей вас. Она у нас на все руки. И варит, и фарит, и белье стирает, и пол моет.

— Пол моет? Под водой-то?

— Да что же вы, в самом деле думаете, что у нас все водой залито — и полы, и кровати, и самоварные трубы? Ничего подобного! Суше, чем в вашей фанзе. Эх, вот только что плохо: не умеет по-нашенски варить обед Пунь. Как наварит своих корейских куфаний — один только Цзи Цзы и лопает с аппетитом. А если бы вы, Марфа Захаровна, нам ффи сготовили, как, помните, угоффяли меня? Я до сих пор пальчики облизываю. Вы бы нам варили да фарили, да пироги рыбные пекли с рыбной начинкой, да пельмени...

Похвала подействовала — Марфа Захаровна смягчилась, но о том, чтобы спуститься под воду, и слышать не хотела.

— Приходи сам сюда пельмени есть, — ответила она, улыбнувшись.

— Однако нам пора, — сказал Конобеев и начал надевать на себя маску и водолазное облачение.

— Глаза бы мои на тебя не глядели! — качая головой, сказала старуха.

— Ничего особенного, однако, — ответил Конобеев и направился с Ванюшкой к берегу навстречу налетавшим волнам. Волны грохотали, пена шипела на песке, брызги летели дождем, а Конобеев смело шел вперед.

— Держись за меня! — крикнул он Ванюшке, когда они подошли к волнорезу. Ванюшка ухватился за богатырскую руку старика. Первая волна обдала их и едва не сбила с ног.

Наклонив головы, прижавшись друг к другу, Конобеев и Топорков бросились вперед. Волны покрыли их. На мгновение показалась еще раз косматая седая голова Макара Ивановича и скрылась.

Марфа Захаровна, сложив красные руки на круглом животе, склонила свое круглое красное лицо. Губы кривились; она готова была заплакать. А собака Хунгуз, подойдя к самой воде, вдруг подняла морду и начала выть. Потом сердито залаяла на волны и начала бегать по берегу, как бы желая броситься вслед ушедшим под воду. И снова завыла, жалобно и протяжно...

Глава 3

ПОД ПЯТЬЮ КУПОЛАМИ

Трудно идти по дну океана навстречу приливу. Труднее, чем по земле против ветра в шторм. Конобеев нагнул голову и таранил ею упругую движущуюся массу воды. А Ванюшка шел на буксире, держась руками за бедра старика-великана.

Когда спустились в подводную лощину, стало сразу тише. Здесь чувствовался только водяной «ветерок». Ванюшка отцепился от Конобеева и поднял голову вверх. Солнце стояло над ними светящимся размытым пятном. Волнение на поверхности мешало видеть резко очерченный шар, как это бывало во время штиля.

«Полдень. Пора обедать», — подумал Ванюшка.

И в этот самый момент послышался звук колокола. Под водой он был слышен очень отчетливо. Колокол прозвонил двенадцать. В зеленоватой мгле мерцал огонек. Это светился маяк на крыше подводного жилища. Его гасили только тогда, когда все были в сборе. Конобеев распрямил спину и быстро пошел на свет. Ванюшка едва поспевал за своим вожаком.

Сквозь лес длинных водорослей свет маяка разгорался все ярче по мере того, как путники подвигались вперед. Ванюшка много раз уже любовался подводным ландшафтом — и не мог налюбоваться. Как будто он попал на неведомую

планету, где все иное. Длинные полосы, ленты, шнуры, веревки бурых водорослей тихо колебались, извивая, как полусонные змеи, свои гибкие тела. Среди этих лент, протянутых, как серпантин, резко выделялись широкие пальмовидные листья ламинарий.

Скоро можно было различить уже и подводное жилище. Издали оно напоминало пять куполов-полусфер византийского храма: как будто храм провалился в землю до самых куполов. Дом стоял в долине между двумя поперечными возвышенностями, которые предохраняли от морских «ветров» — прилива и отлива.

Здесь всегда было тихо.

Яркий свет подводного прожектора собирал множество рыб, шнырявших между водорослями, как разноперые птицы в тропическом лесу. Только эти птицы были молчаливые.

Путники вошли в железную камеру и плотно закрыли за собою дверь. Ванюшка повернул кран, и вода начала уходить в трубу. Через пять минут сильные насосы освободили камеру от воды; другие насосы наполнили ее воздухом. Ванюшка и Конобеев сняли водолазные костюмы и мокрую одежду, переоделись и вошли через железную и деревянную двери в деревянную избушку. Они были у себя дома.

Под средним, самым большим, куполом находилось «общественное здание» из четырех комнат. В одной помещалась общая столовая, в другой — кухня с кладовой, в третьей — библиотека-читальня и в четвертой — машинное отделение.

Вокруг этого большого центрального купола с маяком были расположены четыре меньших. Купол с выходною дверью, направленный к берегу, назывался западным. Он прикрывал собою избушку в две комнаты, в которой помещались Топорков и Волков. Затем следовали: северный купол — там жили стряпуха Пунь и ее муж Цзи Цзы; западный — в двух комнатах этой избушки помещались Конобеев и Гузик; и, наконец, южный — в этом куполе было две комнаты: одна — лаборатория-мастерская Гузика, а другая —

запасная — для «приезжающих», где иногда ночевали приходившие с берега по делам к Волкову и Гузику.

Ванюшка вышел в столовую. Она, кроме выходной двери, имела еще две: прямо — в кухню и влево — в библиотеку-читальню. В этой комнате, как и в других комнатах центрального дома, совсем не было окон. Сильная электрическая лампа под потолком хорошо освещала большой, застланный китайской чистой скатертью стол с шестью приборами и шесть табуреток у стола. Еще несколько запасных табуреток стояли у стен. Рядом с дверью в кухню, у стены стоял буфет карельской березы; на круглом столике сверкал полированными боками большой самовар, лучший друг Конобеева.

В столовой еще никого не было. Ванюшка потянул носом, поморщился и прошел в кухню.

У электрической плиты возилась маленькая скуластая Пунь в синем платье и белом переднике. Ее черные как смоль жесткие волосы были гладко зачесаны и собраны сзади в пучок, сколотый двумя шпильками с шариками на концах.

История ее появления в подводной колонии была такова. Волков нанял для работы корейца Цзи Цзы, или — по корейскому произношению — Кые Ца. Сговорились о плате. Цзи Цзы получил задаток и в назначенный день явился со своею подругой жизни, которую отрекомендовал:

— Пунь.

— Почему «Пунь»? — спросил Волков, который знал, что «пунь» — это мелкая корейская монета.

— Больсе не стоит, — ответил Цзи Цзы.

— А ты сам сколько стоишь? — спросил, улыбаясь, Волков.

— Сто пунь будет нянь, а десять нянь будет кань. Вот сколько я стою. Кань! — ответил Цзи Цзы.

— Но зачем же ты привел свою жену? — спросил Волков, поглядывая на женщину, покорно стоявшую около своего властелина.

Цзи Цзы удивился вопросу и в недоумении пожал плечами:

— Как зачем? Чтобы она работала.

— Но ведь я нанимал тебя. А ты что же будешь делать?

— Я буду получать деньги, — ответил спокойно Цзи Цзы.

Волков решил, что женщина может пригодиться в доме по хозяйству, а Цзи Цзы возьмется рано или поздно за работу, и согласился принять Пунь, которая беспрекословно надела водолазную маску и последовала за мужем в воды океана. Так же беспрекословно она пошла бы за ним даже «в страну теней».

Пунь оказалась на редкость полезным членом подводной колонии. Она варила обед, мыла посуду, полы, стирала белье, наводила чистоту и еще успевала помогать мужчинам в их работе вне дома. Зато Цзи Цзы ровно ничего не делал, если не считать получения жалованья.

Он целыми днями валялся на кровати, покуривал трубочку. Однажды Волков указал корейцу, что он своим курением портит воздух. Цзи Цзы ничего не сказал, надел водолазную маску и отправился на берег. Что он там делал, было неизвестно. Вероятно, в хорошие дни валялся на берегу. Но к обеду он являлся аккуратно.

— Здравствуй, Пунь, чего ты нам сегодня наворотила? — обратился Ванюшка к поварихе, заглядывая в горшки и сковороды. Морская капуста, соус, вероятно, тоже из водорослей, трепанги, иваси, еще какой-то пряно пахнущий неведомыми травами соус...

— Халасе нараватила! — весело ответила Пунь, потряхивая сковородку.

— Щец бы! — вздохнул Ванюшка, но Пунь не поняла его и начала в чем-то оправдываться.

Она вдруг быстро-быстро заговорила по-корейски, и ее тоненький голосок раздавался, как птичье щебетанье.

— Ладно уж! — покровительственно ответил Ванюшка и прошел в библиотеку. Стены этой комнаты были заставлены книжными шкафами. За круглым столом сидел Конобеев, наклонившись над иллюстрированным журналом.

— Мастодонт, читающий последние политические известия! — рассмеялся Ванюшка, увидав старика за таким

«неподходящим» занятием. Действительно, со своим громоздким телом, огромной бородой, руками, которые были способны задушить акулу, но не обращаться с книгой, он как-то не подходил к этой обстановке.

— Гляди, однако, — сказал Конобеев, с невероятными усилиями переворачивая корнеобразными несгибающимися пальцами страницу журнала.

— Краб лучше тебя листы ворочал бы. Чего смотреть-то, однако? — спросил Ванюшка.

Конобеев показал на снимок летящего аэроплана.

— Летают, однако!

— Ну и что же? — спросил Ванюшка, не поняв, что Конобеев в душе продолжает спорить со своей старухой, отстаивая право жить под водой. И, не ожидая объяснений Макара Ивановича, Ванюшка прошел в машинное отделение.

Там пахло особенно — «электричеством», как шутя говорил Ванюшка.

— Здравствуй, Гузик! Сегодня мы с тобой еще не видались! — весело крикнул Топорков молодому человеку, сидевшему спиной к нему на корточках около электрической машины.

— Вот тебе и два с половиной диэлектрическая постоянная эбонита! — ответил Гузик.

— Заговариваешься, братишка?

— А, это ты, Ваня? Здравствуй! — Гузик поднялся, отряхнулся и повернулся к Ванюшке лицом. Густые каштановые, немного вьющиеся волосы над высоким лбом и большие, очень прозрачные светло-серые глаза, всегда задумчивые, смотрящие куда-то вдаль, как бы пронизывающие вещественные предметы, — «рентгеновские», как выразился однажды Волков. Эти глаза невольно обращали на себя внимание.

Молодой инженер-электрик, ученый изобретатель Микола Гузик был прост, как ребенок, и феноменально рассеян. Но эта рассеянность относилась лишь к внешнему миру и внешним вещам, и происходила она оттого, что Гузик

умел так глубоко внутренне сосредоточиваться, что забывал обо всем окружающем.

— Идем обедать, что ли! — сказал Ванюшка.

— Да, да... — ответил Гузик и, переведя взгляд прозрачных глаз с неведомых мировых высот на динамо, опять уселся на корточки и начал возиться у машины.

— Микола-чудотворец! — закричал вдруг Ванюшка и начал трясти Гузика за плечи. — Довольно! Айда в столовую! — И он потащил своего ученого друга. — Макар Иваныч, обедать! — крикнул он мимоходом Конобееву.

В столовой уже сидел Волков. Пунь подавала на стол. К общему удивлению, Цзи Цзы не пожаловал к обеду.

— Где Кые Ца? — спросил Волков Пунь.

— Цолт зял (черт взял), — ответила она. — И пусть!

Гузик мог не есть целыми днями. Но, усевшись за стол и глубоко задумавшись, он ухитрялся незаметно для себя съедать и больше, чем надо. Однажды он один съел большую сковороду печенки, приготовленной для всех. Теперь молодой изобретатель принялся за соус, сделанный из морской капусты, и поглощал его с большим аппетитом, пронизывая Конобеева невидящим взглядом.

— А ну-ка, дай попробовать! — сказал Ванюшка, пододвигая к себе соусник и накладывая на тарелку.

Соус был очень вкусный и питательный, но Ванюшка недовольно повел носом.

— Не то! — сказал он, вздохнув.

— Непривычка, и больше ничего, — возразил Волков, — морская капуста вкуснее земной и гораздо питательнее. Когда ты привыкнешь, то не захочешь другой. И я уверен, что морская капуста скоро будет таким же необходимым блюдом за каждым столом, как картошка. Ведь картофель вначале тоже не хотели и даже боялись есть. Саранча, муравьи, ласточкины гнезда кажутся тебе омерзительными, а между тем у многих племен кушанья эти являются самым лакомым блюдом.

Ванюшка даже кулаком ударил себя по груди.

— Семен Алексеевич! Чувствую, понимаю! Если бы не

понимал, то и на дно бы не полез. Ради чего я полез? Ради этой самой морской капусты полез. Но только, Семен Алексеевич, не привык я еще. Вот Марфа Захаровна недавно угощала нас щами. Натуральными. Ах, невозможно забыть, Семен Алексеевич! Красота! — И вдруг, хлопнув Конобеева по спине, Ванюшка воскликнул: — Макар Иваныч, помнишь? Нет, как хочешь, а Марфу Захаровну мы сюда доставим. Если под водой у нас щами запахнет, совсем другой океан будет. Красота! Только как, Макар Иваныч? На какой бы крючок, на какую приманку нам эту рыбку поймать — Марфу Захаровну, то есть?

Конобеев вздохнул и даже ложку отложил в сторону.

— Не сделано еще такого крючка, на который можно было бы таких самостоятельных старух ловить, — отвечал он. — Греха боится, по глупости бабской. Староверка она у меня.

— А ты тоже старовер? — спросил Ванюшка.

— Был, да весь вышел, однако! — ответил Конобеев. — Темность.

Макар Иванович о чем-то глубоко задумался, потом, не окончив обеда, поднялся из-за стола и вышел.

— Скучает! — тихо сказал Ванюшка, кивнув вслед Конобееву. — Эх ты, крученье-мученье с этим полом, с длинным подолом.

А Конобеев прошел в свою комнату, хмурый, озабоченный. Его густые брови, усы и борода топорщились и беспрерывно шевелились. Он надел водолазный костюм. Старику хотелось на берег, но на глаза Марфе Захаровне он не решался показываться. И он отправился далеко на юг, на разведки. Эти разведки Конобеев очень любил. Потом он докладывал обо всем виденном под водой Волкову: где какая почва, где растут водоросли, где они не растут, но расти могут.

Конобеев пробродил целый день, вернулся поздно ночью, улегся на полу — он не любил спать на кровати — и начал так ворочаться и вздыхать, что разбудил Гузика.

— Чего вы ворочаетесь, Макар Иванович? — спросил его Микола.

— К непогоде. Тайфун будет, — отвечал Конобеев. — Всегда чую!

Но не одно приближение тайфуна заставило его ворочаться и вздыхать по-слоновьи. Ему было жалко старуху, Марфу Захаровну, которая в эту ночь ворочается одна в китайской фанзе под елью. Ель шумит, дверь скрипит, собака воет, а она одна...

Жалко старуху, но и бросить воду он не может. Нет, никак не может! Да и как бросить налаженное дело, шутка ли?

Макар Иванович начал вспоминать свою жизнь вплоть до того момента, как он встретился с Волковым.

Глава 4

ПОДВОДНЫЙ СОВХОЗ

Конобеев родился и вырос в Приморье. Отец его был зверолов. И Макар Иванович еще десятилетним мальчишкой уже ходил с отцом на медведя. Сколько он их потом уложил на своем веку, выходя на зверя «один на один»! Но не в пример отцу, который был настоящим «лесным человеком», у Макара Ивановича была общественная жилка. Еще в старое время, до революции, он пытался организовать артель охотников и рыболовов. Но из этого ничего не вышло. Конобеев доверчиво роздал членам артели деньги, которые скопил, продавая пушнину; его обманули, ушли с деньгами и не вернулись.

После революции Макар Иванович перекочевал к самому берегу океана и занялся рыбной ловлей — сначала один, потом небольшой артелью от Дальсельсоюза. Но время от времени в нем просыпался охотник, и он бросал невод и острогу, чтобы взяться за ружье и рогатину. Во время этих охотничьих запоев Конобеев и встретился с агрономом Волковым, тоже завзятым охотником. Они скоро подружились, как два истых профессионала.

Волков не так давно поселился в Приморье. Раньше он работал в Белоруссии по колхозному строительству. Но у него была беспокойная натура. Наскучив работой землеме-

ра, он пристроился к одной научной экспедиции, которая отправлялась на Дальний Восток. Красота и своеобразие этого края так пленили Волкова, что он остался там жить.

У него было настоящее чутье охотника и меткий глаз. Если Конобеев «стоил» четырех десятков медведей, то у Волкова были другие заслуги: он собственноручно убил двух тигров, — неплохой стаж для новичка. Правда, одного тигра ему пришлось убить, случайно наткнувшись на него и обороняясь. Лишь исключительное хладнокровие и находчивость спасли ему жизнь. Тигр был убит, но, уже издыхающий, успел царапнуть щеку Волкову одним коготком, оставив отметину на всю жизнь.

Сидя у костра, Конобеев и Волков рассказывали друг другу бесконечные истории из охотничьей жизни.

Однажды утром они вышли на берег моря. Стоял конец октября. Погода была на редкость тихая. На океане отлив обнажил отмели с наметанными на них кучами морских водорослей. Недалеко от берега два японца занимались странным занятием. Один из них сидел в тупоносой лодке, нагруженной связанными в пучок бамбуковыми ветвями. Второй японец, поставив голую ногу на край лодки, другой ногой, налегая всей тяжестью тела, наступал на конический заступ, имевший две рукоятки, как в детских ходулях. Поднимая и опуская заступ, он двигался вдоль борта лодки; следуя за ним, его товарищ брал пучки бамбуковых веток и втыкал их в дно.

Волкову впервые приходилось видеть такое зрелище.

— Что они делают? — спросил он Конобеева.

Старик усмехнулся.

— Капусту садят!

— Нет, в самом деле?

— Однако в самом деле капусту садят, — ответил Конобеев. — Морскую капусту.

— Но ведь это не капуста, а ветки бамбука.

— Ну да, ветки бамбука. Вишь ты, какая штука: когда морская капуста выпустит семя...

— Споры?

— Никаких споров. Обыкновенное семя. Семя это летит по воде, как пыль по воздуху. А вот эти самые кусты задерживают семя. И на этом месте начнет капуста расти. Место тут неглубокое, удобное для того, чтобы капусту потом палками с крючками срывать. Вот они и садят ветки. Огород, значит, разводят, вроде как подводные земледельцы. Однако к нам лезут! Тесно у них на островах, податься некуда, вот и лезут. Да нешто одни японцы нас обирают? А американцы что делают? Глаза бы не видали! Одних котов[1] тыщами изводят.

— Макар Иваныч, это что же такое? Контрабандная реквизиция общественного достояния? — услышал Волков чей-то молодой голос и обернулся. Перед ним стоял веселый черномазый юноша, сверкая белыми зубами. На нем была надета кепка, толстовка и кожаные штаны, заправленные в огромные рыбацкие сапоги с голенищами выше колен.

— Ванюшка? Здравствуй! — отозвался Конобеев и, обратившись к Волкову, пояснил: — Ванюшка Топорков в нашей артели работает. Комсомолия. Ты чего не на работе? — спросил он Ванюшку.

— Выходной я, Макар Иваныч! Я говорю: что это делается? Здравствуйте, гражданин, — поздоровался он с Волковым. — Как они смеют грабить достояние!

— Я и то говорю... Тесно у них, — ответил Конобеев.

— Знаю, что тесно, — не унимался Ванюшка. — Да ведь кто грабит? Подручные Таямы Риокицы, промышленника толстопузого. Он же бедняку-японцу и продаст эту капусту за четыре дорога, а бедняк опять голодный будет. Гнать их отсюда без всяких дипломатических нот. Эй вы! — крикнул он, замахнувшись ракушкой на японцев. — Брысь отсюда! Что за безобразие, фут возьми! Брысь, брысь! — И он решительно зашагал к лодке прямо по воде, поднимая тучи брызг.

Японцы о чем-то быстро поговорили между собою, по-

[1] Морских котиков.

том положили в лодку заступ и взялись за весло. Скоро лодка скрылась из вида.

Трое — Конобеев, Ванюшка и Волков — уселись на берегу. Над ними с пронзительными криками летали чайки. Куда-то в сторону тянули бакланы. Совсем недалеко от людей спокойно ходили кулики и клевали.

Макар Иванович вынул кисет, набил зеленоватым табаком трубку с коротким мундштуком, закурил, затянулся и начал медленно говорить:

— Однако теперь морской капусты совсем мало у нас добывают. А раньше много больше добывали. В Китай, в Японию продавали... И чего это столько добра зря пропадает! Глядеть жалко!

— Миллионы миллионов, — поддержал Ванюшка.

— Да, а если бы нам самим взяться за разведение морской капусты, как это японцы делают, — задумчиво сказал Волков, — мы могли бы удесятерить сбор и сбыт капусты. А если все это механизировать, машинизировать...

— Совхоз! О! — воскликнул Ванюшка. — Это... это, фут возьми, что такое? Экспортный товар. Валютный! А? Что ты скажешь, дед Макар?

— Однако хорошо было бы, — подумав, ответил Макар Иванович.

Ванюшка вдруг вскочил, как с горячей плиты. Он ударил кулаком правой руки по ладони левой и заговорил, как на собрании:

— Граждане, кто за подводный совхоз? Единогласно! Ах, фут возьми! Вот это будет номер! — И он размечтался, захваченный необычайностью идеи: — Мы будем работать под водой в водолазных костюмах. Мы выстроим на дне настоящие города. Проведем дороги. Наставим электрических фонарей. И по этой подводной дороге будем ездить на подводных автомобилях к подводным знакомым! Вот так фут возьми! Работать мы будем на подводных тракторах... А как, телефонные провода можно в воде прокладывать? — спросил он Волкова.

— Можно, только хорошо изолировать их. Кабели называются.

— Будут у нас телефоны, и радио, и уха каждый день, потому что с рыбами в одной квартире. Прямо воду нагревай и уху ешь!

Он забрасывал Волкова вопросами: хорошо ли под водою видно, слышно ли звуки, которые издаются над водой, как изменилась бы жизнь, если бы человечество жило в океане.

— Ведь нам объясняли, — говорил он, — что все живое вышло из воды. А вот если бы и обезьяны, и сам человек развился в воде?

— Однако далеко хватил! — сказал Конобеев. — Мы про капусту начали говорить. — Эти слова охладили фантазию Ванюшки и вернули его к практическим вопросам.

— Прежде чем думать о том, чтобы жить под водой, надо подумать об усовершенствовании водолазных костюмов, — сказал Волков. — В современных водолазных костюмах долго не проработаешь, да и слишком это сложно и дорого. Ведь наша задача должна сводиться к тому, чтобы завести правильное хозяйство — садить морскую капусту японским способом на новых участках земли. Японцы могут втыкать свои бамбуковые ветки лишь на очень небольшой глубине, там, где вода над плантацией при отливе не превышает одного-полутора метров. Работать на большой глубине не позволяют их несовершенные орудия. Конический заступ не сделаешь слишком длинным, иначе с ним трудно будет обращаться, а садить кустики в сделанные ямы, ныряя с лодки, слишком трудно и утомительно, на значительной же глубине и невозможно. Если же сконструировать хороший, удобный водолазный костюм, не связанный с определенной базой, то площадь подводных плантаций можно увеличить во много-много раз. Можно, конечно, механизировать и копание ямок, хотя о подводных тракторах и автомобилях нам мечтать пока не приходится. Трактор без горючего не двинется, а горение под водой...

— Можно двигать электричеством, — не унимался Ванюшка. — Вот подождите, я напишу своему приятелю в Ле-

нинград. Он электротехник и изобретатель. Он работает в лаборатории самого академика Иоффе. Слыхали про такого? Он нам — не Иоффе, а приятель мой, Микола Гузик, — и водолазные костюмы придумает, и подводные тракторы. А может, и сам Иоффе поможет. Башковитый малый!

— Однако на все это нужна монета, — опять охладил Конобеев юношеский пыл Ванюшки.

— А много? — спросил Топорков дрогнувшим голосом, повернув голову к Волкову.

— Очень много, — ответил тот.

Наступила пауза. Три головы усиленно думали. Ванюшка, забыв о деньгах, опять фантазировал, Конобеев вспоминал свои неудачи с организацией артели, а Волков думал, можно ли создать подводный совхоз хотя бы на самых скромных началах. Безусловно, сделать можно многое, даже не переселяясь на дно океана. Главный вопрос в деньгах. Дело новое и может встретить естественное недоверие...

— Валюта! Вот она! Бери ее! — крикнул Ванюшка, продолжая ткать нить своих мечтаний, и так махнул руками, что спугнул стайку птиц, клевавших почти у самых его ног.

На этот раз не было принято никакого практического решения. Однако начало было положено. Эти три случайно сошедшихся человека представляли уже некоторую силу. Один без другого они едва ли смогли бы что-нибудь сделать и, вероятно, ограничились бы только тем, что помечтали бы о подводных плантациях и вернулись каждый к своим делам. Но при сложении этих трех человеческих величин, вопреки школьной арифметике, сумма была равна трем плюс икс. Этот икс являлся как бы процентом на капитал объединенного труда. Недаром кипящая вода весит несколько больше, чем при температуре замерзания. Ванюшка, Конобеев и Волков дополняли друг друга. У Ванюшки был «огонь», фантазия, смелость мысли, не связанной старыми предрассудками, искрящийся энтузиазм молодости. Конобеев имел практическую сметку и долгий-долгий житейский опыт, а Волков обладал знаниями и упорством в достижении цели. Огонь сжигает, вода гасит огонь. Но если на огне Ванюшкиного энтузиазма подогреть холодную воду конобеевского жизненного опыта в котле волковского знания, то может получиться пар, который будет двигать машину!..

Друзья (они были уже друзьями, связанными общей идеей) решили встретиться через несколько дней.

Глава 5

ПИСЬМО МИКОЛЫ ГУЗИКА

Через несколько дней Волков, Конобеев и Ванюшка встретились на заранее условленном месте на берегу моря.

— Идет дело на лад! — воскликнул Ванюшка. — Я написал Гузику в Ленинград. Он, понимаете, из ударной бригады послан в вуз. Башковитый малый. И мой приятель. Одно время мы с ним вместе работали, там и подружились.

— Однако из этого дела ничего не выйдет, — неожиданно сказал Конобеев, шевеля усами и густыми бровями. — Я говорил с нашим артельным завом. Спрашиваю его: что, мол, если бы начать капусту разводить, как японцы, можно ли на это деньги из артели получить или из Дальсоюза. А зав говорит, что и думать нечего. Сажать капусту, говорит, нечего; одним прибоем, говорит, тысячи тонн на берег выбрасывает, так и гибнет, ни себе, ни людям. Эвона сколько! — и Конобеев указал на груды гниющих водорослей, выброшенных волнами на берег.

— А вон смотри! Это что? — воскликнул Ванюшка, указывая на лодку, в которой сидели два уже известных японца. Они продолжали сажать кусты бамбука. — Покажи нашему заву.

— То дело десятое, однако, — возразил Конобеев. — Японцы у себя всю морскую капусту до последнего кустика выщипывают, можно сказать, дно языком вылизывают, а у нас что? Хы! Собака на сене.

— А ты что раньше сам говорил? — вспылил Ванюшка.

— Говорил, что неплохо бы.

— Семен Алексеевич! Что же это такое? — спросил Ва-

нюшка, покрасневший от волнения и разочарования. — Это же трудовое дезертирство. Неверие!..

— Я думаю, что Макар Иванович не прав, — ответил Волков. — Из того, что мы плохо используем свои природные богатства, вовсе не следует, что мы и не должны их использовать. Наоборот, надо использовать то, что сам океан на берег выбрасывает, что еще хранится в его водах, и то, что можно создать своими руками. Я навел кое-какие справки. Сейчас нами добывается водорослей свыше восьми тысяч тонн, а в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году добывалось больше десяти тысяч! — Ванюшка свистнул. — Тогда мы продавали капусту в Китай в качестве пищевого продукта. Макар Иванович прав — сейчас мы добываем меньше, чем раньше. Слушайте дальше. Химические исследования, произведенные не так давно, показали, что морская капуста действительно содержит много питательных веществ и годна и для питания человека, и для корма скота. В ней содержится от шести до тридцати процентов белка и немного жира — примерно процента полтора-два. Таким образом, в капусте есть все необходимые для питания вещества. Японская капуста «аманори» богата протеином[1] и является очень хорошим питательным веществом. Японцы большие мастера приготовлять из аманори различные кушанья. Они кладут высушенную капусту в приправы или едят ее отдельно приготовленной. Особенно вкусными получаются консервы аманори с бобовой соей.

— Слыхал? — спросил Ванюшка Конобеева, многозначительно кивая головой.

— Однако все это я слыхал, когда еще тебя на свете не было, — отозвался старик.

— Мы могли бы отправлять капусту и на внутренний и на внешний рынки. Но морская капуста, — продолжал Волков, — может быть использована не только как питательное вещество. Из золы ее получаются очень ценные удобрения,

[1] Протеины — белковые вещества, встречающиеся в растениях в виде крупных зерен.

так как в ней имеются калиевые соли. Америка добывает этих солей из водорослей на много миллионов долларов ежегодно. Наконец, в водорослях много солей, йода, брома и даже мышьяка. В 1916—1917 годах здесь был завод, который давал до тысячи килограммов йода в год. «Ляминария дигитата» содержит три процента йода и до двадцати пяти процентов углекислого калия. В пищу наиболее часто употребляются «ульва» из зеленых водорослей, «порфира» и «редимениа» — из красных, «аляриа» и «ляминария».

— А сколько всего можно добыть водорослей? — спросил Ванюшка.

— Один американец высчитал, что в Тихом океане один только вид водорослей — «макроцистис» — может дать тысяч шестьдесят тонн ежегодной жатвы. А запасы всех видов водорослей невозможно сейчас даже учесть.

— Эвона, однако! — сказал Конобеев, проведя широко рукой с севера на юг. — По берегам всего Татарского пролива до бухты Пластун, по берегам Сахалина и на полдень аж до самой Кореи. Неисчислима, как песок морской!

Новое экстренное собрание было созвано Ванюшкой, когда он получил ответ от Миколы Гузика.

«Ты, Ванюшка, спрашиваешь меня о водолазных костюмах. Наилучшие из них — японские. Это аппарат, который закрывает нос и глаза (очки). В японских костюмах можно погружаться до 80 м. Глубже опускаться в таких аппаратах затруднительно (давление воды: погружение на каждые 10 м увеличивает давление примерно на одну атмосферу). Для более глубокого погружения существуют жесткие аппараты, в которых можно опускаться на глубину 200 м. В таком аппарате давление воды поглощается стенками. Среднее погружение в мягком аппарате — 40 м. Но и при жестком и при мягком аппарате водолаз связан со своей базой (подача воздуха). Освобождение водолаза от базы (относительное) может быть достигнуто снабжением аппарата сжатым воздухом. Но это «освобождение», как я сказал, относительное. Полную независимость от базы водолаз не может получить уже потому, что в воде трудно ориентироваться (на глубине

8 м в самое светлое время можно видеть по горизонтальному направлению не далее 2—4 м).

Так обстоит дело с существующими аппаратами. Но...»

Ванюшка прервал чтение и, подняв указательный палец руки вверх, сказал:

— Дальше идет самое интересное!

«...но изобретение нашей лабораторией нового компактного аккумулятора открывает большие горизонты в самых многочисленных областях применения электрической энергии, в том числе и в водолазном деле. Представь себе маленькую коробочку — вроде спичечной. И вот в этой коробочке, которую ты легко можешь положить в жилетный карман (если ты уже обзавелся жилетом), содержится запас электричества, достаточный для того, чтобы в продолжение нескольких суток двигать автомобиль с предельной скоростью. В твоем жилетном кармане спрятана «электростанция» в несколько сот лошадиных сил. Этой энергией ты можешь неделю освещаться, отапливаться, можешь вращать ею мельничные жернова, приводить в движение станки, тракторы. Я решил применить аккумулятор к водолазному делу. Ты дал мне идею! Я создам совершенно новый вид водолазного аппарата.

Ты, вероятно, знаешь, что кислорода, необходимого для дыхания, в природе более чем достаточно. В атмосфере его 23%, в земной коре — 47,2%, а в морях и океанах — 85,8%, то есть больше, чем в воздухе и земной коре, вместе взятых. Этот кислород надо только извлечь из воды. А извлечь его можно при помощи электролиза. При помощи аккумулятора водолаз получит из морской воды воздух, разлагая воду электричеством. Вся «лаборатория» для добывания кислорода будет помещаться за спиной в ящике величиною не больше походного ранца. Но этого мало. Тот же аккумулятор даст ток и для сильной лампы в тысячу и больше свечей. Лампа будет помещаться над головой водолаза и освещать ему подводные окрестности на несколько десятков метров. Наконец еще одно. В своем ранце ты можешь иметь не один, а два, три, десяток аккумуляторов. Ты «всосешь» в аккумуляторы электричество целой электростанции. Ты сам станешь ходячей электростанцией. И ты сможешь использовать электрический ток еще в одном направлении: для вращения небольшого винта, который позволит тебе плавать с большой быстротой. Ты понимаешь, какие перспективы это открывает? Ты станешь настоящим морским жителем, ты будешь проплывать под водой десятки и сотни километров. Тебе не нужно будет иметь никакой базы, с которой бы ты был связан. Если захочешь, ты сможешь даже поселиться под водою. Ваш план о подводном земледелии заинтересовал многих моих приятелей-ученых. Они считают этот план вполне осуществимым и многообещающим. Сейчас я произвожу опыты, конструирую новый водолазный аппарат. Когда все будет готово, я напишу тебе. Сообщи, как идут у вас дела с организацией подводных плантаций. Эта мысль так заинтересовала меня, что, пожалуй, я сам не удержусь и прикачу к вам пробовать мой водолазный костюм.

М. Гузик».

Ванюшка опустил письмо на колени и посмотрел на слушателей. На них письмо, видимо, произвело большое впечатление, особенно на Волкова, который понял в нем гораздо больше, чем Конобеев. На Макара же Ивановича произвело впечатление то, что о разведении подводной капусты знают в Ленинграде ученые люди и что они находят это дело осуществимым и хорошим. У всех настроение поднялось. Конобеев хлопнул по коленям огромными лапищами и сказал глухим басом свое любимое:

— Однако!.. Выходит так, — продолжал он после паузы, — что дело на мази. Остановка за деньгами.

— Макар Иваныч, ты же сейчас говорил, что из этого дела ничего не выйдет.

— В Ленинграде сидят люди поумнее нашего зава, — ответил Конобеев.

— Теперь надо только обхлопотать это дело, — сказал Ванюшка. — В Далькрайсоюз пойдем, в Амурсельсоюз толкнемся, все краевые учреждения облазим. А если здесь поддержки не найдем, до Москвы доберемся. На этакое дело

деньги должны найтись. И мы найдем их! В лепешку разобьемся, а достанем!

На том и порешили.

С этого дня начались для подводных земледельцев «хождения по мукам».

В одном краевом учреждении их принял хмурый человек в очках. Он слушал их, покуривая папиросу и пощипывая реденькую мочальную бородку. Иногда поднимал правую бровь, что у него выражало удивление, иногда едва заметно усмехался краешком губ и складками в углах век. Ванюшка на этот раз решил действовать прямо и изложил весь план о подводном земледелии, о подводных плантациях, насаждаемых водолазами, о грандиозных цифрах добычи капусты. Только о подводных тракторах он не решился сказать. Но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы заставить хмурого человека развеселиться. В конце доклада Ванюшки хмурый человек показал даже свои кривые зубы, обнаженные улыбкой. Надо ему отдать справедливость, он умел слушать.

Когда Ванюшка окончил, вытер вспотевший лоб и уселся на стул, как подсудимый, сказавший свое последнее слово, хмурый человек, не переставая улыбаться, поправил очки и сказал:

— Так! — Голос его с хрипотцой не предвещал ничего хорошего. — Грандиозно! Великолепно! — Он затянулся папироской и, переменив тон на деловую скороговорку, неожиданно начал сыпать слова, как горох: — Но нужно ли весь этот подводный огород городить, дорогие мои? Знаете ли вы, какую площадь занимает Дальневосточный край? — Хмурый человек поднялся и указал на карту, висевшую на стене. — Вот, полюбуйтесь!

— Видали! — не очень-то любезно ответил Ванюшка.

Хмурый человек посмотрел на него строго, как учитель на ученика, который перебивает учителя, и продолжал:

— Дальний Восток занимает площадь в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. Вы понимаете, какая это махина? Для примера можно сказать, что на поверхности Дальневосточного края укладывают-

ся Италия, Бельгия, Румыния, Португалия, Чехословакия, Финляндия, Дания, Франция, Германия, да еще останется излишек без малого в полмиллиона квадратных километров. А населения во всем крае меньше, чем в одной Москве! Если бы плотность Далькрая была такая, как, скажем, в Полтавщине, то есть около семидесяти пяти человек на квадратный километр, то в наших привольных местах можно было бы разместить сто семьдесят восемь миллионов пятьсот шестьдесят тысяч человек, — больше, чем во всем СССР! Есть где разойтись! Земли непочатый край. Мы еще далеко не освоили этого огромного участка земной суши. Пашите, насаждайте плантации, садите огороды, сколько вашей душе угодно. Устраивайте совхозы, колхозы, фермы. Не проще ли это, чем лезть под воду, чтобы насаждать морскую капусту? — И хмурый человек победоносно посмотрел на Ванюшку поверх очков. Ванюшка не сдавался.

— Но разве это противоречит одно другому? — спросил он. — Пусть кто хочет пашет землю, а мы хотим пахать дно океана, потому что это даст нам экспортный товар, валюту. Мы желаем использовать природные богатства края. Мы...

Но человек в очках был против «фантастических проектов».

Друзья ушли ни с чем. Сколько еще таких диспутов, стычек, разговоров пришлось им вести, прежде чем, наконец, необходимые суммы были отпущены! Рабкоры писали корреспонденции, шумели, «бузили». Волкову и Ванюшке пришлось побывать даже в Москве.

Глава 6

В «МОРЕ-ОКИЯНЕ»

Самый трудный и скучный период организации кончился. Дальше начиналось дело. В мае приехал Гузик с несколькими водолазными костюмами. Приезд этот был целым событием в жизни подводных земледельцев. Предстояла проба аппаратов. Гузик, Волков, Конобеев и Ванюшка выехали на катере. Океан был спокоен, погода отличная.

У друзей было веселое, радостное настроение. Расположившись на палубе катера, Гузик показывал аппараты и давал объяснения:

— Вот это — «летний» костюм. Он устроен по типу японских водолазных костюмов для небольшой, сравнительно, глубины — метров до семидесяти. Летним я его называю потому, что весь он состоит только из наносника с очками, фонаря да ранца-лаборатории, где аккумулятор превращает морскую воду в кислород. Надев этакую маску на лицо и привязав ранец за спину, можно опускаться на дно голым, что, конечно, приятно лишь в теплое время года, когда тепла и океанская вода. В таком «костюме» из носа и очков вы будете иметь полную свободу движений. Для подводных работ это очень ценно. Этих аппаратов я привез пока парочку, но сделать их можно очень много в короткий срок.

— Заткнем за пояс японцев! — весело сказал Ванюшка, примеряя маску. — Хорошо! Очень хорошо! — хохотал он, поглядывая на себя в маленькое зеркальце. Конобеев протянул лапищу ко второму аппарату. Но Макара Ивановича ждало разочарование. Каучуковый наносник покрывал лишь самый кончик его носа — уж очень велик да мясист был нос Макара Ивановича.

— Не с твоим носом водолазом быть, Макар Иваныч! — шутил Ванюшка. — Этот нос семерым бог нес, одному достался. Впрочем, если отрезать с килограмм, то, может быть, и войдет.

— Однако нечего зубоскалить, — обидчиво отвечал Макар Иванович. — И ничего плохого нет. Сказано: чем носовитей, тем красовитей.

— Не печальтесь, Макар Иванович. Я вам сделаю аппарат по особому заказу. Каучука и на ваш нос хватит, — успокоил старика Гузик.

А оглашенный Ванюшка уже сверзился за борт в своей маске, нырнул, но скоро выплыл наружу, едва не задохнувшись. Он еще не привык вдыхать кислород носом, а выдыхать углекислоту ртом. К аппарату надо было привыкнуть.

— Успеешь еще наглотаться морской воды! — крикнул ему Гузик. — Лезь, слушай дальше!

Ванюшку подняли на борт.

— Харафо, только вода в рот лезет! — сказал Ванюшка.

— Это — «зимний» костюм, — продолжал свои пояснения Гузик. — Это, собственно, обычный водолазный костюм, если не считать того, что снабжение кислородом происходит из собственного «газогенератора». Но тут, впрочем, есть еще одно маленькое усовершенствование, — скромно заявил он. — В материи — подкладке костюма — имеются металлические нити, которые соединены с аккумулятором. Нити могут нагреваться и давать тепло. В таком костюме можно, не боясь схватить насморк, опускаться в ледяные волны Ледовитого океана или подниматься на высоту в десять тысяч километров над поверхностью Земли.

Наконец последнее — жесткий аппарат для подводных глубин, — продолжал Гузик. — В нем можно погружаться на триста метров и более. Он снабжен особо сильными фонарями. Не знаю, понадобится ли вам этот аппарат. Ведь уже на глубине пятидесяти метров дно опустевает, а на глубине четырехсот — нет крупных водорослей. Морская флора сосредоточена на узкой полосе, идущей не далее полутораста морских миль от берега. А дальше и глубже все бесконечное протяжение дна морей является пустыней, лишенной всякой растительности.

— Да, но нам жесткий аппарат может понадобиться для исследовательских целей. В конце концов дно океана изучено далеко не полно, — возразил Волков.

В тот раз на дно моря погружались Волков и Ванюшка, а толстоносый Конобеев только с завистью смотрел на них и крякал с таким огорченным видом, что Гузику стало жаль старика, и он обещал изготовить наносник кустарным способом здесь же, на месте, в своей временной лаборатории.

И уже в следующую поездку Конобеев с удовольствием натянул на свой грушевидный нос черную резиновую покрышку. В больших очках, с огромным черным носом, с седой бородкой и длинными усами он выглядел необычайно комичным.

— Прямо водяной! — кричал Ванюшка, покатываясь со смеху.

— Еще поважнее, сам Нептун — морской бог! — отзывался Волков, вторя Ванюшке.

— Нептун Иваныч! Здорово!

Так и пошло за Конобеевым этот «Нептун Иваныч».

* * *

Рыбаки и охотники живут в мире случая, удачи, риска, приключения, неожиданности. Это накладывает особый отпечаток на их психологию. Будничная обстановка, лишенная острых переживаний, неожиданностей и риска, кажется им скучной и пресной. Им нужна вечная игра с огнем, опасностями; им нужна новизна и острота впечатлений. Таков был и старик Конобеев. Охотничьи чувства и инстинкты с годами не угасали, а сильнее разгорались в нем. Его серые глаза под мохнатыми черными бровями оживали, загорались искрами, когда ему приходилось бороться с волнами или диким зверем. И вот теперь предстояло ему новое удовольствие, неиспытанное ощущение, быть может, целая цепь новых приключений. Бедная Марфа Захаровна! Ее ждали новые испытания, новая полоса одиночества. Когда ее спрашивали, где муж, она лишь безнадежно махала рукой.

Конобееву предстояло опуститься на дно океана, того самого океана, который безжалостно поглощал рыбаков, их сети и добычу; отправиться в гости к рыбам, посмотреть, как они там живут-поживают. В водолазной полумаске Конобеев чувствовал себя сказочным морским царем. Гузик, несколько волнуясь, объяснял старику, как надо вдыхать и выдыхать воздух, но Конобеев отмахивался с таким видом, словно он всю жизнь ходил в этой полумаске и родился на дне океана.

— Однако не задохнусь! — говорил он. — Вот только одно плохо: курить там нельзя. Сделай милость, Микола, придумай как-нибудь, чтобы я с трубкой мог ходить. — Гузик, смеясь, обещал придумать.

Конобеев хорошо помнит, как он впервые в рубахе и

портах (так старик считал приличнее — трусов он не признавал) опустился на дно океана. Вода была прохладная и приятно покалывала закаленное тело, заставляя двигаться быстрее, как на морозе. С дыханием Макар Иванович — отличный пловец и нырец — скоро справился, пуская через рот струю пузырей. По этим пузырям в штиль с поверхности легко было определить, где находится водолаз.

Погрузившись в таинственный полумрак морского дна, Макар Иванович от удовольствия фыркнул и зашагал в глубину. Засветил фонарь. На свет собралось неимоверное количество рыб посмотреть на невиданное зрелище. Они оказались любопытными не меньше людей.

«Рыб-то, рыб сколько! — думал Конобеев, приходя в рыболовный восторг и хватая их прямо руками. — Экая досада, сети не захватил! Однако теперь вы от меня не уйдете!» — И он шагал по подводному лесу водорослей, окруженный полчищами рыб, блестевших боками при повороте, как серебряные ножи. Это было так забавно, необычайно и красиво, что Конобеев вдруг, забыв, где он находится, загоготал во всю силу легких, пустив на поверхности столько пузырей, что сидевшие на катере серьезно обеспокоились за старика. Правда, пузыри вскоре начали появляться регулярно, но они удалялись все дальше и дальше. Скоро их не стало видно.

Конобеев для первого раза гулял несколько часов подряд, почти до захода солнца. Вернулся возбужденный, сияющий.

— Ну и жизнь под водой, однако! — сказал он. — И зачем это люди на земле живут, а не в море-окияне?

Глава 7

ТАЙФУН

Как ни приятно было бродить по неизведанным тропам подводной тайги, Макару Ивановичу пришлось сдержать свои охотничьи страсти и приняться за дело. А работы было хоть отбавляй.

Японские рыболовы и браконьеры, шнырявшие у наших берегов, с удивлением и неудовольствием поглядывали на большую белую палатку, которая появилась в одну ночь на берегу небольшой реки, впадающей в океан. Это был «главный штаб», где жили Ванюшка и Волков. Скоро рядом с этой палаткой появились другие; через несколько дней на берег было навезено много досок, бревен, кирпичей. Завизжали пилы, застучали топоры. Стали расти временные бараки.

В числе приглашенных рабочих было много японцев и китайцев, которые должны были приготовлять капусту так, как она приготовляется у них на родине. А русские рабочие учились у японцев и китайцев. Волков заботился о том, чтобы экспортный товар удовлетворял всем требованиям заграничных потребителей морской капусты. Извлеченные из воды водоросли промывали в особых чанах, очищали от песка и ила, сортировали вручную, еще раз очищали, мелко изрезывали и клали ровными слоями определенного размера на бамбуковых циновках, разостланных на открытом воздухе в наклонном положении. Из этих слоев водорослей получались сухие пластины. Высушенные пластины, склеившиеся в желатинообразную массу, отдирались от циновок и прессовались для придания им равномерной толщины. Плитки в 25×30 сантиметров складывались по десяти штук и аккуратно связывались. Волков обращал большое внимание на то, чтобы плитки были приготовлены аккуратно и одинаково, как плитки шоколада.

Задумчивый Гузик, постояв однажды на берегу, где производились эти работы, сказал:

— Человеческие руки хорошо устроены, но их можно было бы устроить еще лучше. — И, посидев несколько вечеров над чертежами и расчетами, он придумал несложные, но очень целесообразно устроенные машины для сортировки и резки водорослей. После этого работа пошла еще быстрее и аккуратнее.

Старания Волкова и Гузика увенчались успехом. Японские и китайские покупатели-оптовики скоро оценили качество советской заготовки и начали предъявлять усилен-

ный спрос. Старые купцы-японцы, получив образцы, долго мяли в руках гибкие, тонкие, как писчая бумага, пластинки, присматриваясь к пурпурно-коричневому цвету со светлыми крапинками и слегка блестящей поверхности, взвешивали на руке, нюхали, пробовали на зуб, любовались аккуратной обработкой и упаковкой — и заявляли:

— Да, это хорошо!

Скоро пришлось удвоить, утроить, удесятерить число рабочих. Работа кипела. Водоросли, выброшенные бурями и волнами на берег, также не пропадали. Их пережигали в золу, добывая щелочи, или отвозили на небольшой завод для добывания йода. За первые полгода завод дал более двух тысяч килограммов выхода йода.

Однако добывать водоросли приходилось пока почти исключительно старым японским способом на сравнительно мелких местах: рабочие на лодках скользили вдоль берегов с шестами в руках. На конце шестов были крючья, которыми водоросли зацеплялись и извлекались на поверхность и укладывались на лодку, пока она не наполнялась доверху. Добычу отвозили на берег и снова отплывали «щипать траву», как говорил Ванюшка. Ему не терпелось скорее перенести работу на дно и пустить в ход подводные сельскохозяйственные машины: тракторы, косилки...

Волков, Ванюшка, Гузик и Конобеев ежедневно опускались в водолазных костюмах на дно океана и ходили по своим будущим подводным плантациям, производя нивелировочные и землемерные работы.

С первых же шагов выяснилось, какие огромные перспективы открывает водолазная обработка. В то время как японцы своим обычным способом могли обрабатывать плантации на небольшой глубине в три-пять метров, подводные земледельцы, снабженные гузиковскими водолазными костюмами, имели возможность работать на глубине нескольких десятков метров. А это расширяло площадь подводной агрикультуры на многие тысячи гектаров. Огромные пространства на глубине двадцати—пятидесяти метров

не нужно было и засевать: они уже были покрыты густыми зарослями водорослей, богатых йодом.

Летом, в конце июня, разразился сильнейший тайфун. Конобеев первый предсказал его приближение по таинственным, одному ему известным приметам. Накануне он долго смотрел на безоблачное небо, на синюю спокойную гладь океана, нюхал воздух, раздувая ноздри мясистого, поросшего волосами носа, качал головой и ворчал:

— Будет буря, однако. Тайфун идет. Надо бы убрать палатку.

— Мы укрепим ее, — беспечно сказал Ванюшка. Конобеев махнул безнадежно рукой:

— Чем укрепишь-то, однако? Тайфун деревья с корнем выворачивает, а не то что закрепы. Уходить надо. В пещеру уходить.

Гузик обеспокоился за свои инструменты — в его палатке находилась походная лаборатория и много ценных точных приборов и аппаратов. Недалеко от берега была гора с большой пещерой, куда Гузик и перенес свои сокровища. Скептик Волков не пожелал двинуться с места, хотя Конобееву удалось все же настоять на том, чтобы убрали в пещеру водолазные костюмы.

Ночь была тихая, душная, влажная. Ни один лист не дрожал на дереве. Природа словно замерла в ожидании. Волков сидел в своей палатке и при свете электрической лампы, питаемой все тем же аккумулятором, работал, склонившись над простым сосновым столом. Ванюшка на другом столе щелкал на счетах, одновременно слушая радиопередачу. Вдруг он приподнял голову и палец, которым считал, и посмотрел на Волкова.

Прядь тонких рыжеватых волос спустилась на лоб Волкова, голубые глаза при свете лампочки казались почти синими. Тень углубляла шрам на щеке. Губы были плотно сжаты, лоб изборожден легкими складками, говорившими о большом напряжении мысли. Ванюшка сидел не шелохнувшись, с приподнятым средним пальцем правой руки. Потом вдруг соскочил со стула и бросился к Волкову, позабыв

снять с головы радионаушники. Он потянул за собой радиоприемник и едва не разбил лампы.

— Семен Алексеевич! Макар Иваныч правду сказал! — воскликнул Ванюшка взволнованным и несколько торжественным голосом.

— Не мешай, Иоганн, — отозвался Волков и зашевелил губами, собирая рассеянные мысли.

— Семен Алексеевич! — не отставал Ванюшка. — Складывайте манатки и айда в пещеру к Гузику! Тайфун идет! Сейчас зародился восточнее Филиппинских островов семнадцатого июня. Первые дни он шел довольно медленно и к двадцать второму июня дошел только до берегов Китая. Здесь он изменил северо-западное направление и, повернув на северо-восток, двинулся уже с очень большой скоростью. Двадцать третьего он пронесся над Кореей, вызвав очень сильные ливни, а завтра, двадцать четвертого, его ждут у наших берегов. Вот, фут возьми! Макар-то Иваныч? Ему и радио не надо! Нюхом чует, своим волосатым носом. — Ванюшка помолчал, и, когда заговорил вновь, его голос звучал еще тревожнее и торжественнее: — Семен Алексеевич! Идет тайфун. Слыфите? А? Фумит лес? Вот, фут возьми, как гудит!

Волков прислушался. У палатки ветра еще не было, но приближался странный гул, как будто где-то поблизости проходила градовая туча. Вошел Конобеев. Он был спокоен, как всегда. Сколько тайфунов он видел на своем веку, и на берегу и в открытом море, в утлом рыбачьем суденышке! Брови старика сдвинулись сурово, и больше обыкновенного топорщились усы.

— Однако собирайся, Семен Алексеевич! — просто сказал он. И, не ожидая ответа, начал быстро загребать огромными ручищами вещи и уносить их. Волков крякнул и принялся помогать.

Гул увеличивался. Океан тяжко вздыхал и издавал новые необычные звуки — «аах! аах!» — будто сердился, что его, старика, будит взбалмошный ветер. И все глубже и выше колебалась его поросшая пенистыми волнами грудь. Но

старику-океану не суждено было заснуть в эту ночь. Небо еще сверкало звездами и молодым месяцем, как будто вымытым, — такой он был чистый и прозрачный. А Конобеев торопил.

— Может быть, пройдет стороной? — спросил Волков. Ему не хотелось разорять палатку.

— Однако поторапливайся! — вместо ответа проворчал Конобеев, нагружая себя двумя столами, четырьмя стульями и складной кроватью.

Когда Волков отнес вещи в пещеру и возвращался в палатку за другими, месяц уже не казался чисто вымытым. Он стал тусклым и как будто пожелтел. Рванул первый порыв ветра.

А старик-океан уже ворчал: «Ага! Ага!» Наконец-то ты явился, тайфун!

Да, он явился. Его ждали, и все же его появление было неожиданно. Он во мгновение ока смахнул звезды, разлил по небу, как спрут сепию, свинцовые тучи, забросил куда-то потускневший месяц, нажал воздушной лапой на землю, сплющил леса, хлестнул потоками воды, смешал границы неба и земли в круговороте водяных и воздушных столбов, свил сотни тысяч тонн воды, неба и океана в жгуты, связал узелком, в несколько минут ввергнул природу в первозданный хаос... Барометр пал до семисот сорока — «лежал в обмороке».

Волков стоял у входа в пещеру, когда мимо него пронеслось, как быстро мелькнувшее крыло чайки, вытянувшееся во всю длину полотнище палатки, которую так и не успели снять. Вместе с ним были унесены пальто, одеяло и землемерные инструменты Волкова. Треножник был найден много дней спустя закинутым на вершину высокой ели, в десятке километров от места стоянки. Зато осторожный Гузик торжествовал: он сохранил все инструменты.

Конобеев уютно устроился в уголке большой пещеры и крепко уснул под завывание ветра и шум дождя. А Ванюшка не мог спать. На него тайфун действовал возбуждающе, как гроза, как пожар, как все выходящее из ряда вон. Ему было

жутко и весело. Хотелось петь, кричать, двигаться. Надо было что-нибудь придумать, дать разрядиться нервному напряжению. Наружу не выглянешь — унесет, как палатку. А что, если пойти осматривать пещеру? Ванюшка предложил Гузику. Но тот уже погрузился в свою созерцательную нирвану, долго отвечал невпопад, пока не понял, чего от него требуют, и достаточно вразумительно ответил:

— Не мешай, я обдумываю!

Волков также отказался. Конобеев спал. Ванюшка недовольно крякнул.

— В таком случае я пойду один.

Он надел на спину ранец с аккумулятором и привязал к голове фонарь. Подумав немного, надел и наносник с очками.

Фонарь ярко вспыхнул, осветив темные зеленоватые своды пещеры.

— Прощайте, иду! — сказал Ванюшка и зашагал в глубину.

Глава 8

ПЕЩЕРНОЕ ЭХО

Под сводами царила тишина. Уши были свободны от наушников, и Ванюшка слышал, как эхо перебрасывало шум шагов от стены к стене. Странное эхо! Как будто он не один шел в пещере, а несколько человек шагали впереди, сзади, с боков... Вот в такой обстановке зарождались легенды о духах, двойниках, привидениях. Ванюшка не верил всему этому и все же почувствовал холодок в спине, когда, крикнув, услышал многоголосое эхо: пещера играла звуками, перебрасывая их, как мяч.

— Ох! — крикнул Ванюшка.

«Ох! Ох! Ох! Ох! Ох! Ох!» — застонала пещера.

Ванюшка принужденно засмеялся, пещера подхватила его смех, унося раскаты его все дальше, пока они не замерли где-то далеко...

Хорошо, что у Ванюшки такая сильная лампа! При ярком свете не страшно.

Чем дальше Ванюшка подвигался вперед, тем наряднее,

богаче, красивее становились стены пещеры. Фантастическими кружевами спускались с потолка сталактиты. Со дна пещеры навстречу им поднимались острия сталагмитов. Кое-где сталактиты встречались со сталагмитами, образуя вычурные колонны, напоминавшие китайскую резьбу по слоновой кости.

Пещера то суживалась, то расширялась. Ее своды иногда нависали так низко, что Ванюшке приходилось нагибать голову, и потом неожиданно поднимались высоко вверх, как в готическом храме. В обширных и высоких залах зияли темные входные провалы, расходящиеся в разные стороны коридоров. Ванюшка, чтобы не заблудиться, решил всегда поворачивать в крайний левый проход. Несколько раз он заходил в тупики, выбирался из них и снова поворачивал влево. Наконец дошел до большой пещеры, стены которой были покрыты зеленоватыми, розовыми и красными кристаллами. Кое-где эти кристаллы горели, как капли крови, в иных местах светились изумрудом молодой травы. Ванюшка залюбовался невиданным зрелищем.

«Может быть, все это — драгоценные камни. Вот богатство, фут возьми!» — думал Ванюшка, медленно направляя свет фонаря то в одну, то в другую сторону. Осветив почву под ногами, он увидал каменистый спуск, отлого бегущий вниз. В глубине, в стене было темное отверстие. «Подземный ход!» — подумал Ванюшка. Он смело двинулся вниз и вдруг вскрикнул от неожиданности. Ноги коснулись совершенно невидимой холодной воды или чего-то такого же холодного, как вода. Холодный газ? Ванюшка ударил ногой — и фонтаном взлетели сверкающие брызги. Да, это вода! Еще никогда в жизни Ванюшке не приходилось видеть такой чистой, прозрачной воды. Она была прозрачнее самого лучшего стекла. Дно подземного озера было видно на всем протяжении до малейшего камушка. Из этой пещеры был только один выход — назад, если не считать темного отверстия под водой, ведущего куда-то под землю. А что, если пойти вперед, в это темное отверстие?

Ванюшка еще раз попробовал воду. Холодна! Но ведь он привык к купанию. Надо только сразу окунуться!

Ванюшка прикрепил наносник, соединил трубки с аппаратом, вырабатывающим кислород, и бросился в воду. Вода тотчас наполнила резервуар в ранце, и аппарат начал выделять кислород.

Вода была так холодна, что Ванюшка едва не выбежал на берег, но усилием воли сдержал себя и заставил продвигаться вперед.

Вход в подземный туннель был довольно низкий. Ванюшке пришлось согнуться. Фонарь освещал гранитные стены, которые сжимались все теснее. Ванюшка то плыл, то полз на четвереньках. В одном месте возникло опасение, что не удастся пролезть дальше. Но когда это узкое место было преодолено, туннель начал быстро расширяться. Стены раздвигались, свод поднялся выше уровня воды. Ванюшка всплыл на поверхность и увидал, что он находится в огромной пещере, наполненной водой. Свисавшие с потолка пещеры сталактиты напоминали странных чудовищ. Чудовища тянулись к воде и отражались в ней; дно из серо-зеленого камня было видно совершенно отчетливо. Множество рыб плавало в этом подземном озере, где не имелось никакой растительности. Чем питались эти рыбы, помимо пожирания себе подобных? Ванюшка поймал рукой одну рыбу странного вида — колючую, сухую, негибкую — и убедился, что она была совершенно слепа. Вместо глаз у нее были только небольшие углубления. Все рыбы этого озера, никогда не видящего света, были слепы! Ванюшка обследовал стены пещеры под водою и убедился, что они имеют несколько боковых каналов, через которые беспрестанно вплывали и выплывали рыбы. Быть может, по соседству имелись водоемы, которые содержали все необходимое для поддержания жизни этого слепого царства.

Переплыв озеро, Ванюшка вышел на берег и пошел по огромному, все суживающемуся туннелю. И вдруг он вздрогнул и остановился, к чему-то внимательно прислушиваясь. Нет, все тихо. Ему померещилось. Это, вероятно, капризы

эха. Разве здесь могут быть люди? Ванюшка сделал еще несколько шагов вперед и снова остановился. На этот раз до него достаточно отчетливо донеслись заглушенные расстоянием человеческие голоса — как будто мужской и женский, — о чем-то споривщие. Кто они, эти люди, и где они находятся? Как могли пробраться сюда? Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Он решил подкрасться незамеченным и понаблюдать за неизвестными. Закрыл ладонью свет фонаря, оставив только маленький лучик, и, осторожно ступая, направился в сторону, откуда доносились голоса.

Голоса раздавались все яснее, все ближе, а перед Ванюшкой были только бесплодные, мертвые своды пещеры. Впереди виднелась каменная гряда, не доходившая до верха пещеры. За прикрытием этой гряды Ванюшка мог подойти незамеченным на близкое расстояние. Теперь уже можно было разобрать отдельные слова.

— Смотрите, Борис Григорьевич, какой странный беловатый отсвет на своде пещеры! — сказал женский голос.

Ванюшка невольно поднял голову вверх и увидал, что один луч прикрытого рукою фонаря дает небольшой отблеск на своде пещеры. Этот отблеск и был замечен кем-то, находящимся по другую сторону каменной гряды. Ванюшка поспешил погасить фонарь. В то же время он заметил колеблющийся, то усиливающийся, то меркнущий красноватый свет на сводах пещеры. Такой свет мог исходить только от костра.

— Это тебе показалось, — ответил мужской низкий голос. — Игра теней... Да, так я и говорю, — продолжал мужской голос после небольшой паузы. — Меня, как чеховского Епиходова, преследуют двадцать два несчастья...

Ванюшка слышал не только человеческие голоса, но и доносившиеся откуда-то гуденье, шум ветра, завывание бури... Все объяснялось просто; Ванюшка, сделав дугу, заворачивал все время налево, должен был выйти к краю горной цепи, в которой находились пещеры. В горах, очевидно, имелось несколько пещер, соединенных друг с другом внут-

ренними переходами. В одну из этих пещер и зашли люди, укрываясь от бури, так же как и Ванюшкины приятели. Но что же это за люди?! Ванюшка подкрался к самому краю скалистой гряды и заглянул, укрываясь меж камней.

Он увидал большую пещеру. Через узкое входное отверстие врывался ветер и колебал пламя костра. Ближе к выходу, у костра, лежал человек, прикрытый рваным тулупчиком; судя по ногам в синих штанах и китайской обуви, это был китаец. По другую сторону костра сидел высокий широкоплечий человек — лысый, с коротко подстриженными усами и черными бровями. Человек этот держал на палке над костром чайник.

«Чудак, — подумал Ванюшка. — И чай-то толком не умеет вскипятить, а тоже, по пещерам шляется».

А еще ближе к Ванюшке на фоне пламени костра четко выделялась фигура женщины или девушки, среднего роста, хорошо сложенной, в короткой юбке и кепи на голове. Ванюшка видел только черный силуэт. Подбоченясь и подняв голову вверх, девушка смотрела на свод пещеры, очевидно ожидая, не повторится ли странное световое явление.

«Молодая и, наверное, красивая», — решил Ванюшка.

Не опуская приподнятой головы, девушка сделала несколько шагов вперед и вдруг вскрикнула: ее ноги коснулись холодной, прозрачной до невидимости воды.

— Здесь вода! Кто бы мог думать? — сказала девушка удивленно, отдергивая ногу.

«И ты попалась на этот фокус, голубушка», — подумал Ванюшка и, не сдержавшись, тихо засмеялся.

— Ах! — испуганно вскрикнула девушка. — Тут кто-то есть! Я слышала смех.

— Тебе все мерещится, Аленка. Я не думал, что ты такая трусиха, — сказал мужчина с чайником. — Ты бы лучше помогла мне держать чайник. Рука устала. Это эхо здесь такое. Ты крикнула, эхо повторило.

— Но я крикнула «ах», а эхо повторило «ха-ха-ха», — наоборот, да еще в кубе. Так не бывает.

— А ну-ка, крикни! — предложил мужчина. Девушка

снова крикнула коротко и отрывисто: «Ах!» Ванюшке пришла мысль позабавиться. Он вдруг ответил, понижая тон: «Ах-ах!»

Девушка подняла руки к голове, а мужчина уронил чайник в костер. Китаец под рваным полушубком заворочался, приподнялся и стал прислушиваться.

— Странное эхо! — сказал мужчина, стараясь палкой подцепить чайник за ручку. — Какое несчастье! Аленка! Из-за твоего эха я уронил чайник.

— Это не эхо, — ответила девушка. — Эхо не может изменять высоту тона. Здесь есть человек. — И, сделав несколько шагов вперед, она спросила: — Кто там?

Ванюшка тихо застонал, потом вдруг показал из-за камней свой большой черный нос и круглые стекла очков. Девушка крикнула и подалась назад. Китаец с причитаниями выбежал из пещеры; мужчина у костра сидел, широко раскрыв глаза и даже приоткрыв рот. Потом пошарил у себя в заднем кармане, вынул револьвер, схватил горящую головню и бросился к каменной гряде, за которой скрывался Ванюшка.

Что делать? Крикнуть «не стреляйте» или же убегать? Ванюшка решил до конца играть роль «пещерного духа». Он вдруг побежал к озеру и бросился в воду.

Опустившись на дно, обернулся к берегу и смотрел, что будет. Мужчина подбежал к воде, прицелился и выстрелил. Благодаря преломлению лучей в воде пуля не попала в цель. Ванюшка замахал руками, повернулся и исчез в туннеле.

«Завтра я увижу этих людей и расскажу им все, — подумал он. — А пока пусть поудивляются».

Ванюшка вернулся в пещеру, где находились Волков, Гузик и Конобеев.

Макар Иванович продолжал храпеть; Гузик, как статуя Будды, сидел с поджатыми ногами и с неподвижным взглядом, устремленным в космические глубины. Волков задремал рядом с Конобеевым, но проснулся при входе Ванюшки.

— Где ты шатался? — спросил он.

Ванюшка многозначительно махнул рукой:

— Такие дела, Семен Алексеевич! Я теперь не человек, а пефферное эхо. Завтра все расскажу, а теперь спать!.. — И, быстро сняв с себя водолазный аппарат, Ванюшка улегся.

Скоро его храп присоединился к храпу Макара Ивановича.

Глава 9

НА ПЛЕЧАХ ТАЙФУНА

Утром ветер утих, но океан ревел и бушевал с ужасной силой. Пришлось ночевать в пещере. За утренним чаем Ванюшка рассказал о своем ночном приключении в подземных лабиринтах. Он решил, несмотря на дождь, сейчас же отправиться на поиски вчерашних людей, которых он так озадачил, и познакомиться с ними. Стройный силуэт девушки на фоне костра не выходил у него из головы. Этот силуэт рисовался ему на скалах, тучах, далеких горах — везде...

В дождь гораздо приятнее было бы путешествовать в одних трусах, но Ванюшка принарядился: надел длинные брюки, желтые ботинки и толстовку. Этот необычайный для такой погоды наряд заставил даже Гузика спуститься со своих надзвездных высот, чтобы выразить удивление, Волков делал вид, что не замечает желтых башмаков Ванюшки, а Конобеев хлопнул веслами-руками по бедрам и сказал кратко свое любимое:

— Однако!

Нагибаясь под сильными струями дождя, Ванюшка отправился бродить по окрестным пещерам. Без особого труда удалось найти ту, в которой он видел ночью людей у костра. Но увы! Теперь в этой пещере никого не было. Зола костра была еще теплая. На черных углях валялся распаявшийся чайник. Консервная банка «бычки в томате», пустая коробка из-под папирос, кусочек бечевы — вот все, что осталось от неизвестных путешественников. Да у самого выхода Ванюшка нашел китайскую туфлю. Испуганный китаец, очевидно, уронив ее с ноги во время бегства, уже не осме-

лился вернуться за нею. Теперь про эту пещеру, наверное, будет сложена легенда!..

Ванюшка обошел пещеру несколько раз, осмотрел все уголки за каменной грядой... Пусто! И никаких следов, которые указали бы, куда направились путники. Неужели он, Ванюшка, так напугал их, что они ушли, не дожидаясь рассвета? И зачем он не познакомился с ними вчера ночью? Ванюшка не мог простить себе этого.

Вернулся он в свою пещеру весь мокрый, грязный, усталый и раздраженный. Походил из угла в угол и вдруг заявил, что сейчас опустится на дно моря.

— Да ты и до воды не доберешься! Посмотри, что опять делается, — сказал Волков, указывая на выходное отверстие пещеры. Сквозь частую сетку дождя виден был бушующий океан и дрожащие под страшным напором ветра деревья.

— Очень просто дойду, — упрямо ответил Ванюшка. — Ходил же я пещеру искать.

— Тогда было тише, а сейчас опять разыгралось.

— Зато на дне тихо. Рыбы небось и не знают, что тут творится. Семен Алексеевич, да как и не идти-то? Ведь сами знаете, тайфуны как зарядят, так и пойдут крутить. Шутка сказать, от июня до ноября они вертят! Правда, не беспрерывно, а все-таки дуют да дуют. Так что же, мы все это время сложа руки сидеть будем? И так вся работа на берегу остановилась. Как хотите, а я пойду. Не сидится мне.

Ванюшка взял черный наносник и очки.

— Надень по крайней мере полужесткий водолазный костюм, — посоветовал Волков. — Посмотри, целые водяные горы обрушиваются на берег. Они размозжат тебя, раздавят, как яичную скорлупу.

— Что правда, то правда, — ответил Ванюшка и влез в полужесткий костюм, облегающий тело. Особенностью этого водолазного костюма была жесткая оболочка у груди, принимающая на себя давление воды.

— До свидания, товарищи! — сказал Ванюшка и надел на голову скафандр. Волков помог ему прикрепить ранец с

аппаратом, доставляющим в скафандр кислород. Ванюшка тронулся в путь.

Между падением на берег волн проходило всего несколько секунд. За этот короткий промежуток времени Ванюшка хотел добраться до волнореза. Но об этом нечего было и думать Тяжелые свинцовые подошвы и не менее тяжелый свинцовый костюм связывали свободу движений на поверхности земли. Ванюшка походил вдоль берега и, махнув рукой, направился обратно. Однако Волков ошибся, думая, что благоразумие победило. Ванюшка отошел от берега и, сделав дугу, взошел на высокий обрыв. У подножия обрыва была довольно большая глубина, и Ванюшка не раз бросался здесь в воду и нырял. Теперь он решил использовать это место, чтобы опуститься на дно, избегая столкновения с волнами.

Ванюшка переждал, когда волна разбилась об утес, и бросился вниз. Это было тоже рискованно. Следующая волна, если бы он не успел опуститься достаточно глубоко, могла разбить его об утес. Волков внимательно смотрел, стоя у входа в пещеру, на волны. Ванюшки не видно. Он, очевидно, погрузился в глубину.

— Однако глянь-ка на небо! — услыхал Волков голос Макара Ивановича. Волков поднял глаза вверх по указанному рукой Конобеева направлению.

Среди косматых волнующихся свинцовых туч образовалось зловещее темное пятно. Пятно все увеличивалось — и вдруг из центра его показалась воронка, которая, вращаясь с ужасающей быстротой, начала спускаться все ниже и ниже, как хобот чудовищного животного. В то же время на поверхности океана под черным облаком кто-то невидимый смешал волны в одну клокочущую массу. Масса эта, вращаясь со все ускоряющейся быстротой, начала выпучиваться, превращаясь в воронку, обращенную заостренным концом вверх, и поднимаясь навстречу воронке, спускавшейся с неба.

— Смерч! — сказал Волков. Ему уже приходилось видеть смерчи — постоянные спутники тайфуна. Но на этот раз зрелище было на редкость интересное.

Обе воронки — спускающаяся из черного облака и поднимающаяся с поверхности океана — соединялись, образовав гигантский водяной столб, расширявшийся внизу и вверху. Этот столб двигался по поверхности океана со скоростью тридцати пяти километров в час. Посмотрев на верхний конец водяного столба, Волков увидел, что в том месте, где этот столб вливался в тучи, он как бы переходил в очень длинную водяную трубу, которая резко выделялась своим более светлым цветом на черном фоне тучи. Эта труба беспрерывно извивалась, как огромная змея. Иногда «змея» завивалась узлом, и на этом месте Волков видел черный круг с еще более черной точкой посредине. Эта водяная труба была в полтора раза длиннее самого смерча и пропадала где-то далеко в облаках. Жутко было смотреть на страшную вращающуюся водяную змею. Вот смерч побледнел, труба разорвалась у верхнего конца, и в то же время порвался смерч у нижнего конца. Нижняя воронка сровнялась с поверхностью океана, а верхняя, крутясь, поднялась к облакам и скрылась в черной туче... Через несколько минут явление повторилось, — снова гигантский столб двигался по поверхности взбаламученного океана. И еще раз смерч порвался, причем нижняя его воронка, постепенно опускаясь, помчалась по направлению к берегу и там разбилась. Было видно, как эта воронка налетела на берег и упала на высокий склон. Целая Ниагара воды вдруг забушевала на склонах берега, ниспадая в океан.

— Однако врагу не пожелаешь быть в это время в океане, — сказал Конобеев. — А приходилось.

Через двадцать минут смерчи исчезли. Небо очистилось. Далеко на востоке еще виднелся один столб, наклонившийся и медленно, словно с трудом, двигавшийся на север. Вот и он побледнел, разорвался внизу и исчез.

Тучи быстро уносило на север. Скоро выглянуло солнце. А к обеду небо было уже безоблачно, ветер утих, лишь океан продолжал бросать на берег волну за волной.

Ванюшка к обеду не вернулся. Проходил час за часом, его все не было. Волков, Гузик и Конобеев начали беспокоиться. Конобеев решил отправиться на поиски, хотя найти Ванюшку на дне океана было не легче, чем иголку в сене.

— Однако, может быть, его разбило волной около утеса! — говорил Конобеев. — Поищу! — И Конобеев опустился в водолазном костюме с того же места, с которого прыгнул в воду Ванюшка. Обшарил все дно вокруг утеса, но Ванюшки не нашел.

А к вечеру, при закате солнца, Ванюшку принесли на самодельных носилках рабочие промысла. Они нашли его в десятке километров от пещеры.

Когда Ванюшка окончательно пришел в себя, то рассказал своим друзьям, что произошло с ним.

— Не всякому человеку удается покататься на спине тайфуна и остаться в живых, — так начал он рассказ о своем необычайном приключении. — Спрыгнул я в глубину благополучно и пошел. Фонаря не зажигал, — он мало помог бы мне в мутной от песка и ила воде. Добрался до котловины, которая находится метрах в сорока от берега, знаете? Там было совсем тихо. Вода почти не двигалась. Буря катилась над моей головой. Я спокойно пошел по дну. «Теперь можно зажечь фонарь», — подумал я. Нажал кнопку. И, как вы думаете, что я увидел? Фут возьми, рыб! Видимо-невидимо! Их было здесь столько, что мне положительно приходилось проталкиваться через них, как будто я попал в сельдяную бочку. Понимаете? Они набились сюда в котловину из боязни, что буря выбросит их на берег. Умная тварь, хоть и не говорит! Тут и сельди, и треска, и горбуша, и иваси, разные жесткоперые, и большие, и малые. И даже не гоняются друг за другом — не до этого: животы спасают.

А уж сколько там водорослей в этой котловине — уйма! Прямо получился котел ухи с капустой. И водоросли не движутся, тихо. Разве только какую водоросль рыба большая двинет, тогда бурые ленты чуть шелохнутся и опять замрут. Иду я, иду, рыбки передо мной бочками сверкают серебряными, синими, медными, красными, иду и радуюсь. Как это хорошо выходит: там, над головой, светопреставление, а у меня тут тишь да гладь, и я сухой хожу! Тепло мне и

сухо. Вот, думаю, отсижусь тут, пока рыбы наверх полезут, тогда, значит, будет ясно, что буре конец.

Прошел я несколько шагов и стал замечать, что как будто откуда-то ветерком понесло. Тихо-тихо начали водоросли в одну сторону поворачиваться, и у рыбок какое-то беспокойство замечается. Все они повернулись навстречу ветерку и зашевелились тревожно, будто шепчутся. Откуда, думаю, водяным ветерком потянуло? Может быть, я в такую струю попал? Вернулся назад метров на пять — ничего подобного. То есть я хочу сказать, что и здесь ветерок. Значит, дело не в струе, а в том, что почему-то вся вода в котловине в движение пришла, как будто кто большой ложкой мешать начал. И чем дальше, тем больше. И все в одну сторону. Натягиваются струнами ленты водорослей, работают рыбки плавниками, как корабельный винт во время шторма, а их все относит, и меня вместе с ними. Попробовал идти против течения. Куда тут!

Неужели, думаю, и здесь придется отлеживаться? Не иначе. Не успел я лечь, как вдруг сильное течение приподняло меня от земли и потянуло куда-то в сторону. Я руками, ногами за землю, за водоросли — ничего не помогает. Несет меня вместе со всем рыбным народом в неизвестном направлении, заворачивает по кругу, ровно на карусели.

Тут, должен вам признаться, растерялся я маленько, фонарь погасить забыл, хоть и не помогал он мне в таком происшествии. В глазах зарябило; рыбы, водоросли в один переплет сплелись.

Ну и покатался же я тут!.. Как чаинка в стакане чая, когда ложкой быстро сахар размешивают, так и я летал. Хорошо, что дух не захватывало, потому что кислород у меня собственный. А сердце замирало, скрывать не стану.

И вдруг чувствую я, что меня не только крутит, но и поднимает, прямо как по штопору вверх. Что за притча такая?.. И вдруг на одно мгновение вижу я дневной свет. И вижу, что высунулась моя голова из водяного столба, который над морем поднялся и вертится, и я верчусь вместе с ним. Увидел я берег и горы с лесом, и разбитый рыбацкий челн на бе-

регу — и опять нырнул внутрь столба водяного. А меня так закрутило, что я ноги и руки подобрал поближе к телу, того и гляди оторвет. Рядом со мной какая-то рыба вертится, огромная, вот хоть обнимись с ней. Еще разок выглянул я на свет из столба водяного, а он пополам разорвался, и нижняя часть, в которой я был, на берег несется. Закачало, закрутило меня так, что я сознание потерял. А пришел в себя — двинуться не могу; сильно грохнуло и дышать тяжело — кислорода нет...

Ну и вот, спасибо, рабочие подоспели и скафандр открыли. Отдышался. Если бы не разорвался смерч, подняло бы меня выше туч, грохнулся бы я оттуда — и капут. Выходит, что на смерче я покатался, на самом тайфуне. Не шутите со мной, теперь я человек особенный.

Рядом с Ванюшкой рыбаки нашли мертвую акулу, жительницу южных морей, с распоротым на скалах брюхом. Тут же валялось содержимое ее желудка: задняя часть свиньи, передняя часть барана, голова породистого бульдога, корабельный скребок, карман клетчатого пальто с газетой «Таймс», целая кладовая трески, две эмалированные кружки и молодая акула.

Да, Ванюшка дешево отделался. После его рассказа Конобеев рассказал несколько случаев из своей долголетней рыбачьей практики, когда рыбацкие суда были захвачены водяным смерчем. И он не помнит случая, чтобы хоть один из людей вернулся живым из этого путешествия.

Глава 10

НОВОСЕЛЬЕ

— Нет, без подводного жилища нам никак невозможно, — говорил Ванюшка. — Тут буря за бурей, океан рычит, к нему не подступишься, назад тебя выбрасывает, как мусор какой. А живи мы на дне океана, нам бури были бы нипочем. Ходили бы мы с вами, Семен Алексеевич, по дну моря-окияна да планы снимали. Ты изобретатель, Гузик, и дол-

жен ты нам такой подводный дом изобрести, чтобы его ни смерч не сдул, ни кит не раздавил. Можешь?

— Что? Где? Кого кит раздавил? — спрашивал Гузик, слетая с заоблачных высот. — Подводный дом? Ну да, я же об этом давно думаю. Все высчитано, взвешено, обдумано. — И он начал развивать свой план.

Подводные дома должны быть выстроены из железа и так крепко соединены с почвой, чтобы никакие тайфуны не разрушили их. Пресную воду можно провести по трубам с берега или же опреснять морскую воду. Наконец, можно заложить буровые скважины в морском дне и поискать пресной воды. Нет ничего невероятного в том, что под морским дном окажется река или озеро пресной воды. Воздух, как и воду, можно получать по трубам с поверхности, чтобы не тратить запасы аккумуляторного электричества на добывание кислорода из морской воды. Отеплять же удобнее всего электричеством. Можно, конечно, тепло пара или горячей воды подавать с берега по трубам, хорошо изолированным, но это сложнее. Электрическое отопление, электрическая кухня, электрическое освещение. Для того чтобы зимою не было холодно, можно железные стены обмазать изнутри особым составом с пробковыми опилками, как это делается на арктических кораблях, чтобы не было внутреннего «потения» стенок.

— А почему бы не железные колпаки изнутри деревом — благо это очень дешевый материал? — предложил Волков. — Дерево, вдобавок, будет хорошо изолировать от холода окружающей воды...

— ...которая все же почти весь год имеет температуру выше нуля, — подхватил Гузик. — Можно и деревянные, — согласился он. — Но прежде всего надо железо для колпаков, много железа.

— А его достать труднее всего, — заметил Ванюшка. — Наши доменные печи всегда голодны, как акулы. Сколько их ни корми железом, все мало. У них отнимать нельзя. Надо бы как-нибудь самим разыскать

— Разыскать железные рудники и потом добывать руду? — спросил Волков. — Долгая песня.

— Зачем рудники?

— Однако, — вставил Конобеев, раскуривая трубку, — на дне моря сколько этого самого железа лежит! Тыщи пудов!

— Откуда? — спросил Ванюшка.

— То-то, откуда. Мал ты, молод. Наклали его туда, на дно, когда тебя еще на свете не было. В девятьсот четвертом — пятом году, вот когда. Когда с японцами воевали и они нам наклали. То-то. Вместе с косточками вице-адмирала Макарова железо лежит. Я служил тогда во Владивостокской эскадре, которой командовал Эссен. Чего только не насмотрелся, чего не наслышался! Хорошего мало. Сколько кораблей, сколько людей погибло! На одном «Петропавловске» семьсот человек, в Цусимское сражение семь тысяч: «Варяг», «Кореец», «Енисей», «Боярин», «Стерегущий», «Страшный», «Петропавловск»... У Цусимы целые две эскадры ко дну пошло. Пересчитать невозможно Порт-артурский флот перед сдачей крепости почти весь уничтожен. Железа-то, железа сколько!

— Да, но и Цусима и Порт-Артур не близко. Притом в Порт-Артуре многие затонувшие суда уже давно подняты японцами.

— Многие, да не все. Есть, однако, и поближе Цусимы. Владивостокская эскадра была слабенькая и больше охотилась за торговыми японскими судами. Только один раз вступила в морское сражение у Ген... Гензана — городок такой есть в Корее, и там даже потопила японский транспорт «Киншию-Мару». А несколько торговых небольших судов были потоплены не очень далеко отсюда. Я бы, пожалуй, и место нашел.

— А что же, это мысль, — сказал Гузик. — Почему нам не поискать этих затонувших судов?

— Не легко их будет поднять, — заметил Волков.

— Мы и не станем поднимать их. Я сумею разрезать железный корпус под водой, и мы перетащим его по частям. Только бы нам найти!

Решили, не откладывая, взяться за поиски «дефицитного товара» — железа затонувших судов. Дело это было не из

легких. Конобеев мог указать местонахождение потонувших судов лишь очень приблизительно. Пользуясь периодом затишья, друзья вчетвером выплыли на катере. Конобеев по каким-то признакам узнал дорогу и указал место. Спустили лаг, который показал двести метров. На такой глубине можно было работать только в жестком аппарате. Ванюшка, который никому не хотел уступать возможность первому опуститься на такую глубину, надел с помощью других тяжелый водолазный наряд и бросился в глубину. Там он зажег фонарь в тысячу свечей и начал бродить по дну. Здесь росли неизвестные Ванюшке водоросли, стебли которых были длиннее высочайших надземных деревьев. Жажда света вытянула эти веревки-стебли, прикрепленные к глубокой почве среди вечного полумрака. Стебли поддерживали специальные воздушные мешки на листьях. В одном месте Ванюшка попал в густую заросль этих подводных лиан и едва выбрался из них Их трудно было перервать, а оплетали они тело, как веревки. «Надо будет брать с собой нож», — решил Ванюшка. И с той поры все опускающиеся на дно океана брали с собою длинный кортик.

Морское дно было пустынно. Оно не пестрело мелкими веселыми рыбками, как на поверхности. Иногда проплывали неведомые угрюмые тени, привлеченные светом фонаря, — большие неповоротливые рыбы. Однажды свет фонаря, упавший на каменистую почву, осветил человеческие кости: два полуразвалившихся скелета. В ребрах одного из них поселился большой краб, который при свете фонаря беспокойно заерзал. Продолжая поиски, Ванюшка набрел на затонувшую рыбачью шхуну, деревянное двухмачтовое судно. Ванюшка хотел проникнуть в каюты, но его водолазный аппарат был слишком громоздок и не прошел бы в люк.

Ванюшка осветил нос корабля и прочел на нем название, написанное по-английски «Gay». Вот где нашел свой конец «Веселый». От такелажа и парусов не осталось и следа. Корпус судна и даже уцелевшие мачты были покрыты ракушками. Руль отломан, якорная цепь разорвана, якорь отсутствовал. Ни одной шлюпки на палубе. Возможно, что

люди оставили тонувшее судно и спаслись на шлюпках. Ванюшка бродил по дну в продолжение нескольких часов, но без успеха. Проголодавшийся и уставший, он надул пневматический мешок кислородом и поднялся на поверхность, как на воздушном шаре.

— Не нашел! — сказал он, когда с него сняли аппарат.

— Однако я маленько ошибся, — заметил Конобеев. — Надо больше на полдень взять курс.

Волков, Ванюшка и Гузик по нескольку раз в день опускались на дно океана. И только через несколько дней Гузику посчастливилось, наконец, напасть на то, что он искал. На неглубоком месте, на «банке», как называют моряки морские мели, недалеко друг от друга лежали два больших коммерческих парохода. Один из них лежал боком, другой — вверх дном. У первого была пробоина в борту, у второго не хватало носовой части, — очевидно, он наткнулся на плавучую мину. Железа тут было более чем достаточно. Гузик уселся на песок и начал обдумывать план автогенной резки металлического судна под водой.

Когда у Гузика начинала работать творческая мысль, он забывал, где он и что с ним. Ученый-изобретатель просидел неподвижно на дне океана более трех часов. Наверху, на палубе катера, начали уже беспокоиться, так как перед погружением они условились, что Гузик пробудет под водой не более часа. И Гузик очень удивился, когда увидел Ванюшку, шедшего к нему по дну в «летнем» водолазном костюме, то есть в трусиках и в полумаске.

— Ты чего тут застрял? — спросил Ванюшка через слуховую трубку.

— Думал, — отвечал Гузик. — И уже придумал. Есть! Плывем на поверхность.

Гузик придумал и осуществил очень остроумный аппарат для подводной автогенной резки металла. Железный корпус парохода резался легко и быстро, как бумага. Отдельные куски поднимались при помощи кранов на поверхность и нагружались на шхуну. Работали попарно, чаще всего Гузик и Ванюшка. В полдень, когда солнце стояло над головой, в воде

было настолько светло, что можно было работать без фонарей. На дне около пароходов виднелись человеческие кости, полузанесенные песком и илом. По мере того как отнимался кусок за куском металлического корпуса, открывалась внутренность затонувшего парохода: каюты, наполненные человеческими скелетами, трюм, где в полусгнивших ящиках оказался целый склад оружия, котельное отделение...

Железных корпусов двух коммерческих пароходов было вполне достаточно для изготовления колпаков, которые покрыли собою пять первых деревянных избушек подводного поселения. Восторжествовала идея Волкова — обшить железные колпаки изнутри деревом.

Постройка подводных жилищ не представляла особого труда. На дно был уложен бетонный фундамент, деревянные дома доставлялись в сложенном готовом виде на плотах к месту постройки, талями погружались в воду и брались на причал при помощи якорей. Затем над ними возводили железные купола, откачивали воду, внутренность куполов высушивали при помощи электрических плит и снабжали дома необходимым оборудованием. Производство всех этих работ значительно облегчалось тем, что в распоряжении строителей были почти идеальные водолазные костюмы, которые не стесняли свободу движений и не зависели от базы.

Ванюшка, опустившись впервые в подводное жилище, был в восторге. Он ходил из «квартиры в квартиру» и повторял: «Вот это фтука, фут возьми!» И заявил, что больше не поднимется на поверхность и отныне превращается в водяного жителя.

Макару Ивановичу Конобееву также очень понравился их новый «хутор». В подводной долине меж гор всегда было тихо — ни ветров, ни бурь, ни дождей, ни метелей. Тихо колыхались водоросли, весело суетились рыбы, важно восседали на дне большие крабы. Нравились Конобееву и «хоромы» — ему еще не приходилось жить в таких светлых, чистых и теплых комнатах. Но не этот уют и удобства тянули его, а сам океан — неведомый, необъятный, полный своеобразной красоты.

— Однако тут не хуже тайги! — говорил Макар Иванович. На его языке это был лучший комплимент.

— Вот и будем жить в подводной тайге, — отвечал Волков.

Жить под водой было удобно и нужно для дела. Теперь никакие бури, никакие тайфуны не могли помешать выйти из дому и отправиться бродить по подводным полям. Работы было много. Волков решил устроить совхоз по всем правилам. Нужно было измерить подводные поля, нанести план, чтобы правильно вести хозяйство: знать, сколько заготовить пучков, сколько нанять рабочих, какой ожидать урожай. Волков, Ванюшка, Конобеев и Гузик решили немедленно переселиться под воду. Все они, кроме Конобеева, были людьми свободными, холостыми; один Макар Иванович был женат. Больших затруднений старик не предвидел: ведь пропадал же он целыми месяцами на охоте. Марфа Захаровна привыкла к одиночеству.

Так думал он и однажды вечером, сидя в своей фанзе за самоваром, сказал ей:

— Однако завтра я переселяюсь на дно, в подводное жилище. — Марфа Захаровна посмотрела на него с недоумением. Ее красное лицо стало еще краснее.

— Как это переселяешься? — спросила она. — Куда это на дно? Ты в своем уме?

— Ум не шапка, чужой не наденешь. Правду говорю. На дне моря-окияна жить буду. Слыхала небось, дом строили? Ну вот, и выстроили. Очень хорошо.

— А я?

— А ты тоже пойдешь со мной.

— С тобой? Под воду? Я не русалка. Сама не пойду и тебя не пущу!

— Не хочешь, неволить не буду. Такое дело. А меня остановить не имеешь права. Я сам себе волен.

Марфа Захаровна в слезы. И лицо ее стало совсем как спелая клюква. Макар Иванович немного растерялся. Он не мог понять, что так взволновало его старуху. Едва ли боязнь за него. В тайге было не меньше опасностей, чем в воде. Притом опасность, риск были слишком обычными спутни-

ками его близкой к природе жизни почти первобытного человека. К опасностям охоты на дикого зверя Марфа Захаровна относилась так же спокойно, как жена человека каменного века. Голод страшнее зверя. Слабого, голодного человека одолеет и малый зверек. Чтобы быть сильным, надо убивать крупных зверей; чтобы жить, надо рисковать жизнью. Эта философия крепко сидела в старухе и помогала спокойно относиться к тому, что ее муж в одиночку выходил на медведя. В чем же теперь дело? Ведь Макар Иванович обещал видеться с Марфой Захаровной даже чаще, чем раньше; он будет жить под боком.

Марфа Захаровна, всхлипывая и беспрестанно сморкаясь в платочек, объяснила ему свой взгляд на вещи. Макар Иванович мог уходить на охоту, оставляя жену в китайской фанзе, купленной за медвежью шкуру, — этого требовала суровая жизнь. Но он возвращался к ней в дом, у них был этот самый общий дом, семейный очаг. А теперь Макар Иванович собирался перебраться на жительство в другой дом, обзавестись каким-то своим углом. Это было равносильно измене, было похоже на то, что старик бросал Марфу Захаровну. Все это она изложила в таких туманных выражениях, что Макар Иванович ничего не понял, кроме того, что старуха недовольна его намерением уйти под воду.

— Однако пойдем вместе, — предложил он ей. Но тут она понесла такую околесицу, что Макар Иванович даже поперхнулся чаем. Марфа Захаровна решительно заявила, что жить под водой крещеному человеку грех, потому что вода создана господом богом для рыб, а не для человека. И что такого человека после смерти «земля не примет и вода изрыгнет». И откуда только набралась такой премудрости! Наверное, начетчик научил.

Макар Иванович, как всегда, поднялся из-за стола только после того, как весь самовар был выпит.

— Однако ты некрещеную рыбу ешь! — выдвинул он неожиданный аргумент, который так поразил старуху, что она замолчала. На этом разговор закончился. А утром на другой день Конобеев, надевая водолазный костюм, сказал:

— Прощай, старуха. Когда захочешь меня видеть, подойди к берегу, опусти руки в воду и постучи камушком о камушек. В воде хорошо слышно. Я стук твой услышу и вылезу.

Марфа Захаровна посмотрела на своего мужа с испугом. Он превращался в ее глазах в водяного. Он уже знал, что делается у них там, под водой, как слышно, как видно... И этот страшный большой черный нос, эти глаза-очки!..

— Когда же ты придешь? — спросила старуха, присмирев, дрогнувшим голосом.

— Как справлюсь, — неопределенно ответил он и зашагал к берегу. Старуха поплелась вперевалку за ним, а впереди бежал Хунгуз и тревожно лаял.

— Чувствует животная!.. — промолвила Марфа Захаровна, вздыхая.

— Ну, прощай, — еще раз сказал Конобеев. Марфа Захаровна посмотрела на каучуковый нос, ровный и гладкий, без единого волосика, к виду которых на мясистом носу мужа она так привыкла, и тяжко вздохнула.

— Прощай. Бог тебе судья.

Но Конобеев не слыхал последнего напутствия жены. Он смело вошел в воду и зашагал, погружаясь все более. Волны шипели песком вокруг него, как бы сердясь, что человек идет туда, куда ему нет доступа. Марфе Захаровне этот «змеиный шип» казался дурным предзнаменованием. Хунгуз, видя «утопающею» хозяина, завыл, заскакал на берегу, бросился в воду... Конобеев отогнал собаку рукой и погрузился в волны с головой

Плакала старуха, выла собака.

Глава 11

«ПЛЕННИКИ МОРЯ»

Конобеев не раз выходил на берег, видался с женою, пил чай, уговаривал опуститься вместе с ним на дно, но она упрямо отказывалась и бранила его, называла водяным и безбожником. Макару Ивановичу было жалко старуху. Она хоть и по глупости своей, а сильно страдала. Жили вместе

тридцать лет и три года, как в пушкинской сказке, да и разлучились... Конобеев нередко думал об этом, когда ему не спалось, и не мог понять: оттого ли не спится, что думы одолевают, или оттого, что сна ни в одном глазу. И вот однажды, проворочавшись на кровати почти до утра, он явился к Волкову и сказал:

— Семен Алексеевич! Однако помогите мне уломать старуху к нам переехать жить. Оно бы ловчее было. Самоварчик бы ставила нам, уху, щи, кашу варила. Надоели эти корейские кушанья, что Пунь нам готовит. Пунь была бы по стирке, за чистотой смотрела, а моя старуха — за харчем.

Ванюша, присутствовавший во время этого разговора, сказал:

— Семен Алексеевич! Мы вот что сделаем — пойдем всем миром: вы, я, Макар Иваныч, Гузик. Будем ее просить вроде как депутацией. Не откажется.

Волков безнадежно махнул рукой.

— Ничего не выйдет, — ответил он. — Я уже говорил с ней и убеждал ее. Крепкая старуха. Стоит на своем — и баста!

— Тогда вот что: скажем, что Макар Иваныч помирает, она испугается и придет...

— Однако она со страху и помереть может, — возразил Конобеев. — Уж лучше без обману. Пойдем попросим всем миром, может, что и выйдет.

И, захватив на всякий случай водолазный костюм для Марфы Захаровны, все отправились на берег.

Марфа Захаровна стирала белье у фанзы и была даже несколько напугана, когда увидала, как из волн морских вышло четыре чудовища — впереди них ее муж-богатырь, как дядька Черномор, — и вся эта процессия двинулась к фанзе. Марфа Захаровна наспех вытерла руки, спустила фартук и в выжидательной позе остановилась у двери. Хунгуз с радостным лаем бросился к хозяину. Процессия людей с большими черными носами и огромными очками подошла к фанзе. Все сняли водолазные полумаски и с поклонами подошли к Марфе Захаровне. От этой торжественности у Марфы Захаровны даже заколодо в носу.

Волков произнес речь, в которой говорил о том, что Макар Иванович заболел с тоски, что он не спит по ночам и что от всего этого и работа у него не клеится, и если бы Марфа Захаровна согласилась жить в море, то она очень помогла бы всем им. Ее можно было бы принять в штат служащих и платить ей деньги... (Тут Марфа Захаровна отрицательно махнула рукой.) А если и не из-за денег, то все же она должна согласиться ради того, чтобы помочь им всем.

Потом говорил Ванюшка, потом Гузик. И все они просили ее. Никогда еще столько людей не просили Марфу Захаровну! Она была смущена, взволнована и польщена. И неизвестно, что побудило ее решиться: то ли что ее просят, или, быть может, мимоходом брошенное Волковым упоминание о том, что ее приглашают на службу и что ей будут платить жалованье... Она не была корыстолюбива и не привыкла обращаться с деньгами. Муж доставлял ей «натурой» все необходимое. Но у нее далеко отсюда был внучек, сын ее дочери, в котором она души не чаяла. И теперь Марфа Захаровна получала возможность делать ему подарки, а потом, собрав денег, даже поехать повидаться с ним перед смертью. А может быть, и самолюбие ее было задето? Ванюшка опять говорил о том, что Пунь не побоялась опуститься на дно.

Марфа Захаровна, выслушав все речи, обращенные к ней, ударила руками по толстым бедрам и засмеялась.

— Ах вы, сукины коты! — неожиданно обратилась она к членам депутации. — Что выдумали! Столько народу ко мне одной, будто я барыня какая. Ну, что мне с вами делать? Возьму грех на душу. Ведите, топите меня, старую!

— Зачем топить, мамаша! — ответил повеселевший Ванюшка. — Представим в лучшем виде. Примерьте носик, мамаша! — И Ванюшка протянул Марфе Захаровне водолазную полумаску.

Марфа Захаровна испуганно ахнула и отшатнулась.

— Не бойтесь, мамаша, не укусит, — продолжал Ванюшка. — Наденьте на нос, а я помогу вам завязать. — Он взял из ее рук полумаску и начал прилаживать на лице. — В лучшем виде, мамаша. Теперь ранец. Вот так. Приподнимите ручки.

Ремни под мышки. Не тяжело? Ранец-то почти пустой, один воздух.

— К носу плотно пришлось? — спросил Гузик и взял Марфу Захаровну за черный каучуковый нос. Она легонько взмахнула руками и снова опустила их: делайте, мол, что хотите, ваша воля!

— Хорошо! Можно присоединить трубки с кислородом. Пусть поучится дышать. Вы, Марфа Захаровна, воздух в себя носом тяните, а из себя ртом выпускайте.

— Да что вы, в самом деле, сейчас меня хотите под воду тянуть? А собраться как же? Я так не могу! Я все свое хозяйство должна с собою взять.

— Возьмем, возьмем, все возьмем, не волнуйтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Вы только дышите. Вот так. Ну, начинайте! Раз! Раз! Так, хорошо. Идемте, мамаша. Вашу ручку. Гузик, бери за другую. — И в сопровождении двух кавалеров, больше похожих на конвоиров, Марфа Захаровна направилась к берегу океана.

— Ой, батюшки, боюсь! Ой, умру!

— Вот видите, Марфа Захаровна, я же говорил вам, что вы от страху в море не хотите идти, — сказал Ванюшка. — А Пунь, та не побоялась, так за своим муженьком и зашагала.

Это подействовало. Марфа Захаровна сделала еще несколько шагов. Но, когда волны начали обдавать подол длинной старомодной юбки, старуха вновь остановилась.

— Позвольте, но как же это так? — сказала она. — Ведь я вымочусь, вся вымочусь и на полу у вас там наслежу. А переодеться я ничего не взяла с собой.

— Не беспокойтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Мы там вас живо электричеством высушим, вам и переодеваться не надо будет. Прямо. можно сказать, сухою из воды выйдете. Ну, смелее, крещается раба божия Марфа!.. — И он потащил ее в воду.

— Ах! Уф! — кричала Марфа Захаровна.

— Закройте ротик, Марфа Захаровна, захлебнетесь, мамаша! В воде ахать и охать воспрещается! — строго сказал Ванюшка.

Когда вошли в воду до пояса, Гузик сказал, что пора надеть наушники. Все плотнее натянули на уши аппарат и быстро вошли в воду. Марфа Захаровна что-то еще кричала, но ее уже не слышали. Однако, когда она погрузилась в воду с головой, то вдруг начала биться в руках, как пойманная рыба. Гузик и Ванюшка пытались удержать ее, но подоспевший Конобеев вырвал свою старуху из их рук и вынес на поверхность почти потерявшую сознание. Когда она отдышалась, то объяснила, что без привычки наглоталась воды и едва не захлебнулась.

Пришлось здесь же на берегу устроить совет.

— Это без привычки, мамаша, вы поучитесь немножко, — твердил Ванюшка. Но Гузик убеждал, что гораздо проще принести зимний водолазный костюм со скафандром. В таком аппарате Марфа Захаровна может дышать, как ей заблагорассудится, — вода не вольется в рот. С этим все согласились. Пока Марфа Захаровна переодевалась в сухое, Ванюшка «слетал» на дно и принес из подводного жилища новенький водолазный костюм, в который и облачили Марфу Захаровну. Теперь дело пошло легче.

Еще несколько шагов, и Марфа Захаровна спустилась под поверхность океана и вступила в новый для нее, необычайный мир. Ее все пугало и удивляло. И свет фонарей, внезапно загоревшийся на голове Гузика и Ванюшки, и неожиданно громкий голос мужа, сказавшего ей через слуховую трубу: «Однако не робей, старуха!», и рыбы, шнырявшие возле самой ее головы.

Несмотря на тяжелые свинцовые подошвы, старуха чувствовала себя легче, как будто она сразу стала сильнее, моложе. Это было довольно приятное, новое ощущение. Но зато быстрота и резкость движений пропали. Все шли медленно, словно подражая плавности движений водорослей. Гузик и Ванюшка уже не поддерживали Марфу Захаровну за руки. Она шла самостоятельно.

— Однако вот мы и дома! — услышала Марфа Захаровна голос мужа.

— Где? — Она ничего не видела. Свет фонаря, выхваты-

вая круг из зеленоватой мглы, освещал лишь два-три десятка метров водяного пространства с бесконечным количеством водорослей. В силу причудливых законов подводного видения Марфе Захаровне казалось, будто она идет в глубину какой-то трубы, наполненной мохнатой бурой паутиной. Но вот за длинными лентами и красивыми лапчатыми листьями она увидела что-то большое, темное, круглое — слишком правильно округленное для того, чтобы быть естественным созданием природы, которая умеет изготовлять круглые предметы только слишком больших или очень маленьких размеров: солнца, планеты, росинки, дождевые капли...

Когда подошли еще ближе, Марфа Захаровна увидала железную стену с большой круглой «заплатой». Это был вход. Волков подошел к «заплате», откатил вбок железную дверь и жестом пригласил Марфу Захаровну переступить порог. Все вошли в камеру. Дверь задвинулась. Вода начала быстро вытекать. Скоро камера освободилась от воды. Над головой Марфы Захаровны загорелась электрическая лампа. Гузик и Ванюшка погасили свои головные фонари, подошли к Марфе Захаровне и помогли ей снять тяжелый водолазный костюм

— Поздравляю с прибытием! — сказал Ванюшка.

Глава 12

ХУНГУЗ

Волков, Конобеев, Гузик и Ванюшка быстро сбросили свои полумаски и ранцы, спрятали водолазные костюмы в железный шкаф и явились перед Марфой Захаровной в обыкновенном виде, который для нее, женщины старой и строгого нрава, казался довольно неприличным. Она старалась не смотреть на полуобнаженные тела мужчин. Один только Конобеев был приличен в своих широких штанах и длинной рубахе.

— Ну, идем, старуха, — сказал он, взяв старуху за руки, чего раньше никогда не делал. Это было непривычно и трогательно. — Покажу тебе, как живут морские жители.

Марфу Захаровну ввели в восточный домик, где помещались Конобеев и Гузик. По случаю прибытия гостьи Гузик переселился в лабораторию, помещавшуюся в южном домике.

Когда Марфа Захаровна вошла в чистенькую комнатку подводной избушки, она была чрезвычайно удивлена и даже поражена. Неизвестно, как представляла она это подводное жилище, но, наверно, ей мерещились осклизлая тина, копошащиеся в полутьме морские гады и ужасная сырость — как же может быть иначе в воде! И когда она увидала толстые бревна стен, пахнущие смолой («совсем как на земле!»), чистый белый пол, который можно мыть, не боясь занозить руки (так хорошо были остругани половицы), стол, табуреты, кровати, дощатую перегородку — все сухое, земное, настоящее, — она не верила глазам своим. Было тепло, даже жарко, — Гузик постарался. Электрическая лампа светила ярко. Марфа Захаровна стояла посредине комнаты, сложив руки на круглом животе, и вид у нее был такой, словно она молится в храме. Конобеев наблюдал за нею, самодовольно улыбаясь.

— Однако ты боялась замочиться, отсыреть, замерзнуть, — сказал он. — Тут тебе будет лучше, чем в китайской фанзе. Ну скажи, старуха, неплохо?

— Грех с вами! — неопределенно ответила Марфа Захаровна. — А окно-то зачем? — вдруг заинтересовалась она, поднимая занавеску. — Тьма-то какая!.. Нет, тут не то что на земле. Ночь вечная! Затоскуешь без солнышка.

— Эту ночь мы сейчас в день превратить можем, — ответил Конобеев. — Сейчас, вишь ты, железный ставень закрыт, а вот мы откроем его да свету пустим... — Конобеев повернул рычажок и выключатель. Железный засов отодвинулся, яркий свет осветил пространство за стеклом, и Марфа Захаровна увидала рыб, подплывших к стеклу. Через несколько минут их собралось множество.

— Однако целая уха! — сказал Конобеев. — Если скучно станет, в окошко погляди, что делается.

— А что тут делается? Все одно. Рыбы и рыбы.

— Однако ты приглядись и увидишь, что и тут разное бывает. По рыбам ты многое узнаешь: ночь или день, утро или вечер, солнце над головой или тучи, тихая погода или буря. Я уже насквозь всю эту премудрость узнал. Вот тут и будешь жить со мной. А теперь пойдем, покажу тебе кухню и твою помощницу.

Конобеев открыл деревянную и железную двери и провел Марфу Захаровну в коридор с железными ставнями. После теплой и сухой избы здесь чувствовался холодок и как будто тянуло сыростью. Марфа Захаровна поежилась.

— Небось не отсыреешь. Вот и пришли, — сказал Конобеев. Они вошли под крышу большого центрального купола, где помещались столовая, библиотека-читальня, машинное отделение и кухня. Еще пара дверей, и они в столовой. Здесь их приветствовал Ванюшка.

— А вот и кухня, — сказал Конобеев, открывая деревянную дверь.

Пунь, увидав входящую Марфу Захаровну, отвесила ей низкий поклон. Она охотно пала бы ниц на землю, чтобы показать глубокое почтение, но Ванюшка отучил ее от этой «азиатской рабской церемонии», как он говорил. Смуглое лицо Пунь сморщилось в улыбке. Она сказала нараспев:

— Мама халасо! — Этими словами Пунь выражала свое удовольствие по поводу того, что в подводном жилище появилась еще одна женщина.

Марфа Захаровна привыкла к подводному жилищу скорее, чем ожидал Конобеев. Она, как практическая женщина, быстро оценила все выгоды и удобства нового жилища. Только к одному она никак не могла привыкнуть — к «электрическому чаю». Ей недоставало самовара. В конце концов Гузик должен был приделать электрическую грелку к ее самовару. Правда, самовар вскипал не от углей, как это полагалось, но, вскипев, он ничем не отличался от настоящего «православного» самовара. И еще одно огорчало старуху — это то, что на берегу осталась собака Хунгуз, к которой она привыкла.

— Лает небось сердешный день и ночь, — говорила она и не обманывалась в своих предположениях.

Когда, несколько дней спустя, Конобеев вышел на берег, он застал там Хунгуза, похудевшего от тоски. Пес, вероятно, оплакивал свою хозяйку, безвременно погибшую в волнах океана. Увидав Конобеева, Хунгуз завизжал от радости и стал лизать мокрые руки старика. Конобеева растрогала эта ласка. Он ничего не сказал жене о встрече с Хунгузом, чтобы не расстроить се, но, встретив Гузика, заявил: «Однако надо и Хунгуза взять сюда. Пропадет с тоски пес. Жалко. Тварь тоже чувствует».

— Как же мы доставим его сюда? Разве что в большом водолазном костюме. — Лицо Гузика вдруг сделалось грустным. Оно всегда казалось таким, когда молодой ученый задумывался. Конобеев посмотрел на Гузика и, вздохнув, отошел. Не до собаки, видно, Гузику. У него дела поважнее.

Но Конобеев ошибся. Гузик как раз думал о собаке.

«А в самом деле, — думал он, — почему бы не сконструировать водолазный костюм для собаки? Сделать такой аппарат, в котором она смогла бы не только прийти сюда, но и бегать по дну моря!»

Гузик отправился на берег, подозвал Хунгуза, измерил объем его шеи, головы и длину морды и вновь нырнул в океан.

Через пару дней он вышел из лаборатории с собачьим скафандром и небольшим «ранцем» в руках.

— Макар Иванович! Идемте на берег за Хунгузом, — сказал он, подмигнув Конобееву. Старик посмотрел на скафандр, похожий на голову допотопного животного, понял все и начал быстро собираться в дорогу.

Гузику и Конобееву не без труда удалось надеть на голову собаки скафандр и привязать к спине аппарат, вырабатывающий кислород. Хунгуз отчаянно мотал головой и старался лапами снять с себя мешавший ему скафандр. У него, вероятно, было такое же чувство, как у сказочной лисы, которая не могла вынуть голову из горшка. Правда, Хунгуз мог видеть сквозь большие очки, но аппарат на спине мешал ему. Хунгуз начал кататься по земле, пытался стряхнуть с себя тяжесть, но аппарат держался крепко.

— Однако довольно ему колобродить, — сказал Конобе-

ев и, подхватив собаку на руки, направился с нею к воде. Хунгуз отчаянно забился, когда вода коснулась его лап. Конобееву пришлось порядочно принажать на бока собаки, чтобы она не вырвалась и не убежала обратно на берег.

Погрузились в воду. Солнце стояло над головой, и под водою было довольно светло. Хунгуз все еще бился в руках Конобеева. Они медленно подвигались вперед. На песчаной подводной отмели, хорошо отражавшей свет солнца, Гузик остановил Конобеева и попросил спустить собаку. Гузику надо было посмотреть, как собака будет ходить по дну. Хунгузу трудно было надеть на все четыре лапы обувь с грузом, чтобы предупредить всплывание наверх. И поэтому Гузик, оставив лапы Хунгуза свободными, положил груз в аппарат, помещавшийся на спине. Хунгуз, получив свободу, пробежал несколько шагов и вдруг, свалившись на сторону, начал всплывать, перебирая лапами. Тяжесть была недостаточна, и, кроме того, положенная на спину, она не обеспечивала такой устойчивости, какую давали свинцовые подошвы.

Гузик недовольно крякнул, выпустив пузыри изо рта, и схватил Хунгуза, всплывшего уже на высоту человеческого роста. Конобеев был так удивлен неожиданным взлетом собаки вверх, что стоял неподвижно, расставив руки.

У Гузика в сумочке, на всякий случай, уже были заготовлены «калоши» для Хунгуза. Ученый передал собаку Конобееву и начал тут же, под водой, привязывать к каждой ноге Хунгуза по мешочку со свинцовыми пластинками. Окончив эту работу, Гузик вынул часть тяжестей из аппарата, помещавшегося на спине собаки, и спустил ее на песок. Хунгуз стоял, мотая в недоумении головой. И вдруг около самого его носа проплыла довольно большая рыба и, словно вызывая на игру, начала удаляться. Хунгуз не мог видеть ни одного предмета, удалявшегося от него, чтобы не погнаться за ним, будь это заяц, автомобиль или человек. И Хунгуз побежал за рыбой, устремив вперед морду. Охотничий инстинкт был разбужен, и пес сразу забыл всю необычайность обстановки и своего положения. Правда, бег Хунгуза был далеко

не таким быстрым, как на земле. Но все же меньший объем и горизонтальное положение тела давали ему возможность двигаться с гораздо большей быстротой, чем людям. И не успели Конобеев и Гузик сообразить, что случилось, как Хунгуз уже скрылся в зарослях водорослей. Этого еще не хватало! Опыт удался в большей степени, чем того хотел Гузик.

Конобеев вдруг взмахнул руками и, делая огромные шаги, двинулся вслед за собакой. Гузик тоже сообразил, чем это может кончиться. Собака, не имея возможности пользоваться обонянием, заблудится в подводной «тайге» и подохнет от голода или же задохнется в тот момент, когда аккумулятор перестанет работать и доставлять кислород. Надо спасти собаку во что бы то ни стало! Конобеев и Гузик засветили фонари, надеясь, что собака пойдет на огонь. Гузик застучал в кастаньеты, а Конобеев пробовал даже свистеть, но, кроме пузырей, у него ничего не получалось.

— В чем дело? — неожиданно послышался голос Ванюшки, который подошел незаметно к Гузику и проговорил в трубку.

— Ты откуда? — спросил в свою очередь Гузик.

— Работал неподалеку с Семеном Алексеевичем, услыхал твой стук и явился.

Гузик рассказал Ванюшке об исчезновении Хунгуза. Ванюшка принял участие в поисках. Они разошлись в разные стороны, долго бродили, но собаки не нашли. Усталые и опечаленные, Гузик и Ванюшка вернулись домой. Старик еще не приходил. Молчаливо уселись за стол, стараясь не смотреть на Марфу Захаровну, которая состряпала им прекрасные «электрические щи», как называл Ванюшка в веселые минуты блюда, приготовленные на электрической плите. И вдруг в соседней комнате залаял Хунгуз. Марфа Захаровна была так поражена этим, что выронила из рук кастрюлю. Хунгуз ворвался в комнату, бросился к ней, стал на задние лапы и с веселым лаем начал лизать ей лицо. У старушки даже слезы на глазах выступили.

— Хунгузик мой! — ласкала она его. Вслед за собакой в комнату явился и Конобеев.

— Где ты нашел его, папаша? — спросил Ванюшка.

— Я решил так, — ответил Конобеев, — что собака не пойдет в глубокое место, где темно и страшно, а пойдет на свет, а когда пойдет на свет, то непременно выйдет на берег. Так оно и вышло. Я вылез на берег, а Хунгуз мой уже там. По песку катается и головой крутит. Я его сгреб в охапку и прямо сюда, не спуская с рук.

— Теперь надо его на веревочке водить, пока не привыкнет! — сказал Ванюшка.

К двуногим подводным жителям прибавился четвероногий.

Глава 13

МОРСКОЙ ВОЛК

Хунгуз довольно быстро привык к водолазному аппарату и часто сопровождал Конобеева в его подводных путешествиях. Иногда они выходили на берег. Конобеев снимал там с себя и Хунгуза водолазные аппараты, оставляя их в сторожевой будке, вынимал припрятанные в пещере ружье, сумку, патронташ и отправлялся на охоту, чтобы снабдить обитателей подводного жилища свежим мясом. Хунгуз сопровождал Конобеева, выслеживая дичь. Когда ягдташ Конобеева был полон, старик и собака возвращались на берег. Здесь Конобеев надевал себе и собаке аппараты, прятал ружье, клал настрелянную дичь в герметически закрывающийся металлический ящик, прятал в пещеру ружье и патроны и возвращался в подводное жилище, нагруженный добычей. Птица складывалась в ледник. Надоедала дичь, и Конобеев принимался за рыбную ловлю. На нем лежало снабжение небольшой колонии рыбой и мясом.

Ловить рыбу не представляло труда. Она сама шла на свет фонаря. Хунгуз, переселившись под воду, вначале только пугал рыб, но Конобеев скоро приучил его к новой охоте. И теперь Хунгуз или спокойно лежал у ног Конобеева, пока тот, сидя на подводном камне, выжидал добычу, или же загонял рыбу поближе к сети, бегая вблизи освещенного фо-

нарем места. Конобеев устроил особую сеть, которая прикреплялась к дуге.

Один из концов этой дуги, поставленной вертикально, Конобеев держал в руке, сидя спокойно и неподвижно. Как только рыбы набиралось достаточно, Конобеев вдруг гасил свет и быстро накрывал сетью рыб, наклоняя дугу до земли. Затем он задергивал сеть снизу, и рыба, таким образом, оказывалась не только пойманной, но и «упакованной» для переноски домой.

Конобеев хорошо изучил места, где водилась нужная ему рыба. Иной раз он поднимался ближе к поверхности, где обитала мелкая рыбешка, но там было достаточно светло и днем рыбу нельзя было заманить на огонь. Мелкую рыбку приходилось ловить ночью. Хунгуз скакал по окрестностям, будоража рыбу волнением воды. Рыбки, завидев свет, плыли к нему, где и попадались в сети.

Иногда старик отправлялся в подводные низины и там ловил рыб покрупнее. На самых крупных рыб он охотился с острогой ночью и тогда совсем походил на Нептуна. Конобеев особенно любил эти ночные прогулки. Идти приходилось очень тихо, чтобы не спугнуть рыб колебанием воды, которое они чувствовали на очень далеком расстоянии. Фонарь не зажигался. Хунгуз шел позади хозяина. Иногда рыбы, испуганно шарахаясь в заросли водорослей, задевали хвостом по лицу или плечу Конобеева. Хунгуз боязливо взвизгивал или ворчал в своем скафандре.

Придя на место лова, Конобеев зажигал фонарь, постепенно усиливая свет. Завидев — иногда в нескольких шагах от себя — огромную рыбищу чуть ли не в центнер весом, он осторожно подкрадывался к ней сзади, потому что боками — наибольшей площадью своего тела — рыба скорее чувствовала угрожающее волнение дотоле спокойной воды и одним движением скрывалась в густых зарослях.

Конобеев не переставал удивляться силе и ловкости рыб. Он выходил один на один на медведя и всегда оставался победителем. Но с рыбой своего роста Конобеев не всегда мог справиться. Чаще она вырывалась вместе с острогой, неред-

ко тянула старика за собой в продолжение нескольких километров и сдавалась, лишь совершенно обессилев. Подчас между ним и рыбой происходило настоящее единоборство, во время которого Хунгуз прыгал вокруг Конобеева, сжимавшего рыбу в объятиях, и отчаянно лаял в скафандре. Прижимая рыбу одной рукой, Конобеев другой вынимал нож и приканчивал добычу, вонзая его в сердце.

Для приманки мелких рыб Конобеев пользовался не только светом, но и запахами. Он заметил, что некоторые маленькие рыбки очень любят запах мяты. Конобеев нарвал много мяты, растущей на берегу, и натирался ею, перед тем как идти ловить рыбку. Ванюшка долго не мог понять такую странность: когда он отправлялся бродить по дну океана вместе с Конобеевым, то к старику — и только к нему — приплывало несметное количество мелкой рыбешки, которая буквально облепляла его, как туча комаров. Он мог бы ловить их руками.

— Почему они к тебе так лезут? — удивленно спрашивал Ванюшка.

— Слово такое знаю, — улыбаясь, отвечал Конобеев.

Однажды во время рыбной ловли произошел случай, который надолго остался в памяти и Конобеева и... Хунгуза. Конобеев сидел на подводной поляне с сетями в руках и горящим фонарем на голове. На этот раз рыба шла плохо. Даже для такого знатока-рыболова, каким был Конобеев, не все было ясно в поведении рыб. Почему на одном и том же месте вчера их было много, а сегодня совершенно нет? Куда ушли они? Что напугало их или привлекло на другое место? Конобеев знал сезонные передвижения рыб. Знал он и о постоянных передвижениях рыбных стад с места на место в поисках лучших подводных «лугов», более изобильной пищи. Рыбы передвигались, как стада овец или диких лошадей по первобытным степям. Хищная рыба следовала за мелкой. Иногда крупные хищники заставляли бежать целые полчища мелких рыб далеко на юг или север. В воде, как и на земле, был свой круговорот: весы жизни и смерти вечно качались, уравнивая биологическое равновесие. Обо всем

этом Конобеев мог бы рассказать много интересного. Но все же и для Макара Ивановича было многое непонятно. Почему эта подводная долина сегодня похожа на город, покинутый своими жителями?.. Придется переменить место. Конобеев тронул ногой Хунгуза, покойно лежавшего возле него, поднялся и отправился в путь, погасив фонарь. Места были знакомые, и понапрасну не было нужды тратить электрическую энергию аккумуляторов. Хунгуз шел впотьмах, ориентируясь по движению воды конобеевского кильватера.

Макар Иванович спокойно прошел несколько сот метров и вдруг почувствовал, что почва под ногами изменилась. Казалось, на гладком доселе пути кто-то разбросал камни или большие створки раковин. Подошвы тяжелых водолазных башмаков поминутно наступали на что-то твердое и как будто подвижное. Идти стало трудно. Конобеев почувствовал, как что-то больно ущемило его ногу у лодыжки. Что за оказия? Макар Иванович согнулся, схватил рукой жесткий предмет и на ощупь определил, что это был краб. Зажег фонарь, нагнулся, осветил почву и увидал, что по дну ползло неисчислимое полчище больших и малых крабов. Это было настоящее «великое переселение народов». Крабы шли сплошной массой, направо и налево, впереди и сзади, и никогда еще Макару Ивановичу не приходилось видеть их такое множество. Еще один краб вцепился в ногу. Конобеев отдернул его с такой силой, что зажатая клешня оторвалась от туловища и осталась на ноге. Ее пришлось отрывать отдельно.

Щипками Конобеева не испугаешь. Как пропустить такой случай? Если не идет рыба, то можно наловить крабов. И нет ничего легче. Не обращая внимания на щипки, Конобеев положил на землю сеть. Через несколько секунд она была облеплена крабами. Оставалось только задернуть сетку сверху — и добыча в руках. Но в этот самый момент Конобеев почувствовал, что около его ноги сзади кто-то трется. Макар Иванович осветил место позади себя и увидал почти обезумевшую от боли и страха собаку. Крабы насели на Хунгуза сплошной массой, так что его почти не было

видно. Пес катался по земле, отбивался лапами, на которых также висели крабы. Еще несколько минут — и его бы заживо растерзали десятиногие раки.

Хунгуза пришлось лечить несколько дней. А когда он вылечился, то еще долго дрожал, выходя на подводную прогулку. Если же ему приходилось увидать хоть маленького краба, пес, поджав хвост, обращался в паническое бегство.

Так постепенно научился он различать опасных и безопасных обитателей моря. Хунгуз делался «старым морским волком».

Глава 14

ГУЗИК СРЫВАЕТ ПОДВОДНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

Семейная драма Конобеева разрешилась благополучно. Марфа Захаровна сделалась завхозом подводного жилища. Впервые за все время существования океана собака разгуливала по подводным равнинам и делала стойку на рыб, дремавших в водорослях. Жизнь на дне океана наладилась.

Но Волков и его товарищи не забывали и о земле. На берегу кипела работа. Гузик на время переселился на землю и руководил работами по постройке химического завода, который должен был добывать из водорослей йод, калийные соли, бром и мышьяк. Работы на берегу и под водой требовали все большего количества людей. Как грибы, вырастали временные бараки для рабочих на пустынном берегу, где еще недавно было веками ненарушимое царство пернатых.

Вокруг химического завода быстро вырос небольшой поселок. Высоко поднялась к небу заводская труба и начала выбрасывать клубы черного дыма. Тишину морского берега нарушил заводской гудок, который был хорошо слышен даже в подводном жилище. Бараки для рабочих растягивались длинной полосой вдоль берега — граница подводного совхоза все дальше заходила на север и юг.

Волков и Ванюшка ежедневно наносили на план все новые и новые гектары подводных плантаций. Им приходи-

лось то пробираться по густым зарослям, пуская иногда в ход нож, чтобы проложить себе путь, то бродить по голой, обнаженной каменистой почве. На такой почве спорам водорослей негде было зацепиться, и здесь растительности не было. Но Волков собирался «засеять» и эти бесплодные равнины. Надо было лишь придумать машину для пробивания в гранитном дне небольших дыр, в которые можно было бы вставлять пучки ветвей. Ветви задержат споры, и водоросли быстро вырастут. Придумать такой механический заступ должен был все тот же Гузик, присяжный изобретатель подводного совхоза.

Теперь, проходя из подводного жилища на работу, они встречали под водою многочисленных рабочих, которые медленно ходили в водолазных костюмах, напоминая фантастических марсиан. Рабочие собирали водоросли в небольшие тюки, связывали и прикрепляли к крюку на конце веревки, опускавшейся сверху. Затем они дергали за веревку, и водоросль поднималась на борт лодки или большой барки. Караван таких барок выводился в океан буксирным пароходом, который расставлял их одну за другой на протяжении нескольких километров. Барки становились на якорь и спускали лодки. Вечером, по окончании работы, нагруженные доверху барки вновь собирались буксирным пароходом и отводились к берегу, где их разгружали. Вся добыча поступала на завод. Такой способ добывания был более удобен, чем японский.

Японцы не могли чисто «косить» водоросли своими примитивными баграми и шестами. После них еще много водорослей оставалось на дне. Притом водоросли росли на глубине, которая превосходила длину шестов, и были для них совершенно недоступны. Водолазы же могли спускаться на значительную глубину, добывая таким образом еще никем никогда не использованные богатства подводного мира.

Но Ванюшку не удовлетворял и этот способ добывания водорослей водолазами вручную. Он мечтал о подводных косилках. И Гузик обещал ему спроектировать их, когда наладит производство на химическом заводе.

Когда Ванюшка поднимался со дна на поверхность, его

всегда поражали шум и суета надводного мира. В воде гораздо тише. А здесь! Неистово кричат чайки, жужжит паровая лесопилка, перекликаются рабочие, стучат топорами, заготовляя пучки ветвей... Все еще первобытным способом, вручную. Ванюшка хотел бы механизировать все, что только можно. Поймав Гузика, который возился в химической лаборатории над установкой перегонного куба, Ванюшка начал упрашивать его, чтобы тот поторопился с косилкой.

— Будь другом, поспеши! И еще я просил тебя сделать заступ, который мог бы в граните ямки делать. Динамитом, чем хочешь, только чтобы скоро и хорошо. И еще... подожди, куда же ты? И еще надо придумать машину ветви рубить и вязать. Вручную мы далеко не уедем.

Гузика отрывали другие рабочие, и Ванюшка, безнадежно махнув рукой, крикнул на прощанье:

— Приходи хоть обедать к нам под воду! Тут с тобой и поговорить не дадут.

— Ладно! — отвечал Гузик и спешил в котельную.

В тот день за обедом Гузик казался задумчивее обычного. Ванюшка убеждал его скорее изготовить механический заступ, а Гузик как будто не слыхал. Он ел морскую капусту, приготовленную Марфой Захаровной, и неопределенно мычал. После обеда Гузик коротко предложил всем мужчинам отправиться вместе с ним. Зачем, куда — на эти вопросы он не дал никакого ответа. Эта таинственность заинтересовала Ванюшку. Наверно, что-нибудь опять новое выкинет Гузик.

Марфа Захаровна и Пунь остались дома хозяйничать, а мужчины, надев водолазные костюмы, вышли из подводного жилища. День был сумрачный, и пришлось тотчас зажечь фонари. Гузик жестами показал, чтобы все стояли неподвижно и ждали его, а сам отправился за дом. Прошло несколько минут, и вдруг с другой стороны дома, откуда никто не ожидал, вспыхнул яркий свет. Ванюшка направил в ту же сторону свет своего фонаря и увидал необычайное зрелище: Гузик выехал на каком-то странном экипаже, полутракторе-полутанке, на гусеничном ходу. Ванюшка бросился к своему другу-изобретателю и начал осматривать экипаж.

Да, это был подводный трактор — «заступ», о котором Ванюшка так долго мечтал. На машину были направлены все фонари, и Гузик начал демонстрацию.

Он проехал мимо них и потом показал рукою позади себя. Трактор оставил в почве полосу углублений — по пяти в ряд, — идущих несколько вкось. Ванюшка пригляделся, как трактор роет ямы. Сзади машины виднелись пять металлических стержней, которые последовательно, слева направо, поднимались, опускались, захватывали пальцами-скребками куски земли и выбрасывали ее в сторону, оставляя в почве ровные, узкие и довольно глубокие ямы. Но это было еще не все. Гузик, сорвав подводные аплодисменты, уехал за дом и через некоторое время вернулся оттуда на той же машине, нагруженной пучками веток. Он проехал по целине. На этот раз трактор не только выкапывал ямки, но и садил в них пучки кустов. Это было великолепное зрелище. Гузик ездил по гладкой почве, и везде, где он проезжал, тотчас «вырастал» кустарник.

— Браво! — закричал Ванюшка.

Но его никто не слыхал, кроме его самого. Тогда он подбежал к трактору, уселся рядом с Гузиком и начал аплодировать перед самым его лицом. Тот сразу не понял этого жеста и даже немного растерялся. Затем Ванюшка схватил слуховую трубку Гузика и крикнул:

— Молодец, Микола! На «ять» сделал, фут возьми! Теперь ты только придумай такой заступ, чтобы гранит ковырять можно было.

Гузик махнул головой и пригласил всех следовать за ним. Ванюшка, имея в виду сопротивление подводной среды, не утерпел и уселся на трактор, который двигался довольно быстро. Он хорошо брал всякие неровности почвы и, как настоящий маленький танк, бесстрашно нырял в ложбины и влезал на бугры. Ванюшке приходилось наклоняться вперед, как при сильном ветре. Вот и ровное плато, лишенное водорослей. Маленькая подводная пустыня. Выход горной породы. Трактор быстро пробежал по каменистой почве и остановился. Металлические стержни-руки

поднялись, а на смену им из-под трактора выдвинулись пять буравов, которые начали быстро сверлить дыры в каменистой почве. Правда, эту быстроту нельзя было сравнить с быстротой копки ям: там вся работа шла на ходу, здесь же приходилось периодически останавливаться, сверлить камень и снова продвигаться вперед на несколько десятков сантиметров, чтобы опять сделать остановку. Но все же это был большой успех.

Закончив опыты, вернулись в подземное жилище. Ванюшка обнял и расцеловал Гузика. Но тот не был склонен к изъявлению нежных чувств. Отстранив от себя Ванюшку, он сказал:

— Вот видишь, я все сделал, о чем ты просил меня. Но, пожалуй, мы сможем обойтись без сверления ям в граните. Это все-таки дорогонько стоит. Вот когда пустим в ход вторую электростанцию, тогда дело другое. У нас будет дешевая энергия.

— А как же быть с подводными бесплодными каменистыми равнинами?

— Это тебе скажет Волков, мы уже беседовали с ним, — ответил Гузик.

— Бесплодные равнины можно превратить в цветущие, если можно так выразиться, поля иным способом, — ответил Волков. — Есть вид водорослей, который в Японии называется «фунори». Японцы разводят фунори как раз на каменистой почве таким образом. Они бросают на дно камни, преимущественно горные, так как горные камни более шероховатые, чем морские, обточенные уже водой. Этих камней с шероховатой поверхностью, оказывается, достаточно для того, чтобы задержать, закрепить споры фунори. И водоросль быстро начинает разрастаться на камнях. Набросать камней, пожалуй, будет дешевле, чем сверлить дыры. Впрочем, мы можем использовать оба способа. Во всяком случае в пределах нашей досягаемости, а вернее, в тех пределах, до которых простираются морские водоросли, мы не оставим ни одного сантиметра неиспользованным. Но в первую очередь мы будем эксплуатировать то, что, как говорится, лежит под руками. Ведь мы еще не собираем и десятой части даже естественно растущих водорослей.

— Вот так фут возьми, Семен Алексеевич! Сколько же мы сможем заготовить водорослей?

— Думаю, что через год-два мы обгоним американцев. Могу поручиться за то, что будем получать несколько миллионов долларов дохода в год. Но об этом мы еще успеем помечтать. А сейчас пойдем-ка с тобой, Ванюшка, на работу. Сегодня нам еще много надо пошагать!..

Глава 15

ПОД ВОДЯНЫМ ОДЕЯЛОМ

Постепенно удаляясь все более на север, Волков и Ванюшка исследовали площадь дна, покрытую водорослями, чтобы взять на строгий учет эти естественно растущие богатства.

Здесь было довольно глубоко, и потому приходилось работать в полном водолазном костюме со скафандром. Костюм замедлял движения, но зато в нем легче дышалось — вода не давила на грудную клетку, а поэтому и усталость чувствовалась меньше. Но Ванюшка был «болен темпами». Медлительность мучила его, причиняла почти физическую боль.

— Много времени на переходы теряем, — говорил он. — Какие же это темпы! Надо бы заказать Гузику изобрести подводный автомобиль, что ли.

В самом деле, на этот раз они зашли очень далеко. Здесь не встречались рабочие-водолазы, срывавшие капусту, зато было очень много рыб, быть может, перекочевывавших сюда из вод подводного совхоза, где стало слишком беспокойно.

«Конобеева бы сюда», — подумал Ванюшка, поражаясь необычайному количеству рыб. Треска шла густой массой. С ее необъятным количеством можно было сравнить лишь темные тучи роев саранчи. Рыбы, кем-то напуганные, метались как обезумевшие, наскакивая друг на друга. Даже сильный свет фонаря их не пугал. Они бились в стекло скафандра, подплывали под руки, словно в поисках спасения. По-

том вся масса вдруг повернула вправо, на восток. Прошло не менее получаса, пока «горизонт» не очистился от этого необычайного скопления рыб.

— Уф, фут возьми, даже дыфать как будто легче стало! — сказал Ванюшка. — Вот она, валюта! Тыщи, миллионы на свободе ходят, сами в руки идут. Возьмите нас! Эх! Надо бы добраться скорее и до этого добра. А это еще что такое?..

Какой-то шест коснулся скафандра Ванюшки и быстро поднялся. Ванюшка хотел схватить за конец, но Волков остановил его.

— Гаси фонарь! — сказал Волков. — Это, наверно, рыбаки или ловцы водорослей. Они заметили свет в глубине воды, а может быть, увидели нас и испугались.

— Нашим нечего пугаться! — ответил Ванюшка. — Наши рыбаки знают, что теперь под водой водолазы с фонарями ходят. Испугаться могли только японцы, которые нашу капусту воруют. Дай-ка я выплыву на поверхность да гляну.

Ванюшка нажал кнопку у аппарата, и водород, получившийся при электролизе воды для добывания кислорода и обычно выпускавшийся наружу, начал надувать резиновый баллон, который поднял Ванюшку на поверхность.

В десятке метров от Ванюшки, покачиваясь на волнах, стояла японская лодка, тупоносая, расписанная по краям красными узорами. Два японца смотрели на берег и не видели Ванюшку. Ванюшка решил посоветоваться с Волковым, как наказать хищников. Он выпустил из баллона водород и опустился вниз, влекомый тяжестью грузил в подметках.

— Японцы, — сказал он Волкову. — Давайте проучим их! Поднимемся и выдернем весла из их рук. Нет, это не годится. Их унесет в океан, и они могут погибнуть. Ведь они только рабочие. Я знаю, это лодки Таямы. Я просто уцеплюсь за их шест, если они еще опустят его. Вот он! — Ванюшка схватил конец шеста.

Шест задвигался и медленно пошел вверх вместе с Ванюшкой. Японец решил, что на конце шеста хорошая добыча — большой пук водорослей. Каково же было его удивление, когда из воды показался скафандр водолазного костюма! Ванюшка подплыл к лодке и жестами дал понять, что он перевернет лодку, если они не уберутся отсюда немедленно.

Японцы тотчас же взялись за весла и поплыли прочь.

Ванюшка был очень взволнован этой встречей. Вернувшись домой, он заявил Волкову:

— Семен Алексеевич, они продолжают воровать народное достояние. Я не могу допустить этого. Мы должны устроить сторожевой пост. Я сам буду сторожить. Если нас сейчас обкрадывают, то что же будет, когда мы насадим капусту на мелких местах? Их надо проучить. Я сейчас вызову Гузика по телефону с берега и поговорю с ним.

Когда Гузик явился, Ванюшка изложил ему свой план. Территория подводного совхоза все расширяется. За этой территорией тянутся пространства, никем не охраняемые. Необходимо улучшить подводную охрану. Для этого нужно выстроить подводную сторожку в нескольких километрах к северу от главного подводного жилища. В сторожку переселятся Ванюшка и Конобеев.

— Марфа Захаровна будет против! — перебил Волков. — Нельзя так: зазвать старушку под воду и оставить одну.

— Мы будем меняться с ним дежурствами. Макар Иваныч и теперь днями пропадает. Необходимо провести телефон.

— На такое расстояние проводить телефон трудно, — возразил Гузик. — Ведь в воде приходится изолировать провода. Необходимо, значит, прокладывать кабель. Это стоит недешево. Притом за кабелем нужно смотреть. Его могут повредить и морские животные, и люди. Удобнее поставить небольшие радиостанции на короткой волне. Вода передает радиоволны. Одного аккумулятора хватит надолго, чтобы питать радиостанцию. Таким образом можно установить связь между отдаленнейшими уголками подводного совхоза.

— Еще одно надо, — продолжал Ванюшка. — Вот случится тревога. Я вызову вас радиосигналом. А пока вы доберетесь до меня, меня двадцать раз могут убить, и рыбы съедят, ничего не останется. Изобрети ты, пожалуйста, подводный автомобиль. Ведь если ты электричеством обеспечен, то чего проще! Я так думаю, тут и изобретать нечего, разве

только гусеничный ход приладить. Дорог, правда, под водой еще нет хороших, но со временем мы и шоссе проведем. Полный автодор, одним словом.

— С автомобилем ничего не выйдет. Шоссе провести, дорогой мой, не так-то легко. Под водой есть и горы, и пропасти, и расщелины, и обрывы, и болота. Попробуй проложить дорогу да мосты построить! — возражал Гузик. — Все деньги ухлопаешь, а скорости настоящей не достигнешь. Положим, можно сделать кузов автомобиля в виде хорошо обтекаемого тела рыбы. Но колеса все-таки будут вязнуть. В подводное болото влезешь — не вытащишь машину. Ты прав в одном отношении: изобретать мне действительно почти ничего не приходится. Мне остается только использовать величайшее изобретение нашей советской техники — наш маленький, но мощный аккумулятор. Немного конструктивной выдумки, и задачу подводного транспорта мы разрешим, не прибегая к постройке автомобиля. Довольно взять обыкновенный винт, какой применяется в моторных судах, только поменьше, и укрепить его... на твоей голове. И винт потянет тебя за мое почтение!

— А голову не оторвет? Ты смотри у меня, Гузик!

— Не оторвет. Аппарат можно укрепить у плеч, но винт выдвинуть впереди головы, так что ты будешь разрезать воду твоим медным лбом.

— Ты не ругайся, Гузик. Медные лбы только у твердолобых. А сопротивление воды? Наше тело не похоже на тело рыбы.

— Сделаем особый плащ из полужесткого материала, который придаст обтекаемую форму твоему телу. И ты помчишься вперед...

— С какой скоростью?

— Да хоть бы и сотню километров в час!

Ванюшка был в восторге. Однако ждать, пока будет выстроена сторожка, поставлена радиостанция и изготовлен винтовой двигатель, он не мог. Не терпелось! И Ванюшка решил отправиться на дежурство в ту же ночь, чтобы рано утром быть на месте.

— Я возьму несколько запасных аккумуляторов, и мне хватит кислорода на несколько дней. Возьму пресной воды и запас пищи в резиновый мешок. Когда захочу есть или пить, всплыву на поверхность, выйду на берег, позавтракаю — и снова в воду. Если что случится, буду стучать камнями.

Простившись с товарищами, он отправился в путь. Было темно. Ванюшка зажег свой фонарь и время от времени посматривал на компас, прикрепленный сверху резиновой перчатки.

Ступив несколько шагов влево, начал вдруг медленно падать куда-то в бездну. Хорошо, что это случилось в воде. Будь это на земле, Ванюшка разбился бы вдребезги. Да и водолазный костюм кстати: падая в морскую бездну, юноша не рисковал утонуть.

Чем ниже, тем медленнее «тонул» Ванюшка. Свет его фонаря освещал каменную отвесную стену и длинные веревкообразные стебли подводных растений. Ванюшка ухватился за одну из этих веревок. Она медленно начала опускаться вместе с ним. Однако надо же подниматься вверх! Ванюшка взмахнул руками — и остался на месте. Веревка опутала его ноги. Он согнулся и начал развязывать ее. Не поддается. Ножом ее! Ванюшка вынул кортик. Ах!.. Кортик выскользнул из рук и нырнул вниз, блеснув, как рыба.

Без ножа плохо и опасно. Вдруг откуда-нибудь вылезет осьминог. Надо опуститься еще ниже и найти кортик.

Ванюшка с трудом разорвал стебли водорослей и осторожно опустился. Вот он и на дне. Угрюмое подводное ущелье меж скал. Внизу — среди водорослей — целое кладбище лодок, рыбачьих баркасов, шхун... Человеческие ребра, черепа... Куски мачт, железная острога, гарпун, якорь, еще якорь... А вот и оброненный кортик. Здесь совсем не видно рыб. Почему бы это? Зато на дне много рыбьих скелетов. Странное подводное рыбье кладбище! Почему здесь не водится рыба?.. Вот одна показалась вверху. Она мечется, словно попала в сети... Вот она исчезла во тьме водяного «неба». Вот другая, нет — та самая. Она едва ворочается, лежит на боку, опускается. Отравлена!.. Быть может, здесь

имеются газы, отравляющие рыб, как в знаменитой собачьей пещере в Италии? Углекислота?!. Хорошо, что Ванюшка в водолазном костюме. Но и ему как будто становится тяжело дышать в этом жутком ущелье смерти. Скорей наверх!.. Ванюшка собирает в баллон водород и всплывает.

Ночь. Небо чистое. Звезды. Волны качают Ванюшку. Он уже привык к их баюканью. Он может даже уснуть на волнах. Но что это? Волна вдруг бросает его и пребольно ударяет о что-то. Берег далеко. Что же это может быть здесь? Ни лодки, ни буя. Ах вот оно что! Когда волна спала, Ванюшка увидал обнажившийся черный утес. Так вот отчего внизу так много погибших судов! Этот опасный подводный утес — вершина подводного горного пика — погубил уже не одно судно.

Ванюшка опускается вниз и идет по неровной почве. Опять лес водорослей. Здесь очень глубоко. Самое подходящее место для ловли. И далеко от совхоза. Ванюшка решает здесь прождать до утра. Еще рано. Он смотрит на часы, прикрепленные к правой руке. Два часа ночи, а вышел он в девятом часу вечера. Почти шесть часов в пути! Надо отдохнуть! На этом песке хорошо уснуть. Ванюшка не без труда ложится, обматывает вокруг себя водоросли и, легонько покачиваясь, засыпает сладким сном. Он так храпит в своем скафандре, что рыбы пугаются. Даже крабы, подозрительно косясь, боком пятятся подальше в сторону. Ванюшка может спать спокойно. Одежда его крепка и надежна, кислорода хватит на много часов. Почему бы и не проспать ночку под водой, как спят рыбы?

Глава 16

ВАНЮШКА-ДИПЛОМАТ

Проснулся он от усиливающегося покачивания. Начинался прилив. Ванюшка лежал на мелком месте, где вся масса воды перемещается вперед во время приливов и отливов. Открыл глаза. Утро. Поверхность воды чуть-чуть розовела от солнца. Над самой головой Ванюшки маячило темное пятно. Это дно лодки.

Ванюшка сразу вспомнил, зачем он сюда пришел. Разорвал водоросли, всплыл на поверхность и увидел лодку, нагруженную бурыми водорослями, и в ней двух японцев. Еще несколько лодок медленно передвигались вдоль побережья, а в открытом океане стояла большая шхуна Таямы Риокици. Ванюшка подплыл к лодке и потребовал, чтобы его доставили на шхуну. Но японцы не поняли — или не пожелали понять — его мимического языка. Ванюшка погрозил им кулаком и направился к шхуне.

Подплыв к корме, он ухватился за якорную цепь и начал делать знаки матросам, стоявшим на борту. Поднялась суета. К борту подошел японец в резиновом плаще и кожаном шлеме. Японец пристально посмотрел на Ванюшку, потом сделал знак, приказав матросам, чтобы они подняли его. Ванюшке бросили конец троса и подняли на палубу. Он быстро снял с головы скафандр и обратился к японцу в плаще и шлеме:

— Вы Таяма Риокици?

Один из матросов тотчас перевел этот вопрос.

— Нет, — отвечал японец в плаще. — Я шкипер господина Таямы. А кто вы и что вам надо?

— Мне надо видеть Таяму, а зачем, вы сами можете догадаться. Вы ловите водоросли у наших берегов.

Японец минуту подумал и быстро сказал что-то матросу по-японски. Матрос кивнул и убежал.

— Прошу обождать! — сказал шкипер, любезно улыбаясь, в то время как глаза его были суровы.

Скоро матрос вернулся, скороговоркой передал что-то японцу. Тот, улыбаясь еще любезнее, сказал Ванюшке:

— Господин Таяма Риокици просит вас к себе. Но вам удобнее будет, если вы снимете ваш водолазный костюм.

Ванюшка подумал. Одет он был более чем легко. Не уронит ли он советский престиж, если явится к Таяме в одних трусах? Ведь он, Ванюшка, выступает в важной роли дипломата. Вдобавок он совсем не желает, чтобы ему приказывали.

— Мне так удобно, — ответил он японцу. — Визит мой не продлится долго. Если Таяма опасается, что я замочу его каюту, то мы можем встретиться с ним здесь, на палубе.

Японец в шлеме опять послал матроса к Таяме. Наконец эти предварительные дипломатические переговоры о месте конференции окончились: Таяма просил Ванюшку пожаловать к нему в каюту, не стесняясь костюмом. Ванюшка отправился в своем водолазном костюме, оставив на палубе только скафандр. Правду сказать, водолазный костюм не создан для визитов. На суше он тяжел, в особенности его свинцовые подошвы. Ванюшка с трудом передвигал ноги, спускаясь по узкому трапу.

Каюта капитана была устроена внутри шхуны и освещалась только фонарем, висевшим у потолка. Посредине комнаты сидел, поджав ноги, толстый человек с лицом Будды. Трудно было сказать, сколько ему лет, весел он или печален, — бронзовая маска лица была непроницаема. На нем было надето два халата: нижний — белый с отворотами, открывавшими тучную шею, и верхний — голубой, с широкими рукавами. Полы халата на коленях были подвернуты в виде валика. Будда сидел, опустив глаза на ковер и склонив голову, как будто он глубоко задумался или молился.

Ванюшка остановился у двери и зорким взглядом окинул комнату. Направо виднелась узкая дверь, а за нею — самая обыкновенная «европейская» каюта.

И еще одно увидал Ванюшка: из-за двери в капитанскую каюту выглядывала хорошенькая, на вид совсем юная японка с косо посаженными миндалинками черных глаз, коротко остриженная. На японке была матроска и короткая синяя юбка, на ногах — легкие европейские туфли. Девушка смотрела на Ванюшку с полудетским-полуженским любопытством. Ванюшка улыбнулся и весело мигнул ей.

Будда, очевидно, умел, глядя на пол, видеть, что делается вокруг. Он неожиданно проговорил несколько японских слов, после которых японочка, улыбнувшись в ответ на приветствие Ванюшки, скрылась за дверью и прикрыла ее.

— Прошу вас, садитесь, — сказал Таяма по-русски, и довольно правильно.

— Я вижу гражданина Таяму Риокици? — спросил Ванюшка, не без труда усаживаясь на подушку в своем водолазном костюме.

Таяма еще ниже наклонил голову и сказал:

— Вы видите перед собою вашего покорнейшего слугу. Я сам и моя шхуна в вашем распоряжении. Если вы пришли ко мне по делу, то дело не уйдет. Вы мой гость, и вы должны осчастливить меня, разделив со мною утреннюю трапезу.

В капитанской каюте опять мелькнула матросская блузка японки. Ванюшке очень хотелось вновь подмигнуть ей, но положение обязывало, и дипломат только повел бровью. Таяма, как ожившая статуя, принял с колен руки и налил из бутылки две рюмки.

Тонкий аромат прекрасного рома наполнил комнату.

— Благодарю, не пью! — сказал Ванюшка, поднимая руку. — И вообще я хотел бы поговорить раньше о деле.

Будда опять превратился в статую. Потом в его руках неожиданно появился веер, которым Таяма начал обмахивать свое лицо, хотя в каюте не было жарко. Быть может, это был только хитрый маневр. И в самом деле: Ванюшка засмотрелся на «фокусный» веер, произошла пауза, которой воспользовался Таяма. Не давая говорить Ванюшке, он начал говорить сам — жаловаться на плохие времена, на перенаселенность Островов, на безвыходное положение тысяч японских семейств.

— Я не спрашиваю, кто вы и зачем пришли. Я знаю это. Вы вправе требовать, чтобы мы ушли от ваших берегов, и мы уйдем. Но не судите нас строго. Мы берем лишь то, что вы сами не используете. Зачем богатствам пропадать напрасно, если им можно накормить голодных? Сравните наши страны. Япония имеет всего триста восемьдесят пять тысяч квадратных километров, а у вас один Дальневосточный край раскинулся на площади в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. У нас на одном квадратном километре теснятся полтораста человек, а у вас не приходится и одного — ноль и семь десятых. Можно ли судить нас строго? Но я вижу, я знаю, — вы устраиваете подводный сосвос... сос... совхоз. Вы хотите использовать ваши богатства так, как они никогда не использовались раньше. И мы не будем мешать вам. Мы уважаем собствен-

ность. Не трудитесь убеждать меня. Я сейчас же дам распоряжение ловцам, чтобы они снимались с якоря. Я больше не буду плавать у ваших берегов. Можете передать это вашим товарищам: товарищу Волкову и другим уважаемым товарищам.

Ванюшка был удивлен и раздосадован.

Удивлен тем, что Таяма так хорошо обо всем осведомлен и знает организаторов подводного совхоза даже по фамилиям. Раздосадован же тем, что победа досталась слишком легко, что Таяма сдался без боя, что он своим фокусом с веером сумел вырвать инициативу в ведении переговоров, сказал все, что ему было нужно, и поставил Ванюшку в такое положение, когда тому не о чем больше было говорить. Катись, мол, колбасой — и только. Конечно, Ванюшка не дипломат, но провести себя он не позволит и в обиду не даст. Надо на прощанье по крайней мере сказать откровенно, что он о Таяме думает. Пусть скиснет от этих слов! Тоже — ромом задобрить хотел!

— Так вот что, гражданин Таяма, — сказал Ванюшка. — О вашей тесноте мы сами очень даже хорошо знаем. Но только мы знаем еще, что и в Японии не всем тесно живется. Есть там худые, а есть даже и очень толстые. Вы о себе заботитесь, а не о бедноте. А вот когда японский пролетариат свернет вам шею, тогда мы с ним поговорим особо, у нас с ним будет отдельный разговор. С ними, с бедняками, мы всегда сговоримся и, может быть, эти земли им отдадим, потому что наш Союз — родина всех пролетариев. А пока вы в Японии хозяева, мы вас не допустим у наших берегов хозяйничать.

Ванюшка поднялся и, довольный собой, вышел из каюты. Тяжело ступая, он начал подниматься по ступеням.

Таяма, сохранявший в продолжение всей Ванюшкиной речи неподвижность статуи, трижды ударил в ладоши. Мимо Ванюшки стрелой промчался матрос.

В следующую минуту несколько матросов, спускавшихся по трапу, с поразительной для них неловкостью сбились в кучу на узенькой площадке и, всячески извиняясь, задержали Ванюшку по крайней мере на две-три минуты. Наконец ему удалось выбраться на палубу.

Матрос, который обогнал его на трапе, держал в руках его скафандр, а шкипер внимательно рассматривал. Ванюшка подошел к ним и протянул руку к скафандру. Шкипер через переводчика сказал Ванюшке, что в скафандре имеется повреждение и что поэтому гостю лучше не покидать судна, пока повреждение не будет исправлено.

— Никакого повреждения в скафандре нет, — ответил Ванюшка. — Давайте его сюда.

Но, взяв скафандр в руки, Ванюшка увидел, что сбоку действительно имеется небольшое углубление, сделанное каким-то режущим предметом. Сквозной дыры еще не было, но все же вода могла проникнуть внутрь, в особенности при некотором давлении. В таком скафандре нельзя опускаться на дно. Ванюшка готов был поклясться, что этого повреждения не было в то время, когда он поднимался на палубу. Снимая скафандр, он не мог не заметить изъяна на блестящей гладкой поверхности аппарата. Ванюшка подозрительно посмотрел на шкипера-японца.

— Что это значит? — спросил он.

— Вероятно, вы ударились под водою об острую скалу! — ответил японец. — Но это пустяки. Наши мастера быстро поправят повреждение. Вам придется немного погостить у нас.

Погостить на шхуне после того, как он высказал откровенное мнение о Таяме, не очень-то улыбалось Ванюшке. Но делать было нечего. Бросать водолазный костюм он не хотел, до берега доплыть нелегко...

— Если вы не хотите снять костюма, то я советовал бы вам по крайней мере снять ящик со спины и грузила с ног, — предложил шкипер.

Это был неплохой совет. В конце концов, почему бы и не снять ранца и грузил?

— А скоро починят скафандр?

— Я полагаю, что на это уйдет не больше часа, — ответил японец. — Здесь ветрено. Быть может, вы сойдете в кают-компанию?

Глава 17

СТАРЫЕ СЧЕТЫ

Ванюшка сбросил ранец и грузила и, не снимая костюма, отправился в кают-компанию. Кок принес ему на подносе печенье, уже знакомую бутылку рома и стакан чаю, поклонился и вышел. В кают-компании никого не было, чему Ванюшка был рад. Он покосился на бутылку и отставил ее, чай же выпил не без удовольствия. «Этим ты меня не подкупишь!» — думал он о Таяме.

Поскучав полчаса, он решил подняться на палубу. Но в этот самый момент в каюту вошла молодая японка, уже в японском национальном костюме — в розовом кимоно и маленьких, шитых золотом туфельках. В руках она держала грушевидную четырехструнную гитару с бледно-розовой лентой у колков. За нею появился матрос-переводчик, который сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Господин Таяма Риокици просил передать уважаемому гостю, что он приказал своей дочери поиграть — занять уважаемого гостя музыкой и пением, чтобы уважаемому гостю не было скучно, пока чинят его скафандр. — И, низко поклонившись, матрос вышел, прикрыв дверь.

Ванюшка злился на себя, на Таяму, на маленькую японку.

Японка между тем, приветливо улыбаясь и приседая, подошла к стулу, уселась, положила на колени гитару с месяцеобразными прорезами в деке и начала играть при помощи тонкой треугольной костяной пластинки — плектрона, как играют на мандолине. Взяв несколько аккордов, она запела. Звуки инструмента были очень нежные, а маленький голосок девушки еще нежнее. Она пела какую-то сладкогрустную песенку. Ванюшка не понимал слов, но он понял, что это была песня о неразделенной любви.

Ванюшка положил голову на ладонь, оперся о стол и заслушался...

Какие-то голоса, как будто споривщие, привели юношу в себя. В его душе вдруг зародилось беспокойство. Не заманил ли его хитрый Таяма в ловушку? Быть может, его ска-

фандр и ранец с аккумулятором и аппаратом, вырабатывающим кислород, будут спрятаны, а Ванюшку посадят под замок! Он вдруг поднялся — так резко, что японка уронила плектрон и оборвала пение, — сердито посмотрел на испуганную девушку и, едва не сбив с ног матроса, стоявшего за дверью, выбежал на палубу.

Шкипера не было. Матросы поднимали на палубу шлюпки и лодки. Таяма, по-видимому, сдерживал слово и собирался уходить. Но ведь он может захватить с собою в качестве пленника и Ванюшку!

— Где мой ранец? Где шкипер? — набросился Ванюшка на матроса, но тот не понимал по-русски и только пожимал плечами.

Матрос сделал шаг, чтобы позвать шкипера, но Ванюшка остановил его. Быстро сбежав по ступеням трапа, он направился без предупреждения в каюту капитана. Здесь он застал такую картину. Возле стола стояли шкипер, сам Таяма и молодой матрос с длинным носом и короткими волосами, в очках, похожий скорее на инженера или врача, чем на простого матроса. Все они внимательно рассматривали скафандр и вскрытый аппарат для добывания кислорода. Тут же на столе лежал знаменитый аккумулятор Гузика, а на листе ватмана виднелись наспех сделанные наброски карандашом. Японец в очках снимал чертежи.

— Вы что тут делаете?! — закричал Ванюшка, позабыв о том, что он одинок и беззащитен. — Вы не только нашу капусту крадете, но и наши секреты, наши изобретения?

— Простите, — сказал японец в очках по-русски. — Естественное любопытство. Мы хотели ознакомиться с аппаратом, пока будет чиниться ваш скафандр. Он готов. Вы можете...

— А эти чертежи зачем? — не унимался Ванюшка. — Тоже любопытство? Давайте их сюда! — Он схватил чертежи и засунул их за пазуху в водолазный костюм. — Давайте аккумулятор!

Ванюшка быстро собрал аппарат, надел скафандр, прикрепил дыхательные трубки и вышел из каюты, не говоря ни слова. И, удивительное дело, его никто не задержал. Он

поднялся на палубу, надел на ноги грузила и прыгнул за борт, не осмотрев даже, хорошо ли исправлен скафандр. Уже в воде он оглянулся на борт шхуны. Из окна небольшого иллюминатора выглянуло лицо молодой девушки. Японка улыбнулась и махнула маленькой ручкой, словно выточенной из слоновой кости.

И неожиданно, по какой-то непонятной для него самого ассоциации, Ванюшка вдруг вспомнил девушку, которую он видел в пещере. «Вот та — это да, фут возьми!» — громко сказал он в скафандре. Образ японки побледнел, а силуэт девушки, стоявшей на фоне костра, обрисовался так четко, как будто он видел его на самом деле. Ванюшка крякнул и опустился на дно.

Вернувшись в подводное жилище, Ванюшка рассказал о своем визите к Таяме Риокици. Это было во время обеда. Марфа Захаровна приготовила уток, доставленных с берега ее мужем, и больших крабов. А Пунь угостила пастилой, сделанной из морских водорослей. На этот раз даже Ванюшка похвалил кулинарные способности Пунь:

— Оказывается, она не кухарка, а кондитер. Очень вкусно. И знаете что, Семен Алексеевич? Давайте изготовлять эту пастилу для продажи. Ходко пойдет!

— Это идея, — ответил Волков и спросил Ванюшку, где он так долго был.

Когда Ванюшка упомянул имя Таямы Риокици, Конобеев вдруг так стукнул волосатым кулаком по столу, что запрыгали тарелки, и сказал:

— Убить мало этого паразита! Из-за него я чуть не утоп!

И Конобеев рассказал давнишнюю историю. Оказалось, что между ним и Таямой были старые счеты. Конобеев и Таяма не раз сталкивались во время рыбной ловли.

Еще до мировой войны и революции у Конобеева была небольшая рыболовная артель, а Таяма, богатый купец и промышленник, вел дело на широкую ногу. Его шхуны бороздили воды Японского и Охотского морей, а иногда заплывали и в Берингово море. Рыба, водоросли, морские котики — все это хищнически уничтожалось Таямой у наших

берегов. Отсутствие охраны и малочисленность прибрежного населения развязывала руки Таяме, который обнаглел настолько, что не стеснялся ловить рыбу или бить котиков на глазах русских рыбаков и промышленников. Больше того, иногда он вступал с ними в настоящие сражения из-за лучших мест ловли.

Излюбленным приемом Таямы был такой. В свежий ветер одна из его шхун начинала носиться по волнам как бешеная. Она наскакивала на русские рыбачьи баркасы, зацепляла полуспущенным якорем сети, рвала их или увлекала за собой. Сам Таяма или его штурман ругательски ругали в это время на русском языке экипаж и рулевого шхуны, которые не умели-де обращаться с управлением и не знали своего дела. Перевернув с десяток русских баркасов и изорвав сотни метров сети, экипаж шхуны Таямы укрощал «взбесившееся» судно.

Однажды шхуна Таямы налетела таким образом на баркас, в котором находился Конобеев. В это время он спускал в воду огромную сеть.

Увидав перед собою вырастающую стену борта шхуны, Конобеев поднял вверх огромные кулачища и закричал. В голосе его слышались такие громоподобные раскаты и такая убедительная чувствовалась угроза, что даже дисциплинированный рулевой Таямы смутился и начал быстро вертеть колесо штурвала, желая избегнуть столкновения. Но расстояние было слишком малое. Шхуна наскочила на баркас и перевернула его вместе со всеми находящимися в нем рыбаками. Конобеев упал в воду и запутался в сети. И он, вероятно, погиб бы, если бы не счастливая случайность. Сеть зацепилась за полуспущенный якорь шхуны, который и потащил ее за собой. Быстрым движением Конобеева подняло на поверхность; он выхватил нож, которым потрошил рыбу, разрезал сеть и освободился.

Таяма тотчас сделал распоряжение спустить шлюпку и выловить Конобеева. Но Макар Иванович отказался от помощи. Когда шлюпка подплыла к нему и один из матросов протянул руку, Конобеев закричал:

— Прочь руки! Я не приму помощи от убийц! — и поплыл дальше.

Берег едва виднелся вдали, море было бурное. Конобеев выбивался из сил, но продолжал плыть в своих огромных рыбачьих сапогах. Шлюпка следовала издали, надеясь, что он утомится и примет помощь. Скоро Макар Иванович действительно выбился из сил и начал тонуть. Шлюпка немедленно поспешила на помощь. Матрос протянул Конобееву весло, но тот, злобно выругавшись, так сильно рванул его, что маленький японец вместе с веслом упал в воду. Японцы, забыв о Конобееве, начали вылавливать из бурных волн упавшего товарища, а Макар Иванович, отдышавшись, поплыл дальше.

Выловив упавшего матроса, японцы вернулись на шхуну, предоставив Конобеева самому себе и волнам.

— Таяма уверен, что я утонул! — закончил Макар Иванович.

Тут же за обедом все решили, что Ванюшка был прав, предлагая устроить подводную сторожку. И, не откладывая дела, с этого же дня приступили к устройству целых трех сторожек. Предполагалось, что постоянно дежурить под водой будут лишь в одной сторожке, а две другие послужат запасными базами, где подводный охранник сможет отдохнуть и пообедать, не поднимаясь на поверхность, или же снестись с центральной базой при помощи небольшой коротковолновой радиостанции.

Сторожки имели вид колпака высотою в пять и диаметром в шесть метров. Железный колпак с внутренней стороны был покрыт изоляционной оболочкой, которая сохраняла тепло и предохраняла стены от потения. В колпаке были заключены: шкаф с продуктами, запас пресной воды, электрическая плита, шкафчик с необходимой посудой, кровать, застланная серым пушистым одеялом. Далее: ковер на полу, под ним — линолеум, деревянный пол и бетон, как основание, дверь, снабженная наружной камерой для впуска и выпуска воды, круглое окно с толстым стеклом, наконец, электрическая лампочка на потолке и сильный рефлектор для освещения подводного мира за окном. На отдельном

столике помещалась приемно-передающая радиостанция. И еще одним аппаратом была снабжена подводная сторожка: перископом, который можно было поднимать на поверхность, чтобы обозревать окрестности. Вначале этот перископ был установлен на постоянном стержне, но стержень этот очень скоро сломала проходившая шхуна. Пришлось сделать его выдвижным и убирать по надобности.

Третья — крайняя — сторожка находилась в двадцати километрах от главного подводного жилища, которому Волков дал громкое название «Гидрополис» — водяной город.

— А почему бы и не быть водяным городам? — говорил он. — С тех пор как существует чудеснейший аккумулятор, многое стало возможным. Водолаз может теперь находиться под водой неограниченно долгое время, передвигаться с быстротой акулы, освещать свой путь лучше, чем освещают его глубоководные рыбы. Мы сможем строить подводные жилища, снабженные всем необходимым. И кто знает, быть может, через много-много веков, когда население земли увеличится и на суше станет слишком тесно, часть людей уйдет на постоянное жительство под воду. Здесь имеется еще огромная неиспользованная площадь. Сами океаны могут дать неограниченные запасы электроэнергии, если использовать разность потенциалов электродов в разной температуре воды верхних и нижних слоев. Электроэнергия путем электролиза даст нам кислород, она же даст свет и тепло. Представьте себе подводные города, залитые электрическим светом, подводные автомобили, велосипеды, трамваи, поезда, своеобразные подводные дирижабли, телеграфы, телефоны, подводные сады и парки с лужайками для детей, с кучками песку, с прирученными вместо собачек рыбами. Разве это не заманчивая перспектива? Гидрополис — только первая ласточка.

Месяц спустя после того, как были выстроены сторожки, Гузик преподнес Ванюшке подарок — маленький винтовой двигатель, при помощи которого можно было проплывать под водой огромные пространства. Теперь Ванюшка проделывал под водой концы в сотни километров, побывал

в проливе Татарском и мечтал об исследовании берегов Охотского моря.

Вернувшись из одного такого путешествия в Гидрополис, Ванюшка сказал Волкову:

— Семен Алексеевич! Это же безобразие. Столько богатства у нас пропадает! Так нельзя. Видали вы карту первой пятилетки? Там Чукотского полуострова и Камчатки вы даже не найдете: они прикрыты картой Кузнецкого бассейна. Прикрыты! И что прикрыто? Миллиарды! Леса, звери, рыбы, золото, ископаемые всяческие, птицы, водоросли — миллиарды тонн водорослей, а значит, целые цистерны йоду, целые горы калийных удобрений, корма для людей и скота. Надо заселить погуще наше побережье. Протянем наши промыслы сплошной ниткой до Берингова пролива, заселим рабочими, а потом и начнем разворачивать производство за производством, промысел за промыслом!

В январе приступили к первой «жатве». Посаженные пучки ветвей задержали споры водорослей, которые разрослись теперь пышными плантациями. Хорошо принялись и фунори на засыпанных горными камнями местах. Ванюшка ходил на подводные нивы и любовался урожаем. На плантациях уже работало несколько сот человек. Механические косилки скашивали и связывали длинные ленты водорослей. На глубоких, с изрезанным профилем морского дна местах водолазы вырывали водоросли просто руками или же подрезали их ножом

На берегу работа кипела еще оживленнее. Если бы теперь Хунгуз захотел побегать по берегу, то он едва ли нашел бы свободное место: все было завалено горами водорослей. Немного выше расположились сортировщики, промывщики, еще дальше — сушильщики. Водоросли, предназначенные для химической переработки, отвозились на завод целыми поездами вагонеток с маленьким электровозиком во главе. Сердцем электровозика был все тот же аккумулятор, величиною со спичечную коробку.

«Страдная» пора продолжалась от января до весеннего равноденствия. Работы было столько, что Ванюшка на время позабыл о Таяме. Но Таяма сам напомнил о себе.

Глава 18

ТАЯМА ОТДАЕТ ВИЗИТ

Поздно вечером, когда все собрались после трудового дня в столовой и засели за чай, зазвонил телефон с берега. Заводской инженер-химик, который в это время еще работал в лаборатории, сообщил, что недалеко от берега бросила якорь какая-то шхуна, с которой высадился толстый японец внушительного вида. Фамилию свою он не называет и говорит, что у него есть важное дело к Семену Алексеевичу Волкову, которого он желает видеть немедленно.

— Это Таяма! — воскликнул Ванюшка. — Пусть придет сюда.

— Зовите! — сказал Конобеев с угрожающим видом. — Однако сюда он войдет, а отсюда его вынесут.

— Таяме не следует показывать нашего подводного жилища, — возразил Волков, — если только это действительно Таяма. Но почему, Ванюшка, ты думаешь, что это Таяма?

— Кто же может быть иной? Важный, пузатый, как следует купчишке. Идем все к нему!

— Разумеется, — ответил Волков. — Я не имею ни малейшего желания говорить с ним с глазу на глаз.

— А почему бы раньше не узнать, что у него на уме? — сказал Гузик, как бы рассуждая сам с собой. — Таяма хитрый и опасный соперник. Если мы придем все вместе, то он, конечно, не скажет того, что скажет одному Семену Алексеевичу. Давайте сделаем так...

— Семен Алексеевич будет говорить один, а мы устроимся за перегородкой в резерве и накроем Таяму! — докончил Ванюшка. — Айда!

Ванюшка не ошибся: посетителем был Таяма. В дорогой меховой шубе и такой же шапке, он ожидал Волкова в конторе завода.

Когда Волков вошел, Таяма назвал свое имя, вежливо, но с достоинством поклонился, сняв шапку, и сказал:

— Разрешите поговорить с вами по одному важному делу.

Волков предложил сесть.

Таяма говорил долго и внушительно. Он начал издалека, как и в разговоре с Ванюшкой. Говорил об ужасной тесноте и перенаселенности островов Японского архипелага, говорил о нужде, о безработице, о непрекращающейся эпидемии самоубийств, о самоубийствах целых семейств, долго распространялся о неосвоенных просторах Дальневосточного края, привел даже русскую пословицу о собаке, которая лежит на сене: сама не ест и другим не дает!

— Позвольте внести фактическую поправку, — не утерпел Волков. — Во-первых, «собака» сама начала усиленно есть дальневосточное сено, — вы видите и знаете, как быстро мы развиваем эксплуатацию морских водорослей. Но это лишь первые шаги. Во-вторых, «собака» и другим дает есть, если только это происходит в рамках законности. Разве между Советским правительством и Японией не заключаются различные договоры о торговле, о рыбной ловле и прочее?

— То, что вы делаете, — капля в море по сравнению с тем, что у вас есть, — возражал Таяма. — Что же касается договоров между правительствами, то это ужасно сложная, громоздкая вещь. Отдельным лицам гораздо проще договориться. К этому, собственно, и сводится цель моего визита... — Волков насторожился. Таяма заметил это и поспешил добавить: — Но не думайте, пожалуйста, что я хочу предложить вам незаконное... что-нибудь вроде... взятки.

— Нельзя ли ближе к делу?

— Одним словом, я предлагаю вам следующее: я буду ловить рыбу и добывать водоросли в тех местах, которые еще не освоены вами, вашим подводным... — как это? — завхозом. Согласитесь, что убытка от этого вам не будет: и рыба, и водоросли дают ежегодный прирост, превышающий убыль от улова. Если же я скажу, что из моего улова рыбы и добычи водорослей я буду давать вам четверть — натурой или стоимостью, — то ясно, что для вас это явится чистой выгодой, так сказать, расширением производства. Вы превысите план выработки, получите благодарность...

Волков поднялся.

— Вы хотите подкупить меня?

Поднялся и Таяма.

Дверь с треском открылась, и в комнату влетел Ванюшка. А за ним появилась огромная фигура старика, закрывшего выход своим массивным телом.

Желтоватая кожа Таямы потемнела.

— Нас подслушивали? — сказал он, делая возмущенное лицо.

Конобеев подошел к Таяме вплотную. Пушистая борода Макара Ивановича почти коснулась лица Таямы. Уже тихим, но зловещим, как отдаленный гром, голосом Конобеев спросил:

— Узнаешь?

Таяма внимательно посмотрел в лицо Макара Ивановича. Кто один раз в жизни видел это характерное лицо, тот не забывал его никогда. Таяма отступил на шаг, не отрывая взгляда. Видно было, что он напрягал всю силу воли, чтобы не показать волнения.

— Да, я узнаю вас, — после паузы, несколько охрипшим голосом ответил Таяма. — Помнится, в бурю моя шхуна столкнулась с вашей лодкой, вы тонули, мои матросы хотели помочь вам, но вы...

— Врешь! — крикнул Конобеев с такой силой, что даже Ванюшка, привыкший к его голосу, невольно присел. — Врешь, гадина! Ты утопил меня, как утопил многих наших рыбаков. Но я поднялся со дна моря, чтобы рассчитаться с тобой за себя и за тех. — Страшная волосатая рука протянулась к Таяме, огромные пальцы-клещи сомкнулись на груди японца, и Конобеев одной рукой приподнял сто двадцать пять килограммов таямовских мехов и жира. Таяма взлетел вверх, как перышко. А вытянутая рука Макара Ивановича даже не дрогнула.

Конобеев направился к двери. Открыв ее пинком ноги, он вынес полузадохнувшегося японца на улицу, донес до шлюпки и бросил так, что Таяма пролетел три метра, прежде чем попал на руки своих матросов. Вместе с хозяином они повалились на дно шлюпки, зачерпнувшей полным бортом и едва не перевернувшейся.

— Эффектно! — сказал Гузик задумчиво и тотчас перевел глаза на горизонт, где мерцал сигнальными огнями далеко проходивший пароход.

Глава 19

НЕВЕДОМЫЙ ВРАГ

Визит Таямы несколько дней служил темою для разговоров, но потом о нем начали забывать. Стояло горячее время, и новые заботы и события отвлекли внимание.

Началось с того, что Марфа Захаровна, непревзойденная специалистка варить капусту, подала на стол нечто несообразное. Даже Ванюшка, самый ревностный поклонник ее кулинарного искусства, отхлебнув из ложки, вдруг сделал гримасу, как грудной младенец, которому дали намазанную горчицей соску.

— Что это за гадость такая? — воскликнул он. Марфа Захаровна покраснела, причем оказалось, что от обиды ее красное, как спелый помидор, круглое лицо было способно краснеть еще больше. Правда, надеясь на свой талант, она не попробовала сама капусту.

Но разве она не варила так, как всегда! Марфа Захаровна подошла к столу, взяла ложку своего мужа, зачерпнула капусту, попробовала и вдруг вразвалку, как испуганная утка, выбежала из кухни и плюнула в мусорное ведро. Капуста имела отвратительный горько-соленый вкус.

— Понять не могу, что бы это значило! — сказала она, возвращаясь из кухни. — Капуста была свежая, хорошая, солила я ее как будто в меру, как всегда. Прямо ума не приложу!..

— Влюблены, наверно, — пошутил Ванюшка. А Волков вышел из столовой и через несколько минут вернулся, держа в руках стакан воды.

— Так я и думал. Попробуй немножко на язык! — сказал он, обращаясь к Ванюшке.

— Нас отравили? — спросил тот, беря стакан.

— Я не стану угощать тебя отравой, — ответил Волков. — Попробуй и скажи.

Ванюшка омочил губы, попробовал на язык, как это делают дегустаторы, и с удивлением сказал:

— Настоящая морская соленая вода! Откуда вы ее достали?

— Из нашего водопроводного крана, — ответил Волков.

— Как же она могла попасть туда? Ведь у нас в кране пресная вода с берега!

— Очевидно, где-нибудь прорвалась водопроводная труба и морская вода проникла туда, — сказал Гузик, мечтательно глядя в потолок. — Надо будет осмотреть и исправить, вот и все.

Он вышел из столовой; вслед за ним отправился Ванюшка, а Волков и Конобеев остались обедать. Щи были испорчены, но осталось второе — жареная рыба.

Через полчаса Гузик явился и сделал доклад.

— Так и есть. Труба повреждена. По-видимому, трактор задел ее. Не надо было поручать Цзи Цзы. Какой он тракторист?

— Ну, что же делать? Научится, — ответил Волков. — Я рад, что он хоть за что-нибудь взялся. А где Ванюшка?

— Пошел на берег сказать рабочим, чтобы починили трубу и телефонный кабель.

— Как, и... телефонный кабель?

— Ну, разумеется, — ведь он положен почти рядом с трубой.

Не успели починить трубу и телефонный кабель, как под водой случилось новое происшествие.

Рано утром Волков и Ванюшка были разбужены Конобеевым. Он звал их поскорее посмотреть на то, что делается на «дворе», как он говорил по привычке. А делалось, вероятно, что-нибудь необыкновенное, так как Макар Иванович явился в спальню Волкова прямо в мокром «зимнем» водолазном костюме, сняв только с головы скафандр.

— Я, вишь ты, вышел пораньше, хотел идти на шестой километр работать, однако вижу — несуразное случилось.

— Да что же случилось? — допытывался нетерпеливый Ванюшка, облачаясь в водолазный костюм.

— Мамай, одним словом, — ответил Конобеев.

Волков и Ванюшка вышли из дома и, засветив фонари, посмотрели вокруг. В разных местах на недавно скошенных «лугах» валялись кучки свежевырванных водорослей. Пока в этом ничего удивительного не было: буря на море нередко перебрасывает водоросли с места на место. Волков и Ванюшка пошли следом за Конобеевым. Но чем дальше они шли, тем больше валялось на земле сорванных водорослей. И еще одна подробность не ускользнула от глаз Волкова: в это утро им почти не встречалась рыба, как будто что-то испугало ее и рыба уплыла далеко отсюда. Путники прошли около километра, пока пришли к плантации, на которой еще не были сняты водоросли, — сегодня сюда должны были прийти косцы. Увы, печальное зрелище представилось их глазам! Вся плантация была изуродована, водоросли вырваны вместе с пучками веток, разбросаны, перемешаны с песком и илом. Эти водоросли могли пойти разве только на золу. Лучшие нивы, лучшие, отборные сорта фукусов, алярия и ламинария были уничтожены. Конобеев взял слуховую трубку Волкова и сказал:

— Однако и дальше не лучше!

Они отправились дальше, и Волков убедился, что и дальше действительно было не лучше. Водоросли были уничтожены на много гектаров к северу.

— Это Таяма вредительствует! — крикнул Ванюшка в трубку Волкова, но тот отрицательно покачал головой. Испортить в одну ночь такую огромную площадь было немыслимо. Для этого нужна армия людей. Откуда их может взять Таяма?

Волков нагнулся, осветил дно фонарем и начал изучать. Под водой следы человеческих ног на песке быстро сглаживались, и только свежие следы оставляют некоторые неровности: Волков искал их, но не находил. Лишь кое-где виднелись длинные продольные бугорки как будто недавнего

происхождения. Такие бугры могли быть сделаны лапами якоря, когда он волочился по песку.

— Что вы думаете, Макар Иванович? — спросил Волков Конобеева.

Старик пожал плечами.

Волков, Конобеев и Ванюшка вернулись лишь к обеду, усталые и опечаленные. Огромные пространства подводных полей были опустошены, погибли сотни, а может быть, и тысячи тонн водорослей. И хуже всего было то, что причина оставалась неизвестной.

Ванюшка несколько ночей подряд не ложился спать, он ночевал в море, бродил по подводным полям, переносился с места на место при помощи винтового двигателя и внезапно освещал прозелень моря то там, то здесь. Однако, кроме рыб, он не встречал никого.

Море было пустынно. Водоросли тихо покачивались, рыбы поедали друг друга — все было как всегда. И тем не менее через неделю снова погиб огромный участок подводных плантаций.

Ванюшка потерял сон и аппетит.

В бесплодных поисках виновника «потравы» подводных лугов прошла зима. Несмотря на солидные убытки, причиненные подводному совхозу неизвестным вредителем, было собрано огромное количество водорослей. Ко времени весеннего равноденствия сбор прекратился. На берегу началась переработка сырья, а под водой намечались новые места для засева, заваливались камнями бесплодные каменистые равнины. С наступлением весны и лета работы стало меньше, и часть рабочих-подводников была направлена на рыбную ловлю.

Ванюшка, сбросив «зимний» водолазный костюм, в трусах и полумаске совершал далекие путешествия. Однажды недалеко от крайней сторожки он вновь застал рыбаков Таямы. На этот раз месть Ванюшки была уже подготовлена; уходя на разведку, он всегда захватывал с собой большой бурав. Подплыв к рыбачьему баркасу со стороны кормы, Ванюшка начал буравить дно и скоро сделал дыру. Японцы

увидали течь и поспешно заделали дыру, но Ванюшка уже провертел вторую, а за ней третью. Перепуганные японцы поспешили к шхуне, которая и приняла их на борт. Поднявшись на поверхность, Ванюшка крикнул, что он будет теперь поступать так с каждым японским судном, которое только появится в советских водах.

В тот же день вечером, не возвращаясь в Гидрополис, Ванюшка вызвал по радио Конобеева к себе.

— Макар Иванович, — говорил Ванюшка, — таямовские бандиты опять появились. Приходите ко мне, мы их разделаем так, что отобьем охоту являться сюда.

Конобеев прибыл через несколько часов, глубокой ночью.

— Однако я что-то встретил, когда плыл сюда, — сказал он, не без труда влезая в маленькую сторожку.

— Что же вы встретили, Макар Иванович? — спросил Ванюшка.

— Да похоже как вроде морской коровы. Большое, пузатое проплыло мимо. Жаль, не очень близко, не мог я рассмотреть, да и водоросли в этом месте больно густые. Ну только никто как она нам вредила все время. Я пошел вслед за ней, смотрю — вся водоросль так и помята, так и порвана, — будто медведь в овсе валялся.

— Идем, Макар Иванович, — сказал Ванюшка, схватывая полумаску и ранец с аккумулятором. — Может быть, нам удастся нагнать ее. Если не убьем, то хоть узнаем, кто этот паразит!

Глава 20

ВО МРАКЕ ВЕЧНОЙ НОЧИ

Они пошли с погашенными фонарями в полной тьме, протянув руки вперед, как слепые. Неприятно было так идти: то неожиданно оступишься и попадешь в яму, то запутаешься в водорослях, то споткнешься обо что-то: не то утерянный якорь, не то обломки разбитого баркаса...

Шли долго. Ванюшка уже начинал уставать. Видно, и на

этот раз ему не посчастливится поймать жар-птицу... И вдруг он и Конобеев почувствовали на своем теле движение воды — ощущение, похожее на то, когда на земле обнаженный человек чувствует давление ветра. Откуда-то сильно «дуло». Они повернулись в сторону этого подводного водяного ветерка. Но не успели они сделать нескольких шагов, как «ветерок» превратился в сильный «ураган», столь резко оттолкнувший их назад, что Ванюшка упал, а Конобеев пошатнулся. Наклонив голову, старик рванулся вперед. Ванюшка поднялся и последовал за ним. Неожиданно кто-то схватил Ванюшку за плечо. На ощупь это была человеческая рука. Конобеев? Но он ушел вперед. Значит, тот человек, который производил опустошения на полях! По движению воды Ванюшка почувствовал, что человек другой рукой хочет схватить его за горло. Ванюшка пошарил рукой у пояса кортик и замахнулся, пытаясь вспороть неведомому врагу живот. Но враг схватил Ванюшкину руку. Ужаснейшая боль! Ванюшка вскрикнул; в тот же момент сильнейший свет ослепил его глаза и погас. Но этого короткого мгновения было достаточно, чтобы Ванюшка мог увидеть наклонившееся над ним огромное бородатое лицо Конобеева.

— Сдурел ты, что ли? — заорал Ванюшка в водяную тьму. Конобеев отпустил руки. Он схватил слуховую трубку и виновато забормотал:

— Однако история-то какая от тьмы случилась! Сослепу чуть друг друга не прикончили! Идем, что ли. Ушло чудовище, а ты на меня наткнулся!

Ванюшка уселся на дно и зажег фонарь.

— Гаси! — крикнул Конобеев. — Может быть, оно недалеко ушло.

Ванюшка погасил, и вдруг где-то далеко-далеко в глубине блеснул как будто ответный огонек. Блеснул и погас... Потом еще раз блеснул и погас уже в другом месте.

— Видел? — спросил Ванюшка. — Что это? Пойдем туда! — сказал он, показывая в ту сторону, где в последний раз блеснул огонек.

Они взялись за руки и пошли. Дно быстро понижалось.

Друзья входили в глубокую подводную низину. Время от времени навстречу им «веял ветерок».

— Большой зверь шевелится, однако, — сказал Конобеев, приглушая голос, хотя он говорил в трубку, плотно прижав губы к краям ее.

Ванюшке стало немного страшно. Впервые он подумал о том, что они подвергаются большой опасности.

Когда же в темной пучине вдруг опять сверкнул огонек, Ванюшка побежал вперед, оставив Конобеева. Скорее бы встретиться с этим неведомым врагом! Может быть, это самая безобидная рыба, только снабженная световым аппаратом, как многие обитатели глубоких вод?!

Ванюшка почувствовал, что вода все сильнее давит грудную клетку. Труднее становилось втягивать в себя кислород. Зато выдыхание происходило с необычайной быстротой. Очевидно, они шли уже на значительной глубине. Еще несколько метров вниз — и ноги Ванюшки заболтались в воде, не ощущая почвы. Вода начала выдавливать его вверх. Какая досада, что он не надел зимнего водолазного костюма с бочкообразной грудью! Тогда можно было бы проникнуть на гораздо большую глубину. Все тело сдавлено, но особенно достается груди. Ванюшка болтался в водном пространстве, как человек, попавший в мир невесомого. Он не мог идти дальше. Более тяжелый Макар Иванович плавал где-то под ним... Он поймал Ванюшку за ногу и потянул вниз.

— Однако ты пропадешь тут, малый, — крикнул Конобеев в трубку.

— Ничего... Макар Иванович! — задыхаясь, ответил Ванюшка.

Он не хотел сдаваться, но Конобеев, подхватив юношу под мышки, вдруг одним ударом правой руки поднялся вместе с ним на десяток метров вверх. Ванюшка чувствовал, как с каждым метром скатывается с него тяжесть, сковывавшая все тело. Правда, Ванюшка теперь прибавил в весе, но зато он может дышать нормально. Какая досада, что им не удалось выследить чудовище! Но теперь они уже кое-что знают.

Надо только продолжать слежку. Ванюшка посмотрел вверх. Оттуда виднелся слабый свет. Утро! Однако как незаметно прошла ночь!

«Солнце! Благодатное солнце! Хорошо, интересно под водой, но скучно без солнца. Правда, через небольшой слой воды оно и светит и греет подводный мир, но все же...» — Ванюшка не успел додумать своей мысли. Его внимание было привлечено длинным шестом, который медленно погружался в воду. Посмотрев вверх, Ванюшка увидел дно лодки и смутное отражение человека, нагнувшегося из-за борта над водою. Лодка находилась почти над самой сторожкой. Ванюшка толкнул Конобеева локтем.

— Опять японцы взялись за свое! — сказал он. — Сейчас я просверлю им донышко.

— Погоди, однако! — крикнул прямо в воду Конобеев и, отстранив Ванюшку, зашагал к шесту. Макар Иванович был обозлен неудачами прошлой ночи. Притом он помнил свое обещание, данное Таяме. А это, конечно, были его агенты, и Конобеев решил, наконец, расправиться с купцом по-настоящему. Слово старика Конобеева твердо!

Глава 21

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Конобеев рванулся вперед. Своею головою Нептуна он начал таранить воду с такой силой, что рыбы, проплывавшие сзади него, крутились в водовороте. Ухватившись за шест, Макар Иванович дернул его с такой силой, что лодка перевернулась и люди начали падать в воду. Один, два, три... Двое мужчин и женщина. Один мужчина, быстро всплыв на поверхность, направился к берегу. Ванюшка определил, что это японский рыбак или матрос. Другой мужчина, барахтаясь, шел ко дну. Женщина отчаянно пыталась уцепиться за перевернутую лодку. Лодку отнесло в сторону. Женщина, делая беспорядочные движения руками и ногами, стала погружаться головою вниз, прямо на Ванюшку. Он отошел в сторону и протянул вверх руки, намереваясь

подхватить ее. Рот у нее был плотно закрыт, глаза широко раскрыты и смотрели с ужасом на подводное чудище — человекоподобное существо с большим черным носом, протягивающее к ней руки. Вот женщина открыла рот. Она захлебывается!..

Что делать? Вынести ее на поверхность или стащить в сторожку, благо она рядом? Ванюшка увидел, что Конобеев несет на руках утонувшего мужчину, открывает дверь в камеру сторожки и вносит туда. Ванюшка подхватил женщину на руки и поспешил за стариком.

Закрыли железную дверь и пустили в ход насосы. Они работали исправно, но Ванюшке казалось, что никогда еще вода не вытекала так медленно. Он держит женщину в руках, высоко подняв ее голову к потолку, чтобы дать ей скорее воздуха, как только схлынет вода. У потолка ярко горела лампа. Вот вода опустилась до уровня плеч. Теперь Ванюшка мог хорошо рассмотреть лицо женщины. И вдруг он вскрикнул от удивления.

Да ведь это она, та самая девушка, которую встретил он в пещере и напугал своим эхом! О которой он так много думал, тщетно искал! И неужели он встретил ее теперь лишь для того, чтобы похоронить ее тут?

Вода опустилась еще только по щиколотку, а Ванюшка уже хотел открыть дверь сторожки. Конобеев удержал его. Наконец камера освободилась от воды. Ванюшка и Конобеев перенесли утонувших людей в избушку и положили на пол. Начали приводить их в чувство.

Прошло несколько томительных минут. Ванюшка волновался все более. Но вот девушка стала оживать. Исчезла бледность лица, дрогнули веки. Она почти сознательно взглянула в лицо Ванюшки и едва заметно улыбнулась. Ванюшка пришел в восторг.

— Фывы? — спросил он. Это должно означать «живы».

Но девушка не поняла его. Может быть, подводные люди говорят на особом языке.

— Как вы сюда попали, фут возьми? — задал Ванюшка второй вопрос.

— Это мне нравится! — ответила девушка насмешливо и тут же закашлялась. — Маленькая... прогулка... на дно...

Взволнованный Ванюшка картавил больше обыкновенного.

— Я в пеффере вас видел, давно, а теперь вы тут. Вот я и удивляюсь, как вы... опять здесь... сюда попали...

— Бррр... Гррр... Апчхи!.. Аленка, ты жива? — послышался голос мужчины, пришедшего в себя.

«Аленка! Елена! Так вот, значит, как ее зовут! — подумал Ванюшка. — Лена, Леночка. А тот называет ее Аленка. Кто он ей? Отец, должно быть. А может быть, муж?..» — и в сердце Ванюшки вонзилась игла. Неприятное, незнакомое, болезненное чувство. Он еще не знал, что это — ревность.

— А вы, Борис Григорьевич? — спрашивает девушка.

«Борис Григорьевич, вы... Кто же он? Отец?..» — мучительно пытается разгадать Ванюшка.

— А я хотел пустить пузыри, — отвечал Борис Григорьевич, — да вот сей почтенный старец начал на мне играть, как на гармошке, пришлось опять начать эту музыку. — Борис Григорьевич приподнялся, уселся на полу, упершись руками, и, подняв голову вверх, спросил: — Кому мы обязаны нашим неожиданным спасением?

Конобеев крякнул. Один только Ванюшка понимал смысл этого неопределенного междометия: хорошо, мол, спасение, если я сам едва не утопил вас!

— Я вижу, — продолжал Борис Григорьевич, не дождавшись ответа, — перед собою, очевидно, водолазов, хотя вы больше похожи на новую, черноносую породу людей, которые, наверное, произошли от морской сырости.

Аленка рассмеялась, а Ванюшка начал подозрительно быстро снимать свой каучуковый нос.

— Где мы находимся? Который теперь час? — продолжал Борис Григорьевич. — Что стало с нашим лодочником и моими инструментами?

— Находитесь вы под водой, — ответил Ванюшка за Конобеева, к которому был обращен вопрос, — в подводной сторожке подводного совхоза; час теперь девятый, лодоч-

ник ваш удрал, бросив вас утопать, и теперь, наверное, уже сушится на берегу — он плавает, как рыба, — а инструменты ваши, наверное, лежат на дне морском рядом с нашей сторожкой. Мы подберем их, высушим и предоставим вам в полной исправности. А носы у нас, между прочим, как и у вас.

— Подводный совхоз? Это великолепно! — вскричал Борис Григорьевич, вскакивая с пола. Он оказался очень высоким мужчиной, под стать Конобееву, лысый, с черными, коротко подстриженными усами и черными бровями. Остатки волос на висках были совершенно седые. — Мы давно уже слышали о подводном совхозе; еще в прошлогоднюю экспедицию здесь уже поговаривали о нем, а в этом году мы непременно хотели познакомиться с этим чудом природы. И вот, как говорится, не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Позвольте представиться: член Академии наук, профессор Борис Григорьевич Масютин. А эта сидящая на полу девица, виновница всего происшествия, — Елена Петровна Пулкова — родная дочь Пулковской обсерватории, попросту Аленка, аспирантка, от слова «аспире» — «дуть, веять, стремиться». Самое стремительное и легкомысленное существо в мире.

Аленка поднялась с пола, оправила мокрое платье и подала руку Ванюшке и Конобееву.

— Макар Иванович Конобеев, Иван Иванович Топорков. Служащие подводного совхоза. Очень приятно познакомиться, — сказал Ванюшка, крепко сжимая руку Масютина и еще крепче — Аленки. — Вас попросту зовут Аленка, а меня Ванюшка. Вот и очень хорошо. Позвольте просушить ваше платье. — Ванюшка пустил струю горячего воздуха.

— Я вижу, у вас тут все электрифицировано. Молодцы! Подходи, Аленка, сушись первая. Если я начну сушиться, то ваш аппарат непременно испортится.

— Тут двоим места хватит, становитесь, Борис Григорьевич, — пригласила девушка.

— Мне, понимаете, удивительно не везет, — продолжал Масютин, с удовольствием поворачиваясь то одним, то другим боком перед теплой струей воздуха. — Терпеть не могу путешествовать. То ли дело сидеть у себя в кабинете на Морской. Я люблю ночью работать. Все спят. Тихо. Самоварчик ворчит — у меня такой маленький есть, — папиросы покуриваешь. И никаких тебе происшествий. Я домосед. И, несмотря на это, только и делаю, что путешествую.

— Потому что вы любите это, — сказала Елена Петровна.

— Я! Люблю? Путешествовать? Терпеть не могу. Ненавижу! Я не выношу путешествия, как такового. Но я люблю, это правда, извлекать из-под земли разные полезные ископаемые, редкие металлы и прочее такое. Я, видите ли, химик, геолог, физик. Геолог и химик преимущественно. Для меня нет большего удовольствия, как вытащить откуда-нибудь из-под земли за ушко да на солнышко какую-нибудь урановую смолку, апатит, сланец. Но если бы все это можно было вытащить из ящика письменного стола, я с места никуда бы не сдвинулся. Ты уже суха, Аленка? Женщины одеваются легче. А я еще подсушусь...

Глава 22

ДРУЗЬЯ — ВРАГИ

Поворачиваясь перед аппаратом, Борис Григорьевич продолжал:

— Химики — народ особенный. Вы думаете, химия наука? Нет, химия — это миросозерцание. Я вижу все совсем иначе, чем вы. Вы видите, например, охру и говорите, что это желтая краска, та самая, которой натирают паркетные полы. А для меня это железо, сгоревшее в огне кислородного горения. Вы не замечаете, что весь мир объят страшным пожаром кислородного горения, — а я вижу этот страшный неугасимый пожар. Вы ходите по глине, и для вас она только глина А для меня это алюминий, сгоревший в огне кислородного горения, окислившийся, что одно и то же. Если бы не кислород, вы ходили бы не по глине, а по горам алюминия. И нам пришлось бы и горшки и печки делать из чистейшего алюминия. Да, все металлы, все почти элементы

мира сгорают в огне кислорода. И мы также сгораем. Вы говорите — старость, а я говорю — горение. Вы говорите — человек умер, я говорю — сгорел.

Вот я и обсох. Хорошо! Да, о чем я? Приехали сюда — опять несчастье. Но в этом уж Аленка виновата. Она химичка, но с биологическим уклоном. Ну вот, потащила меня покататься на лодке. Планктон, видите ли, ее интересует.

— Борис Григорьевич, но ведь вы сами... — начала девушка.

— Молчи, Аленка, молчи! Я пятьдесят два года Борис Григорьевич, а такой непоседы не встречал. Одним словом, наняли какого-то китайца или японца — я их плохо различаю, — поехали или поплыли, как у вас там говорится. Драги, шесты, сачки, крючки, все как следует. Плывем. И вдруг какой-то морской дуралей, акула или спрут, приняв наш инструмент, вероятно, за аппетитную приманку, так дернул за шест, что все мы полетели в воду.

— Борис Григорьевич, — решился прервать многоречивого собеседника Конобеев. — Вы меня простите, старика. Это я — дуралей морской и есть. Я вас чуть не потопил. Случай такой вышел. У нас японцы рыбу да водоросли воруют...

— Хе-хе-хе! — вдруг неожиданно высоким тоном засмеялся Масютин. — Поймали рыбку, да не ту? Макар Иванович, вы тут ни при чем, это все планида моя надо мною шутит. Я уже говорил вам, что со мной происходят самые невероятные вещи.

— А черта вы когда-нибудь видели, если с вами такое невероятное приключается? — неожиданно спросил Ванюшка.

— Черта? — удивленно протянул Масютин. — Нет, черта не видел.

— Вы забыли, Борис Григорьевич, — отозвалась Пулкова. — А помните в пещере?..

— Да, да, в самом деле! Чем не черт? Эдакий черноносый нас испугал.

— Так это ж я! — сказал Ванюшка. Аленка всплеснула руками.

* * *

Появление гостей взволновало жителей Гидрополиса. Обитатели торжественно собрались в столовой за обеденным столом и начали рассуждать о том, куда удобнее поместить гостей. Масютин настаивал, что он будет жить на берегу с Аленкой и приходить к ним в гости.

— Если я поселюсь у вас, то со мной, а значит, и со всем вашим подводным домом, непременно стрясется какое-нибудь несчастье: либо «рыба-кит» проглотит вас, либо пожар приключится.

— В воде-то? — испуганно спросила Марфа Захаровна.

— Да, я не удивлюсь, если вода загорится от моего присутствия.

Но Аленке очень хотелось пожить под водой, и она уговорила Масютина не уходить на берег.

— Какая ты непонятливая, Аленка! Ведь мы же стесним их!

— Нисколько, — неожиданно вступил в разговор молчаливый Гузик, — мы прекрасно разместимся. — И он начал объяснять, куда кому надо переселиться, чтобы освободить помещение для гостей.

— Хороси девуска будет зить со мной! — вдруг заявила Пунь, стоявшая у дверей. Вслед за этим она подошла к Пулковой и погладила ее по голове. Все рассмеялись.

Пунь настояла на своем; Аленка согласилась жить в домике, где помещалась Пунь, пока не вернется ее муж. Ванюшка с Гузиком поместились в лаборатории, а Масютин — с Волковым.

И надо же было случиться, что в этот самый день вечером неожиданно явился Цзи Цзы, пропадавший более двух недель. Пунь встретила мужа в столовой, где он пил чай, и заявила ему, чтобы он к ней больше не являлся.

Цзи Цзы так озлился, что его желтоватое лицо стало лиловым. Жена, рабыня, смеет ему указывать! Нет, решительно ее надо скорее убрать отсюда. Иначе она забудет все корейские обычаи и станет настоящей большевичкой...

Цзи Цзы поднялся из-за стола, не допив чая, и, подойдя к Пунь, крепко схватил ее за руку.

— Идем отсюда! — грозно сказал он, но Пунь запротестовала и стала вырываться

Супруги начали громко спорить и кричать. Цзи Цзы уже поднял руку, чтобы «вразумить» жену по своему обычаю, но подоспевший на крик Ванюшка остановил его.

— Не смей бить женщину! — крикнул он.

Цзи Цзы посмотрел на Ванюшку с нескрываемой злобой, но отпустил жену. Потом глухо сказал по-русски:

— Не надо так? Ухожу! — И он ушел.

Скоро Ванюшка услыхал шум воды, наполнявшей камеру. Очевидно, Цзи Цзы надел водолазный костюм и уплыл, решив ночевать на берегу. Этой семейной сцене не придали особого значения. Один Ванюшка был в восторге от того, что Пунь показала себя настоящей женщиной. Ванюшка плохо спал в эту ночь. Ворочался и Гузик.

В четыре часа утра Ванюшка тихонько поднялся, чтобы не будить своего товарища, и вышел. Он надел водолазный костюм, побывал на берегу, нарвал большой букет луговых цветов и поставил его в вазу на обеденный стол.

— Это еще что такое? — удивленно спросил Волков, заглянув в столовую.

Ванюшка, смутившись, ответил:

— Товарищ Пулкова говорила мне, что очень любит полевые цветы, вот я и решил сделать ей су... сюрприз. Только вот, пока плыл, маленько букет разлохматился. — И Ванюшка начал неумелыми пальцами поправлять цветы.

В этот момент дверь в столовой тихо приоткрылась, и в образовавшуюся щель Волков увидел лицо Гузика. Дверь тотчас захлопнулась. Это заинтересовало Волкова, и он, неслышно открыв дверь, выглянул в коридор. Там он увидал Гузика с большим букетом цветов, спасавшегося в лаборатории. Волков усмехнулся: «Совсем голову потеряли ребята».

Это была правда: у Ванюшки все валилось из рук. Гузик сделался рассеянным, как никогда. Он забывал являться к обеду, отвечал невпопад, ухитрялся часами сидеть неподвижно, глядя в одну точку.

— Изобретает! — тихо говорил Ванюшка, указывая на Гузика.

Гости чувствовали себя очень хорошо. Борис Григорьевич Масютин очень сдружился с Марфой Захаровной. Они вместе попивали чаек. Масютин рассказывал ей о своих злоключениях, приводя старушку в трепет. Подводным миром Масютин интересовался мало. В своей комнате, рядом с комнатой Волкова, он приводил в порядок свои путевые заметки и обдумывал большой научный труд.

— Хорошо, — говорил он. — Вот где надо строить кабинеты для ученых — под водой! Тишина необычайная. Нигде мне так хорошо не работалось, как здесь.

А Пулкова целые дни проводила в подводных экскурсиях. Она собрала богатую коллекцию водорослей и мечтала о том, чтобы проникнуть в глубоководные долины океана, где надеялась найти новые виды красных водорослей. Ванюшку беспокоили одиночные прогулки девушки, но сопровождать ее он не мог, так как принужден был работать с Волковым.

Однажды, возвращаясь к себе, он неожиданно встретил Пулкову, которая, сидя на коленях на дне, забавлялась маленькими крабами. Ванюшка был очень взволнован, увидев ее. Ему давно хотелось поговорить с девушкой наедине. О чем, он еще сам не решил, но о чем-то страшно важном.

Увидев его, Аленка приветливо помахала рукой. Ванюшка подошел, опустился рядом с нею на песок, взял ее слуховую трубку и спросил:

— Гуляете?.. — Ему хотелось сказать совсем другое; он готов был крикнуть в трубку: «Я люблю вас!» — но не решился.

Пулкова показала на маленьких крабов, которые пытались удрать от нее, а она вновь и вновь ловила их руками.

— Жаркая сегодня погода... теплая вода, хочу я сказать, — продолжал Ванюшка.

Он ждал, что Пулкова что-нибудь ответит ему, но она брала в руку его слуховую трубку и отвечала только кивком головы.

— Вы тоже черноволосая! — произнес он в третий раз, решительно не зная, как вызвать девушку на разговор.

Она улыбнулась, кивнула головой и продолжала забавляться крабами, ритмически выпуская изо рта пузырьки отработанного воздуха. У Ванюшки защемило сердце. «Не любит она меня! А может, кокетничает — разве женщин поймешь?» — поспешил он успокоить сам себя. Он тяжело вздохнул через свой черный каучуковый нос и выпустил огромное количество мелких пузырей.

— Однако пора идти! — сказал он. — Вы будете к завтраку?

Девушка отрицательно покачала головой. Ванюшка вздохнул еще раз, поднялся и медленно зашагал к подводному жилищу.

Аппетит у него пропал. Он шел и бранил себя за свою нерешительность. Так нельзя; надо узнать, любит она или нет.

Вернуться, что ли, и спросить ее?

Незаметно для себя, в раздумье, он повернул назад. Но когда приблизился к тому месту, где она сидела, ему показалось, что в глазах его двоится: как будто не одна, а две смутные размытые тени маячили перед ним. Он подошел еще ближе и остановился, не веря глазам. Пулкова сидела на дне все в той же позе, но уже не занималась крабами. В руках ее был цветок полевой ромашки; она обрывала его лепестки, как бы гадая: «любит, не любит». А перед нею, также на коленях, сидел Гузик, медленно покачиваясь вверх и вниз вместе с водою.

«Так вот что ты изобретал!» — с горечью прошептал Ванюшка; и во второй раз нехорошее чувство ревности вспыхнуло в его душе.

Глава 23

ЗА КРАСНЫМИ ВОДОРОСЛЯМИ

Пулкова решила осуществить давнишнее желание — проникнуть в таинственные глубины океана, чтобы обогатить свою коллекцию глубоководными водорослями. Спускаться в глубину нужно было в особом жестком бочкообразном водолазном костюме. Волков убеждал девушку не отправляться в такое рискованное путешествие одной, но она уверяла, что с нею ничего не может случиться.

— Мы не дадим вам водолазного костюма, — шутя заявил Волков.

— Я сама возьму, — ответила Пулкова.

— Сами? Да понимаете ли вы, какая это тяжесть? Без посторонней помощи вы не в состоянии будете даже надеть на себя этот костюм.

Пулкова ничего не ответила, но втайне решила настоять на своем. И вот однажды утром, когда в доме оставались только Масютин, углубленный в свою работу, Марфа Захаровна, вязавшая по привычке чулки, и Пунь, Пулкова вызвала кореянку и попросила ее помочь облачиться в глубоководный водолазный костюм. Пунь, души не чаявшая в «холосей девуске», охотно исполнила ее просьбу.

Выйдя на подводную улицу, Аленка пустила в ход винтовой двигатель. Пропеллер завертелся; тело девушки приняло почти горизонтальное положение, и она быстро двинулась в путь. Пулкова уже давно собиралась посетить морскую долину, находившуюся к востоку от Гидрополиса, далеко в сторону от подводных дорог. Она как-то была вместе с Масютиным у края этой долины и видела там огромные водоросли — целые подводные дремучие леса.

Подплыв к опушке подводного леса, Аленка остановила двигатель, опустилась и пошла по мягкому илистому дну.

Здесь было совсем тихо, не чувствовалось ни малейшего волнения воды. Лишь от движения самой Пулковой тихо раскачивались соседние водоросли да рыбы танцевали свой бесконечный танец страха и любопытства: туда — сюда, вперед — назад...

Аленка попала в узкое ущелье, из которого, казалось, не было выхода. Надо вернуться назад. Девушка сделала шаг, но нога зацепилась за что-то. Дернула ногу. «Что-то» не отпускало — оно шевельнулось и сжало ногу у колена, а в следующее мгновение чьи-то объятия охватили девушку у пояса. Пулкова наклонила голову, чтобы свет фонаря упал вниз, и увидала большие глаза и несколько хоботообразных щупальцев спрута. Спрут смотрел внимательно, как бы изучая жертву. Свет фонаря, видимо, не очень беспокоил его.

Он медленно поднимал одну из своих ног, желая охватить Пулкову у плеч. Аленка была испугана, но не очень. При ней острый кортик, сейчас она вынет его, обрежет спруту ноги и освободится.

Спрут поднимал ногу медленно, широко распластав ее на высоте плеч девушки. Когда нога была вытянута во всю длину, спрут с неожиданной быстротой обвил тело у плеч и начал присасываться. К счастью, руки девушки ниже локтей еще были свободны. Она протянула левую руку к кортику. Но в это время спрут неожиданно употребил военную хитрость — выпустил целое облако сепии. Свет фонаря Пулковой потускнел, как свет солнца во время лесного пожара.

Через минуту облако стало еще гуще.

Пулкова не могла различить даже собственной протянутой руки. Бороться при таких условиях было трудно. Спрут действовал на ощупь, Пулкова же не могла так хорошо, как он, ориентироваться в темно-коричневом полумраке. Опустив руку вниз, чтобы вынуть из ножен кортик, она нащупала ногу спрута, обвившуюся по поясу. Рукоять кортика была покрыта ногою спрута. Эти ноги были идеально приспособлены для сдавливания жертвы. Довольно мягкие в свободном состоянии, напрягаясь, они становились упругими, как самая твердая резина. Это был совершеннейший «аккумулятор» мышц, всегда готовых к страшному напряжению и сокращению. С каждым мгновением спрут сжимал все сильнее. Пулкова попыталась оторвать ногу спрута, но это оказалось невозможным. Тогда она начала надавливать пальцами на то место, где пояс соприкасался с ногою спрута, чтобы как-нибудь продвинуть пальцы, а потом и руку между поясом и ногою и вытащить кортик. Напрасно! Спрут уже плотно присосался к резине костюма, и между ногой отвратительного головоногого и водолазным костюмом не было ни малейшей щели.

Скоро кольцо, обхватившее Аленку ниже плеч, спустилось и закрепило правую руку. Вслед за этим настала очередь и для левой руки. Пулкова судорожно сжала в пальцах кастаньеты, при помощи которых могла дать знать о себе.

Если ей самой не удалось освободиться от спрута, то единственная надежда на помощь друзей. Только бы спрут не прижал кисти ее руки!..

«Не хочу! Не хочу!» — что-то кричало в Аленке. И сердце холодело от ужаса...

Она шевелит пальцами, но пальцы отказываются повиноваться. Рука онемела... Как глупо поступила! Надо было сразу, в первую же минуту, выхватить кортик! Но что это? Огонек вдали! Едва заметная мутная точка. Ее ищут! Спасение! Спасение!! Спасение!!!

Пулкова разминает застывшие пальцы, делает невероятные усилия, чтобы шевельнуть ими... Едва слышный стук раздается в тишине моря... Пулкова с напряженным вниманием следит за далеким огоньком... Вот он повернул вправо. «Не туда! Не туда!» — хотелось крикнуть Пулковой. Вот опять огонек приближается. Неужели услышал?.. Нет, опять повернул в сторону... стал маленьким... исчез...

Глава 24

«ХОЛОСАЯ ДЕВУСКА»

За вечерним чаем сидели в столовой Масютин, Конобеев и Марфа Захаровна; Пунь мыла посуду в кухне.

— Что-то наших долго нет, — заботливо промолвила Марфа Захаровна, наливая стакан чая Масютину. — Совсем жидкий; надо подварить — одна вода.

— Да, вода, — проговорил Масютин, пододвигая к себе стакан. — Я как-то сказал, что океан — это только вода, и больше ничего. Оно не совсем так. — И ученый, оседлав любимого конька, завел нескончаемый разговор о химии, удивляя Конобеева непривычно большими величинами: — В океане есть соли: поваренная, та самая, которой Марфа Захаровна подсаливает кушанья, хлористая магнезия, сернокислая магнезия, гипс. Знаете ли вы, какой объем имеют все океаны? Миллиард двести восемьдесят шесть миллионов кубических километров!

— Это много? — наивно спросил Конобеев, поглаживая свою роскошную бороду.

— Солнце этой водой не потушишь, но если бы устроить пожарную кишку, из которой вода вырывалась бы струей в километр толщиной, то можно было бы такой струей не только Солнце достать, но еще выше скакнуть, чуть не в десять раз. С Земли вы могли бы поливать огороды на Луне, Меркурии, Марсе, Венере. А если струю пустить потоньше, то и на Сатурне, на Нептуне и на Уране. Если всю соль собрать, которая в океанах растворена, то можно всю Северную Америку покрыть слоем в два с половиной километра толщиной. Почти двадцать миллионов кубических километров соли растворено в океане.

— А золото есть? — спросил Конобеев.

— Ого! Золота в океанах шесть триллионов килограммов. Если из океанов добывать золота каждый год столько, сколько из земли добывается, то на десять миллионов лет хватит. Шутка?

— Отчего же его не добывают?

— Добывают, да мало. Невыгодно пока. Но я сейчас работаю как раз над тем, как бы подешевле да побольше можно было золота из океанской воды добывать; тогда мы загремим!

Приняв от Марфы Захаровны стакан чая, неизвестно какой по счету, он продолжал:

— Океаны, моря — неисчерпаемый источник богатств. Возьмите хотя бы Каспий. Нет никакого сомнения, что на дне этого моря имеются нефтяные источники. Недаром на поверхности его появляются жирные пятна, а вода иногда «пылает». Если бы спустить воду Каспийского моря...

— И что это Аленки нет? Беспокоит она меня, — не утерпела Марфа Захаровна

В этот момент Пунь уронила на пол тарелку, громко заплакала и, выйдя из кухни в столовую, сказала:

— Я виновата. Аленка не слусалась. Большой водолазный костюм надела и посла глубоко, глубоко...

— Однако жесткий водолазный костюм она не могла надеть: тяжел больно он! — заметил Конобеев.

Пунь заплакала еще больше и ответила:

— Я помогла ей. Холосый девуска плосит...

— Святители-угодники! Чувствовало мое сердце! — прошептала Марфа Захаровна. Все были взволнованы.

— Однако чего же ты молчала? — грозно спросил Конобеев.

Пунь закрыла лицо руками и, всхлипывая, ответила:

— Думала, плидет, сецас плидет.

Масютин поднялся и, подойдя к радиотелефону, начал вызывать Ванюшку, который должен был находиться в сторожке. Но ни он, ни Волков не отзывались. Впрочем, Волков через несколько минут явился. Узнав об исчезновении Пулковой и отсутствии в сторожке Ванюшки, он сначала улыбнулся — пришла в голову мысль, что молодые люди гуляют вдвоем по подводным лесам, — но потом забеспокоился.

— Нам надо немедленно идти на розыски, — сказал он. — Гузик дома?

Изобретатель работал в лаборатории. Он побледнел, когда узнал, что Пулкова ушла утром и не возвращалась. После экстренного совещания мужчины решили оставить дома Пунь и Марфу Захаровну, приказав им послать на поиски Ванюшку, когда он вернется, а сами быстро надели легкие водолазные костюмы, запаслись утроенным количеством аккумуляторов, вооружились кортиками — и отправились в путь, условившись сигнализировать друг другу кастаньетами и вспышками света.

Ночь была совершенно темная. Четыре человека разбрелись в разные стороны, пустили в ход маленькие гребные винты и с огромной скоростью начали буравить своими телами водную стихию. На всем ходу они врезались в густые водоросли, вспугивали больших рыб, мирно спавших в неподвижных слоях воды, проносились над глубокими пропастями, обходили подводные горные вершины. Время от времени гасили свет фонарей, чтобы посмотреть, не светит ли вдали фонарик Пулковой.

Вода посветлела над головой. Наступало утро. Гузик совершенно выбился из сил, у Масютина испортился двига-

тель и закапризничал аппарат, вырабатывающий кислород. В конце концов Гузику пришлось взять неудачливого профессора на буксир и уже при свете солнца тащить в Гидрополис. Только Волков и Конобеев продолжали свои безуспешные поиски.

В подводном жилище Масютин и Гузик застали одну заплаканную Марфу Захаровну. Она сообщила им, что Ванюшки до сих пор нет, а Пунь ушла.

— Куда ушла? — удивленно спросил Масютин.

— Надела водолазный костюм и отправилась искать Аленку. «Не вернусь, — говорит, — пока не разыщу».

Друзья немного отдохнули. Гузик исправил повреждения в водолазном костюме Масютина, и они снова отправились на поиски.

А в это самое время Аленка лежала уже на песчаной косе, в двух шагах от линии прибоя. С головы девушки был снят скафандр. Она пришла в себя. Прямо в глаза ей светило солнце. У ног ее сидела сияющая Пунь. Это она спасла Елену.

Пунь знала направление, куда отправилась Пулкова. Но и Пунь не нашла бы Елену в глубоководном подводном каньоне, если бы не счастливая случайность: спрут, обвивая щупальцем голову Елены, коснулся выключателя и зажег фонарь. Вспыхнул свет, который был замечен Пунь.

Она начала работать руками изо всех сил, чтобы опуститься в глубину, но это было нелегко сделать.

Легкий водолазный костюм решительно отказывался «утопить» Пунь. Тогда кореянка, перевернувшись головой, пустила в ход гребной винт. Дело пошло на лад. Она стала погружаться в бездну между двумя отвесными скалами.

Кореянка ужаснулась, увидев «холосую девуску» в объятиях отвратительного спрута. Пунь хотела броситься на помощь своей любимице, но не могла этого сделать: гребной винт пришлось остановить, и давление воды было так значительно, что кореянка ежеминутно могла быть выброшена вверх, как пробка. С величайшим трудом ей удавалось удерживаться, цепляясь пальцами за неровности скалы. Так,

сантиметр за сантиметром, подвигалась она к спруту, не отпуская рук от скалы.

Заметив приближавшегося врага, спрут медленно повернулся и направил на Пунь немигающие глаза. Кореянка, держась левой рукой за скалу, правой выхватила кортик и начала наступать на спрута, который уже освободил пару ног, чтобы схватить непрошеного посетителя. Пунь уже замахнулась кортиком, намереваясь обрубить ногу, но спрут в этот момент выпустил огромное облако сепии и скрылся за дымовой завесой. Тогда Пунь решилась на отчаянное средство. Высоко подняв правую руку, вооруженную кортиком, она выждала, пока холодный и скользкий конец ноги спрута, шероховатый только на том месте, где имелись присосы, не коснулся ее тела и не обвился вокруг бедер. Тогда Пунь отняла левую руку от скалы, — теперь спрут держал ее, и она не рисковала взлететь наверх, — сделала небольшой надрез на обвившей тело ноге. Давление ужасного кольца несколько ослабло. Спрут подтягивал тело Пунь все ближе к себе. Этого она и ожидала. Нащупав левой рукой тело спрута, Пунь начала быстро и уверенно наносить удары, стараясь поразить его в самое сердце. Мускулы щупальца, обвившего ее тело, ослабели; щупальце разжалось и беспомощно повисло. Пунь поняла, что спрут издыхает, и принялась осторожно обрубать остальные щупальца, присосавшиеся к водолазному костюму Пулковой. Когда последнее было отрублено, Пунь, обхватив Пулкову, быстро поднялась с нею на поверхность.

На поверхности океана было раннее утро. Пунь заглянула через стекло скафандра в лицо Пулковой — и ужаснулась. Лицо Аленки было бледное и неподвижное, как у мертвеца.

Изнемогая от усталости, Пунь, наконец, добралась до берега, набежавшая волна выбросила ее на песчаную отмель вместе с Пулковой. Не теряя времени, кореянка быстро сняла с головы Елены скафандр и начала трясти ее за плечи, не зная, как привести в чувство. Ветер, яркий солнечный свет и морской воздух скоро вернули Пулковой сознание. Она открыла глаза, посмотрела на Пунь и поняла все.

— Холосая девуска, — ласково сказала Пунь, целуя Елену.

Глава 25

РЫБКА НА КРЮЧКЕ

В тот самый день, когда Пулкова отправилась в свое рискованное путешествие, Ванюшка находился у северных границ подводного совхоза. Ему хотелось во что бы то ни стало выследить неизвестного врага, который портил водоросли. Целый день Ванюшка плавал вдоль и поперек подводных плантаций, но не встретил ничего необычного.

Вечер в воде наступает гораздо раньше, чем на земле. Даже на небольшой глубине уже сгущаются серо-зеленые сумерки, в то время как на земле еще тихо тает закат. Скоро в воде стало совершенно темно. Плыть без света было рискованно, зажигать же фонарь Ванюшка не решался, чтобы не привлечь внимания врага.

Вода похолодела. Ванюшка устал, а близость сторожки соблазняла возможностью поесть и хорошенько выспаться. Глаза слипались. И тут, совершенно неожиданно, далеко на востоке он увидел в воде странное размытое световое пятно. Постепенно пятно начало растягиваться, превращаясь в длинный конус. Очевидно, источник света перемещался и, все усиливаясь, с поразительной быстротой приближался к Ванюшке. Тогда Ванюшка решил, что безопаснее будет опуститься ниже и пропустить неизвестного пловца над собой. Скоро водное пространство вокруг осветилось ярче, чем в солнечный полдень. Многочисленные рыбы сверкали в сияющем конусе света серебром чешуи. Ванюшка поспешно опустился в темную глубину и, зацепившись за густую водоросль, взволнованно смотрел на загадочного подводного бродягу. Это была подводная лодка. Ванюшка хорошо рассмотрел ее длинный продолговатый корпус, когда лодка проплывала над самой его головой.

Это была особенная лодка, странной формой корпуса напоминавшая акулу. Когда субмарина с необычайной быстротой пронеслась над ним, Ванюшка выплыл из своего убежища и поплыл вслед, пытаясь нагнать. Но это было нелегко, лодка обладала исключительно быстрым ходом.

И Ванюшка никогда не догнал бы ее, если бы субмарина, круто повернувшись, не остановилась.

И вдруг на гладком теле «акулы» как будто выросли крылья. Эти крылья состояли из сложной системы кос и стержней, снабженных крючками. Медленно опустившись почти на дно, лодка двинулась в путь, захватывая крючьями водоросли и подрезая их косами почти под корень. Иногда лодка начинала хлопать крыльями, чтобы сбросить нависшие водоросли, и снова принималась за свою разрушительную работу.

Ванюшка ругался всеми ругательными словами, какие только знал, и специально для этого случая придуманными, видя те разрушения, которые производила субмарина. Не могло быть никаких сомнений в том, что это был тот самый неуловимый враг, тот вредитель, который наделал столько хлопот подводным совхозникам.

Кто находился внутри сумбарины? Таяма? Но может ли частный человек иметь подводную лодку? Ванюшка решил проследить возможно дальше, куда она направится. Пользуясь тем, что субмарина шла сравнительно медленно, Ванюшка подплыл к ней сзади и ухватился за один из торчавших стержней.

Несколько часов подводная лодка занималась своим вредительским делом, уничтожив водоросли на огромном расстоянии. Ванюшка беспомощно болтался в воде, вцепившись в беспрерывно двигавшийся стержень. Потом лодка остановилась и неожиданно сложила крылья. Косы и стержни плотно прижались к бокам, войдя в пазы. Крюк, за который держался Ванюшка, также вошел в особый паз так быстро, что Ванюшка едва успел выпустить руки, а ниже лежащий крюк неожиданно прижал его ногу. Крюк не переломил ногу и даже не сдавил ее слишком больно, но, несмотря на все усилия, Ванюшка не мог освободить ее.

— Вот так фут возьми! Попался на крючок, как рыбефка! — прошептал Ванюшка, пуская пузыри. Руки его были свободны. Он попытался приподнять крюк, но не смог даже сдвинуть его с места.

А субмарина понеслась вперед с необычайной скоро-

стью. Давлением воды, как ветром в бурю, Ванюшку отклонило назад, и ему с большим трудом удалось выпрямиться, пригнуться и лечь на корпус лодки головой вперед.

Это было безумное путешествие. Ванюшка летел среди морских просторов неведомо куда, но уж, наверно, навстречу своей гибели. Долго ли продлится это путешествие?.. У Ванюшки мог иссякнуть кислород, он мог умереть с голоду; наконец, если он благополучно достигнет вместе с лодкой ее пристани, то там его найдут и, конечно, не пощадят. Невесело!

Сколько времени прошло в этом молчаливом беге, Ванюшка не мог определить. Он так устал, что, несмотря на всю необычайность положения, задремал.

Проснулся он от особого ощущения тепла: вода вокруг словно утратила свою плотность и стала прозрачная. Очевидно, субмарина шла не глубоко под уровнем океана, и на земле наступило утро. У Ванюшки невольно сжалось сердце. Что принесет это утро?

Через минуту яркий солнечный свет осветил Ванюшку. Лодка покачалась и, наконец, неподвижно остановилась.

Ванюшка оглянулся вокруг. Над ним был застекленный свод гигантского павильона. Лодка качалась в бетонированном бассейне. Люк открылся, и оттуда вышли три молодых японца: один из них — в костюме морского офицера и два — в матросских. Ванюшка лежал на поверхности лодки, погруженный в воду по плечи. Японцы еще не видали его. Офицер — очевидно, капитан — поднял свисток-сирену, висевший у него на шнурке, и издал короткий пронзительный свист. Все три моряка стояли спиной к Ванюшке, глядя на широкую стеклянную дверь в стене, которой замыкался свод. От двери до бассейна шла лестница из белого мрамора. Скоро стеклянная дверь открылась, и к бассейну спустился в японском халате, с веером из слоновой кости в руке Таяма. Улыбаясь, он сказал несколько слов по-японски и вдруг, перестав махать веером, высоко поднял свои светлые пушистые брови и вскрикнул, как птица. Моряки, как по команде, повернули назад головы и увидели Ванюшку. Он

привстал и, кивнув мокрой головой, сказал, несколько гнусавя, так как нос его был зажат аппаратом:

— Доброго утра!

Таяма даже рот открыл от изумления, услышав это приветствие. Потом лицо его нахмурилось. С треском сложив веер, он начал нервно бить им себя по ладоням и, подойдя к самому краю площадки, сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Вы опять изволили пожаловать ко мне в гости! Прошу вас, выходите же сюда.

— И рад бы, да не могу, — отвечал Ванюшка. — Я тут за крючок зацепился маненько.

— За крю... заце... — неожиданно высоким голосом вскрикнул Таяма и вдруг залился таким неудержимым смехом, что его толстый живот запрыгал, шелковый халат затрепетал, как флажок на ветре, щеки задрожали, а маленькие, заплывшие, узкие, косые глазки прослезились.

Смех прекратился так же неожиданно, как начался. Таяма вдруг ударил себя по ладони левой руки веером, точно приказывая самому себе замолчать. Лицо купца стало бесстрастно, как маска; он спокойно отдал какое-то распоряжение. Матрос подошел к Ванюшке и сковал его руки ручными кандалами; другой матрос опустился в люк подводной лодки. Крюк, прижавший ногу Ванюшки, приподнялся. Первый матрос вытащил Ванюшку из воды и перенес, держа на руках, на мраморную лестницу.

— Это что же такое? — угрожающе спросил Ванюшка, приподнимая скованные руки и обращаясь к Таяме.

Но купец не спеша повернулся и раскачивающейся походкой вышел из стеклянного павильона.

Матросы, подтолкнув Ванюшку сзади, жестами приказали ему идти.

«Вот так влопался, фут возьми!» — подумал Топорков.

Они вышли из павильона. Ванюшка увидел небольшой, но чрезвычайно живописный карликовый японский садик. Маленькие корявые столетние сосны, миниатюрные беседочки, игрушечные мостики, переброшенные через ручьи, прудик, цветочные клумбы придавали саду необычайный

вид. Налево виднелся небольшой японский домик с открытой верандой, на которую вела лестница в несколько ступеней без перил. На веранде сидел на полу, поджав ноги и положив руки на колени, молодой человек в национальном японском костюме; против него в такой же позе — «косоглазенькая», дочь Таямы. Она посмотрела на Ванюшку, и взгляд ее — только взгляд — выразил мгновенную смену радости, удивления и огорчения.

Ванюшка прошел мимо японского домика и обогнул его. Один из матросов крикнул пожилому японцу, который стоял за домом в тени вишневого дерева. Пожилой японец быстро посмотрел на Ванюшку и еще быстрее повернулся к нему спиною и скрылся за углом дома.

Ванюшка готов был держать пари, что он видел перед собою Цзи Цзы! Но этого не могло быть: муж Пунь, кореец Цзи Цзы, не мог оказаться в Японии!

Карликовый садик кончился. Через ворота в живой изгороди Ванюшка со своими конвоирами вышел на большой, хорошо мощенный двор с различными службами, автомобильным гаражом и каменным двухэтажным домом с верандой. Это был настоящий европейский уголок. Возле водопроводной колонки стоял большой автомобиль с темно-синим кузовом. Молодой японец-шофер в кожаном костюме поливал колеса и крылья автомобиля из шланга и затем тщательно вытирал их тряпкой. Увидав необычайного арестанта с черным носом, ранцем за спиной и резиновой трубкой, идущей от носа к ранцу, японец в кожаном костюме прекратил работу и проводил Ванюшку внимательным взглядом. В этом взгляде Топорков подметил нечто такое, что заставило его так же внимательно посмотреть на шофера.

Конвоиры остановились посредине двора. На балконе второго этажа появился Таяма. Он застегивал воротник крахмальной рубашки, пыхтя от натуги. Отдышавшись, он указал рукой на гараж, отдал короткое распоряжение и скрылся.

Матросы сняли с Ванюшки водолазный костюм и отвели его в пустой гараж. Двери закрылись, щелкнули замки. Ванюшка с ручными браслетами на руках остался один.

Глава 26

СЕРП И МОЛОТ

Ванюшка осмотрел свою тюрьму. Широкие двери закрывались плотно. Слабый свет проникал через небольшое окно у самого потолка. Второе окно, тоже у самого потолка, вело, очевидно, в ту часть гаража, где помещалась легковая машина Таямы. Здесь, в Ванюшкиной тюрьме, находился старый грузовик и разный автомобильный хлам: старые колеса, шины, бидоны из-под бензина. Ванюшка осмотрел все углы, подошел к дверям и начал стучать подошвами, с которых еще не были сняты свинцовые пластины-грузила. Дверь приоткрылась, яркий луч света ослепил его. Ванюшка посмотрел на двор и увидел, что в автомобиле, уже блестевшем, как новенький, сидели Таяма, его дочь и молодой человек, который был с «косоглазенькой» на веранде дома. Все они были в белых европейских костюмах. Японка увидала Ванюшку, но в этот момент автомобиль выехал за ворота.

Ванюшка жестами начал объяснять матросу, стоявшему у дверей, что он хочет пить и есть и что ему мешают кандалы. Жесты он подкрепил энергичными русскими ругательствами.

— Фтоб сейчас сняли эти футки, фут возьми! — кричал он, потрясая кулаками.

Японец неопределенно кивнул головой и запер дверь.

Через несколько минут явилась девочка-японка в длинном балахоне, с черными взлохмаченными волосами, и принесла миску риса. Ванюшка вдруг озлился. Вареный рис совсем не улыбался ему, привыкшему к основательным мясным блюдам Марфы Захаровны.

— Не хочу я кафы! Кафой не наефся, фут возьми! — Он едва не выбросил миску с рисом, но, подумав, взял ее обеими руками и сказал, обращаясь к девочке: — Мяса хочу, хлеба... Бурфуи проклятые!..

С отвращением съел пресный, безвкусный, как жеваная бумага, рис. Напала тоска. «Браслеты» уже успели натереть руки. Таяма, наверное, его пустит в расход. Эх, пропала

жизнь! Ванюшке вдруг стало жалко себя. Вспомнился ему подводный совхоз, вспомнилась Аленка. Всех жалко, и совхоза жалко. Сколько сделано, а еще больше сделать надо... Ну что ж, если и придется погибнуть, то он умрет, как солдат на посту. Эта мысль вдруг наполнила Ванюшку бодростью. Нечего нюни распускать! Он сумеет, если понадобится, встретить смерть, как настоящий мужчина.

Свет солнца на потолке давно погас, и через окно Ванюшка увидал звезды. Шум голосов, слышавшихся со двора, постепенно затихал. Где-то далеко заиграли на рояле. От этих звуков у Ванюшки вновь неудержимо защемило сердце. Где-то под полом скребли крысы. Вот теперь они шуршат за стеной. Да крысы ли это? Ванюшке показалось, словно кто-то осторожно ходил в соседнем помещении гаража, — и в этот самый момент Ванюшка едва не вскрикнул от удивления.

Рама в окне на внутренней стенке вдруг тихо откинулась и опустилась; в образовавшемся отверстии появилась чья-то голова, и неизвестный человек, осторожно спустив к Ванюшкиным ногам легкую металлическую лесенку, слез, подошел к Ванюшке и, дружески улыбаясь, протянул ему руку. Лицо незнакомца показалось Ванюшке знакомым. Он видел это лицо совсем недавно! «Шофер!» — вспомнил вдруг Ванюшка.

— Комрэйд! — тихо прошептал шофер. Ванюшка не понял его. Японец постоял, задумавшись, потом, пошарив, нашел на полу кусочек мелу, нарисовал на стене серп и молот и, указав Ванюшке на эту эмблему, ткнул пальцем себе в грудь.

— Товарищ! — тихо прошептал Ванюшка, и японец так же тихо ответил:

— Товарищ!

Теперь для Ванюшки все было ясно. Здесь, в чужой стране, у него есть друзья, как и во всем мире. Эти друзья спасут его. Ванюшка предполагал, что шофер предложит ему немедленно бежать из тюрьмы через окно. Но шофер жестами дал понять Ванюшке, чтобы он ждал, а сам убрался тем же путем, каким явился, и унес лестницу.

Прошло некоторое время, и в окне вновь появилась голова шофера. Вслед за ним появилась вторая голова. Второй спаситель — белый как лунь старик — также дружески пожал руку Ванюшке и, приблизив толстые губы к самому его уху, начал говорить.

В молодости старик занимался рыболовством, ходил на промысел в русские воды и научился с грехом пополам говорить по-русски. Шофер пригласил его как переводчика и просил передать следующее:

— Сегодня утром он, шофер, ездил с господами в город. Таяма отвез свою дочь и ее жениха к сестре своей...

«Так вот кто был тот молодой человек! Жених косоглазенькой!» — мелькнула мысль у Ванюшки.

— ...а сам заехал к начальнику полиции и, захватив его с собой, вернулся домой. По пути рассказывал о своем пленнике, спрашивал, как поступить с ним. Начальник полиции ответил, что, конечно, надо его... чкр! — И садовник жестом показал, как отрубают голову.

У Ванюшки вдруг похолодело на сердце и подтянуло живот.

— «Но как лучше спрятать концы в воду?» — спросил Таяма. «Именно в воду, — ответил начальник полиции. — Отвезите труп коммуниста в вашей подводной лодке и бросьте на съедение рыбам!» Но вот он — коммунист, — продолжал старик, показывая пальцем на шофера, — и вы коммунист. И он сказал, что спасет вас, но это трудно. С острова некуда бежать, а на острове вас скоро разыщет полиция. Надо обдумать, как спасти вас.

Все замолчали Потом Ванюшка тихо зашептал:

— Я могу спастись, если удастся достать мой водолазный костюм. Надо выкрасть его у Таямы.

Садовник перевел слова Ванюшки шоферу. Тот отрицательно покачал головой:

— Невозможно. Дом Таямы — крепость.

Ванюшка улыбнулся.

— Но в этой крепости, — ответил он, — есть предатель, который поможет нам.

— Кто это?

— Дочь Таямы, — ответил Ванюшка. Жених? Это ничего не значит. Он, Ванюшка, видал, каким взглядом она посмотрела на него!

Шофер радостно улыбнулся. «Золотая лилия», так зовут по-японски дочь Таямы, каждое утро совершает прогулку на автомобиле. И шофер может поговорить с ней. Но так как это сделать можно только завтра, то побег придется отложить до следующей ночи.

— А если меня завтра чкр!.. — повторил Ванюшка звук и жест садовника. Шофер ответил:

— Они не решатся убить вас и закопать ваше тело на земле Таямы. Они должны вывезти вас на подводной лодке. Но я сделаю так, что механизм лодки испортится и механик заявит, что на исправление потребуется не менее суток.

И неожиданные друзья, пожав Ванюшкину руку, неслышно удалились.

Глава 27

«ФЫВ!»

Впоследствии, когда Ванюшка вспоминал о том, что с ним произошло дальше, ему казалось, что он видит сумбурный сон.

Томительный день. Надоевший разварной рис. «Браслеты» на руках. Запах пыли, каучука, керосина. Луч солнца сквозь узкое окно. Жара. Томительное течение минут. Полусон, полузабытье. Его кто-то будит, осторожно трогая за руку. Это шофер. Он снимает ручные кандалы. Вместо желтого теплого солнечного света — серебристый свет луны. Шофер увлекает Ванюшку к лестнице.

Ураганный теплый ветер дует в лицо. Деревья шумят. Луна прыгает в облаках; скоро облака окончательно закрывают луну. Шофер тянет Ванюшку за руку. Они проникают в карликовый садик. Тьма, ни зги не видать. Неожиданно шофер, идущий впереди, останавливается. Слышится шепот. Это старик-садовник.

Старик нырнул куда-то во мрак и через некоторое время вернулся с водолазным аппаратом. Ранец, фонарик, наносник с трубкой, гребной винт — как будто все в порядке. Ванюшка быстро надел на себя аппарат, подвязал башмаки с грузилом и тяжелой походкой двинулся дальше. Буря выла, заглушая звуки его шагов. Недалеко от стеклянного павильона, где находилась подводная лодка, Ванюшка заметил темную фигуру. На мгновение луна выглянула из-за туч, и Ванюшка узнал дочь Таямы. «Косоглазенькая», — подумал он благодарно. Но на дворе вдруг послышались крики, и вслед за тем раздалось два выстрела. Неожиданно в саду вспыхнули электрические фонари, осветив его, как днем.

— Тревога! — сказал старик. — Спасайся скорей, прыгай в бассейн!

Садовник скрылся в кусты. Шофер пожал руку Ванюшке и тоже поспешил скрыться.

А со стороны двора в сад уже вбегало несколько вооруженных людей. Они начали стрелять. Ванюшка видел, как «косоглазенькая» вдруг слабо вскрикнула и упала. Стиснув зубы, Ванюшка бросился в павильон и, не оглядываясь, ринулся в темную воду бассейна.

Кислородный аппарат действовал исправно. Ванюшка зажег фонарь и увидал, что находится в широком подводном туннеле. Погасив фонарь и пустив в ход маленький гребной винт, быстро поплыл. Скоро по усилившемуся движению воды понял, что находится в открытом океане. На поверхности, вероятно, была сильная буря, если даже здесь, на порядочной глубине, Ванюшку изрядно качало. И вдруг ему показалось, что море вокруг него как будто стало светлее. Ванюшка оглянулся и, к своему ужасу, увидал ослепительный свет прожектора. Сомнений не было, за ним гнались на подводной лодке.

Что делать? Опуститься вниз? Но он не мог в своем легком водолазном костюме погружаться на большую глубину. И, немного подумав, Ванюшка решил подняться на поверхность. Рассвирепевший океан как будто только и ждал этого. Он начал играть с Ванюшкой. Подбрасывая его вверх и

вновь опуская в бездну, обрушивал каскады пены, вертел, трепал, носил из стороны в сторону. У Ванюшки закружилась голова; и, улучив момент, он опять опустился вниз, но сразу попал в полосу яркого света и принужден был вновь подняться на бушующую поверхность океана. Так повторялось несколько раз. Наконец он заметил, что подводная лодка ушла вперед.

Под утро он почувствовал недостаток кислорода. Очевидно, аккумуляторы истощались. Ванюшка всплыл на поверхность и надул водородом резиновый мешок. Буря утихла; светало.

Почти весь день Ванюшка носился на волнах, изнывая от жажды и еле живой от усталости.

Наконец, когда солнце уже было на закате, он увидал невдалеке шхуну с красным флагом — советским флагом! Он начал кричать, рискуя надорвать горло. Наконец его заметили и, почти потерявшего сознание, приняли на борт.

Только на пятые сутки после захода солнца Ванюшка высадился на берег у пристани химического завода подводного совхоза. Тотчас потребовал себе заряженный аккумулятор и, забежав на минуту в контору, поспешил сообщить в Гидрополис о своем прибытии. К телефону подошел Гузик, и по тому, как он вскрикнул, услышав голос Ванюшки, можно было судить, насколько друг обрадовался его возвращению.

В подводном жилище Ванюшку встретили с самой бурной и искренней радостью. Старуха Конобеева даже прослезилась.

— Тебя-то мы и в живых не чаяли видеть, — сказала она, утирая слезу уголком платка, которым была повязана ее голова.

— Фыв! — сказал Ванюшка, и только один Волков, который лучше других привык к его произношению, понял, что это должно означать «жив». — Фыв, и еще сто лет профыву. — Он потер кулаком слипающиеся глаза и сказал сонным голосом: — Сил нет, спать хочется. Завтра вечером мы устроим торфественный уфин, и я вам все расскафу.

Он едва дошел до кровати и, не раздеваясь, уснул.

А наутро, когда Волков пришел будить его, чтобы идти вместе на работу, он нашел только пустую кровать. Пунь сказала, что Ванюшка ушел с «холосей девуской». Волков улыбнулся.

«Им много надо рассказать друг другу», — подумал он и отправился на работу один.

Глава 28

ПРЕРВАННЫЙ УЖИН

Вечером все вновь собрались в столовой. Марфа Захаровна и Пунь сбились с ног, готовя кушанья. Тут были и знаменитые сибирские пельмени, и пироги с рыбой, и жареные утки, и рыба, и сладкая пастила из водорослей, и варенья, и фруктовые воды. Все принарядились и выглядели празднично. Волков был избран председателем и объявил повестку дня «торжественного заседания», которое должно было состояться перед ужином:

1. Елена Пулкова. Информация. — Это означало, что Пулкова должна была подробно рассказать Ванюшке о своем приключении в подводном каньоне. В сущности говоря, большой надобности в таком докладе не было, так как Аленка уже, наверное, рассказала Ванюшке обо всем во время прогулки, но то был неофициальный доклад.

2. Иван Топорков. Информация. — Ванюшка должен был рассказать обо всем, что с ним произошло за время его отсутствия.

3. Семен Алексеевич Волков. Доклад. — Волков предполагал в кратких чертах описать все работы по устройству подводного совхоза и достижения.

Когда повестка дня была оглашена и утверждена собранием, Ванюшка поднялся, необычайно покраснев, стараясь прикрыть смущение развязностью тона и поглядывая на Пулкову, которая тоже почему-то смутилась и опустила глаза.

— Товарищи, — сказал он сдавленным голосом, — позвольте, так сказать, перед официальной частью в общем и целом сделать маленький доклад, так сказать, по личному

вопросу... целиком и полностью... — Ванюшка вздохнул, еще раз взглянул на Пулкову и продолжал: — Дело в том, что я... что мы с Еле...

Но тут произошло нечто неожиданное. Подводный город содрогнулся. Громовой удар послышался за стеною. Что-то заскрежетало, зашумело. Второй глухой удар последовал за первым. В углу разошлись бревна, и в расщелине показалось нечто черное, длинное, остроносое и тотчас ушло назад. А в образовавшееся отверстие и через щели раздавшихся бревен хлынула вода.

Все окаменели от неожиданности, с недоумением глядя друг на друга. В тот же момент погас свет. Ноги ощутили холод воды, быстро поднимавшейся.

В жуткой тьме послышалось завывание двух существ. То были Хунгуз и Пунь, а Марфа Захаровна точно лаяла коротко и отрывисто: «Ах! ах! ах!» — и залилась истерическим плачем.

— Однако, старуха, где ты? — вскричал Конобеев.

— Аленка! — изменившимся голосом звал Ванюшка.

— Я говорил, что принесу несчастье Гидрополису! — промолвил Масютин, но его никто уже не слушал.

— Тише! — покрыл все голоса голос Волкова. — Без паники! Скорей через библиотеку и лабораторию к выходу в коридор! Мы перейдем в мой домик, который, быть может, не залит водой.

Все поднялись и уже по пояс в воде бросились к выходу.

Железная дверь отодвинулась, и люди начали вбегать в коридор, который соединял центральный дом с домиком Волкова. Здесь также не было света. Кто-то задвинул железную дверь. Вода перестала вливаться, хотя и сюда ее набралось по колено. Друзья вошли в избушку Волкова и здесь остановились.

— Придется скорее пройти в склад и надеть водолазные костюмы, — послышался голос Волкова. — Быть может, вода настигнет нас и здесь.

Голос Масютина ответил:

— Но здесь только три водолазных костюма, а нас всех семеро.

— Можно пройти в склад по боковому коридору, недаром же мы их сделали, — промолвил Ванюшка. — Товарищ Масютин, Семен Алексеевич, Аленка! Надевайте скорее водолазные костюмы. Гузик, где ты? Открывай боковую дверь в коридор. Гузик! Да где же ты, фут возьми?

Гузик не отзывался

— Фто за фтука! Товарищи, Гузика нет! — уже с тревогой в голосе крикнул Ванюшка.

— Этого еще не хватало! — проворчал Волков.

Ванюшка постоял минуту, что-то соображая, и вдруг бросился к железной двери, крикнув на ходу:

— Ты, Макар Иванович, женщин провожай, а я поплыву Гузика разыскивать.

— Однако куда ты поплывешь, оглашенный, без водолазных снарядов?

Но Ванюшка не слушал Конобеева. Он открыл железную дверь и, с трудом справляясь с идущим навстречу потоком, ринулся по коридору, через который он только что бежал. Плывя у самого потолка, Ванюшка мог дышать.

Из столовой он проплыл в библиотеку-читальню, а из нее — в машинное отделение, причем для того, чтобы проникнуть в двери, ему каждый раз приходилось нырять. Из машинного отделения дверь вела в пространство между деревянным домом и металлическим колпаком. Ванюшка поплыл туда и попытался пустить в ход предусмотрительно поставленные на случай внезапной аварии помпы. Они действовали. Вода начала спадать. Откачав ее, Ванюшка открыл вторые железные двери, вошел под колпак южного дома и, наконец, открыл дверь комнаты. Свет ослепил его. В лаборатории, у электрической плиты, стоял Гузик, освещенный водолазным фонарем. Он занимался странным делом: поджаривал на горячей плите какие-то бумажки.

— Гузик, с ума ты софел! Фто ты тут делаеф? — вскрикнул обрадованный Ванюшка. — Где ты пропадал?!

Гузик посмотрел на Ванюшку с обычной растерянностью и ответил:

— Понимаешь, я вспомнил, что в машинном отделении

остались мои чертежи и формулы очень важного изобретения, и вернулся, чтобы спасти их. Они лежали в ящике стола и маленько подмокли...

Друзья надели костюмы и направились по длинному коридору, соединявшему южный дом с западным, стоявшим лицом к берегу. Здесь, в комнате Волкова, Гузик и Ванюшка нашли всех остальных обитателей подводного жилища.

* * *

Странное и печальное зрелище представлял собою уход совхозников из подводного жилища. Все были подавлены случившимся. И у всех было такое чувство, словно они сдавали крепость врагу. Шли в темноте по знакомой дороге. Даже фонари зажигать не решались. И только над поверхностью воды начали вспыхивать один за другим фонари, пока не зажглись все семь, растянувшись световой гирляндой.

Женщин устроили в конторе, а мужчины тотчас отправились в океан, чтобы исправить повреждения.

Оказалось, что лодка пробила насквозь железный коридор, соединявший восточный и северный домики. Стальной нос протаранил толстую железную броню центрального колпака! Но какой же крепости должна быть лодка и какой силы мотор, приводящий ее в движение!

Глава 29

ЭЛЕКТРОМАГНИТ ДЕЙСТВУЕТ

После первого нападения надо было ожидать второго. В конторе завода Волков собрал «военный совет», чтобы обсудить план защиты. Первым взял слово Гузик.

— Субмарина Таямы, — заявил он, — своего рода чудо военной техники. Если нам удастся захватить ее как военный приз, то это будет отличное приобретение.

— Захватить! Легко сказать, — отозвался Ванюшка. — В сети ты ее не поймаешь.

— Существует сеть, — ответил Гузик, — которую она не

пробьет. Видал ли ты когда-нибудь детские игрушки — уточки, рыбки, сделанные из легкого металла, пустые внутри и с железным наконечником? Эти уточки и рыбки пускают в блюдце с водой и при помощи маленького магнита заставляют их двигаться. Так вот: я думаю поймать лодку Таямы, как игрушечную рыбку, при помощи магнита. Но так как «рыбка» велика, то и магнит должен быть особенный. Я опоясу металлическим кольцом наш подводный дом и при помощи тока большой мощности превращу это кольцо в электромагнит гигантской силы.

Этот план заинтересовал всех, хотя и высказывались сомнения в его осуществимости. С особой горячностью возражал Ванюшка. Гузик был непреклонен. Его, как изобретателя, пленяли новые способы ведения войны. И в конце концов смелый план был принят.

Целый день подводники потратили на то, чтобы склепать и укрепить будущий электромагнит. Все источники электроэнергии, имевшейся в распоряжении Гузика, были пущены им в ход. Наконец, когда электромагнит получил достаточную мощность, произвели опыт. Ванюшка надел на голову гребной винт, а на ноги толстые железные подошвы. Гузик заранее объяснил Ванюшке его роль. Ванюшка должен был изображать собой подводную лодку. Он отошел на несколько десятков метров от подводного жилища, поднялся при помощи гребного винта на два-три метра вверх и протянул ноги с железными подошвами по направлению к подводному жилищу. Гузик включил ток.

В тот же момент Ванюшка почувствовал, что он падает, но как-то странно: в горизонтальном направлении. Электромагнит действовал! Тогда Ванюшка поспешил пустить в ход гребной винт. «Падение» замедлилось, как будто над головой юноши вдруг раскрылся парашют. Но все же Ванюшка продолжал двигаться ногами вперед к подводному жилищу, и чем дальше, тем быстрее. Наконец ноги довольно ощутительно ударились о железный пояс. У Ванюшки было такое ощущение, будто он спрыгнул на землю с крыши дома.

Он хотел оторвать ступни от электромагнита. Не тут-то

было. Ноги точно вросли в железную полосу К Ванюшке подбежал Волков, схватил его за руки и, пустив в ход свой гребной винт, начал тянуть юношу как на буксире. Ванюшка не отрывался. Вслед за Волковым подошли Масютин, Конобеев и присоединили силы своих гребных винтов, цепляясь друг за друга, как дедка за репку. Но даже четыре гребных винта не могли оторвать Ванюшку, а сам он, рискуя быть разорванным на части, начал кричать, дергать руками и мотать головой, разбрасывая во все стороны лучи своего фонаря. Но друзья не поняли его, приписывая эти движения выражению восторга. И Ванюшке плохо пришлось бы, если бы в этот момент Гузик не выключил ток. Вся четверка отлетела от магнитного пояса и помчалась вперед, влекомая быстро вращающимися гребными винтами.

Гузик был удовлетворен результатами опыта. Но все же решение задачи зависело от одного неизвестного: какова сила двигателя подводной лодки.

Еще до наступления ночи все были на местах. Гузик стоял наготове в машинном отделении Гидрополиса, а Ванюшка, Волков, Конобеев и Масютин расположились на четырех углах подводного жилища, лежа с погашенными фонарями в густых водорослях. Ванюшка смотрел в чернильный водный мрак, но ничего не видел. Минуты текли медленно. Ему уже захотелось спать, когда вдали мелькнуло едва заметное световое пятнышко. А через минуту Ванюшка уже не сомневался в том, что видит прожектор подводной лодки. Он побежал к подводному жилищу и начал стучать по стенке железного колпака, желая предупредить Гузика о приближении врага. В ответ на этот стук вспыхнул прожектор Гидрополиса, и все окна подводного жилища ярко засияли огнями. Ванюшка начал еще сильнее стучать в стенку.

— Ну, что ты колотишься, как припадочный! — услышал вдруг Ванюшка голос Гузика, незаметно подошедшего к нему. — Я нарочно осветил Гидрополис, чтобы Таяме удобнее было найти его.

— А вдруг Таяма при ярком свете увидит пояс? — с опаской спросил Ванюшка.

— Увидит, когда будет поздно, да и, увидав, ничего не поймет. Не беспокойся. Когда лодка приблизится на расстояние трехсот-четырехсот метров, стукни мне, и я пущу ток.

Не доходя нескольких сот метров до Гидрополиса, подводная лодка повернула, замедлив ход, и поплыла вокруг подводного жилища, словно отыскивая удобное место для атаки или высматривая, не угрожает ли ей какая-либо опасность. Ванюшка постучал Гузику. Лодка сделала полный круг и начала второй, уже на расстоянии не более сотни метров. Но тут Ванюшка заметил, что лодка начала двигаться как-то странно. Она виляла из стороны в сторону, как автомобиль в руках неопытного шофера, причем Ванюшка заметил, что расстояние между лодкой и Гидрополисом быстро уменьшается.

«Действует!» — подумал Ванюшка, холодея от волнения.

Свет прожектора все усиливался. Как огромная серебристая акула, быстро разрезала субмарина зеленоватые воды. Только нос ее не напоминал морду акулы, он был слишком острый и походил на голову щуки.

Глава 30

СЛОЖЕНИЕ СИЛ

Но тут картина вновь изменилась. Подводная лодка вдруг остановилась под тупым углом по направлению к Гидрополису и дала задний ход. Гребной винт работал с такой силой, что вокруг Ванюшки поднялось настоящее волнение, и со дна, как дым, закрутились вихри ила. Ванюшка принужден был переползти на несколько метров. С нового места субмарина была хорошо видна. Казалось, она была привязана невидимым тросом, который тщетно старалась разорвать. Но все же, видимо, и «трос» испытывал огромное напряжение и как будто вытягивался.

И вот случилось, казалось, непоправимое. Медленно-медленно, как улитка, субмарина начала отходить назад. Борьба была решена в пользу Таямы!

— Так нет же! — закричал Ванюшка, поднимаясь на ноги.

Он вдруг подбежал к подводной лодке с быстротой, какая только была возможна под водой. Ему пришла в голову мысль: схватиться за выступы сложенных «крыльев» и, пустив в ход свой гребной винт, тянуть подводную лодку к дому, как упирающегося козла. Он подплыл к лодке, ухватился за нее и начал тянуть. «Ведь там, где противники почти равны, ничтожная прибавка силы может дать одной стороне перевес!» — думал Ванюшка.

Его расчет оправдался: лодка остановилась. Тут на помощь Ванюшке подоспели Волков и Конобеев, которые поняли и оценили его план. Волков схватился за лодку с другой стороны, а Конобеев, уцепившись снизу, потянул субмарину, упираясь огромными ножищами в илистую почву.

«Сложение сил» подействовало. Лодка сначала медленно, а потом со все увеличивающейся скоростью двинулась прямо на Гидрополис.

— Ура-а! — крикнул Ванюшка и в тот же момент был сброшен вместе с Волковым развернувшимися «крыльями» лодки.

Едва ли это было сделано умышленно, крылья, состоящие из металлических кос, полос и крючьев, были развернуты, вероятно, для того, чтобы увеличить сопротивление. Скоро и Конобеев принужден был оставить лодку, которая рванулась вдруг с такой силой, что старик упал. Друзья с ужасом смотрели на этот бешеный прыжок, который мог нанести подводному жилищу страшные повреждения.

Однако случилось нечто неожиданное: на расстоянии каких-нибудь десяти метров субмарина круто повернула боком. Винт остановился, лодка правой стороной пришвартовалась к железной полосе электромагнита и замерла.

— Стоп! Приехали! — крикнул Ванюшка в слуховую трубку Волкова. — Теперь, кафется, крепко влип Таяма!

Все поспешили к подводной лодке. Как бы не веря своим глазам, Ванюшка схватился за крюк, выступающий сбоку лодки, и потянул. Конобеев также ухватился за лодку и начал ее тянуть. Но даже этот геркулес оказался бессильным

сдвинуть ее с места. Лодка держалась так крепко, словно была припаяна к железной полосе.

— Надо отправить радиограмму людям в подводной лодке, — сказал Ванюшка и, пройдя в машинное отделение подводного дома, протелеграфировал:

«Сдавайтесь. Вы в плену, и вам не удастся бежать».

Ответа не последовало. Ванюшка еще раз послал телеграмму, изменив длину волны:

«Гражданину Таяме. Говорит Иван Топорков, служащий подводного совхоза. Сдавайтесь. Телеграфируйте ответ через пять минут, иначе мы взорвем вас вместе с лодкой».

— С ума ты сошел! — вскрикнул Гузик. — Разве можно взрывать подводную лодку? Для того ли я старался?

— Это я фтоб напугать их, — ответил Ванюшка.

Но японцы упорно молчали. Они либо испугались угрозы, либо вовсе не получили радиограммы.

— Значит, не фелают с нами разговаривать, — решил Ванюшка. — Ну что ф, подофдем. Когда у них кислорода не хватит и начнут задыхаться, небось заговорят. Ты, Гузик, слушай, а я пойду посмотрю, что там делается.

И Ванюшка вышел из подводного жилища и подплыл к субмарине.

Если нельзя было видеть, то Ванюшка попытался услышать, что делается в подводной лодке. Зацепившись за крюк, он приложил к стальной стенке конец своей слуховой трубки, как врач, выслушивающий больного. Ему повезло. Металлические стенки субмарины очень хорошо пропускали звуки. Там, по-видимому, происходила довольно бурная сцена. Ванюшка отчетливо слышал возбужденные голоса, о чем-то горячо споривших. Ему даже показалось, что он узнал голос Таямы. Внезапно голоса замолкли. Послышалась глухая возня, как будто там, внутри лодки, что-то перетаскивали или боролись. Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Шум голосов усилился. Неожиданно послышался страшный треск. Револьверные выстрелы?.. Потом долго говорил один голос, как будто убеждавший. И снова возня, а вслед за нею — мертвая тишина.

Неожиданно кто-то тронул Ванюшку за ногу. Внизу под ним стоял Гузик с зажженным фонарем на голове и жестом приглашал Ванюшку сойти вниз. «Наверное, телеграмма получена».

Ванюшка не ошибся. Гузик сказал, что от Таямы получен ответ. Таяма сдается.

Глава 31

ХАРАКИРИ

Яркие лучи утреннего солнца заливали спокойную гладь океана, когда подводная лодка Таямы поднялась на поверхность. Волков, Конобеев и Масютин с четырьмя водолазными костюмами для пленного экипажа взобрались на мостик субмарины. Люк открылся, и друзья увидали белую чалму огромных размеров. Короткая толстая фигура с видимым трудом поднялась на мостик — человек средних лет с характерным японским лицом, одетый в белый морской костюм. То, что все приняли за чалму, оказалось неумело сделанной повязкой, сквозь ткань просачивалась кровь.

— Однако Таяма! — вскрикнул Конобеев. — Паразит проклятый!

Волкову пришлось тронуть Конобеева за руку, чтобы привести в себя.

— Макар Иванович, не теряйте головы! — внушительно сказал Волков.

Но Конобеев ничего не слышал. Старик положил на площадку пару принесенных водолазных костюмов и, не спуская с Таямы глаз, начал протягивать к нему страшные огромные ручищи с узловатыми, поросшими волосами пальцами. А Таяма, бледный, с опухшим, болезненным лицом, стоял неподвижно и смотрел куда-то в пространство. И только когда рука Конобеева придвинулась совсем близко, Таяма, не изменяя неподвижности тела, сделал правой рукой молниеносное, короткое движение: средним и большим пальцем он сжал руку Конобеева у кисти. Макар Иванович — лесной великан, таежный зверь, который умел молча

и спокойно переносить удары медвежьей лапы, срывающей кожу вместе с мясом, — вдруг завопил так, что его услышали на берегу.

Таяма, как будто ужалив, принял руку и вновь стоял неподвижно. Рука Конобеева упала вниз, как плеть. Старик уже не кричал, но смотрел на врага с безграничным удивлением. Масютин и Волков невольно улыбались. Они поняли, что произошло. Таяма применил один из приемов джиуджитсу, доказав лишний раз, что ловкость, тренировка и умение побеждают грубую силу.

— Я требую, — сказал Таяма по-русски, воспользовавшись паузой, — чтобы меня, как пленного, оградили от оскорблений.

Волков внушительно посмотрел на Конобеева, а тот, растирая левой рукой правую, глухо проворчал:

— Однако ладно уж! Семь бед — один ответ!

— Следующий! — крикнул Волков в отверстие люка. На площадку поднялся новый пленник. На этот раз не только Конобеев, но и Волков вскрикнул от удивления. Перед ними с застывшей улыбкой каменного изваяния стоял Цзи Цзы. Он был в своем обычном корейском костюме. Правую руку держал на перевязи.

— Однако ты как сюда попал? — спросил его Конобеев. — Изменил нам? На сторону Таямы передался? Не твои ли это с водопроводом проделки были? Ну, подожди, ужотко повесим тебя на одном суку с Таямой!

— Эй, эй! — крикнул кто-то снизу в люк и произнес несколько слов на японском языке.

Волков нагнулся, посмотрел вниз и увидал, что человек в рабочем костюме поднимает на руках безжизненное тело матроса. Волков и Масютин извлекли это тело на площадку подводной лодки. Молодой японец-матрос был еще жив. Но на его груди сквозь разорванную рубашку виднелась рана, нанесенная холодным оружием. Нечего было и думать о том, чтобы такого тяжело раненного отправлять в Гидрополис. Волков вызвал с берега шлюпку, на которой раненого осторожно доставили на берег и поместили в больницу.

Последним поднялся на мостик молодой японец в рабо-

чем замасленном костюме, с черными как смоль, короткими волосами и энергичным лицом. Он протянул руку Волкову и, приветливо улыбаясь, сказал на ломаном русском языке:

— Здравствуйте, товарищ!

Волков пожал ему руку и начал расспрашивать, но японец уже истощил свой запас русских слов и только беспомощно разводил руками. Затем он закрыл крышку люка, надел водолазный костюм и отправился вместе с Волковым и Масютиным в Гидрополис.

Таяму и Цзи Цзы конвоировали Ванюшка и Конобеев.

* * *

За большим круглым столом в библиотеке-читальне Гидрополиса собрались подводные совхозники, чтобы допросить пленных.

Первым — через переводчика — давал показания механик. По его словам, никто из экипажа подводной лодки не мог понять, почему она вдруг начала отклоняться от своего пути.

— Я, признаться, и теперь не понимаю, что случилось и какая невидимая сила притянула подводную лодку, как магнитом, к вашему подводному жилищу, — откровенно сознался механик.

Гузик самодовольно улыбнулся. Его авторское самолюбие было удовлетворено.

— В ваших словах вы сами даете ответ на вопрос, — сказал он японцу-механику и охотно рассказал ему об электромагните.

— Что же было дальше? — спросил Ванюшка, с нетерпением ожидавший конца объяснений Гузика.

— Мы не знали причины, но мы видели, — продолжал механик, — что лодка идет не туда, куда мы направляем ее, и мы поступали так, как если бы она попала в стремительный поток. Ничего не помогало. Мы не могли выбраться из этого заколдованного места и в конце концов...

— Влипли! — не утерпел Ванюшка.

— Влипли, — перевел переводчик.

— Влипли, — улыбаясь, кивнул головой механик. — И вот тут-то, — продолжал он рассказ, — в подводной лодке разыгрались страсти. Когда были получены телеграммы Топоркова, Таяма, взывая к нашему патриотизму, заявил, что он предпочитает взорвать лодку и погибнуть вместе с нею и нами, чем сдаться. «Надеюсь, — сказал он, обращаясь к нам, — что вы вполне согласны со мной!» Но тут его ждало разочарование. Я знал, что не из одного патриотизма и национальной гордости Таяма решается на такое героическое средство. Уничтожить подводную лодку ему было необходимо, чтобы не скомпрометировать многих лиц. Частенько гостями нашей подводной лодки были люди в штатском, но... с весьма военной выправкой. Капиталистические круги Японии с большой тревогой и неудовольствием смотрят на быстрый рост колонизации советского Дальнего Востока и на начавшуюся усиленную эксплуатацию естественных богатств. Немудрено, что Таяма, много лет промышлявший у ваших берегов, старался всеми силами уничтожить подводный совхоз. Чтобы получать нужные сведения и причинять мелкий вред, он подкупил одного из ваших служащих...

— Цзи Цзы? — спросил Волков.

Механик утвердительно кивнул головой и продолжал:

— С какою осторожностью и тщательностью Таяма подбирал штат своих служащих! И все же он проглядел опасность; в самой подводной лодке оказались: один коммунист — это я — и один сочувствующий — раненый матрос, который в решительную минуту перешел на мою сторону, на нашу сторону, на нашу сторону!

Ванюшка тряхнул головой и промолвил:

— Здорово, фут возьми!

— Когда Таяма приказал взорвать подводную лодку, — продолжал механик, — я заявил, что отказываюсь исполнить его приказания и не допущу, не позволю взорвать ее. Услышав мои слова, Таяма взбесился: «Вы не позволите? — тихо переспросил он меня. — Что это, бунт?» — «Да, это бунт», — ответил я. Таяма заскрипел зубами, посмотрел на остальных и, очевидно, решил сразу выяснить положение. «Ты со мною, Цзи Цзы?» — спросил он корейца. Цзи Цзы

утвердительно кивнул головой. «А ты?» — обратился он к матросу. Матрос посмотрел на меня, на Таяму и не колеблясь ответил: «Я не оставлю товарища!» — и указал на меня. Тогда, выхватив неожиданно нож, Таяма, как тигр, бросился на матроса и нанес ему рану в грудь. Матрос упал. В ту же минуту сильным ударом мне удалось выбить из руки Таямы нож и отбросить его далеко; затем я бросился к машине, схватил спрятанный за нею револьвер и выстрелил в Таяму, ранив его в голову; следующим выстрелом я ранил в руку Цзи Цзы.

— Скажите, — перебил механика Ванюшка, — а почему вы не взорвали подводное жилище миной, а протаранили его?

Японец пожал плечами.

— Я думаю, — отвечал он, — что Таяма не хотел употреблять слишком... военных способов войны. Если только он захочет отвечать, от него вы можете получить ответ на ваш вопрос.

Волков спросил механика, как его зовут, и затем сказал:

— Товарищ Хокусаи! Наш допрос — неофициальный. Виновных мы предадим законному суду. Но уже теперь можно сказать, что даже среди обвиняемых вы не окажетесь. — Волков поднялся и крепко пожал руку механика. — А теперь, — продолжал Волков, — пройдите в столовую, хорошенько отдохните и позавтракайте.

Раненый матрос, которого допрашивали в больнице, подтвердил все показания механика. Цзи Цзы также довольно верно описал весь ход событий в подводной лодке. Но, когда его спросили, как он попал к Таяме и что там делал, кореец заявил с напускным спокойствием:

— Я — человек свободный. У кого хочу, у того и служу. А кому служу, тому и ответ даю.

— Ну вот подожди, ты не то запоешь, когда тебе придется давать ответ перед судом, — сказал Ванюшка.

Остался недопрошенным только Таяма. Его показания должны были открыть много интересного. С тех пор как привели его в подводное жилище, он уселся в угол прямо на

полу и, низко опустив голову, сидел неподвижно, как японская статуя.

Волков сказал Ванюшке, чтобы он сходил к Таяме и привел его на допрос. Ванюшка, взяв конвойных, отправился исполнять это поручение. Широко открыв дверь комнаты, он громко крикнул:

— Гражданин Таяма! На допрос!

Таяма продолжал сидеть неподвижно. Ванюшка еще громче повторил свой приказ. Таяма немного приподнял голову, посмотрел на Ванюшку, неожиданно громко произнес несколько японских слов нараспев. Вдруг Ванюшка заметил в правой руке Таямы довольно большой блестящий нож с широким лезвием. Как Таяма умудрился спрятать его? Ванюшка бросился к Таяме, желая обезоружить его, но было уже поздно. Таяма быстро и хладнокровно занес нож с левой стороны внизу живота, вонзил по рукоять и быстрым движением разрезал живот слева направо с такой ловкостью, как будто харакири было для него самым обычным делом. Поток крови залил пол. Таяма с некоторым недоумением смотрел на кровь несколько мгновений, потом медленно упал лицом вперед...

Впоследствии, когда Ванюшка, поинтересовавшись, спросил у китайца-конвоира, который знал японский язык и присутствовал при харакири, что сказал Таяма перед смертью, китаец ответил:

— Таяма сказал: «Когда из четырех японцев двое оказываются коммунистами и когда измена проникает в собственный дом, не надо больше жить».

Глава 32

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Подводное жилище освещено внутри так, что глазам больно. Все усаживаются за длинный стол. Волков избирается председателем. Он встает и говорит:

— Товарищи, несколько дней назад наше торжественное заседание было прервано по не зависящим от нас причинам. — Волков повысил голос: — Заседание продолжает-

ся, товарищи! И теперь, надеюсь, никто не прервет его, и никто больше не помешает нашей работе. — Послышались аплодисменты; и горячее других аплодировали два японца — механик с подводной лодки и матрос, который настолько уже поправился, что врач разрешил ему присутствовать на празднике. — Повестка остается прежней! Слово принадлежит товарищу Елене Пулковой.

Гости — многочисленные представители различных цехов совхоза — с интересом прослушали рассказ Пулковой.

Вслед за Ванюшкой выступил Волков с докладом об основании и развитии подводного совхоза.

— Товарищи! — начал он, обращаясь к гостям — рабочим и служащим. — Многие из вас уже застали существующим и Гидрополис, и химические заводы, и склады, и многочисленные постройки на берегу. Но вот посмотрите, что здесь было еще совсем недавно. — Волков показал на фотографию, висящую на стене. — Вы видите этот дикий, нетронутый, первобытный уголок природы? На этом самом месте товарищу Топоркову, Конобееву и мне пришла впервые мысль заняться сбором и эксплуатацией подводных водорослей. Там, где только дикие птицы нарушали своими криками тишину, зазвучали фабричные гудки.

На том месте, где искали мы звериные следы, возвышаются теперь здания заводов, складов и домов-коммун. То, что вы видите здесь, повторяется и на Северном Сахалине и на Камчатке. Всюду мы начинаем побеждать дикую стихию и овладевать несметными богатствами океана и недр земли. Мы боремся с климатом, с бурями, с природой. Мы боремся с вредителями — с мелким зверьем, вроде Цзи Цзы, и с такими крупными хищниками, как Таяма. И мы побеждаем, и мы победим! Смотрите, что сделали мы на нашем фронте!

И Волков, указывая на диаграммы, графики и планы, начал говорить о том, как постепенно расширялась площадь подводного совхоза по береговой линии на юг и север и как завоевывались все новые подводные плантации, как увеличивалась добыча водорослей, как вырастали заводы, как рос экспорт, как расширялось применение водорослей в различных областях химической промышленности...

Его доклад продолжался около двух часов и был прослушан всеми с большим вниманием.

— Позвольте мне сделать маленькую информацию, — сказал Масютин, поднимаясь со стула. И ученый сделал интересное сообщение о том, что ему удалось найти в водорослях ванадий, который употребляется в технике для придания стали особой крепости. — Но это еще не все. Самое интересное я приберег под конец. Помните, я говорил о том, что дно океана может содержать полезные ископаемые, как и прочие недра земли? Представьте себе, я нашел — и совсем недалеко от Гидрополиса — пласты чудеснейшего каменного угля, который выходит прямо на поверхность океанского дна.

Все захлопали в ладоши и начали поздравлять Масютина.

— А теперь, товарищи, под музыку можно и поужинать! Мы сегодня хотим угостить всех собравшихся двенадцатью блюдами, приготовленными из морской капусты. Это бенефис Марфы Захаровны и Пунь.

— Нет, позвольте! Прошу еще не закрывать официального заседания, — перебил Ванюшку Масютин. — Когда мы собрались в прошлый раз, то, помнится, наглое вторжение Таямы прервало на самом интересном месте какое-то внеочередное сообщение товарища Топоркова. Я думаю, мы все заинтересованы в том, чтобы наш милый Ванюшка окончил это прерванное сообщение.

— Просим! Просим! — послышались голоса, и все выжидательно смотрели на Ванюшку. Он чуть-чуть покраснел, отмахнулся рукой, как от мухи, но, вынуждаемый общими просьбами, принужден был подняться.

— В такой торфественный день о такой мелочи не стоило бы и говорить. Дело маленькое, личное, так сказать. Ну уф, если вы хотите, скафу...

Ванюшка ткнул себя указательным пальцем в грудь, потом показал тем же пальцем на сидящую против него Пулкову и сказал кратко:

— Фенюсь.

Комментарии

БОРЬБА В ЭФИРЕ

В первоначальном варианте, как небольшая повесть «Радиополис» — в № 1—9 за 1927 год журнала «Жизнь и техника связи». Доработанный и расширенный вариант, уже как роман «Борьба в эфире», — в авторском сборнике «Борьба в эфире» (М.; Л.: Молодая гвардия, 1928).

Сразу после выхода роман был подвергнут суровой критике и по существу запрещен к переизданию, хотя по форме представлял вполне «традиционную» коммунистическую утопию. Но это не совсем так. Беляев (вольно или невольно) написал роман-буфф, пародию на штампы коммунистических утопий. Мир будущего «Борьбы в эфире» — это не только мир технических чудес, это мир, где существуют два враждебных друг другу социально-политических лагеря: Советская Европа и последний оплот загнивающего капитализма — Америка. Янки в изображении Беляева выглядят, мягко говоря, карикатурно: маленькие, заплывшие жиром, лысые и с большими головами. Однако и представители «коммунистического лагеря» обрисованы не лучше: хлипкие, лысые уродцы. Так что неудивительно, что роман оказался на долгие годы под «негласным» запретом, превратившись в библиографический раритет.

Зато особый интерес в годы «холодной войны» проявили к роману советского фантаста американские издатели. По некоторым сведениям, роман вышел на английском языке по рекомендации... спецслужб США! Еще бы, ведь в книге впервые была описана война с Америкой. А американский читатель должен знать, какие технологии может использовать «Империя Зла» в вероятной войне против «Свободного мира».

В 1967 году в 22-м номере журнала «Радио и телевидение» был опубликован маленький фрагмент из книги. Но в полном объеме роман «Борьба в эфире» вернулся к читателю лишь в перестроечные годы — в сборнике «Последний человек из Атлантиды» (1986). Позднее еще дважды выходил — в сборниках «Борьба в эфире» (Пермь, 1991) и «Небесный гость» (2001).

Роман смело можно назвать Каталогом научных и научно-фантастических идей. Достаточно упомянуть, что в «Борьбе в эфире» А. Р. Беляев одним из первых в мировой фантастической литературе описал андроида — синтез живого человека и машины. А по числу прозорливых научных предсказаний «Борьба в эфире» занимает первое место среди беляевских произведений: электронные музыкальные инструменты синтезаторы (электроорганы), мобильные радиотелефоны, видеотелефоны, воздушные аппараты с вертикальным взлетом, высотная обсерватория, радиочасы, передача факсимильных изображений по радио, ракетные стратосферные корабли, телевидение с центральной фильмотекой, гироскопическая стабилизация летательных аппаратов, видеокарта, радиокомпас, операция по устранению близорукости, пластическая хирургия, электромассажеры, средство для уничтожения волос, освещение бактериями, телеобщение, светомузыка, автоматизированные боевые машины, машины-мосты, производство искусственных драгоценных камней, звуковое оружие, атомная бомба, развитие атомной энергетики и т.д. и т.д.

ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ

Впервые — в авторском сборнике «Борьба в эфире» (М.; Л.: Молодая гвардия, 1928) вместе с романом «Борьба в эфире», рассказами «Ни жизнь, ни смерть», «Над бездной» и очерком «Фантастика и наука». При жизни писателя больше не переиздавалась. Начиная с 1956 года часто включалась в сборники и собрания сочинений А. Р. Беляева.

В увлекательной, почти детективной форме в этой по-

вести фантаст обращается к актуальной и для дня сегодняшнего теме поиска выхода из продовольственного кризиса. Кроме того, здесь впервые была «озвучена» мысль, с охотой позже подхваченная западными фантастами и, увы, тоже актуальная для современного мира: сколь опасно неконтролируемое использование искусственных микроорганизмов.

ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРЯВШИЙ ЛИЦО

Впервые — в № 19—25 за 1929 год ленинградского журнала «Вокруг света». В 1958 году роман был включен в сборник «Остров Погибших кораблей» (М.: Детгиз). С тех пор публиковался неоднократно.

По собственному признанию писателя, идею романа ему подсказал некий эндокринолог, испанец по национальности. Однако имени своего случайного знакомого А. Беляев так и не назвал. Роман продолжает любимую тему фантаста — «преобразование человеческого тела» и, шире, биологической революции. Как и во многих других произведениях, в этом романе Беляев опирался на исследования современных ученых, в данном случае — физиологов. У одного из центральных персонажей романа — доктора Сорокина — был реальный прототип: это известный ученый-физиолог С.А. Воронов (1866—1951), получивший широкую известность благодаря своим опытам по омолаживанию.

В конце 1930-х годов Беляев вернулся к сюжету романа, написав его неявное продолжение (а по существу иной вариант развития событий) — «Человек, нашедший свое лицо» (1940). Так же к этой дилогии тематически (и, косвенно, сюжетно) примыкает рассказ «Мистер Смех» (1937).

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

Роман был написан в 1928 году, когда А. Р. Беляев с семьей недолгое время жил в Ленинграде. Впервые напечатан в № 4—13 за 1929 год московского журнала «Вокруг света». Первая книжная публикация — в составленном первым биографом А. Р. Беляева и «реаниматором» творческого наследия писателя Б. В. Ляпуновым двухтомнике «Избранные научно-фантастические произведения» (М.: Молодая гвардия, 1956). С тех пор роман неоднократно переиздавался. В 1967 году роман был экранизирован — одноименный двухсерийный телефильм, снятый Одесской киностудией (режиссер В. Рябцев) с Е. Жариковым, П. Кадочниковым, Г. Ниловым, Г. Стриженовым и В. Титовой в главных ролях.

По форме — это типичный для тех лет «шпионский» приключенческо-фантастический роман о заговоре мирового капитала против человечества. Однако, благодаря умело выстроенной интриге, динамичному сюжету и нетривиальным научным идеям, роман ничуть не утратил своей увлекательности и для сегодняшнего читателя.

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Впервые — в № 2 за 1929 год журнала «Борьба миров». Первое переиздание повести состоялось лишь в 1962 году (в сборнике «Капитан звездолета» Калининградского книжного издательства). С тех пор повесть несколько раз выходила в сборниках писателя.

Не самая известная повесть писателя-фантаста. Между тем в ней едва ли не впервые поднята тема использования внутриатомной энергии. Также, отталкиваясь от идей выдающегося русского ученого, основателя Харьковского университета В. Н. Каразина (1773—1842), А. Беляев развил в повести еще одну интересную идею (на этот раз так и оставшуюся научно-фантастической) — «утилизация» атмосферного электричества.

Некоторые исследователи творчества А. Р. Беляева рассматривают (отчасти обоснованно) приключенческую НФ-повесть «Золотая гора» как своеобразную литературную полемику с романом английского писателя Артура Конан Дойла «Открытие Рафалза Хоу».

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

ПОДВОДНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Впервые — в № 9—23 за 1930 год московского журнала «Вокруг света». В 1958 году роман был переиздан в сборнике «Остров Погибших кораблей» (М.: Детгиз). С тех пор роман неоднократно публиковался.

Роман был написан и опубликован в сложный период не только страны (начало сталинизма, закручивание гаек во всех сферах жизни), но и всей советской научной фантастики: в 1930 году фантастические произведения в «массовом порядке» стали исключать из планов издательств, журналы, ориентированные на фантастику и приключения, закрывались. Наступила «черная полоса» и в жизни, и в творчестве главного фантаста того времени А. Р. Беляева. Его практически перестали печатать. В «Подводных земледельцах» нет уже былой романтики приключений в экзотических странах. Но тем не менее здесь хватает романтики научного поиска — тема создания подводного совхоза для фантастики тех лет не была такой уж «скучной» и затертой. Хотя, конечно, в романе при желании можно усмотреть попытку писателя «соответствовать», откликнуться на советское «ноу-хау» — тотальную коллективизацию и создание колхозов. По существу, этот роман стал невольным родоначальником идеологически правильного направления советской НФ — так называемой «фантастики ближнего прицела», где во главу угла ставились не динамичный сюжет и яркость художественных образов, а научная (точнее даже инженерная) идея, осуществление которой возможно в самом ближайшем будущем (желательно в текущей пятилетке). И все-таки А. Р. Беляев был слишком яркой личностью с неуемной фантазией, поэтому даже такую, казалось бы, наивную и «неинтересную» тему, как выращивание овощей в подводном хозяйстве, он сумел облечь в увлекательную, «читабельную» форму. И мы смело можем утверждать: даже в условиях «литературной засухи» А. Р. Беляев написал классический научно-фантастический роман в традициях Жюля Верна.

Евгений ХАРИТОНОВ

Содержание

БОРЬБА В ЭФИРЕ. *Роман* 5
ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ. *Роман* 105
ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРЯВШИЙ ЛИЦО. *Роман* 173
ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА. *Роман* 259
ЗОЛОТАЯ ГОРА. *Роман* 395
ПОДВОДНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ. *Роман* 445

Е. Харитонов. Комментарии 602